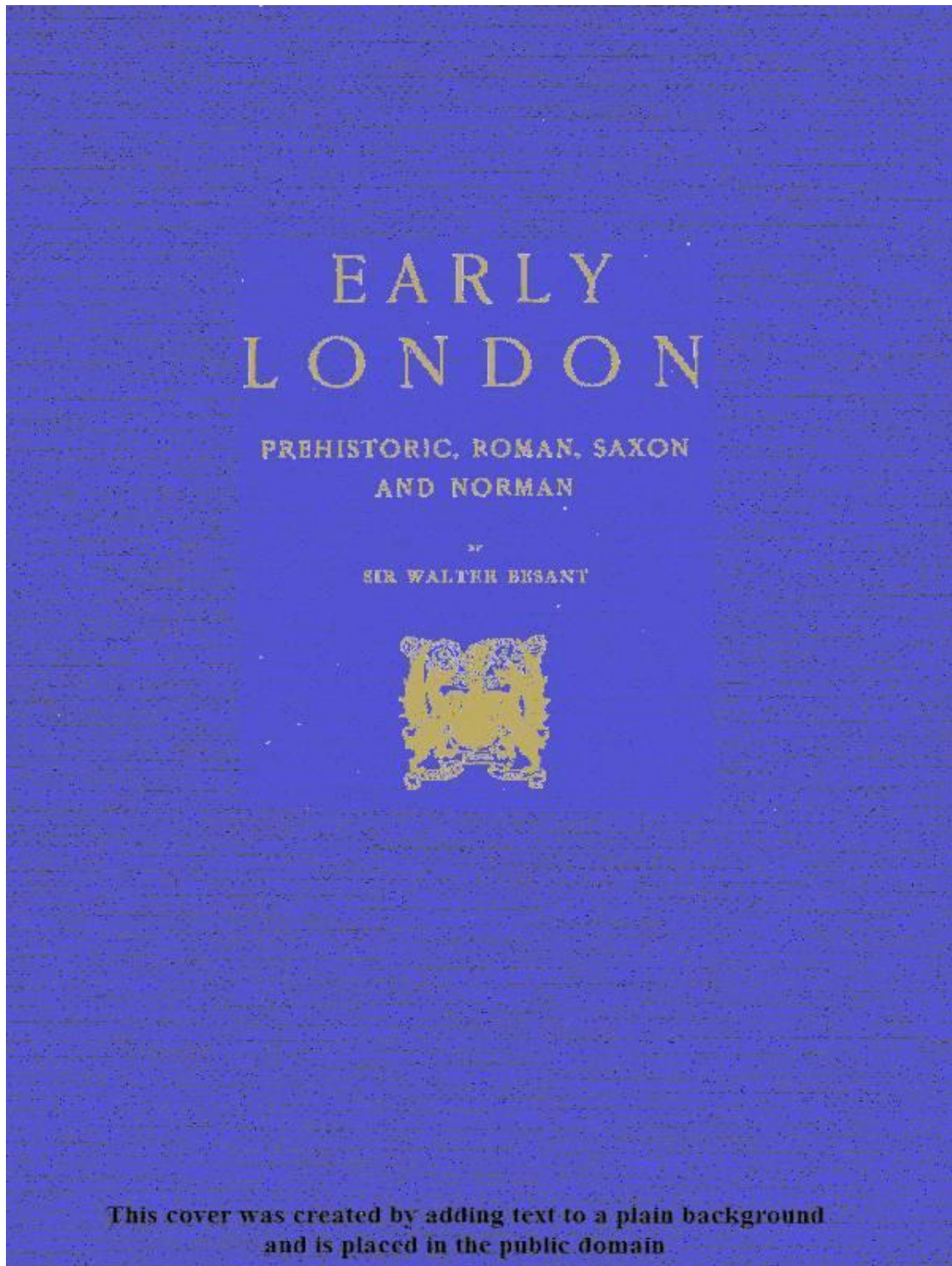

Ранний Лондон. Доисторический, римский, саксонский и нормандский периоды

Уолтер Безант

The Project Gutenberg eBook of Early London: Доисторический, римский, саксонский и нормандский.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях Лицензии проекта "Гутенберг", прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Ранний Лондон: Доисторический, римский, саксонский и нормандский

Автор: Уолтер Безант

Дата выхода: 28 марта 2018 [eBook #56865]

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Крисом Курноу, Лесом Галлоуэем и командой Online Distributed Proofreading Team at <http://www.pgdp.net> (This файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных Интернет-архивом)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГА ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА РАННИЙ ЛОНДОН: ДОИСТОРИЧЕСКИЙ, РИМСКИЙ, САКСОНСКИЙ И НОРМАНДСКИЙ ***

В КОМПЛЕКТЕ С ЭТИМ ТОМОМ

ЦЕНА 30/НЕТТО ЗА ШТУКУ

ЛОНДОН

ВО ВРЕМЕНА ТЮДОРОВ

Со 146 иллюстрациями и репродукцией карты Агаса, изображающей Лондон в 1560 году.

"Для студента, а также для тех случайных читателей, которых редкое очарование Лондона привлекает к чтению ее страниц, эта книга будет иметь ценность и очарование, не превзойденные ни одним из ее предшественников" - Pall Mall Gazette.

"Яркая и увлекательная картина жизни Лондона XVI века - картина романиста, полная жизни и движения, но с точными деталями антикварного трактата" - Contemporary Review.

ЛОНДОН

ВО ВРЕМЕНА СТЮАРТОВ

Со 116 иллюстрациями и репродукцией карты Огилби, изображающей Лондон в 1677 году.

"Это шахта, в которой студент, изучающий как топографию, так и нравы и обычаи, может копать и копать снова с уверенностью найти что-то новое и интересное" - The Times.

"Перо готового писателя здесь бегло; картина не нуждается в полноте. Записи города и королевства были перерыты в поисках фактов и документов, и они собраны с непревзойденным мастерством" - "Пэлл-Мэлл Газетт".

ЛОНДОН

В ВОСЕМНАДЦАТОМ ВЕКЕ

Со 104 иллюстрациями и репродукцией карты Лондона 1741-5 годов, выполненной Рокком.

"Книга увлекательна, а ее манера изложения восхитительна" - The Times.

"Фактами и цифрами, подобными этим, эта ценная книга будет полна до краев, и поэтому она рассчитана на то, чтобы заинтересовать всех типов читателей, от студента до дилетанта, от романтика в поисках материала до самого жадного изучающего "сиськи-письки"" - "Атенеум".

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ЛОНДОН

VOL. I. HISTORICAL AND SOCIAL

Со 108 иллюстрациями, в основном с современных гравюр.

VOL. II. ЦЕРКОВНАЯ

Со 108 иллюстрациями, в основном с современных гравюр.

"Книга одновременно точна и жива в своих изложениях; в ней нет ни одной неряшливой страницы - везде присутствует ощущение движения и цвета, а также очарование, присущее живой картине."-Standard.

"Поражает восхитительная группировка, последовательность и порядок работы на протяжении всей книги, и ни в одном случае не больше, чем в этой последней части."-Pall Mall Gazette.

Обзор Лондона

РАННИЙ ЛОНДОН

АГЕНТСТВО

Америка	Компания Макмиллан 64 и 66 Пятая авеню, Нью-Йорк
Австралазия	Издательство Оксфордского университета, Мельбурн
Канада	The Macmillan Company of Canada, Ltd. 27 Ричмонд-стрит Уэст, Торонто
Индия	Макмиллан и компания, Лтд. Макмиллан Билдинг, Бомбей 309 Боу Базар Стрит, Калькутта

КОРОЛЬ ЭДГАР ПОКЛОНЯЕТСЯ СПАСИТЕЛЮ
Веспы. MS. A VIII.

РАННИЙ ЛОНДОН: ДОИСТОРИЧЕСКИЙ, РИМСКИЙ, САКСОНСКИЙ И НОРМАНДСКИЙ

СЭР УОЛТЕР БЕЗАНТ

ЛОНДОН
АДАМ И ЧАРЛЬЗ БЛЭК
1908

СОДЕРЖАНИЕ

КНИГА I

ДОИСТОРИЧЕСКИЙ ЛОНДОН

ГЛАВА.		СТРАНИЦА
1.	Геология	3
2.	Участок	17
3.	Древнейшие жители	33

КНИГА II

РИМСКИЙ ЛОНДОН

1.	Приход римлян	53
2.	Римское правление	57
3.	Аспекты города	79
4.	Остатки римского Лондона	95
5.	Строительство стены	112
6.	Лондонский мост	128
7.	Лондонский камень	133
8.	Опустошение города	135

КНИГА III

ЛОНДОНСКИЙ САКСОН

1.	Приход саксов	153
2.	Ранняя история	161
3.	Датчане в Лондоне	169
4.	Вторая саксонская оккупация	176
5.	Вторая датская оккупация	190
6.	Город и люди	196
7.	Остров Торни	231
8.	Саксонские останки	243

КНИГА IV

НОРМАНН ЛОНДОН

1.	Вильгельм Завоеватель	249
2.	Книга Судного дня	262
3.	Уильям Руфус	272
4.	Генрих I.	275
5.	Хартия Генриха I.	279
6.	Стивен	289
7.	Фиц-Стефан Летописец	301
8.	Улицы и люди	321
9.	Социальная жизнь	337
10.	Нормандская семья	345

ПРИЛОЖЕНИЯ

1.	Набережная реки	351
2.	Открытия на берегу реки	353
3.	Страйп о римских останках	356
4.	Саркофаг Клэптона	361
5.		363

ИНДЕКС	365
--------	-----

ИЛЛЮСТРАЦИИ

	СТРАНИЦА
Король Эдгар с поклонением Спасителю	<i>Фронтиспис</i>
Геологическая карта местности	7
Статуи короля Луда и двух его сыновей, Андрогей и Теоманта	19
Болота раннего Лондона	25
Боковая часть купели, церковь Ист-Меон, Хэмпшир	36
Боковая часть купели, церковь Ист-Меон, Хэмпшир	37

Оффа, в которого вкладывают шпоры	39
Лучник	42
Фигуры, воссозданные по древней одежде и останкам, найденным в болоте	43
Фигуры на дереве в Вобурне в Бакингемшире, предположительно представляющие странствующих каменщиков	45
Тротуар перед алтарем часовни настоятеля в Эли	49
Статуя римского воина, найденная в бастионе Лондонской стены	58
Римская рукоять ножа - фигура возницы, бронза	60
Караузий	61
Морской бой	66
Гробница Валерия Амандина (римского полководца)	67
Крышки гробов, найденные в Лондоне	71
Бронзовая римская лампа найдена на Кэннон-стрит	75
Метод погребения мертвых	77
Ворота Доу	79
Тесселированная мостовая	81
Римские сандалии, снятые с русла Темзы	89
Лаконикум, или потогонная баня	90
Тесселированная мостовая	91
Римские дороги, отходящие от Лондона	93
Римский алтарь Дианы, найденный в Сент-Мартинс-ле-Гранд	95
Римская баня, Стрэнд-Лейн	97
Римские древности, найденные в Лондоне, 1786 год	101
Римский Лондон	102
Статуэтки римских божеств	103
Римский могильный камень, найденный в Ладгейте сэром Кристофером Реном	107
Римская статуя, найденная в Бевис Маркс	108
Римские древности, найденные в Лондоне в 1786 году	109
Римские останки, найденные в бастионе Лондонской стены	113
Римская арка, Лондонская стена	122
Корабль	126
Англосаксонский воин	<i>Лицо</i> 136
Древняя медная чаша, найденная в Лотбери	138
Ковчег	142
Король и придворные	146
Группа англосаксонских копьеносцев	154
Григорий Великий, святой Бенедикт и святой Катберт	156
Дама в колеснице	157
Семейная жизнь	159

Aelfwine	161
Коронация короля	162
Альдхельм представляет "De Virginitate" Хильделиде, аббатисе Баркинга, и ее монахиням	<i>Лицо</i> 162
Король Этельбальд	164
Король в постели	166
Гибель на глубине	167
Рабы в ожидании домашнего очага	171
Гутлак, унесенный дьяволами	172
Саксонские менестрели	174
Игра в шашки	175
Драгоценный камень Альфреда (реверс) Драгоценный камень Альфреда (avers)	177
Страница из Евангельской книги, подаренной Отто I. Ательстану, внуку Альфреда Великого; на ней англосаксонские короли приносили коронационную присягу	178
Из "Орозия" короля Альфреда	179
Король Кнут и его королева Эмма возлагают крест на алтарь в Ньюминстере (Винчестер)	181
Король принимает депутацию	183
Англосаксонские воины приближаются к форту	185
Бой	186
Схема канала	188
Дворец короля Эдуарда Исповедника в Борстале (Брилл)	193
A Solar	196
Строительство дома	197
Октябрь. Хокинг	198
Банкет	199
Саксонские дамы	201
Саксонский рог	202
Купцы с лошадьми и верблюдами	203
Банкет	205
Аббатство Гластонбери	206
Англосаксонские монахини	207
Принятие пострига	208
Погребение	209
Саксонская церковь в Гринстеде	211
Св. Дунстан	213
Последний день	<i>Лицо</i> 214
Англосаксонские способы наказания	216

Порка раба	216
Трое мужчин в постели	218
Мать и дитя	219
Черпание воды	220
Святой Лука, из книги Евангелий святого Чада, дата около 700 г. н.э.	221
Англосаксонский муж и его жена	223
Кормление голодных	225
Погоня	226
Ястреб наносит удар	226
Пиршество	227
Англосаксонский дом	229
Положение Вестминстера	231
Святой Дунстан у ног Христа	233
Монахи	235
Знаменитая "Книга Келлс", написанная на латинском языке в Ирландии (650-690 гг. н.э.)	237
Руд над южной дверью церкви Степни	239
Часовня Эдуарда Исповедника	241
Древний эмалированный оуч из золота, обнаруженный возле Даугейт Хилл; вероятно, девятый век	243
Древняя расческа, найденная в руинах женского монастыря Иклтон	244
Герцог Уильям приезжает в Певенси	249
Король Гарольд участвует в поединке сражающихся мужчин	251
Хартия Лондонского Сити, данная Вильгельмом Завоевателем	252
Нормандский рыцарь	253
Нормандские всадники	255
Гарольд пытается вытащить стрелу из своего глаза	255
Нормандские лучники	255
Вильгельм Завоеватель и его рыцари (с гобелена Байе)	257
Епископы	258
Печать Одо, епископа Байе, сводного брата Вильгельма I.	259
Часть страницы Книги Судного дня	263
Вильгельм I. и II., Генрих I. и Стефан	Лицо 264
Нормандские солдаты	267
Нормандский Лондон	269
Норманнские капители из Вестминстерского зала	273
Печать святого Ансельма	275
Норманнская арка в клуатрах Вестминстерского аббатства	Облицовка 276
Коронация Генриха I.	279

Старинная печать Роберта, пятого барона ФицУолтера	281
Церковь Темпл	283
Схватка	291
Костюм английских королей XI века. Англо-нормандские дамы высокого ранга	Лицо 292
Часовня Святого Иоанна, Лондонский Тауэр, нормандская архитектура	295
Март. Полевые работы. Сентябрь. Охота на кабана	303
Матрона и служанка	305
Всадник	308
Наклонная	313
Наклоны в лодках	314
Танцующий	315
Погоня	317
Белая башня	319
Изображение Ориона	322
Ремесленник за работой над домом	323
Лондонская стена	325
Нормандский зал	327
Три епископа	329
Строительство дома	Облицовка 338
Семейная группа	339
Дама спасает оленя от охотников	341
Саксонский дверной проем, церковь Темпл	343

КНИГА I

ДОИСТОРИЧЕСКИЙ ЛОНДОН

ГЛАВА I

ГЕОЛОГИЯ

Профессор Т. Г. Бонни, Ф.Р.С.

Городские здания часто маскируют незначительные физические особенности местности: неровности выравниваются, ручьи прячутся под арками и находят бесславный конец в канализационных трубах; каналы, набережные и террасные стены могут быть полностью искусственными. Полное воссоздание первоначальных очертаний земли часто является

трудоемким процессом, требующим индуктивных рассуждений на основе данных, полученных при прокладке колодцев, рытье фундаментов крупных зданий, прокладке просек и туннелей. И все же более широкие и смелые черты не могут быть скрыты, каким бы толстым ни был слой каменной кладки. Каковы же они в случае Большого Лондона? Его местоположение - широкая долина, по дну которой серпантинном извивается приливная река, расширяя и углубляя свое русло по направлению к морю. По обеим сторонам этой долины земля склоняется вверх, хотя некоторое время очень полого, к холмистой местности, которая поднимается, иногда довольно круто, на высоту около 400 футов над уровнем моря. На севере этот район переходит в волнистое плато - меловые возвышенности Хартфордшира; на юге он заканчивается более резко очерченным хребтом, который иногда достигает высоты около 800 футов над уровнем моря - Норт-Даунс. Возвышенность немного понижается, долина расширяется в сторону моря, а река превращается в эстуарий. Между ними нет жесткого и быстрого разделения; земля у каждого из них низкая, но, как правило, у реки она достаточно высокая, чтобы быть естественно пригодной для возделывания, а у устья - болотистая. Но по мере того, как земля становится более соленой, русло становится все более мелким, и в одном месте, на небольшом расстоянии выше впадения притока с севера - Лии, - это изменение характера долины происходит немного быстрее, чем в других местах.

Эти условия, по-видимому, и определили местоположение города - первоначального ядра огромного скопления домов, образующего современный Лондон. Воздух и вода - одни из главных жизненных потребностей; ни одно важное поселение не будет основано там, где одно из них непереносимо, а другое труднодоступно. Поэтому в те времена, когда еще не были разработаны системы дренажа, люди избегали болот Эссекса и Кента и, выбирая менее опасное место, стремились туда, где можно было получить воду, пригодную для питья, либо из ручьев, спускавшихся с возвышенностей, либо из неглубоких колодцев. Эти условия, как мы увидим, были соблюдены на месте древнего Лондона; они на долгие годы определили его границы и регулировали его расширение.

Представим себе Лондон, исчезнувший из долины Темзы; изобразим эту долину такой, какой она была более двух тысяч лет назад, когда возвышенности к северу от реки были покрыты густым лесом, а Андредский вал (так его впоследствии называли) простирался от побережья Сассекса до склонов Кентиш-Даунс. Как мы уже говорили, перед нами широкая долина, через которую проходит извилистое русло Темзы, принимающей притоки с обеих сторон. Иногда это просто ручьи, иногда реки, по которым соленая вода во время прилива пробирается на небольшие расстояния. Ручьи обычно поднимаются среди окраинных холмов; реки на северной стороне берут начало далеко на волнистом плато; но на южной наиболее важные из них полностью прорезали свой путь через хребет Норт-Даунс и питаются потоками, начавшими свое течение в долине Уолд. Однако из последних, пожалуй, ни один не связан напрямую с ранней историей Лондона; из первых - только Флит, который, поднимаясь на южном склоне Хэмпстедской пустоши, впадает в Темзу у моста Блэкфрайерс. Но и тот, и другой на более поздних этапах развития Лондона могут потребовать краткого упоминания.

Что же мы видим на этом самом раннем этапе истории будущего мегаполиса? Нас сразу же поражает тот факт, что раньше Темза текла по более широкому, но более прямому руслу, чем сейчас; русло, которое сейчас обозначено участком аллювиальной земли на несколько футов ниже общего уровня долины и немного выше отметки высокой воды. Следы этого можно увидеть то тут, то там между Челси и Лондонским мостом, в низине у Миллбэнка и вдоль берега реки в Вестминстере, а также в том месте, которое тянется от Ламбета вдоль

правого берега Темзы. Но наиболее ярко выраженные признаки аллювиальной равнины проявляются примерно в миле ниже Лондонского моста. Здесь левый берег реки образован, как и в случае с изгибом у Хунгерфордского моста, террасой, возвышающейся на 25-40 футов над средним уровнем прилива, - важнейшая физическая особенность, поскольку она, как мы увидим, определила местоположение Лондона. Но на противоположном берегу полоса более низкой земли - часто около четырех или пятисот ярдов шириной, - на которой построен Саутварк, продолжается до Бермондси, где она внезапно расширяется до полутора миль. Так она продолжается до слияния с Лией, то расширяясь, то слегка сужаясь, как, например, напротив Пурфлита и выше Гринвича, но всегда представляя собой широкую низменность, по которой нынешняя приливная река течет совершенно независимо и извилисто. Эта равнина образована илом, который Темза сама отложила на спорном участке, где река и море начинают встречаться. Она незначительно возвышается над уровнем воды; большая ее часть находится на высоте менее дюжины футов над ординарной отметкой. Подобную низкую равнину шириной около полумили можно проследить на протяжении нескольких миль вверх по долине реки Леа, и признаки этого можно найти то тут, то там на берегу Темзы выше Челси; но обычно они отсутствуют и всегда ограничены по протяженности. В их отсутствие берег реки выше, так как он образован обрывом той террасы, о которой мы уже говорили. Разница в высоте между этими равнинами невелика, так как вторая начинается примерно на 20-25 футов выше точки отсчета; но от нее она полого поднимается вверх, образуя остаток более очевидного ложа долины, пока не достигнет высоты около 100 футов. Примерно этом уровне, хотя точно сказать невозможно, более крутые склоны, особенно на северной стороне реки, и холмы продолжают подниматься, пока иногда - как в Хэмпстеде и Хайгейте - они не достигают высоты более 400 футов. Однако мы не можем сделать больше, чем сказать в общих чертах, поскольку в долине, подобной долине Темзы, вырытой в мягкой и вязкой глине, большая часть осадков стекает, образуя многочисленные ручейки и небольшие потоки, которые вырезают множество мелких волнистых и неглубоких разветвленных долин.

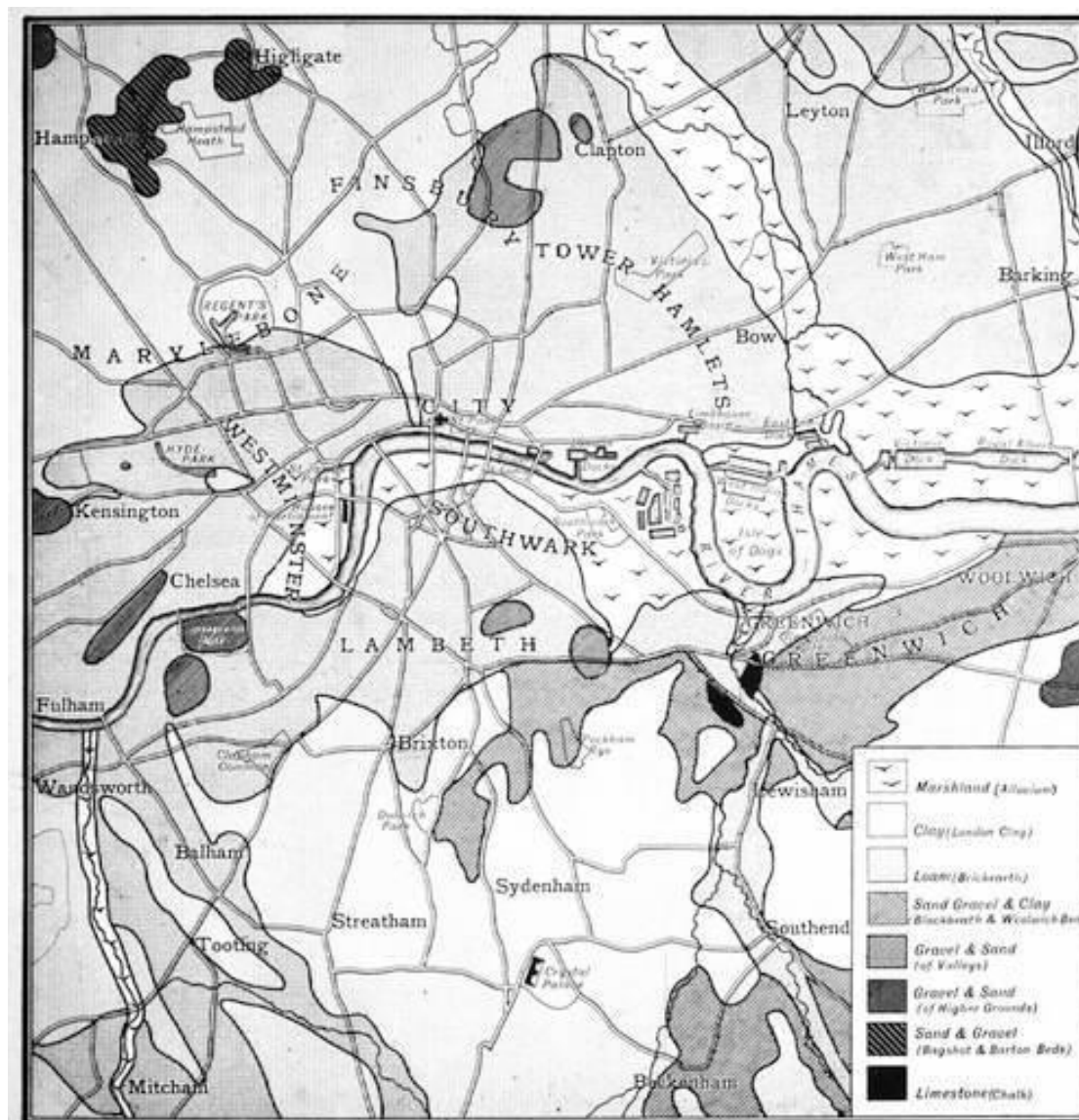
Самая низкая аллювиальная равнина в былые времена, должно быть, представляла собой пустынную болотистую местность, прибежище диких птиц и обиталище агу; поэтому мы обойдем ее стороной, чтобы подробнее описать возвышающуюся над ней местность. Вся долина в окрестностях Лондона вырезана из пластов, отнесенных геологами к ранней части третичного периода, называемого эоценом. Они покоятся на массе мела толщиной около 650 футов под перекрестком Тоттенхэм-Корт-роуд и Оксфорд-стрит, которая поднимается на поверхность к Кентиш-Даунс с одной стороны и к холмам Хартфордшира - с другой. Вблизи Лондона эта порода не обнажается, но она начинает проявляться в районе Дептфорда и Чарлтона, и еще более заметна в районе Дартфорда и Пурфлита, так что она, очевидно, образует настоящий бассейн под Лондоном. О том, что находится под ним, мы поговорим ниже, поскольку этот вопрос имеет большее значение для будущей истории Лондона, чем можно предположить на первый взгляд. Эоценовые пласты имеют ту же бассейнообразную форму, что и подстилающий их мел, поэтому, хотя самый низкий из них поднимается на поверхность к северу и югу от Лондона, он находится на 200 футов ниже уровня моря у Хунгерфордского моста. Эта порода, называемая песком Танет, является морским отложением; это очень светлый песок серого или бурого цвета, состоящий почти полностью из кварцевых зерен, и он занимает более ограниченную площадь, чем вышележащие слои; его толщина под Лондоном обычно колеблется от 20 до 40 футов. Песок Танет редко, если вообще когда-либо, выходит на поверхность к северу или юго-западу от Лондона, но его можно увидеть на юго-востоке, например в районе Вулвича и Кройдона.

Поверх песка Танет залегает довольно изменчивая группа глин и песков, называемая Вульвичскими и Редингскими слоями. Они простираются на большую площадь и обычно немного толще, чем он, так как под Лондоном их толщина обычно составляет около 50 или 60 футов, а иногда и больше. Окаменелости иногда представляют собой пресноводные формы, иногда эстуарии или моря, так что отложения, вероятно, отмечают устье одной или, возможно, двух больших рек. Далее следует коричневатая глина, которая так часто встречается при рытье канализационных труб и фундаментов, особенно на нижних склонах холмов. Ее название - лондонская глина - происходит от названия метрополии; но она покрывает или, во всяком случае, покрывала гораздо более обширную территорию, поскольку ее можно проследить с определенными интервалами (большие массы были удалены денудацией в некоторых районах) вплоть до Мальборо на западе, острова Уайт на юге и Грейт-Ярмута на севере. Та же причина привела к уменьшению его толщины в некоторых столичных районах. Под Трафальгарской площадью, например, она составляет 142 фута, а в некоторых колодцах и того меньше, но общая толщина должна была составлять - и в некоторых местах она до сих пор составляет - более 400 футов. У основания обычно возникает полоса гальки. В центральной части Лондона она незаметна, но дальше, особенно на юге и востоке, ее толщина часто достигает 20-30 футов, а иногда и больше. Он состоит из хорошо обточенных кремневых галек, как правило, размером не больше куриного яйца, смешанных с кварцевым песком. Этот гравий залегает на поверхности или близко к ней на значительной площади в районе Блэкхита, Чарлтона и Чизлхерста, и теперь его принято отличать от лондонской глины отдельным названием - Блэкхит или Олдхейвен Бэдс. И эта формация, и лондонская глина содержат окаменелости, иногда довольно обильные, которые указывают на морское происхождение, хотя эти отложения не могли образоваться на большом расстоянии от суши, поскольку в них встречаются эстуарии; в то время как в лондонской глине иногда встречаются ископаемые плоды и куски древесины, причем последняя часто изрезана отверстиями терединов (двустворчатый моллюск, который все еще существует и производит большой хаос в древесине). Так что, по всей вероятности, и гравий, и глина были связаны с уже упомянутыми реками.

Над Лондонской глиной располагается группа песков, иногда содержащих прослойки глины, которая когда-то должна была иметь почти такую же широкую протяженность, как и она, но в районе Лондона она сведена к отдельным фрагментам, покрывающим глиняные холмы в Хэмпстеде, Хайгейте и Харроу. Здесь толщина отложений не превышает 100 футов, так как большая часть была смыта, но на сухих болотах в районе Чобхэма, Олдершота и Вейбриджа она часто достигает 300 футов.

Затем наступает большой пробел в геологической летописи. Только что упомянутые пласты относятся к эоцену, но после них больше ничего не найдено, пока мы не приблизились к концу, если не сказать к концу, плиоценового периода. Этот длинный промежуток времени в районе, о котором мы говорим, был занят движениями земли, результатом которых была денудация, а не осаднение. Как мы уже говорили, мел и вышележащие эоценовые пласты выгнуты в форме вытянутого бассейна, что роднит их с длинным куполообразным возвышением, из которого изваяны холмы и долины Вейлда. Бассейн и купол - это результат волнообразных движений, которые начали влиять на большую часть Европы вскоре после того, как в районе Лондона были сформированы самые поздние эоценовые отложения, памятниками которых являются Альпы и Пиренеи. Но эти складки впервые начались в еще более раннюю эпоху - ту, которая отделяет самую новую часть мела от самых древних пластов эоцена. Уже тогда Лондонский бассейн и купол Уилдена должны были быть очерчены, хотя и менее смело, чем сейчас; ведь под Сити песок Танет и породы Вулвич и Рединг пробиты в скважинах, и их толщина вместе составляет около 90 футов. Но высоко на

Северных Даунах можно увидеть галечный слой, лежащий на дне Лондонской глины и упирающийся в мел. Таким образом, в раннем эоцене этот район должен был быть выше прежнего, по крайней мере, на указанную выше величину; или, другими словами, бассейн Темзы и купол Уэльда уже были обозначены.

ГЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА ЛОНДОНА

[Увеличить изображение.](#)

Однако более поздние подвижки грунта были гораздо более масштабными. Под Лондонским мостом основание лондонской глины находится примерно на 90 футов ниже уровня моря, а на Северных Даунах - на 750 футов выше него, так что смещение с тех пор, как она была заложена, составило не менее 840 футов. Подъем в центральной части Уэльда, несомненно, был гораздо больше, но поскольку денудация началась, как только появилась суша, мы не можем сказать, на какую высоту поднялись холмы в этой части. Тем не менее, если вспомнить, что долины Вей, Моул и Медуэй, которые дренируют северную половину Уэльда, полностью прорезали хребет Норт-Даунс на своем пути к Темзе и являются создателями долин, в которые они впадают, мы можем понять масштабы работы по денудации. Но эта

работа слишком сложна, тема слишком трудна и полна противоречий, чтобы обсуждать ее на этих страницах; мы должны довольствоваться упоминанием нескольких фактов, которые в большей или меньшей степени повлияли на историю метрополии.

Когда реки текли, они переносили и откладывали обломки суши, а если когда-нибудь происходило погружение, ту же работу выполняли приливы и морские течения. Самые ранние отложения, очевидно, образовались бы в местах, расположенных гораздо выше нынешних русел потоков. Большая часть этих отложений была бы смыта, их материалы были бы отсортированы и перенесены на более низкие уровни по мере расширения и углубления долин и приближения поверхности земли к ее нынешним очертаниям. Таким образом, гравий, пески и глины встречаются на разных уровнях почти до современного уровня Темзы. Самые древние из них, отложенные в радиусе примерно десяти миль от Лондонского камня, лежат на высоте более 300 футов над уровнем моря.¹ Эти последние, вероятно, связаны с аналогичными песками и гравием, которые покрывают значительные площади в восточных графствах, и, возможно, были отложены в ту эпоху, когда еще не были очерчены даже контуры нынешней системы долин Темзы. Однако этот вопрос не имеет смысла рассматривать. Следующим отложением, если предположить, что эти участки песка и гравия имеют один возраст, что весьма сомнительно, является Валунная глина - жесткая, вязкая глина, часто усыпанная кусочками мела, от мелких зерен до крупных кусков, которые обычно имеют довольно хорошую округлую форму, а также кремнями, как округлыми, так и угловатыми, и фрагментами других пород. Все это, как правило, происходило с севера и из различных мест, часто находящихся на большом расстоянии, либо на востоке Англии, либо в Шотландии, а иногда даже в Норвегии. Глина также, по-видимому, образовалась из материалов, которые поступали с того же направления. Но в окрестностях Лондона осталось мало валунной глины; ближайшие участки находятся на возвышенностях по обе стороны от 300-футовой контурной линии между Уэтстоуном, Финчли и Мусуэлл-Хиллом - возможно, также в Хендоне. В какой степени система долин Темзы была сформирована при образовании валунной глины; почему она обрывается на северных склонах; при каких обстоятельствах она была отложена - все это предметы споров, которые невозможно обсуждать на этих страницах. Достаточно сказать, что глина свидетельствует, по крайней мере, в некоторой степени, о действии льда; а поскольку участки ее и сопутствующего гравия встречаются на разных уровнях (факт, который еще более очевиден в других районах) и, похоже, демонстрируют общее соответствие в распределении с нынешними контурами земли, несколько долин должны были быть к тому времени частично, если не полностью, определены. В основной долине, как, например, возле Эрита, встречаются тонкие песчаные глины или "кирпичная земля", которые, по мнению некоторых геологов, по крайней мере, такие же древние, как эта глина. Климат, когда откладывалась эта "кирпичная земля", несомненно, был гораздо холоднее, чем сейчас, поскольку в ней были найдены останки мускусных овец, а долина Темзы в то время, должно быть, была вырыта почти на всю ее нынешнюю глубину. Но на склонах этой долины и ее притоков встречаются пласты гравия, содержащие камни, которые, должно быть, были вымыты из валунной глины; а поскольку эти пласты часто простираются более чем на сто футов выше современного уровня реки, изменения с момента их отложения должны были быть значительными. Они содержат кости вымерших млекопитающих, таких как шерстистый носорог и мамонт, а также других, свидетельствующих о климате, который был значительно холоднее нынешнего. Но поскольку они также были найдены почти на нынешнем уровне реки, животные, должно быть, оставались в этой стране, пока она не приняла почти нынешние очертания. Например, зуб мамонта был обнаружен в 1731 году на глубине 28 футов под землей, когда в Пэлл-Мэлл рыли канализацию. Множество костей этого и других животных было найдено в "кирпичной земле" Илфорда, а великолепная пара бивней, добытая в 1864 году, хранится в Британском музее в

Южном Кенсингтоне. Здесь "земля образует низкую террасу, граничащую с небольшой рекой Родинг с одной стороны, а с другой - постепенно спускающуюся к Темзе. Высота поверхности у ям составляет около 28 футов над Темзой".² Поэтому можно с уверенностью сказать, что долина реки была вырублена почти до ее нынешнего уровня, когда климат был еще гораздо холоднее, чем сейчас, и весьма вероятно, что ее глубина была значительно увеличена после отложения меловой глины Боулдер; ведь эти гальки, как уже было сказано, разбросаны по нижним склонам примерно на сто футов выше нынешней реки. В Хайбери-Террас они достигают 154 футов, а в Уимблдоне - 190 футов.

В этих галечниках были найдены останки не только мамонта, но и человека. Его кости, правда, почти никогда не находили, но камни, обтесанные его руками, далеко не редкость. Они почти всегда сделаны из кремня - материала, который был в изобилии, легко поддавался обтесыванию и обеспечивал хорошую и прочную режущую кромку. Эти орудия никогда не сглаживались и не полировались, они имеют множество разновидностей. Они варьируются от простых чешуек, искусственное происхождение которых не всегда можно доказать, но которые, по всей вероятности, использовались в качестве ножей и скребков, до инструментов, которые могли быть изготовлены только ценой значительного времени и некоторого мастерства. Подобные останки были найдены и в других местах, в более восточных и южных графствах Англии и на континенте. Однако люди, которые изготавливали такие орудия, вряд ли были настолько продвинуты в цивилизации, как бродячие племена эскимосов в Северной Гренландии.

Эти обработанные кремни очень редко встречаются как ниже 20, так и выше 100 футов от уровня моря, но между этими высотами они не редкость. Около двух столетий назад хорошо обработанный кремень, по форме напоминающий наконечник копья, был найден вместе с бивнем слона (мамонта) "напротив церкви Черной Марии, недалеко от Грейз Инн Лейн".³ Орудия различных форм были получены из гравия возле Актона, Илинг, Хакни, Хайбери и Эрита, а также в Тоттенхэм Кросс, Нижнем Эдмонтоне и других местах в долине реки Леа. Но самые интересные места, исследованные до сих пор, находятся в окрестностях Сток-Ньюингтона и Крейфорда. В первом случае кремневые изделия найдены на более чем одном уровне и свидетельствуют о прогрессе ручного мастерства, достаточном для того, чтобы наблюдатели пришли к выводу, что они относятся более чем к одной эпохе. Самые новые из этих орудий, кремневые отщепы с отдельными более сложными образцами, были настолько многочисленны и встречались в таком порядке, что их первооткрыватель (мистер Уоррингтон Смит) предположил, что они лежат на той самой поверхности, где их изготавливали рабочие в давние времена. "Пол, на котором жила эта колония людей и изготавливала свои орудия, остался нетронутым до наших дней, и орудия вместе с тысячами чешуек, острых как ножи, до сих пор лежат на старом берегу ручья так же, как они были оставлены во времена палеолита. В некоторых местах орудия покрыты песком, но обычно это четыре или пять футов кирпичной земли..... То, что (пол) действительно был рабочим местом, где в палеолитические времена изготавливались орудия труда, доказывает то, что я заменил чешуйки на блоки, из которых они первоначально были выбиты".⁴ В Крейфорде мистер Ф. К. Дж. Сперрелл также обнаружил слой кремневых обломков в "кирпичной земле" у подножия погребенной меловой скалы. Обстоятельства, при которых были найдены эти чешуйки, привели его к выводу, что здесь также находилась старая "мастерская" по изготовлению кремневых [орудий](#)⁵.

Эти гравийные отложения можно отнести к тому времени - вероятно, к завершению ледниковой эпохи, - когда климат Британии был еще холодным, когда высокие холмы были постоянно покрыты снегом, а в более гористых районах, возможно, еще сохранялись ледники. Всю весну и начало лета реки были бы вздуты от тающего снега, потоки с

высокогорных районов были бы полноводными и сильными, и таким образом денудация была бы сравнительно быстрой - более быстрой, потому что самые поздние отложения, Валунная глина с сопутствующими гравелистыми песками, были бы несвязными и во многих местах еще не защищены растительностью. Ручьи и реки, пересекавшие долину Темзы, сильно отличались бы от тех, что сейчас ползут по пышным лугам или скользят "мимо Терп и Сити". Окончательное формирование долин - все, что было сделано с момента появления меловой валунной глины, - возможно, было осуществлено сравнительно быстро. Тем не менее, с тех пор, как самые древние из этих кремневых орудий были утеряны их владельцами, русла долин были опущены, в некоторых местах не менее чем на сотню футов. Кроме того, до тех пор, пока не была завершена большая часть этой окончательной скульптурной обработки, район был населен людьми, чьи жизненные привычки оставались практически неизменными.

Аллювиальные отложения, как уже говорилось, незначительно возвышаются над поверхностью реки во время прилива. Их толщина варьируется, но обычно она составляет от 12 до 20 футов. Самая нижняя часть, как правило, состоит из гравия и песка - материалов, указывающих на то, что условия, в которых образовались более древние отложения подобного характера, постепенно ушли. Затем следует речной ил, иногда тонкие пласты торфа или признаки старой поверхности земли, на которой процветали дубовые и даже тисовые леса. Ниже Лондонского порта в нижней части ила в изобилии встречаются морские раковины; они указывают на то, что общий уровень земли был несколько ниже, чем в предшествующую эпоху, возможно, даже чем в настоящее время. В этих аллювиальных отложениях были найдены орудия из сглаженного или полированного камня, бронзы и железа, а также каноэ и даже реликвии римской оккупации Британии. Другими словами, в них были найдены древности, относящиеся в основном к доисторическим временам, хотя летопись продолжается вплоть до сравнительно недавнего времени. Болотистая или торфяная почва встречается даже в черте [города](#)⁶, например, в одном из углов собора Святого Павла, в Финсбери-Кресент, у Лондонской стены, а также в Вестминстере. Торни - "Остров терновника", на котором расположено аббатство, - раньше представлял собой низкую островную отмель из гравия среди болот. Озеро в Сент-Джеймском парке указывает на путь Тайберна, который проходил через одно из этих болот. Это был ручей некоторого размера, и его следы можно найти в названиях Мэрилебон ([Ле-Бурн](#)⁷) и Брук-стрит. Один из его рукавов проходил "через Дин-стрит и Колледж-стрит, пока не впадал в Темзу у Милбанк-стрит".⁸ Вода со склонов к северу от Гайд-парка другой ручей, называемый Вестборн; он, следуя путем, который все еще подсказывает Серпентайн, нашел свой путь к Темзе через болотистый район, который сейчас является Белгравией (см. также с. [26](#)).

Такова структура долины Темзы; таковы отложения, которые формируют ее поверхность по обе стороны и на которых был построен мегаполис. Но теперь мы должны немного подробнее рассмотреть их распределение, поскольку именно оно во многом определяло рост Лондона в древние времена. Уже упоминавшаяся широкая терраса на левом берегу Темзы, где располагался средневековый Лондон, на протяжении нескольких миль вглубь материка состоит в основном из кремневого гравия, более или менее песчаного, редко превышающего 20 футов в толщину, а обычно и того меньше, который покоится на вязкой лондонской глине. То тут, то там этот гравий может пересекать небольшой ручей, но самый заметный перелом в его уровне образует ручей, который, стекая со склонов Хэмпстеда и Хайгейта, в конце концов прорезает свое русло до самой глины и расширяется, превращаясь в ручей, впадающий в Темзу. В нижнем течении он был известен как Флит (см. с. [27](#)). Эта гравийная терраса сделала Лондон возможным; этот ручей сформировал его первую границу на западе. Дождевая вода легко впитывается гравием, но задерживается подстилающей

глиной. Она может выходить в виде родников там, где долина была вырублена до уровня насыщения, но если ее не прорывать таким образом, гравий будет полон воды на глубине нескольких футов от поверхности, так что неглубокий колодец даст хороший запас. Первое поселение было основано на этом гравии, на берегу реки, где русло остается глубоким во время прилива; с запада оно было ограничено склонами, спускающимися к Флиту, а с востока - более низкой землей, уходящей вниз к устью Лии. Из этого ядра, заключенного в римские укрепления, город расширялся, по мере того как времена становились более спокойными, вдоль линий больших дорог; и в ранние времена *тет-а-тет*, несомненно, был сформирован в Саутварке.

Но не вдаваясь в подробности этого развития, давайте перенесемся на несколько столетий назад и посмотрим, как рост Лондона долгое время был обусловлен и ограничен этим гравием. Метрополия распространялась "на восток к Уайтчепелу, Боу и Степни; на северо-восток к Хакни, Клэпτονу и Ньюингтону; на запад к Кенсингтону и Челси; в то время как на севере она в течение многих лет внезапно заканчивалась в Клеркенуэлле, Блумсбери, Мэрилебоне, Паддингтоне и Бэйсуотере: К северу от линии, проведенной от Бейсуотера, через Большой Западный вокзал, Кларенс-Гейт, Парк-Сквер и вдоль Новой дороги до Юстон-сквер, Бертон-Кресент и Мекленбург-сквер, гравийный слой резко заканчивается, а лондонская глина выходит на поверхность и занимает всю землю к северу. Карта Лондона, составленная в 1817 году, показывает, насколько четко была определена протяженность домов, возникших по этой причине. То тут, то там за пределами основной массы гравия находилось несколько выступов, например, в Ислингтоне и Хайбери, за которыми следовали жилые дома. Точно так же, к югу от Темзы, деревни и дома постепенно распространялись по гравию долины до Пекхэма, Кэмбервелла, Брикстона и Клэпхэма; а за их пределами дома и деревни возвышались на покрытых гравием холмах Стрейтема, Денмарка Хилла и Норвуда. Только после того, как благодаря быстрому расширению водопроводных сетей великих водопроводных компаний стало возможным обеспечить независимое водоснабжение, в глиняных районах Холлоуэй, Камден-Таун, Риджентс-парк, Сент-Джонс-Вуд, Вестборн и Ноттинг-Хилл появилось городское население "9.

Возможно, положение старых парков - Сент-Джеймсского, Грин-парка и Гайд-парка - косвенно определялось тем, что на большей их части гравий тонкий или глина поднимается на поверхность.

Каждое старое поселение за пределами прежних границ мегаполиса отмечает наличие песка или гравия. Хэмпстед и Хайгейт, которые в начале XIX века были отделены от Лондона почти парой миль открытых полей, стоят на больших участках песка Бэгшот, который покрывает Лондонскую глину и иногда достигает 80 футов в толщину. Этот песок желтоватого или лилового цвета можно увидеть почти везде в старых раскопках на вершине Хэмпстед-Хит, и нельзя не заметить разницу в растительности на этом материале и на глине нижних склонов. На последней в изобилии растет трава, на первой - папоротник, пушица и даже вереск. На стык песка и глины указывают родники, которые питают различные пруды. Иногда они бывают халибитовыми, как, например, некогда отмеченный источник, который до сих пор можно увидеть на Уэлл-Уолк в Хэмпстеде. Хэрроу стоит на другом удаленном участке песка Бэгшот. Энфилд, Эдмонтон, Барнет, Тоттеридж, Финчли, Хендон и другие старые деревни построены на уже упомянутых высокоуровневых гравиях.

В самом Лондоне неглубокие колодцы больше не используются. Проникновение сточных вод, а в некоторых случаях и дренажа из церковных дворов, сделало многие из них фактически ядовитыми; чистая, искрящаяся, даже приятная на вкус вода, какой бы она ни была, часто была "смертью в чаше". Ужасная иллюстрация этого факта произошла во время

эпидемии холеры в 1854 году. Насос, вода из которого пользовалась большим уважением, стоял у стены церковного двора на Брод-стрит (к югу от Оксфорд-стрит). Вода оказалась зараженной, и холера поразила ближайшие окрестности. Но хотя большинство этих насосов было закрыто всего шестьдесят лет назад, некоторые, как, например, насос в Грейт-Динс-Ярд, Вестминстер, проработали еще четверть века. Сейчас она исчезла, но та, что находится на территории Чартерхауса, стоит до сих пор. Таким образом, Лондон был ограничен гравием до тех пор, пока не смог получать воду из других источников.¹⁰

Первый шаг в этом направлении был сделан в начале семнадцатого века, когда возникла компания "Нью-Ривер", и в течение многих лет она была единственной компанией, поставлявшей воду в Лондон; но впоследствии было основано еще семь таких компаний¹¹.

Новая речная компания получает воду из реки Леа, первоначальный источник которой находится почти в сорока милях от Лондона, но с тех пор его снабжение было увеличено за счет прокладки колодцев. Ист-Лондон берет воду из той же реки. Пять других компаний получают воду из Темзы, расположенной в нескольких милях выше Лондона, увеличивая свои запасы за счет колодцев, а Кентская компания черпает воду исключительно из глубоких скважин в меловых породах. С основанием этих компаний мегаполис начал быстро распространяться на территории, которые они снабжали водой, но делал это регулярно и систематически. Дома, питающиеся от магистралей водопроводной компании, должны поддерживать связь со своей базой снабжения, поскольку прокладка длинной линии труб для снабжения одиночного дома обходится недешево. Таким образом, город, получающий воду из магистрали, квартал за кварталом продвигается в окружающую местность и не окружен широким кольцом разбросанных домов.

Однако в районе Лондона есть способ, с помощью которого житель изолированного дома может получить воду, хотя это и не дешево. Он может пробить скважину через лондонскую глину к нижележащим пескам и гравию. Когда пористый слой ложится на непроницаемый, первый насыщается водой до определенного уровня, зависящего от местных условий, и в этом случае колодец, погруженный достаточно глубоко, будет заполнен. Но если пористый слой также покрыт непроницаемым; если все три слоя изогнуты в форме бассейна; и если пористый слой залегает на значительно более высоком уровне, чем место, где нужен колодец, то он может быть обводнен на высоту, достаточную для того, чтобы заставить воду подниматься в скважину, возможно, даже пустить струю, подобную фонтану. Такие колодцы называются артезианскими, от Артуа во Франции, где они используются уже несколько столетий, а в Англии их начали прокладывать около века назад. Была пробита лондонская глина, а также водоносные пески и гравий, относящиеся к самой нижней части третичной серии. Эти пласты, сформированные в виде бассейна, обычно находятся на высоте около ста футов над Темзой; таким образом, они были заполнены водой на значительную высоту над уровнем реки, и поначалу она очень часто выплескивалась над поверхностью земли; но по мере увеличения числа скважин ее уровень постепенно понижался, поскольку площадь, на которой находятся эти пласты, не очень велика, и пласт не может поставлять больше воды, чем он получает путем просачивания из атмосферных осадков. Сначала все шло хорошо; потребители были похожи на наследников, получивших сбережения за долгое время, ведь вода накапливалась в этом подземном резервуаре, похожем на бассейн, в течение мириад лет; но через некоторое время расходы стали превышать доходы, и уровень воды медленно опускался, пока сейчас он не оказался на много ярдов ниже поверхности земли.

Но когда этот источник снабжения, очевидно, стал исчерпываться, был найден другой - в подстилающем мелу. Эта порода быстро впитывает воду, но очень медленно с ней расстаётся. Профессор Прествич опытным путем установил, что плита мела объемом 63

кубических дюйма за четверть часа выпила 26 кубических дюймов воды (все, что она могла вместить), а когда ее оставили стекать на двенадцать часов, она рассталась лишь с одной десятой кубического дюйма.¹² Так что обычный колодец бесполезен. Но верхняя часть мела, обычно на глубине более 300 футов, испещрена трещинами, и они полны воды. Поэтому скважину ведут вниз до тех пор, пока не наткнутся на одну из них, а их так много, что неудачи случаются редко. Таким образом, водоснабжение Лондона значительно увеличивается.

Этот источник также - во всяком случае, в непосредственной близости от Лондона - становится перегруженным, поэтому предпринимаются попытки добывать воду с еще большей глубины. Под мелом залегает непроницаемая глина (Gault), а под ней - коричневатый песок, за которым следуют другие, не столь пористые пласты (так называемый Lower Greensand), сменяющиеся плотными глинами. Эти песчаные породы залегают на поверхности к северу от Лондона в Бакингемшире и Бедфордшире, а к югу - в Суррее и Кенте. Поэтому вполне можно ожидать, что они пройдут под метрополией, будут насыщены водой и дадут большие запасы, как это происходит в Париже, геологическое положение которого имеет значительное сходство с Лондоном. В поисках этих песков были проделаны скважины в Кентиш-Тауне, пивоварне Meux's (Тоттенхэм-Корт-роуд), Ричмонде, Стрейтеме и Кросснессе. За пределами мегаполиса они также были пройдены в Уэре, Чешунте, Харвиче и Чатеме. В последнем месте толщина нижнего гринсэнда составляет всего около 40 футов, а не 400 футов, как к югу от Норт-Даунс.¹³ Ожидалось, что он будет залегать под Лондоном на глубине около 1000 футов в круглых цифрах, но в каждом случае он либо полностью отсутствовал, либо был настолько тонким, что не представлял ценности. Это верно даже для таких районов, как Уэйр и Харвич на северной стороне и, возможно, Кройдон на южной. В те времена, когда откладывался этот нижний гринсэнд и даже значительная толща пластов, залегающих под ним, над морем должен был возвышаться большой остров или полуостров, состоящий из гораздо более древних пород, в районе, над которым сейчас возвышается Лондон и все его окрестности. Поэтому нет никакой надежды на увеличение запасов воды из каких-либо пластов, более древних, чем верхняя часть мела. Но из этой породы можно получить гораздо больше воды, если ее добывать на больших расстояниях от метрополии. Против этого процесса, однако, есть два возражения: во-первых, количество колодцев и каналов, которые потребуются для сбора воды, вероятно, сделают ее довольно дорогостоящим источником снабжения; во-вторых, при больших потребностях в воде, накопленной под меловыми холмами, уровень поверхности насыщения в этой породе будет значительно понижен, многие источники пересохнут, а потоки серьезно уменьшатся, что нанесет большой ущерб тысячам акров водных лугов и многим важным отраслям промышленности. Придется выплачивать большие суммы в качестве компенсации, а это значительно увеличит стоимость любой схемы. Сомнительно, что из Темзы и ее притоков следует забирать больше воды, а реки, протекающие через густонаселенную страну, вряд ли можно считать защищенными от загрязнения сточными водами. Поэтому не исключено, что через несколько лет метрополии придется последовать примеру Ливерпуля и Манчестера и искать другой источник водоснабжения на еще большем расстоянии, чем это было сделано в этих городах.

Т. Г. Бонни.

ГЛАВА II

МЕСТО

В знак уважения, с которым все пишущие о Лондоне должны относиться к первому землемеру и собирателю его традиций и историй, мы должны привести его слова о происхождении и основании города. Он говорит (Strype's Stow, vol. i. book i.):-

"Как римские писатели, чтобы прославить город Рим, брали его начало от богов и полубогов, так и Джеффри Монмутский, валлийский историк, выводит основание этого знаменитого города Лондона, для большей славы его и подражания Риму, из того же самого начала. Ибо он сообщает, что Брут, происходящий по прямой линии от полубога Энея, сына Венеры, дочери Юпитера, примерно в 2855 году от Рождества Христова и за 1108 лет до Рождества Христова, построил город у реки, ныне называемой Темзой, и назвал его Тройновант, или Треновант. Но здесь, как пишет Ливий, самый знаменитый историограф римлян, "древность простительна и имеет особую привилегию, переплетая Божественное с человеческим, делать первые основания городов более почетными, более священными и как бы более величественными".

Это предание о древнем основании города Брутом было настолько достоверным, что утверждается в древнем трактате, хранящемся в архиве Лондонской палаты; он переписан в Liber Albus, а задолго до этого - Горном, в его старой книге законов и обычаев, называемой Liber Horn. Копия этого трактата была извлечена из городских книг по специальному распоряжению мэра и олдерменов и отправлена королю Генриху VI в седьмой год его правления; эта копия до сих пор хранится среди записей Тауэра. Трактат выглядит следующим образом

'Inter Nobiles Urbes Orbis, etc. 1. Среди благородных городов мира, о которых кричит слава, Лондонский город, единственная резиденция королевства Англия, является главным, который широко распространяет за границей слух о своем имени. Он счастлив благодаря чистоте воздуха, христианской религии, достойнейшей свободе и древнейшему основанию. Ибо, согласно Кредиту Хроник, он значительно старше Рима: и тот же Троянский Автор утверждает, что он был построен Брутом, по подобию Великой Трои, до того, как ее построили Ромул и Рем. И по сей день он пользуется свободами, правами и обычаями древнего города Трои. Ибо в нем есть сенаторское достоинство и меньшие магистраты. И вместо консулов у него есть ежегодные шерифы. Ибо все, кто туда приезжает, в каком бы состоянии они ни были, будь то свободные или рабы, получают там убежище защиты и свободы. Почти все епископы, аббаты и дворяне Англии являются как бы гражданами и свободными людьми этого города, имея здесь свои благородные трактиры".

Эти и многие другие примечательные факты, достойные того, чтобы о них помнили, касающиеся этого благороднейшего города, сохранились в очень старой книге, называемой Recordatorium Civitatis; и в книге, называемой Speculum.

Король Луд (как отмечает тот же Джеффри Монмутский) впоследствии (около 1060 года) не только отремонтировал этот город, но и расширил его прекрасными зданиями, башнями и стенами, которые в честь его собственного имени называли Кайр-Луд, или Лудс-Таун. И сильные ворота, которые он построил в западной части города, он также, в свою честь, назвал Людгейт.

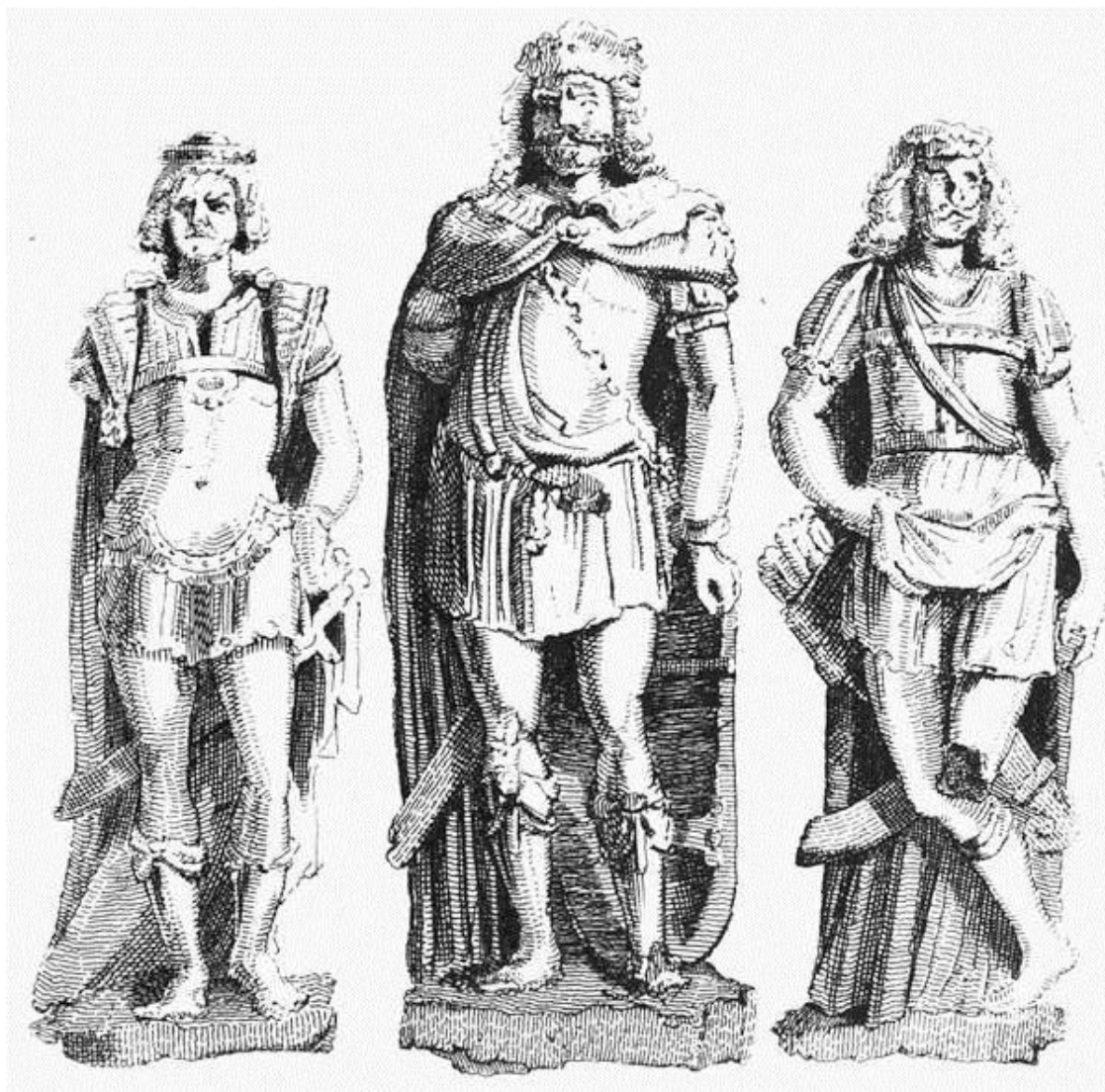
Со временем, смягчив слово, он стал называться Лондоном, но некоторые другие называют его Ллонгдин; это английское слово, отвечающее саксонскому слову Шиптон, то есть город кораблей. И действительно, никто не имеет большего права присвоить себе название Шиптон, или Дорога Кораблей, чем этот город, в связи с его удобным положением для судоходства на столь любопытной судоходной реке, как Темза, которая в определенные часы вздымается вместе с океанскими приливами, через глубокий и безопасный канал, достаточный, чтобы подвести к ее берегам корабли самой большой грузоподъемности, и тем самым снабдить ее жителей богатствами известного мира; так что по праву она претендует на первенство над всеми другими городами. А суда, стоящие на якоре у ее стен, напоминают лес из деревьев, лишенных сучьев.

Этот город пользовался немалой славой: его построил первый основатель Британской империи, и в нем покоились гробницы различных королей, таких как Брут, Локрин, Кунодагиус и Гурбодус, отец Феррекса и Поррекса, последнего из рода Брутов.

Мультутий Данвалло, сын Клотона, герцог Корнуолла, победив своих соперников и заселив землю, приказал возвести на месте, где сейчас стоит Блэквелл-Холл (место, используемое суконщиками для продажи сукна каждый четверг), храм, называемый Храмом Мира; и после своей смерти был там погребен. Вероятно, это было сделано для того, чтобы порадовать горожан, которые поддерживали его дело.

Белинус (так звали сына Данвалло) построил в этом Тройнованте приют с воротами, которые до сих пор носят название *Белингсгейт* [ныне Биллингсгейт]. А на вершине был воздвигнут медный сосуд, в который был положен пепел его тела, сожженного после смерти.

Предполагается, что упомянутый Белинус построил Лондонский Тауэр, а также назначил трех главных понтификов для руководства всеми религиозными делами в Британии; один из них имел свой престол в Лондоне, а другие - в Йорке и Карлеоне. Но поскольку о действиях этих принцев сохранилось мало сведений, пока мы не перешли к правлению короля Луда, дальнейшее их рассмотрение представляется излишним. Он был старшим сыном Хели, который начал свое правление примерно за 69 лет до рождения Иисуса Христа. Принц, которого историки восхваляли за его великую доблесть, благородные поступки и либеральность (за изменение законов страны и формирование государства его общего благосостояния). И в частности, за то, что он отремонтировал этот город, возвел много красивых зданий и обнес его крепкой каменной стеной. В западной части он построил крепкие ворота, называемые Ладгейт, как было показано ранее, где сейчас стоят в нишах над этими воротами статуи этого доброго короля и двух его сыновей по обе стороны от него, как вечный памятник его памяти, будучи после почетного царствования похороненным в храме его собственной постройки.

СТАТУИ ЦАРЯ ЛУДА И ДВУХ ЕГО СЫНОВЕЙ, АНДРОГЕЯ И ТЕОМАНТИЯ
Взяты у старых ворот Луда.

У этого Луда было два сына, Андрогей и Теомантий [или Темантик], которые, не достигнув совершеннолетия для управления страной после смерти отца, приняли корону от своего дяди Кассивелауна; примерно на восьмой год его правления Юлий Цезарь прибыл в эту страну с большой силой римлян, чтобы завоевать ее. Древность этого завоевания, я кратко изложу из его собственных комментариев, которые гораздо лучше, чем отношения Джеффри Монмутского.

Главное управление бриттами и ведение войны, по общему совету, было поручено Кассивелауну, границы которого отделяла от городов на морском побережье река Темза, примерно в четырехстах милях от моря. Этот Кассивелаун и раньше вел постоянные войны с другими городами; но бритты, тронутые приходом римлян, сделали его своим государем и генералом своих войн (которые продолжались между римлянами и ними). [Узнав об их намерениях, Сезар отправился со своим войском к Темзе, в пределы Кассивелауна. Эту реку можно перейти только в одном месте пешком, да и то с большим трудом. Когда он подошел к ней, то увидел на другом берегу реки огромные силы своих врагов в боевом строю. Берег был укреплен острыми кольями, установленными перед ними, и такого же рода колья были вбиты под водой и засыпаны рекой. Узнав об этом от пленных и дезертиров, Цезарь послал своего коня вперед, а пешим приказал следовать сразу же за ним. Но римские солдаты шли с такой

быстротой и силой, что над водой оставались только их головы, и враг, не выдержав натиска легионов и коней, покинул берег и обратился в бегство. Кассивелаун, отчаявшись добиться успеха в открытом бою, отослал свои большие силы и, оставив при себе около четырех тысяч колесниц, следил за тем, в какую сторону идут римляне, и уходил немного в сторону, скрываясь в громоздких и лесистых местах. А в тех местах, где, как он знал, пройдут римляне, он выгонял и скот, и людей с открытых полей в леса. А когда римские кони слишком свободно разгуливали по полям в поисках корма и добычи, он высылал своих возниц из леса всеми хорошо известными им путями и проходами и сталкивался с конями, к их великой беде. Боясь этого, он удерживал их от слишком дальних походов; так что дошло до того, что Сезар не хотел, чтобы его лошади отходили на какое-либо расстояние от его главной пешей армии, и не более того, чтобы досаждать врагу, опустошая их поля и сжигая их дома и имущество, чем это могли сделать их пешие трудом или маршем].

Тем временем тринобанты, в сущности, сильнейшие города тех стран, и один из них Мандубрас, молодой джентльмен, который придерживался партии Сезара, пришел к нему, находясь тогда в главной стране [то есть Галлии], и тем самым избежал смерти, которую он должен был понести от рук Кассивелауна (как это сделал его отец Имануэнс, правивший в том городе). Тринобанты, говоря я, отправили своих послов, обещая предаться ему и делать все, что он им прикажет, немедленно прося его защитить Мандубрас от яростной тирании Кассивелена и отправить некоторых в город с полномочиями взять на себя управление им. Цезарь принял предложение и поручил им дать ему сорок заложников и найти зерно для его армии, и так отправил к ним Мандубраса. Они быстро выполнили приказ, прислали столько же заложников и хлеба-кукурузы.

Когда другие увидели, что Сезар не только защитил тринобантов от Кассивелана, но и спас их от грабежей своих солдат, то кенимаги, сегонтиаки, анкалиты, биброки и кассиане, отправив послов, сами предались Сезару. От них он узнал, что недалеко от того места находится город Кассивелаун, укрепленный лесами и болотистой местностью, в котором собралось большое количество людей и скота. Ибо бритты называют городом, говорит Сезар, когда укрепляют громоздкие леса рвом и рапирой; туда они обычно прибегают, чтобы переждать нашествие врагов. Туда и направился Сезар со своими легионами. Он находит это место хорошо укрепленным как природой, так и человеческими усилиями; тем не менее он пытается штурмовать его с двух сторон. Враги, немного постояв, не выдержав натиска римских солдат, бросились на другую сторону и оставили город. Здесь было найдено большое количество скота, и многие из бриттов были взяты в плен, а многие убиты.

Пока все это происходило в этих кварталах, Кассивелаун послал гонцов в ту часть Кента, которая, как мы уже показывали, лежит на берегу моря, где правят четыре короля - Цингеторикс, Каруил, Таксимагул и Сегоракс, которым он велел собрать все свои силы и внезапно напасть на врагов в их морских окопах. Когда они подошли, римляне напали на них, убили многих из них, взяли в плен Цингеторикса, выдающегося вождя среди них, и благополучно отступили. Кассивелаун, узнав об этой битве, понес столько потерь и обнаружив, что его территории опустошены, и особенно встревоженный восстанием городов, отправил послов вместе с Комием из Арраса, чтобы договориться с Сезаром о его покорности. На что Цесарий, решив перезимовать на континенте из-за внезапного восстания галлов и того, что лета оставалось немного и его можно было легко потратить, принял его и назначил ему заложников, а также назначил, какую дань Британия должна ежегодно платить римскому народу, дав строгий наказ Кассивелану, чтобы он не причинял

вреда ни Манубрацию, ни тринобантам. И вот, получив заложников, он снова вывел свою армию к морю.

Таким образом, из комментариев Цезаря относительно этой истории, случившейся в год до Рождества Христова LIV. Во всем этом процессе следует отметить, что Сезар называет город Тринобантами, что имеет сходство с Тройновой или Треновантом, не имея в правописании большего различия, чем замена [b] на [v]. И все же это ошибка, которую я не буду оспаривать. Только отмечу, что многие ученые мужи не считают, что Civitas Trinobantum хорошо и верно переводится "Город тринобантов", но что должно быть скорее "Государство, община или сеньория тринобантов". Ибо Цезарь в своих Комментариях использует слово Civitas только для обозначения народа, живущего под властью одного и того же князя и закона. Но несомненно, что города бриттов в те времена не были ни искусственно построены из домов, ни крепко обнесены каменными стенами, а представляли собой лишь толстые и громоздкие леса, насыпанные внутри и обрытые траншеями. То же самое утверждают и другие римские и греческие авторы, такие как Страбон, Помпоний Мела и Дион, сенатор в Риме (писатели, жившие в несколько царствований римских императоров, Тиберия, Клавдия, Домициана и Севера): что до прихода римлян у бриттов не было городов, а городом назывался тот, который имел густой запутанный лес, защищенный, как я уже сказал, рвом и берегом; подобный город ирландцы, наши ближайшие соседи, и по сей день называют Фастнес. Но после того как эти части Британии были приведены в форму провинции римлянами, посеявшими семена цивилизованности по всей Европе, этот наш город, каким бы он ни был раньше, стал пользоваться известностью и славой.

Ибо Тацит, который первым из всех авторов назвал его Лондиниумом, говорит, что (в 62-м году после Рождества Христова) он был, хотя и не колонией римлян, но самым известным благодаря большому количеству торговцев, провизии и сношениям. В это время, во время того знаменательного восстания бриттов против Нерона, в котором было убито семьдесят тысяч римлян и их конфедератов, этот город, а также Верулам, близ Сент-Олбанса, и Малдон, в то время все известные, были разграблены и испорчены.

Суетоний Паулин, тогдашний лейтенант римлян на этом острове, покинул его, как не укрепленный, и оставил его в разорении.

Вскоре после этого Юлий Агрикола, римский лейтенант во времена Домициана, был первым, кто, увещевая бриттов публично и помогая им частным образом, убедил их построить дома для себя, храмы для богов и суды для правосудия, воспитать детей дворян в доброй грамоте и человечности и одеться по-римски. В то время как раньше (по большей части) они ходили голыми, разрисовывали свои тела и т. д., как отмечают все римские писатели.

Правда, я признаю, что впоследствии многие города и поселки в Британии под управлением римлян были обнесены каменными стенами и обожженными кирпичами или черепицей, как Ричборо, или Рикборо-Риптачестер на острове Танет, пока Ла-Манш не изменил свое русло, кроме Сэндвича в Кенте, Веруламиум, кроме Св. Олбанс в Хартфордшире, Килчестер в Хэмпшире, Вроксестер в Шропшире, Кенстер в Херефордшире, в трех милях от города Херефорд; Рибчестер, в семи милях выше Престона, на реке Рибл; Олдебург, в миле от Бороубриджа, на Уотлинг-стрит, на реке Уре, и другие. И, несомненно, наш лондонский город также был обнесен каменной стеной во времена римского правления, но очень поздно, ибо, похоже, он не был обнесен стеной в год 296-го Господа нашего. Потому что в тот год, когда тиран Алектус был убит на поле, франки легко вошли в Лондон и разграбили его, разве Бог по своей великой милости в тот самый момент не привел по реке Темзе несколько отрядов римских солдат, которые перебили тех франков на каждой улице города".

Нам нет необходимости преследовать Стоу в последующей легендарной истории. Давайте обратимся к свидетельствам древних писателей. Сезар отплыл для первого вторжения в Британию 26 августа 55 года до нашей эры. Он взял с собой два легиона, 7-й и 10-й. Предварительно он обследовал часть побережья и расспросил купцов и торговцев о коренных жителях острова. Он высадился на берег, провел одно или два сражения с бриттами и, пробыв там три недели, удалился.

Через год он вернулся с более многочисленным войском - армией из пяти легионов и 2000 кавалерии. Здесь он пробыл четыре месяца. Нам нет нужды вдаваться в подробности его походной линии, которую невозможно определить с точностью. После его ухода некоторые британские принцы, когда гражданские войны изгнали их, искали защиты у Августа. Страбон говорит, что остров платил умеренные пошлины; что жители импортировали ожерелья и браслеты из слоновой кости, янтарь и стекло; что они экспортировали кукурузу, скот, золото и серебро, железо, шкуры, рабов и охотничьих собак. Он также говорит, что существовало четыре места транзита с побережья Галлии в Британию: устья Рейна, Сены, Луары и Гаронны.

Нас интересует тот факт, что до прихода римлян с островом уже велась значительная торговля.

Почти сто лет спустя - в 43 году н. э. - в правление императора Клавдия под командованием полководца Аулуса Плауция произошло третье римское вторжение. Римский флот отплыл из Гесориакума (Булони), конечного пункта римской военной дороги через Галлию, и доставил армию из четырех легионов с кавалерией и вспомогательными войсками, всего около 50 000 человек, к местам высадки в Дувре, Хайте и Ричборо.

В истории этой кампании нет упоминаний о Лондоне. Колчестер и Глостер были главными опорными пунктами римлян.

Тацит, писавший в 61 году н. э., дает нам первое упоминание о Лондоне. Он говорит: "У Суетония мир постоянных посредников между хозяевами Лондиниума перрексит *cognomento quidem coloniâ non insigne sed copiâ negotiatorum et commeatuum maxime celebre*".

Это все, что нам известно. Лондон не упоминается ни в одном из вторжений Сезара, ни в одном из вторжений Аулуса Плаутия. Когда мы слышим о нем, это место полно купцов, и до сих пор оно было центром торговли. Отсюда следует вывод, что Лондон не существовал ни в 55 году до н. э., ни в 43 году н. э., и что ни Цезарь, ни Аулус Плавтий не слышали о нем, а просто они не видели города и не придавали ему значения.

Если мы рассмотрим карту, показывающую первоначальное положение земли на месте любого великого города, то вскоре поймем не только причины, по которым город был основан на этом месте, но и то, как положение города с самого начала оказывало очень важное влияние на его историю и судьбу. Положение влияет на вопрос обороны или нападения. Положение влияет на изобилие или нехватку товаров. Процветанию города мешает или способствует наличие или отсутствие мостов, бродов, рек, морей, гор, равнин, болот, пастбищ или пахотных полей. Расстояние от границы, близость враждебных племен и держав, климат - морской порт, закрытый льдом шесть месяцев в году, сильно уступает тому, который открыт весь год, - эти и многие другие соображения влияют на вопрос о положении. Они элементарны, но очень важны.

В первой главе мы уже рассматривали этот важный вопрос под руководством профессора Т. Г. Бонни, F.R.S. Давайте подытожим его выводы и на основе его фактов попытаемся представить себе местоположение Лондона до того, как город был построен.

Перед нами, во-первых, город большой древности и важности; рядом с ним - город поменьше, практически поглощенный большим, но, как я докажу в дальнейшем, более древний; в-третьих, некоторые пригороды, которые со временем выросли и сгруппировались вокруг городской стены, и теперь также практически являются частью города; наконец, собрание деревень и хуторов, которые в силу своей близости к городу выросли в города, которые в любом другом месте считались бы великими, богатыми и могущественными. Территория, на которой нам предстоит провести исследование, имеет неправильную форму, ее границы соответствуют границам избирательных округов. Он включает в себя Вормвуд Скраббс на западе и Плайстоу на востоке. Он простирается от Хэмпстеда на севере до Пенджа и Стритхэма на юге. По приблизительным подсчетам, это территория шириной семнадцать миль с востока на запад и одиннадцать с севера на юг. Через него с запада на восток, разделяя территорию на две неравные части, протекает широкая река, идущая серпантином, состоящим из петель и поворотов, извилистых изгибов и прямых участков; приливная река, которая, если бы не набережные и пристани, расположенные по обе стороны от нее, во время каждого прилива разливалась бы по улицам и переулкам, примыкающим к ней. В реку впадают ручьи с севера и с юга: их мы рассмотрим отдельно. В настоящее время они, за одним или двумя исключениями, засыпаны и скрыты.

Уберите с этой территории все дома, дороги, мосты, всю возделанную землю, все следы пребывания человека. Что же мы обнаружим? Во-первых, широкое болото. На болоте то тут, то там встречаются низменные островки, приподнятые на фут или два над уровнем прилива; они покрыты камышом, тростником, мангольдом и грубой осокой; некоторые из них представляют собой дельты небольших притоков, образовавшиеся в результате отложения веток, листьев и земли, принесенных потоком и постепенно накапливающихся, пока не образуется остров; некоторые - острова, образовавшиеся на мелководье реки в результате того же процесса. Эти острова - место обитания бесчисленных диких птиц. Река, которая сейчас течет между мощными и высокими насыпями, протекала через это обширное болото. Болото простиралось по меньшей мере от Фулхэма, не далее как на запад, до Гринвича, не далее как на восток; с запада на восток его ширина местами составляла две мили с половиной. На карте видно, что болото включало в себя те районы, которые сегодня называются Фулхэм, Западный Кенсингтон, Пимлико, Баттерси, Кеннингтон, Ламбет, Стоквелл, Саутварк, Ньюингтон, Бермондси, Ротерхит, Дептфорд, Блэкуолл, Уоппинг, Поплар, Остров Догс. Другими словами, половина современного Лондона построена на этом болоте. Во время прилива все это огромное пространство было покрыто водой, образуя точно такое же прекрасное озеро, какое можно увидеть сейчас, стоя у ворот Порчестерского замка и глядя на верхнюю часть Портсмутской гавани, или какое можно увидеть из любой точки гавани Пула во время прилива. Это было озеро, яркое и чистое; тут и там лежали островки, зеленые летом и коричневые зимой; над ним мириадами с нескончаемыми криками летали дикие утки, дикие гуси, цапли и тысячи других птиц. Во время отлива болото представляло собой черную грязь, а в пасмурный день - унылое и безлюдное место. Как получилось, что город был основан на болоте? В этом мы сейчас разберемся.

Коттедж. Это место отмечено питьевым фонтанчиком, расположенным по правую руку более чем на половине пути вверх по Фиц-Джонс-авеню. Вода в нем отличалась чистотой, и еще пятьдесят-шестьдесят лет назад каждое утро приезжали водовозки, чтобы развезти запасы для тех, кто не хотел пить ничего другого. Ручей сбегал с холма немного восточнее Фиц-Джонс-авеню, пересекал Белсайз-лейн, тек на юг до западного конца Кинг-Генри-роуд, затем поворачивал на запад, пересекал Авеню-роуд и снова тек на юг, пока не доходил до Акация-роуд. Здесь она получала приток из садов и полей поместья и парка Белсайз. Затем снова на юг с периодическими отклонениями на восток и запад, через северо-западный угол Риджентс-парка, принимая еще один небольшой приток в парке; затем по части Верхней Бейкер-стрит, Глостер-роуд, принимая юго-восточный курс от Дорсет-стрит до Грейт-Мэрилебон-лейн. Он пересекал Оксфорд-стрит на восточном углу Джеймс-стрит, проходил вдоль западной стороны Саут-Молтон-стрит, снова поворачивал на юго-запад, пересекал Пикадилли на Брик-стрит и, пересекая Грин-парк, проходил перед Букингемским дворцом. Здесь ручей впадал в болото, которое во время прилива было покрыто водой. Затем, как это иногда случается с болотами, поток разделился. Одна, более крупная часть, устремилась по Колледж-стрит в Темзу; другая, не такая большая, повернула на северо-восток и вскоре потекла по Гарденерс-лейн и через Кингс-стрит к реке.

Главный интерес к этой маленькой реке заключается в том, что она фактически создала остров, который мы сейчас называем Вестминстером. Остров образовался из остатков Тайберна. Сколько веков ушло на его рост, не стоит и спрашивать: достаточно отметить, что остров Торни, подобно Камаргу или дельте Нила, был создан отложением потока.

Река Флит - иначе называемая рекой Уэллс, или ручьем Тернмилл, или Холеборном - четвертый из северных потоков, раньше, на подходе к Лондону, была очень значительным потоком. Его древнейшее название - "Холеборн", *то есть* поток, текущий в ложбине. Его называли "Рекой Уэллса" из-за большого количества колодцев или источников, чьи воды он принимал; и "Флитом", потому что в устье он представлял собой "флот" или канал, покрытый мелководьем во время прилива. Ручей образовался в результате слияния двух основных ветвей, одна из которых поднималась в Долине здоровья в Хэмпстеде, а другая - в Кен Вуде между Хэмпстедом и Хайгейтом. На всем протяжении ручья было несколько небольших притоков. Место, где соединялись два рукава, находилось в месте, которое сейчас называется Хоули-роуд, Кентиш-Таун-роуд. Далее ручей протекал мимо старой церкви Сент-Панкрас на западе, между станциями Сент-Панкрас и Кингс-Кросс на восточной стороне Грейс-Инн-роуд, по Фаррингдон-роуд, Фаррингдон-стрит и Нью-Бридж-стрит, впадая в Темзу. Колодцы, давшие потоку одно из его названий, - Клеркенвелл, Скиннерсвелл, Фагсвелл, Годвелл (иногда неправильно пишут Тодвелл), Лодерсвелл, Рэдвелл, Брайдвелл, Колодец святого Чада. В своем устье ручей был достаточно широк и глубок, чтобы быть судоходным на небольшом расстоянии. Однако в более поздние времена он превратился не более чем в открытую ядовитую канализацию. Время от времени предпринимались попытки очистить ручей, но безуспешно. Все попытки провалились по той простой причине, что акты парламента без исполнительной полиции и доброй воли народа всегда терпят неудачу. Спустя триста лет Бен Джонсон описал его состояние:...

Чьи берега на

на вашем Флит-лейн обитают фурии, а не повара,

Которые, обжигаясь паром, превращают это место в ад;

По берегам течет жир и шерсть свиней,

Головы, кишки, внутренности и шкуры собак;

Ибо, по правде говоря, какой же скудоумный человек так мерзок.

чтобы класть шкуры и внутренности в паштет?

Берега продолжали обрастать домами, лавками и "конторскими домами", пока все это не уничтожил пожар. После этого они были обнесены каменной набережной с обеих сторон, и нижняя часть реки превратилась в канал шириной сорок футов, а в верхней части - глубиной пять футов, с пристанями по обеим сторонам. Через канал было построено четыре моста: в Брайдвелле, на Флит-стрит, на Флит-лейн и в Холборне. Но канал оказался неудачным, поток снова засорился и вернулся к своей прежней функции канализации. Все помнят Флит в связи с "Дунсиадой".

Туда, где Флитская канава с размывающими потоками

Перевозит в Темзу большую дань мертвых собак.

В 1737 году канал между Холборном и Флит-стрит был засыпан, а в 1765 году была засыпана и нижняя часть между Флит-стрит и Темзой.

Такова история этого канала. Его значение для города было очень велико. С западной стороны он образовывал естественную канаву. Его восточный берег поднимался круто, гораздо более круто, чем сейчас, образуя первоначально невысокий утес; западный берег был не таким крутым. Между нынешним Флит-лейн и Темзой первоначально было небольшое болото, покрывавшееся водой во время прилива, часть большого болота Темзы; выше Флит-лейн поток превратился в приятный деревенский ручей, блуждающий среди полей и болот на севере. Флит определял западную границу и защищал город с этой стороны.

Уолбрук, как и Уэстборн, образовался в результате слияния нескольких ручьев; два его основных рукава поднимались соответственно в Хокстоне и Мурфилдсе. Он входил в город через водопропускную трубу немного западнее аллеи Литтл-Белл, Лондонская стена. Она текла вдоль этой аллеи; пересекала Лотбери точно к востоку от церкви Святой Маргариты; проходила под зданием нынешнего Банка Англии на Принсес-стрит; затем под зданием, где сейчас находится Акционерный банк, по Сент-Милдредс-корт и так через Птицеводство. Она проходила не по улице, называемой "Уолбрук", а по ее западной стороне, мимо двух церквей, которые теперь исчезли - Св. Стефана, стоявшей прямо напротив ее нынешнего места, и Св. Иоанна, Уолбрук, на северо-восточном углу Клоак-лейн, - и впадала в реку между переулками, называемыми Аллеей монахов и Столярным залом. Водовыпуск был изменен, и теперь поток течет под Уолбруком, впадая в Темзу у Даугейт-Дока.

Когда была построена городская стена, вода проходила через нее по водопропускной трубе, а когда построили городской ров, вода прекратилась или текла только после сильных дождей. Но Уолбрук не прекратился совсем; он продолжал течь в виде гораздо меньшего потока из бывшего притока, поднимавшегося под юго-восточным углом Английского банка. Берега Уолбрука были излюбленным местом для вилл богатых людей римского Лондона; здесь было найдено множество останков римской эпохи и вскрыты груды древесины. Также был найден фрагмент моста через ручей, который хранится в музее Гилдхолл.

Принято считать, что Уолбрук в свое время был не более чем небольшим ручьем. Поэтому следующий отрывок, написанный сэром Уильямом Тайтом (Antiquities found in the Royal Exchange), возможно, будет воспринят с некоторым удивлением. Факт этого неожиданного открытия, по-видимому, был проигнорирован или ему не поверили, потому что последние

антиквары не делают никаких ссылок на него. Однако любое заявление, в котором фигурирует имя сэра Уильяма Тайта, заслуживает того, чтобы быть занесенным в протокол.

"Что касается ширины Уолбрука, то в результате канализационных раскопок на улицах Тауэр-Роял и Малого Святого Фомы Апостола, а также в Клоак-Лейн было обнаружено, что русло реки имеет ширину 248 футов, заполнено землей и грязью, уложенными горизонтальными слоями, и содержит большое количество черной древесины мелкого скобления. Форма берегов также была прекрасно прослежена, они были покрыты травой и сорняками. Глубина раскопок варьировалась от 18 футов 9 дюймов, но дно Уолбрука в этих местах, конечно, никогда не было достигнуто, так как даже на Принсес-стрит оно находится на 30 футов ниже нынешней поверхности. Запись, приведенная Стоу, доказывает, что реку пересекали несколько каменных мостов, для которых были назначены специальные смотрители, а также то, что приход Сент-Стефан-апон-Уолбрук имел право очищать русло этого ручья. То, что река была судоходной вплоть до городской стены на севере, подтверждается находкой кили и других частей лодки, впоследствии унесенных вместе с мусором при рытье фундамента дома на юго-восточном углу Мургейт-стрит. Но независимо от того, было ли такое открытие действительно сделано или нет, упомянутые раскопки, по крайней мере, устраняют всю неправдоподобность традиции о том, что "когда Уолбрук лежал открытым, баржи гребли из Темзы или буксировали до Бардж-Ярда". Поскольку церковь Святого Стефана-на-Уолбруке была перенесена на нынешнее место в 1429 году, вполне вероятно, что река была "обложена кирпичом и вымощена вровень с улицами и переулками, через которые она проходила" примерно в тот же период; постоянное накопление ила в русле и ценность занимаемого им пространства, которое в то время быстро росло, в равной степени способствовали такому улучшению."

Независимо от того, верен ли вывод сэра Уильяма или нет, в ранние времена эта река, как и Флит, имела приливную природу Темзы.

Были предприняты попытки доказать, что ручей или речушка когда-то протекали вдоль Чипсайда и впадали в Уолбрук. Отнюдь не исключено, что в этом месте были родники, так же как есть или был родник под тем местом, где сейчас находится Банк Англии. Аргумент, или предположение, таков:...

Под башней Сент-Мэри-ле-Боу были найдены стены и мостовая древнеримского здания, а также римская канатная дорога толщиной в четыре фута. Земля на северной стороне Лондона была болотистой, с частыми источниками и прудами. Возможно, что дамба была проведена над или рядом с таким болотистым участком земли. Конечно, говоря о римском Лондоне, мы должны полностью отбросить Вест-Чепе как улицу или рынок. Так вот, утверждается, что в 1600 1090 году, когда ураганом сорвало крышу церкви Боу, стропила длиной 26 футов проникли в мягкую почву Чипсайда более чем на 20 футов. В это утверждение очень трудно поверить. Ведь если почва была настолько мягкой, то она должна была быть не лучше трясины, по которой невозможно пройти пешеходу, и строить на ней было бы не под силу в то время. Но если стропила подбросить в воздух на 400 футов или около того, они могли бы упасть в илистые берега Уолбрука.¹⁴ Странную историю рассказывает Мейтланд: - "На углу Хлебной улицы...

"На углу Хлебной улицы, в северо-восточном конце, в 1595 году, некто Томас Томлинсон вырыл на Высокой улице Дешевых свод и сделал его, и там был найден, на глубине 15 футов, хороший тротуар, такой же, как и над землей. А в дальнем конце, у канала, было найдено дерево, распиленное на пять ступеней, которые должны были перешагнуть через какой-то ручей, текущий с запада, в сторону Уолбрука. А на краю упомянутого ручья, как кажется,

лежали тела двух больших деревьев, концы которых были отпилены; и бревна были крепкими, как в первый раз, когда они упали: часть упомянутых деревьев осталась еще в земле, не выкопанной. Все это была вынутая земля, пока они не прошли мимо вышеупомянутых деревьев; глубина ее была около семнадцати футов, или даже больше. Так сильно земля этого города (в том месте) была поднята от основной". (Maitland, vol. ii. pp. 826-827.)

Похоже, что в какой-то отдаленный период на этом месте было либо болото, либо пруд, либо ручей. Если ручей, то когда и как он был отведен? Или когда он пересох и почему? И протекал ли ручей, если он был, на север, запад, юг или восток? Нет сомнений, что земля была поднята примерно на 18 футов с римских времен, ведь не только здания под церковью Боу находились на этой глубине, но и напротив, под рынком Хани-Лейн, Милк-стрит и Мерсерс-Холлом, на той же глубине были найдены римские останки.

В любом случае Уэст-Чепе не мог возникнуть как рынок на месте бегущего ручья или на трясине, а отвод или перекопка ручья, если таковая имела место, должны были произойти до поселения саксов.

Реку Леа вряд ли можно считать принадлежащей Лондону. На памяти еще живущих людей на ее берегах выросли пригороды Лондона. Но болота, которые сохранились до сих пор, в древности служили важной защитой Сити. Они были столь же обширны и, за исключением одного-двух мест, не имели бродов. Река, протекавшая через них, была широкой и глубокой. Возможно, именно в этих болотах римские легионы однажды попали в затруднительное положение. И если не считать бродов, Леа оставалась непроходимой на протяжении долгого пути на север - почти до самого Уэйра.

Что касается южных ручьев, то они имеют мало отношения к истории города. Важнейшим моментом на юге были обширные болота, раскинувшиеся перед недавно основанным городом. Пока не была построена дамба от Стоунгейт-Ламбет до возвышенности в Дептфорде, эти болота были абсолютно непроходимы. Их пересекали четыре или пять ручьев. Самый западный из них, Вандл, впадает напротив Фулхэма; это значительный поток, и выше Вандсворта он до сих пор любим рыболовами. В его устье образовалась дельта, точно такая же, как у Торни; впоследствии она стала называться островом Вандсворт. Соколиный ручей впадал в Темзу выше Баттерси; похоже, это был незначительный ручей. Насколько мне известно, ни один антиквар никогда не исследовал его русло. Эффра - интересный ручей, потому что до недавнего времени - то есть в течение последних пятидесяти лет - он протекал, открытый, чистый и очень красивый, через Далвичские поля и по Брикстонской дороге мимо Кеннингтонской церкви. На карте Рокка он вытекает примерно в полумиле к западу от Далвич-колледжа, возле места под названием Айленд-Грин, которое теперь называется Рыцарским холмом; но корреспондент сообщил мне, что это неверно и что на самом деле он вытекает из холмов Норвуда. Это был красивый ручей, протекавший перед коттеджами, к которым вели маленькие деревянные мостики. Над ручьем росли лабурнумы, боярышник и каштановые деревья. Я сам помню, как мальчишкой видел его на Далвичских полях, но к тому времени он уже был перекинут дугой ниже. По преданию, раньше корабли могли подниматься по Эффре вплоть до Кеннингтонской церкви. Она впадает в Темзу почти напротив пирса Пимлико. Если бы она продолжала свое течение, не поворачивая на запад, она могла бы стать частью траншеи короля Кнута, что объяснило бы традицию о кораблях. Еще один безымянный ручей изображен на старых картах как протекающий через болото в Темзу напротив острова Догс. Самый восточный поток - Рейвенсборн, который в своем устье превращается в Дептфорд-Крик. Как и Вандл, и Леа, выше он был красивым ручьем с множеством мелких притоков.

Что касается земли к северу и югу от этого болота, то она поднимается из болота в виде невысокого утеса высотой от двадцати до сорока футов. С южной стороны этот утес находится в миле, двух милях и даже трех милях от реки. На северной стороне, где сейчас находятся Фулхэм, Южный и Западный Кенсингтон, остров Догс и долина реки Лиа, есть обширные болота, а дальше к востоку утес подходит к реке, касается ее и нависает над ней в одном месте возле Даугейта, и проходит рядом с ней до Чаринг-Кросс, откуда он продолжается в западном направлении, в то время как река поворачивает на юг.

За утесом на юге длинными рядами возвышалась гряда пологих холмов, один за другим. Они были покрыты лесом. Между ними, на высоких плато, простирались прекрасные вересковые пустоши, поросшие чабрецом, вереском и метлой, камышом и дикими цветами.

На севере земля также поднималась за первой грядой скал, но медленно, пока не встретила с грядой холмов, известных сейчас как Хэмпстед и Хайгейт. Все это были болотные пустоши и леса, пересеченные речушками, покрытые темными прудами и трясины: страна, опасная в любое время, а иногда и вовсе непроходимая. В северной части находился большой лес, названный впоследствии Мидлсекским.

В доисторические времена на этом месте находился Лондон. Более бесперспективного места для расположения великого города трудно себе представить. Болото впереди и болото позади; болото справа и болото слева; бесплодные пустоши на юге уравнивают пустые болота на севере. Река, кишущая рыбой; островки, покрытые дикими птицами; лес, где водится дикий скот, медведь и волк; но пахотной земли - ни акра. Город не живет охотой; он не может жить только дичью; и все же на этом запретном месте был основан Лондон; и, несмотря на эти неперспективные условия, Лондон процветал.

ГЛАВА III

САМЫЕ РАННИЕ ЖИТЕЛИ

Кто был самыми первыми поселенцами и жителями Лондона?

Те, кто видел озерные жилища в Гластонбери - это знакомая иллюстрация - и рассмотрел условия, необходимые для такой колонии, придут к выводу, что там, во всяком случае, обитатели озер найдут все, что может дать им природа. Так, в Гластонбери хижины жителей были поставлены на деревянные фундаменты в болотистой местности, покрытой водой во время прилива, а возможно, и во время отлива. В пределах досягаемости была земля, где люди могли держать скот или пахать, сеять и жать. О том, что они действительно держали скот и выращивали кукурузу, свидетельствуют вещи, найденные рядом с хижинами и вокруг них. Кроме того, в Гластонбери было много островков и обширных низин, которые служили домом и местом отдыха для бесчисленных диких птиц. А в Гластонбери люди жили на берегу морского ручья, и, проплыв на веслах милю или две вниз по ручью, они оказывались в глубокой воде, изобилующей рыбой. Все эти условия присутствовали и в Лондоне: глубокий и широкий поток, в котором в изобилии водилась рыба; обширное болото, покрытое островками, где во множестве водились дикие птицы; возвышенные земли, такие как между Ладгейт Хилл и Чаринг Кросс, которые можно было использовать для пастбищ или для обработки земли. Если среди болот и мелководья Лондона и были найдены остатки озерных

жилищ, то, должно быть, задолго до того, как о них узнали, и они были сметены, не оставив и следа о своем существовании. Нет уверенности в том, что здесь существовали подобные поселения. Если бы их остатки когда-либо были найдены среди болот и приливных лагун побережья Эссекса, это укрепило бы теорию о том, что у этого доисторического народа были здесь деревни. Однако я считаю, что таких останков в Эссексе не найдено. Моя теория нуждается в подтверждении. Я не могу доказать, хотя и верю, что первыми поселениями на лондонских болотах были озерные жилища: что люди вбивали сваи в грязь и укладывали балки поперек - там было много дерева, как на холмах Суррея, так и на северных высотах; что они делали пол или фундамент из глины; что они проводили стойки вокруг круглого фундамента; что они делали свои домики защищенными от ветра и дождя, с плетнем по бокам и соломой на крыше; что у каждого дома была своя лодка, своя сеть, свои рогатки; что они выращивали кукурузу на земле вокруг; что у них были стада и отары; что они жили с таким комфортом, какой знали или хотели.

Откуда они пришли, как долго оставались, почему ушли или исчезли, я не знаю.

Однако то, что я предполагаю, - это теория. Правда это или нет, не имеет большого значения; то, что произошло дальше, более определено.

Если вы еще раз рассмотрите местоположение Лондона, то поймете - я уже обращал на это внимание, - что скала с северной стороны смыкается с рекой и нависает над ней двумя небольшими холмами рядом с Уолбруком. Между подножиями этих двух холмов нет болот; ручей, текущий вниз между холмами, образует естественный порт; любой из холмов подходит для строительства форта, каких в те времена не было. Охотники в лесу обнаружили эти две вершины холмов, за которыми были болото и лес, а впереди - река и болото. Они пришли; они построили свой форт, защищенный частично крутыми склонами к югу и востоку, частично - острогом и траншеей; и называли это место Ллин Дин, Озерная крепость. Зачем они пришли, когда они пришли, как они расправились с жителями озера, против какого реального или воображаемого врага они построили свою крепость, я не знаю.

Не знаю я и того, как долго люди продолжали мирно жить в построенной ими крепости. Возможно, это был период в многие сотни лет. Крепость могла быть осаждена и взята сотни раз. Между тем, либо до, либо после строительства этого форта или поселения Ллин Дин, началось общение между жителями острова и континента. Открылась торговля; жители острова узнали, что существует множество вещей, которые они могут обменивать и продавать. Были финикийцы, которые приезжали за оловом; были немцы и галлы, которые приезжали за железом, шкурами и рабами.

Торговля началась, но еще не в Лондоне, где единственным судном на реке была рыбацкая лодка, а единственными звуками были крик дикой утки, песня жаворонка, журчание воды или свист ветра среди тростника.

Выше по течению Темзы, как мы знаем, находился остров, названный впоследствии Торни. Это был очень большой остров, учитывая его расположение: около четверти мили в длину и чуть меньше в ширину. С западной стороны острова находился рукав большого болота, уже описанного выше; с восточной стороны река была широкой и мелкой, и при низкой воде ее можно было перейти вброд; брод приводил путника к другому низкому острову, который впоследствии называли Лэмб-Хайт, что, вероятно, означает "Место грязи". Это был самый низкий брод на реке и самый удобный для тех, кто хотел проехать из Дувра или районов Кента и Суррея на север, или с севера и средней полосы в Дувр, тогда главный и, возможно, - если только Саутгемптон не был уже основан - единственный торговый порт. Таким образом, великая магистраль, проходившая через всю страну от Дувра до Честера, с ответвлениями

или притоками по обе стороны, пересекала Темзу в этом месте, проходя прямо через болото и брод. Другими словами, еще до того, как появился Лондонский порт, Торни был этапом или станцией на шоссе, по которому вверх и вниз текла вся торговля острова. Иными словами, пока Лондон, как , был лишь грубой крепостью на холме, возможно, пока он был лишь деревней обитателей озера на болоте, возможно, еще до того, как он вообще появился, Торни был местом, переполненным теми, кто ежедневно переходил через брод и болото, оживленным и многолюдным местом. С этим утверждением не всегда можно согласиться. Поэтому давайте внимательнее изучим причины, которые его подтверждают.

Археологические выводы любого рода опираются на доказательства, которые можно классифицировать по пяти направлениям: (1) доказательства положения; (2) доказательства раскопок; (3) доказательства древних памятников; (4) доказательства традиций; (5) доказательства истории, к которым можно добавить доказательства монет.

1. Доказательства положения - это мы уже видели. Торни - это место, расположенное между болотом и приливной рекой, которую можно перейти вброд во время отлива. Он находился на великом торговом пути с севера на юг. Во время прилива болото было покрыто водой и простиралось от места будущего аббатства до места будущего Букингемского дворца; оно покрывало места Сент-Джеймского парка, Тотилл-Филдс, Пять полей, часть Челси, Эрлс-корт и Викторию. Во время отлива это было широкое пространство грязи, разбавленное зарослями осоки и камыша. Через болото можно было перейти вброд как во время прилива, так и во время отлива. Дорога была отмечена кольями и большими камнями, уложенными в грязь. На другом берегу река, здесь гораздо более широкая, чем внизу, была проходима вброд при низкой воде. Дорога, также отмеченная кольями, вела путешественника из Торни в Лэмб-Хайт, впоследствии названный Ламбетом.

2. Свидетельства раскопок. Раскопки показали, что ничто другое не могло раскрыть, присутствие на этом месте римлян. В 1869 году, когда еще не было предположений о римской оккупации Торни, в нефе аббатства был найден очень красивый саркофаг с именем Валерия Амандина. На крышке вырезан крест, так что жилец - возможно, не первый - был христианином. Вероятно, он был христианином третьего или четвертого века. Сейчас саркофаг находится у входа в Дом капитула (см. с. 67). Десять лет назад было сделано еще одно открытие: при раскопках могилы под мостовой нефа была обнаружена прекрасная мозаичная плитка. Следовательно, на этом месте находилась римская вилла. А за последние несколько лет, в течение которых в Торни велись активные раскопки, римские фрагменты были найдены в огромном количестве. Таким образом, на этом острове, несомненно, существовало римское поселение.

3. Доказательства древних памятников. Доказательства памятников заключаются в следующем. Большая дорога через Средние земли в Честер и Йорк, найденная здесь римлянами как проторенная тропа, превращенная ими в римскую дорогу по обычаю, названную впоследствии саксами Уотлинг-стрит, ранее шла прямо по нынешней Эджвер-роуд; достигнув места, где сейчас стоит Мраморная арка, она продолжалась по Парк-Лейн, или, как ее когда-то называли, Тайберн-Лейн, пока не достигла конца уже описанного болота. Там она резко обрывалась. В этом месте путешественник начал пробираться через болото. Прибыв в Торни, он устроил там привал на ночь. Утром, когда он продолжил свой путь, он перешел реку вброд во время отлива и вскоре снова оказался на твердой дороге, память о которой до сих пор хранится на Стенгейт-стрит в Ламбете.

СТОРОНА КУПЕЛИ, ЦЕРКОВЬ ИСТ-МЕОН, ГЭМПШИР

Из Archæologia, vol. x.

4. Далее мы имеем *свидетельство Предания*. Согласно этому авторитету, первым христианским королем был некто Луций, который в 178 году обратился с письмом к тогдашнему Папе Римскому, Элевтерию, прося миссионеров, чтобы наставить свой народ и себя в христианской вере. Папа прислал двух священников по имени Ффаган и Дифан, которые обратили в христианство весь остров. Эту историю рассказывает Беда; старые валлийские летописцы также передают ее, называя британское имя короля - Ллеурвг ап Коэль ап Циллин. Именно он воздвиг церковь на острове Торни на месте ранее стоявшего там храма Аполлона. Читая эту историю, мы вспоминаем, что собор Святого Павла, как говорят, был построен на месте храма Дианы.

Говорят, что эта церковь процветала до прихода, двести пятьдесят лет спустя, кровожадных саксов. Сначала по реке пришла весть, что захватчик находится на острове Рум, который мы называем Танет; затем, что он удерживает реку по обоим берегам; потом, что он захватил Эссекс, что он захватил Кент. И когда это случилось, движение товаров внезапно прекратилось, ибо порты Кента оказались в руках врага. На Уотлинг-стрит больше не было движения. Путешественников с каждым днем становилось все меньше, пока однажды отряд диких саксов не перешел брод, удивил священников и рыбаков, которые еще оставались, и оставил остров таким пустынным и безмолвным, какой только можно пожелать для размышлений святых людей. Сделав это, саксы продолжили свой путь. Они захватили среднюю часть страны; они оттесняли бриттов все дальше и дальше, пока не достигли гор. В Торни больше не приходило никаких известий, поскольку, хотя брод продолжался, остров, как и многие другие римские станции, оставался пустым.

СТОРОНА КУПЕЛИ, ЦЕРКОВЬ ИСТ-МЕОН, ХЭМПШИР

Со временем саксонец остепенился, стал мирным человеком, подчинился приказу обращенного короля креститься и принять христианскую веру; а когда короля Себерта убедили построить церковь святого Павла на самой высокой земле Лондона, он еще больше убедился, что его долг - восстановить разрушенную церковь святого Петра на острове Торни рядом с бродом. Скандал, конечно, был бы, если бы толпа, которая снова ежедневно проходила через брод и остров, увидела в христианской стране заброшенные руины христианской церкви. Поэтому строители вскоре приступили к работе, и вскоре церковь возвышалась ввысь и величественно. Чудо освящения, о котором часто рассказывают, можно повторить и здесь. Накануне дня, назначенного епископом Лондонским для освящения и посвящения нового собора Святого Петра, некий Эдрик, рыбак, живший в Торни, был разбужен громким голосом, позвавшим его по имени. Была полночь. Он встал и вышел вперед. Голос снова позвал его с противоположного берега реки, где сейчас находится Ламбет, и попросил его выйти из своей лодки, чтобы переправить через реку человека. Он послушался. На берегу он обнаружил почтенного человека, лица и одеяния которого он не знал. В руках незнакомец нес какие-то сосуды, которые, как понял Эдрик, могли предназначаться только для церковных нужд. Однако он ничего не сказал, а принял таинственного посетителя в свою лодку и переправил его через реку. Прибыв в Торни, незнакомец направил свои шаги к церкви и вошел в портал. И тут же - о чудо! Церковь осветилась тысячей восковых светильников, и послышались голоса, расппевающие псалмы - такие сладкие голоса, каких никто и никогда не слышал. Он стоял и слушал. Голоса, как он понял, принадлежали не кому иному, как ангелам, сошедшим с небес, чтобы совершить первую службу в новой церкви. Затем голоса стихли, и он услышал один голос, громкий и торжественный, а затем небесный хор снова возвысил свои голоса. Вскоре все стихло: служба закончилась, свет погас так же внезапно, как и появился, и незнакомец вышел вперед.

"Знай, о Эдрик, - сказал он, и сердце рыбака возликовало, - знай, что я - Петр. Я сам освятил эту церковь. Завтра я поручаю тебе рассказать об этом епископу, и он найдет в церкви знак и знамение моего освящения. А для другого знамения снова выйди на реку, закинь сети твои, и ты получишь такой большой улов рыбы, что не останется у тебя никакого сомнения. Но десятую часть отдай этой моей святой церкви".

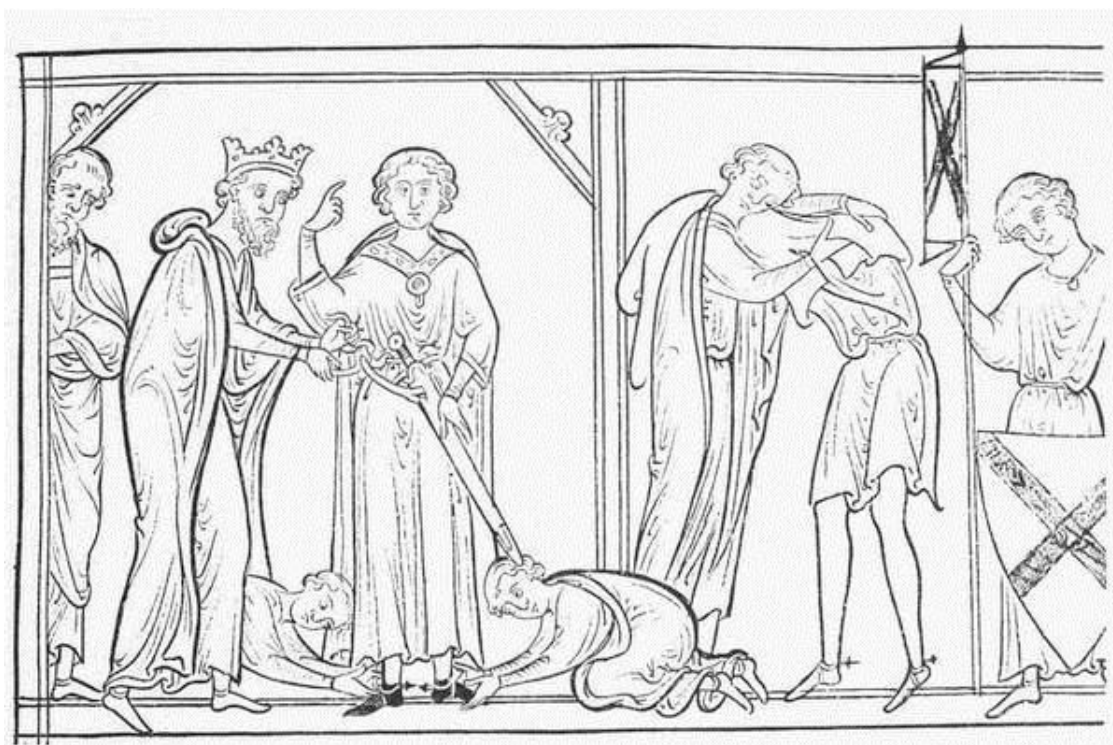
И он исчез, а рыбак остался один на берегу реки; но он поступил так, как ему было велено, закинул сеть и вскоре вытащил на берег чудесный улов.

Утром епископ со своим духовенством и король со своими приближенными прибыли из Лондона на кораблях, чтобы освятить церковь. Их принял Эдрик, который рассказал им эту странную историю. И в церкви епископ обнаружил, что в воздухе витает аромат ладана, более драгоценного, чем тот, который он мог предложить; на алтаре лежат огарки восковых свечей (долго хранившихся как святые реликвии, будучи не иначе как небесными восковыми свечами), а в пыли написаны некоторые слова на греческом языке. Он больше не сомневался. Он провозгласил радостную весть. Вместо освящения он провел службу благодарения. Кто бы не совершил службу хвалы и смиренной благодарности за такой знак небесной благосклонности? А после службы они вернулись в Лондон и устроили банкет, на котором на роскошном блюде лежал лучший лосось Эдрика.

Как случилось, что Петр, пришедший прямо с небес, не смог пересечь реку иначе как в лодке, никто не объяснил и не спросил. Возможно, здесь мы немного путаем Рим и Небеса.

Дуврская улица, как мы знаем, обрывалась у края болота, и Дуврская улица вела в Дувр, а Дувр - в Рим.

5. Теперь мы готовы к *историческим свидетельствам*, которые, возможно, не так интересны, как свидетельства традиций. Клио, надо признать, иногда скучна. Не хватает воображения и смелых полетов ее сестры, десятой Музы - Музы вымысла. Самый ранний документ, в котором упоминается аббатство, - это передача Оффой, королем Мерсии, поместья под названием Олденхэм "Святому Петру и людям Господа, живущим в Торни, том "ужасном", то есть священном, месте, которое находится в Вестминстере ". Дата этого древнего документа - 785 год н.э.; но Беда, умерший в 736 году, не упоминает об основании. Либо Беда намеренно обошел его стороной, либо он не считал его достаточно важным, чтобы упоминать. Он рассказывает о строительстве собора Святого Павла, но, с другой стороны, не упоминает о сотнях церквей, которые возникли по всей стране. Так что мы не должны придавать этому упущению никакого значения. Я считаю, что церковь - возможно, грубая деревянная церковь - здание, подобное Гринстеду в Эссексе, со стенами из срубленных деревьев и крышей из камыша, была восстановлена в начале седьмого века, и что она стала преемницей более ранней церкви. Предание, связанное с этой церковью, столь же древнее, как и все, что мы знаем о ней, а легенда о Луции и его церкви, по крайней мере, подкрепляется недавними находками римских останков и уверенностью в том, что это место всегда имело огромное значение.

ОФФА, НА КОТОРОГО НАДЕЛИ ШПОРЫ
Nero MS., D. 1.

Есть еще один аргумент или иллюстрация в пользу древности какой-то церкви, грубой или нет, на этом месте. Я привожу его в качестве иллюстрации, хотя для меня самого он выглядит как аргумент. Я имею в виду длинный список реликвий, которыми аббатство обладало во время Посвящения в 1065 году. Нас не интересует вопрос о том, были ли эти реликвии подлинными или нет, а лишь тот факт, что они были сохранены монахами как дары различных благодетелей - Себерта, Оффы, Ательстана, Эдгара, Этельреда, Кнута, королевы Эммы и самого Эдуарда. Церковь небольшой значимости и недавней постройки не

осмелилась бы выставять напоказ такие претензии. Но даже для того, чтобы притворство завоевало доверие и обросло легендами, требуется время. Реликвии, приписываемые Себерту и Оффе, могли быть легко унесены при нападении. Что касается природы этих священных фрагментов, то приятно читать о песке и земле, принесенных с горы Синай и Елеона; балке, поддерживавшей святое ясли; куске святых яслей; ладане, подаренном волхвами; сиденье, на котором Господь был представлен в Храме; части святого креста, подаренные четырем королями в разное время; кости и облачения, принадлежащие апостолам и мученикам, Деве Марии и святым без числа, чьи имена теперь забыты. В соборе Экс-ла-Шапель можно увидеть именно такую коллекцию, которую монахи Святого Петра выставили перед благоговейным и некритичным взором Исповедника. Вспомним, что в девятом и десятом веках увлечение паломничеством охватило всю Западную Европу; пилигримы заполнили все дороги, они шли целыми армиями и возвращались, нагруженные сокровищами - водой из Иордана, песком с Синая, комьями земли из Гефсимании, костями и кусочками священного дерева, которым не было числа. Когда Петр Отшельник вставал, чтобы проповедовать, это было всего лишь поднесением спички к куче, готовой к возгоранию. Но для составления такого списка, как тот, что сохранился в истории, требовалось не только время, но и легкоеверие.

Римская Британия, как мы уже говорили, была христианской по меньшей мере сто пятьдесят лет. Поэтому не было бы ничего необычного в том, чтобы найти на Торни монастырские постройки в четвертом веке. Бенедиктинского правила еще не было. Святой Мартин Турский ввел египетское правило в Галлии, откуда оно было перенесено в Англию и Ирландию. Это было простое правило, напоминающее правило эссенов. Ни у кого не было собственности; все вещи были общими; единственным искусством, которым разрешалось заниматься, было письмо. Старшие монахи посвящали все свое время молитве; они принимали пищу вместе - хлеб и травы с солью - и, кроме общей молитвы и общей трапезы, редко покидали свои кельи; сначала это были простые хижины, построенные из глины и пучков тростника; их церкви были деревянными; они брили головы до линии ушей; они носили кожаные куртки, вероятно, потому, что они служили дольше, чем ткань любого вида; многие из них носили волосяные рубашки. Деревянная церковь превратилась в каменную; хижины стали кельями, построенными вокруг монастыря; затем сами кельи были упразднены, и вместо них появилось общее общежитие.

Все эти свидетельства, на мой взгляд, очень четко указывают на тот главный факт, что Торни был оккупирован римлянами, потому что это была оживленная и многолюдная станция на главном пути британской торговли.

Я подробно остановился на этом вопросе, потому что теория о более ранней древности города в Торни, если она может быть доказана, относит основание Лондона к сравнительно недавнему периоду, хотя она все еще оставляет нас в неведении относительно даты.

У нас есть различные сведения об этой торговле. Не стоит полагать, что Гимилько посетил и описал остров, но не следует поспешно отвергать свидетельства Пифея, чьи путешествия происходили примерно в середине IV века до н. э. Пифей обогнул Галлию, высадился на берегах Бретани и двигался вверх по каналу, пока не пришел к месту под названием "Кантион", которое, возможно, является Дувром, а возможно, Северным побережьем. Здесь он высадился и пробыл некоторое время, а именно все лето. Он обнаружил, что на полях выращивают много пшеницы; что ее молотят в крытых амбарах, а не на крытых настилах, как на юге Франции; что климат здесь пасмурный и влажный; что самый длинный день длится девятнадцать часов, а в самый короткий день солнце не поднимается выше трех локтей над горизонтом; что здесь выращивали фрукты, что было большое изобилие одних домашних

животных и недостаток других; что люди питались просом, овощами, кореньями и фруктами; и что они делали напиток из меда и пшеницы - что-то вроде пива.

Следующим путешественником по Британии, о котором сохранились сведения, был Посидоний, живший примерно за сто лет до нашей эры. Он описал оловянные рудники в Корнуолле. По его словам, из олова делают плиты в форме костяшек и везут на остров Иктис, "лежащий перед Британией" - по другим данным, этот остров находится в шести днях плавания от Корнуолла. Канал между Иктисом и Британией был сухим во время отлива, когда олово переправляли. Затем его переправляли в Галлию и везли через всю страну тридцать дней пути до Марселя. Устье реки между Танетом и Кентом, ныне заиленное, раньше было открыто для кораблей во время прилива и проходило вброд во время отлива.

Ниже приводится рассказ Авиена, писателя четвертого века (цитируется по книге Чарльза И. Элтона "Истоки английской истории").

"Под этим мысом раскинулся обширный Æstryrnian залив, в котором из моря поднимаются острова Æstryrnides, разбросанные с большими промежутками, богатые металлами олова и свинца. Жители горды, умны и деятельны, и все они заняты непрерывными торговыми заботами. Они бороздят широкий бурный пролив и океан, изобилующий морскими чудовищами, с помощью нового вида лодок. Ибо они не умеют делать кили из сосны или клена, как другие, и не строят свои изогнутые барки из пихты; но, как ни странно, они всегда оснащают свои суда шкурами, соединенными вместе, и часто пересекают соленое море в кожаной шкуре. Отсюда два дня плавания до Священного острова, как называли его древние, который раскинулся на широком пространстве дерна посреди вод и населен гибернийцами. Рядом с ним находится широкий остров Альбион".

Элтон цитирует Посидония о торговле оловом. Купцы, говорит он, покупают олово у туземцев и везут его в Галлию.

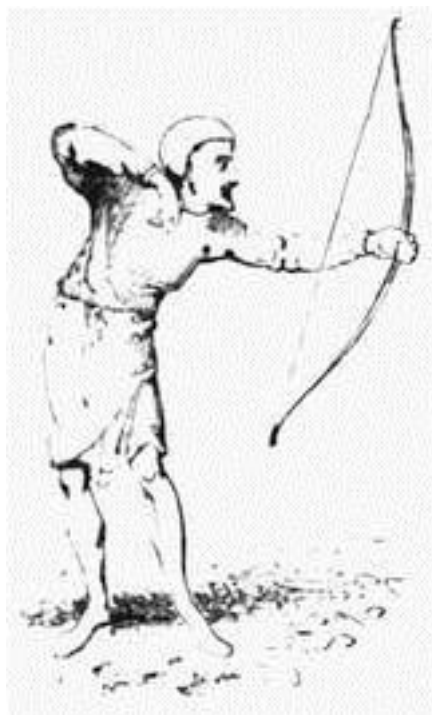
Итак, здесь мы имеем доказательство древней и обширной торговли оловом, а также определенного этапа цивилизации.

Однако есть и другие доказательства.

Во втором веке до нашей эры у людей были города, которые представляли собой укрепленные крепости, и деревни. Они жили в ульевых хижинах, построенных из дерева и плетня, с крышами из папоротника и соломы. Они были искусны в некоторых искусствах. Они умели делать ткань и лен для летнего и зимнего использования; они могли окрашивать эти материалы в разные цвета. Они умели работать с золотом и носили ошейники, браслеты и кольца из золота. Они красили свои волосы в красный цвет. Они носили набедренную повязку из плетеной кожи или цепную почту; из оружия носили меч, пику, лук и стрелы, а также пращу. У них также были косые боевые колесницы. Их оружие было стальным, поэтому они могли работать с железом; они использовали колесный плуг.

За пятьдесят лет до римского вторжения король Суассона Дивитиак совершил частичное завоевание Южной Британии, но за несколько поколений до этого на остров иммигрировали из Бельгии, и поселения возникали вдоль побережья и рек.

О внутренней и внешней торговле страны свидетельствуют монеты.

АРЧЕР

Strutt's Sports and Pastimes.

Где есть чеканка, там есть и торговля. То есть торговля может вестись и без монеты, но существование монеты - это доказательство того, что искусство торговли понято и уже давно ведется. У жителей этого острова была своя монета еще до высадки Юлия Сезара. Сколько времени прошло до этого, точно неизвестно. Считается, что некоторые из их древних монет относятся ко второму веку до н. э. Предполагается, что они были сделаны по образцу монет греков эпохи Филиппа Македонского, но взяты с галльских образцов. В то же время некоторые монеты выглядят так, будто они "на столетия старше первой экспедиции Сезара" (Monumenta Historica Britannica, Introd. 151). В любом случае они являются доказательством давней торговли и, возможно, имеют очень отдаленную древность. О том, что торговля была внутренней, свидетельствует тот факт, что на севере были найдены древние британские монеты, принадлежавшие югу страны.

Поэтому мы можем с уверенностью заключить, что все эти факты указывают на существование крупной торговли между островом и континентом. Не из благотворительности же разрабатывались оловянные рудники, а олово отправлялось на экспорт в Танет.

Если теперь мы рассмотрим римские шоссе, которые, несомненно, были основаны на более древних путях, то обнаружим не только то, что пять из них сходятся к Лондону, но и то, что Лондон, учитывая обширные леса, а также течение рек и форму побережья, был настоящим центром для приема и распределения импорта, а также для приема и пересылки экспорта. И далее мы можем сделать вывод, что, поскольку Пифей и Посидоний, очевидно, были приняты с гостеприимством и путешествовали повсюду, не опасаясь насилия, жители острова привыкли к визитам иностранцев, приезжавших торговать. Одним словом, невозможно сказать, когда впервые началась торговля между Британией и континентом; невозможно оценить ее масштабы; невозможно установить, когда главный центр торговли оказался наиболее удобно расположенным в Лондоне или рядом с ним.

ФИГУРЫ, РЕКОНСТРУИРОВАННЫЕ ПО ДРЕВНЕЙ ОДЕЖДЕ И ОСТАНКАМ, НАЙДЕННЫМ В БОЛОТЕ

Из Archæologia, vol. vii.

Когда мы впервые слышим о Лондоне, то узнаем несколько весьма наводящих на размышления фактов. Во-первых, город уже был местом отдыха купцов; во-вторых, он был тесно связан с Галлией и Британией и поддерживал с ними тесное взаимодействие; в-третьих, жители юга, по крайней мере, владели теми же искусствами, той же цивилизацией, что и галлы. А последние уже достигли той стадии, когда некоторые вещи, которые невозможно вырастить или произвести на собственной земле, перестали быть роскошью и стали предметами первой необходимости. Вскоре после этого мы узнаем, что остров был густо заселен. Армия королевы Боадии, собранная исключительно в восточных графствах, насчитывала много тысяч человек; настолько много, что разрозненные отряды ее армии смогли уничтожить огромное количество - история неточно говорит о 70 000, что можно принять за огромное число жителей Верулама, Лондона и Камулунума. Еще один момент, который никогда не рассматривался в этой связи, также указывает на густонаселенность. По всему пути от Лондона вниз по течению реки Нор, вокруг значительной части побережья Эссекса и вдоль побережья Линкольншира, где берег представляет собой болото, тянется большая и великолепная набережная. Насколько можно судить, она не является римской, то есть не имеет ни одной из римских характеристик: это огромная сплошная земляная стена, облицованная камнем, которая стоит уже много веков, лишь в некоторых местах уступая место, как в Баркинге во времена короля Стефана и в Дагенхеме во времена королевы Анны. Для того чтобы построить такое сооружение, необходимы две вещи: должно быть изобилие рабочей силы, а также должна быть востребована новая земля для возделывания. Оба эти условия указывают на большое население. Учитывая многочисленность населения; учитывая спрос на иностранные товары среди более богатого класса; учитывая производство товаров, которые требовались за границей - рабов, металлов, шкур, шерсти - мы не можем

сомневаться, что торговля Британии, северная и средняя часть которой проходила через Торни, была непрерывной и очень значительной.

Другими словами, этот островок посреди болот и брода, который, как нас всегда уверяли, в ранние времена был диким и безлюдным местом; выбранный, как нам также говорили, в качестве места для монастыря из-за своей уединенности и удаленности, задолго до того, как здесь был построен какой-либо монастырь, был местом непрерывной процессии тех, кто путешествовал на юг, и тех, кто путешествовал на север. Это было место остановки и отдыха для потока путешественников, который тек непрерывно круглый год. Через Торни проходили купцы с товарами, которые они собирались выгрузить в Дувре, навьюченными на вьючных лошадях. Через Торни шли длинные вереницы рабов, которых предстояло продать в Галлии и, возможно, перевезти в Италию. Через Торни шли караваны на север. Всегда, день за днем, даже ночь за ночью, стоял шум приезжающих и уезжающих: такой шум, как, например, во дворе старомодного постоялого двора, куда то и дело входили и выходили груженные повозки, тяжело ступая по камням, кареты, почтовые повозки, купеческие всадники на своих клячах - все с шумом. Остров Торни был похож на этот двор: это был большой постоялый двор, место остановки, шумное, оживленное место, центр, а до возвышения Лондона - сердце Британии. Не тихое, безлюдное место, а настоящий живой центр движения всего острова. Не крепость или стратегически важное место, а, если говорить о постоянном населении, сборище людей, собравшихся вместе, чтобы обеспечить потребности путешественников - собрание трактиров и таверн.

Таким образом, мы получили следующее. В очень ранние времена Лондон был поселением озерных жителей, затем он стал британской крепостью. В то же время было налажено сообщение с Галлией через Дувр, началась торговля; естественной дорогой для торговли из средней полосы и с севера был самый восточный брод через Темзу, поэтому Торни стал оживленным и важным местом, так как лежал на торговом пути Лондона.

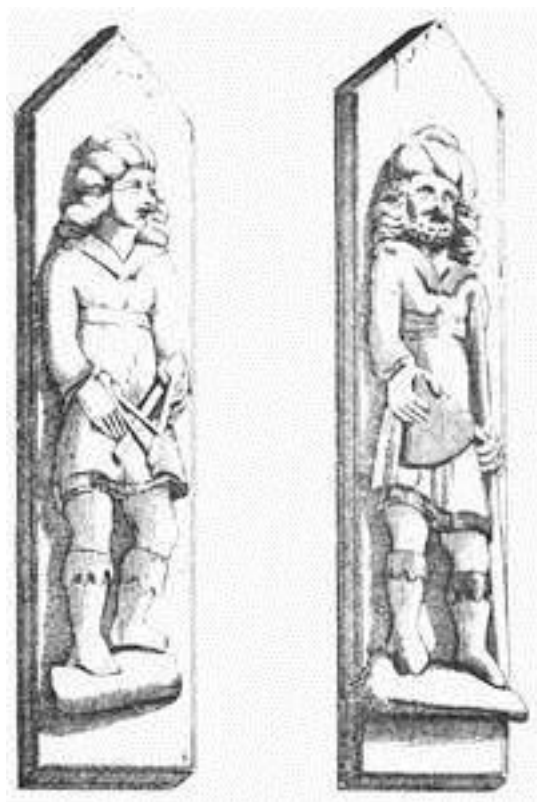
В то или иное время купцы обнаружили, что Лондон - гораздо более удобное и центральное место, чем Дувр. Путешествие проходило вдоль кентского побережья, на несколько миль за Дувром, мимо пролива, отделявшего Танет от материка и впадавшего в устье Темзы, откуда было безопасно и легко плыть вверх по течению к новому торговому порту - озерной крепости.

Следующим событием, естественно, стало перемещение значительной части торговли из Торни в Лондон. Это произошло в том месте, которое мы сейчас называем Мраморной аркой, где шоссе было заброшено, а новая дорога проложена вдоль нынешних Оксфорд-стрит и Холборн в лондонский Сити. Так, постепенно, значение Торни сошло на нет. В том, что он оставался перевалочным пунктом для значительной части торговли до строительства Лондонского моста, сомневаться не приходится. Возможно, значительная часть торговли велась бы по старому пути и дальше, если бы не насыпь реки, уничтожившая брод.

Оставалась паромная переправа, которая просуществовала до середины прошлого века. Несомненно, значительная часть торговли по-прежнему пересекалась через паром, но когда был построен Лондонский мост, и судоходство легло на реку для приема товаров, путь в Дувр постепенно стал заброшен. Мы можем с уверенностью предположить, что это произошло в четвертом веке.

Уже говорилось, что невозможно установить какие-либо даты, по которым можно было бы определить период этих событий. Есть, однако, один факт, который дает отрицательное доказательство: когда Пифей совершал свое знаменитое путешествие в Британию, он, похоже, не видел Лондона. Он ничего не говорит о нем. Судя по его рассказу, торговля с

Галлией еще не приняла значительных масштабов; торговля с финикийскими кораблями для перевозки олова ограничивалась юго-западным районом, а Лондон, который никогда не был ничем иным, как местом торговли, даже не упоминался этим путешественником. Возможно, но я не думаю, что это было так - Лондона тогда еще не существовало.

ФИГУРЫ ИЗ ДЕРЕВА В ВОБУРНЕ В БЕКИНГЕМШИРЕ, ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО ПРЕДСТАВЛЯЮЩИЕ СТРАНСТВУЮЩИХ КАМЕНЩИКОВ

Из Archæologia, vol. xviii.

Кто были те люди, которые построили эту крепость над озером и принимали купцов? Это были кельты, и название, которое они дали своей цитадели, Ллин Дин, - кельтское. Их нравы и обычаи известны так же хорошо, как у любого древнего народа; их религия подробно описана многими историками; у них были поэты, музыканты и священники. По случаю они надевали расшитые золотом одежды; они копировали цивилизацию своих соседей - галлов. Курганы, в которых хоронили умерших, свидетельствуют о большом разнообразии орудий труда и знании некоторых искусств. Их оружие было в основном из бронзы; мечи имели форму "листа", наконечники копий были из бронзы, длинные ножи также из бронзы. Они носили щиты из бронзы. Они не носили ни шлема, ни кирасы; вокруг шеи они надевали железный ошейник, а вокруг тела - железный пояс. У них были каменные булавы и стрелы с кремневыми наконечниками; у них были бронзовые трубы; они умели чеканить деньги; они занимались гончарным искусством, делая очень хорошие вазы и горшки; они делали и использовали ужасную военную колесницу - часть одной из них была обнаружена некоторое время назад в Сомерсетшире.

Опять же, необходимо прояснить наши представления о ранней торговле Лондона. Когда мы говорим на эту тему, мы, естественно, склонны думать о средневековом городе с правительственными жителями, лучшим классом, рыночными площадями, торговыми правилами и всеми аксессуарами позднего периода. Поэтому, чтобы прояснить ситуацию,

давайте рассмотрим условия торговли в столетия - повторяю, я не считаю, что приход римлян имел какое-то отношение к основанию Лондона - до римского периода.

I. Первым торговым портом на Темзе, как мы видели, был остров Торни - в лучшем случае небольшое место, которое невозможно расширить из-за болотистой местности вокруг него во всех направлениях, кроме южного.

II. Открытие Лондона с его возвышенностями, нависающими над рекой, с его портом на впадении Уолбрука, с его большей безопасностью, с его легкостью доступа по морю и реке отвлекло большую часть торговли от Торни, а постепенно и всю торговлю.

III. Невозможно определить дату этой диверсии: несомненно лишь одно, что в римские времена Торни имел определенное значение как торговый центр, поскольку на островке сохранилось множество римских останков.

IV. Итак, мы начинаем рассказ с какого-то неопределенного периода, который начался задолго до прихода римлян, как читатель сочтет нужным предположить, и продолжался до резни, устроенной повстанцами Боадицеи.

Первое и самое важное условие, которое следует отметить, - это то, что торговля в Лондоне могла вестись только в летние месяцы. Только летом корабли осмеливались пересекать Ла-Манш, пробирались вдоль побережья Кента и проходили через канал между Танетом и материком в реку. В зимние месяцы плавание кораблей полностью прекращалось, океан был безлюден. Это состояние сохранялось на протяжении многих веков: ни одно судно не осмеливалось выходить в море по крайней мере шесть месяцев в году; даже пираты Северного моря запрягали свои суда, а когда приходили датчане, они каждый год на шесть месяцев оставались в своих внутренних покоях.

Кроме того, только летом можно было вести внутреннюю торговлю. Зимой сообщение было затруднено, а во многих местах и вовсе невозможно; города были изолированы и зависели от собственных ресурсов; деревня была отделена от деревни болотами, топиями, лесами и бездорожьем: не было возможности перевозить товары, не было рынков.

Поэтому главным ограничением ранней торговли было то, что она велась только в летние месяцы: если учесть время, затрачиваемое на путешествие в порт и обратно, то внешняя торговля, от которой зависела внутренняя, была ограничена несколькими неделями.

Что это означает? Экспорт должен был быть доставлен в порт к определенному времени: его везли на спинах рабов или на вьючных лошадях. Импортные товары нужно было доставить в страну для продажи и распространения в обратном направлении на тех же рабах и вьючных лошадях. Товары привозили из страны к пристаням, которые представляли собой грубые и неровные сооружения из свай и брусьев на по обе стороны от устья Вальбрука, и там их обменивали на импорт. Корабли выгружали один груз, затем принимали другой и отплывали. Ничего не оставалось; не было никакого наложения одного года на другой; не было никакого хранения товаров на зиму. Когда корабли уходили, а караваны отправлялись в путь по стране, в порту больше ничего не оставалось делать до следующего сезона. Лондон мог бы уснуть, если бы вообще существовал.

Иными словами, лондонская торговля в этот период представляла собой не что иное, как ежегодную ярмарку, проводимую в июле и августе, которую посещали иностранные купцы, привозившие импорт и увозившие экспорт на своих судах, и торговцы, которые вели свои

длинные процессии вьючных лошадей и рабов из страны в порт, прибывая к тому времени, когда должны были прибыть корабли; они обменивали привезенное на товары, прибывшие на кораблях, а затем снова уезжали. Где они проводили зиму, сказать невозможно. Однако совершенно точно, что летом они приезжали в Лондон с севера, востока, юга и запада; ни в какое другое время они приехать не могли. Эти соображения позволяют нам понять, что Лондон был переполнен каждое лето в течение нескольких недель торговли, но что зимой здесь не было ни торговли, ни сообщения с другими местами, ни сообщения с заграницей. Неужели в Лондоне не было купцов, которые постоянно жили в Лондоне и хранили товары? Ни одного. Пока ни одного.

По сути, это место напоминало Стербридж рядом с Кембриджем. Во время ежегодной летней ярмарки Стербридж был значительным городом; сюда стекались торговцы всех видов и из всех стран; магазины и лавки располагались на улицах; эти улицы были заполнены торговцами и частными лицами, приехавшими на ярмарку со всех концов страны. Когда ярмарка заканчивалась, торговцы исчезали, лавки сметались, место превращалось в большую площадь, пустую и безлюдную до следующего сезона.

Так было и в Лондоне. Торговый сезон приходился на июль и август, как я читал историю: в эти месяцы возвышенность к востоку или западу от Уолбрука была покрыта лавками и будками из плетня и глины. Когда ярмарка заканчивалась, временные сооружения убирали или, возможно, оставляли для ремонта в следующем сезоне; поток людей исчезал, и Лондонского порта не было еще целый год. Лондон не имел никакого значения, за исключением короткого сезона ярмарки. Не было в нем и важных жителей. Остались лишь скромные люди, которые ловили рыбу в реке, птиц на болотах, охотились в лесах и работали на кораблях, пока те находились в порту.

Я думаю, что ежегодная ярмарка проводилась на западной стороне Уолбрука по той простой причине, что римляне, когда строили свою цитадель, выбрали восточную сторону - то есть заняли восточный холм, потому что не хотели мешать торговле, которая велась в основном на западном холме. Моста еще не было - иначе не было бы резни со стороны оскорбленной королевы (см. с. 59). Что касается времени, когда торговля стала крупной и настолько непрерывной, что потребовала возведения складов и создания корпуса оптовых купцов, я не могу предложить даже приблизительного мнения. Мои выводы относятся к более раннему, отчасти римскому времени, когда Лондон представлял собой не что иное, как ежегодную ярмарку, когда не было ни общественных зданий, ни муниципальных учреждений, ни чиновников, ни правителей, кроме временных распорядителей временной выставки. И, как на ярмарке, после ее окончания ничего не оставалось в магазинах или на складах на следующий год. Корабли оставляли за собой импорт и привозили экспорт.

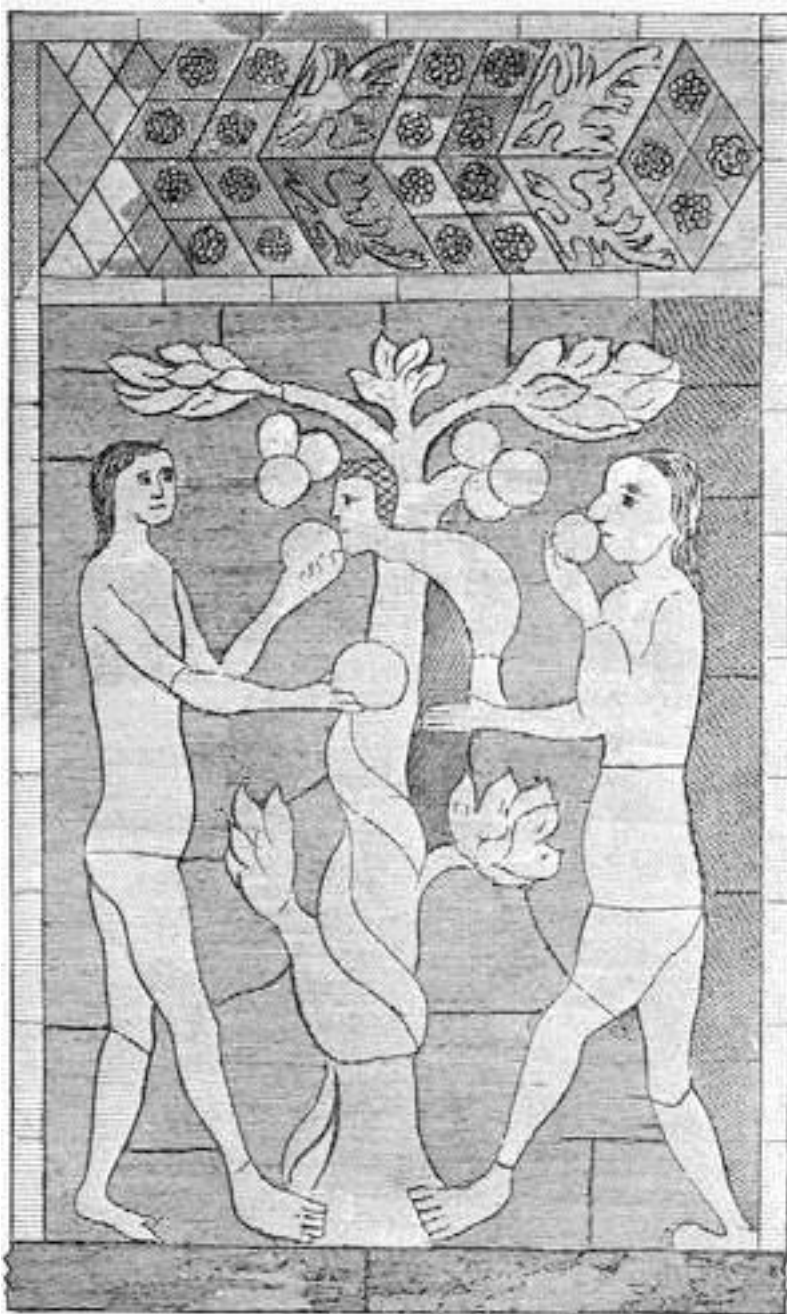
Было бы интересно выяснить, как продолжалась летняя торговля и как затихала зимняя еще долго после того, как характер ежегодной ярмарки покинул Лондон. Мы знаем, что каждое лето из Венеции и Генуи приходили галеры; каждое лето из Бордо приходили корабли, груженные вином; каждое лето из Северной Европы и Балтики отправлялись и приходили в порт корабли Ганзейского союза. Что делалось в двенадцатом веке, например, зимой? Какой объем торговли мог осуществляться по дорогам, которые две трети года были практически непроходимы?

Теория ярмарки объясняет, почему Цезарь не упоминал о Лондоне и почему римляне поначалу не разместили в нем постоянного гарнизона: они видели его переполненным в течение нескольких недель, а затем опустевшим и не имеющим никакого значения. Резня Боадицеи впервые пробудила в них чувство не только стратегической, но и торговой

важности города. Когда они строили свою цитадель и мост, то не только для того, чтобы защитить торговлю в течение нескольких недель и скудное население рыбаков, но и для того, чтобы захватить и занять опорный пункт, имеющий огромное значение как великий военный и торговый центр. Это также объясняет, почему на месте Лондона не было найдено никаких остатков доримских построек. Потому что их не было. Приходили *copia mercatorum*, оставались на несколько недель или дней и уходили. Они находили трактиры и лавки для своего размещения; когда они уезжали, трактиры и лавки закрывали или оставляли разваливаться еще на двенадцать месяцев.

Со временем, когда объем торговли увеличился и всевозможные товары стали хранить на складах и перерабатывать из года в год, границы рабочего времени, естественно, расширились. Нужно было многое успеть сделать: заложить товар на склад, подготовить его к следующему лету, договориться с розничными торговцами и владельцами караванов, курсирующих по стране. Но оставалось еще время - шесть или восемь месяцев, - в течение которого ни один корабль не прибывал в порт, а дороги в стране были непроходимы.

Появление складов и рост класса людей, которые держали склады и становились оптовыми купцами, знаменует собой период расширения и увеличения торговли порта.

МОСТОВАЯ ПЕРЕД АЛТАРЕМ ЧАСОВНИ НАСТОЯТЕЛЯ В ЭЛИ

Из Archæologia, vol. x.

С римлянами пришло время хороших дорог, складов, налаженной и постоянной торговли, класса оптовых купцов, причалов удобного размера, новых и искусственных портов, а также пожизненного проживания богатой и высокоцивилизованной общины, которая строила виллы по берегам Вальбрука и подражала, хотя и несовершенно, искусству и цивилизации Бордо, Марсея, Тревеза и даже Рима.

Прежде чем мы выйдем на свет истории, можно отметить еще один момент. Лондон с самого начала занимал положение города, который должен был зависеть от внешних или отдаленных источников снабжения. Перед ним, по обе стороны от него, простирались болота, за ним - топи: он ничего не мог вырастить для своих жителей. За пределами других городов лежали фермы, сады и пастбища: за пределами Лондона не было ни фермы, ни

сада, ни пастбища; кроме рыбы в реке и птицы на болотах, там не было ничего. Купец во времена Агриколы, так же как и купец во времена Виктории, жил за счет продуктов, привезенных частными предприятиями.

Доисторических памятников, существующих в Лондоне и его окрестностях, два: набережная реки и Хэмпстедский курган. Дату создания набережной угадать невозможно: нет ничего, что могло бы обозначить время ее строительства. Для торговых целей набережная должна была быть построена, как только в Лондоне начала развиваться торговля. Что произошло на северном берегу, мы увидим в ближайшее время. Но недостаточно было благоустроить реку у Лондонского порта: необходимо было отвоевать болотистую местность вдоль всей реки на севере и юге. Построенная таким образом стена часто ремонтировалась, но по сути осталась такой же, как и была построена изначально. Немногие знают или задумываются о величии этой работы и о том, какую площадь земли она превратила из болота в пастбище. Желаящие могут пройти вдоль нее от Баркинга до Тилбери или от Тилбери до Саутенда.

Хэмпстедский курган называют могилой королевы Боадицеи. Однако ничто не дает оснований считать, что здесь похоронена британская королева. В ноябре 1894 года курган был вскрыт и тщательно обследован. В нем не было найдено ничего - ни оружия, ни кубков, ни украшений, ни костей, ни человеческой пыли; ничего, кроме "карманов" древесного угля. В кургане могли быть погребения; тела могли быть полностью уничтожены, чтобы не оставить следов: такие случаи известны, но они не являются обычными. Профессор Хейлз предположил, что курган является простым пограничным холмом, и он отстаивает эту позицию с большим знанием дела. Тем не менее, вопрос не может быть решен.

В Лондоне до сих пор сохранилось одно название, которое, возможно, относится к Лондону доримских времен. Уэльское название Лондона - Caer Ludd - Город Луддера Луда. Ллудд у валлийцев был тем же самым, что и Лир, бог океана (Чарльз Элтон, *Origins of English History*). Можем ли мы увидеть в названии Ладгейт сохранение имени кельтского бога, которому, возможно, был посвящен храм на холме, возвышающемся над Темзой на юге и Флитом на западе?

КНИГА II РИМСКИЙ ЛОНДОН

ГЛАВА I ПРИХОД РИМЛЯН

В августе 55 года до н. э. Цезарь высадился на побережье Британии с восьмьюдесятью кораблями и двумя легионами - 7-м и 10-м. Он пробыл в стране три недели и за это короткое время провел два сражения. Летом следующего года он снова высадился на берег с армией в тридцать или сорок тысяч человек и восьмьюстами кораблями. Бритты отступили перед его наступлением и сразились с ним сначала у переправы через Стоур, где потерпели поражение, а затем у укрепленного брода через Темзу, возможно, в месте, указанном

традицией, которое теперь называется "Коуи Стейкс", недалеко от Уолтона на Темзе, где снова потерпели поражение. Затем он напал на крепость Кассивеллауна, британского полководца, взял ее штурмом, принял покорность племен и удалился, оставив остров номинально покорным римской власти. Он рассказывает, что нравы и обычаи жителей Кента очень похожи на галльские, но в более северных районах люди были гораздо грубее. Он также сообщает нам, что торговля с Галлией велась через Кент.

Я показал причины считать, что торговля с Галлией была обширной; что она проходила через Кент по дороге, названной впоследствии Уотлинг-стрит, и через остров Торни; что Торни был густонаселенным и процветающим местом; и что Лондон к приходу римлян уже был портом со значительным объемом торговли.

Прошло почти сто лет, прежде чем жителей острова вновь потревожили римские завоеватели. Благоразумие Августа не позволило увеличить гарнизоны на границе огромной империи. За это столетие на острове произошли большие перемены. Многие галлы, бежавшие из завоеванной страны, пересекли Ла-Манш и поселились в Британии: атребаты - на севере и юге от верховьев Темзы; паризии - в Йоркшире; белги - между Солентом и Бристольским каналом. Островитяне знали толк в деньгах, вместо бронзы использовали железо и сталь для оружия, разрабатывали золотые, серебряные и железные рудники, экспортировали скот, шкуры, рабов, пшеницу и ячмень, спортивных собак; их вожди богатели, строили города.

В этот век развития, возможно, был основан Лондон. Как мы уже объясняли в предыдущей главе, первым существенным фактом, который необходимо было обнаружить, было центральное положение Лондона как порта. Как только мы это поняли, все остальное легко и быстро приложится. Однако такое угадывание даты доисторического события мало что дает. Дело в том, что мы не знаем, когда был основан Лондон, но я попытался доказать, что Сити начался с ежегодной ярмарки.

Через восемьдесят восемь лет после первого визита Сезара Британия вновь подверглась вторжению. Вторжение было предпринято отчасти по наущению некоего Берикуса, британского принца, бежавшего в Рим за защитой; отчасти потому, что, будучи так называемой провинцией, страна не платила дани и не посылала заложников; отчасти из-за убеждения, что она богата золотом, серебром и жемчугом.

Поэтому император Клавдий решился на новое вторжение в Британию. Четыре легиона, 2-й, 9-й, 14-й и 20-й, вместе с кавалерией и вспомогательными войсками, насчитывающими около 50 000 человек, сформировали армию вторжения под командованием Аулуса Плауция в 43 году н.э. Некоторые задержки были вызваны мятежом. Некоторая задержка была вызвана мятежным поведением войск, которые заявили, что Британия находится за пределами мира, и отказались отправиться в путь. Однако в конце концов они согласились следовать за своим генералом. Вместе с Аулутом Плаутием были Веспасиан, ставший впоследствии императором, и брат Веспасиана Флавий Сабин. О том, что произошло с римской армией дальше, Дион Кассий рассказывает смутно. Весь отрывок путаный: он явно написан человеком, не имевшим перед собой карты: ясно только одно: во время прилива здесь было широкое водное пространство, а во время отлива - болото. Рассмотрим этот отрывок - рассказ Диона цитируется в книге Эдвина Госта "Первобытные кельты", т. ii. с. 397:-

"Когда они подошли к некоей реке, которую, по мнению варваров, римляне не могли перейти без моста и потому расположились на противоположном берегу несколько беспечно, он выслал вперед кельтов, чей обычай - переплывать с оружием даже самые быстрые реки; и они, неожиданно обрушившись на своих противников, хотя и

не задели никого из людей, а ранили только лошадей, запряженных колесницами, но, поскольку были приведены в смятение, всадники уже не могли быть уверены в своей безопасности. Он послал туда же Флавия Веспасиана, того самого, который впоследствии получил верховную власть, и его брата Сабина, служившего при нем лейтенантом, и вот они, перейдя где-то реку, перебили многих варваров, не ожидавших их. Остальные, однако, не разбежались; но на следующий день, снова сойдясь в схватке, они сражались почти на равных, пока Кней Осидий Гета, рискуя попасть в плен, не нанес им столь основательное поражение, что получил триумфальные почести, хотя никогда не был консулом. Бритты отошли к реке Темзе, откуда она впадает в океан, а во время прилива образует озеро, и, легко пройдя его, так как были хорошо знакомы с такими участками, которые были твердыми и легко проходимыми, римляне последовали за ними, но и в этом случае не достигли своей цели. Однако кельты, снова переплыв озеро, и некоторые другие, пройдя по мосту чуть выше, встретили их сразу с нескольких сторон и перебили многих из них; но, беспечно следуя за остальными, они попали в труднопроходимые болота и потеряли много своих людей".

Ученый антиковед доктор Гост придерживается мнения, что Лондон еще не существовал, поскольку находился за пределами Тринобантов; что болота, в которых оказался Аулус Плаутий, были болотами реки Ли; что когда он вывел своих солдат, то расположился лагерем на том месте, где сейчас находится Лондон, и что его лагерь положил начало Сити. Он также предполагает наличие необитаемой болотистой местности, простирающейся от реки Ли до реки Брент. Все это - чистые предположения. Ни о каком лагере на месте Лондона историк ничего не говорит. Более того, Дион Кассий ничего не говорит об основании Лондона, который, когда он писал свою историю в конце второго века, был очень большим и важным городом. И, как мы уже видели, Тацит, писавший в 61 году н. э., говорит о Лондоне - это первое упоминание о городе - как о густонаселенном и часто посещаемом месте. Невозможно поверить, что такой город мог возникнуть и процветать за восемнадцать лет. То, что Лондон находится на границах Тринобанта или за его пределами, не влияет на этот вопрос, поскольку, несомненно, основание Лондона и его значение были обусловлены его центральным положением как порта и места торговли. Мое собственное мнение, которое я уже высказывал, сводится к тому, что к приходу римлян Лондон приобрел значимость благодаря ежегодной ярмарке, но никак не по другим причинам.

Однако первое замечание, которое возникает при чтении этого отрывка, - это то, что историк писал без карты и без какого-либо знания страны. Совершенно невозможно даже предположить, где находилась "определенная река", как далеко она была от Темзы, где на Темзе римляне упали в болота или где находился мост, по которому прошла часть армии. Доктор Гост считает, что историк или документ, из которого он взял свой рассказ, перепутал Лию с Темзой. Это, однако, не приближает нас к его идее, которая заключается в том, что римский лагерь, в котором после заключения договора Аулус Плаутий ожидал прибытия императора Клавдия, находился на месте Лондона и был фактическим истоком Сити. Можно заметить, что после этой битвы по крайней мере сто лет не было ни одного моста через Темзу. Единственными британскими мостами были те, от которых сохранилось, возможно, два-три примера, как, например, в Дартмуре, где узкий и мелкий ручей пересекают каменные плиты, лежащие на валунах или вертикальных блоках. Совершенно точно, что такого моста через Темзу не было; возможно, он был через Лию, но выше по течению. Возможно, вместо "моста" следует читать "брод". Но все повествование слишком запутано. Если бы лагерь располагался на одном из холмов-близнецов, нависающих над Вальбруком, историк не преминул бы обратить внимание на то, что на этом месте вырос один из

крупнейших и важнейших городов Римской империи. Но если немного подумать, то станет ясно, что Аулус Плаутий не стал бы разбивать свой лагерь на этом месте. Во-первых, даже римская армия не маршировала без цели через густой лес и по бездорожью болота. Либо Лондон уже был заселен, либо это было безлюдное и неизвестное место. Если первое, то Аулус вполне мог разбить там лагерь, пользуясь обычными путями сообщения. Но в таком случае нельзя утверждать, что он основал город. Если же второе, то к этому месту вообще не было ни дороги, ни тропы, ни способа добраться до него, кроме как через леса и болота, закрывавшие его с севера и запада, или через болота, или через реку. Попад в болото, римляне первым делом старались выбраться из него как можно лучше, и разбить лагерь на этом холме с болотами и лесами вокруг, без дороги любого вида или описания, без каких-либо средств снабжения, было бы военной ошибкой, на которую римский генерал был неспособен. Поэтому мне кажется совершенно несомненным, что Аулус не разбивал лагерь на холме над Вальбруком.

Для целей данной работы нет необходимости выяснять, где он расположился. Однако мы можем отметить, что дорога из Дувра на север обрывалась возле Ламбета, где начиналось болото, и начиналась снова там, где болото заканчивалось на другом берегу напротив Торни; захватчики наверняка воспользовались бы этой дорогой; что здесь был брод во время отлива, а во время прилива болото превращалось в озеро; так что я думаю, нам нет нужды подниматься выше по реке. Это место было Ламбетом или Вестминстером, как я читал.

За взятием Камулодунума (Колчестера) последовало подчинение племен. Император сам присутствовал при завершении войны и устроил великолепный триумф, на котором была выставлена имитация Камулодунума, который атаковали и защищали тысячи британских пленников, отряженных убивать друг друга в этой имитационной войне.

История римского завоевания показывает народ упрямый и храбрый. Племя за племенем, народ за народом боролись за свободу; они терпели поражение, покорялись, восставали и снова терпели поражение. Их юноши попадали в плен, отправлялись в Рим, чтобы украсить зрелища, сражаясь на арене, или записывались в полки и служили в чужих странах. Веспасиан и Тит завоевали юг, проведя тридцать сражений; Аулус Плаутий покорил Средние земли. От Северна до болот была построена линия крепостей; в Камулодунуме была основана колония демобилизованных солдат, а бритты были вынуждены покинуть свои фермы, чтобы освободить место для этих колонистов.

ГЛАВА II

РИМСКОЕ ВЛАДЫЧЕСТВО

Второе появление Лондона в истории связано с восстанием иценов под предводительством Боудикки, или, как ее имя переводится на латынь, Боадицеи. Она была вдовой Прасутага, короля иценов, который завещал свое королевство, надеясь таким образом обезопасить владение, римскому Сезару вместе со своей женой и дочерьми. Эта мера предосторожности оказалась бесполезной. Его царство было разграблено капитанами, а жена и дочери обещены. С быстротой летнего шторма бритты из Норфолка, с болот, с севера поднялись с одного согласия и обрушились на римскую колонию. Город Камулодунум был не укреплен, в нем не было ни одного войска, кроме ветеранов. Суетоний Паулин находился далеко в

Северном Уэльсе, когда вспыхнуло великое восстание. Ветераны сражались за свою жизнь: счастливы были те, кто пал в бою: пленных замучили до смерти; женщин и детей вырезали, как и остальных; 9-й легион, шедший на выручку колонии, был разрезан на части, спаслась только кавалерия.

Паулинус поспешил в Лондон - обратите внимание, что при первом появлении в истории Лондон - большой город. Но он решил, что лучше не делать это место своим военным штабом, и ушел, несмотря на мольбы жителей. Однако он разрешил желающим следовать с армией. Как только римская армия покинула город, бритты - очевидно, это была не одна армия повстанцев - вошли в него и вырезали всех мужчин, женщин и детей. В то же время они вошли в Верулам и перебили все население. Считается, что в трех городах - Лондоне, Камулодунуме и Вереуламе - было убито более 70 000 человек. Нам нет необходимости останавливаться на цифрах. Достаточно того, что эти три города были уничтожены вместе со всеми их жителями. Битва, в которой Суэтоний Паулин победил мятежников, была решающей. Плененная царица покончила с собой, племена рассеялись. Затем последовало время наказания; что касается Лондона, то некоторые, должно быть, спаслись, поскольку те, кто еще оставался в живых, вернулись в город, отстроили свои дома и вернулись к обычным занятиям.

Римское завоевание, однако, было далеко не полным. Это еще предстояло сделать Агриколе. К северу от Стены Адриана постоянно возникали проблемы, но остальная часть острова оставалась в мире более ста лет после поражения Боадии. Что касается Лондона, то его богатство и население росли с каждым годом. Южная часть острова быстро романизовалась; за спокойствием и порядком последовали торговля и богатство; страна быстро покрылась густонаселенными и процветающими городами; римские дороги были завершены; римская власть была принята повсеместно.

СТАТУЯ РИМСКОГО ВОИНА, НАЙДЕННАЯ В БАСТИОНЕ ЛОНДОНСКОЙ СТЕНЫ

Показательно распределение римских легионов после поражения королевы Британии. Их осталось всего пять: 2-й - в Иска-Силурум-Керлеоне, 6-й и 9-й - в Йорке, 14-й - в Колчестере до отправки в Германию и 20-й - в Деве-Честере. На востоке - в стране королевы Боадicei - легиона не было, поэтому опасаться оттуда больше нечего. Не было его и в Лондоне; не было его и на юге страны. В дополнение к легионам были вспомогательные войска, размещенные вдоль двух стен Антонина и Адриана и, вероятно, вдоль валлийской границы.

Мы можем очень кратко рассмотреть основные события римской оккупации, все из которых более или менее непосредственно связаны с Лондоном.

Можно не сомневаться, что после резни, устроенной войсками Боадicei, римляне построили свою великую крепость на восточной стороне Уолбрука. Некоторые из фундаментов стены, наиболее массивные, были найдены в пяти местах. Крепость,

простиравшаяся от Уолбрука до Минсинг-Лейн и от реки до Корнхилла, занимала площадь 2250 на 1500 футов, что почти соответствует площади, которая в то время считалась необходимой для разбивки лагеря для размещения целого легиона. Похоже, что у римлян была определенная шкала строительства, и они разбивали свои лагеря в соответствии с принятой шкалой.

Внутри этой крепости размещались все официальные суды и резиденции: здесь находился гарнизон, здесь были судебные инстанции; это был собственно город. Я вернусь к аспекту форта в другой главе.

Мы можем с уверенностью заключить, что резня в Лондоне войсками Боадицеи не произошла бы, если бы существовал мост, по которому люди могли бы бежать. Также можно с уверенностью заключить, что строительство моста было решено и осуществлено одновременно с возведением крепости. В другом месте вы найдете мою теорию о том, какой мост первым построили римские инженеры. В этом месте нам нужно лишь обратить внимание на сам факт строительства и на ворота, которые соединяли крепость с мостом.

После походов Агриколы история мало что говорит о Британии в течение более чем полувека; хотя мы слышим о распространении образования и красноречия на севере и западе: - *Nunc totus Graias nunc...*

Nunc totus Graias nostrasque habet orbis Athenas;

Gallia caudicibus facunda Britannos;

De conducendo loquitur jam rhetore Thule.

А Марциал с гордостью говорит, что даже бритты читали его стихи: -

Dicitur et nostros cantare Britannia versus.

Однако все это можно считать поэтическим преувеличением.

Совершенно точно, что римляне укрепляли свою власть, строя города, прокладывая дороги, расширяя круг своего влияния и обезоруживая народ. Было замечено, что тесселированные мостовые, встречающиеся в таких количествах, часто представляют собой легенду об Орфее, укрощающем тварей - Орфей был Римом, а твари - его подданными.

Первые полвека оккупации отнюдь не были безупречным периодом успеха: дикие племена севера, Каледонии, постоянно совершали набеги и вторжения в страну, что стало намного проще благодаря новым и отличным дорогам.

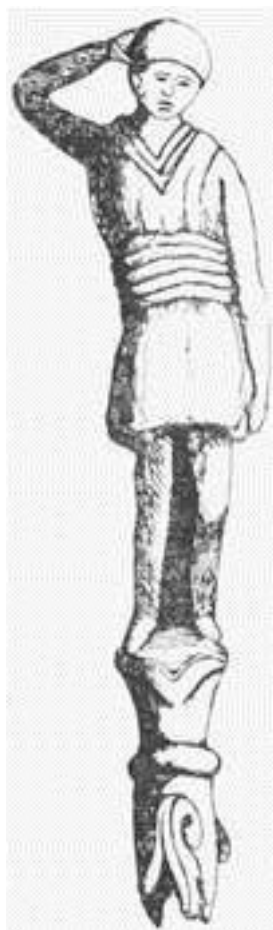
В 120 году Адриан посетил Британию и лично отправился на север. Как сказал один современный поэт.

Ego nolo Cæsar esse,

Ambulare per Britannos,

Sythicas pati pruinas.

Он построил великую стену от Солуэя до Тайна: стена длиной 70 миль, с земляным валом и глубоким рвом на южной стороне, укрепленная двадцатью тремя станциями, замками и стенными башнями.

РИМСКАЯ РУКОЯТЬ НОЖА - ФИГУРА ВОЗНИЦЫ, БРОНЗА

В коллекции К. Роуча Смита, эсквайра, Ф.С.А.

Двадцать лет спустя пропретор Лоллий Урбик загнал каледонцев на север, в горы, и соединил линию крепостей, возведенных Агриколой от Форта до Клайда, массивным земляным валом, названным стеной Антонина.

Спустя двадцать лет каледонцы вновь доставили неприятности и были отбиты Ульпием Марцеллом при Коммодe. После его отъезда в войсках произошёл страшный мятеж. Для подавления мятежа был послан Пертинакс, впоследствии на три коротких месяца ставший императором. Он потерпел неудачу и был отозван. Альбин, посланный вместо него, был одним из трех генералов, восставших против купца Дидия Юлиана, когда тот, введенный в заблуждение, купил трон.

В это время римская провинция Британия стала чрезвычайно богатой и густонаселенной. На остров были переброшены толпы вспомогательных войск, которые оседали и женились на местных женщинах. Призыв в армию одинаково жестко обходился как с их детьми, так и с коренными бриттами. Альбин во главе огромной армии, состоявшей, как говорят, из 150 000 человек, переправился в Галлию и сразился с Севером, который уже победил третьего соперника, Нигера, при Лионе, когда тот тоже потерпел поражение и погиб.

Северус, завоеватель, пришел в Британию в 208-209 годах. Его кампания на севере завершилась смертью в 212 году.

В течение пятидесяти лет на острове царили мир и процветание. Затем пришли новые беды. Я цитирую [Райта15](#) об этом неясном периоде: -

CARAUSIUS

Из книги доктора Стакли "Медальерная история Караузия".

"Среди беспорядка и анархии правления Галлиена (260-268 гг.) в разных частях империи появилось несколько узурпаторов, которых в народе называли тридцатью тиранами, из которых Лоллиан, Викторин, Постум, два Тетрика и Марий, как полагают на веских основаниях, взяли на себя суверенитет в Британии. Возможно, некоторые из них выступили в качестве соперников в одно и то же время; судя по памятникам с именем Тетрика, найденным в Биттерне, недалеко от Саутгемптона, мы можем предположить, что штаб-квартира этого полководца располагалась на станции Клаусентум и на соседних побережьях. У нас нет сведений о состоянии Британии в это время, но она, должно быть, была сильно взбудоражена этими конфликтующими претендентами на империю. И все же, несмотря на то, что войска в Британии были так готовы подняться в поддержку своих вождей, они, похоже, были глухи ко всем просьбам извне. Когда офицер римской армии по имени Боносус, родившийся в Испании, но происходивший из семьи в Британии, провозгласил себя императором во времена правления Аврелиана и обратился за поддержкой к западным провинциям, он не нашел сочувствия среди британских войск. Другой узурпатор, имя которого не сохранилось, воспользовался тем, что император Пробус назначил его управлять островом, чтобы присвоить себе пурпур. Частота подобных узурпаций в пределах острова, по-видимому, свидетельствует о желании жителей возвести себя в независимый суверенитет. Нам рассказывают, что любимый придворный Проба, по имени Викторин Маурузий, рекомендовал этого узурпатора на должность пропретора, и что, когда император упрекнул его в этом, Викторин потребовал разрешения посетить Британию. Прибыв туда, он поспешил к пропретору и попросил у него защиты как жертва, едва спасшаяся от тирании императора. Новый правитель Британии принял его с величайшей добротой, а в ответ был убит ночью своим гостем. Викторин вернулся в Рим, чтобы предоставить императору это убедительное доказательство своей "верности". Проба в империи сменил Карус, а за ним последовал Диоклетиан, который начал свое правление в году 284, и вскоре объединил с собой в империи императора Максимиана. Их правление, если говорить о Британии, было примечательно главным образом успешной узурпацией Караузия".

Безусловно, самым выдающимся из британских узурпаторов, чья история связана с историей Лондона, был Караузий.

Этот удачливый авантюрист принадлежал к тому времени, когда каждый день появлялись доблестные воины, люди, поднявшиеся из рядов, отличавшиеся доблестью, удачливые в победах, любимые и доверяемые своими солдатами. Соблазн присвоить себе пурпур был непреодолим. Примеры такой узурпации можно было найти во всех уголках громоздкой империи. Конечно, в большинстве случаев они заканчивались поражением и смертью. Но ведь эти люди сталкивались со смертью с тех пор, как научились носить оружие. В любой день смерть могла застать их на поле боя. Безусловно, умереть в качестве императора было более славно, чем в качестве капитана когорты. Такие узурпаторы, опять же, держали корону так, как они ее завоевали, - мечом. Они были подобны королю рощи, который царствовал до тех пор, пока не появлялся более сильный, чем он, чтобы убить его. Караузий был королем рощи.

Его история, насколько она вообще сохранилась, написана его врагами. Но он был важным человеком. За время своего правления он выпустил огромное количество монет, которых сохранилось около трехсот видов. Они были упорядочены около 1750 года выдающимся антикваром доктором Стакли, который не только изобразил, описал и аннотировал их, но и попытался восстановить по монетам всю историю успешного узурпатора. Доктор Стакли - что редкость в его ремесле - обладал воображением романиста, а также страстью антиквара к погоне за фактами.

Караузий был бриттом, родился в Уэльсе, в городе, который сейчас называется Сент-Дэвидс. Он имел королевское происхождение. Он отличался благородством и большими способностями. Максимиан счел нужным оставить его в своих командах и пожаловал ему командование в полку императрицы, Ала Серена - жену Диоклетиана звали Элеутерия Александра Серена, - и поручил ему руководство экспедицией против восставших галлов. Караузий честно и эффективно выполнил возложенное на него поручение. В награду за эту службу Максимиан назначил его на важный пост Comes littoris Saxonici, с командованием флотом, в обязанности которого входило отбивать пиратов, постоянно курсирующих по узким морям в поисках добычи. Штаб-квартира флота находилась в Гесориакуме (Булонь), центральном месте для операций в Ла-Манше или Северном море.

В следующем году Караузий снова лояльно сражался на стороне Максимиана. Но, как говорит Стакли, "личностью, характером и поведением он настолько превосходил императора, что питал к нему неистребимую зависть". Вскоре после этого Караузий, получив информацию о том, что император намерен его убить, собрал своих офицеров, побудил их к действию, овладел ими, закрепился в Булонских укреплениях и стал ждать развития событий. Максимиан приготовился атаковать его, но помешал мятеж войск. Караузий, у которого теперь был 4-й легион и множество других войск, был провозглашен императором, и в сентябре 288 года н. э. он переправился через Ла-Манш, взяв с собой весь флот. Это было самое серьезное восстание из всех возможных, потому что его нельзя было подавить до тех пор, пока Караузий сохранял за своим флотом господство на море. Можно сомневаться, была ли радость Лондона, которую доктор Стакли изобразил на монетах в связи с этим прибытием, настоящей или только официальной. Одно можно сказать точно: в Британии произошло восстание из-за тирании римского префекта. Оно было подавлено, но не Караузием. Он прибыл в страну не как ее завоеватель, в этом случае его прием не был бы радостным: он был врагом императора, которого представлял тиранический префект; к тому же он был соотечественником. Вероятно, взывали к национальной гордости, и с успехом, и на этих основаниях была вызвана демонстрация радости. На первой монете, выпущенной

узурпатором, изображена Британия с посохом, символизирующим торговлю, хватающая руку императора в знак приветствия, с надписью "Expectate veni" - "Приди, долгожданный". На другой монете изображена Британия с рогом и меркурианским посохом с легендой "Adventus Aug". Слова "Expectate veni" были использованы, как считает доктор Стакли, чтобы польстить британцам, утверждавшим, что они фригийского происхождения. Они были взяты из речи Энея в Вергилии: "Quae tantae tenuere".

Quae tantae tenuere morae, quibus Hector ab oris

Expectate venis.

Возможно, фигура, которую мы называли Britannia, предназначалась для Августы. Трудно понять, почему вся страна должна быть представлена символом торговли. На другой монете изображен публичный въезд императора в Лондон. Он сидит на коне, в левой руке у него копье, а правая поднята в знак одобрения народных аплодисментов.

Максимиан не терял времени и собрал еще один флот, с которым в сентябре 289 года где-то в Ла-Манше произошло большое морское сражение, закончившееся полным поражением Максимиана и, как следствие, согласованием условий, по которым Максимиан и Диоклетиан согласились признать Караузия связанным с ними императорским достоинством; далее было решено, что Караузий должен защищать Британию от шотландцев и пиктов, продолжать действовать в качестве Comes littoris Saxonici и сохранять Булонь - штаб-квартиру флота. Таким образом, полный титул связанного с ним императора стал -

Имп. М. Aur. Val. Carausius Aug.

Имя Аврелий он взял у Максимиана, а Валерия - у Диоклетиана, как и было принято у них.

Монеты отмечали морскую победу и мир. Караузий изображен верхом на коне, как на олимпиаде; не на колеснице, что означало бы триумф. Легенда гласит: "IO X", то есть "Кричи десять раз". Это был обычный крик при аплодисментах. Так, Марциал говорит о Домициане

Rursus IO magnos clamat tibi Roma triumphos".

В марте 290 года Караузий соединяет с собой своего сына Сильвия, тогда еще шестнадцатилетнего юношу. В честь этого события была отчеканена монета. Легенда гласит: "Провидение Августа", проявленное при назначении преемника.

В том же году Караузий, чьей штаб-квартирой был Клаудзентум (Биттерн), близ Саутгемптона, и Лондон попеременно, отправился на север и расположился в Йорке, где начал с ремонта и реставрации сооружения, ныне называемого Карс-Дайк.

По возвращении в Лондон он отпраздновал свой успех спортивными состязаниями и гладиаторскими боями. В честь этого события были отчеканены монеты. На них отчеканена легенда "Виктория авг."

В 291 году н. э. Караузий назначил британский сенат, построил множество храмов и общественных зданий и, как обычно, отчеканил много монет. На некоторых из них можно найти надпись S.C. Он завершил строительство дамбы Карса и основал город Гранта. Он также назвал себя консулом Британии.

В 293 году два императора, Диоклетиан и Максимиан, встретились в Милане и создали двух цезарей - Констанция Хлора, отца Константина Великого, и Галерия Арментария. И вот теперь притворный мир с Караузием был отброшен. Хлор начал действовать против него, напав на франков и батавов, союзников Караузия. Он также призвал саксов и приморских германцев вторгнуться в Британию. Караузий легко отогнал пиратов и обратился к более грозному противнику. Хлор осадил Булонь, которую защищал Сильвий, сын Караузия. Сам император Британии с триумфом преследовал флот своего обидчика вдоль берегов Галлии и Испании, бороздил моря, даже вошел в Средиземное море, взял город и в честь праздника чеканил греческие и пунические монеты. Он также выпустил монеты со своей женой в образе Победы, приносящей жертву на алтаре, "Victoria Augg." - две буквы "g" означают Караузия и его сына Сильвия.

В мае 295 года, когда император собирал войска и корабли для встречи с Констанцием Хлором, он был вероломно убит своим офицером Аллектом. Вероятно, вместе с ним был убит и его сын Сильвий.

Таков рассказ доктора Стакли о самом замечательном человеке. Возможно, многое в нем выдуманно; с другой стороны, монеты, прочитанные тем, кто умеет толковать монеты, несомненно, рассказывают что-то из этой истории в ее изложении.

История Караузия, собранная другими авторами из сохранившихся историй, полностью отличается от версии доктора Стакли. Она такова: - Он был неясного происхождения.

Он был неясного происхождения, принадлежал к батавскому племени менапиев; он начал с того, что поступил или его заставили поступить на службу в британский флот. Народ, впоследствии названный коллективно саксами, уже активно занимался пиратскими набегами на восточное и южное побережье Британии. Они приплывали на своих галерах, высаживались на берег, грабили, разрушали и убивали все, что попадалось им под руку, а затем возвращались, нагруженные добычей, к себе домой на берега Эльбы.

Чтобы встретить этих пиратов, уничтожить их корабли, заставить их отказаться от своей добычи, было признано необходимым, помимо строительства линии крепостей вдоль берега, из которых Ричборо, Брэдвелл, Певенси и Порчестер все еще остаются, содержать большой и хорошо сформированный флот в постоянной готовности. Это было сделано, и британский флот, штаб-квартира которого находилась в Гезориакуме (Булонь), постоянно занимался преследованием, нападением и уничтожением пиратских судов. Это была служба, сопряженная с большой опасностью, но и дававшая храбрецам множество возможностей отличиться. Этими возможностями и воспользовался Караузий, завоевавший столь высокую репутацию как моряк, что его повышали в чине, пока он не стал адмиралом, или командующим флотом.

Его мужество, проявленное в тысяче смелых, безрассудных поступков, было известно всем, кто служил на галерах; каждый капитан и каждый кают-компания могли пересказать подвиги Караузия. Кроме того, в его руках была власть и полномочия по продвижению по службе; он был приветлив и любезен в своих манерах; он был по-своему внимателен к людям, которых щедро награждал за храбрость; он был красноречив и понимал, как тронуть сердца людей; его портрет можно увидеть как в профиль, так и анфас на его монетах, и мы можем судить, что он был красивым мужчиной: словом, он обладал всеми необходимыми дарами, чтобы завоевать доверие, привязанность и верность солдат и моряков. Имея под своим командованием армию - ведь флот был ничем иным, - пример других узурпаторов, бывших до него, и богатую и плодородную провинцию Британия в его власти, неудивительно, что этот сильный, способный человек мечтал о Пурпуре.

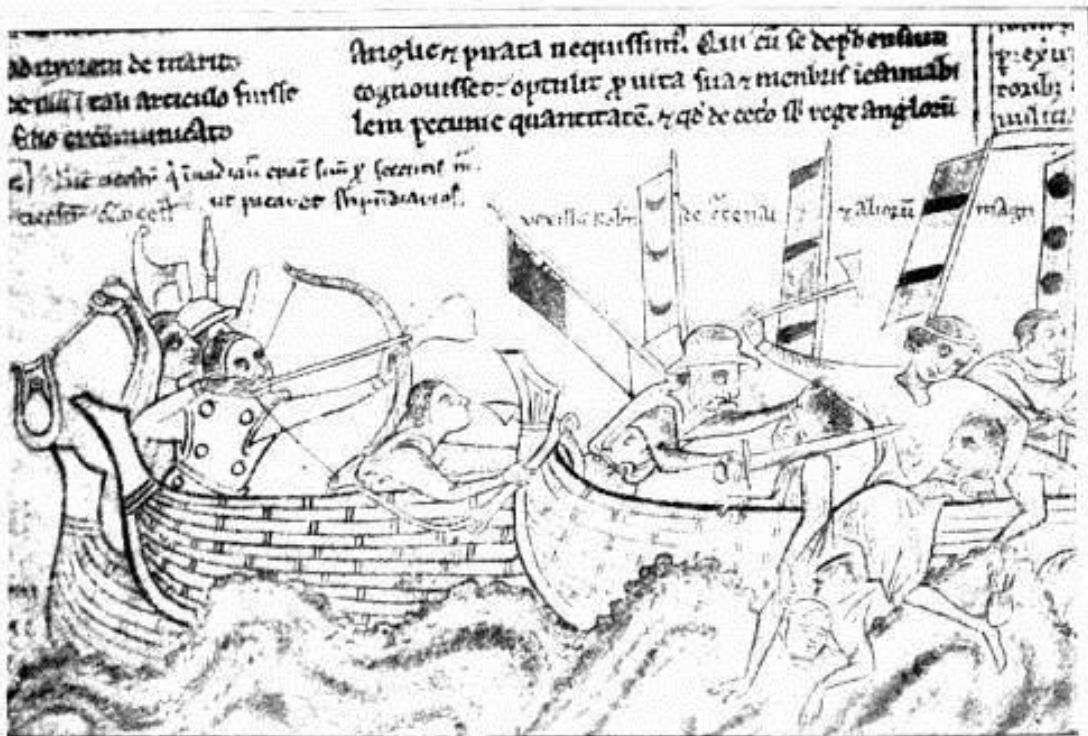
Но сначала нужно было разбогатеть. Без казны армия растает. Как Караузий мог разбогатеть? Захватив Лондон и разграбив город? Но тогда он сделает весь остров своим врагом. Был лучший способ, более тайный. Он удвоил бдительность на побережье, но не нападал на пиратов, пока они не возвращались с награбленным добром. Тогда он обрушился на них и захватил все. Но он не возвращал трофеи их владельцам: он оставлял их себе и таким образом очень быстро разбогател. Вскоре о своеобразных методах адмирала заговорили; люди начали роптать; в Рим пошли жалобы. Тогда Караузий узнал, что его приговорили к смерти. Поэтому он был вынужден действовать мгновенно. Он провозгласил себя императором вместе с Максимианом и Диоклетианом и заключил союз с франками.

Пока он мог опираться на свои войска, пока он побеждал, он был в безопасности; и долгое время не могло быть никакой оппозиции. Британия и легионы, находившиеся тогда на острове, признали его. Он переправился и разместил свой штаб в Клаузентуме (Биттерне), недалеко от Саутгемптона. Некоторое время он, конечно, находился в Лондоне, где у него был монетный двор; и несколько лет он правил страной без помех.

Мы ничего не знаем о его правлении, но, вероятно, и узнать можно очень немного. Он сдерживал пиктов и шотландцев; он сдерживал пиратов - это ясно из его монет, которые говорят о победе. Мы должны помнить, что правление узурпатора мало чем отличалось от правления признанного императора. Он сохранил ту же администрацию, управляемую теми же чиновниками; это было лишь изменение названия. Как правительство Франции при Республике практически не отличается от правительства при Империи, так и провинция Британия при Максимиане не знала никаких изменений, кроме смены владельца, когда она перешла к Караузию.

Но конец пришел. Караузий должен был сражаться, когда ему бросили вызов, или умереть.

Оба императора назначили двух цесарей. Одному, Констанцию, была передана империя Запада. Он начал свое правление с попытки урезонить узурпатора. С большим войском он двинулся на север и занял Гезориакум, где лежал Караузий; затем, поскольку порт тогда, как и сейчас, был маленьким и узким и в него нельзя было войти иначе как во время прилива, он заблокировал его камнями и сваями, чтобы флот не мог войти, чтобы поддержать его.

МОРСКОЙ БОЙ

Из MS. в Колледже Корпуса Кристи, Кембридж.

Невозможно узнать, почему Караузий не стал сражаться. Возможно, он предполагал собрать свои войска в Британии и встретиться с Констанцием на британской земле. Возможно, он рассчитывал на то, что Констанций не сможет собрать достаточное количество кораблей, чтобы пересечь Ла-Манш. Каковы бы ни были его причины, он сел на корабль и отплыл. Король Роци сбежал. Следовательно, его правление закончилось.

В таких случаях среди офицеров всегда находится тот, кто видит возможность и использует ее. В этом случае Аллектуса звали офицер, быстро сообразивший и быстро принявший меры. Он убил сбежавшего человека и стал королем роци.

Об Аллектусе и его правлении известно очень мало. Историки отзываются о нем пренебрежительно, как о человеке, не обладавшем способностями Караузия; возможно, но я не могу найти никаких оснований для такого мнения. Факты указывают скорее в противоположном направлении. По крайней мере, он, как и Караузий, обеспечил верность и преданность солдат; похоже, он поддерживал порядок в Британии; поскольку ничего не говорится об обратном, он должен был сдерживать каледонцев и саксов в течение четырех лет; он поддерживал франкский союз; и когда пришло его время, его люди вышли с ним на бой, и с ним же, сражаясь, пали. В этой краткой истории нет и тени слабости. Об Аллекте хотелось бы узнать больше. Как и Караузий, он был великим чеканщиком. Сорок его монет описаны Роучем Смитом. На них изображено мужественное лицо силы и решительности, увенчанное короной с шипами. На другой стороне - женская фигура с легендой "Pax Aug". На других монетах есть надписи "Pietas Aug.", "Providentia Aug.", "Temporum felicitas" и "Virtus Aug.".

Мы также можем отметить, что сейчас мы подошли к концу третьего века, и что до сих пор в Британии было очень мало отдыха и покоя для людей, а скорее продолжались боевые действия с момента вторжения Аулуса Плауция до поражения Аллекта.

Верно, что призыв британской молодежи в армию уводил ее из страны на службу в другие части Римской империи; верно и то, что боевые действия в Британии велись легионами и вспомогательными войсками, а *Lex Julia Majestatis* разоружал народ, подчинявшийся римскому правлению. Однако, глядя на постоянные бои на границе и в Ла-Манше, а также на вторжения шотландцев и пиктов, невозможно поверить, что никому из англичан не было позволено сражаться, защищая свои земли, или укомплектовать флот, который отражал пиратов. Тем, кто говорит об усыпляющем воздействии долгого мира под властью Рима - Рах Романа, - не мешало бы самим изучить территорию, на которой был заключен этот долгий мир, и его продолжительность.

Констанций разместил свою резиденцию не в Лондоне, а в Йорке, чтобы сдерживать пиктов и шотландцев. О том, какое значение придавалось Британии, можно судить по тому факту, что император оставался в Йорке до своей смерти в 306 году н. э., когда его сын, Константин Великий, сменил его и оставался на острове, вероятно в Йорке, в течение шести лет. В Лондоне были найдены монеты Константина, а также его матери Елены.

В 310 году Константин покинул остров. Затем последовал период почти в сорок лет, о котором история умалчивает. Возможно, это время было временем мира и процветания.

Управление страной было полностью изменено схемой обороны, введенной Диоклетианом и измененной Константином. Согласно этой схеме, римский мир должен был управляться двумя императорами - одним на Дунае, а другим в объединенном регионе Испании, Галлии и Британии. Остров был разделен на пять провинций: Британия Прима и Британия Секунда; Нижняя Британия стала Флавией Сезариенсис и Максимой Сезариенсис; между стенами Адриана и Антонина находилась провинция Валентия. В каждой провинции был свой викарий или губернатор, который управлял своей провинцией во всех гражданских делах.

Гражданский губернатор Британии подчинялся префекту Галлии, который проживал в Тревири (Тревесе) или Арелате (Арле). Он назывался *викарием* и носил титул *Vir Spectabilis* (ваше превосходительство). Его штаб-квартира находилась в Йорке. Гражданская служба, служащие которой также жили в форте, состояла из главного офицера (*Princeps*), главного секретаря (*Cornicularis*), аудиторов (*Numerarii*), комиссара тюрем (*Commentariensis*), судей, клерков, сержантов и других служащих. Для сбора доходов имелись сборщик (*Rationalis summarum Britanniarum*), смотритель сокровищ (*Præpositus Thesaurorum*). В охотничьем хозяйстве были *Procuratores Cynegiorum*. Военные дела государства находились под непосредственным контролем префекта Галлии. Викарий не имел никакой власти в военных делах. Мы также видели, как один генерал за другим размещал свою штаб-квартиру не в Лондоне, а в Йорке или в других местах. Лондон играл гораздо менее важную роль, чем Йорк, в военном управлении островом. Здесь было три главных офицера: граф саксонского берега (*Comes littoris Saxonici*), граф Британии и герцог Британии. Первый из них командовал флотом - Караузиус, как мы видели, был *Comes littoris Saxonici* - и распоряжался девятью большими крепостями, установленными вдоль побережья от Порчестера до Бранкастера. Герцог Британии имел штаб-квартиру в Йорке, командовал 6-м легионом и отвечал за крепостную стену. Неизвестно, где находилась штаб-квартира графа Британии. Каждый из этих офицеров, как и викарий, имел свое собственное учреждение. Постоянные силы в Британии оценивались в четыре, а затем в два легиона с вспомогательными

подразделениями, всего 19 200 пехоты и 1700 кавалерии. Несомненно, сила, способная отразить вторжение ирландцев, шотландцев и саксов, вместе взятых!

Невозможно оценить влияние этих военных поселений на страну: нам неизвестны ни размеры занимаемой ими территории, ни количество поселенцев в колонии. Британия - большой остров, и многие подобные поселения могли быть сделаны без какого-либо влияния на страну. Одно, однако, несомненно: иностранные поселенцы, женившись на женщинах, принадлежащих новой стране, очень быстро перенимают ее нравы и язык, а их дети полностью принадлежат к расе своей матери. Так, немцы и скандинавы, поселившиеся в Америке и женившиеся на американках, приспосабливаются к американским манерам и изучают английский язык, а их дети, обучающиеся в государственных школах, ни в чем не отличаются от детей чистокровных американцев. Даже самые заметные и самые фанатичные различия в религии не препятствуют этому слиянию. Польский еврей уже во втором поколении становится англичанином в Англии или американцем в Америке. А в Ирландии, когда солдаты Кромвеля поселились в графстве Керри и женились на женщинах из этой страны, их дети стали ирландцами по манерам и образу мыслей. Потомкам этих солдат не осталось ничего от их прадедов - ни религии, ни манер, ни пуританских идей - ничего, кроме их мужества.

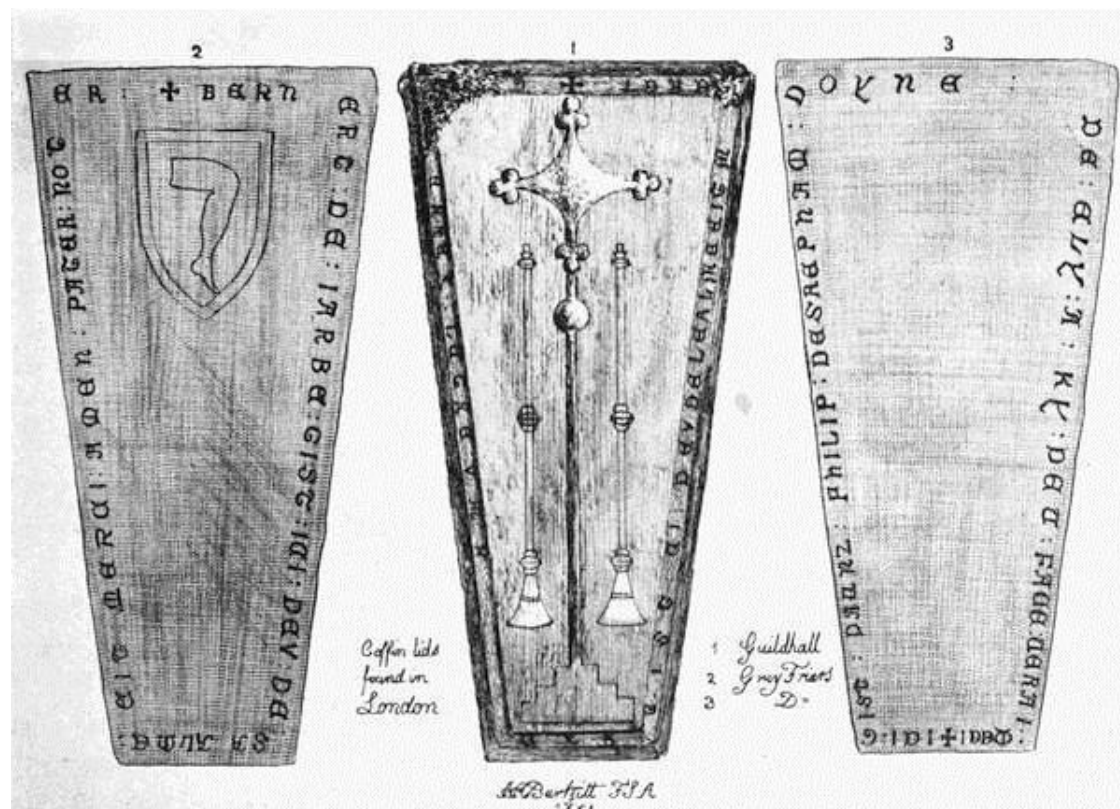
Так что нельзя ни утверждать, ни отрицать, что эти поселенцы каким-либо образом повлияли на общий характер людей или изменили его. Религия не была бы помехой, ведь все древние религии признавали богами всех людей. Достаточно отметить этот факт и вспомнить, что народ, называемый бриттами, после четырехсот лет римского владычества представлял собой настолько смешанную расу, какую только можно было найти. В Лондоне смешение было еще большим, потому что торговля римского Лондона в его лучшие времена велась со всем обитаемым миром.

Язык, на котором говорили лучшие слои населения - язык двора, Форума и Порта, - несомненно, был латинским. Все надписи сделаны на латыни, ни одной кельтской. Язык лондонского простонародья был похож на современный пиджин-английский, патуа, состоящий из латыни без ее атрибутов - инфлексий и склонений, - такой патуа, как тот, из которого возникли средневековый французский и провансальский, смешанный со словами из всех языков под солнцем: слова, принесенные в Порт моряками, все еще сохранившими финикийский язык; греками из Массилии; итальянцами из Остии и Брундизия; норманнами с Готланда и Балтики; фламандцами, саксонцами и немцами.

Легионеры внесли свою лепту в разговорный язык, на котором говорили деревенские жители. Но в форте Августа было мало солдат; лондонским диалектом, за исключением рабов, работавших в порту или ожидавших в своих барраках отправки на гладиаторские состязания, был пиджин-латинский.

Император Констанс прибыл сюда в 347 году. Через три года после отъезда из этой страны он был убит Магненцием, выходцем из Британии. Взлет и падение этого претендента повлекли за собой гибель многих его соотечественников и солдат римской оккупации. Некий Паулюс, по фамилии Катена, был послан в Лондон, чтобы наказать приверженцев Магненция. Далее следует весьма необычная история. Жестокости Паулюса вызвали глубочайшее возмущение, и гражданский губернатор провинции, "викарий" по имени Мартинус, попытался заступиться за жертв. Не сумев склонить судью к милосердию, он попытался спасти своих друзей, убив его. Когда и эта попытка провалилась, он покончил с собой. Паулюс вернулся в Рим, прихватив с собой множество пленников, которых пытали, сажали в тюрьму, казнили или ссылали.

Пикты и шотландцы, воспользовавшись беспорядком, вторглись в страну после отъезда Павла. Очевидно, что регулярные войска были выведены или находились в смятении, так как для оттеснения захватчиков были введены войска из Галлии.

КРЫШКИ ГРОБОВ, НАЙДЕННЫЕ В ЛОНДОНЕ

A H Burkitt FSA 1851

Около десяти лет спустя пикты и шотландцы возобновили свои нападения. Они победили и убили графа Саксонского берега, а также нанесли поражение герцогу Британии. Поэтому император Валентиниан отправил на остров Феодосия с очень большим войском. Он обнаружил, что враг опустошает страну вокруг Лондона - вероятно, именно в этот период и в связи с неоднократными вторжениями с севера была построена Лондонская стена. В другом месте вы найдете рассказ об этой стене. Здесь достаточно сказать, что она, несомненно, строилась в большой спешке и, очевидно, в период паники, поскольку камни в городе - из общественных зданий, храмов, церквей и кладбищ - изымались везде, где только можно, и складывались в стену.

Однако Феодосий отбросил захватчиков с большой резней. Он обнаружил, что многие из коренного населения находятся на стороне врага. Он принял политику примирения: освободил народ от тяжелых налогов, отстроил города и крепости.

Далее следует случай, который одновременно иллюстрирует опасности того времени и мудрость Феодосия. Я цитирую его по книге Райта (*The Celt, the Roman, and the Saxon*, издание 1852 г., стр. 378):-

"В это время в Британии находился человек по имени Валентинус, уроженец Валерии в Паннонии, печально известный своими интригами и честолубием, который был отправлен в ссылку в Британию в наказание за какое-то тяжкое преступление. Эта практика изгнания

политических преступников в Британию, по-видимому, была очень распространена в то время, о котором мы сейчас говорим; из того же аннала мы узнаем, что гражданин Рима по имени Фронтин во время только что описанного восстания был отправлен в ссылку в Британию по аналогичной причине. Подобные люди не успевали прибыть на остров, как уже принимали активное участие в его разделах и приносили с собой талант к политическим интригам, воспитанный в Италии, чтобы действовать на агитацию, уже существовавшую в далекой провинции. Так было и с Валентином, который, будучи шурином одного из самых активных агитаторов Рима, наместника Максимиана (описанного Аммианом как *ille exitialis vicarius*), несомненно, был хорошо подготовлен к той роли, которую он сейчас исполнял. Насколько мы можем судить по кратким заметкам историка, этот человек, похоже, к моменту прибытия Феодосия в Британию активно занимался какими-то честолюбивыми замыслами, которые прибытие этого великого и справедливого полководца сделало безнадежными. Феодосий недолго пробыл в Лондиниуме, когда получил частную информацию о том, что Валентиниан вместе с другими изгнанниками участвует в грозном заговоре и что даже многие военные были тайно соведены его обещаниями. С решительностью, характерной для всех его действий, Феодосий внезапно схватил заговорщика и его главных сообщников в тот момент, когда их замыслы были близки к исполнению, и передал их герцогу Дульцитию, чтобы они понесли наказание, причитающееся за их преступления; Но, зная о широком размахе заговора, в котором они участвовали, и полагая, что он уже достаточно подавлен, Феодосий благоразумно прекратил все дальнейшие расследования, опасаясь, что, преследуя их, он может возбудить тревогу, которая приведет лишь к возобновлению сцен буйства и возмущения, которые его присутствие уже в значительной степени успокоило. Таким образом, благоразумие и доблесть Феодосия были объединены в восстановлении мира и спокойствия в Британии; и мы уверены, что когда в 369 году он покинул остров, его сопровождали до порта, где он высадился, толпы благодарных провинциалов".

В 383 году в Британии появился еще один узурпатор или претендент на народную власть в лице Магнуса Максима. Он был уроженцем Испании, служил в Британии с большим отличием и был любим солдатами. Историк утверждает, что войска, находившиеся в то время в Британии, были самыми высокомерными и беспокойными из всех императорских войск.

Карьера Максима, его окончательное поражение и смерть при Аквиле относятся к истории Римской империи.

Один из офицеров Феодосия, по имени Хрисанф, ставший впоследствии епископом в Константинополе, умиротворил Британию - одну из надежд - методами менее жестокими, чем у Павла Катена.

Однако народу было не с чем поздравлять себя. Их страна с ее пятью провинциями рассматривалась как департамент Треверского двора. Когда в Западной империи возникали какие-либо проблемы, легионы Британии выводились без малейшей оглядки на оборону страны от пиктов и шотландцев; а деление на провинции было источником слабости. Кроме того, общий упадок империи сопровождался обычными признаками анархии, беззакония и угнетения. Войска были непокорны и мятежны; раз за разом, как мы видели, они подставляли одного узурпатора и убивали другого; их грабили офицеры; их жалование было нерегулярным. Сложность новой системы увеличивала возможности налоговых органов и сборщика налогов. Приход императорских сборщиков налогов был хуже, чем разграбление города врагом. пытки свободно применялись, чтобы заставить людей признаться в своем богатстве; сын доносил на отца, а отец на сына; налоги взимались в соответствии с признаниями, выбитыми под пытками.

Однако конец римской оккупации быстро приближался. Феодосий умер в 395 году и оставил свои западные владения Гонорию. В Британии все еще оставались два легиона: 6-й - в Эборакуме (Йорк) и 2-й - в Рутупии (Ричборо). Также существовали многочисленные вспомогательные войска. В начале пятого века эти солдаты подняли восстание и поставили своего императора, некоего Марка. Они убили его в 407 году и поставили другого по имени Грациан, которого также убили через несколько месяцев, когда выбрали безвестного солдата по имени Константин.

Он сразу же собрал армию и переправился в Галлию. Его дальнейшая карьера, как и карьера Максима, относится к истории Рима.

Похоже, что вывод легионов Константином стал фактическим концом римской оккупации. Города Британии взяли за оружие, чтобы отразить вторжение с севера и набег пиратов с запада, а в 410 году получили письма от Гонория с указанием защищаться самостоятельно.

История, рассказанная Гильдасом, гласит, что Максимус забрал всех мужчин, способных носить оружие; что города Британии много лет страдали под гнетом пиктов и шотландцев; что они обратились за помощью к римлянам; и что римские легионы пришли, разгромили пиктов и шотландцев и научили бриттов строить стены. Все это чистая легенда.

Общепринятая история прихода англов, ютов и саксов - в основном легенда. Невозможно прийти к истине, кроме как путем предположений на основе очень немногих установленных фактов. Так, предполагается, что саксы, как и датчане четыреста лет спустя, начали с практических вторжений, приведших к постоянным поселениям; что слова *littus Saxonicum* означали не берег, подверженный нападению саксонских пиратов, а берег, уже заселенный саксами; что в некоторых частях переход от римлян к саксам был постепенным; что обе расы смешались - в Кентербери, Колчестере, Рочестере и других местах мы находим римские и саксонские захоронения на одном кладбище; что саксы закрепились на острове задолго до грандиозных вторжений, о которых хранит предание Саксонская хроника.

Эта долгая история войн, гражданских беспорядков, мятежей и узурпации, воинской повинности и налогов - не самая приятная картина Британии времен знаменитого Pax Romana. А как обстояли дела в лондонском Сити? Он был резиденцией пропретора до введения новых порядков Диоклетиана. Об этом свидетельствует находка некоторых плиток с надписями. На этих плитках указаны легионы или офицеры, расквартированные в разных местах. В Честере на них написано название 20-го легиона, в Йорке - 6-го и 9-го. В Лимне и Дувре обычная надпись - Cl.Br., что, предположительно, означает Classarii Britannici. Некоторые из упомянутых выше плиток имеют надпись PRB. Lon., или PPBR. Lon., или P.PR.BR. Роуч Смит читает эти буквы как Prima Cohors Britanniae Londinii и предполагает, что первая британская когорта когда-то была расквартирована в Лондоне. Райт, однако, читает Proprætor Britanniae Londinii, тем самым показывая, что Лондон был резиденцией правительства. Поскольку в других источниках нет никаких намеков на то, что первая британская когорта служила в Британии, но есть множество свидетельств того, что она служила в других местах, например, в Египте и Германии, интерпретация Райта, вероятно, является правильной.

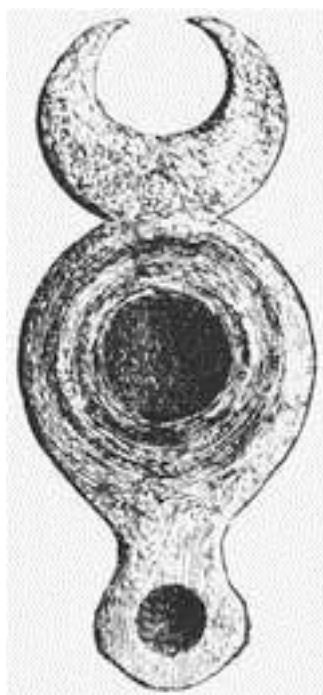
За исключением попытки разграбления города после поражения Аллекта и кровавой мести Паулуса Катены, Лондон, похоже, был мало потревожен вторжениями, мятежами и узурпациями. Ее торговля продолжалась. В плохие времена, когда Магненций или Максим уводили солдат, а захватчики обрушивались на страну с севера, востока и запада, разрушая

города и опустошая страну, Лондон страдал. В мирное время его пристани были переполнены товарами, а порт - кораблями.

Внедрение христианства в Лондон, как и в Британию в целом, началось, вне всякого сомнения, во втором веке. Однако новая религия продвигалась очень медленно. Первые миссионеры, которыми, как считается, были святой Павел или святой Иосиф Аримафейский с Лазарем и двумя его сестрами, вероятно, были новообращенными галлами, которые прибыли в Британию по своим обычным делам. В 208 году Тертуллиан упоминает о существовании христиан в Британии. В начале четвертого века на Арльском соборе присутствовали британские епископы.

В 324 году христианство было признано государственной религией.

В 325 году Британская церковь присоединилась к выводам Никейского собора. В 386 году в Британии существовала основанная христианская церковь, находившаяся в постоянном общении с Римом. Насколько реальным было христианство этого народа и насколько оно было смешано с остатками митраизма и древними верованиями Рима и Галлии, мы судить не можем.

БРОНЗОВАЯ РИМСКАЯ ЛАМПА, НАЙДЕННАЯ НА ПУШЕЧНОЙ УЛИЦЕ

Каким было правительство самого Лондона в это время? Ответ мы можем найти в конституции других римских городов. Лондон так и не стал *муниципалитетом* - городом, который императорские власти считали городом первой важности. В Британии было всего два города такого ранга - Эборакум (Йорк) и Верулам (Сент-Албанс). Вместе с восемью другими городами он был *колонией*. [Райт16](#) считает, что в поздние времена разница между *колонией* и *муниципалитетом* была очень незначительной. Эти города пользовались *civitas* или правами римских граждан; они состояли из города и определенных земель вокруг него; у них было собственное правительство, освобожденное от контроля императорских

чиновников. В таком случае форум не обязательно размещался в форте или цитадели, которая была резиденцией викария, когда он находился в Лондоне со своим двором и учреждениями. В то же время эта цитадель занимала обширную территорию, а город, остававшийся без стен до 360 года или около того, все общественные здания находились на этой территории. Орган управления городом назывался *курией*, а его члены - *куриалами*, *декурионами* или сенаторами; звание это было наследственным, но, как и всякий наследственный дом, оно получало пополнение снизу. Два магистрата, *дуумвиры*, ежегодно выбирались *курией* из своего собственного состава. Городской совет, или административный орган, также избирался на пятнадцать лет *куриалами* из своего состава; его члены назывались *principales*. *Курия* назначала также всех менее важных чиновников; фактически она контролировала весь муниципалитет. Народ был представлен только одним должностным лицом - *гражданским защитником (defensor civitatis)*, в обязанности которого входила защита своего сословия от тиранических или несправедливых узурпаций власти со стороны *куриалов*. Никто не мог быть призван в солдаты, кроме как для защиты своего города. Оборону империи должен был взять на себя сам император. Пусть каждый человек, говорил он, отдыхает в мире и занимается своим ремеслом в безопасности. Но когда руки императора ослабли, что же стало с воинским духом? Существование этой теории объясняет и то, что последующая история Римской империи наполнена восстаниями, мятежами и узурпациями, причем не городов и племен, а солдат. В то же время, поскольку мы читаем о британской молодежи, отправляющейся воевать в Германию и другие страны, деревенские парни не утратили своего духа.¹⁷ Однако жители Лондона, как и жители Рима, могли отвыкнуть от военных упражнений. Вероятно, в Лондоне не опасались восстаний, а в цитадели не было большого гарнизона. Горожане занимались своим ремеслом, не вооружаясь, как и все остальные; даже их юноши не обязательно обучались спорту и военным упражнениям. Их занятия были во многом такими же, как и в более поздние времена: купцы, иностранные и местные, кораблестроители и судовладельцы, матросы, стивидоры и носильщики, кладовщики, клерки, лавочники, юристы, священники, врачи, писцы, профессора и учителя, а также ремесленники всех видов. У последних были свои коллегии или гильдии, каждая из которых имела своего покровителя - *куриала*. Это учреждение необычайно напоминает более поздние торговые гильдии, каждая из которых имеет своего святого покровителя. Хотелось бы думать, что ремесленная компания, например, кузнецов, ведет свое происхождение от *Collegium Fabrorum* Августа. Но, как будет доказано далее, это невозможно. Лондон был торговым городом, полностью посвященным торговле. Более состоятельные слои населения подражали роскоши и женоподобности римских сенаторов - но только до тех пор, пока империя оставалась сильной. Когда нужно было сражаться или быть ограбленным, сражаться или быть уведенным в рабство, сражаться или умереть, женолюбие жителей Лондона, как мне кажется, пришел конец.

Давайте рассмотрим этот вопрос о предполагаемой британской женственности. Мы должны собрать факты, насколько мы можем до них добраться, а это очень небольшой путь, и мнения историков, принадлежащих к тому времени.

Гильдас, называемый Сапиенсом, Мудрецом, в своей "Книге восклицаний" презрительно отзываясь о своем народе: - 1.

1. Римляне, говорит он, уходя, сказали народу, что "приучая себя к боевому оружию и храбро сражаясь, они должны доблестно защищать свою страну, свое имущество, жен и детей и, что дороже всего этого, свою свободу и жизнь; что они не должны терпеть, чтобы их руки были связаны за спиной народом, который, если только он не изнежен праздностью и

ленью, не более могуществен, чем они сами, но что они должны вооружить эти руки пряжкой, мечом и копьем, готовые к полю битвы".

2. Он говорит: "Британцы бессильны в отражении чужеземных врагов, но смелы и непобедимы в развязывании гражданской войны и несении бремени своих обид; они бессильны, говорю я, в следовании стандарту мира и правды, но смелы в нечестии и лживости".

3. Он говорит: "И по сей день" - спустя много лет после прихода саксов - "города нашей страны не заселены, как прежде, но, будучи оставлены и низвергнуты, лежат в запустении; наши внешние войны прекратились, но наши гражданские неурядицы все еще остаются".

Беда, который пишет гораздо позже, говорит об этом, возможно, прочитав свидетельства Гильдаса: "Вместе с изобилием росла и роскошь, а это немедленно сопровождалось всевозможными преступлениями: в частности, жестокостью, ненавистью к истине и любовью к лжи: так что если кому-то из них случалось быть мягче остальных и склоняться к истине, все остальные ненавидели и преследовали его, как если бы он был врагом своей страны. Не только миряне были виновны в этом, но даже паства самого Господа и Его пастыри предавались пьянству, вражде, тяжбам, спорам, зависти и другим подобным преступлениям, сбросив с себя легкое иго Христово. Тем временем на этот развращенный род внезапно обрушилась жестокая чума, которая вскоре уничтожила такое их количество, что живых едва хватало на погребение мертвых; оставшихся же в живых не могли вывести из духовной смерти, которую навлекали их грехи, ни смерть их друзей, ни страх за них самих". Это заявление о нечестии написано, как можно заметить, церковно, то есть в общих чертах.

СПОСОБ ПЕЛЕНАНИЯ МЕРТВЫХ

Claud MS., II. iv.

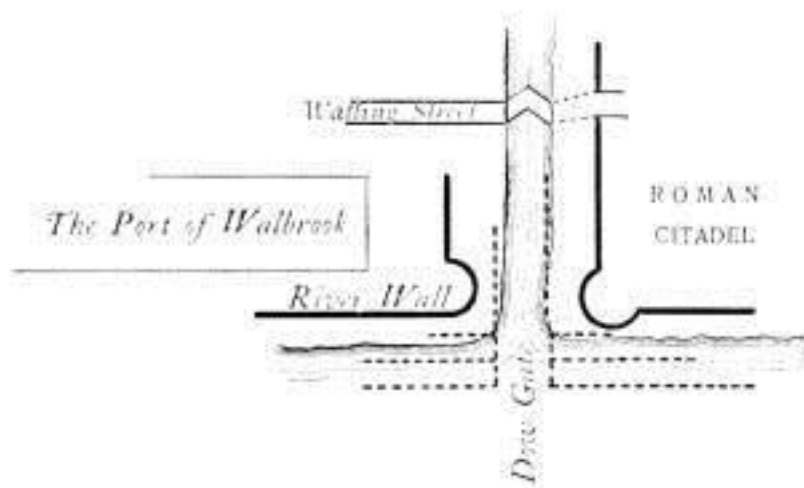
Мнение церковника, который, подобно Гильдасу, соединяет мораль и храбрость и находит в мнимом недержании короля причину внутренних бедствий, можно принять за чистую

монету. Неоспоримым фактом остается то, что на протяжении двухсот лет этот слабоумный народ без перерыва и передышки сражался за свою жизнь и свои свободы. Двести лет, если вдуматься, - долгий срок для слабоумного народа. Лишенные римского гарнизона, они вооружались сами; лишенные правительства, которое поддерживало порядок в течение четырехсот лет, они избирали своих собственных губернаторов; к сожалению, их города были отдельными, каждый со своим собственным мэром (*comes civitatis*). Они сражались против диких горцев с севера, против диких горцев с запада, против диких ирландцев из-за западного моря, против диких саксонцев и датчан с востока. На них нападали со всех сторон; их медленно оттесняли назад: они только и делали, что сражались на протяжении всего того жалкого периода, пока Римская империя разваливалась на куски. Когда все закончилось, часть выживших была найдена в горах Уэльса, часть - на Камбрийских холмах, часть - в болотах, часть - за великим болотом Девона, часть - в густых лесах Ноттингема, Мидлсекса, Суррея и Сассекса. Самое печальное и скорбное зрелище за все то печальное и скорбное время - это одна картина, она выделяется четко и ясно. Я вижу летний день на южном берегу и на западе Англии; я думаю, что это место - Фалмут. На берегу моря собралось множество мужчин, женщин и детей. Некоторые из них - рабы; они связаны друг с другом. Это многотысячная толпа. Недалеко от берега стоят на якоре или привязаны многочисленные корабли, грубо и наспех построенные: каркас и сиденья деревянные, борта сделаны из шкур животных, сшитых вместе и намазанных жиром, чтобы не пропускать воду. Корабли нагружены провизией; некоторые из них так малы, что мало чем напоминают корабли. И вот, пока люди ждут, раздаются далекие голоса, воспевающие плач псалмопевца. Это монахи, которые бегут из монастыря, взяв с собой только свои реликвии и сокровища. Видите! Они идут, неся Крест и священные сосуды, и поют на ходу. Вот они поднимаются на борт, а за ними и люди забираются в свои корабли. Они ставят паруса; они плывут по устью реки, уходят в дымку за горизонт и пропадают. Таким образом Англия передала Франции ее провинцию Бретань.

ГЛАВА III

ВИД ГОРОДА

Таковы были состояние и управление римского Лондона-Августа. Когда мы впервые встречаем упоминание о нем, это город большой торговли. Торговля велась по новой дороге, которая теперь называется Оксфорд-стрит, от старой линии, которая ранее проходила через более древнее поселение на острове Торни. Сначала Лондон представлял собой британский форт на возвышенности, нависающей над рекой, затем длинную набережную на берегу реки, а потом - множество вилл, построенных в садах за набережной. Все это было защищено римским фортом. К IV веку через порт Лондона проходила практически вся торговля всей страны. Богатство купцов могло бы стать очень большим, если бы не колебания в торговле, вызванные сначала вторжениями пиктов, шотландцев, валлийцев, ирландцев и "саксов", которые мешали экспорту и импорту; а затем гражданскими войнами, узурпациями и беспорядками, которыми были отмечены последние годы римской оккупации. Лондон при римлянах так и не стал таким богатым, как, например, Эфес или Александрия.

Далее давайте поинтересуемся, каким городом был Лондон при римлянах. Во времена римского завоевания он представлял собой деревню без стен, защищенную отчасти своим положением, которое позволяло атаковать его только с одной стороны, до строительства дорог через болото; отчасти крепостью между Флотом и Уолбруком, а отчасти доблестью его жителей - ходят слухи о сражениях между лондонцами и веруламцами. Когда Паулинус отправился на встречу с Боадиеей, он оставил после себя город без защиты - ни стен, ни солдат. Очевидно, тогда еще не было римского форта или цитадели. Она была построена позже. Она располагалась на уже описанной возвышенности, к востоку от Вальбрука; с запада ее окружали ручей и невысокий утес, а с юга - широкая река и невысокий утес. Эта цитадель отличалась необычайной прочностью и основательностью. Ее фундамент был обнажен (1) под юго-западным углом, под железнодорожным терминалом Кэннон-стрит; (2) с восточной стороны, на Минсинг-лейн, двадцать лет назад; и (3) часть северной стороны была вскрыта в 1892 году, на южной стороне Корнхилла. Стена этой крепости, несомненно, была похожа на стены Порчестера и Певенси, которые стоят до сих пор: она была четырехугольной и с круглыми бастиянами. Ее длина составляла около 750 ярдов, а ширина - около 500, так что площадь ограждения должна была составлять 375 000 квадратных ярдов. В истории нет никаких упоминаний об этой крепости; вероятно, историки считали само собой разумеющимся, что *castra stativa* - постоянный лагерь, цитадель - принадлежала Лондону, как и всем другим важным городам под римским владычеством.

С северной стороны крепостная стена была защищена рвом, который проходил от восточного угла до Уолбрука. Следы этого рва сохранялись долгое время, что дало повод полагать, что здесь протекал ручей, впадающий в Уолбрук; отсюда и название Лэнгборн. Главная улица крепости проходила по линии Кэннон-стрит. Лондонский камень, убранный со своего первоначального места на южной стороне дороги, вероятно, обозначал место западных ворот.

По мере роста города вокруг крепости и под ее защитой появлялись дома, виллы, улицы. Внутри стен было найдено множество останков, но ни одного кладбища. В стенах не было захоронений, и этот факт сам по себе доказывает теорию римской крепости, если бы требовалось еще какое-то доказательство. За пределами форта есть свидетельства о кладбищах, которые были застроены; тротуары лежат над забытыми могилами. На берегу реки была найдена баня: вероятно, это была общественная баня. Когда читаешь о генерале, сделавшем Лондон своей штаб-квартирой, его войска располагались именно в этом обнесенном стеной месте. В ограде находились государственные учреждения, монетный двор, казначейство, суды правосудия, арсенал, бюро записей и официальные резиденции. Здесь находился форум, хотя никаких остатков этого или других общественных зданий не

обнаружено. Здесь осуществлялось гражданское управление, сюда привозили налоги, здесь писали и получали депеши и отчеты.

Эта цитадель была официальным Лондоном. Если мы хотим узнать, что из себя представлял Сити, мы можем понять это, посетив Силчестер, который также был обнесен стеной. Однако в Силчестере до сих пор не обнаружена цитадель. Здесь есть фундамент большого зала, превосходящего по размерам Вестминстерский. Вокруг него располагались комнаты и кабинеты, торговый зал, где находились лавки, веранды или клуатры, в которых гуляли и беседовали юристы, ораторы, риторы и поэты. Неподалеку располагались казармы стражников Викария.

Под и вокруг цитадели Лондона дома группировались в квадратные *инсулы*; дальше, на северной стороне, стояли виллы в красивых садах. Место, где находился большой зал лондонской цитадели, было обнаружено, вероятно, в 1666 году после Великого пожара, когда рабочие обнажили к востоку от нынешней железнодорожной станции Кэннон-стрит великолепную мозаику с тесселями.

Внутри цитадели находился форум, окруженный высокими колоннами. По крайней мере, один храм - а возможно, и не один - поднимал свои колонны в воздух. Один из них был посвящен Фортуне, другой - Юпитеру. В других частях города находились храмы Кибеле, Аполлону, Ваалу или богу Солнца, Меркурию, Deae Matres, Вакху, который был также олицетворением Осириса, и Венере.

ТЕССЕЛИРОВАННАЯ МОСТОВАЯ

Из книги Лайсонса о римской вилле, обнаруженной в Вудчестере.

Характер римских останков, время от времени выкапываемых в этих стенах, показывает, что раньше это было место большого отдыха. Под защитой этой цитадели, а позже под защитой Рах Романа, за стенами были построены виллы для проживания лучших слоев населения. Вокруг стен также были обнаружены останки захоронений; впоследствии они были включены в большую стену города, которая была построена к концу четвертого века.

Тогда и в течение многих лет после этого Лондон был разделен на восточный и западный от Уолбрука. На западной стороне находился квартал бедняков; их домики стояли на берегу - пока не было стены. Люди получше жили за пределами форта, вдоль восточной стороны Уолбрука, а также на Корнхилле, Треднидл-стрит и Бишопсгейт-стрит. Внизу находились три римских порта, впоследствии названные Биллингсгейт, Даугейт и Квинхит. Прогуливаясь по Темз-стрит, то тут, то там можно встретить старый док, который выглядит так, словно находился здесь с незапамятных времен.

Иногда, оказавшись на Темз-стрит - этой сокровищнице воспоминаний, уцелевших памятников и предположений, - я испытывал искушение подумать, что эти узкие переулки, спускающиеся к реке, имеют римское происхождение, остались, когда все остальное было разрушено и утрачено, и что они все еще имеют ту же ширину, что и в четвертом веке. Однако это не так. Сейчас я покажу происхождение и значение этих узких улиц, идущих вверх по холму от реки к Темз-стрит: все они, по сути, соединяют причалы на берегу с купеческими складами на Темз-стрит. Вдоль лучших улиц, к северу от Темз-стрит, торговцы ставили свои лавки и держали магазины; поначалу эти лавки были просто временными навесами, прислоненными к стенам вилл. Эти виллы принадлежали не миллионеру Лукуллу, ради дворца которого можно было разграбить весь мир, а зажиточному купцу, чей вкус не отличался особой культурой. Он позвал лучшего художника города. "Постройте мне виллу, - сказал он, - не хуже, чем у моего соседа. Пусть там будет прекрасная мозаичная мостовая, пусть будут фонтаны, пусть будут картины на стенах, прекрасные картины - нимфы и фавны, купающиеся нимфы, много нимф, танцующие девушки, много танцующих девушек; нарисуй мне пьяного Геркулеса, летящих и играющих влюбленных, воинов со щитами, морские фигуры, корабли; нарисуй мне мои собственные корабли под парусами. Позаботьтесь о камине и трубах для подогрева и проследите, чтобы кухня была обставлена как следует".

Самым ранним, естественным портом Лондона было устье Уолбрука, называемое впоследствии Даугейт.

В западной стене римской цитадели находились ворота, которые служили одновременно и для дороги или улицы через весь город к Ньюгейту, и для той части торговли, которая относилась к цитадели. Вальбрук в это время был значительным потоком. Частично это был приливной поток, но сверху его питали многочисленные притоки на болотах. Здесь впервые начали загружать и разгружать корабли. Для их удобства были построены причалы на сваях, вбитых в ил и галечник берега. По мере роста торговли сваи выдвигались все дальше, а причалы расширялись.

Когда торговля возросла, а проезд по мосту стал затруднительным, потребовался еще один порт. Его было очень просто построить, вырезав из мягкого берега и укрепив мощными деревянными сваями. По обеим сторонам были вбиты сваи и балки для поддержки причалов, которые, таким образом, можно было расширять до бесконечности. Место было выбрано такое, которое сейчас называется Биллингсгейт. Оно находилось рядом с мостом и мостовыми воротами; таким образом, пока здесь выгружались товары для торговли Сити, которые можно было легко распределить по северу и средней части острова, связь с югом осуществлялась через мост (см. Приложения I. и II.).

Позже, но неизвестно когда, аналогичным образом был построен порт королевы Хайт (Queen Hythe), бывший порт Эдреда (Edred's Hythe). Я склонен полагать, что и Паддл-Док представляет собой еще один древний порт; но римский он или саксонский, сейчас решить невозможно.

Самой бедной частью Сити была та, что лежала между Паддл-Доком и Даугейтом: здесь мы не находим ни мостовых с тесселированной поверхностью, ни остатков великих зданий. Дома, стоявшие на тротуарах, были скромны по сравнению с виллами римских миллионеров, но они были великолепны по сравнению с другими домами Сити.

Для удобства лучших слоев населения здесь была баня, в которой все проводили часть дня; для купцов - набережные; театр и амфитеатр. Правда, от театра и амфитеатра не осталось и следа; но верно и то, что до недавнего времени не было найдено следов римской цитадели, и, как я уже говорил, не было найдено следов форума и храмов. К этой теме мы вернемся позже.

Для того, кто стоит на южном конце узкого деревянного моста через Темзу, Августа еще до строительства стены представляется оживленным и важным местом. Прямо напротив моста, на невысоком возвышении, возвышалась стена, крепкая, хотя и невысокая, с округлыми бастиянами. Над стеной виднелись колонны форума и двух храмов, крыши большого зала правосудия и официальных офисов и резиденций.

Вдоль причалов были пришвартованы корабли. На набережной в ряд стояли навесы для складов. За этими складами находились барраконы для приема рабов, ожидавших отправки в другую часть империи, где их ждала судьба - возможно, смерть в гладиаторском бою, возможно, работа на ферме, возможно, величайшие дары Фортуны, а именно. место в римской когорте, возможность проявить доблесть и способности, офицерское звание, командование ротой, потом легионом, потом победоносной армией; наконец, возможно, сам Пурпур и абсолютная власть над всем цивилизованным миром. Улицы за складами были узкими и крутыми, дома на них - убогими. Повсюду в пределах территории, которая после этого была обнесена стеной, стояли виллы, некоторые маленькие, другие большие и величественные. Это был шумный город, всегда шумный - на кораблях ничего нельзя делать без шума. Матросы, стивидоры и носильщики пели хором во время работы; повозки медленно и шумно катились по немногим улицам, достаточно широким, чтобы проехать; мулы в одиночку везли тюки в город и из города; рабы шли, связанные и скованные; в маленьких домах или в мастерских с шумом велась любая торговля. Дым, но не угольный, висел над всеми как полог.

При таком восстановлении римского провинциального города, казалось бы, можно многое восстановить, но еще больше оставить. Религия, образование, литература, уровень потребностей и роскоши, ежедневная пища, представления лучших классов, масштабы, методы и характер их торговли, язык, иностранный элемент - ничего из этого не может быть действительно восстановлено.

Под защитой крепости купцы вели свои дела, под ее защитой корабли швартовались в реке, тюки лежали на причалах, а дома жителей, выстроенные сначала вдоль берегов Вальбрука, тянулись на север, к болоту, и на запад, до реки Флит.

Странно, что нигде ничего не сказано о таком сильном и важном месте, как цитадель. Когда она была построена и кем? Когда и кем она была разрушена? Стояли ли стены, когда саксы начали захватывать город? Похоже, что нет, потому что, если бы хоть что-то осталось, хоть какие-то остатки или здания, хоть какая-то традиция крепости, она бы продолжалась. Цитадель исчезла и была забыта, пока ее фундамент не был найден в наше время. Как это произошло? Согласно моей теории, ее исчезновение можно объяснить историей стены (см.

с. 112): все наземные камни, будь то камни цитадели, храма, церкви или кладбища, были использованы для строительства стены.

За рекой находился пригород, который мы сейчас называем Саутварком, - двойная линия вилл, расположенных вдоль дамбы. Существует предположение, что Саутварк старше Лондона и что когда-то он был обнесен стеной. Единственные доводы в пользу этой теории: Птолемей помещает Лондон в Кент, в чем он явно ошибся; название Уолворт может указывать на наличие городской стены; в Саутварке были найдены остатки вилл; на Олд-Кент-роуд было обнаружено римское кладбище. Но остатки домов были найдены только рядом с главной дорогой, ведущей от моста. Они были построены на сваях, вбитых в болото. До недавнего времени весь юг Лондона оставался болотом с постройками то тут, то там; их возводили на берегу или речной стене, на острове Бермонд, на острове Питер, рядом с большой дорогой. И никогда не было найдено никаких следов стены вокруг Саутварка, который был в римские времена и всегда был низшим пригородом, за пределами места ведения бизнеса и центра общества. Каждый город на реке имеет неполноценный пригород на другом берегу - Лондон, Париж, Ливерпуль, Тур, Флоренция: все оживленные города имеют неполноценные транспонированные пригороды. Саутварк всегда был болотом. Когда был построен берег реки, болото превратилось в губчатое поле, покрытое прудами и канавами; когда построили дамбу и мост, люди пришли сюда и построили виллы для проживания. В Средние века здесь было много больших домов, и некоторые ценили это место за тишину по сравнению с шумом Лондона, но Саутварк никогда не был Лондоном.

Кроме моста, здесь был паром - возможно, два парома. Название Сент-Мэри-Овери сохранило эту традицию. Здесь есть два очень древних дока: один рядом с домом Святой Марии Оверис, а другой - напротив, возле Уолбрука. Мне приятно представить, что в этих двух доках мы видим древние доки лондонского парома, к которым относится легенда об основании Дома.

Вернемся к вопросу об амфитеатре и театре. Должно быть, существовало и то, и другое. Совершенно точно, что везде, где рос римский город, вместе с ним рос и амфитеатр. Амфитеатр был так же необходим римскому городу, как ежедневная газета - американскому.

Существует мнение, что амфитеатра не было, потому что город был христианским. Возможно, христиане в городе были уже во втором веке; все указывает на то, что они были. Однако невозможно найти ни малейших следов христианского влияния на историю города вплоть до четвертого века. У. Дж. Лофти считает, что посвящение церквей в нижних и бедных частях города - в честь свв. Петра, Михаила, Иакова и Всех Святых - показывает, что христианские церкви на этих местах существовали очень рано. Это может быть правдой, но это чистая гипотеза. Абсурдно предполагать, что город, несомненно, более значимый, чем Ним или Арль, где были и театр, и амфитеатр, и гораздо более значимый, чем Ричборо, где был один из них, не должен иметь следов ни того, ни другого. Если Бордо, Марсель, Александрия и другие города Римской империи не были христианскими во втором и третьем веках, то почему Лондон должен быть таковым? А если здесь и были христиане в довольно ранние времена, то они не были доминирующей религией, о чем ясно свидетельствуют римские останки. Здесь должен был быть амфитеатр, но где он находился? Начнем с того, что он находился за пределами города. Гладиаторы и рабы, отведенные для шуточных сражений, которые были для них настолько реальными, насколько их могла сделать смерть, дикие звери, компания рибалдов, собиравшихся вокруг амфитеатра, не были допущены в город. Где же находился амфитеатр Лондона?

Сначала мы обращаемся к северу с его садами, виллами и немногочисленным населением. Существование вилл не позволяет нам поместить амфитеатр где-нибудь на севере вблизи Уолбрука.

Когда современный лондонский путешественник стоит на церковном дворе церкви Святого Джайлса, Крипплгейт, он смотрит на бастион римской стены, где сама стена делала неожиданный изгиб к югу. Она шла на юг до точки, расположенной на одной линии с южной стороной церковного двора Святого Ботольфа ("Парк почтальонов"), где снова поворачивала на запад до Ньюгейта.

Таким образом, он образовал почти прямой угол. Почему? В положении земли нет ничего, что могло бы объяснить это отклонение. В восточной части стены такого угла нет. Должна была быть какая-то веская причина для этой регулярной особенности стены. Была ли земля болотистой? Не более, чем болотистая местность, через которую была проложена остальная часть стены. Можно ли назвать или предположить какую-либо причину? Я осмелюсь предположить, что в этом углу находились амфитеатр, театр, а также все здания и помещения, такие как казармы, тюрьмы, норы и клетки, складские помещения, необходимые для гладиаторских представлений. Я думаю, что те, кто строил стену, как я сейчас покажу, были христианами; что они также были, как мы знаем из Гильдаса, суеверными; что они считали амфитеатр и все, что к нему относилось, проклятыми; и что они не позволили бы, чтобы зловещее место крови, резни и казней было допущено в стены. Возможно, что традиция позора сохранилась за этим местом после римской оккупации: эта традиция оправдывает и объясняет выделение евреям этого места в качестве кладбища. Исчезновение амфитеатра можно полностью объяснить изъятием камней для строительства стены.

Мистер К. Роуч Смит, однако, предложил другое место для театра, на что он приводит причины, которые, как мне кажется, не доказывают его теорию, но делают ее вполне возможной и даже вероятной. Многие римские театры во Франции и других странах были встроены в холм, так как возвышенность позволяла установить сиденья. Например, в Тревезе, о котором знает каждый, кто побывал там. Мистер Роуч Смит заметил обрывистый спуск от Грин Арбор Корт к Сикоал Лейн - спуск, который трудно объяснить, кроме как теорией, что он был построен искусственно. Так и должно было быть, ведь на берегу реки Флит не было ничего похожего на обрыв. Тогда почему берег был отрезан? Обратите внимание, что место, где находилась Флотская тюрьма, располагалось не на склоне, а на большом ровном пространстве. Таким образом, мы должны объяснить наличие большого ровного пространства, опирающегося на искусственный утес. Не правда ли, очень вероятно, что это указывает на место римского театра, сиденья которого располагались на искусственном склоне, сохранившемся в Грин Арбор Корт?

Мистер Роуч Смит прочитал доклад (январь 1886 г.), в котором изложил это открытие - это не что иное, как отчет перед Лондонской и Мидлсекской археологической ассоциацией. Примечательно то, что никто, похоже, не обратил на это ни малейшего внимания.

Если предположить, что он доказал свою правоту, я не верю, что он прав в том, что дома были построены на фундаменте театра, по той простой причине, что, как я читал историю стены в камнях, каждый доступный камень в Лондоне и вокруг него был нужен для строительства стены. Ее строили в спешке: камни брали с кладбищ, из храмов, из церквей, из старой крепости, из театра и амфитеатра за стеной. Что касается последнего, то мое собственное мнение остается неизменным; я по-прежнему считаю, что угол в стене был

вызван желанием сохранить за пределами амфитеатра все воспоминания о грубости и жестокости.

У Тревеса (Colonia Augusta Treverorum) и римского Лондона много общих моментов, о чем можно судить по прилагаемому сравнению, в котором римский Тревес и римский Лондон представлены бок о бок. Мы можем сравнить первую цитадель Лондона на правом берегу Вальбрука с Тревесом; или мы можем сравнить более поздний Лондон второй половины четвертого века, стена которого была построена около 360-390 гг. н.э., с Тревесом.

1. Западная сторона цитадели Лондона была защищена долиной и ручьем, устье которого образовывало естественный порт. Долина была около 140 футов в поперечнике; поток был приливным вплоть до возвышенности, с берегами из ила, по крайней мере, до северной стены цитадели. С юга протекала широкая река, через которую был перекинут мост. Ворот было трое: северные, западные и южные. Внутри цитадели находились официальные здания, казармы, жилые дома и офисы. Две главные улицы пересекались под прямым углом. Примерно в полумиле к северо-западу (согласно моей теории) находился амфитеатр. На севере и востоке находилось открытое болото. На юге - болото с возвышенностями. На берегу реки, у моста, находились бани.

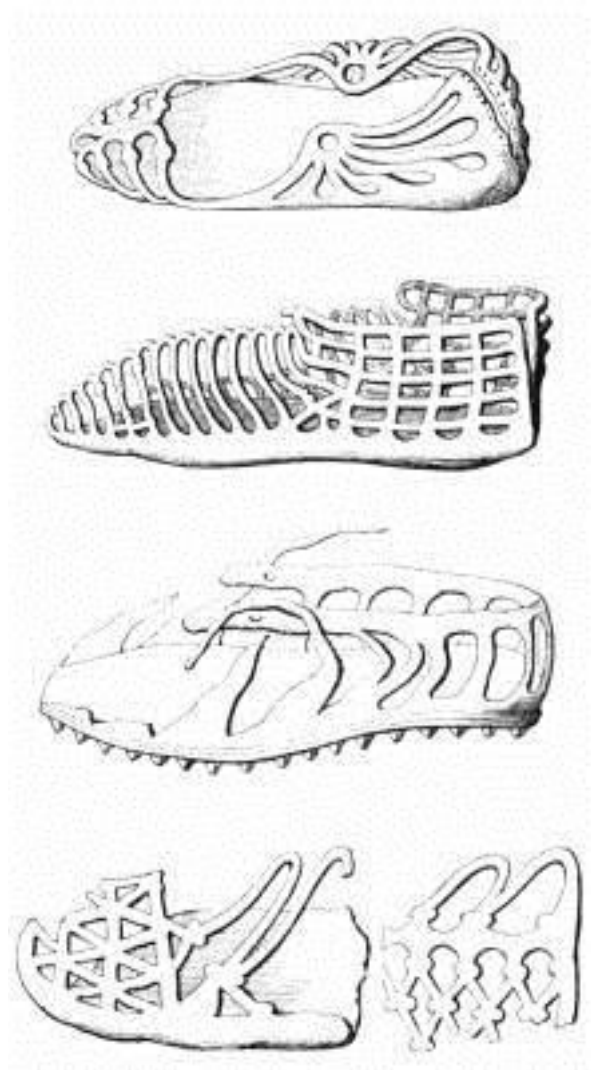
2. Colonia Augusta Treverorum.- Эти детали почти в точности воспроизведены в Тревезе. Перед нами широкая река. С одной стороны - ручей, который, возможно, разветвлялся на два. Сохранившиеся ворота (Porta Nigra) показывают направление стены на север от реки. Длинный бульвар, называемый в настоящее время Ost Allee, отмечает линию восточной стены, которая, как и лондонская, занимала место римской стены. В конце этого бульвара под прямым углом находится изгиб, включающий в себя дворец и другие здания. Таким образом, он представляет собой участок древней стены или стены эпохи Средневековья. Вполне возможно, что средневековая стена города включала в себя меньшую площадь, чем римская, и что две круглые башни, стоящие здесь на месте части стены, представляют собой средневековую стену. Также возможно и даже вероятно, что они стоят на месте римской стены, которая чуть ниже второй или у второй изгибалась на юг до ручья, называемого Альтбах, и на запад до реки. О том, что именно так, а не по продолжению линии башен, проходила римская стена, говорит тот факт, что бани, остатки которых находятся рядом с мостом, должны были находиться внутри, а не снаружи стены. Речная стена, как и лондонская, шла вдоль берега до моста и упиралась в выход небольшого ручья. За речной стеной земля постепенно поднималась. На другой стороне было низменное болото, за которым возвышались холмы - не постепенно поднимающиеся холмы, как на суррейской стороне Темзы. Город пересекали две главные артерии, которые можно проследить и сейчас. Возле моста с восточной стороны располагалась обширная система бань. Внутри стены находились дворец губернатора или императора и огромное здание, которое сейчас называется Базиликой; а между ними - останки, ныне полностью расчищенные для прогулочной площадки, когда-то бывшей садом казарм. Ворот было трое, а может, и четверо. Одни из них, самый благородный памятник, до сих пор сохранился. Римское кладбище было найдено за Альтбахом на юге, а другое - на севере, за Порта Нигра.

3. Сравнение римского Тревеса с более поздним римским Лондоном очень любопытно и неожиданно выявляет тот факт, что во многих отношениях последний был расширением цитадели. Мы знаем, что стена была построена наспех и что для ее возведения использовалась вся каменная кладка города. Однако, как и цитадель, как и Тревес, с одной стороны крепости протекал ручей, в стенах находились бани, мост и порт, а официальные здания, как и в Тревесе, были собраны в одном месте. Мы также находим любопытный угол, который в Тревезе можно объяснить расширением стены, а в Лондоне - обычаем держать

амфитеатр за пределами города как место, вызывающее ассоциации с битвой, убийством, резней, и грубой компанией гладиаторов, ретиариев, пленников, ожидающих боя и смерти, диких зверей и их сторожей, а также сброда, который принадлежал к этой дикой и безрассудной компании.

Часть Лондона, лежащая к западу от Уолбрука, была заполнена домами низших слоев населения, а также складами и магазинами купцов. Они простирались, как и по сей день, от Тауэра до Блэкфрайарса. На возвышенности располагались виллы лучших сословий, некоторые из них были роскошными, просторными, украшенными с высочайшим искусством и снабженными большими садами. Эти виллы тянулись на север вдоль берега Уолбрука. Они также встречаются на южной стороне в Саутварке и на западной стороне на Холборн-Хилл. Главной улицей Августы была улица Уотлинг-стрит, которая, ответвляясь от старой Уотлинг-стрит, где сейчас находится Мраморная арка, вела всю торговлю страны через Лондон по Ньюгейту, через нынешнее место собора Святого Павла, через цитадель, на рыночную площадь и в порт. Другая улица выходила через Бишопсгейт на север, а третья, Вицинальный путь, - в восточные графства. Мост вел к дороге, идущей на юг, в Дувр. Кроме того, вдоль Темзы проходила длинная улица, от которой, вероятно, отходило множество боковых улочек, как и сейчас.

Вещи, которые остались от римского Лондона и которые можно увидеть в наших музеях, скудны, но они дают много информации о состоянии и цивилизации города. Фундаменты больших вилл, богатая мозаика и тротуары, останки статуй, капители колонн, монеты и фундаменты массивных стен ясно указывают на наличие большого богатства и значительного комфорта. Более мелкие вещи в стеклянных ящиках, ключи, заколки, стеклянные бутылки, статуэтки, колокольчики, инструменты, сталелитейные заводы, зеркала - все это указывает на цивилизацию, близко подражающую столичной.

РИМСКИЕ САНДАЛИИ, ВЗЯТЫЕ ИЗ РУСЛА ТЕМЗЫ

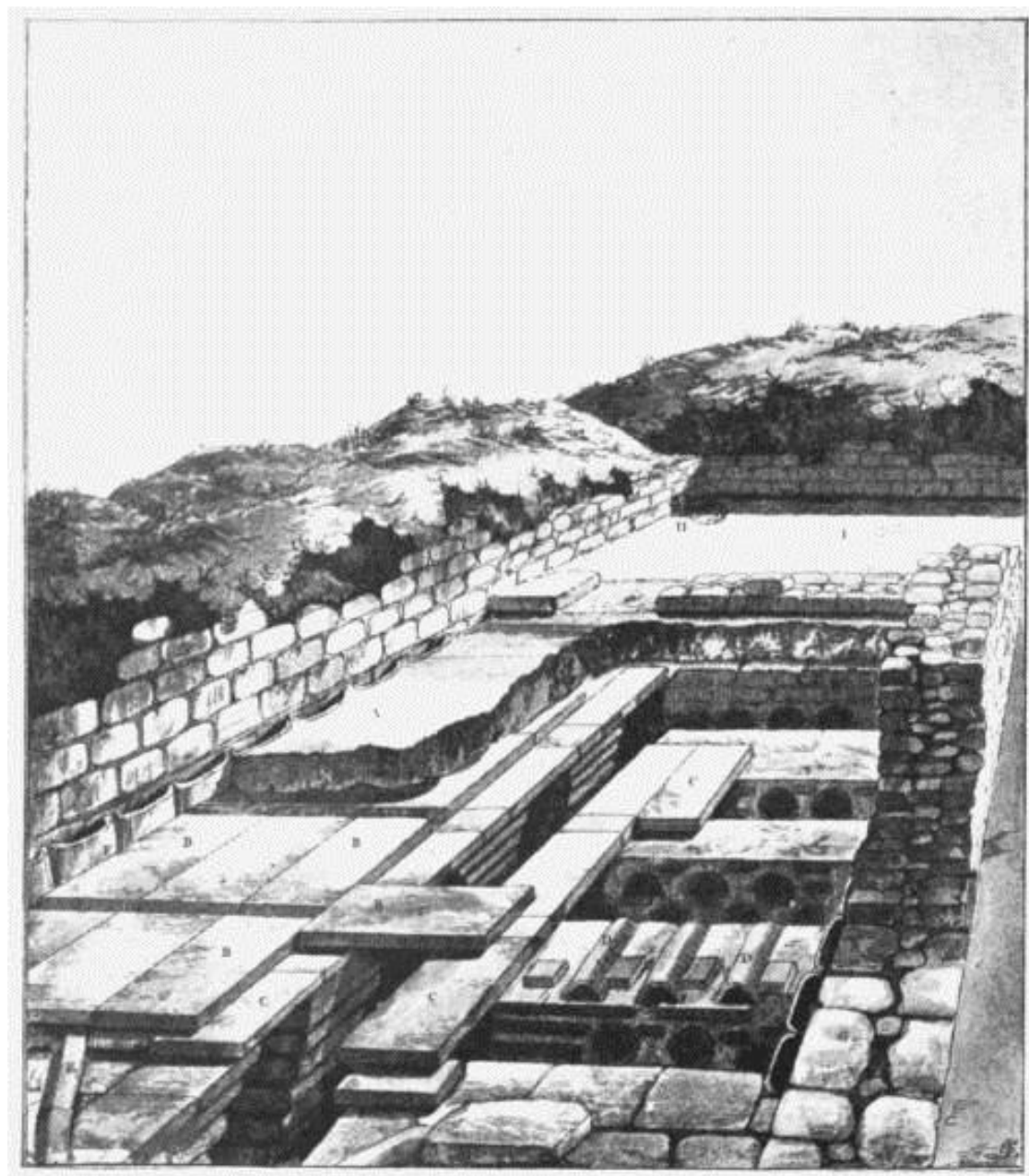
Каталог лондонских древностей Роуча Смита.

За информацией о жизни лучшего класса в провинциальном городе IV века мы должны обратиться не к уроженцу Лондона, а к уроженцу Галлии. Авсоний - писатель, чьи произведения раскрывают повседневную жизнь большого галльского города. Он родился в хорошей семье с обеих сторон. Его отец был врачом, а дед - так называемым "математиком", который на самом деле все еще практиковал запретную тайну астрологии. Сам Авсоний получил образование в Тулузе, а в Бордо открыл школу риторики. Риторы не только обучали, но и практиковали ораторское искусство. Все ли риторы были также поэтами, неизвестно: простое сочинение стихов дается не труднее, чем ораторское искусство. Существовало два класса учителей: грамматики, которые подразделялись на латинских грамматиков, знающих латинские древности, и греческих грамматиков, изучающих греческие древности; и, над грамматиками, риторы. В каждом важном городе по всей империи можно было встретить ротора и грамматика; они обменивались письмами, стихами, комплиментами и подарками. Во времена всеобщего упадка, когда никто не мог сказать ничего нового, когда не было ничего, что могло бы стимулировать или вдохновить на более благородные дела, язык комплиментов, язык преувеличений и язык тщеславия заполнил все сочинения. В такое время оратор пользуется большим уважением, чем солдат. В последнем горожанин видел хранителя порядка, стража границ, истребителя варваров, постоянно наседавших на империю. Сам он не носил оружия: он олицетворял собой образование, право, литературу и

медицину. Сам Авсоний, возведенный в ранг консула, предает это чувство. Он сравнивает себя с консулами прежних времен: очевидно, что он превосходит их всех, кроме одного - воинских качеств. Этих достоинств больше не существовало: гражданин был человеком мира, солдат - полицейским. Если это было верно для Бордо, далекого от места военных действий, то гораздо более верно для Лондона, куда каждый день прибывали и отправлялись рабы, захваченные в какой-нибудь новой пограничной стычке, в то время как сами жители никогда не слышали лязга оружия и не встречали захватчика с мечом.

Еще одной профессией, которая была в большом почете, был юрист. Молодой юрист проходил пятилетний курс обучения. В разных частях империи существовали юридические школы, куда съезжались студенты со всех концов, как в более поздние времена в университеты съезжались молодые люди из всех стран. Из этих юристов выбирали мировых судей.

Медицина также была в большом почете; ее тщательно преподавали, особенно в южной Галлии.

ЛАКОНИКА, ИЛИ ПОТОГОННАЯ БАНЯ

Из книги Лайсонса "Описание римской виллы в Вудчестере".

Ученые составляли отдельную касту: с купцами и солдатами юристы, ораторы, грамматик и врачи не имели ничего общего. Они поддерживали между собой множество старых языческих форм. Если они больше не могли поклоняться Венере, то могли писать о ней стихи в старом языческом стиле. Вероятно, многие продолжали, хотя бы по привычке, придерживаться языческих обычаев и языческого образа мыслей. Церковь еще не дала миру толпу святых, которые бы заняли место богов, богинь, нимф, сатиров и спрайтов, наблюдавших за всем, начиная с самой Римской империи и заканчивая садом простого горожанина.

Театр был полностью отдан мимам и пантомимам: комедия и трагедия были мертвы. Пьесы, исполняемые в немом шоу, были сценами из классической мифологии. Их представляли с большим количеством танцев. Танцевали все. Дафна танцевала, убегая, а Ниоба, танцуя, растворялась в слезах. В цирке устраивались скачки, в амфитеатре - мимические состязания и гладиаторские представления.

Все это происходило в Бордо, поэтому можно с уверенностью сказать, что это происходило и в Лондоне, чья цивилизация была в равной степени галло-римской. Лондон был местом, по значимости равным Бордо, местом с более развитой торговлей, резиденцией викария Спектабилиса, почетного вице-губернатора, одной из тринадцати столиц тринадцати диоцезов Римской империи.

ТЕССЕЛИРОВАННАЯ МОСТОВАЯ

Из книги Лайсонса "Рассказ о римской вилле в Вудчестере".

Любой рассказ о римском Лондоне должен включать описание и план римской виллы. Я выбрал дворцовую виллу, которая была восстановлена Сэмюэлем Лайсонсом ровно сто лет

назад в Вудчестере. План приведен в его книге "An Account of Roman Antiquities discovered at Woodchester"; на нем показано расположение комнат и дворов.

"Посетитель, приближающийся к вилле, когда она стояла, видел перед собой длинную низкую стену с входной аркой. Стена, вероятно, служила своего рода укреплением; людей в доме было достаточно, чтобы защитить его от любой бродячей компании мародеров. Внутри входа, где его встречал носильщик или стражник, посетитель оказывался в большом квадратном дворе, стороны которого составляли 150 футов. По обеим сторонам, на востоке и западе, были построены , которые входили в большой двор: в одном было двенадцать комнат, в другом - любопытное расположение комнат, сообщающихся друг с другом, которые считались банями. Помещения на западной стороне, возможно, были комнатами и мастерскими рабов и слуг.

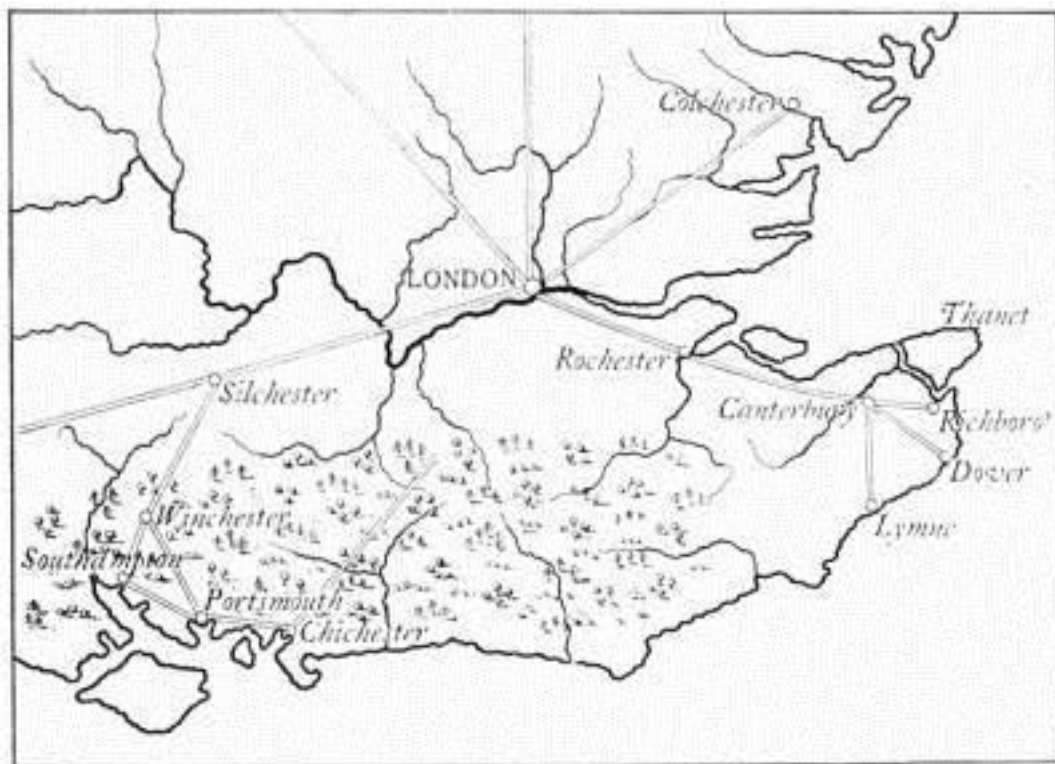
С северной стороны ворота меньшего размера открывали доступ к двору, не такому большому, как первый, но все же хорошему по размеру, 90 футов в квадрате; он был окружен с трех сторон галереей, которая закрывалась на зиму, о чем свидетельствует находящийся под ней гипокауст. Из этого двора можно было попасть в прекрасный зал, украшенный мозаичным покрытием большой художественной ценности, со скульптурами, картинами, вазами и стеклом. По обе стороны от этого зала находились палаты, также украшенные подобным образом. Под полом покоев находился гипокауст, где разжигались костры, горячий воздух которых по трубам отапливал все покои. Фрагменты статуй, одна из которых принадлежала Магненцию-узурпатору, а также стекло, керамика, мрамор, рога, монеты. Здание занимало площадь 550 футов на 300 футов, и нет никакой уверенности в том, что оно было вскрыто полностью.

Интересно отметить, что на одной из мозаик, найденных в этом месте, есть предписание "... B][N][C ... "18 - то есть *Bonum Eventum Bene Colite* - не забывайте поклоняться Удаче. Этому богу, которому, несомненно, должен поклоняться весь мир, в Риме был посвящен храм.

Римский британец, если он жил в таком государстве, как это, был удачливее своих собратьев. Но в небольших виллах преобладал тот же план открытого двора, квадратного и построенного с одной, двух или более сторон. Стены были каменными до определенной высоты, когда на смену камню приходило дерево; стойки ставили близко друг к другу, а промежутки делали воздухо- и водонепроницаемыми с помощью глины и соломы; крыша была из черепицы или каменной плитки. Настенные росписи, как мы уже видели, были найдены повсюду; мостовые во многих случаях были покрыты сложнейшей мозаикой".

Строительство виллы для богатого римского брита легко понять. Что же касается небольших домов, то на этот вопрос ответить не так просто. В Лимпне был найден небольшой отдельно стоящий дом. Он был около 50 футов в длину и 30 футов в ширину. На плане видно, что он был разделен на четыре палаты, одна из которых имела круглую апсиду. Все комнаты были примерно одинакового размера, а именно, больше 22 футов на 14 футов. В Олдборо был обнаружен ряд домов еще меньшего размера. Почти все улицы Лондона лежат на массивах погребенных римских домов. Если мы хотим реконструировать город, мы должны учитывать не только виллы на более открытых пространствах, официальные резиденции в цитадели, но и улицы и переулки более бедных слоев населения. В Помпеях улицы узкие, расположены неравномерно, есть только одна или две, по которым может проехать любая повозка. То же самое наблюдалось в Чилирнуме (Честерс), в Нортумберленде, и в Мэрипорте в Камберленде. Очень вероятно, что узкие улочки, ведущие на север от Темз-стрит, находятся на тех же местах, что и древнеримские улицы Лондона в его более бедных и многолюдных частях. Вполне логично, что дома рабочих и рабов не могли быть построены из камня.

Характер торговли Лондона можно определить, рассмотрев: (1) то, что люди хотели; (2) то, что они делали, производили и выращивали для собственных нужд; (3) то, что они экспортировали.

РИМСКИЕ ДОРОГИ, ИДУЩИЕ ИЗ ЛОНДОНА

Сначала рассмотрим третий пункт. Британия была уже богатой страной. В южной части острова, которую только и стоит рассматривать, производили железо, олово, свинец и медь; уголь добывали и использовали для топлива, когда он находился близко к поверхности; шкуры экспортировали; постоянные бои на марше давали постоянный приток рабов для гладиаторских состязаний. Пшеница и зерно всех видов также выращивались и экспортировались.

Что касается производства, то гончарные изделия изготавливались в огромных количествах, но не из самых тонких сортов. Производилось стекло. Было освоено искусство ткачества. Искусства живописи, мозаики и строительства достигли некоторого совершенства. Были мастера по золоту и другим металлам.

Что касается того, чего хотели люди. Те, кто был беден, не хотели ничего, кроме того, что давала им страна: например, река кишела рыбой всех видов, а обширные болота, простиравшиеся до устья Темзы, были местом обитания бесчисленных птиц. Никто не должен был голодать, если умел ловить рыбу в реке или птиц на болоте. В этом отношении они были похожи на простолюдинов, которые жили исключительно за счет продуктов своих земель и собственного труда, пока чай, табак и сахар не стали предметами повседневного потребления. Однако лучшие классы требовали большего. Прежде всего им требовалось вино, это была их главная потребность. Кроме того, им нужны были шелка для вешалок и для одежды, тонкие вещи, статуи, лампы, зеркала, мебель, дорогое оружие, книги, пергамент, музыкальные инструменты, пряности, масло, духи, драгоценные камни, тонкая керамика.

Купцы Лондона получали все это, отправляли обратно корабли, груженные продуктами страны, и рассылали привезенные товары по большим дорогам во внутренние города и к лордам вилл.

Лондон был центром по меньшей мере пяти больших дорог. В этом отношении он был единственным среди городов римской Британии. Эти магистрали описаны в книге Guest's Origines Celticæ. Они соединяют город со всеми частями острова: на северо-востоке - с Колчестером; на севере - с Линкольном и Йорком; на северо-западе - с Uriconium (Вроксетер), в Шрусбери, Уэльс и Ирландию; на западе - с Силчестером, в Винчестер и Солсбери; на юго-востоке - с Ричборо, Дувром и Лимпом или Лаймном; и на юге - с Регнумом (Чичестер) - если мы можем заполнить ту часть между Лондоном и Доркингом, которую Гость не указал.

Этот факт сам по себе является неопровержимым доказательством того, что Лондон был великим торговым центром острова, даже если бы не существовало других доказательств. А поскольку вся торговля находилась в руках лондонских купцов, можно понять, что в те времена, когда на дорогах и в Ла-Манше существовала достаточная безопасность, когда граф Саксонских берегов патрулировал открытое море со своим флотом, а герцог Британии сдерживал шотландцев и пиктов, город Августа стал очень богатым. Бывали, как мы видели, времена, когда безопасности не было, когда пират делал, что хотел, а мародер с севера беспрепятственно разгуливал по стране. Тогда лондонские купцы страдали, и торговля приходила в упадок. Так, когда люди царицы Боадии расправились с жителями Лондона, когда солдаты подняли восстание при Коммодe, когда пираты начали свои набеги еще до создания британского флота, когда Караузий использовал флот в своих целях, а также в период смуты, предшествовавшей и последовавшей за уходом легиона, для тех, кто занимался торговлей, наступили тревожные времена. Но в целом процветание Лондона продолжалось на протяжении трехсот пятидесяти лет.

ГЛАВА IV

ОСТАТКИ РИМСКОГО ЛОНДОНА

Если встать в музей Гилдхолла и окинуть взглядом представленные там скудные остатки римского Лондона, то возникает холодное сомнение в предполагаемом богатстве и величии древнего города. Неужели это все, что можно показать после почти четырехсотлетней оккупации? Больше ничего нет: в Британском музее можно найти комнату, посвященную этому предмету; есть несколько небольших частных коллекций, не содержащих ничего важного. Однако если учесть, сколько времени прошло с момента падения римского Лондона, долгую историю перестроек, пожаров и сменяющих друг друга оккупаций, а также тот факт, что дважды - один раз более чем на сто лет - Лондон был полностью заброшен, то следует признать, что от римского Лондона осталось больше, чем можно было ожидать. Что, например, известно о другом великом римском городе, который сейчас называется Бордо? Что даже от Лютеции Парижской? А Массилия, древнейший из галльских городов?

РИМСКИЙ АЛТАРЬ ДИАНЫ НАЙДЕН В СЕН-МАРТИН-ЛЕ-ГРАНДЕ

Однако существует множество останков римского Лондона, которые не сохранились ни в одной коллекции. Некоторые из них находятся под землей; некоторые были выкопаны и увезены; некоторые были раскрыты, изучены, зарисованы и снова скрыты.

Антиквары с удовольствием находят следы римских реликвий, о которых не сохранилось ни воспоминаний, ни преданий. Так, нас уверяют, что в Лондоне раньше существовал *Campus Martius*; говорят, что на его месте находилась Старая артиллерийская площадка. Говорят, что на южной стороне собора Святого Павла стоял храм Дианы. Там находился таинственный и обширный склеп под названием *Камера Дианы*, предположительно связанный с поклонением этой богине; он сохранился в XVII веке. Возможно, это был склеп какого-то средневекового дома. Стьюкли убеждал себя, что нашел в Лонг-Акре "великолепный цирк, или ипподром, основанный Илаем, отцом Касвелхуна"; он также верил, что нашел в Хедж-Лейн уцелевшую *аггеру* или могилу короля Илая. Тот же антиквар предпочитал искать лагерь Юлия Цезаря в Брилле напротив старой церкви Сент-Панкрас.

Иногда говорят, что раскопки в Лондоне были немногочисленны и разбросаны по всей территории города; что не проводилось систематической и научной работы, подобной той, что, например, была проведена тридцать лет назад в Иерусалиме сэром Чарльзом Уорреном. Но если учесть, что в городе нет ни одного дома, у которого не было бы полдюжины предшественников на том же месте, чей фундамент, следовательно, не раскапывался бы снова и снова, никто не сможет оценить останки, римские, британские и саксонские,

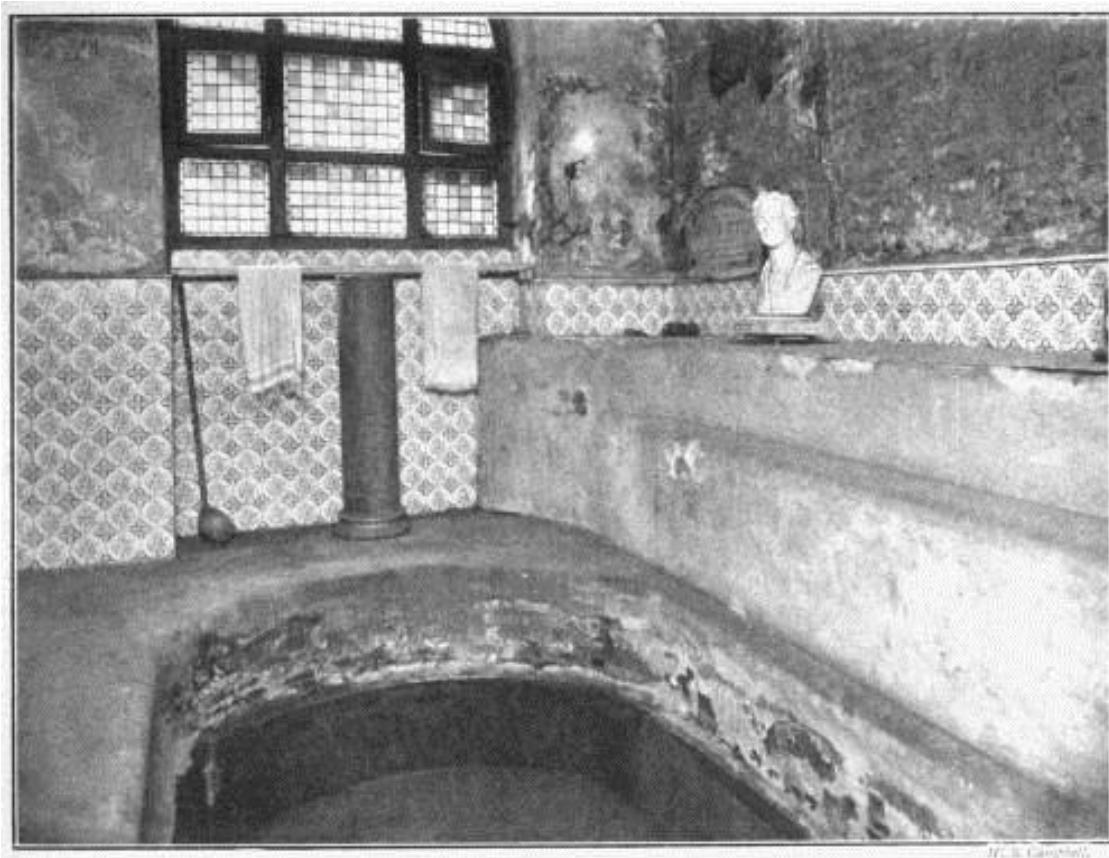
которые были выкопаны, разбиты и вывезены. Например, во время некоторых работ в Сент-Мэри Вулнот люди наткнулись на огромные остатки "мусора", состоящего из разбитой керамики и других вещей, которые были вывезены в Сент-Джордж-Филдс, чтобы починить или сделать там дороги. Единственная защита римских останков, пока не было присмотра за рабочими, заключалась в том, что римский уровень во многих местах был слишком глубоким для обычных фундаментов. Так, в Чипсайде он был на 18 футов ниже современной поверхности; в других местах он был еще больше.

Сбор римских древностей, по-видимому, впервые начал Джон Кониерс, аптекарь, во время Великого пожара. При восстановлении города пришлось много копать под фундамент, в ходе чего на свет появилось множество римских вещей. Большинство из них остались без внимания. Однако Кониерс собрал множество образцов, которые впоследствии были куплены доктором Джоном Вудвордом. После его смерти часть коллекции была куплена Кембриджским университетом, а остальное было продано с аукциона "у мистера Купера на Большой площади в Ковент-Гардене". Тремя другими ранними коллекционерами были Джон Харвуд, доктор философии; Джон Бэгфорд, книготорговец, который, похоже, разбирался в монетах; и мистер Кемп, в чьей коллекции было несколько лондонских вещей, особенно две терракотовые лампы, найденные на месте собора Святого Павла, которые, как предполагалось, доказывали существование храма Дианы на этом месте.

Захоронения и гробницы были раскопаны в разных частях Сити, но все за стенами римской крепости. Так, они были найдены на месте собора Святого Павла, в Боу-лейн, на Куин-стрит, Корнхилле, на холме Святого Дунстана, возле Карпентерс-холла, на Камомил-стрит у западного конца церкви Святой Елены, на Кингс-стрит и Кен-стрит, в Саутварке, за Бишопсгейтом, в "Лоллсворте", который впоследствии стал называться Спиталфилдс. Последнее из названных было самым обширным из древних кладбищ.

Стоу описывает его следующим образом.

"На восточной стороне этого церковного двора находится большое поле, в старину называвшееся Лолесворт, ныне Спитлфилд, которое около 1576 года было разбито для добычи глины на кирпич: при его раскопке было найдено множество глиняных горшков, называемых урнами, полных пепла и обожженных костей людей, то есть римлян, которые здесь жили. Ибо таков был обычай римлян - сжигать своих мертвецов, класть их прах в урну, а затем хоронить с определенными церемониями в поле, отведенном для этой цели неподалеку от их города.

РИМСКАЯ БАНЯ, СТРЭНД-ЛЕЙН

В каждом из этих горшков (вместе с прахом умерших) находился один кусок медных денег с надписью царствовавшего тогда императора: Некоторые из них принадлежали Клавдию, некоторые Веспасиану, некоторые Нерону, Антонину Пию, Траяну и другим. Кроме этих урн, в том же месте было найдено много других горшков, сделанных из белой земли, с длинными горлышками и ручками, похожих на наши каменные кувшины: они были пусты, но казались закопанными полными какой-то жидкой материи, давно уже израсходованной и пропитанной насквозь. Ибо там были найдены различные фиалы и другие стаканы, некоторые из них были искусно сделаны, таких я еще не видел, а некоторые из хрусталя, и все они содержали воду, ничем не отличаясь по прозрачности, вкусу и аромату от обычной родниковой воды, какой бы она ни была вначале. В некоторых из этих бокалов было масло, очень густое и с землистым привкусом. Предполагалось, что в некоторых из них был бальзам, но он утратил свою силу: Многие из этих горшков и стаканов были разбиты при разрезании глины, так что немногие из них были взяты целиком.

Также были найдены различные блюда и кубки из прекрасной красной земли, которые внешне выглядели такими блестящими и гладкими, как будто они были из коралла. На дне их были напечатаны римские буквы; там же были светильники из белой земли и красной, искусственно выделанной, с различными предметами антиквариата, около трех или четырех изображений, сделанных из белой земли, длиной около пролета каждое из них: Одно из них, как я помню, было изображением Палласа, остальные я забыл. Сам я сохранил (среди множества найденных там древностей) одну урну с пеплом и костями и один горшок с белой землей, очень маленький, не более четверти винной пинты, сделанный в форме зайца, сидящего на корточках, между ушами которого находится горшок.

На том же поле были найдены несколько каменных гробов, содержащих кости людей: Я полагаю, что это погребения некоторых особых людей во времена бриттов или саксов, после

того как римляне ушли, чтобы править здесь. Кроме того, здесь также были найдены черепа и кости людей без гробов, или, скорее, чьи гробы (будучи из большой древесины) были разрушены". (Strype, vol. i. bk. ii. chap. vi.)

Описание всех римских останков, найденных в Лондоне, заняло бы слишком много времени. Однако мы упомянем некоторые из наиболее важных (см. Приложение III).

Несомненным произведением римского искусства является старая баня, до сих пор существующая на Стрэнд-Лейн. Эта ванна слишком мала для общественного пользования: она принадлежала частному дому, построенному за пределами Лондона, на склоне невысокого холма, а затем травянистого поля, пересеченного полдюжиной крошечных ручейков. Ванну часто изображали.

Под поверхностью было обнаружено множество тротуаров, некоторые из которых были огромной длины и ширины: часть из них была поднята, часть - нарисована. К северу от Темзы было найдено более сорока тротуаров. Почти все они находились на восточной стороне Уолбрука, той стороне, которая всегда была отмечена как первоначальное римское поселение, и многие из них были найдены в предполагаемых границах римского Прэториума.¹⁹

Римские останки были найдены под башней церкви Мэри-ле-Боу, где находилась римская дамба; в Кривом переулке, в переулке Клемента, на улице Короля Уильяма, на Ломбард-стрит, на Уорик-сквер, на месте рынка Лиденхолл, на всей Хай-стрит, в Боро вплоть до церкви Св. George's Church, на Threadneedle Street, Leadenhall Street, Fenchurch Street, Birchin Lane, Lime Street, Lothbury, Gracechurch Street, Eastcheap, Queen Street, Paternoster Row, Bishopsgate Street Within, и во многих других местах.

Камни с надписями также были найдены на Черч-стрит в Уайтчепеле, в Tenter Ground, Гудманс-Филдс, Минори, в лондонском Тауэре, на Лондонской стене возле Финсбери-Серкус, в Плейхауз-Ярд, Блэкфрайерс, в Пентонвилле, на Тауэр-Хилл, в Николас-Лейн, Ломбард-стрит, на Харт-стрит, Крутч-Фрайерс.

В Бевис Маркс была найдена фигурка юноши с луком. Небольшой алтарь был откопан при раскопках Голдсмитс-холла.

Большое количество предметов было найдено в 1837 году при дноуглубительных работах на Темзе возле Лондонского моста. Они были выгравированы Обществом антикваров и опубликованы мистером К. Роучем Смитом в его "Иллюстрациях римского Лондона".

Среди других предметов, которые он использовал в качестве иллюстраций к своей книге, - керамика, лампы, бронза, стекло, монеты и посуда различных видов.

Очень интересная фигурка была обнаружена на Квин-стрит в 1842 году. Она описана мистером В. Чафферсом в *Archæologia*, vol. xxx. p. 543: - "Наблюдая за ходом раскопок, мистер В. Чафферс сказал.

"Наблюдая за ходом раскопок, недавно произведенных на Квин-стрит, Чипсайд (для прокладки канализации), я, к счастью, получил в свое распоряжение несколько редких и любопытных образцов римского искусства. На небольшом расстоянии от Уотлинг-стрит взору предстал прекрасный кусок римской стены, идущей прямо через улицу, в удивительно идеальном состоянии, сложенный из плоских красных плиток, уложенных на прочный и плотный раствор. Также было обнаружено несколько других, расположенных ниже по улице. В нескольких ярдах от стены один из каменщиков, убирая землю, ударил своим совком о что-

то, что, по его предположению, было латунным краном; но, пройдя дальше, он обнаружил, что это правая пятка фигуры, которая лежала на лице. Высота фигуры, если бы она стояла прямо, была бы 15 дюймов; но в согнутом положении перпендикулярная высота от основания до макушки головы составляет всего 11 дюймов. Очевидно, она предназначена для изображения человека в позе, когда он выпускает стрелу из лука. Лук и стрела были, вероятно, из более богатого металла, чем сама фигурка, но никаких остатков от них не обнаружено. Отверстие для лука видно в сомкнутой левой руке, которая его держала, а согнутые пальцы правой изображены в момент вытягивания стрелы до упора, предшествующего ее вылету. Глаза серебристые, с открытыми зрачками; волосы уложены изящными локонами на голове, а также на подбородке и верхней губе. Левая рука, державшая лук и стрелу, расположена так, что последняя находится на одном уровне с глазом; непоколебимый взгляд и решительное выражение всего лица значительно усиливаются серебряными глазами. Он был найден на глубине между двенадцатью и тринадцатью футами".

В 1825 году в Темзе была найдена небольшая серебряная фигурка Гарпократа. Сейчас она хранится в Британском музее.

"В начале декабря 1877 года в Пай Корнер были проведены значительные [раскопки](#)²⁰ на участке длиной около 100 футов и шириной 40 футов. На глубине 11 футов и в месте, расположенном на расстоянии 150 футов вдоль домов от середины больших ворот больницы, рабочие наткнулись на два больших каменных блока, которые лежали наполовину внутри передней линии нового здания и наполовину под пешеходной дорожкой улицы. Продолжив раскопки, они обнаружили, что камни представляют собой два больших гроба, лежащих рядом, вплотную друг к другу. От крышки каждого из них был отколот кусок, и в таком виде, еще до того, как их содержимое было потревожено, их увидел доктор Дайс Дакворт. В южном саркофаге находился свинцовый футляр со скелетом женщины. Он был поспешно извлечен, так как рабочие стремились сохранить свинец. В другом саркофаге находились два скелета, мужской и женский. Поскольку они были несколько сдвинуты, когда я увидел их полчаса спустя, я процитирую заметку, которую доктор Дакворт любезно написал мне об их точном положении: "Женщина лежала лицом на запад (средневековая церковная позиция), мужчина - на восток (позиция мирянина)". Саркофаги лежали почти, но не точно, на восток и на запад".

Большое количество римских останков было найдено в 1840 году при рытье котлована под фундамент новой Королевской биржи. На восточной стороне находились фрагменты, свидетельствующие о том, что старые здания были снесены. В центре было найдено тридцать две выгребные ямы, в некоторых из которых находились древние предметы. Они были расчищены и заполнены бетоном. Почва состояла из растительной земли, скоплений и разбитых останков различных видов с гравием на глубине 16 футов 6 дюймов. Однако в западной части рабочие наткнулись на остатки небольшого здания, *покоящегося* на гравии. На этом здании возвышались стены Старой биржи. Когда оно прекратилось, были забиты дубовые сваи, а на их головы уложены шпалы; под сваями была обнаружена бутовая стена, а под стеной - древняя яма, утопленная на 13 футов сквозь гравий до самой глины.

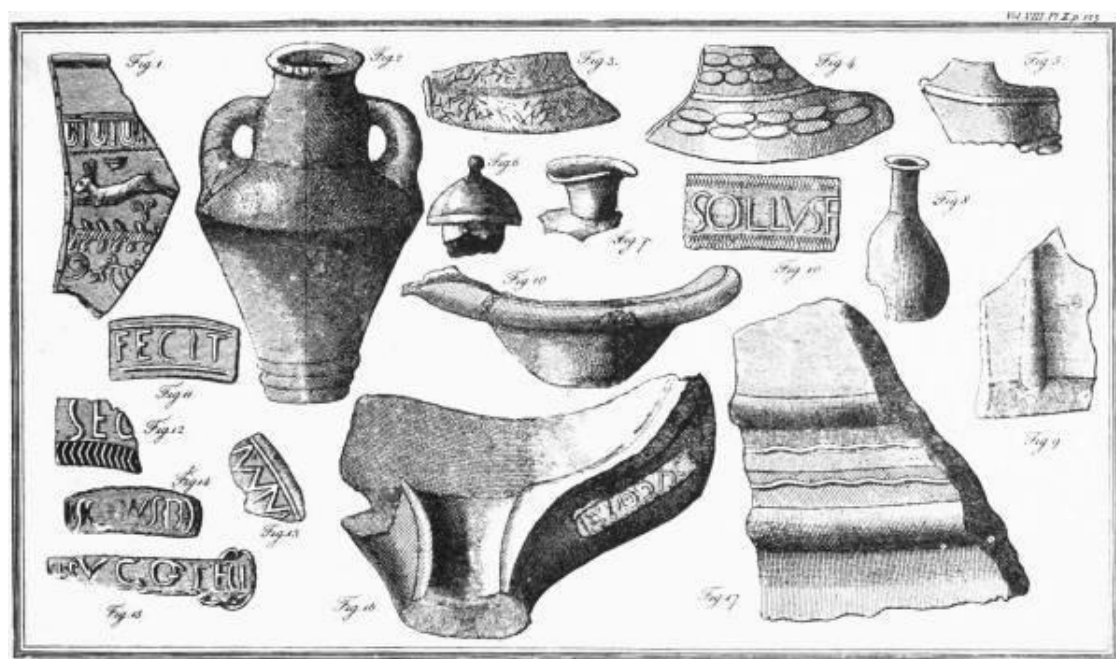
"Яма имела неправильную форму, но с севера на юг она составляла около 50 футов, а с востока на запад - 34, и была заполнена затвердевшей грязью, в которой содержалось значительное количество останков животных и растений, очевидно, выброшенных жителями окрестностей. В этом же хранилище были найдены многочисленные фрагменты красной

римской керамики, обычно называемой саамской, осколки стеклянных сосудов, разбитые терракотовые лампы, части амфор,-mortиры и другие изделия из земли, а также весь мусор, который мог бы естественным образом накопиться в пруду с течением лет. В этой массе также находилось несколько римских монет, несколько бронзовых и железных стилей, части письменных столов, стригиль для купания, большое количество подошв калиги, сандалий и остатков кожи". (Сэр Уильям Тайт.)

Предметы, извлеченные из этой ямы, каталогизированы и описаны Тайтом в его книге под названием "Древности, обнаруженные при раскопках фундамента Новой королевской биржи".

Римская керамика, найденная в Айви-Лейн и на церковном дворе Святого Павла, была выставлена на вечернем собрании L. and Midd. Arch. Soc., 18 сентября 1860 года.

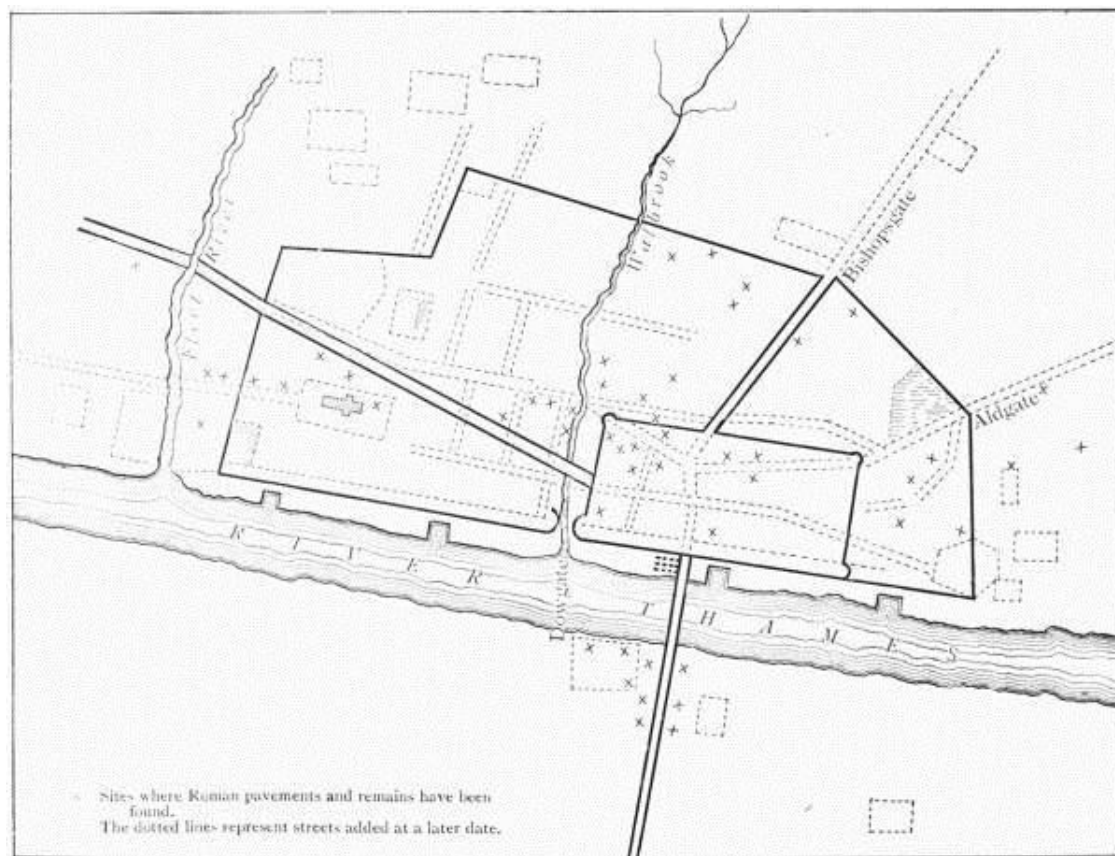
Римские ключи были найдены возле церкви Святого Свитина на Кэннон-стрит, на Чаринг-Кросс рядом со статуей Карла I, под криптой Джерардс-Холл и в крипте церкви Святого Павла во время подготовки к погребению герцога Веллингтона.

РИМСКИЕ ДРЕВНОСТИ, НАЙДЕННЫЕ В ЛОНДОНЕ В 1786 ГОДУ
Из Archæologia, vol. viii.

"Важное открытие было сделано в 1835 году на стороне Коулмен-стрит возле публичного дома под названием "Лебединое гнездо"; здесь была открыта яма или колодец, в котором хранились глиняные сосуды различных моделей и объемов. Этот колодец был тщательно выложен толстыми досками и поначалу не подавал признаков того, что в нем есть что-то, кроме родной гравийной почвы, но на значительной глубине обнаружилось другое содержимое. Вазы лежали на боку в продольном направлении и выглядели так, будто были регулярно упакованы или вмурованы в грязь или песок, которые так плотно облепили их, что многие из них были разбиты или повреждены при извлечении. Но те, что сохранились целиком или почти целиком, сделаны из того же материала, что и ручки, горлышки и части

светло-коричневых сосудов, встречающихся в таком изобилии на римском уровне в Лондоне. Некоторые из них сделаны из более темной глины, приближающейся к синевато-черной, с сетчатой каймой по верхней части, а один необычайно изящной формы - бледно-голубого цвета с широкой черной каймой по дну. Некоторые из них без ручек, другие имеют одну или две. Их вместимость для жидкостей варьируется от одной кварты до двух галлонов, хотя некоторые разбитые были гораздо большего размера. На дне колодца была найдена небольшая саамская патера с каймой из листьев плюща и несколько фигурных кусочков такой же, а также маленькая медная монета Аллекта с реверсом галеры, *Virtus Aug.* и два железных предмета, напоминающих крюк для лодки и ручку для ведра. Последний из них имеет такой домашний и современный вид, что, если бы у меня не было других доказательств его истории, кроме простого заверения экскаваторщиков, я бы немедленно отверг его, заподозрив, что его принесли на место, чтобы всучить неосторожным; но тот факт, что эти предметы были выкопаны в присутствии заслуживающего доверия человека из моей службы, снимает все сомнения в их подлинности. Размеры ямы или колодца составляли около 2 футов 9 дюймов или 3 футов в квадрате, и с каждой стороны он был обит узкими досками длиной около 2 футов и толщиной от 1½ до 2 дюймов, поставленными вертикально, но эти рамки прекращались ко дну ямы, которая из квадратной превращалась в овальную". (C. Roach Smith in *Archæologia*, vol. xxix.)

РИМСКИЙ ЛОНДОН

x - Места, где были найдены римские мостовые и останки.

Пунктирными линиями обозначены улицы, добавленные позднее.

Ниже приведен список наиболее важных мостовых с тесселированной поверхностью, которые были обнаружены в городе:...

СТАТУЭТКИ РИМСКИХ БОЖЕСТВ

Британский музей.

1661. В Скотс-Ярде, Буш-лейн, вместе с остатками большого здания. Предполагается, что это была официальная резиденция Преториума. Отправлен в Грешем-колледж.
1681. Возле церкви Святого Андрея, Холборн, глубоко под землей.
" Буш-лейн, Кэннон-стрит - глубокий провал.
1707. На Камомил-стрит - 5 футов под землей, с каменными стенами.
- 1785, 1786. Шерборн-лейн. Здесь обнаружены четыре тротуара.
1786. Бирчин-Лейн, с остатками стен и керамики, на глубине 9 футов, 12 футов и 13 футов.
1787. Нортумберленд-авеню и Крутчед Фрайерс - глубина 12 футов. Общество антикваров.
1792. В Поулетт-Хаус, за офисом оплаты военно-морского флота, Грейт-Винчестер-стрит.
1794. Панкрас-лейн - глубина 11 футов.
1803. Лиденхолл-стрит - на глубине 9 футов 6 дюймов. Британский музей.
1805. Банк Англии, северо-западный угол. Британский музей.
1805. Церковь Святого Клементя.
1835. Банк Англии, напротив Founders' Court, и церковь Святой Маргариты, Лотбери.
1836. Площадь Кросби - 40 футов в длину и 12 футов 1 дюйм в глубину.
1839. Бишопсгейт внутри.
1840. Двор акцизного управления, Бишопсгейт-стрит - 13 футов в глубину.
1841. Французская протестантская церковь, Треднидл-стрит - глубина 14 футов 2 дюйма.
На этой улице также обнаружены два других тротуара.
" К западу от Королевской биржи - на глубине 16 футов 6 дюймов.
" Патерностер-роу.
" Шерборн-Лейн, с амфорами и т. д.
1843. Вуд-стрит.
" Королевский оружейный двор, Мургейт-стрит.
" Коулман-стрит - здания на глубине 20 футов, с гончарными изделиями, сандалиями и т.д.
" М. Garnet's, Фенчерч-стрит.

- 1844. Нидл-стрит, возле Мерчант-Тейлорс-холла - на глубине 12 футов.
- 1847. Threadneedle Street, с гипокаустом и фундаментом дома.
- 1848. Угольная биржа - на глубине 12 футов. Бани или вилла с мозаикой.
- 1854. Старый акцизный офис, Олд-Брод-стрит - на глубине 13 футов.
- " Бишопсгейт-стрит - на глубине 13 футов.
- 1857. Бирчин-Лейн.
- 1859. Фенчерч-стрит, напротив Каллум-стрит - глубина 11 футов 6 дюймов.
- " На месте рынка Хани-Лейн при рытье траншеи под новые стены на глубине 17 футов рабочие наткнулись на мостовую с тесселированным покрытием; вскрытая часть была длиной 6 или 7 футов и шириной 4 фута. Примерно в 30 футах к северу от этой мостовой и рядом с источником чистой воды была обнаружена толстая стена, напоминающая римскую. В земле было найдено множество черепов и человеческих костей.
- " Патерностер-Роу - 40 футов в длину.
- " Ост-Индский дом-19 футов 6 дюймов глубиной. Здесь найден еще один тротуар.
- 1864. Патерностер-роу-9 футов 6 дюймов глубиной.
- " Церковный двор Святого Павла-18 футов глубиной.
- 1867. Лондонский банк "Юнион", Сент-Милдредс-корт.
- 1869. Птицеводство.
- " Тоттенхэм Ярд.
- " Лотбери.
- " Буш-Лейн.
- " Железнодорожный терминал С.Э.
- " Корнхилл, с фундаментами стен.
- " Баклерсбери - 19 футов глубины.
- 1867- Улица Королевы Виктории. Римский тротуар в середине проезжей части, в конце
- 1871. Мэншн Хаус. Рядом с тротуаром был обнаружен древний колодец, между которыми проходил проход.

Все найденные вещи - языческие: керамика с известными римскими фигурами на ней, фигуры, конечно, не христианские; статуи и статуэтки Гарпократа, Атиса, Меркурия, Аполлона, Deæ Matres; мозаичные мостовые, на которых фигуры и узоры не содержат никаких ссылок на христианство.

Как мы уже видели, на плитках были найдены надписи с буквами PRB. Lon. или PRBR. Lon. (см. с. 74).

Именно на символических памятниках мы ожидаем найти свидетельства религии народа. Поэтому странно, что в римском Лондоне, где, несомненно, христианство было насаждено очень рано, мы не находим никаких следов христианской религии. Гильдас, который, как предполагается, жил во второй половине шестого века, говорит о первой проповеди христианства как о состоявшейся вскоре после поражения Боадиги, но нельзя полагаться на те немногие исторические факты, которые мы находим среди его бреда; он говорит, что церковь была распространена по всей стране, с церквями и алтарями, тремя орденами

священства и монастырями. Гонения Диоклетиана ощущались в Британии, где было много мучеников, разрушение церквей и большое отпадение от веры. Когда гонения прекратились, продолжает Гильдас, церкви были восстановлены. Тертуллиан говорит в 208 году н. э.: "*Britannica inaccessa Romanis loca, Christo vero subdita*". На Арльском соборе 314 г. н. э., как мы видели, присутствовали три британских епископа. На последующих соборах британские епископы присутствовали всегда. Однако в Лондоне не осталось никаких руин от римской британской церкви. Не осталось ни памятников, ни литературы, ни традиций; лишь кое-где слово, кое-где монограмма.

В 1813 году в ходе земляных работ по строительству новой Таможенной палаты в пределах существующей пристани были отсыпаны три линии деревянных насыпей на расстоянии 53, 86 и 103 футов. В то же время примерно в 50 футах от внешнего края пристани была обнаружена стена, идущая с востока на запад, сложенная из мелового щебня и облицованная камнем Пурбек, которая, вероятно, являлась частью старой прибрежной стены. На всей открытой таким образом территории не было обнаружено никаких следов важных зданий, но между насыпями были найдены остатки построек, перемежающиеся с ямами и слоями камыша на разных стадиях разложения.

Сэр Уильям Тайт (Каталог древностей) рассказывает о других находках вдоль реки:...

"Раскопки для канализации, проведенные вдоль этой части лондонской границы, позволили с удовлетворением установить, что почти вся южная сторона дороги, образующей линию от Нижней Темз-стрит до Темпл-стрит, была отделена от реки рядом мощных насыпей. При прокладке канализационного коллектора на набережной Вул грунт оказался аналогичным тому, что был обнаружен у Таможенного дома, а под улицей было найдено устье древнего канала из древесины. В земле также находилось большое количество костяных шампуров длиной около 10 дюймов, перфорированных отверстиями на толстых концах, что напоминает костяные коньки, которые использовались лондонской молодежью в конце двенадцатого века, как описано Фицстефеном. Между Биллингсгейтом и Фиш-стрит Хилл вся улица была заставлена сваями, особенно у ворот, ведущих к пристани Ботольфа, где, как помнится, находился самый старый из известных Лондонских мостов, где сваи были установлены так близко друг к другу, как только их можно было вбить, а также на некоторое расстояние с каждой стороны. В некоторых частях линии набережная была образована существенными стенами, как, например, у подножия Фиш-стрит Хилл, где из-под нее вырывался мощный поток чистой воды. В конце Куин-стрит также был обнаружен значительный кусок толстой стены, протянувшийся вдоль фасада Винтерсхолла; был найден еще один интересный образец, протянувшийся от Брокен-Уорф до Ламбет-Хилл. На холме Олд-Фиш-стрит толщина этой насыпи достигала 18 футов; она продолжалась на значительное расстояние вверх по Ламбет-хиллу, постепенно становясь менее основательной по мере удаления вглубь. Обе эти стены были построены из остатков других работ, состоящих из каменных блоков, грубых, квадратных, кованых и формованных, вместе с кровельной плиткой, щебнем и множеством различных материалов, скрепленных затиркой". (Рр. xxiv.-xxv.)

Опять же, при строительстве нового Лондонского моста было необходимо снести собор Святого Михаила в Кривом переулке и построить большой и глубокий коллектор под линией подхода. Были обнаружены три четкие линии насыпи, обозначающие столько же фальшбортов, с помощью которых была получена площадка для причалов. Одна из этих линий, проходящая в 20 футах под южной опорой Темз-стрит, была сделана из стволов дубов, обтесанных топором. В 100 футах к северу от реки были найдены римские вещи.

Во время сноса домов для строительства новой Угольной биржи напротив рынка Биллингсгейт в 1847 году рабочие наткнулись на обширные остатки римского здания. Они лежали примерно в 60 футах за линией Темз-стрит и примерно на 14 футов ниже уровня тротуара. С западной стороны была толстая кирпичная стена; фундамент представлял собой сваи из черного дуба, показывающие, что здание стояло на Темзе вне и ниже римского форта; рядом с тротуаром, но без коммуникаций, находилась камера, которая, по мнению тех, кто ее видел, была частью "лаконикума" или потогонной комнаты римской бани, в которой также был найден гипокауст. Эти интересные исследования можно было продолжить только под складами. Поэтому все они были засыпаны и, вероятно, больше никогда не будут обнаружены.

Найденные саркофаги немногочисленны (см. Приложение IV.). Наиболее важными из них являются: (1) найденный в Клэптоне, (2) найденный в пределах Вестминстерского аббатства и (3) найденный на Хейдон-сквер, Минорис. Первый был найден в природном гравии на глубине 2 футов 6 дюймов под поверхностью земли, лежащей на юго-восток и запад; он из белого крупнозернистого мрамора и вырезан из цельного блока. Его длина составляет 6 футов 3 дюйма, ширина - 1 фут 3 дюйма, глубина - 1 фут 6 дюймов; толщина - около 3½ дюйма. Внутренняя поверхность гладкая, с возвышением в полдюйма для отдыха головы. Крышка или крышка не найдены. Со всех сторон она гладкая, кроме передней, которая украшена рифленным узором. В центре находится медальон диаметром около 12 дюймов с бюстом погребенного. Есть и имя, но его невозможно расшифровать. Вестминстерский саркофаг сохранился на сайте на подходе к Капитулу. Тот, что был обнаружен в Клэптоне, был из мрамора. Два обогащенных свинцовых гроба были найдены в больнице Бартоломью, а еще один - на берегу реки Флит, недалеко от Сикоал-Лейн. Расположение некоторых из них, удаленных от кладбищ, показывает, что в римском Лондоне придерживались римского обычая использовать гробницы в качестве ориентиров или памятников границ. При раскопках железнодорожной станции на Кэннон-стрит через Темз-стрит была обнаружена целая сеть свай и поперечных балок; она была прослежена на значительном расстоянии вдоль берега реки и в направлении вверх к Кэннон-стрит. Эти балки свидетельствуют, во-первых, о том, что земля здесь, под буграми, рядом с Уолбруком, была болотистой и податливой; и, во-вторых, о том, что на столь прочном и дорогостоящем фундаменте были возведены очень значительные здания.

РИМСКИЙ МОГИЛЬНЫЙ КАМЕНЬ, НАЙДЕННЫЙ В ЛАДГЕЙТЕ СЭРОМ КРИСТОФЕРОМ РЕНОМ

Ниже приведены наиболее важные *надписи и скульптуры*.

1. Надгробный камень, найденный сэром Кристофером Реном на Ладгейтском холме во время рытья фундамента церкви Святого Мартина. Сейчас она находится среди Арундельских мраморов в Оксфорде. Надпись на нем следующая: "D. M. ВИБИО МАРЧИАНО М НОГА. II АВГУСТА. IANUARIA MARINA CONJUNX PIENTISSIMA POSUIT MEMORIAM". Которая полностью гласит: "Diis Manibus. Vivio Marciano militi legionis secundae Augustae. Januaria Marina conjunx pientissima posuit memoriam."

2. Еще один был найден в 1806 году за лондонской кофейней на Ладгейт Хилл, с женской головой в камне и туловищем статуи Геркулеса. Надпись на нем следующая:- D. M. CL. MARTINAE AN XIX ANENCLETUS PROVINC CONJUGI PIENTISSIMAE H. S. E.-"Diis Manibus.

Claudiae Martinae annorum novendecim Anencletus Provincialis conjugii pientissimae hoc sepulchrum erexit."

3. Найдено на Черч-стрит, Уайтчепел, около 1779 года:- D. M. JUL. ВАЛИУС. MIL. LEG. XX. V. V. AN. XL. H. S. E. CA. ФЛАВИО. АТТИО. HER.- "Diis Manibus. Julius Valius miles legionis vicesimae Valerianae victricis annorum quadraginta hic situs est, Caio Flavio Attio herede."

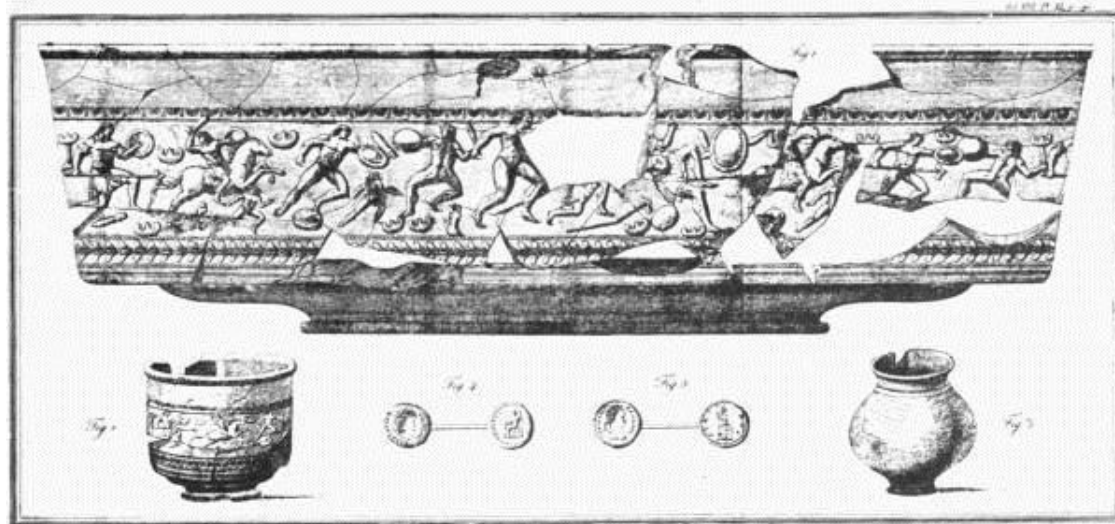
4. Найдена в Тентер Граунд, Гудманс Филдс, в 1787 году; 15 дюймов на 12 дюймов и 3 дюйма толщиной из местного зеленого мрамора:-D. M. ФЛ. AGRICOLA. МИЛ. LEG. VI. ВИКТ. V. AN. XLII. DX ALBIA FAUSTINA CONJUGI INCOMPARABILI F. C.-"Diis Manibus. Flavius Agricola miles legionis sextae victricis vixit annos quadraginta duos dies decem Albia Faustina Conjugi incomparabili faciendum curavit."

РИМСКАЯ СТАТУЯ, ОБНАРУЖЕННАЯ В БЕВИС МАРКС
Roach Smith's Catalogue of London Antiquities.

5. Найдена в Тауэре в 1778 году; 2 фута 8 дюймов, на 2 фута 4 дюйма:-DIS MANIB. T. ЛИЦИНИ АСКАНИУС. Ф.-"Diis Manibus. Tito Licinio, Ascanius fecit".
6. Найдено за стеной Лондона около Финсбери Серкус - сейчас в библиотеке Гилдхолл:-D. M. GRATA DAGOBITI FIL AN XL SOLINUS CONJUGI KAR F C.-"Diis Manibus. Grata Dagobiti Filia annorum quadraginta Solinus conjugii karissimae fieri curavit."
7. Найдена во дворе Плейхаус, Блэкфрайерс - ранее за городской стеной, теперь в Британском музее: "Diis Manibus ... R. L. F. C. Celsus ... Speculator Legionis Secundae Augustae annorum ... natione Dardanus Gu ... Valerius Pudens et ... Probus Speculatores Leg. II. fieri curaverunt".
8. Найден на Тауэрском холме в 1852 г.; 6 футов 4 дюйма, 2 фута 6 дюймов:- АЛЬФИД. ПОМПО. JUSSA EX TESTAMENT ... HER. POS. ANNOR. LXX. NA AELINI H. S. EST.-"A Alfidio Pompo (Pomponio?) jussa ex testamento heres posuit, annorum septuaginta (Na Aelini?), hic situs est."
9. Найдена также на Тауэрском холме; 5 футов 4 дюйма, на 2 фута 6 дюймов: "DIS ANIBUS ABALPINICLASSICIANI".
10. Найдена в Пентонвилле, служила брусчаткой перед дверью коттеджа:- "...URNI ... LEGXX GAC ... M ..."
11. Найден в Николас-Лейн, недалеко от Кэннон-стрит, в июне 1850 года, на глубине 11 или 12 футов, лежал рядом со стеной шириной 2 фута. Это только фрагмент:- "NUMC ... ПРОВ... BRITA ..."
12. Найдена на слитке серебра в лондонском Тауэре в 1777 году: "EX OFFI. HONORIM" - то есть Ex officinâ - из мастерской Онорина.

Как мы уже говорили, найденные вещи почти все языческие. Только на двух римских мостовых были найдены христианские символы, на одной монете и на одном камне в римской стене. Это молчание, на мой взгляд, доказывает, что христианская религия вплоть до середины четвертого века занимала весьма скромное место среди множества религий, которым следовал и которые исповедовал народ. За исключением времен гонений, каждый поклонялся любому богу, который ему нравился - Христу, или Аполлону, или Солнцу, или Матери. Но последователями христианской веры были не солдаты, не их капитаны, не императорские офицеры, не богатые купцы: это были низшие слои населения, ремесленники в городах и рабы, среди которых преобладала христианская надежда.

РИМСКИЕ ДРЕВНОСТИ, НАЙДЕННЫЕ В ЛОНДОНЕ В 1786 ГОДУ

Из Archæologia, vol. viii.

Во время раскопок на Харт-Стрит, Крутчед Фрайерс, на значительной глубине под поверхностью был найден фрагмент группы, изображающей Deæ Matres - Трех Матерей. Фрагмент имеет размеры 2 фута 8 дюймов в длину, 1 фут 5 дюймов в ширину и 1 фут 8 дюймов в глубину. Скульптура представляет собой три женские фигуры, полностью одетые в струящиеся драпировки, каждая из которых несет на коленях корзину с фруктами. Возможно, их *сакеллум* или храм находился неподалеку, но поиски его, похоже, не проводились. Здесь не место для подробного описания поклонения этим странным богиням. Их фигурки были найдены в Винчестере, Йорке и вдоль римской стены; но по сути это были германские божества. То, что они были найдены в этой стране бок о бок с классическими богами, показывает, что здесь, как и во всех других римских провинциях, люди получили большую смесь богов со всех частей света среди своих первоначальных богов. Три Матери олицетворяли производительную силу природы: плоды означали ежегодный урожай. Легко понять, как, исходя из этой идеи, вся жизнь - рождение, рост, сила, упадок и смерть - может быть связана с Матерями всего сущего. Мы можем поклоняться Солнцу как творцу или Deæ Matres как производителям. Мы можем иметь Ваала, Аполлона, Солнце - Отца; или Венеру, Осириса или Матр - Матерей. В порту, куда съезжались купцы всех народов, в те времена всеобщего уважения и терпимости ко всем богам можно было увидеть странную коллекцию богов. Задолго до принятия христианства в городе жили христиане бок о бок с теми, кто поклонялся природе как создателю или производителю - теми, кто принял богов римлян, и теми, кто сохранил память и учение друидов. Но, что бы ни говорили и ни предполагали, ничто не может быть более примечательным, чем отсутствие христианских символов.

Возвращаясь к римским останкам, найденным в Лондоне, мы переходим к настенным росписям, которых было найдено значительное количество - "целые телеги", по словам Роуча Смита. "В некоторых местах я видел, как их увозили целыми телегами. Их сохранилось достаточно, чтобы решить, что комнаты дома обычно были расписаны квадратными панелями или отсеками, преобладающими цветами которых были ярко-красный, темно-серый и черный, с бордюрами разных цветов".

Также было найдено большое количество керамики. Здесь, по сути, существовала обширная индустрия по изготовлению фитильных сосудов. В 1677 году на северо-западе от собора Святого Павла были обнаружены остатки римских печей: их нашел и зарисовал Джон Кониерс. По его словам, их было четыре, лежащих в песчаном суглинке, из которого они были построены. Та, которую он зарисовал, была глубиной 5 футов и столько же в ширину. Печь была заполнена грубой керамикой. На рисунках показана форма сосудов. Клейма гончаров очень многочисленны. Некоторые из них свидетельствуют о том, что сосуды были привезены из-за границы, но таких сравнительно немного; остальные говорят о том, что Лондон был в значительной степени занят в этой отрасли. Красная глазурованная керамика, которую в таком количестве находят везде, где было римское поселение, очевидно, была изготовлена в Галлии и Германии и была импортирована. Вероятно, она превосходила домашнюю посуду. Орнаменты, которыми украшена керамика, выполнены с большим мастерством и красотой. Представлены мифологические сюжеты, такие как история Актеона и Дианы, труды Геракла, вакхические шествия. Есть изображения цветов, фруктов и листвы, полевых видов спорта и состязаний в амфитеатре.

Откопано множество черепицы, предназначенной для кровли, для облицовки, для камина или для других целей.

Были ли окна в домах Лондона застеклены? Лактанций ясно показывает, что в его время были стеклянные окна. "*Verius et manifestius est mentem esse quae per oculos ea, quae sunt opposita, transpiciat quasi per fenestras lucente vitro aut speculari lapide obductas.*" А Сенека, гораздо раньше, говорит о комнатах, покрытых стеклом. В Помпеях в оконных рамах были найдены и стекло, и *ляпис спекулярис* Лактанция. Это должно быть вполне убедительно. Огромное удобство окна, пропускающего свет и защищающего от холода, особенно в таком климате, как наш, и тот факт, что в Италии такие окна были в обиходе, достаточно, чтобы показать, что эти окна использовались, потому что все предметы роскоши и удобства Рима были введены здесь если не местными жителями, то, по крайней мере, римскими чиновниками. Куски стекла, плоские и полупрозрачные, зеленоватого оттенка, были найдены при раскопках и считаются оконным стеклом. Действительно, кажется, что без такого приспособления невозможно жить ни в чем, кроме хижины с костром посередине и открытой дверью сбоку. В году бывает много дней, когда невозможно работать на открытом воздухе или в помещениях, выходящих на улицу. Как только дом был построен, в нем появилось застекленное окно, застекленное рогом, стеклом или тальком.

При раскопках было найдено большое количество монет. Их классифицировал и описал мистер К. Роуч Смит в своей книге о римском Лондоне.

ГЛАВА V

СТРОИТЕЛЬСТВО СТЕНЫ

Самыми важными из всех римских останков в Лондоне являются руины стены.

Под защитой Цитадели торговцы сначала вели свои дела; под ее сенью корабли швартовались в реке, тюки лежали на причалах, а дома жителей, посаженные сначала вдоль берегов Уолбрука, простирались на север до болота и на запад до реки Флит.

Затем появилась городская стена.

Странно, что нигде ничего не сказано о таком прочном и важном сооружении, как стена. Когда она была построена и кем? Когда и кем она была разрушена? Стояла ли она, когда саксы начали свою оккупацию? Похоже, что нет.

Моя теория такова: согласно мнению сэра Уильяма Тайта, которое теперь кажется общепринятым (*Archæologia*, vol. xxxiii.), стена Лондона - не стена Цитадели - была построена где-то около 360 года н. э. О строительстве нет никаких записей, но это была большая и дорогостоящая работа. Дата постройки имеет определенное значение, поскольку сама стена была признаком слабости. Во втором и третьем веках в такой стене не было необходимости: достаточно было цитадели и силы римского имени. В следующем столетии - периоде упадка - эта помощь не помогла, жители перестали полагаться на римское имя. Тогда они огляделись вокруг. Августа была очень большим городом; она разбогатела; она была полна сокровищ; за неимением стены ее можно было взять с наскока. Кроме того, римская армия была не только ослаблена, но и положение города было гораздо менее надежным, чем раньше. Если раньше подступы к городу представляли собой тропинки через лес и болото, то теперь это были великолепные дороги. Именно по этим дорогам, построенным для использования легионами, пикты и шотландцы могли спуститься в самое сердце страны,

даже в пределах одного-двух дней пути от Лондона; именно по этим дорогам пираты с востока, высадившись в Эссексе, могли однажды наброситься на Сити. На момент, предложенный сэром Уильямом Тайтом, можно было, как видно, не чувствовать себя в безопасности, хотя люди, по давней привычке, все еще полагались на легионы и римский мир. На протяжении почти четырехсот лет, не ведя никаких собственных боевых действий, граждане были в безопасности и чувствовали себя в безопасности. После того как Паулус Катена начал массово изгонять мятежников из римской армии, когда северные захватчики с каждым днем все дальше продвигались на юг и приближались к Лондону, горожанам стало ясно, что время безопасности закончилось, что теперь они должны защищаться сами, а город Августа на протяжении мили вдоль реки и полумили вглубь страны лежал без стены и вообще без какой-либо защиты.

РИМСКИЕ ОСТАНКИ НАЙДЕНЫ В БАСТИОНЕ ЛОНДОНСКОЙ СТЕНЫ

После репрессий, предпринятых Паулусом Катеной в 355 году, и его ухода страна, почти лишенная войск, была открыта для вторжения. Но в 369 году, как мы видели, Феодосий обнаружил, что враги опустошают страну вокруг Лондона, но не проникают внутрь. Должно быть, стена уже существовала. Таким образом, стена была построена между 355 и 369 годами. Как я читал историю, она была построена в панике, все жители оказывали помощь, так же как в 1643 году, когда в Сити было страшно из-за сообщения о походе короля Карла, все люди вышли на улицы, чтобы укрепить проспекты и подходы. Еще одной причиной для размышлений этом, помимо общей небезопасности того времени, является тот весьма значительный факт, что стена построена не только из обтесанных и обтесанных камней, но и из всевозможных материалов в виде фрагментов, подхваченных со всех сторон.

Эти фрагменты громко заявляют о том, что строительство стены не было делом, решенным после тщательного обдумывания; что оно не было предпринято с досугом, полагающимся для столь важного дела; что горожане не могли ждать, пока камень будет добыт и доставлен в Лондон для этой цели; но что стена была решена, начата и доведена до конца со всей поспешностью, какую только можно было допустить в такой работе, хотя и с тщательностью и прочностью, которые предписывали римские традиции.

Чтобы добыть достаточно камня для этой великой стены, люди не только отправились в каменоломни Кента, откуда брали "тряпку" и песчаник, и в каменоломни Сассекса, где добывали мел, но и приложили руку к каждому каменному зданию в городе и за его пределами; Они разрушили массивные стены Цитадели, оставив только фундамент; они использовали стены, колонны и статуи форума, храма и всех официальных зданий; они разобрали амфитеатр и использовали его камни; они даже взяли памятники с кладбищ и вмонтировали их в стену.

В стене можно найти фрагменты колонн, алтарей, статуй, капителей и всевозможной резьбы.

Они забрали все, и это главная причина того, что в саксонские времена ничего из римской оккупации, кроме самой стены, не осталось над землей.

Примечательно, что римские стены Сенса, Дижона, Бордо, Буржа, Перигё и Нарбонны также частично построены из старых материалов и содержат остатки храмов, колонн, пилястр, фриз, антаблементов, надгробных памятников, алтарей и скульптур - все говорит о грозной опасности и поспешном строительстве стены, для которой был захвачен и использован каждый кусок камня в городе.

Были предприняты попытки доказать, что стена была построена в более поздние времена. Утверждается, что то тут, то там были обнаружены кладбища. Мы уже видели, что захоронения находились в Боу-лейн, на Куин-стрит, в Чипсайде, на Корнхилле, к северу от Ломбард-стрит, на холме Святого Дунстана, на Камомил-стрит и в церкви Святой Елены в Бишопсгейте. Теперь захоронения в пределах города были запрещены законом. Отсюда следует вывод, что стена не могла быть римской. Ответ на этот вывод очень прост. Лондонский Сити был закрытым городом или фортом на восточной возвышенности; все эти места захоронений находятся вне стены этой цитадели, то есть вне города.

Что касается стены, то многие ее части сохранились до нашего века, многие фрагменты до сих пор остаются, она так точно нанесена на старые карты, особенно на карты Агаса и Вингерда, что совершенно легко проследить ее вдоль всего ее пути. Например, сто лет назад на улице Лондон Уолл, к западу от Олл-Холлоуз-на-Уолл, стояли большие участки стены, выходящие на Финсбери-Серкус, с растущими на них деревьями - живописные старые руины, которые было жаль разрушать. Эта часть стены, вместе со столбом, показана в издании Стоу и Страйпа 1754 года. На самом деле в этом издании очень четко показан весь ход стены, которая до сих пор стоит целиком.

Начинаясь от Тауэра, она шла по прямой линии немного западнее северо-запада до Олдгейта; затем изгибалась к западу и шла по кривой до Бишопсгейта; далее почти по прямой линии с запада на север до St. Giles's Churchyard, где поворачивала на юг; у Олдсгейта она снова шла на запад до северной части Ньюгейта, где снова поворачивала на юг, пересекала Ладгейтский холм и в древние времена достигала реки немного восточнее Флита, оставляя угол, бывший болотистым берегом Флита, который впоследствии заняли доминиканцы. Фрагменты стены до сих пор сохранились в церкви Всех Халлоусов, на церковном дворе Сент-Альфеж, на церковном дворе Сент-Джайлс и на почтамте в Сент-

Мартинс-ле-Гранд, а раскопки обнажили ее части во многих других местах. Например, в 1852 году в углу какого-то здания был обнаружен очень большой кусок стены на Тауэрском холме. Благодаря усилиям мистера К. Роуча Смита этот фрагмент был спасен от разрушения, тщательно изучен и зарисован. Табличка с изображением той его части, где сохранилась древняя облицовка, приведена в его "Иллюстрациях римского Лондона". "На фундамент был положен зачетный ряд больших квадратных камней; на них - четыре слоя меньших камней, регулярно и аккуратно обтесанных; затем - связующий ряд из трех рядов красных плиток, над которыми - шесть слоев камней, отделенных, как и прежде, связующим рядом плиток от третьего раздела из пяти слоев камней; связующий ряд плиток над ними состоит из двух рядов плиток; таким же образом облицовка была доведена до верха. Плитки третьего ряда - красные и желтые; они тянутся по всей ширине стены, которая составляет около 10 футов, а высота, по всей видимости, 30 футов. Ядро стены скреплено бетоном, в котором преобладает известь, как обычно в римском растворе. В растворе, скрепляющем облицовку, также используется толченая плитка. Это придает ему тот особый красный оттенок, который заставил Фицстефена предположить, что цемент фундамента Тауэра был закален кровью зверей". В 1763 году в Хаундсдитче все еще стояла часть римской башни. Она изображена в книге Роуча Смита "Римский Лондон". На рисунке видно, что башни такие же квадратные, как и те, что до сих пор можно увидеть в Ричборо. Они были построены сплошными в нижней части, полыми в середине и снова сплошными в верхней части. В средней части находилось помещение с бойницами для выпуска ракет и стрел. В башне Хаундсдитч место бойницы заняло окно. Согласно Фиц-Стефену, стена была укреплена башнями, расположенными через определенные промежутки. На углах, как видно из бастиона в церковном дворе Сент-Джайлс, башни были круглыми.

В 1857 году раскопки в конце Олдерманбери открыли замечательную часть стены; она состояла из ряда глухих арок, составлявших часть сплошной кладки.

От римской облицовки ничего не осталось; то, что мы видим сейчас, - это старое цельное ядро с, возможно, частью средневековой облицовки. Вскрытие значительной части стены на Олдерсгейт-стрит описывается следующим образом (Archæologia, vol. lii. 609):-

"Правительство решило возвести здание на Олдерсгейт-стрит.

"Правительство решило возвести дополнительные здания к Главному почтамту в Сент-Мартинс-ле-Гранд, были предприняты определенные шаги, чтобы выяснить природу земли, на которой должны были располагаться эти здания. С этой целью во второй половине 1887 года были проложены шахты вдоль линии от Олдерсгейт-стрит до Кинг-Эдуард-стрит, в нескольких ярдах к югу от старого офиса денежных переводов и параллельно Булл-энд-Маут-стрит, улице, которая сейчас снесена. При прокладке этих шурфов рабочие наткнулись на римскую стену, и впоследствии, в процессе подготовки площадки под новые здания, был раскопан значительный ее фрагмент, идущий с востока на запад и протянувшийся от Олдерсгейт-стрит с одной стороны до Кинг-Эдуард-стрит с другой. Было установлено, что линия зданий и стен, образующих южную границу церковного двора Святого Ботольфа на Олдерсгейт-стрит, опирается на эту стену, и представляется весьма вероятным, что церковный двор и вышеупомянутая церковь частично занимают землю, заполнявшую первоначальный ров.

Обнаруженная часть стены, начинающаяся возле Олдерсгейт-стрит и идущая на запад, хорошо просматривается на протяжении 131 фута. Значительная ее часть была тщательно подсыпана и, как я с радостью могу сказать, будет сохранена. Оставшаяся высота сильно

варьируется, но, отмеряя от первоначального уровня земли, местами сохранилось не менее одиннадцати или двенадцати футов каменной кладки, не выстроенной в ровную линию на вершине, но сильно разрушенной фундаментом сравнительно современных стен, построенных на ней. За пределами указанной длины стены почти не видно, а когда она подходит к Кинг-Эдуард-стрит, прямо под линией домов на этой улице, на ее восточной стороне, были обнаружены фундаменты полукруглой башни, или, скорее, башни, полукруглой в плане, с немного вытянутыми прямыми сторонами. Фундаменты этой башни - а кроме фундаментов ничего не осталось - не входили в структуру римской стены, а примыкали к ней. Их ширина составляла 5 футов 3 дюйма, а сложены они были из щебня кентишского тряпичного камня с примесью мела и нескольких фрагментов старых строительных материалов, уложенных среди щебня. Внутренние размеры этой башни составляли 17 футов 3 дюйма на 16 футов, а фундамент римской стены пересекал ее основание. Башня, стоявшая на этом фундаменте, вероятно, была пристроена к стене в средневековый период. Она не была римской, и фундамент не имел римского характера. На некоторых кусках обработанного камня, обнаруженных в них, видны следы норманнской лепнины, а также листва раннего английского периода. Возможно, что первая башня к западу от Олдерсгейта, изображенная на карте Лондона 1560 года Агаса, и есть та самая, остатки которой описаны здесь.

Если перейти к рассмотрению конструкции римской стены, то окажется, что она была построена следующим образом: в естественной глинистой почве была вырыта траншея шириной от 10 футов 9 дюймов до 11 футов и глубиной 6 футов, причем стороны траншеи на расстоянии 2 футов от дна слегка наклонялись наружу. Нижняя часть траншеи на глубину 2 фута была заполнена глиной, смешанной с кремнем, и все это хорошо утрамбовано. На нее уложили 4 фута бутового фундамента, местами понижающегося до 2 футов, состоящего из кусков кентишского тряпичного камня, уложенных на раствор, причем более крупные куски укладывались с некоторой осторожностью, чтобы сформировать прочное основание для надстройки самой стены.

Эта стена толщиной от 8 до 9 футов, насколько можно судить, начинается со связующего курса из трех рядов плитки на уровне древней земли, которая на 6 футов 9 дюймов ниже уровня Олдерсгейт-стрит. Выше этой линии тело стены состоит по всей высоте из массы тряпичного камня, а иногда и фрагментов мела, очень грубо уложенных в раствор, который был подан, а не запущен, иногда с такой малой осторожностью, что среди камней иногда остаются пустые места. Камни часто уложены в виде грубых селедочных костей, возможно, для большего удобства их укладки, но слои не совпадают по глубине с облицовкой.

Самая нижняя полоса плитки в стене (на уровне земли) имеет высоту 8 дюймов и состоит из трех рядов, причем слой раствора между ними часто толще, чем сама плитка. Вертикальные швы, однако, очень плотные. Три полосы плиток, расположенные выше этой самой нижней, имеют высоту 4½ дюйма и состоят из двух рядов. Все эти полосы образуют скрепляющие курсы - слои, фактически, по всей ширине стены, связывающие бутовый камень воедино.

Плитки несколько отличаются по размеру, но один идеальный образец, который можно было измерить во всех направлениях, был размером 1 фут на 1 фут 4 дюйма и толщиной от 1 дюйма до 1½ дюйма. Они уложены в стену на наибольшую длину. Несколько желтоватых плиток то тут, то там составляют исключение из общей массы, которая является красной и хорошо обожженной.

Высота промежутков каменной облицовки между каждой полосой связующих плиток следующая: первое пространство, считая от самой нижней полосы, - 2 фута 4 дюйма; второе

- 2 фута 4 дюйма; третье - 2 фута 5 дюймов; четвертое - 2 фута 10 дюймов; хотя эти последние размеры несколько сомнительны из-за разрушенного состояния верхней части стены. Каждое из этих пространств, за исключением разрушенного верхнего, из которого мало что можно разобрать, разделено на пять рядов облицовочных камней, расположенных правильными рядами, все они, по-видимому, одинаковой высоты, хотя отдельные камни значительно отличаются по длине. Эти камни очень неравномерны по степени их проникновения в ядро стены, и нет ничего похожего на метод, принятый при обработке облицовочных камней стены Адриана, где каждый камень вырезается в форме длинного клина и устанавливается острым концом в стену. С лицевой стороны высота камней составляет в среднем от 4 до 5 дюймов, они уложены на раствор глубиной еще дюйм или более, а их средняя глубина в стене может составлять около 9 или 10 дюймов. Таким образом, они образуют простую оболочку между плиточными связующими курсами и толстым неровным бутовым ядром. Камни были приведены в чистое состояние путем снятия шероховатой поверхности с помощью процесса, известного под названием питчинг, и были грубо обтесаны молотком в постели и стыках. Используемый раствор не имеет ничего необычного в своем составе. Раствор, в котором толченая плитка составляет столь крупный ингредиент, здесь не встречается".

При подготовке к строительству новых зданий, возведенных летом 1857 года на северной стороне тюрьмы Ньюгейт, в районе Олд-Бейли, недалеко от городских ворот, давших название тюрьме, земля была вырыта на значительную глубину, и таким образом был прорезан фундамент городской стены, а также обнаружены многие остатки старого Лондона. Среди них мистер Г. Р. Корнер, Ф.С.А., получил фрагмент мортариума, на ободке которого очень четко и ясно отпечатались клеймо гончара, а слова необычным образом расположились в витой кайме.

Примечательно, что похожий фрагмент с таким же клеймом был найден на Ньюгейт-стрит 23 октября 1835 года и сейчас хранится в Музее лондонских древностей мистера Чарльза Роуча Смита в Британском музее.

Во время раскопок 1857 года в городской стене и около нее было обнаружено множество римских плиток и строительных материалов; а мистер Корнер заметил под слоем колотого кирпича, который служил основанием для грубой мостовой, слой обожженной древесины - явные остатки пожара, случившегося в римский период или до него. На много футов выше находился аналогичный слой древесной золы, образовавшийся в результате пожара 1666 года или какого-то подобного явления в более поздние времена.

В следующем письме Дж. Вудворда сэру Кристоферу Рену (23 июня 1707 года) приводится подробный отчет о некоторых раскопках на Камомил-стрит: - "В апреле прошлого года, когда мы вытаскивали дерево, на улице было обнаружено несколько очагов пожара.

"В апреле прошлого года при сносе некоторых старых домов, примыкающих к Бишопс-Гейт на Камомил-стрит, чтобы построить их заново, и при рытье котлована, чтобы сделать подвалы, примерно в четырех футах под землей была обнаружена мостовая, состоящая из кубиков кирпича, большей частью красного, но несколько черных, а другие желтые; почти одинакового размера и очень маленькие, едва ли любой превышает дюйм в толщину. Протяженность тротуара в длину была неопределенной; он шел от Бишопсгейта на шестьдесят футов, под фундаментом некоторых домов, еще не снесенных. Его ширина составляла около десяти футов; заканчивался он на этой стороне на расстоянии трех футов с половиной от городской стены.

Опускаясь вниз, под тротуар, на протяжении примерно двух футов находился только мусор, а затем рабочие добрались до слоя глины, в котором на глубине еще двух футов они обнаружили несколько урн. Некоторые из них стали настолько нежными и гнилыми, что легко крошились и рассыпались на куски. Что касается тех, которым посчастливилось избежать повреждений времени и ударов рабочих, поднимавших землю, то они были разной формы, но все очень красивого вида и конструкции, как, впрочем, и большинство римских сосудов, которые мы когда-либо находили. Это лишь один из многих примеров искусства этого народа, великой точности его гения и счастья его фантазии, сохранившихся до наших дней. Эти урны были разных размеров; самая большая могла вместить полных три галлона, самая маленькая - чуть больше кварты. Все они были наполнены пеплом и золой от сгоревших костей.

Вместе с урнами были найдены и другие глиняные сосуды: симпулум, патера из очень мелкой красной земли и дутый стеклянный виол, который обычно называют лакриматором. Все они были разбиты по неосторожности рабочих. Кроме того, было найдено несколько бусин, одно или два медных кольца; фибула из того же металла, но сильно попорченная и истлевшая; а также монета Антонина Пия, изображающая на одной стороне голову этого императора с лучезарной короной и надписью: ANTONINUS AVG ... IMP. XVI. На обороте была изображена фигура женщины, сидящей и держащей в правой руке патеру, а в левой - хастапуру. Надпись на этой стороне была полностью стерта и исчезла.

Примерно на той же глубине, что и упомянутые выше предметы, но ближе к городской стене и без края тротуара, был выкопан человеческий череп с несколькими костями, которые были целыми и не прошли через огонь, как те, что были в урнах. Мистер Стоу упоминает о костях, найденных подобным образом неподалеку от этого места, а также об урнах с пеплом в них; то же самое делают мистер Уивер после него и мистер Камден.

Городская стена, по этому случаю, чтобы освободить место для этих новых зданий, была разрушена и разбита на куски, начиная с Бишопсгейта и далее, к югу от него, насколько они простираются, и была предоставлена возможность наблюдать за ее фабрикой и составом. От фундамента, который лежал на восемь футов ниже нынешней поверхности, до самого верха, который в целом составлял около десяти футов, он был сложен попеременно из широких плоских кирпичей и тряпичного камня. Кирпичи лежали двойными рядами, и, поскольку толщина каждого кирпича составляла один дюйм и три десятых, весь слой, вместе с раствором, не превышал трех дюймов. Толщина каменных слоев не превышала двух футов по нашим меркам. Вероятно, они предназначались для двух римских, поскольку их правило было несколько короче нашего. До такой высоты работа была выполнена на римский манер, и это были остатки древней стены, предположительно построенной Константином Великим. В этом было очень заметно, что раствор был, как обычно в римских работах, настолько твердым и прочным, что сам камень легко ломался и поддавался, как это. Таким образом, от фундамента вверх, девять футов в толщину, и все же столь огромная масса и сила не смогли уберечь его от разрушения в прежние века, и почти сравнялись с землей.

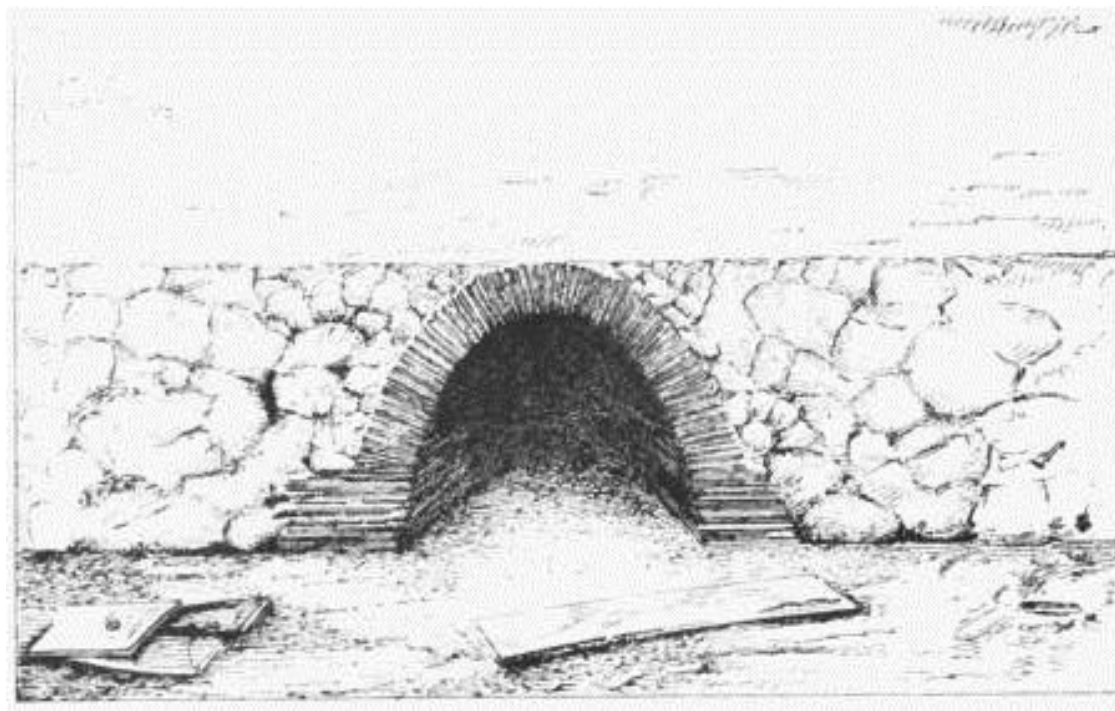
Широкие тонкие кирпичи, о которых говорилось выше, были римского производства; именно такие, как мы узнаем от Плиния, были в обиходе у римлян; их длина составляла полтора фута, а ширина - один фут. Измерив некоторые из них очень тщательно, я обнаружил, что они имеют 17 дюймов 4/10 в длину, 11 дюймов 6/10 в ширину и 1 дюйм 3/10 в толщину по нашей мерке. Это может дать некоторый свет на урегулирование и корректировку размеров римской ноги; и показать пропорцию, которую она имеет по отношению к английской; вещь настолько полезная, что один из самых опытных и благоразумных писателей прошлого века попытался определить ее с большим количеством путешествий и мучений. Действительно,

весьма примечательно, что правило стопы, которому следовали изготовители этих кирпичей, почти совпадало с тем, что изображено на памятнике Коссутиуса в Колотийских садах в Риме, который этот замечательный математик с большим основанием назвал истинной римской стопой. Отсюда следует то, что и без этого подтверждения было весьма вероятным, что стандартной римской стопе следовали в колониях и провинциях, вплоть до самых отдаленных частей Империи; и так вплоть до времен Константина; в случае, если это была стена, построенная по его назначению.

Старая стена была разрушена, как уже говорилось выше, после чего ее снова отремонтировали и подняли на ту же толщину, до восьми или девяти футов в высоту. А если и выше, то теперь уже ничего не осталось. Все это, очевидно, было дополнительным и сделано позже, чем другая часть, находящаяся внизу. Она была выровнена сверху и приведена к плоскости, чтобы поднять на нее эту новую работу. Снаружи, то есть со стороны пригорода, он был облицован грубым камнем; он не был сложен с большой тщательностью или мастерством, и не был выложен обычным способом. Но внутри было больше признаков мастерства и искусства. Внизу было пять слоев, состоящих из квадратов кремня и свободного камня, хотя они не были такими во всех частях, но в некоторых квадраты были почти одинаковыми, около пяти дюймов в диаметре, и располагались в порядке квинкунса. Поверх них лежал слой кирпича, затем тесаного свободного камня, и так попеременно, кирпич и камень, до самого верха. Всего кирпичей было шесть слоев, каждый из которых состоял только из двойного хода; кроме того, который лежал выше всех, в котором было четыре хода кирпичей, где слой был внутренним. Эти кирпичи были похожи на те, что используются сейчас, но гораздо больше: около 11 дюймов в длину, 5 в ширину и чуть больше $2\frac{1}{2}$ в толщину. Из камня было пять слоев, каждый одинаковой толщины во всех частях, по всей длине. Самый верхний и самый нижний из них имели толщину несколько больше фута, а три средних слоя - по пять дюймов. Таким образом, вся высота этой дополнительной работы составляла около девяти футов. Что касается внутренних частей или основной части стены, то она состояла из кусков бутового камня, с несколькими кирпичами, такого же рода, как те, что использовались для внутренней облицовки стены, уложенными неуверенно, по мере того как они оказывались под рукой, а не по какому-либо указанному методу. Во всей этой части не было ни одного из широких тонких римских кирпичей, о которых говорилось выше; и раствор здесь был почти таким же твердым, как в той части, которая находится ниже. Но из описания можно легко понять, что эта часть, когда она была впервые сделана и одета, с таким разнообразным и упорядоченным расположением материалов, кремня, камня, кирпичей, не могла не иметь очень элегантный и красивый вид. Было ли это сделано за счет баронов в царствование К. Иоанна; или граждан в царствование К. Генриха III; или К. Ричарда II; или в какое другое время, я не могу взять на себя труд выяснить из отчетов, столь дефектных и неясных, как те, которые в настоящее время сохранились об этом деле. На дополнительных работах, описанных сейчас, была возведена стена, полностью из кирпича; только та, что завершалась бойницами, была увенчана каменными копнами. Ее толщина составляет два фута четыре дюйма, а высота - чуть больше восьми футов. Кирпичи здесь такие же по форме и размеру, как и в нижней части. Как долго они были в употреблении, точно неизвестно. Но нет никаких сомнений, что это та самая стена, которая была построена в 1477 году при короле Эдуарде IV. Мистер Стоу сообщает нам, что она была сложена из кирпичей, сделанных из глины, добытой в Мурфилдсе, и упоминает о двух гербах, выбитых на ней возле Мургейта; один из них сохранился до наших дней, хотя камень, на котором он был выбит, несколько износился и испортился. Сама Бишопсгейт была построена через два года после этой стены, в том виде, в котором она сохранилась до сих пор. Рабочие, работавшие там в последнее время, опустили

значительно ниже фундамента этих ворот, и, таким образом, узнали, что они лежат не так глубоко, как фундамент старой римской стены, на четыре или пять футов."

"Часть древней лондонской стены была обнаружена в Куперс-Роу, Крутчед-Фрайерс, во время подготовки к возведению там склада. Длина этого куска стены составляет 106 футов 6 дюймов. Нижняя часть - римская, а верхняя - средневековая. Последняя состоит из щебня, мела и кремня, имеет высоту 17 футов 4 дюйма до подножия, ширина которого составляет 2 фута, и парапет или грудную стену высотой 5 футов и толщиной 2 фута. Она сильно изуродована отверстиями, вырезанными для вставки бревен современных зданий, и местами обложена кирпичной кладкой. С западной стороны находятся два полукруглых арочных углубления. Эта средневековая стена в нижней части с обеих сторон отступает назад и заваливается, пока не достигнет толщины римской стены, на которой она построена. Римская стена сохранилась в первозданном виде на глубину 5 футов 7 дюймов, и в этой части она облицована кентишской ветошью с двух сторон и имеет два двойных ряда черепицы. Первый ряд - 2 фута 8 дюймов от верха и 4 дюйма толщиной. Второй - на 2 фута 2½ дюйма ниже и толщиной 4½ дюйма. Толщина плиток составляет от 1¼ дюйма до 1¾ дюйма, а их размер называется *sesquipedales*, то есть римский фут в ширину и 1½ фута в длину. Они укладываются, некоторые вдоль, а другие поперек, в качестве заголовков и растяжек. На уровне верхнего ряда плиток находится отступ в половину римского фута. Ниже второго курса стена обложена кирпичной кладкой, образующей современный свод, но у подножия кирпичной кладки снова виден двойной ряд римских плиток на 3 фута 9½ дюйма ниже вышеупомянутого курса, и эти два курса имеют толщину 4½ дюйма. Эти плитки выходят на лицевую сторону современной кирпичной кладки, которая примерно на 5 дюймов выступает за стену над ней, так что кажется, что в стене есть вторая отсыпка. Под этими черепичными рядами виден один ход облицовки из тряпичного камня, но раскопки еще не достигли фундамента стены. Общая высота обнаруженной римской стены составляет 10 футов 3 дюйма. Верхняя часть римской стены имеет толщину 8 или 9 футов". (L. and M. Arch. vol. iii. p. 52.)

РИМСКАЯ АРКА, ЛОНДОНСКАЯ СТЕНА
Из Archæologia, vol. xxix.

Осенью 1874 года были обнаружены фундаменты старой стены, предположительно римской. Эти останки были исследованы мистером Дж. Э. Прайсом, F.S.A., который описал их следующим образом:-

"Раскопки проводились в западном конце Ньюгейт-стрит, на углу, примыкающем к Гилтспур-стрит, и на небольшом расстоянии от места, где стоял старый "Комптер", убранный несколько лет назад. Впервые останки были замечены при расчистке подвалов домов, отделявших это здание от Ньюгейт-стрит и занимавших значительную площадь. Они находились на северной стороне улицы и выступали на небольшом расстоянии от поверхности. Городская стена проходила за домами, образуя в этом месте угол, откуда она ответвлялась под госпиталем Христа в направлении Олдерсгейта. К стене примыкал длинный арочный свод или проход, а со стороны города - колодец, к которому вел дверной проем, состоящий из дюжины ступеней. Эта лестница была арочной, ее перекрывала так называемая капотная арка. Кроме того, здесь были стены и поперечные стены толщиной в несколько футов, все очень массивные, с фундаментами большой прочности и долговечности. Эти стены были сложены в основном из рагстона, оолита, мела и огнеупорного камня, изредка встречались кирпич или черепица, а сводчатый проход состоял из двух колец каменной кладки, сложенной из квадратных блоков больших размеров. Ширина прохода составляла от 7 до 8 футов, камни, составляющие арку, были шириной от 2 до 3 футов и высотой почти 2 фута. Боковые стены прохода были облицованы тщательно отесанными блоками, уложенными на небольшом количестве раствора, а то и вовсе без него, огромного размера, некоторые из них были от 4 до 5 футов в длину и 2 в высоту, и все они были выбраны для строительства здания, предназначенного для использования, требующего более чем обычной прочности. В месте соединения прохода с внешней стеной была видна внешняя облицовка арки; она была тщательно обработана, и на ней виднелась полая фаска явно средневекового типа - обстоятельство, которое само по себе сильно свидетельствует против римской теории. Раствор также был таким, какой обычно встречается в средневековых зданиях, но не имел ни одной характеристики ни римского раствора, ни римского бетона. Также не было найдено никаких подобных безошибочных веществ, прикрепленных к черепице, щебню или каменной кладке, которые составляли часть городской стены. Римский раствор нелегко перепутать: он настолько твердый и прочный, что зачастую легче разбить сами камни, чем цемент, который их скрепляет. В римских стенах, найденных при возведении железнодорожного вокзала на Кэннон-стрит, кладка была настолько прочной, что ее с величайшим трудом удалось удалить для возведения новой кирпичной кладки, и большая часть этого огромного здания покоится на таком фундаменте, который не смог бы улучшить ни один современный архитектор". (Arch. vol. v. pp. 404-405).

Мистер Прайс пришел к выводу, что обнаруженные таким образом фундаменты вовсе не римские, а гораздо более поздние. По его мнению, это фундамент ворот и тюрьмы, возведенных после Завоевания. Его мнение представляется вполне обоснованным. И все же фундамент мог находиться на месте римской стены. Похоже, он предполагал, что римская стена не простиралась так далеко на запад и север из-за большой огороженной территории. Но он не указывает, в какой период эта огромная территория могла быть огорожена более подходящим образом. Если учесть, что значительная часть города состояла из садов и вилл, то это вполне объяснимо; на аргумент, что стена не могла быть защищена по всей своей длине, можно ответить тем, что ее нелегко было атаковать из-за ее длины; что научные методы осады были изобретены лишь много позже; что для их выполнения был построен ров;

и что одной стены было достаточно для нападавших, которых ее строители имели в виду, когда она была впервые возведена.

Я должен отложить рассмотрение средневековых ворот на более позднее время. А пока следует отметить, что ни Бишопсгейт, ни Ньюгейт более позднего периода не стояли на первоначальном римском месте.

Римские фундаменты Бишопсгейта были обнаружены на улице Камомил, к юго-востоку от позднего Бишопсгейта; а фундаменты старых ворот на Уотлинг-стрит были найдены к северу от позднего Ньюгейта.

Согласно Мейтленду, бастионов было пятнадцать. Из них на картах показаны три между Тауэром и Олдгейтом, один в Крипплгейте, два на Монквелл-стрит, один у больницы Христа и еще один на углу Гилтспур-стрит, в 100 футах от Ньюгейта. Во время пожара в Ладгейте в 1792 году были обнаружены фрагменты древней сторожевой башни.

Вкратце, фрагменты стены можно увидеть на Тауэрском холме, где есть великолепный кусок длиной 250 футов; в Олл-Холлоуз-на-Уолл, где часть была снесена около 1800 года на улице под названием Лондонская стена; на церковном дворе Сент-Алфедж, в Крипплгейте и в Олд-Бейли. Добавьте к этому находки на Камомил-стрит в 1874 году, на Булл-энд-Маут-стрит, на Гилтспур-стрит, к северу от больницы Христа, к югу от Ладгейта, а также фундаменты на Темз-стрит.

Между Блэкфрайарсом и Тауэром проходила старая стена на берегу реки. Ее снесли еще до правления Генриха II, но фундамент сохранился до сих пор, по крайней мере, в одном месте его удалось вскрыть. Стена проходила вдоль середины Темз-стрит. Обнаруженный участок находился под углом, где стена встречалась с рекой у подножия Ламбетского холма. Именно во время работ, связанных с канализацией, стена была обнаружена на девять футов ниже поверхности.

Мистер К. Роуч Смит так описывает обнаружение речной стены

"Рабочие, занятые на раскопках канализации на Верхней Темз-стрит, беспрепятственно продвинулись от Блэкфрайерс до подножия Ламбет-хилл, где им помешали остатки стены необычайной прочности, которая образовывала угол между Ламбет-хилл и Темз-стрит. На этой стене подрядчик по строительству канализации был вынужден вести раскопки на глубину около 20 футов, и связанные с этим труды и задержки дали мне возможность изучить конструкцию и ход стены. Верхняя часть, как правило, находилась на глубине около 9 футов от уровня нынешней улицы и 6 футов от того уровня, который соответствует периоду великого лондонского пожара, а поскольку канализация была построена на глубине 20 футов, пришлось удалить 8 футов стены в высоту. Толщина ее составляла от 8 до 10 футов. Она была построена на дубовых сваях, поверх которых был уложен слой мела и камня, а на него - ряд тесаных песчаников, каждый размером от 3 до 4 футов на 2 и 2½ фута, скрепленных известным составом из негашеной извести, песка и толченого плитняка. На эту прочную основу была уложена стена, сложенная из рагстона, кремня и извести, скрепленная через определенные промежутки черепицей с ровными и изогнутыми краями. Эта стена с небольшими разрывами, где она была разрушена, тянулась от Ламбетского холма до Квинхит. В предыдущий раз я заметил точно такую же стену на Темз-стрит, напротив Куин-стрит.

Осталось описать одну из самых примечательных особенностей этой южной стены. Многие из крупных камней, составлявших нижнюю часть, были украшены скульптурами и лепниной, что указывает на их использование во фризах или антаблементах зданий в период, предшествовавший строительству стены. Фрагменты скульптурного мрамора, украшавшего здания, а также часть листов и решетки алтаря или гробницы хорошей работы также использовались в качестве строительных материалов. В этом отношении стена напоминает многие из древних городов на континенте, которые были частично построены из руин общественных зданий, разбитых алтарей, могильных памятников и подобных материалов, что доказывает их сравнительно позднее происхождение и показывает, что даже древние не всегда уважали память своих предков и предшественников, и что наш современный вандализм произошел от старых запасов". (Иллюстрации римского Лондона.)

О мелиорации береговой полосы я уже рассказывал (с. 105), приводя свидетельства сэра Уильяма Тайта. Здесь я возвращаюсь к этой теме, которая тесно связана с прибрежной стеной. За речной стеной пологий склон продолжался до тех пор, пока земля не поднялась с 26 футов над рекой до 50 футов. Если теория, считающая, что посвящение церквей здесь свидетельствует о чрезвычайной древности города, верна, то в четвертом веке это должна была быть самая густонаселенная часть города. Я не знаю, почему так должно было быть. Портов в римском Лондоне, как я уже говорил, было два - Уолбрук и Биллингсгейт: первый - естественный, второй - искусственный, построенный для удобства рядом с Бридж Гейт. На южном фронте Лондона между Флитом и Уолбруком не было порта; не было причин, по которым эта часть должна была быть переполнена. Стена не была построена на краю обрыва (если это был обрыв) по очень веским причинам; скорее всего, склон был выровнен для пространства по обе стороны стены. Например, когда в царствование короля Иоанна был построен городской ров, между подножием стены и началом склона рва был оставлен уступ в 10 футов. То же правило должно было соблюдаться и при строительстве этой стены.

Эта стена была построена до Уолбрука, где ширина потока и берегов составляла 230 футов. Здесь находился самый ранний порт Лондона. Что было дальше, можно только предполагать, но совершенно точно, что стена заканчивалась круглым бастионом или башней, защищавшей вход; что устье порта было дополнительно защищено прочной цепью, способной противостоять самым сильным кораблям; что внутри, на берегу потока, было много причалов с пришвартованными рядом судами; что на противоположном берегу находилась западная часть Цитадели с воротами, откуда, возможно, мы и получили название Даугейт.

Южная стена Цитадели, доходившая до Минсинг-Лейн, служила речной стеной на этом расстоянии. Она была продолжена новой стеной от этой точки до нынешнего места Тауэра - расстояние в 450 ярдов. Полагаю, что никаких остатков этой последней части работ до сих пор не обнаружено. Между старой речной стеной и рекой теперь находится длинная и узкая полоса земли разной ширины, но в целом 300 футов. На ней расположен ряд параллельных улиц, узких и коротких, спускающихся к воде; сейчас эти улицы застроены высокими складами, за исключением одного или двух мест, где до сих пор стоят небольшие дома для проживания лодочников, осветителей, носильщиков и слуг. История этой полосы земли очень любопытна. Отметим, что, когда была построена стена, под ней находился весь берег без причалов и зданий на сваях - склон травы над полосой ила при низкой воде. Первым портом Лондона был Уолбрук. В ручье швартовались корабли и строились причалы для приема грузов. Во времена римской оккупации к западу от Уолбрука не было ни водных ворот, ни причалов, ни портов.

КОРАБЛЬ

Из Tib. MS., B. v.

Римское название второго порта, который позже был назван Биллингсгейт, неизвестно. Заметим, однако, что в этом месте не было необходимости в проломе в стене, поскольку порт находился всего в нескольких ярдах к востоку от первого Лондонского моста с его мостовыми воротами в стене Цитадели. На берегу между портом и мостом была построена пристань. Все, что разгружалось на этом причале, доставлялось к мосту и через ворота моста попадало в Лондон.

Позже, когда в Квинхите был построен третий порт, строители, должно быть, проделали отверстие в стене. В Уолбруке, Биллингсгейте, и Квинхите происходил один и тот же процесс. Люди выкупили берег под стеной, построив причалы и пристани; они перенесли этот процесс дальше в русло реки, распространив его на восток и запад. Наконец, прежде чем речная стена была снесена как бесполезная и громоздкая, вся эта узкая полоса длиной в милю и шириной в 300 футов была отвоёвана, заполнена складами и густо заселена жителями порта, водниками, стивидорами, лихтерами, судостроителями, изготовителями корабельных снастей, парусов, кордажа и т. д., а также необходимыми для их нужд закусочными и тавернами.

Этот процесс, сначала строительства на сваях, а затем формирования набережной, был проиллюстрирован раскопками, проводившимися для строительства Лондонского моста в 1825-35 годах. Там были обнаружены, одна за другой, три таких линии свай, образующих насыпь. Самая ранняя из них находилась в южном конце Крукед-Лейн; вторая - в 60 футах к югу от первой; третья - в 200 футах дальше к югу.

Карты Лондона XVI века также могут быть использованы для ознакомления с тем, как были построены набережные на сваях. Очевидно, что для этого требовалось все больше и больше места, и все чаще возникала необходимость заниматься погрузкой и разгрузкой в любое время, независимо от прилива.

Эти соображения подкрепляют свидетельство сэра Уильяма Тайта и его мнение о том, что вся территория улиц к югу от Темз-стрит должна была быть отвоёвана у береговой линии в процессе строительства причалов и создания водных ворот для удобства торговли.

Разрушение стены, исчезнувшей еще в двенадцатом веке, легко объяснимо. Ее назначение было утрачено. Длинные линии причалов и складов сами по себе были достаточной защитой. Люди сносили ее по своему усмотрению и без помех; они прокладывали через нее проходы и строили против нее.

ГЛАВА VI

ЛОНДОНСКИЙ МОСТ

Далее мы переходим к рассмотрению моста. Примечательно, что из трех великих сооружений, относящихся к римскому Лондону - цитадели, стены и моста - ни одно не упоминается лишь вскользь. Можно подумать, что строительство моста через широкую приливную реку - это инженерный подвиг, достойный восхищения и рекордов. Это не так; мы просто узнаем, что мост существовал; нам не говорят, когда он был возведен и какого типа. Хотя несомненно, что жители южной Британии владели многими искусствами, занимались торговлей и жили с некоторым налетом цивилизованности - "люди, - было замечено, - которые обладают монетными дворами и чеканят деньги, не живут в хижинах из плетня", - ничто не указывает на то, что они умели строить мосты. Римляне умели и строили. Названия станций в Британии показывают, что они перебрасывали мосты через многие реки - например, Понт, Ад-Понтий, Трипонтий, Понс Или. Дата строительства первого моста через Темзу нигде не указана. Мы видели, что на основании отрывка из Диона Кассия было сделано поспешное предположение, что мост существовал через Темзу во времена вторжения Аулуса Плауция.

Мы уже рассматривали этот отрывок. В дополнение можно отметить: (1) Автор, очевидно, был плохо знаком с топографией, иначе он не стал бы говорить о том, что устье Темзы находится так близко от Лондона. (2) Что он слышал, как эту местность описывали, весьма справедливо, как болота. (3) Что болота простирались на всем протяжении от Ричмонда до Тилбери. (4) Что на всем этом расстоянии не могло быть моста через приливную реку достаточной ширины. Что бы ни существовало в Лондоне в то время, действительно ли там была найдена *coria mercatorum*, о которой упоминает римский историк, или же там был паром, несомненно, что люди, часто посещавшие Лондон, не могли построить мосты, кроме элементарных, сделанных из плоских камней, таких, какие встречаются через узкие и мелкие ручьи Дартмура. Гость считает, что речь идет о болотах реки Лии на востоке Лондона; и, конечно, они достаточно широки, чтобы доставить неприятелю неприятности, а выше по течению достаточно узки для моста грубой конструкции. Он говорит: "Когда римляне спустились вниз по реке Ли, они были достаточно широкими, чтобы доставить неприятности врагу; а выше по течению реки они были достаточно узкими, чтобы построить грубый мост."

"Когда римляне спустились по Уотлинг-стрит в окрестности Лондона, они увидели перед собой широкое пространство болот и грязевых отмелей, которое дважды в день принимало характер эстуария, достаточно большого, чтобы оправдать, если не обосновать, утверждение Дио, что река здесь впадает в океан. Никакие дамбы тогда не удерживали воду в определенных пределах. Один рукав великого потока тянулся на север, вверх по долине реки Леа, а другой - на запад, вниз по долине Темзы."

Индивидуальный характер рек был утрачен; римляне видели перед собой лишь одно водное полотно и давали ему название той реки, которая в основном способствовала его формированию. Когда они говорили, что пересекли Темзу, они просто имели в виду, что пересекли северный рукав великого озера, которое раскинуло свои воды перед ними и по обе стороны от них".

Однако есть некоторые соображения, которые указывают на другое направление. Мы уже видели, что главная транспортная магистраль, единственное сообщение между севером и югом, пролегла вдоль улицы Уотлинг-стрит; что она проходила по Эджвер-роуд, вдоль Парк-Лейн, останавливаясь у болота, покрывавшего Грин-парк до острова Торни; что через болото к острову вел брод, возможно, остававшийся незакрытым во время отлива; что на другой стороне острова (это Вестминстер) был еще один брод через реку к возобновлению дороги - у Стенгейта на южной стороне. Раньше это была часть большой дороги; вьючные мулы и рабы пересекали ее каждый день во время отлива. Вода, которая сейчас заключена между двумя перпендикулярными стенами, тогда распределялась во время прилива по огромному болоту, которое начинается под Ричмондом и простирается до берегов Эссекса. Насыпь реки для деловых целей в Сити и строительство моста углубили и размыли русло, так что брод стал доступен только в засушливые сезоны, хотя вплоть до эпохи королевы Елизаветы он оставался проходимым после засухи. Этот брод, кажется, отвечает всем требованиям повествования; это как раз то место, где войска, не зная дороги, могли оступиться в глубокую воду и попасть в затруднительное положение. Это также место, где армия, следуя по дороге, доберется до реки.

Рассматривая раннюю историю Сити, мы должны помнить не только о связи Вестминстера с этим бродом, но и о таком важном и значимом факте, как торговля, которая велась вверх и вниз по дороге через Торни, превращая это место в оживленный центр движения еще до того, как здесь появился Лондонский порт. Вопрос о том, существовал ли Лондонский порт, когда римляне начали свою оккупацию, остается открытым. Для меня совершенно очевидно, что он существовал. Если Лондонского порта не было, значит, товары, предназначенные для всей страны внутри страны, доставлялись по реке в Торни. С уверенностью можно сказать, что римляне обосновались в форте на востоке от Уолбрука. Строительство этого форта не могло быть начато до тех пор, пока не были хорошо известны расположение места и судоходство по реке, поскольку весь камень должен был быть доставлен по воде. Поэтому мы предположим, что до строительства форта на этом месте располагался обычный лагерь. Если мы теперь обратимся к карте, то увидим, что позиция, хотя и охраняла реку, была изолирована как от путей торговли, так и от путей войны.

Поэтому крайне важно было овладеть средствами связи с этим путем. Если бы римляне не смогли приобрести эти коммуникации, римское поселение, нависающее над Вальбруком, никогда бы не было построено. Другими словами, ситуация требовала моста, и мост был построен. Датой появления первого лондонского моста считается время первой римской оккупации Лондона, *то есть* период сразу после резни при Боадицее.

Какой же мост был построен? Во-первых, мы должны помнить, что построить каменный мост через широкое и глубокое устье реки было делом, которое еще нигде в Империи не пытались осуществить. Конечно, среди жителей Лондона не было ни одного, кто решился бы на столь грандиозную работу, и я не верю, что сами военные инженеры решились бы на нее. Далее, это была работа, которая, несомненно, заняла бы много времени; впоследствии, например, на строительство первого каменного моста ушло тридцать лет. В-третьих, это была бы дорогостоящая работа.

Ответ следует искать в мостах, построенных римлянами в других местах примерно в то же время. Можно выбрать два из них. Это (1) мост через Рейн, построенный Юлием Цезарем за десять дней, и (2) римский мост через ту же реку в Майенсе, модель которого хранится в музее этого города.

Нет никаких сомнений в том, что мост в Лондоне изначально был деревянным. Причины такого вывода вкратце таковы: 1.

1. Он был построен после восстания Боадicei и резни жителей Лондона. Он предназначался как военный мост, соединяющий построенную сразу после этого события цитадель Лондона с южными портами.
2. Строительство каменного моста через широкую, глубокую и приливную реку потребовало бы много времени и огромных затрат. Мост Траяна через Дунай был построен около 104 года н. э., но Дунай не является приливной рекой. Я не знаю ни одного примера каменного моста через приливную реку, относящегося к этой эпохе.
3. Инженерам, составлявшим часть армии, естественно, было приказано построить мост, и они сделали бы это так, как научились и практиковались при строительстве других военных мостов.
4. Рассказы о мосте и упоминания о нем в течение следующей тысячи лет или около того явно указывают на то, что это был деревянный мост. Снорро Стурлесон, исландец, говорит о нем как о деревянном и опирающемся на сваи. Доски, из которых состоял мост, должно быть, были уложены неплотно, с зазорами между ними, так как в русле реки ниже было найдено большое количество римских монет, которые, очевидно, перекатывались. Сообщается, что мост был снесен или сильно поврежден в 1091 году. Он был сожжен в 1136 году.
5. Первый каменный мост двенадцатого и тринадцатого веков строился тридцать лет. Военный мост, каким, по моим представлениям, был первый Лондонский мост, не мог оставаться недостроенным в течение многих лет.

Ход событий, как я уже предположил, был следующим: - 1.

1. Лондон оставался незащищенным до тех пор, пока войска Боадicei не устроили резню.
2. Тогда было осознано значение этого места, и для защиты порта и города была построена римская цитадель на восточном холме над Уолбруком, где размещались гарнизон, офицеры и чиновники.
3. Стены цитадели были построены из камня, добытого в кентских каменоломнях. Мост, однако, был построен из дерева, как удобный, дешевый и простой в строительстве.

На выбор было две модели - возможно, больше, но двух будет достаточно.

Первым из них, как уже говорилось выше, был мост Сезара через Рейн, построенный за десять дней.

Это был *Pons Sublicius*, поддерживаемый сваями.

Две сваи вбивались в русло реки молотом или киянкой, называемой *fistuca*. Они были установлены рядом друг с другом и под наклоном, чтобы противостоять силе течения.

Напротив них находились две другие сваи, аналогично вбитые в дно реки. Каждая пара свай удерживалась на месте и укреплялась поперечными стойками. Поперек каждой пары были уложены поперечины диаметром два фута, а на них - балки, для которых использовались стволы деревьев, либо грубо обтесанные, либо вовсе не обтесанные.

Сваи дополнительно укрепляли, сооружая спереди и по бокам пирсы или стерляди, образованные меньшими по размеру сваями, вбитыми рядом друг с другом. Стерлядь заполняли камнями или щебнем, от одной балки к другой укладывали балки, поверх которых клали плетень и тростник; все это, засыпанное землей и гравием, служило проезжей частью и завершало мост.

Более сложной конструкцией является та, часть которой хранится в музее в Майенсе вместе с моделью одной из опор.

В этом мосту стерлинг был построен на сваях, установленных рядом в линию или ряд, но они были двойными, и между каждым рядом свай были помещены деревянные балки; поперечные ряды свай пересекали стерлинг, также двойные, и укрепленные древесиной, проложенной между ними. Все это было засыпано камнями и щебнем.

В музее сохранились две сваи длиной около 25 футов, заостренные на конце. Позднее, если не в самом начале, на стерлинг стали укладывать камни. Если этот метод был принят для первого Лондонского моста, то опорные сваи поднимались из противоположных углов стерлинга, после чего был применен метод Сезара.

Причина, по которой не упоминается о строительстве моста, заключается в том, что, во-первых, ни одна история не упоминает о каких-либо зданиях в римском Лондоне; во-вторых, цитадель и мост были построены солдатами втихую, без совета или согласия граждан, если таковые существовали - если, то есть, *copia mercatorum* действительно существовала. Через несколько дней или недель Темза была перекинута через мост, который ремонтировали, сжигали, снова ремонтировали, и так продолжалось еще двенадцать сотен лет. Первый мост был примерно такой же длины, как и второй, то есть 626 футов. Однако он был не таким высоким. Его ширина составляла 40 футов. Мы можем быть уверены, что это была ширина, потому что это была ширина моста Сезара, *то есть* наиболее удобная для прохода войск; и, во-вторых, потому что это была ширина второго моста, построенного одним из тех Братьев Понтификов, которые обычно делали свои мосты узкими, как мосты в Авиньоне и Ле-Сен. Однако Питер из Коулчерча не стал бы строить свой каменный мост менее удобной ширины, чем старый деревянный. Разводной мост появился позже, когда была построена стена и речные ворота. Сначала мост был открыт с обоих концов, но с северной стороны его прикрывал форт.

Предполагается, что мост был построен для движения транспорта, и что Уотлинг-стрит была отведена как раз в районе Мраморной арки, чтобы транспорт мог пересекать мост. Это предположение совершенно необоснованно: на путях, служивших дорогами, не было колесного транспорта; весь транспорт перевозили рабы или вьючные лошади и мулы. Для рабов, для мулов, для погонщиков, для купцов брод был частью пути, а не препятствием. К тому же, прибыв в Торни, было гораздо короче пересечь болото, чем ехать по новой дороге, ведущей в Лондон. Пересечение Уотлинг-стрит и строительство моста преследовали военные, а не коммерческие цели. Римляне понимали естественные преимущества своего положения; они поспешили улучшить его за счет прямого сообщения с севером и югом.

Поэтому строительство моста предшествовало возведению стены примерно на 300 лет.

Подводя итог, можно сказать, что дата появления моста - это и дата первого военного поселения на месте Лондона. Это также дата каменного форта, возведенного рядом с Уолбруком. После возведения моста была построена дорога, современные названия которой - Оксфорд-стрит и Холборн; она соединила Лондон по суше с большой магистралью острова. И дорога, и мост поначалу были нужны для чисто военных целей. Когда значение Лондонского порта возросло, когда стало легче перевозить товары на экспорт и получать импортные товары в Лондоне, чем добираться до Дувра, караваны перешли на новую дорогу и переправляли в Лондон то, что раньше везли в Дувр. Но ни новая дорога, ни мост не были построены ни для чего, кроме военных целей.

Первое упоминание о мосте встречается в "Хронике" под 457 годом н. э., когда бритты, разбитые саксами при Крейфорде или Креганфорде, спасались бегством, укрывшись в Лондоне. Конечно, если бы не было моста, побежденная армия не смогла бы войти в Лондон с такой дикой поспешностью; более того, они бы и не пытались это сделать.

ГЛАВА VII

ЛОНДОНСКИЙ КАМЕНЬ

Кроме стены, в римском Лондоне сохранились еще два памятника. Один из них - "Лондонский камень"; другой - римская баня на Стрэнде, о которой я уже упоминал (с. 98).

По-видимому, нет точных сведений о том, каким был камень до пожара, который так сильно его уменьшил. Страйп говорит, что он был сильно истерт, остался лишь обрубок. То, что осталось, представляет собой лишь фрагмент. Однако раньше здесь был большой фундамент. Он стоял на южной стороне Кэннон-стрит, от которой отмерялся весь километраж дорог. В романе сэра Бевиса из Хэмптона рассказывается о великой битве на улицах Лондона: "Так много людей теперь видели мертвых.

"Так много мужчин теперь видели мертвыми.

Вода Темзы от крови стала красной:

От Сент-Мэри Боу до Лондонского камня".

Первый мэр Лондона Генри ФицЭйлуин жил в доме на северной стороне Сент-Свитинс, и его звали Генри ФицЭйлуин с Лондонского камня.

Стоу описывает этот камень следующими словами: - "На южной стороне этого высокого дома, на улице Св.

"На южной стороне этой улицы [Кэндлвик-стрит] рядом с Ченнеллом высится большой камень, называемый Лондонским, врытый в землю очень глубоко, скрепленный железными прутьями и так прочно закрепленный, что если повозки по неосторожности наезжают на него, колеса ломаются, а камень остается непоколебимым. Причина, по которой камень был там установлен, время, когда это произошло, или другие сведения об этом отсутствуют; но то, что это продолжалось долго, очевидно, а именно со времен или, скорее, до времени Завоевания, ибо в конце честно написанной книги Евангелия, данной церкви Христа в Кентерберии

Этельстаном, королем западных саксов, я нахожу упоминание о землях или арендах в Лондоне, принадлежащих указанной церкви, где одна часть описана как лежащая поблизости от Лондонского камня. В более позднее время мы читаем, что в 1135 году от Рождества Христова, в первый год правления короля Стефана, пожар, начавшийся в доме некоего Эйлварда, расположенном поблизости от Лондонского камня, уничтожил все к востоку до Олдгейта, где сгорел приор Святой Троицы, и к западу до святилища святого Эркенвальда в церкви Поула: и это самые ранние заметки, которые я читал об этом. Некоторые говорят, что этот камень был установлен в качестве знака в центре города внутри стены, но на самом деле он стоит гораздо ближе к реке Темзе, чем к городской стене". (Strype's Stow, vol. i. bk. ii. chap. xiii.)

Джеймс Хауэлл (Londinopolis, p. 4, 1657) принимает мнение Камдена: "Лондонский камень я принимаю за милю или миллион, как на рынке в Риме, с которого брали размеры для всех путешествий, учитывая, что он близок к середине, так как имеет большую длину".

Рен полагал, что камень первоначально принадлежал какому-то значительному памятнику на Форуме, поскольку на прилегающей территории с южной стороны были обнаружены мозаичные тротуары и другие обширные остатки римской работы и зданий, когда люди рыли подвалы после пожара. По этому поводу мистер Прайс уместно напоминает нам, что Miliarium Aureum в Константинополе был не в виде колонны, как в Риме, а в виде прекрасного здания, под крышей которого стояли статуи Константина, Елены, Траяна, Адриана и многих других фигур.

Мейтланд говорит, что некоторые люди считали этот камень символом города, преданности Христу, Его заботы и защиты города, и цитирует некоторые рифмы Фабиана (т. II. кн. II. с. 1047):-.

"Так надежен камень

Что на сетте стоит,

Ибо, хотя некоторые и обмазывают его

С манасами грим и грит,

Но у Хурте его не было.

Крист - тот самый камень.

На котором стоит город.

Который от всех своих пенатов

Hath ever preservyd yt."

ГЛАВА VIII

ОПУСТОШЕНИЕ ГОРОДА

Теперь мы подошли к периоду, о котором, если говорить о Лондоне, нет ни историков, ни преданий. Однако о том, что произошло, можно судить с уверенностью. Римские легионы наконец-то были выведены. Британия была предоставлена самой себе. Ей пришлось защищаться от саксонских пиратов на востоке, от пиктов и шотландцев на севере и от диких горных племен на западе. К счастью, на этих страницах мы не будем пытаться изложить историю двух веков непрерывных сражений и борьбы, последовавших за тем, как английское завоевание принесло, наконец, время отдыха и частичного мира. Но мы должны выяснить, если сможем, как жил Лондон в течение этого долгого промежутка времени.

Давайте воспользуемся свидетельствами (I.) истории; (II.) раскопок; (III.) мест; (IV.) традиций.

I. История.

За более чем 200 лет Лондон упоминается один раз, и только один, в любой истории того времени. Это упоминание содержится в Англосаксонской хронике. "В этом году" - 457 г. н. э. - "Хенгист и Эск, его сын, сражались с бриттами в месте, называемом Креган Форд, и убили там четыре тысячи человек; и тогда бритты оставили Кент и в великом ужасе бежали в Лондон". Они искали безопасности за мостом и в стенах.

В остальном в хронике о Лондоне царит мертвая тишина. Мы слышим о нападениях и разрушениях в том или ином месте, но не о Лондоне. Если бы за великой битвой последовала такая резня, как при Андериде, о ней непременно бы упомянули. Но такой битвы не было. Лондон пришел в упадок, растаял, был изможден голодом, но не покорился.

Лондон был основан как торговый порт. Мы видели, что сначала торговля страны шла на юг через остров Торни; но после того, как было обнаружено удобство Лондона, она пошла в Лондон. Лондон был основан как торговый центр, и как торговый центр он продолжал существовать. Люди всегда были, как и сейчас, торговцами. Он не был военной столицей; до конца римской оккупации он не был штаб-квартирой гражданской администрации. Он процветал или приходил в упадок, соответственно, с процветанием или упадком торговли.

Саксы не любили обнесенные стенами города; для обороны такой длинной стены - почти три мили в окружности - требовалась гораздо большая армия, чем та, которую восточные саксы могли когда-либо собрать. К тому же саксы еще не научились торговать. Кроме того, они любили открытые поля, а стены, по их мнению, возводились в магических целях. "Летите! Летите! Избегайте этого места, чтобы какой-нибудь чародей, все еще скрывающийся среди руин, не поднялся и не применил свои чары. Назад к свободе и простору полей!" Поэтому, когда жители Лондона вышли на улицу и постепенно исчезли, саксы не спешили занимать их места.

Если они приближались к серым стенам Лондона, то не испытывали никакого желания войти внутрь; если же из любопытства они все же входили, то быстро оставляли безмолвные улицы и разрушенные дома злым духам и ведьмам, которые таились среди них. Пустые склады, опустевшие набережные, разрушенные виллы, обломки колонн, захваченных для строительства стены, комнаты без крыш говорили им о завоеванном народе, но не побуждали к поселению.

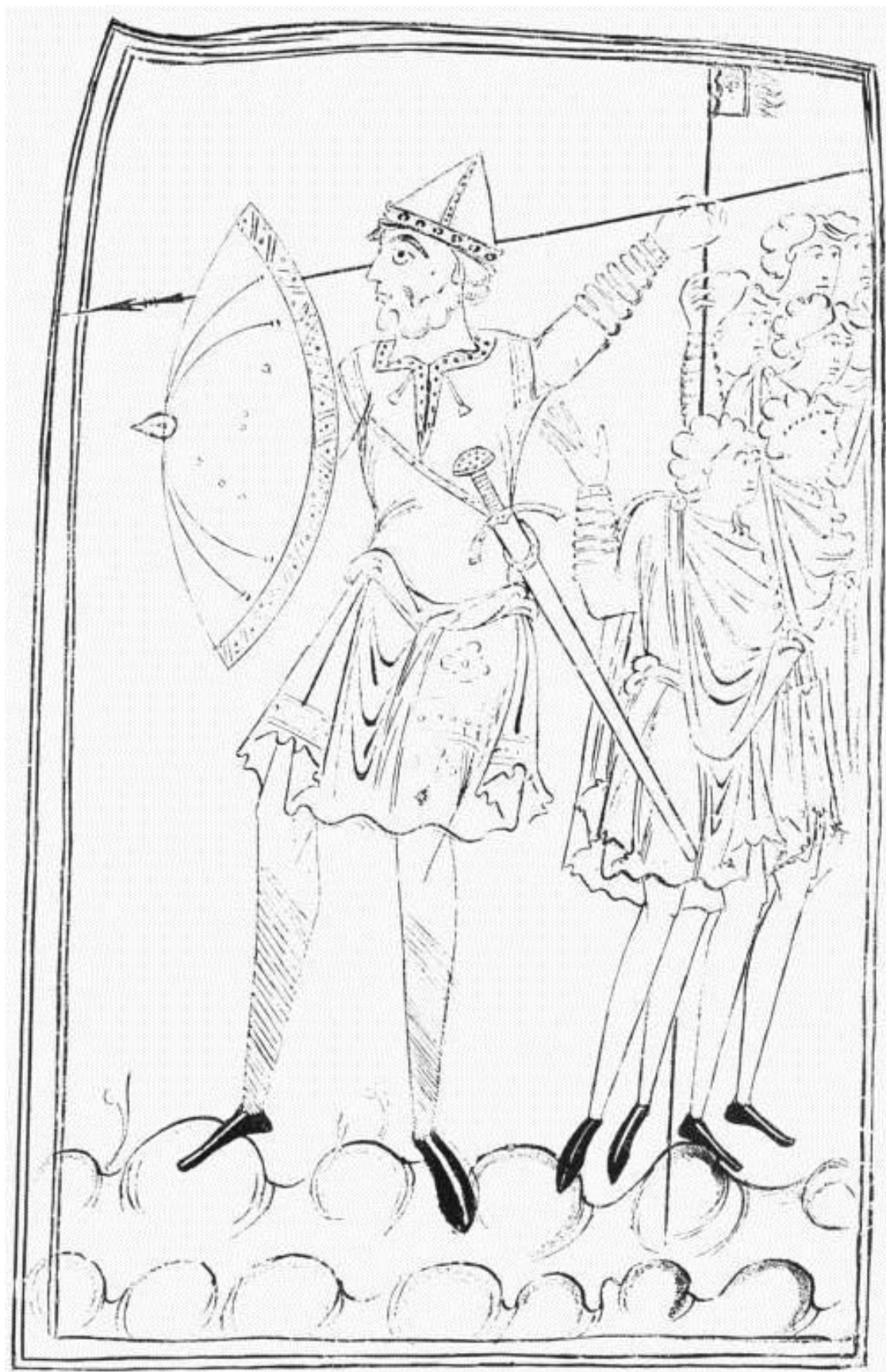
Романо-британского флота больше не было - он исчез, когда последний граф Саксонского берега сложил с себя полномочия; узкие моря были открыты для пиратов; моря сразу же

стали кишеть пиратами; торговые суда, таким образом, должны были пробивать себе путь с сомнительным успехом. Это обстоятельство чрезвычайно увеличивало обычные риски торговли.

Вся страна находилась в постоянном беспорядке; не было ни одного уголка, где человек мог бы спокойно жить, кроме как в стенах города. Богатые фермы были разрушены, великолепные виллы разграблены и сожжены, сады и виноградники разбиты и заброшены, разбойники и мародеры рыскали по всем дорогам, богатые семьи доведены до нищеты. Лондон беспокоило то, что на импорт больше не было спроса, а прежний экспорт больше не отправляли. Путь для перевозок был закрыт, дороги закрыты, экспорт больше не поступал, импорт больше не требовался, торговля, таким образом, умерла.

II. Свидетельства раскопок.

Весь римский Лондон утрачен, за исключением фундаментов, некоторые из которых до сих пор лежат под землей. Все церкви, храмы, театры, официальные здания, дворцы и виллы исчезли. Они были утрачены, когда город захватили саксы. Названия улиц исчезли - сама их традиция погибла. Ход улиц потерян и забыт. Один этот факт неопровержимо доказывает, что оккупация Лондона не была непрерывной.²¹ Римские ворота Бишопсгейт находились на некотором расстоянии к востоку от саксонских ворот; римские ворота на Уотлинг-стрит находились на некотором расстоянии к северу от более позднего Ньюгейта; линия Эрмин-стрит не везде точно совпадала с римской дорогой; новая Уотлинг-стрит саксов фактически пересекала старую. Можно также отметить, что под башней Сент-Мэри-ле-Боу пролегает древняя дорога. Как примирить эти факты с теорией непрерывной оккупации? Саксы, опять же, не пришли как завоеватели и не поселились среди покоренных. Они не могли этого сделать, иначе они бы приобрели и сохранили что-то от римского Лондона. И хотя сейчас, по прошествии стольких лет и стольких пожаров, мы не должны ожидать, что римские виллы сохранятся, некоторые из старых улиц должны носить римские или, по крайней мере, британские названия. Все, что осталось нам по традиции от римского Лондона, - это его британское название.

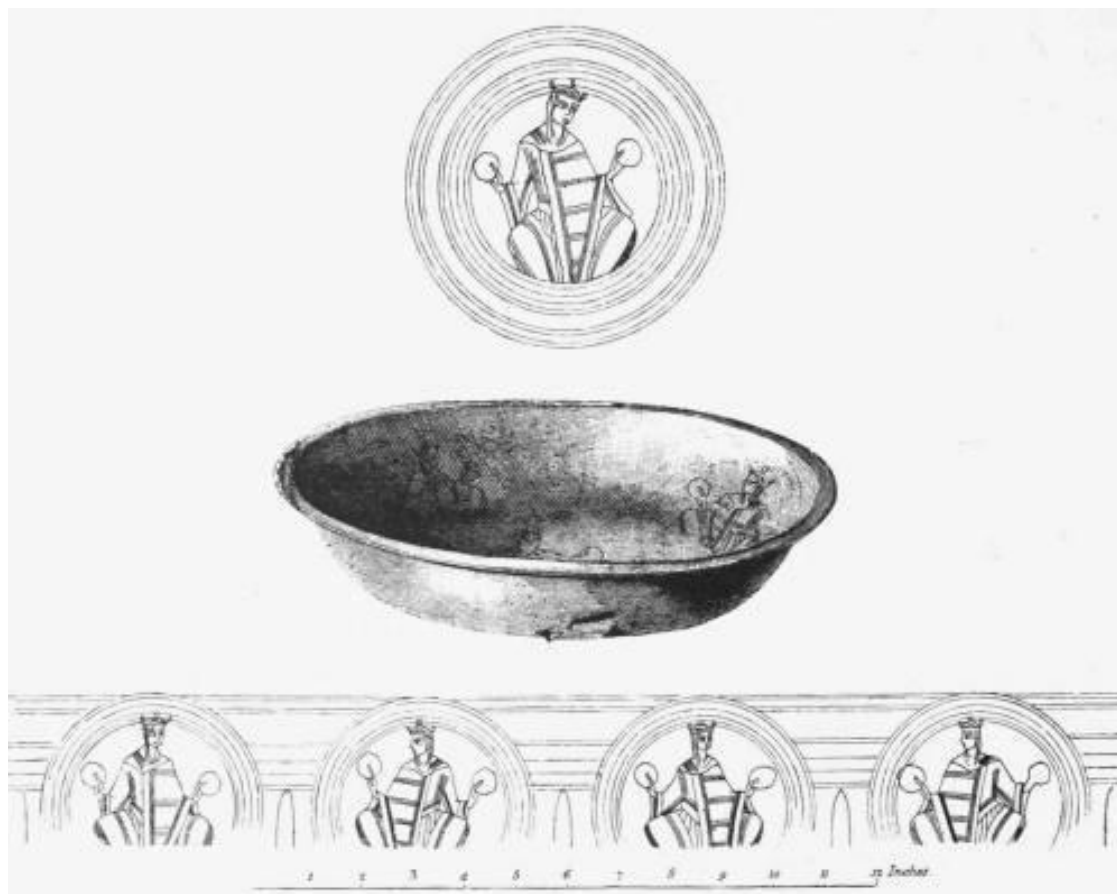
АНГЛО-САКСОНСКИЙ ВОИН
Тиб. MS. C. VI.

Разрушение опустевшего города сначала идет медленно, но всегда с ускорением.
Деревянные изделия римского Лондона были унесены на строительство грубых хижин для

рыбаков и немногих рабов, оставшихся в городе. Они, по крайней мере, получили свободу и жили на пустынном берегу. Мягкое воздействие дождя, мороза и солнца способствовало непрерывному процессу разрушения; забитые водотоки подтачивали фундамент; деревья росли среди палат, сбрасывали листья, разлагались и умирали; плющ срывал черепицу и пробивался между кирпичами; новая растительность поднимала уровень земли; стены домов либо падали, либо медленно исчезали. Когда после ста лет запустения саксонец осмелился устроить свой дом в разрушенных стенах города, пусть даже для того, чтобы использовать его по примеру Силчестера и Урикониума в качестве места для пахоты и выращивания кукурузы, от бывшего великолепия Августа мало что осталось.

Еще один аргумент в пользу полного опустошения Лондона следует из рассмотрения домов римского города. Остатки римских вилл, образовавшихся в пределах второй и более длинной стены, убедительно доказывают, что во всех отношениях город Августа был построен так же, как и другие римские города, например, Бордо, Тревес или Марсель. Если бы завоеватели захватили Лондон в пятом веке, они бы нашли сотни хорошо построенных и красивых домов. Правда, саксонцу не было бы дела до картин, статуй и произведений искусства, но он бы почувствовал огромное превосходство этих зданий в материальном комфорте над его собственными грубыми домами. Нелепо предполагать, что какой-либо народ, каким бы свирепым и диким он ни был, предпочтет холод теплу в ледяную и снежную зиму.

Кроме того, маловероятно, даже невозможно, чтобы в городе, где такое строительство было простым из-за особенностей грунта, римляне пренебрегли главной канализацией для той цели, для которой была сделана Cloaca Maxima, а именно для отвода поверхностных осадков с улиц. Возможно, римский коллектор еще можно обнаружить. Водосток, несомненно, находился на берегу моря, между Уолбруком и Минсинг-Лейн; но берег давно застроен, а канализация закрыта. Разумно предположить, что если бы саксы нашли его, они бы поняли его многообразное применение и сохранили бы его.

ДРЕВНЯЯ МЕДНАЯ ЧАША НАЙДЕНА В ЛОТБЕРИ

Roach Smith's Catalogue of London Antiquities

Антиквару было приятно обнаружить на месте римского форта, или цитадели, следы четырех широких улиц под прямым углом, которые обычно прокладывались в каждом римском городе. Указания на их расположение, например, до сих пор можно найти в Дорчестере, Честере, Линкольне и других местах. Возможно, антиктвар прав в своей теории, но следует признать, что римские улицы в других частях Лондона были застроены, а старые пути отклонились. Конечно, если бы саксонская оккупация произошла в пятом веке, старое расположение улиц было бы сохранено по тому простому принципу, что оно влечет за собой наименьшие проблемы.

Далее рассмотрим римскую виллу. "Их общий план состоит из двух или трех открытых для воздуха дворов с открытыми окнами, из которых выходят небольшие комнаты разного рода - спальни и женские, как правило, находятся сзади, а последние иногда совсем отделены от остальных" (Hayter Lewis, *Cities, Ancient and Mediæval*). Ни в рассказах, ни в изображениях англосаксонского дома нет ни малейшего сходства с римской виллой. Однако если бы сакс занял Лондон в V веке, он, несомненно, перенял бы римский дом с его расположением отдельных комнат, предпочтя его собственному грубому залу, в котором все домочадцы спали на камышах вокруг центрального костра.

Если бы саксонец занял Лондон в V веке, он бы обнаружил, что дома снабжены устройствами для обогрева помещений горячим воздухом, простыми и легкими, не выходящими из строя и понятными даже ребенку. Разумно ли предполагать, что он отказался бы от этого приспособления, чтобы продолжить свой собственный варварский план разведения большого расточительного костра посреди зала?

И он нашел бы тротуары на улицах. Стал бы он брать их и возвращаться к первобытной земле? Не лучше ли ему поддерживать их в рабочем состоянии для собственного удобства? А еще он нашел бы акведуки и трубы для снабжения водой водопроводов и частных домов. Стал бы он разрушать их из вредности? Можно упомянуть амфитеатр, который, конечно, стоял за стеной, но, по моему мнению, как я уже объяснял, амфитеатр был разрушен, чтобы построить великую стену, которая была возведена в спешке и во время паники.

На это можно возразить, что в более поздние века большой дом стал в какой-то степени похож на римскую виллу, поскольку строился вокруг двора. На это можно ответить, что средневековый двор не был римским садом с фонтаном и коридорами; это было место для упражнений и учений в замке. Даже загородный дом, построенный вокруг своего маленького двора, имел окна, выходящие во двор, а не на природу, что свидетельствует о сохранении крепости. Средневековый двор, о котором сохранилось так много свидетельств, сначала принадлежал замку, а не вилле.

III. Свидетельства Сайта.

Мы должны вернуться к положению Лондона. Мы видели, что с самого начала на севере Сити было дикое и трясинное болото с непроходимым лесом за ним. На востоке - болото и значительный поток, протекающий через это болото; на юге - широкая приливная река, а за ней - обширное болото, простирающееся на большое расстояние в обе стороны. На западе у города был небольшой ручей в болотистом русле и возвышенность, которая, вероятно, была расчищена и засажена еще в римские времена. В отличие от любого другого города мира, за исключением Венеции более поздних времен, Лондон не имел ни дюйма земли, возделанной для собственного пропитания, ни поля для кукурузы, ни луга для сена, ни фруктового сада, ни виноградника или чего-либо еще. Она с самого начала зависела, да и сейчас зависит, от поставок извне, за исключением рыбы в реке. Она снабжалась по римским дорогам, по Уотлинг-стрит и Вицинальной дороге из Эссекса и Кента, с запада - по Темзе, а также с помощью кораблей, которые поднимались по Темзе.

Если город, полностью зависящий от торговли, полностью теряет ее, что должно произойти? Во-первых, те, кто работает на купцов, - стивидоры, лихтеры, лодочники, носильщики, перевозчики, кладовщики, клерки и бухгалтеры - оказываются без работы. Они не могут вечно бездельничать. Они должны идти - куда? В армию.

Следующий класс, более состоятельный, юристы, священники, художники - для них нет работы. Они тоже должны идти - куда? В лагерь. Наконец, когда золото уже бесполезно, потому что его не на что купить, сами богачи вместе с государственными служащими оглядывают разваливающийся город и не видят в нем ничего, кроме того, что они тоже должны уйти. Что же касается рабов, то они давно уже разбежались; здесь уже не было никакого провианта, и они должны были уйти.

С кровотокающими сердцами богачи готовились покинуть место, где они жили так роскошно, как только можно было в самом Риме, когда Рим был еще в самом лучшем и гордом состоянии. Они взяли с собой только то, что каждый мог унести. Нежные девочки несли домашнюю утварь, мальчики - оружие, родители - домашних богов - правда, христианство было государственной религией, но домашние боги уже давно были в доме и до сих пор всегда приносили удачу! Диваны и столы, богатую посуду и статуэтки, библиотеки и картины они оставляли за собой, потому что эти вещи нельзя было унести. И так они уходили через то, что их завоеватели впоследствии назовут Новыми воротами, и по Уотлинг-стрит, пока не достигали города Глостера, где девушки оставались, чтобы стать матерями и бабушками солдат, обреченных погибнуть на полях сражений, а юноши отправлялись в армию и

сражались, пока не пали. Таким образом, Лондон остался безлюдным и заброшенным. Полагаю, что в нем остались остатки, несколько человек самого низкого сорта, которые, оказавшись во власти Сити, закрыли ворота и принялись грабить. С инстинктом разрушения они сжигали дома после того, как разграбили их. Затем, нагрузившись мягкими кроватями, подушками и подушечками, шелковыми платьями, они уселись в своих лачугах. Что они делали потом, как жили и как скатились к варварству, гораздо худшему, чем то, из которого они вышли, можно только догадываться. Суть в том, что Лондон был абсолютно безлюден - безлюден, как Баальбек или Тадмор в пустыне, - и так продолжалось около ста пятидесяти лет.

Как был заселен город? Какое-то смутное воспоминание о прошлом, несомненно, сохранилось после долгих войн на острове и пятнадцати поколений - за исключением десяти лет для короткоживущего поколения пиратов, бороздивших моря. Купцы через Ла-Манш узнавали о том, что в городе наметились признаки возвращения мира, хотя прежняя цивилизация была разрушена и все приходилось строить заново. Однако не стоит думать, что остров когда-либо был полностью отрезан от внешнего мира. Корабли снова пересекли остров, нагруженные вещами, которые могли бы соблазнить англов и саксов - сверкающими доспехами, мечами прекрасной закалки, шлемами и корсетами. Они находили пустынные набережные и город в руинах; возможно, горстка дикарей ютилась в хижинах на берегу реки; деревянный мост обветшал, деревянные ворота болтались на петлях, улицы заросли; виллы были разрушены, либо по злему умыслу, либо ради дерева. Представьте себе город, построенный почти целиком из дерева, оставленный на произвол судьбы на сто пятьдесят лет или с несколькими поселенцами, как арабы в Пальмире, которые брали бы на топливо все дерево, которое могли найти. Что касается некогда прекрасной виллы, то на мостовой во дворе росла трава; балки крыши провалились и раздавили мозаику в покоех; желтый камнемом, мхи и полевые цветы покрывали низкие стены фундамента; сеть труб отопления стояла изломанной и изрезанной вокруг обломков покоев, которые они когда-то согревали. Форум, театр, амфитеатр, резиденция этого *vir spectabilis* Букария - все было в руинах, разрушено до основания. Так же и с церквями. Как и склады на берегу реки. Что касается стен первой цитадели, Прэториума, то их, как мы уже видели, давно разобрали, чтобы построить новую стену города. Эта стена оставалась нерушимой, лишь кое-где облицовочные камни вывалились, оставив обнаженной твердую сердцевину. Речная часть стены с водными и мостовыми воротами сохранилась так же, как и сухопутная.

IV. Свидетельства традиции отрицательны.

От Августы, римского Лондона, не осталось ни одного фрагмента, кроме стены и моста; сами улицы были большей частью стерты с лица земли; не осталось ни одной традиции; не сохранилось ни одного воспоминания ни об одном учреждении, ни об одной императорской должности или обычае. Я не знаю, предпринимались ли попытки проследить римское влияние и обычаи в Уэльсе, куда не проникли новые завоеватели. Такое исследование еще предстоит провести, и было бы интересно, если бы мы смогли найти такие пережитки. Возможно, однако, что таких следов нет, и не стоит забывать, что до ухода римлян дикие люди гор были непримиримыми врагами жителей равнин. Возвращались ли бритты в объятия своих старых врагов, когда те постепенно отступали? Не всегда. Во многих случаях было доказано, что они укрывались в лесах и диких местах, как в Суррее, Сассексе и Фенсе, до тех пор, пока не становились способными жить среди своих завоевателей.

Переход римлян в саксонский Лондон - момент настолько важный, что я могу извинить себя за то, что остановился на нем.

Я уже приводил доводы в пользу того, что, по моему мнению, римский Лондон в течение ста лет оставался пустынным и заброшенным, если не считать скромных рыбаков. В дополнение к изложенным причинам позвольте мне привести свидетельства мистера Дж. Р. Грина. Он показывает, что в результате предыдущих завоеваний саксонских захватчиков связь Лондона с континентом и внутренними районами страны была полностью прервана. "Завоевание Кента прервало его связи с континентом; а торговля, которая могла бы вестись с южного побережья через Уэльд, была прервана завоеванием Сассекса. Захват Гвента около Винчестера закрыл путь на юго-запад, а взятие Кунетио прервало все связи с долиной реки Северн. А теперь захват Хартфордшира отрезал город от северной и центральной Британии". Мы также должны помнить, что стаи пиратов в устье Темзы прервали морское сообщение. Как мог торговый город пережить разрушение своей торговли?

КОВЧЕГ

Из Claud MS., B. iv.

Саксы, когда им удавалось обосноваться в Лондоне или рядом с ним, делали это за пределами старой римской стены; они образовывали поляны и поселения в некоторых местах, которые сейчас являются пригородами Лондона. Древность Хэмпстеда, например, доказывается существованием двух хартий десятого века (см. статью профессора Хейлза в *London and Middlesex Archæological Transactions*, vol. vi. p. 560).

На этих страницах я хотел не вступать в полемику. Однако необходимо признать существование тех, кто считает, что в Лондоне сохранились некоторые римские обычаи, на которых была основана ранняя муниципальная конституция Лондона, и что в то же время существовали тевтонские обычаи, которые не стали законом. Поэтому я прошу представить эту точку зрения, умело отстаиваемую мистером Г. Л. Гомме в том же томе (стр. 528), поскольку он является авторитетом, чье мнение и аргументы не хочется игнорировать.

Его точка зрения такова:.

1. Он не признает дезертирства Лондона.
2. Он признает тот факт, что А.С. не заняли обнесенный стеной город.
3. То, что новоприбывшие поначалу не имели представления о торговле.
4. Что они образовали деревенские поселения, разбросанные по всему Лондону.
5. Что торговля Лондона, когда он возродился, была торговлей не продуктами питания, а рабами, лошадьми, металлами и т. д.
6. 6. Деревни были самообеспечивающимися общинами, которые не экспортировали и не импортировали кукурузу ни за границу, ни друг к другу.

По этому поводу можно заметить, что, пока Лондон был безлюден, деревни вокруг вполне могли обеспечивать себя сами; но когда Лондон стал большим и растущим городом, деревни не могли содержать его жителей так же хорошо, как и своих собственных. Город снабжался из Эссекса, из Кента, из Суррея и из внутренних графств по реке.

7. Повсюду в Англии прослеживается тевтонская система.
8. Что в Лондоне тевтонские обычаи столкнулись с более древними обычаями, которые они не смогли уничтожить, и что эти более древние обычаи были по большей части обусловлены римским влиянием.

Обратите внимание, что эта теория предполагает выживание римских купцов и их потомков на протяжении всего периода полного разрушения торговли и опустошения Сити, согласно моей точке зрения; или пренебрежение Лондоном и его торговлей в течение века и более после саксонского завоевания, согласно взглядам тех, кто не признает опустошения. Мистер Гомм цитирует Джозефа Стори в "Конфликте законов", где он утверждает, что везде, где завоеватели после падения Рима обосновывались, они позволяли жителям сохранять свои городские обычаи. Возможно; но каждый город должен представлять собой независимый случай для исследования. Теперь же, согласно моему мнению, не осталось людей, которые могли бы сохранить память о римском муниципалитете. [22](#) 9. Что А.С. ввели деревенскую систему, т.е. сельское владение, общинные земли вокруг, общие пастбища за ними.

10. Широкие открытые пространства на севере Лондона не могли использоваться для сельскохозяйственных целей, и "они стали средством для начала действия в Лондоне широкомасштабных экономических законов, провозглашающих, что частная, а не коллективная собственность является средством для национального процветания".
11. Что собственники, ставшие олдерменами приходов, "без конца следовали образцу римского гражданина".

Это утверждение предполагает, как мы увидим, всю теорию непрерывного занятия, то есть непрерывной торговли, ибо без торговли римские граждане не могли жить.

12. Что существование общественных земель может быть доказано многими случаями, зафиксированными в Liber Custumarum и в других местах.

13. Что управление общественными землями находилось в руках граждан.

14. Фолькмота никогда полностью не господствовала в городе; она также никогда не была признана верховным советом, который находился в руках знати.

15. Что древний тевтонский обычай устанавливать камень в качестве знака соблюдался в Лондоне.

16. Что существует множество других тевтонских обычаев, которые не представлены ни в одном сборнике городского права и обычаев.

17. Есть обычаи, которые можно признать римскими по происхождению, *например*, обычай римских адвокатов встречать своих клиентов на Форуме. В Лондоне сержанты-адвокаты встречали своих клиентов в нефе собора Святого Павла.

Однако, конечно, в этом нет ничего римского. Тогда не было Вестминстер-холла, не было судебных иннов; адвокаты должны были найти место, где можно встретить своих клиентов. Какое место может быть более подходящим, чем единственный большой зал города, неф собора?

18. Что было время, когда Лондон поддерживался за счет сельского хозяйства, а не торговли.

Как я уже сказал выше, поселения вокруг Лондона не могли, конечно, содержать больше, чем они сами; а если мы рассмотрим общие земли города - болота и болотистую местность с нерасчищенным лесом, - то они, конечно, мало или совсем не могли обеспечить большое население.

19. Что Фицстефен говорит о пахотных землях и пастбищах, а также о садах.

Несомненно, это так. В то же время мы должны читать его с пониманием. Мы прекрасно знаем единственное место, где могли существовать эти пахотные земли, а именно сравнительно узкий пояс на западе: на севере - болота, пока мы не дойдем до разбросанных по лесу деревушек - в основном, как я убежден, поселений дровосеков, угольщиков, охотников и трапперов; на юге - болота; Вестминстер и его окрестности - болота; восточная сторона, за исключением разбросанных поселений Степни, покрыта густым лесом с болотами на юге и востоке.

20. О том, что общие земли города свободно отчуждались, свидетельствует Liber Albus.

21. Генрих I предоставил горожанам такое же право охоты в Мидлсексе, каким пользовались их предки.

22. Что эта привилегия "могла быть заимствована из прав римских бюргеров".

Возможно; но это не является доказательством того, что так оно и было.

23. Что "*территория* римского Лондона определяла границы прав на лес и леса саксонского и более позднего Лондона".

Возможно; но доказательств нет.

Подводя итог, я считаю, что эти аргументы неубедительны. Не нужно было римской оккупации, чтобы дать охотникам право охотиться; не нужно было римской оккупации, чтобы заставить людей лучшего сорта пытаться взять на себя управление государством; не нужен был пример Рима, чтобы юристы собирались в общественном месте; не нужно, опять же, ехать в Рим, чтобы разрушить архаичную систему, которая изжила свою полезность. Если в ранней истории Лондона существовали римские законы или римские обычаи - а я не готов признать эту теорию, - мы должны искать их происхождение не в предполагаемом выживании римского торговца через столетие дезертирства и разорения, а в римских книгах и в написанных римских законах.

Теория о запустении Лондона не подтверждается также историями Матфея Вестминстерского, Роджера Вендоверского, Ненния, Этельверда, Джеффри Монмутского и Генриха Хантингдонского. Давайте разберемся в этих утверждениях, взяв сначала самые последние и двигаясь в обратном направлении.

I. Матфей Вестминстерский (около 1320 года).

Матфей рассказывает, что когда римляне окончательно покинули остров, архиепископ Лондона по имени Гителин (435 г. н. э.) отправился в Малую Британию, ранее называвшуюся Арморикой и населенную бриттами, и обратился за помощью к Альдрену, четвертому преемнику короля Конана, который дал им своего брата Константина и две тысячи доблестных воинов. Соответственно, Константин переправился, собрал армию, разбил врага и стал королем Британии. Он женился на даме знатного римского происхождения, от которой у него было трое сыновей: Константин, которого он сделал монахом в Винчестере; Аврелий и Утер Пендрагон, которые получили образование у архиепископа Лондонского - предположительно, следовательно, в Лондоне.

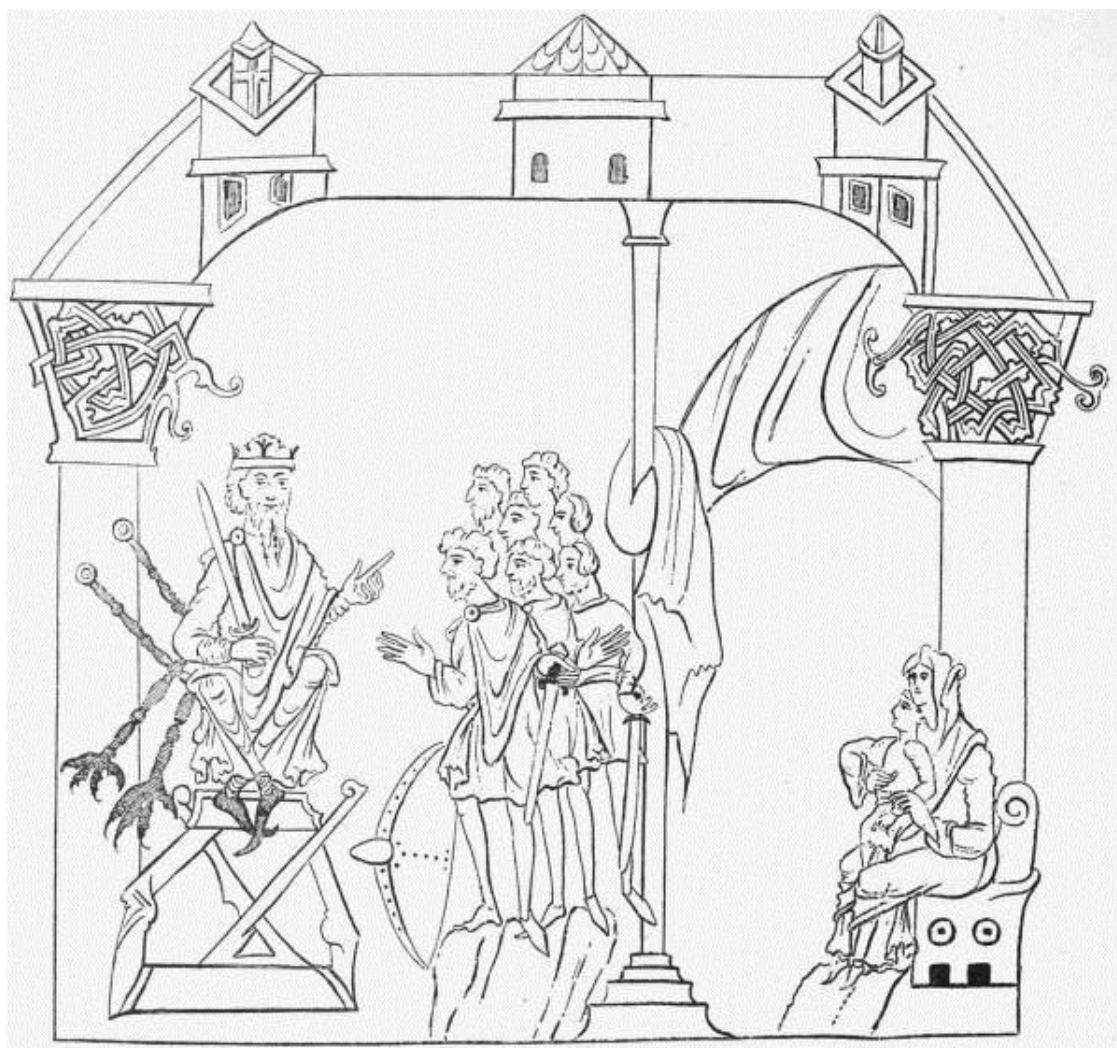
В 445 году Константин был убит. После этого Вортигерн, "консул Генвизея", отправился в Винчестер, вывел Константина из монастыря и короновал его своими руками, так как Гителин был мертв. Два брата Констанса были отправлены в Бретань.

Тогда Вортигерн начал вынашивать планы по уничтожению короля в своих целях; он взял казну под свою опеку; он собрал телохранителей для короля из 100 пиктов, которым он щедро платил и содержал; он внушил им подозрение, что если его не станет, то они потеряют свое жалованье. Поэтому однажды вечером они поднялись - эта телохранительница пиктов, - схватили короля и обезглавили его. Это произошло в Лондоне. Вортигерн, изображая великую скорбь, созвал жителей Лондона и рассказал им о случившемся. Поскольку никого из королевского дома под рукой не оказалось, он избрал себя и короновал себя королем.

В 447 году страну захватили пикты и шотландцы, начался голод, за которым последовал мор. В 448 году Германус, святой священник, вывел бриттов на бой и одержал великолепную победу над врагом. Но когда Германус ушел, пикты и шотландцы вернулись снова.

Вортигерн пригласил саксов, англов и ютов прийти и поселиться здесь. Они пришли; Хенгист повел их: они победили пиктов и шотландцев: они пригласили еще больше своих людей.

Вортигерн, у которого уже были жена и дети, влюбился в Ровену, дочь Хенгиста, и женился на ней, к отвращению народа.

КОРОЛЬ И ПРИДВОРНЫЕ

Метрический парафраз Седмана, Бодлианская библиотека.

Вортигерн был покинут дворянами, которые сделали его сына Вортимера королем; но он был отравлен в 460 году и умер в Лондоне, где и был похоронен.

В 461 году произошла великая резня бриттов Хенгистом в Эймсбери.

В 462 году саксы заточили Вортигерна в тюрьму, пока он не отдал все свои города в качестве выкупа. Они захватили Лондон, Йорк, Винчестер и Линкольн, разрушая церкви и убивая священников.

Затем бритты отправили послов в Бретань, умоляя Аврелия и Утера Пендрагона приехать к ним.

Пророчество Мерлина, относящееся к 465 году, явно позднего происхождения: в нем, например, предсказывается - уже после события, - что достоинство Лондона будет передано Кентерберии; говорится также о воротах Лондона, которые должен охранять медный человек, сидящий на медной лошади.

Аврелий со своим братом Утером Пендрагоном пришли из Бретани; они начали с того, что подожгли цитадель, в башне которой лежал Вортигерн, и таким образом уничтожили его.

В 473 году Аврелий одержал великую победу над Хенгистом. За ней последовали другие успехи. Победы Аврелия были частыми и ошеломляющими. Однако саксы, несмотря на решающие поражения, как-то быстро и уверенно укрепляли и расширяли свои владения.

В 498 году Аврелий умер.

Его преемником стал Утер Пендрагон, который был коронован в Винчестере. После очередной славной победы Утер привез пленников в Лондон, где провел Пасху в окружении знати, как норманнский король.

В 516 году Утер Пендрагон, состарившийся и немощный, был отравлен в Веруламе. Его сын Артур стал его преемником, избранный Дубрицием, архиепископом Лондонским, и всеми епископами и вельможами страны.

В 517 году Артур отправился осаждать Йорк, но был вынужден отступить к Лондону.

В 542 году Артур, после беспримерной карьеры славы, умер от ран на Авалоне, и его сменил двоюродный брат Константин, который преследовал сыновей Модреда и, найдя одного из них спрятанным в лондонском монастыре, "предал его жестокой смерти".

Под датой 585 года упоминается Лондон, который в то время был столицей королевства Эссекс.

В 586 году Теонус, архиепископ Лондона, бежал в Уэльс, увидев, что все церкви разрушены. Он забрал с собой тех священников, которые выжили в резне, и священные реликвии.

Таким образом, Лондон, согласно истории, был опустошен, но только в 586 году.

В 596 году Августин высадился на острове Танет и обратил многих в веру.

В 600 году Папа Римский послал Августину Лондонскому паллиум.

В 604 году Меллит был посвящен в епископы Лондона.

Далее писатель излагает историю так, как она изложена в других хрониках.

II. Роджер Вендоверский (ум. 1256).

460 Г. Н.Э. Он говорит, что Вортимер был похоронен в Лондоне.

462. Роджер упоминает Лондон как один из захваченных городов.

473. Роджер упоминает о великой победе Аврелия в Кенте.

498. Роджер утверждает, что Утер хранил свою пасхалию в Лондоне.

517. Артур возвращается в Лондон.

542. Константин убивает сына Модреда в Лондоне.

586. Бегство Теонуса, епископа Лондона.

Таким образом, похоже, что Матфей Вестминстерский следовал за Роджером Вендоверским, умершим в 1237 году н. э., так что даже он написал об этих событиях через 650 лет после предполагаемого бегства епископа.

III. Джеффри Монмутский.

Джеффри Монмутский, умерший во второй половине двенадцатого века - он был сделан епископом Сент-Асафа в 1152 году, - дает материал для романа о короле Артуре, для истории о короле Лире и других восхитительных выдумок и традиций.

У Джеффри мы находим утверждение, что (1) Вортимер был похоронен в Лондоне; (2) что саксы взяли Лондон в 462 г. н. э. (?); что Аврелий после великой победы восстановил Лондон, "который не избежал ярости врага"; что Утер Пендрагон держал свою Пасху в Лондоне; что Артур удалился в Лондон; что сын Модреда захватил Лондон и Винчестер; что Феонус был архиепископом Лондона; что Константин захватил одного из сыновей Модреда в лондонском монастыре; что Феонус бежал из Лондона с уцелевшим духовенством.

IV. Ненний.

Ненний не содержит ни одного из этих утверждений или рассказов, но он говорит, что Вортимер был похоронен в Линкольне.

V. Этельверд.

Этельверд говорит, что в 457 году бритты, потерпев поражение в битве в Кенте, "бежали в Лондон". Больше о Лондоне он ничего не говорит.

VI. Генрих Хантингдонский (около 1154 года).

Он упоминает битву при Креганфорде или Крейфорде, которая, как мы уже видели (с. 135), записана в Хронике А.С. вместе с отступлением в Лондон. После этого события он вообще не упоминает Лондон, вплоть до обращения и прибытия Меллита. Ни слова не говорится о событиях, о которых утверждают поздние хронисты, а великие достижения Артура показаны как сражения и победы, одержанные в западной части страны. Однако, раз уж он упоминает о резне в Андериде, можно ли предположить, что он обошел бы вниманием какое-либо подобное событие, случись оно в Лондоне? И можно ли предположить, что, если бы Лондон продолжал оставаться городом торговли и богатства, саксы не напали бы на него?

Подводя итог этим свидетельствам, мы обнаруживаем, что писатели, наиболее близкие к современникам, вообще не упоминают о Лондоне на протяжении ста пятидесяти лет. Спустя шестьсот лет летописцы упоминают о некоторых событиях, не имеющих большого значения, и сходятся во мнении об опустошении Лондона, которое они относят к 586 году. Дата мало что значит, но ссылка показывает, что в двенадцатом и тринадцатом веках определенно существовала традиция, указывающая на период разорения и опустошения. Джеффри Монмутский, по-видимому, описал большинство побед и великих деяний бриттов, которые были настолько победоносны, что их постоянно загоняли обратно в леса и в горы. Когда традиционный король становится преемником, проводит свой суд или умирает, естественно, что ему предоставляется город, и Лондон был наготове. В то же время существовала традиция, что в свое время Лондон был заброшен. Таким образом, все объясняется и вписывается в единственную рабочую теорию, объясняющую почти полное молчание Хроник А.С. относительно некогда великого, славного и богатого города Августа.

КНИГА III

САКСОНСКИЙ ЛОНДОН

ГЛАВА I

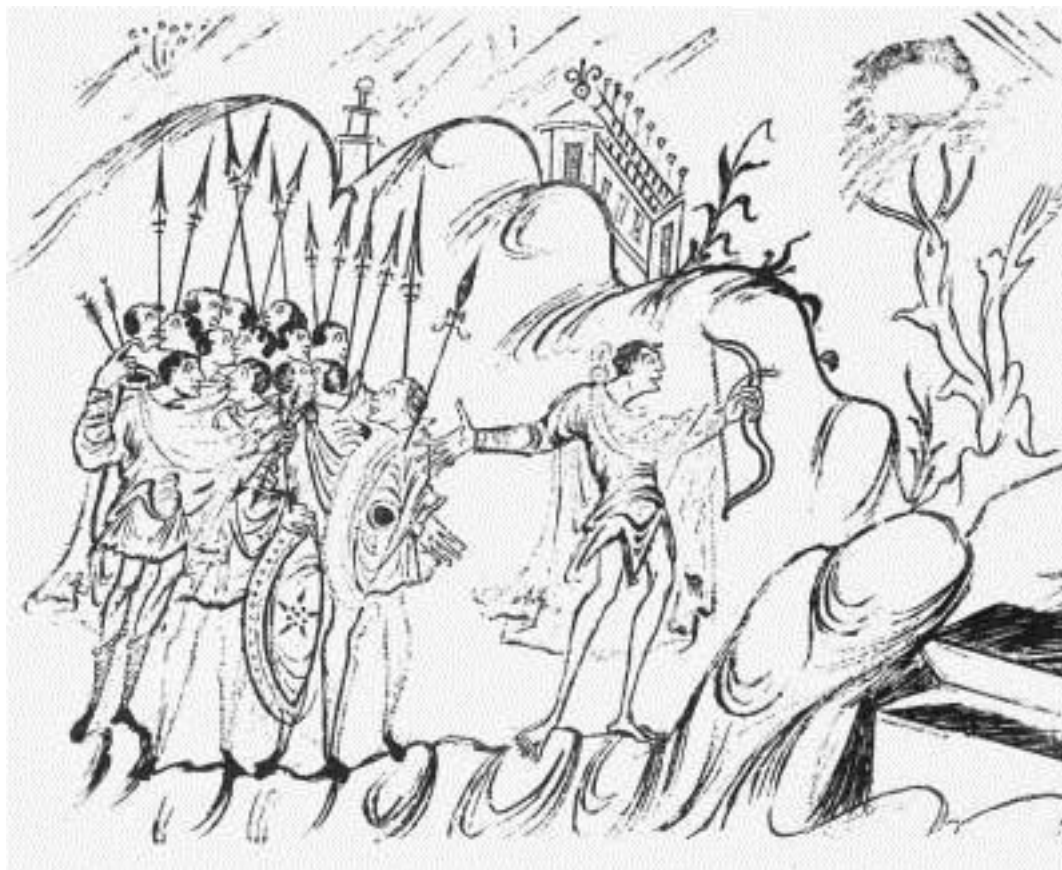
ПРИХОД САКСОВ

Жизнь Лондона вновь началась где-то в конце шестого века. Как Лондон был создан для торговли, и как он пал с разрушением торговли, так он и был восстановлен для торговли. Купцы из-за морей узнали, что на эту землю вернулся мир, хоть какой-то мир; устье Темзы больше не кишело пиратами, потому что не осталось ничего, на что они могли бы напасть. Из Дувра авантюрный купец робко прокрался вдоль побережья - врагов не было видно; шкипер рискнул войти в узкий канал между Танетом и материком - ни одного корабля, никаких признаков пиратского судна; робко поплыл вверх по широкому устью Темзы - ни одного паруса. Кораблей не было; когда саксонская миграция исчерпала себя, сакс сразу же забыл искусство кораблестроения и тайны навигации; его корабли были для него как крылья у некоторых насекомых, которые обеспечивают только один полет, после чего крылья отпадают. За сто с лишним лет, пока вторжение превращалось в завоевание, корабли сгнили или были сожжены. И все же странные купцы не знали, какой прием их ожидает. Вдоль низких и болотистых берегов Темзы, по мере сужения устья, не было ни малейшего признака человеческого жилья - кто станет жить в болоте, когда можно жить на суше? Не было даже рыбаков. Не было никаких признаков жизни, кроме криков птиц, кружащихся над головой, и всплесков морской свиньи вокруг носа.

Вскоре они прибыли в Лондон. Они знали его как Лондон, а не как Августу, которая была его названием всего несколько лет. Здесь был мост, о котором они слышали, но его доски и сваи уже обветшали. Морская стена, а за ней - сухопутная, серая, заросшая настенными цветами, желтыми цветами, которые и по сей день растут только на римских вокзалах и рядом с ними. Стена была еще крепкой, хотя и полуразрушенной. Стояли древние ворота с ржавыми петлями и рассохшейся деревянной отделкой. В устье Уолбрука находились древние порты, которые мы знаем как Биллингсгейт и Даугейт. Там были набережные, разрушенные, ветшающие и пустынные. Где же были жители Лондона? Не было ни дымящегося очага, ни алтаря, ни звука кузнечного горна, ни какого-либо ремесла, или торговли, или бизнеса.

Они подъехали к набережной - это было на Биллингсгейт; несколько человек высадились, остальные ждали под оружием.

Эти разведчики прошли по набережной и смело проникли в город. Через полчаса они вернулись с известием, что место действительно пустынное. Там не было никого - ни купца, ни саксонца, ни британца.

ГРУППА АНГЛОСАКСОНСКИХ КОПЬЕНОСЦЕВ

Harleian MS., 603.

Затем эти торговцы высадили свой груз и начали осторожно исследовать страну вокруг, везя свои товары на продажу. Они обнаружили разбросанные повсюду фермы, в каждой из которых жила одна семья с вождем, сыновьями и дочерьми, а также рабами. Они прошли на север и восток до Онгара и Абриджа и даже за большой лес. Люди принимали их без всяких попыток убить или расправиться с ними: их интересовало, по крайней мере, оружие, предлагаемое на бартер.

Что еще? Торговля оживилась: вернулись иностранные купцы, люди из Руана, люди из Бордо; и некоторые из восточных саксов, забыв о своем предубеждении против городов, пришли сюда, чтобы поселиться и заняться торговлей. Некоторые бритты вышли из своих лесных убежищ и нашли в городе кров и свободу, а возможно, и богатство. Лондон был основан во второй раз.

Опустошение Лондона, уединение Лондона, возвращение купцов, повторное заселение города не описаны историками, но рассказаны здесь так, как они, должно быть, произошли. Мне кажется, что нет другого способа объяснить обстоятельства дела.

В начале седьмого века Лондон снова упоминается. Ниже приводится свидетельство Беды, который писал через сто двадцать лет после описываемых событий. Основные факты, безусловно, были запомнены, в то время как реальное состояние Лондона на тот момент, вероятно, было бы менее четко известно. Его слова таковы:...

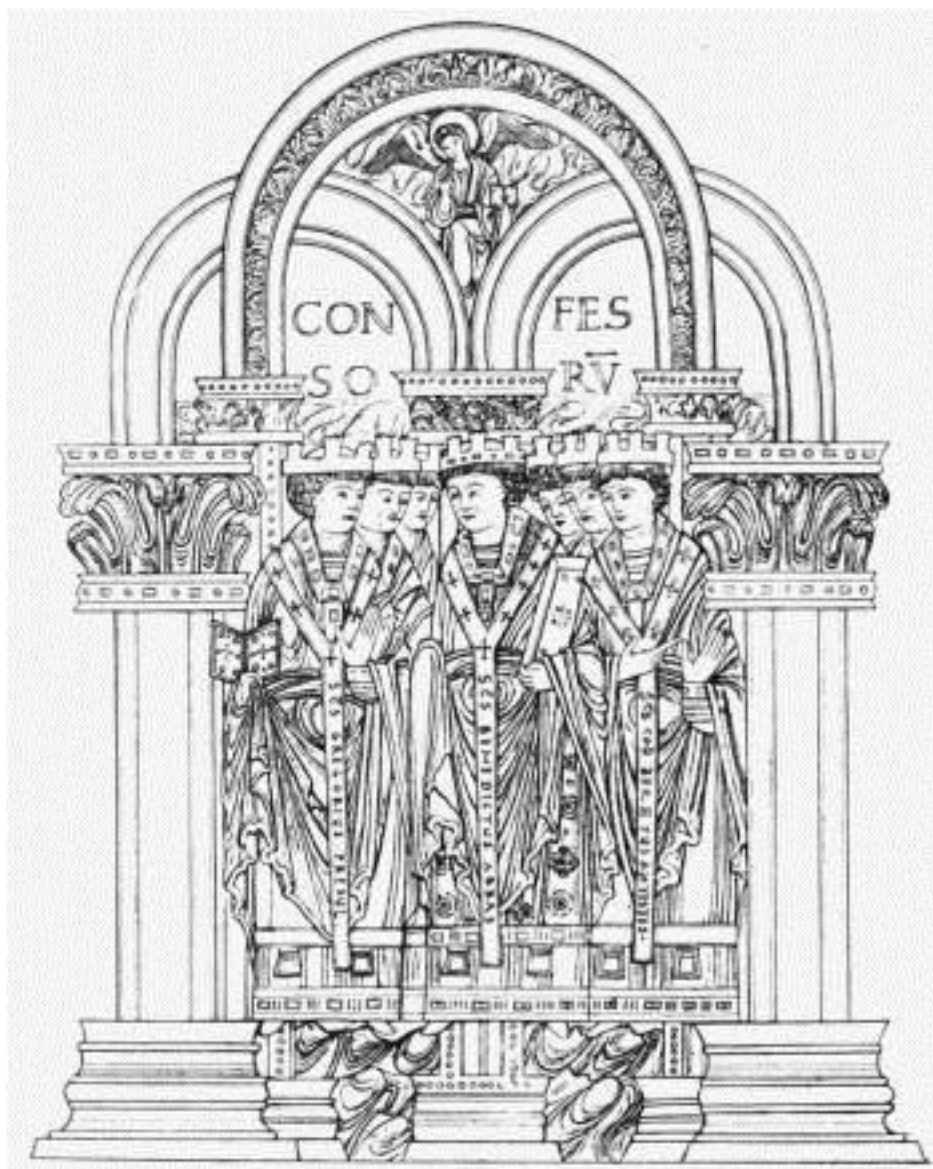
"В год Господа нашего, 604, Августин, архиепископ Британии, рукоположил двух епископов, а именно Меллита и Юстуса: Меллита для проповеди в провинции восточных саксов, которые

отделены от Кента рекой Темзой и граничат с Восточным морем. Их митрополия - город Лондон, расположенный на берегу вышеупомянутой реки и являющийся центром многих народов, прибегающих к нему по морю и суше. В то время этим народом правил Себерт, племянник Этельберта по сестре Рикуне, хотя он и подчинялся Этельберту, который, как было сказано выше, властвовал над всеми народами англичан вплоть до реки Хамбер. Но когда и эта провинция приняла слово истины по проповеди Меллита, король Этельберт построил церковь святого Павла в городе Лондоне, где он и его преемники должны были иметь свою епископскую кафедру. Что касается Юста, то Августин посвятил его в епископы в Кенте, в городе, который англичане называли Рофескестир, от того, что в нем раньше был главный человек, по имени Роф. Он находился почти в двадцати четырех милях от города Кентербери на запад, и в нем была церковь, посвященная святому апостолу Андрею. Король Этельберт, построивший ее, одарил епископов обеих этих церквей, а также Кентерберийской, добавив земли и владения для использования теми, кто был с епископами".

А в "Англосаксонской хронике" есть следующая краткая запись: "604 г. н.э. В этом году восточные саксы приняли веру и крещение под руководством короля Себерта и епископа Меллита".

Итак, в это время король Кента был владыкой эссекских людей, у которых тоже был свой король. Их "митрополией" был Лондон, где король Этельберт построил их первую церковь - Собор Святого Павла. Кроме того, Лондон был "торговым центром многих народов". Это, несомненно, было правдой в восьмом веке, когда писал Беда. Насколько это было верно в начале седьмого? Определенный прогресс был достигнут, это несомненно. Для епископа Лондон был митрополией, городом-матерью. Все, что касалось официальной и центральной жизни епархии, находилось, таким образом, в Лондоне.

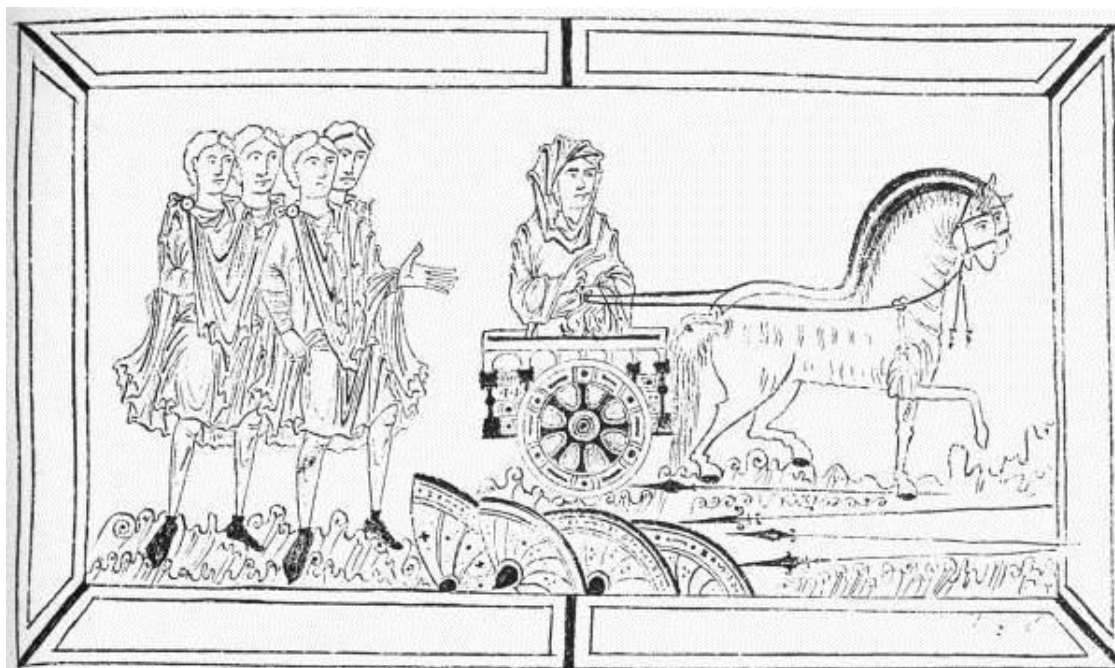
Было бы интересно, если бы это было возможно, проследить постепенное изменение в нравах и обычаях саксов, которое позволило им жить в городах. О том, что это происходило очень постепенно, можно судить по небольшому количеству городов в саксонской Англии, по большому числу римско-британских городов, оставленных "пустырями", и по тому факту, что только во времена Альфреда они начали строить или восстанавливать стены своих городов. Однако именно саксонское население заняло Лондон, как только наступили дни запустения. Об этом свидетельствуют названия улиц, которые, за одним сомнительным исключением, все саксонские - почему название самой реки так и не стало саксонским, объяснить невозможно. Сначала пришли купцы с моряками и кораблями. Они, как и в старину, обосновались вдоль реки, рядом с портами, которые впоследствии стали называть Биллингсгейт и Даугейт или Уолбрук. Эти порты с их причалами легко ремонтировались с помощью свай и досок. Корабли и торговцы приходили с наступлением весны, а летом часовщики с караванами вьючных мулов и лошадей переезжали со своими товарами с одной поляны на другую. Потом стало удобно, чтобы некоторые оставались в порту на весь год. Улицы в пределах речной стены начали перестраиваться, выросли дома, и деревенские жители, потеряв страх перед магией, стали приезжать и селиться среди развалин Августы и рядом со своими новыми друзьями - иностранными купцами.

ГРИГОРИЙ ВЕЛИКИЙ, СВ. БЕНЕДИКТ И СВ. КУТБЕРТ
Из "Бенедикционария" святого Ательвольда (X в.).

На месте Цитадели все еще находилась широкая и открытая площадка; ее стен не было - мы видели, что они были использованы для строительства городской стены; ее частично занимали здания, находившиеся тогда в руинах; все ее четверо ворот были открыты - через них проходила дорога для колесного транспорта к Лондонскому камню и далее к Лондонскому мосту. К северу от этих улиц, *то есть* к северу от Кэннон-стрит, лежала большая территория, огороженная стеной, на которой были разбросаны остатки римских вилл, обломки улиц и домов. Эта большая территория и была древней Августой. Большая часть ее представляла собой возделываемую землю, заросшую деревьями и кустарником, и не требовала ничего другого, кроме как убрать фундаменты и расчистить подлесок. Там, где есть пригодная для обработки земля, найдутся и владельцы. Вскоре каждый акр в пределах стены имел своего владельца. Из частной собственности, приобретенной таким образом в результате заселения, выросло большинство городских кварталов; это были поместья, принадлежавшие определенным семьям. На эту тему я уже говорил в другом месте. (Саксонское заселение Лондона, согласно этой точке зрения, последовало за возвращением иностранных купцов. Они отремонтировали набережные и восстановили порты; вполне вероятно, что они отремонтировали деревянный мост. Они заняли ту часть

Темз-стрит, которая лежит вокруг устья Уолбрука и Биллингсгейта. Деревенские жители, видя, что, несмотря на магию стен, вреда не последовало, стали селиться в пустырях на севере внутри старых стен. Там они разбили поместья, развели фермы и сады, и постепенно заполнили всю территорию, а также, также постепенно, познали смысл торговли. Заполняя территорию, огороженную стенами, они вбирали в себя смешанное население - иностранцев, ремесленников и "обслугу" порта. Эта точка зрения о постепенном заселении, сначала севера, а затем юга, частично подтверждается обширными пустырями - Room-lands и землей в саксонском городе. Так, Уэст-Чип, ныне узкая улица, тогда была широкой пустошью; в Ист-Чип, на месте старой римской цитадели, находилась еще одна комната-земля; также были комнаты-земли возле Биллингсгейта и Даугейта. То, что в Ньюгейте тоже была Комнатная земля, объясняется тем, что здесь были сплошные развалины, и никто не хотел селиться, строить дом и возделывать землю в таком грязном и шумном месте.

ДАМА НА КОЛЕСНИЦЕ
Prudentius MS., 24199.

И если Беда прав, говоря, что Лондон в 604 году был "торговым центром всех народов", то это саксонское поселение должно было начаться за пятьдесят лет до этого - мы вряд ли можем предположить, что для восстановления лондонской торговли требуется менее пятидесяти лет; но молчание Англосаксонской хроники относительно восстановления Лондона и неясность заявления Беда, сделанного двести лет спустя, не позволяют нам считать утверждение, что Лондон был "торговым центром всех народов", принятым буквально.

Что касается людей, которые заселили Лондон, то ими могли быть не кто иные, как восточные саксы, жители Эссекса. Если мы посмотрим на карту, то станет ясно, что положение города располагало их к этому, и что он был открыт для них весьма примечательным образом. Река, в особенности их собственная река, так как они были поселены вдоль побережья, где она поднималась над болотами, легко доставляла их к этому месту. Непроходимый лес покрывал весь север, но оставлял путь по высокой болотистой местности, между лесом и болотом, от поселений на берегу до стен Лондона. Для жителей Мерсии, Англии, Кента или Уэссекса такого пути не было; для них существовала только река.

К аргументам, вытекающим из характера местности, следует добавить тот очень важный факт, что, когда мы впервые слышим о восстановлении Лондона, город находится под властью короля Эссекса. Правда, владыкой Эссекса был король Кента. Но если бы Лондон был заселен людьми из Кента, как бы король Эссекса, который никогда не был так силен, как другие короли, получил свое право на первенство?

Однако я должен сослаться на доклад, прочитанный мистером Т. В. Шором перед Археологическим обществом Лондона и Мидлсекса в марте 1900 года, в котором он утверждает, что Лондон был заселен из Кента. Его аргументы, вкратце, таковы:.

1. Естественным путем выхода или расширения Кента было бы поднятие вверх по Темзе. То, что кентцы действительно эмигрировали и селились за пределами своего болота, доказывают законы короля Вихтрета (685 г. н.э.), в которых говорится, что кентцы несут свои законы и обычаи "за пределы марша".

2. Названия, связанные с Кентом, распространены в окрестностях Лондона: Kennington, Kensington, Kenton, Kentish Town, Kenley, Kent's Town.

3. Кентишский обычай *gavelkind*, по которому поместье делилось между всеми сыновьями поровну, а младший сын получал усадьбу, преобладал, а кое-где и долго сохранялся во многих деревнях и поместьях вокруг Лондона, а именно. Кентиш Таун, Степни, Майл-Энд, Хакни, Канонбери, Ньюингтон-Барроу (Хайбери), Хорнси, Ислингтон, Стрейтем, Кройдон, Пекхэм-Рай, Кенсингтон, Уолворт, Воксхолл, Уондсворт, Баттерси, Ламбет, Барнс, Шин (Ричмонд), Питершем, Эдмонтон, Фулхэм, Тоттенхэм, Илинг, Актон и Ислеворт.

СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ

Claud MS., B. iv.

Этот список (авторитетом для которого является Томас Робинсон в книге "Гавелкинд") длинный и неважный. Он становится более важным, когда Гланвилл цитирует слова о том, что партикулярное наследование признавалось судами только тогда, когда можно было доказать, что оно всегда использовалось. Если в двенадцатом веке использование gavelkind можно было доказать как обычай, не имеющий аналогов в человеческой памяти, то древность его использования в поместьях, безусловно, доказана.

Лондон, таким образом, был окружен поместьями, находившимися под властью gavelkind. Еще дальше архиепископ Кентерберийский владел поместьями в Харроу и Хейсе. В правление короля Иоанна он преобразовал пожалования gavelkind в рыцарские.

4. Мистер Шор также обращает внимание на два утверждения в Хартии Вильгельма: что все бюргеры являются законопослушными и что, таким образом, каждый ребенок должен быть наследником своего отца (а не *своего или ее*).

Эти слова, по его мнению, доказывают, что в Лондоне не было бондов, как и в Кенте, и что в Лондоне в то время действовал gavelkind, особый кентский обычай.

Эта точка зрения предлагается вниманию читателей. Против него мы должны выставить тот несомненный факт, о котором говорилось выше, что король Эссекса был лордом Лондона, хотя его владыкой был король Кента. Если бы Лондон был заселен кентцами, как бы король Эссекс смог там закрепиться? Не разумнее ли предположить, что город сначала заселили люди Эссекса, что король Кента стал владыкой в результате битвы и победы, что кентские люди естественным образом стекались сюда и приобретали земли, а также приносили с собой свои обычаи? Таким образом, мы можем объяснить факты, связанные с именами и кентскими обычаями. Что касается пунктов Хартии, то я не вижу их важности. Если бы в Лондоне были рабы, они не считались бы бургессами и не были бы названы, поскольку рабы не имели никаких прав; и составители Хартии, естественно, использовали бы слово "его", а не "его или ее".

Что касается обычая gavelkind, то он изложен в Кустумале XIII века (см. Elton, Origins of English History) следующим образом.

"Если какой-либо арендатор в gavelkind умрет, унаследовав gavelkind земли и поместья, пусть все его сыновья разделят это наследство поровну. А если нет наследника мужского пола, пусть раздел будет произведен между женщинами так же, как между братьями. И пусть мессуаж (или усадьба) также будет разделен между ними, но очаг должен принадлежать младшему сыну или дочери (остальные получают денежный эквивалент), и так до 40 футов вокруг очага, если размер наследства позволит это. И тогда пусть старший имеет право первого выбора доли, а остальные - по порядку".

""Подобным образом и другие дома, которые найдутся в такой усадьбе, пусть будут поровну разделены между наследниками, нога за ногу, если потребуется, кроме покрытия очага, которое остается за младшим, как было сказано ранее; тем не менее, пусть младший разумно возместит своим сонаследникам их долю по присуждению добрых людей"" (с. 189-190).

ГЛАВА II

РАННЯЯ ИСТОРИЯ

Вернемся к установлению христианства в Лондоне. Как мы уже видели, в 604 году крестились восточные саксы, король которых, Себерт, был племянником Этельберта, короля Кента, который был его повелителем. Именно Этельберт, а не Себерт, построил собор Святого Павла для Меллита, первого епископа Лондона. Христианство, однако, не прививается в сознание человека только через крещение. Меллит смог покинуть свою епархию через несколько лет после ее создания, чтобы посетить синод в Риме и посоветоваться с Папой о делах Церкви. Это выглядит так, как будто его младенческая церковь уже находилась в здоровом состоянии стабильности. Пока Этельберт был жив, по крайней мере, сохранялась внешняя видимость соответствия; но когда он умер в 616 году, его сын Эадбальд "отказался принять веру Христову", как пишет Беда. Значит ли это, что он еще не был крещен? В таком случае "обращение" людей может означать лишь обращение некоторых из них. Возможно, однако, что эти слова означают, что он рецидивировал. В следующем предложении нам говорят, что его примеру последовали многие, кто "при его отце, либо за благосклонность, либо из-за страха перед королем, подчинились законам веры и целомудрия". Этот король, Эадбальд, взял в жены вдову своего отца - преступление, за которое, как рассказывает историк, "его мучили частые приступы безумия, и он был одержим злым духом".

АЭЛЬФВАЙН

Из метрического парафраза Седмона
(X в.).

Однако его пример послужил сигналом к восстанию. Король Себерт умер, и ему наследовали три его сына, "все еще язычники". Поэтому обращение восточных саксов, по крайней мере, не было полным. Эти князья "сразу же начали исповедовать идолопоклонство, от которого во время правления их отца они вроде бы немного отказались"; они также предоставили народу свободу служить идолам. Таким образом, обращение произошло по приказу царя. Тогда народ, не медля, вернулся к своим древним богам и старым обычаям.

Некоторые, однако, остались верными, и церковные службы по-прежнему совершались в соборе Святого Павла со скорбью в сердце.

Теперь мы можем заглянуть в сознание восточных саксов, поскольку три принца, хотя и не были больше христианами, хотели извлечь из новой религии все, что могли, для своей выгоды. Они заметили, что самой важной частью христианского ритуала было празднование Евхаристии, во время которой причащающиеся получали по кусочку белого хлеба. Очевидно, что это была магия: белый хлеб был талисманом: он защищал тех, кто его получал, от всевозможных опасностей. Поэтому они призвали Меллита дать им это очарование, но без исповедания христианской веры. Говоря словами Беды, они сказали: "Почему бы тебе не дать нам и тот белый хлеб, который ты давал нашему отцу Сабе (так они его называли) и который ты до сих пор продолжаешь давать людям в церкви?" На что он ответил: "Если вы омоеетесь в той умывальнице спасения, в которой омывался ваш отец, то и вы можете причаститься святого хлеба, который он вкушал; но если вы презрите умывальницу жизни, то не сможете принять хлеба жизни". Они ответили: "Мы не войдем в эту умывальницу, потому что не знаем, что нуждаемся в ней, и все же будем есть этот хлеб". И когда он часто и убедительно объяснял им, что этого делать нельзя, и никто не может быть допущен к священному обряду без святого очищения, они, наконец, в гневе сказали: "Если вы не подчинитесь нам в таком малом деле, как это, то не останетесь в нашей провинции"; и, соответственно, они обязали его и его последователей покинуть их царство.

КОРОНАЦИЯ КОРОЛЯ

Royal MS. 2, B. vii.

Меллит, вынужденный оставить свою работу, удалился в Кентерберии, где встретил Юста, епископа Рочестера, также покинувшего свою епархию, и Лаврентия, архиепископа Кентерберийского, который также подумывал о бегстве.

Оба решили перебраться во Францию, чтобы там переждать это событие.

АЛЬДХЕЛЬМ ВРУЧАЕТ "DE VIRGINITATE" ХИЛЬДЕЛИДЕ, НАСТОЯТЕЛЬНИЦЕ БАРКИНГА, И ЕЕ МОНАХИНЯМ

Из книги Дина Спенса "Церковь Англии" (Cassell).

Три принца восточных саксов, как нам рассказывают, недолго пережили свое отступничество. Выйдя на битву с западными саксами, они все трое были убиты, а их войско рассечено на части. Тем не менее жители Лондона и Эссекса отказались признать это исправление и остались в своем язычестве.

История обращения Эадбальда и восстановления христианства в королевстве Кент подозрительна. Она такова: однажды Лаврентий, архиепископ, предстал перед королем и, сняв рубашку, показал свои плечи, красные и кровоточащие, словно от тяжелого бичевания. Он сказал королю, что получил это "апостольское" бичевание от самого святого Петра в наказание за то, что думал оставить свою паству. "Зачем, - спросил апостол, - ты оставляешь стадо, которое я поручил тебе? Каким пастырям ты поручишь овец Христовых, которые находятся среди волков? Неужели ты забыл мой пример, который ради тех малых, которых Христос рекомендовал мне в знак Своего расположения, претерпел от рук неверных и врагов Христовых узы, разделы, заточение, страдания и, наконец, крестную смерть, чтобы, наконец, быть увенчанным с Ним?"

Король Эадбальд воспринял это чудо как предупреждение: он отрекся от поклонения идолам, отказался от незаконного брака и принял веру Христову. Лаврентий, обрадованный таким счастливым поворотом событий, послал за Меллитом и Юстом, чтобы они вернулись. Последний был восстановлен в своей Рочестерской митрополии; первый, однако, обнаружил, что его лондонцы упорствуют в своем рецидиве. К сожалению, кающийся Эадбальд не имел той власти, которой пользовался его отец. Потребовалось почти полвека, чтобы христианство прочно утвердилось в Лондоне.

Примерно в 635 году, через тридцать лет после поражения от уэссекских мужчин, восточные саксы вернулись к вере. В первую очередь их обращение произошло благодаря убеждениям и аргументам Осви, короля Нортумбрии, и его "друга", как называет его Беда, - его подданного короля, Сигеберта из Восточных саксов. Когда эти доводы возобладали, Сигеберт, приняв крещение, попросил священников для проповеди своему народу. Кедда, впоследствии епископ Лондонский, взялся за это дело с таким успехом, что весь народ принял христианство. Однако они снова отступили, возглавляемые Сигхером, одним из двух королей восточных саксов. Причиной их отступления стал мор, который был истолкован как гнев их прежних богов. Это произошло в 665 году. Оба короля восточных саксов были уже не "друзьями" Нортумбрии, а Мерсии, и король мерсийцев послал Ярумнана, епископа Личфилда, чтобы тот вернул народ обратно. Епископу помогала Осит, королева отступника Сигера, впоследствии известная как Святой Осит. Добиться возвращения было так же трудно, как и отступления: Эссекс снова стал христианином и на этот раз остался им. Миссионерский епископ Эркенвальд, Великий епископ, который остался в памяти Лондона до самой Реформации, был главной причиной полного обращения народа. Он не довольствовался крещением королей и танов: он сам ходил среди грубых и невежественных людей; он проповедовал угольщикам в лесу и деревенщикам на поляне; он основал религиозные дома среди деревенского населения; он стал при жизни и после смерти защитником народа. Он сделал так, что к старой вере больше нельзя было относиться с сожалением. Ко времени Эркенвальда относятся не только святая Осифа (ее имя сохранилось в Сайз-Лейн) и святая Этельбурга, чья церковь до сих пор стоит рядом с Бишопсгейтом, но и святой Ботольф, которому было посвящено пять церквей.

Святая Осиф была матерью Оффы, память о котором сохранилась у Беды. Он сменил своего отца Сигера на посту одного из королей Эссекса, который в то время подчинялся Мерсии. Он сопровождал Коинреда, короля мерсийцев, когда тот отправился в Рим и отказался от всего, чтобы стать монахом.

Беда:...

"Вместе с ним отправился сын Сигера, короля вышеупомянутых восточных саксов, которого звали Оффа, юноша прекраснейшего возраста и красоты, которого весь

его народ искренне желал видеть своим королем. Он с такой же преданностью оставил свою жену, земли, родню и страну ради Христа и Евангелия, чтобы получить сторицей в этой жизни и в мире грядущем жизнь вечную. Он также, когда они пришли к святым местам в Риме, принял постриг и стал вести монашеский образ жизни, достигнув долгожданного лицезрения блаженных апостолов на небесах". (Giles's Trans. vol. iii. p. 237.)

КОРОЛЬ ЭТЕЛЬБАЛЬД

Харл. MS., Roll Y. 6.

Память о нем сохранялась в Лондоне долгое время после его смерти - даже, по сути, до недавних времен - благодаря этому замечательному примеру благочестия сначала, а затем благодаря традиции, приписывающей местоположение церкви Святого Албана на Вуд-стрит в Сити часовне дворца короля Оффы. Эта традиция серьезно рассматривается Мейтлендом, который принимает решение против нее. Этого Оффу не следует путать с гораздо более великим Оффой, королем мерсийцев.

Документы, касающиеся Лондона, в эти века немногочисленны. Самое раннее уведомление о Лондоне из тех, что были собраны и опубликованы в "Кодексе дипломатии Аеви Саксони" Дж. М. Кембла и в "Дипломатериях" Бенджамина Торпа, датируется 695 годом, если оно подлинное; но считается, что это ранняя подделка. Документ утверждает, что это устав епископа Эркенвальда об аббатстве Баркинг. Описывая земли, переданные аббатству, он говорит: "Sexta juxta Lundoniam unius manentis data a Uulfhario rege. Septima supra vicum Lundoniae data Quoenguuda uxore." Какая улица здесь имеется в виду? Существует документ, в котором Этельбальд, король мерсийцев, передает Альдвульф, епископу Рочестерскому,

право отправлять один корабль в порт Лондона без уплаты налогов и пошлин. Она датируется 734 годом.

В 734 году король Этельбалд дарует епископу Рочестера право пропускать один корабль без уплаты пошлины в Лондонский порт. В другой грамоте тот же король говорит о "гите Лундона". Король Канульф Мерсийский говорит о Витенагемоте в Лондоне - "loco praeclaro orpidoque regale". В 833 году Эгберт провел в Лондоне еще один совет, предположительно после поражения при Чармуте.

Тот же король (743 или 745 год) разрешает почтенному епископу Милдреду Вустерскому все права и пошлины двух кораблей, которые могут быть потребованы от них в гите лондонского города.

В 857 году король Мерсии Бургред передает епископу Алхуну "aliquam parvam portionem libertatis, cum consensu consiliatorum meorum, gaziferi agelluli in vico Lundonioe: hoc est, ubi nominatur. Ceol-munding-chaga, qui est non longe from Westgetum positus." Где находился Сеол-мундинг-чага? Где находился Вестгетум? И является ли английский предлог ошибкой Кембла?

В 889 году "Alfred rex Anglorum et Saxonum et Aethelred sub regulus et patricius Merciorum ... Uuaerfrido, eximio Huicciorum antistiti, ad aecclesiam Weo-gerensem in Lundonia unam curtem quae verbotenus ad antiquum petrosum aedificium, id est, aet Hwaetmundes stane a civibus appellatur, a strata publica usque in murum ejusdem civitatis, cujus longitudo est perticarum xxvi et latitudo in superiori parte perticarum xiii et pedum vii et in inferiori loco perticarum xi et vi pedum, ad plenam libertatem infra totius rei sempiternaliter possidendum, in aecclesiasticum jus conscribimus et concedentes donamus."

Теперь мы подошли к приходу датчан. Представляется справедливым возмездием, чтобы саксы в свою очередь испытали те же страдания от грабежей и убийств, которые они сами причинили бриттам. Неизвестно, когда северяне впервые вкусили яростную радость пиратства и мародерства на английском побережье; вероятно, они начали это делать сразу же, как только фермы и поселения англичан стали достойны грабежа. Следует помнить, что пока между "королевствами" не было ни единства, ни совместных действий, и между ними не прекращались войны. Прочтите, например, следующий отрывок из англосаксонской хроники. В нем рассказывается о войнах только одного года - 823-го. Подумайте, в каком состоянии была страна, когда все эти сражения и вся эта резня уместились всего в один год: - "В этот год произошла битва между людьми.

"В этом году произошла битва между валлийцами и людьми Девона и Камелфорда; и в том же году Эгберт, король западных саксов, и Бернульф, король мерсийцев, сражались в Уилтоне, и Эгберт одержал победу, и была устроена большая резня. Тогда он послал из войска своего сына Этельвульфа, и Илстона, епископа, и Вульфхерда, эльдормена, в Кент с большим войском, и они погнали Балдред-короля на север за Темзу. И покорились ему люди Кента, и люди Суррея, и южные саксы, и восточные саксы, ибо прежде они были несправедливо отторгнуты от его рода. И в тот же год король восточных англосаксов и народ искали союза и защиты у короля Эгберта, опасаясь мерсийцев; и в тот же год восточные англосаксы убили Барнульфа, короля Мерсии".

Были предприняты попытки совместных действий. Например, в 833 году, как мы уже видели, король Эгберт созвал Витенагемот в Лондоне. На нем присутствовали король Мерсии и епископы. Однако обсуждения в этом парламенте ничего не дали для предотвращения последовавших бедствий.

КОРОЛЬ В ПОСТЕЛИ

Харл. MS., 4751.

Доля, выпавшая на долю Лондона от всех грабежей и резни, оказалась меньше, чем можно было ожидать. Так, в 832 году датчане опустошили Шеппи, в 833 году - Дорсетшир. В 835 году они потерпели поражение в Корнуолле; в 837 году - в Саутгемптоне и Портленде; в 838 году - в Линдси, Восточной Англии и Кенте. В 839 году "была большая резня в Лондоне, в Кентербери и в Рочестере". В 840 году датчане высадились в Чармуте; в 845 году - в устье Паррета в Сомерсетшире; в 851 году - в Плимуте; в том же году саксы получили несколько кораблей и встретили врага на море, захватив девять кораблей и обратив в бегство остальные, но, что немаловажно, датчане в тот год зимовали на Танете. "И в тот же год к устью Темзы подошло 350 кораблей, и команды высадились, взяли штурмом Кентербери и Лондон, обратили в бегство Бертульфа, короля мерсийцев, с его армией, а затем отправились на юг через Темзу в Суррей". Король Этельвульф с уэссекскими воинами встретил их в Оклее и разбил с большой резней. В том же году саксы встретили их на море на кораблях и отбили. Похоже, что эти поражения изгнали их из страны, так как в 854 году мы читаем о сражениях в Танет, что похоже на попытку снова обосноваться там; а в 855 году им удалось перезимовать на этом острове. В 860 году они взяли штурмом и сожгли Винчестер, а затем были изгнаны людьми из Хэмпшира. В 865 году они расположились в Танет и заключили мир с людьми Кента за определенную цену; но те нарушили свое слово. В 866 году датчане расположились на зимнюю стоянку у восточных англов и заключили с ними мир. В 867 году произошла битва в Нортумбрии, короли были убиты, а народ заключил мир с датчанами; в 868 году мерсийцы заключили с ними мир. В 870 году "армия" вошла в Восточную Англию из Йорка и там победила короля Эдмунда (святого Эдмунда) и разрушила все церкви и большой и богатый монастырь Медехемстеде (Питерборо) - "в то время", говорит Хроника, "земля была сильно расстроена частыми сражениями... по всей Англии шла война и печаль". Как в 870, так и в 871 году все лето шли бои в Рединге и его окрестностях. В 872 году "армия отправилась из Рединга в Лондон и там устроилась на зимовку"; в 874 году она зимовала в Рептоне; в 875 году часть армии двинулась на север, а часть - на юг, заночевав в Кембридже. В том же году Альфред, теперь уже король, обзавелся

флотом и успешно сразился с семью датскими кораблями. В 800 876 году датчане были в Уарехеме; в 877 году их флот был отброшен, а армия бежала в "крепость" Эксетер. В 878 году шли бои в западной части страны; в 879 году датчане были в Фулхэме на Темзе. Затем часть датчан пересекла Ла-Манш и посетила Францию, оставив часть армии в Англии. В 882 году король Альфред сражался с ними на море. Хроника 883 года краткая, но чрезвычайно важная: "В том же году Сигельм и Ательстан повезли в Рим оружие, которое король поклялся отправить туда, а также в Индию, к святому Фоме и святому Варфоломею, когда они сели против армии в Лондоне; и там, слава Богу, они в значительной степени получили предмет своих молитв".

ОПАСНОСТИ, ПОДСТЕРЕГАЮЩИЕ НА ГЛУБИНЕ
Harl. MS., 4751.

Если проследить эту краткую хронику на карте, то станет ясно, что, хотя бои продолжались из года в год в разных частях страны, Лондон находился в руках датчан не более двенадцати лет. Территория поля боя, в которое датчане превратили Англию, расширялась год от года, но всегда включала Лондон.

ГЛАВА III

ДАТЧАНЕ В ЛОНДОНЕ

Таким образом, датчане удерживали Лондон в течение двенадцати лет. В последующие годы, когда страной правили датские короли, большое количество датчан поселилось в Лондоне, и, с присущей этой нации готовностью приспосабливаться к новым условиям и новым нравам (сравните быстрое обращение норманнов к французскому языку и нравам), они быстро влились в общее население. Очень скоро мы больше не слышим о датчанах и англичанах как об отдельных народах ни в Лондоне, ни в стране. Лондон, действительно, всегда принимал всех, поглощал всех и превращал всех в лондонцев. Во время первой датской оккупации, о которой мы ничего не знаем, произошло одно из двух: либо оккупанты поселились среди горожан, оставив их заниматься своими ремеслами и промыслами по-своему; либо они убивали и грабили, изгоняли всех, кто мог летать, а потом спокойно сели и остались, как оккупационная армия в сильном месте. Все указывает на последнее, потому что свирепость датчан в это время была почти невероятной. Лондон на данный момент был разрушен. Его не покинули представители низшего класса, по той простой причине, что армии нужны люди для обеспечения ее повседневных нужд. Продовольствие - зерно и скот - привозили из Западной и Восточной Англии; река в изобилии поставляла рыбу и дичь. Но рыбаки и рыболовы были нужны, поэтому этих полезных людей не убивали, разве что в первом порыве и волнении победы. Точно так же оружейники, кузнецы, изготовители оружия, пекари, пивовары, мясники, погонщики, повара, ремесленники и всевозможные слуги нужны даже самым грубым солдатам. В пятом веке, когда торговля Лондона опустела, людям пришлось уехать, потому что продовольственные запасы тоже были отрезаны. Поскольку датская армия могла зимовать в Лондоне двенадцать лет, можно с уверенностью сказать, что у нее были запасы. Поэтому после первых резни и бегства низшие классы остались на службе у своих новых лордов. Кроме того, к этому времени враг, решив остаться в стране, несомненно, понял, что худшая политика - убивать людей, которые должны были привозить им припасы, или крестьян, которые выращивали урожай и держали скот, чтобы они его пожарили.

Датчане занимали Лондон в течение двенадцати лет. В лучшем случае это было плохое время для тех, кто остался с ними. Каким бы грубым ни был лондонский ремесленник девятого века, он был мягким и нежным по сравнению со своим датским завоевателем и хозяином.

Если спросить, исчезла ли лондонская торговля в эти годы, то можно возразить, во-первых, что желание наживы всегда сильнее страха перед опасностью; во-вторых, что торговые корабли привыкли бороться за свой путь; в-третьих, что, когда сильный прилив или течение торговли неуклонно движется в одном направлении в течение многих лет, его нелегко остановить или отклонить; в-четвертых, когда первая резня закончится, датчане, возможно, увидят выгоду в поощрении купцов привозить вещи, хотя бы для собственного пользования; ведь они были готовы купить оружие и вино, если не больше, и было много вещей, которые они хотели и не могли сделать для себя. Что же касается внутренних районов, то там не могло быть никакой торговли, пока страна находилась в тревожном состоянии.

Заметка, сделанная сто пятьдесят лет спустя, показывает, что датчане, по крайней мере, потребляли импорт иностранных купцов. Когда они убили Альфага, архиепископа

Кентерберийского, они были пьяны от вина. Мы не можем предположить, что армия, солдаты которой считали крепкий напиток величайшей радостью жизни, не понимала преимуществ приобретения вина в изобилии с помощью купцов, привозивших его из Франции и Испании.

Я допускаю весомость этих доводов. Я допускаю, что в Лондонском порту все еще могла вестись какая-то торговля. Сейчас я приведу доводы в пользу предположения, что Лондон снова был разорен и опустошен.

Давайте посмотрим, что за люди были эти солдаты, которые на двенадцать лет стали хозяевами Лондона и после этого обеспечили Англию королями, а Сити - законопослушными бюргерами.

Мы можем узнать об их нравах со страниц историка Сакса Грамматика.

Начнем с того, что датчане были народом воинов, пока еще не христиан. А христианство, когда оно пришло, поначалу мало смягчило нравы. Оно представило народному воображению все того же Дьявола, но с более четко очерченным лицом и фигурой; оно локализовало Ад, который для христианина оставался таким же, как и для язычника, только с более точными деталями и не оставлял сомнений относительно обращения и страданий погибших. Единственной честью, воздаваемой человеку, была доблесть; единственное, что заслуживало внимания мужчины, - это поддержание его силы и увеличение его храбрости. Король должен был вести в бой; иногда он должен был участвовать в сражениях на пари; у него была своя дружина или двор лордов, которые обязаны были сражаться рядом с ним и умереть, если потребуется, вместе с ним или за него. Если он по счастливой случайности избегал сражений, убийств и внезапной смерти и вступал в преклонный возраст, он должен был отречься от престола, ибо король, который больше не мог сражаться, был абсурден.

У датчан были войска рабов: одни рожденные в рабстве, другие - пленники войны; ремесленники Лондона, несомненно, были рабами, потому что были пленниками - они пережили штурм Сити. Раб не имел никаких прав; его хозяин мог делать с ним все, что ему заблагорассудится; его пороли, пытали, презирали, поносили и жестоко с ним обращались; это было время, когда радость борьбы сменялась радостью мести, когда заставить благородного пленника есть хлеб рабства и пить воду унижения наполняло победителя дикой радостью. Что касается женщин, то они предназначались для обслуживания и удовлетворения похоти похитителей. Рыцарству датчан доставляло удовольствие бросать королевских дочерей в бордель простого солдата.

РАБЫ, ОЖИДАЮЩИЕ ДОМОЧАДЦЕВ
Тиб., Б. в.

Конечно, они обладали добродетелью храбрости, однако подозрительно, что у датчан, как и у всех диких народов, храбрость приходилось поддерживать постоянными увещеваниями, чарами и песнями. Неожиданные паники, бегства и позорные бегства случались как с непобедимыми датчанами, так и с саксами: казалось бы, это свидетельствует о том, что их хваленая храбрость нередко терпела поражение. Однако они удивительным образом не боялись боли; кажется, они вообще не обращали на нее внимания. Об одном мужчине рассказывают, что вместо того, чтобы жениться на принцессе, которую ему предлагали, он предпочел быть сожженным до смерти; а в поэме о другом рассказывается, что, когда он был ранен так тяжело, что обнажились внутренности, он отказался от помощи раба, потому что был рабом, и от помощи женщины, потому что ее происхождение не было благородным, и так он оставался до тех пор, пока не появился свободный и благородного происхождения, который обвязал его веревками и унес в дом. Честь и верность не столько восхищали, сколько требовали. Вероломство и мятеж карались безжалостно. В некоторых случаях несчастного преступника привязывали веревками, пропущенными под сухожилиями его пяток, к хвостам диких быков, а затем выслеживали до смерти с гончими. Были и другие наказания. Что касается женщин, то свободнорожденные были скромны и целомудренны: если их уличали в любовных связях, это влекло за собой такое варварское наказание, как отрезание носа.

ГУТЛАК, УНЕСЕННЫЙ ДЬЯВОЛАМИ

Харл. MS., Roll Y. 6.

Их оружием были мечи, дубины, топоры, луки, пращи и камни. Те, кто мог позволить себе купить их, носили почтовые плащи и шлемы; они несли знамена; дудели в рога; они сражались пешком; и битва решалась в одиночном бою, врукопашную, с большой резней и доблестью. Как и краснокожие индейцы, они умели доводить себя до исступления перед

боем. Иногда среди них были амазонки. Все они были вместе - и король, и вельможи, и солдаты. Когда они были дома, то собирались ночью в большом зале с пылающими кострами, факелами и занавесями, чтобы уберечься от сквозняков. Их пища была по большей части простой - говядина, баранина, свинина, огромное количество хлеба. Напитки - в основном эль, который подавали в рогах. После ужина они играли в игры. Мы должны помнить, какими долгими были зимние вечера, которые нужно было пережить. Игры были необходимы, и их было великое множество. Менестрель играл на арфе и пел воинственные песни о подвигах великих воинов. Они "летали" друг на друга, *то есть* пытались заставить друг друга замолчать с помощью оскорблений и поношений - игра, которая давала большие возможности для человека с воображением. Сохранившиеся образцы "летучей игры" показывают, что она могла быть, и, скорее всего, была, грубой и непристойной до последней степени. Они рассказывали истории о своих вождях и плели немыслимые небылицы об их храбрости, выносливости и щедрости. Они хвастались невозможными поступками, что, как мы видим, делали и рыцари XIV века в своей игре в *габе*; они приглашали жонглеров, кувыркателей, мимов, исполнителей любовных и питейных песен. Следует отметить, что, хотя они любили актерскую игру и пение, они относились к вызову актеров и менестрелей с большим презрением. Иногда они перетягивали канат, как в нашей старой игре во французский и английский. Иногда, напившись, они приступали к очень любимому развлечению - бросанию костей. Именно таким образом был убит святой Альфаг. Датчане послали за ним и стали бросать в него говяжьи кости, возможно, в игре, ожидая, что архиепископ ловко увернется от них. Но он не успел - одна ударила его по голове, и он упал замертво.

Что касается религии этих людей до и после обращения, то они верили безгранично. Они верили в великанов и карликов, в призраков и дьяволов, в судьбу, в целый сонм богов и богинь, в Страну Бессмертия, в Подземную страну, в магию и колдовство, в чары и фильтры, в испытания. Во все это, с изменениями, они продолжали верить еще долго после того, как были приняты в лоно христианской церкви. И они были полны историй, легенд и преданий - дикий, склонный к фантазиям народ, с ограниченным горизонтом знаний, за пределами которого все было чернотой, с ужасом перед неизвестным.

Это был народ, который каждый год приходил со своей армией, преследовал и грабил, убивал и разрушал, пока не счел более удобным зимовать в стране, что и сделал, заняв острова Танет. Такими были люди, овладевшие Лондоном; такими были люди, которые потом приплыли в Сити во времена короля Кнута и поселились среди остального разношерстного лондонского люда.

От первой датской оккупации не осталось и следа. Церкви, посвященные датским святым, Магнусу и Олафу, были возведены позже. Вероятно, в это время датчане не оставили после себя ни одной церкви.

В 883 году Альфред овладел городом - "после короткой осады", - пишут историки. Единственным подтверждением этой короткой осады является уже цитировавшийся абзац из Хроники А.С. "Они сели против армии Лондона; и там они в значительной степени получили предмет своих молитв". После битвы при Этандуне датчане отступили из Чиренчестера в Чиппенхем и там перезимовали. В том же году другая их группа собралась и перезимовала в Фулхэме на Темзе. Этот факт заставляет меня задаться вопросом, почему, когда Лондон был их владением, датчане должны были зимовать в Фулхэме, а не в самом Сити. Конечно, Лондон предлагал зимние помещения, превосходящие по качеству Фулхэм, эту маленькую деревушку на болоте. Мне кажется, этому нет другого объяснения, кроме одного: Сити снова опустел. То же самое, что случилось с Августой, могло произойти и с

саксонским Лондоном. Вся его торговля была уничтожена; река и канал находились в руках северян; город был взят с обычными резней и грабежом; жить в нем было уже невозможно; никаких припасов туда не доставляли, потому что не было средств ни купить их, ни заплатить за них. Поэтому, за исключением жалких остатков рыбаков и рабов, улицы были пустыни, а порт опустел. Мы можем нарисовать картину сожженных домов и церквей без крыш; разбитых дверей и узких переулков, заваленных бесполезным грабежом, который тащили из домов и оставляли на улицах, потому что его нельзя было унести; мертвых тел, оставленных непогребенными там, где они падали при обороне или в бегстве на улицах и в домах; городских ворот, открытых для любого, кто пожелает войти; городской стены, разрушенной, которую никогда не ремонтировали с тех пор, как бритты бежали до прихода саксов. Этот разрушенный и опустевший город Альфред восстановил. Как? С помощью осады? А что это за осада, если нет стен, которые можно было бы защищать, нет достаточного количества людей, чтобы укрепить стены, и нет достаточного количества осаждающих, чтобы атаковать их?

САКСОНСКИЕ МЕНЕСТРЕЛИ

Из книги Стратта "Спорт и развлечения". Из "Псалтыря" Люттрелла.

Разве хроника не отвечает на эти вопросы?

В 880 г. н.э. "Армия" - то есть датчане, - "которая расположилась в Фулхэме, отправилась за море в Гент и просидела там один год".

В 881 г. н.э. "Армия пошла дальше во Францию".

В 882 г. н.э. "Войско ушло далеко во Францию и просидело там один год".

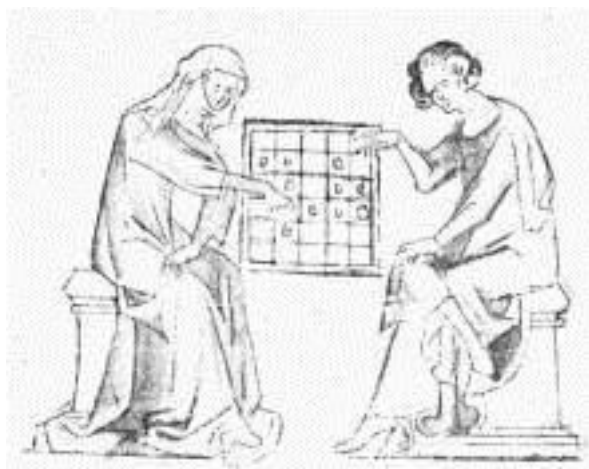
В том году Альфред сразился в морском бою с "четырьмя датскими кораблями" - всего четыре - захватил два, а от двух других получил капитуляцию. Но не с "четырьмя" кораблями Кнут и Свейн собирались напасть на Лондон.

В 883 г. н.э. "Армия пошла вверх по Шельде и просидела там один год".

Это был тот же год, когда Альфред "сел против армии Лондона".

Основная масса датчан лежала вверх по Шельде; датский флот был представлен четырьмя кораблями; что же это была за армия, перед которой сел Альфред?

Мое собственное прочтение этой истории заключается в том, что небольшие силы датчан в Лондоне или вблизи него отступили без боя, и что Альфред, не встретив никакого сопротивления, вошел в Сити и сразу же начал, понимая огромное преимущество обладания этим местом, обдумывать шаги, чтобы обеспечить это обладание. Кажется, у него был целый год, в течение которого он оставался в мире или сравнительном мире, чтобы обдумать положение. Тем временем предстояло еще повоевать, прежде чем эти меры будут приняты. Датчане, отступив от Лондона, разделились на две части: одна ушла в Эссекс, другая переправилась через реку и обрушилась на Рочестер. Здесь их встретил Альфред и обратил в бегство; они бежали через море в свою страну. Флот Альфреда разбил датский флот в устье Стоура, но и сам был разбит в свою очередь.

ИГРА В ШАШКИ

Рой. MS. 2, B. vii.

Следующий 886 год, согласно Хронике, снова был годом мира. Армия" зимовала во Франции под Парижем. Альфред получил "покорность всех англичан, кроме тех, кто находился в рабстве у датчан". Этот отрывок, если бы мы рассматривали историю страны, должен был бы заставить нас задуматься. В данном месте достаточно отметить, что Альфред воспользовался передышкой, чтобы отремонтировать Лондон. Он передал город под управление Этельреда, своего зятя. Таким образом, то ли в результате осады, то ли в результате сражения, то ли, как я скорее полагаю, в результате отступления врага, Альфред вернул себе Лондон и, как только позволило состояние его дел, отремонтировал его и перестроил, сделав вновь пригодным для жизни и безопасным для проживания купцов и охраны беглецов, женщин и сокровищ.

ГЛАВА IV

ВТОРАЯ САКСОНСКАЯ ОККУПАЦИЯ

Иногда говорят, что одним из самых первых действий короля Альфреда, когда он овладел Лондоном, было строительство крепости или башни в Сити. Основанием для такого

утверждения, по-видимому, является не что иное, как фрагмент Хроники, относящийся к 896 году. "В определенный день король поехал вдоль реки и заметил, где река может быть запружена, чтобы датчане не смогли подвести свои корабли. И тогда они поступили следующим образом. Они построили две крепости на двух берегах реки". Это кажется лишь слабым основанием для предположения Фримена о том, что Альфред построил цитадель для обороны Лондона. "Зародыш той башни, которая должна была стать сначала местом обитания королей, а затем местом мученической смерти их жертв". Я не вижу никаких причин для строительства какой-либо крепости в Сити, кроме той, что побудила Вильгельма возвести Белую башню, а именно: для того, чтобы удержать власть над могущественным Сити. И эта причина, конечно же, не повлияла на Альфреда. Вполне возможно, что Альфред действительно укрепил город, построив крепость, хотя такое строительство отнюдь не соответствовало саксонской практике. Вполне возможно также, что он построил такую башню на том месте, где позже возвышалась башня Вильгельма; но мне кажется почти немислимым, что Альфред, если он хотел построить башню, не должен был перестраивать и ремонтировать старую римскую цитадель, фундамент которой все еще виден. Признаюсь, я сомневаюсь насчет крепости. На самом деле, как я читал Хронику, Альфред построил два временных форта вблизи устья Темзы, чтобы не дать датским кораблям выйти. Он поймал их в ловушку.

Давайте проследим ход датских вторжений в той мере, в какой они касались Лондона. В 893 году одна армия датчан высадилась на восточных берегах Кента, а другая - в устье Темзы. В 894 году король Альфред сразился с ними и победил, получив обратно добычу. Некоторые датчане сели на корабли и поплыли на запад, где король преследовал их. Другие бежали в местечко Бамфлит близ острова Кэнви, где укрепились. И вот, впервые после Завоевания, мы видим, что Лондон снова могущественен и снова полон доблестных горожан. Лондонцы вышли в поход под командованием Этельреда, графа Мерсии, своего правителя, напали на датчан в их крепости, взяли ее, обратили врага в бегство и вернулись в Лондон со всем, что было в крепости, включая женщин и детей. В 895 году датчане привели свои корабли в Темзу и отбуксировали их вверх по Ли до города Уэйр, но в следующем году лондонцы сделали их корабли бесполезными, после чего датчане бросили их, а лондонцы взяли или уничтожили их. Мейтланд говорит, что "несколько лет назад" - он пишет в 1786 году - "при возведении Стэнстедского моста были найдены останки этих кораблей".

T. Kewley, Wantage.

T. Kewley, Wantage.

Т. Ривли, Уонтедж.

ДРАГОЦЕННЫЙ КАМЕНЬ АЛЬФРЕДА (РЕВЕРС) ДРАГОЦЕННЫЙ КАМЕНЬ АЛЬФРЕДА (АВЕРС)

Король Альфред смог оснастить и отправить эффективный флот. В 901 году, если принять общепринятую дату, которая теперь, однако, кажется более чем сомнительной, великий король Альфред скончался. За всю историю Лондона ни один король или капитан не сделал для города так много, как Альфред. Обстоятельства, случай, географическое положение, создали Лондон для римлян и восстановили его для саксов. Обстоятельства, а не мудрость королей, дали Лондону в последующие века его хартии и свободы. Особая слава Альфреда заключается в том, что он осознал важность Сити не только для торговли, но и как оплота национальной обороны. Он отремонтировал крепкие стены, которые в те времена, когда лестницы и мины еще не были частью военного снаряжения, делали город неприступным; он обеспечил безопасность купцам; он предложил место безопасности принцессам и великим дамам; сокровищницу, которую нельзя было взломать, и место сбора для беглецов. Он дал новорожденному городу сильного правителя и сильное правительство; он позволил, как было показано двести лет спустя, сохранить независимость народа, даже если вся страна, за исключением этой единственной крепости, будет захвачена. Лондон оставался под властью Этельреда, графа мерсийцев, до его смерти в 912 году, когда король Эдуард "завладел Лондоном". В 917 году произошла битва с датчанами в Мерсии, а в 918 году - в Херефорде и Глостере; с 919 года до своей смерти в 924 году король Эдуард был постоянно занят войной и укреплением городов. При короле Ательстане была проведена и выиграна великая битва при Бруннбурге, в которой были убиты пять королей и семь графов. Эта победа, по словам Мейтленда, была одержана "в основном благодаря храбрости лондонцев, которые были лучшими воинами в армии". Англосаксонская хроника ничего не говорит о лондонских войсках.

Rex. E. tenuit Blachewane. lbi. ii. hids. In Blachewane
7 ii. capue' tpe. Ecce habet habet. ii. boues de h. u. tpe. / et uerit.
7 recta s. m. p. habet in Waller. ii. capue' tpe. q. et al. ab omi
In eod. an Silua. i. leu. l. g. 7 t. m. l. e. 7 ibi q. et ara decupit.
Ad hoc an uel h. u. n. d. ad. acc. . x. viii. libi h. o. f. tenet
v. h. d. 7 dimid 7 xl. capue' tpe. p. x. viii. maneris.
Silua ibi. vi. leu. l. g. 7 iii. leu. l. e. 7 q. et in sup. d. i. c. a. s.
et uerit. d. i. m. b. i.

In eod. h. u. n. d. habet rex. E. humm. de. u. cap. tpe. 7 Waler
uno de. ii. cap. tpe. 7 Bombano de dimid hida
Tot an cu h. u. n. d. reddet regi do firma. x. x. lib. 7 ii. solid.
Hanc tpe. tota d. e. t. Rogerius p. i. c. a. u. e. n. s. i. s. Rogerio de Bull.
7 Albro Gressler. 7 ibi sunt t. o. e. h. o. e. l. qui h. m. c. x. cap. 7 dimid.
quos ipsi excesser. et q. et al. usq. ad. iii. annos. / id. n. app. u. e. t. m.

Rex. E. tenuit Salford. lbi. iii. hids. In Salford h. u. n. d.
7 xii. capue' tpe. Wast. 7 foresta. iii. leu. l. g. 7 t. m. l. e.
7 ibi plures h. u. n. d. 7 ara decupit. Ad Salford
Haddene tenet rex. E. p. an. l. i. hida. 7 alia h. d. p. an. q.
Ecce s. m. p. 7 recta s. m. p. Michael tenet in Mamecestro.
una capue' tpe. q. et al. ab omi et uerit. p. e. g. e. l. d.
Ad hoc an uel h. u. n. d. panet. x. i. bereuich. qual tenet
t. o. e. t. a. n. i. p. t. o. e. t. a. n. i. q. an. e. t. In quibz ep. a. l. x. hids 7 dimid.
7 x. capue' tpe. 7 dimid.

Silua ibi. x. leu. l. g. 7 dim. l. g. 7 v. leu. l. g. 7 una q. et ara l. e. d.
Vn. cap. h. u. n. d. t. e. n. e. t. ii. h. d. in Bexedha. habet sua et uerit
t. u. d. i. n. e. t. q. et al. p. o. e. r. vi. h. a. l. furu. h. e. n. f. a. r. e. forestel.
p. a. c. e. s. i. n. f. r. a. c. t. a. o. m. i. n. u. f. r. a. c. t. u. a. p. p. o. s. i. t. o. s. t. a. b. i. l. i. t. a. i. p. u. g. n. a.
p. o. s. t. s. a. c. r. a. m. e. n. t. u. f. a. c. t. u. f. e. m. a. n. e. n. t. e. t. o. m. d. a. t. x. l. solid.
Aliquos haru. t. p. a. r. u. t. r. a. n. s. q. et al. ab omi et uerit. p. e. g. e. l. d.
7 aliquos ageldo s. u. s. q. et al.

Tot an Salford cu h. u. n. d. reddet. x. x. viii. lib. 7 iii. sol.
Modo sunt in an m. d. m. o. ii. cap. 7 viii. serui. 7 ii. uill. cu. i. cap.
Valeo. c. solid. h. o. o. d. n. u. m.

De hac tpe. hui. an ten. miles dono Rogerii p. i. c. a. u. i.
Rigellus. iii. hids. 7 dimid capue' tpe. Warin. ii. cap. tpe.
7 alio Warin. i. capue' 7 dimid. Goufrid. i. capue' tpe. G. u. m. e. l.
. ii. cap. tpe. In h. l. s. u. n. t. iii. t. a. m. i. 7 x. uill. 7 p. t. i. r. 7 x.
serui. In t. o. m. l. h. m. c. x. x. ii. cap. Valeo. vii. lib.

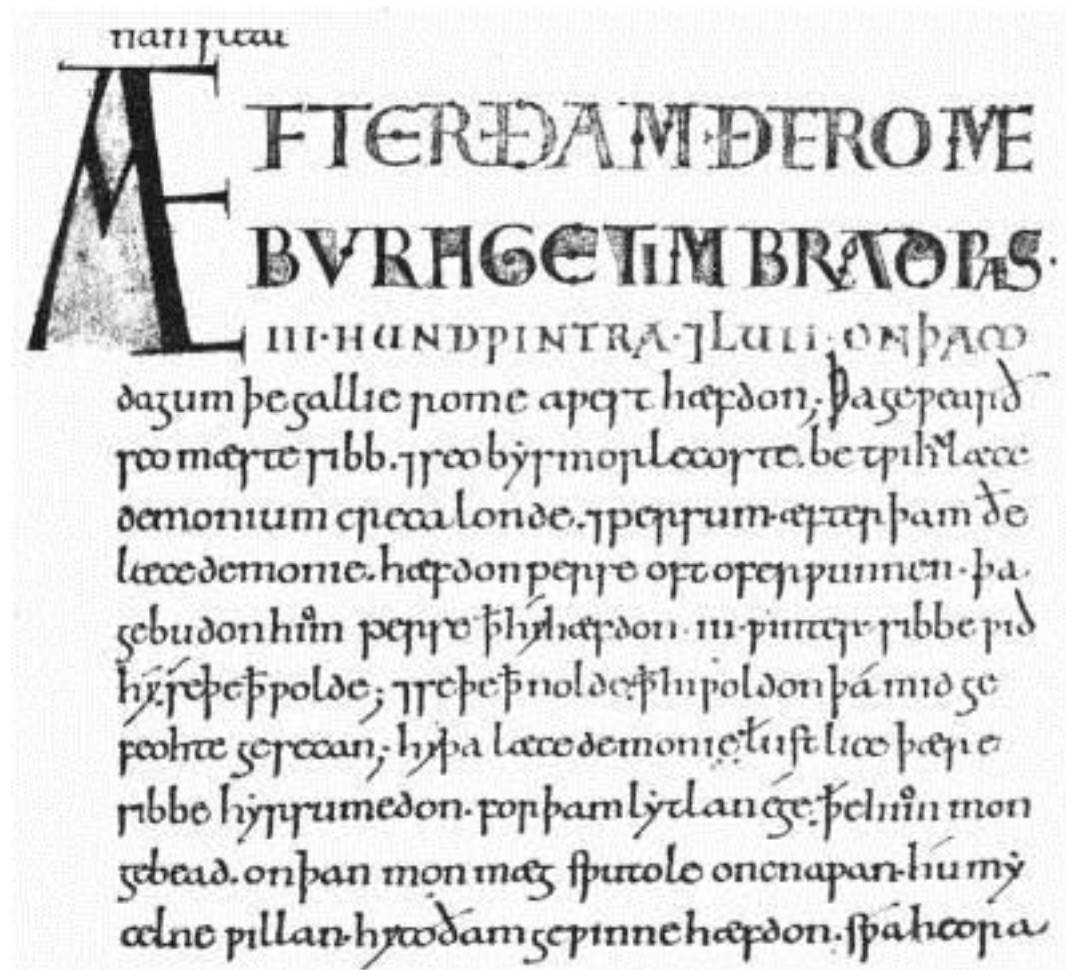
Rex. E. tenuit Lulward. lbi. i. hida In Lulward h. u. n. d.
7 ii. capue' tpe. Silua. ii. leu. l. g. 7 una l. e. d. 7 ara decupit.

Августин Ришгиз.

СТРАНИЦА ИЗ ЕВАНГЕЛЬСКОЙ КНИГИ, ПОДАРЕННОЙ ОТТО I. АТЕЛЬСТАНУ, ВНУКУ АЛЬФРЕДА ВЕЛИКОГО; НА НЕЙ АНГЛОСАКСОНСКИЕ КОРОЛИ ПРИНОСИЛИ КОРОНАЦИОННУЮ ПРИСЯГУ
Cotton MS., Tiberius, A. 2.

[Увеличить изображение.](#)

Мейтленд указывает на то, что Лондон сейчас процветает, как на свидетельство того, что Ательстан, распределяя количество монетчиков для каждого города, выделил Лондону и Кентерберу одинаковое число, причем самое большое. Считать это показателем процветания - значит, действительно, быть благодарным за малые милости. Для меня же это, напротив, явное доказательство сравнительного упадка Лондона, поскольку он считался не более важным, чем Кентерберу.

Августин Ришгиз.

ИЗ "ОРОЗИИ" КОРОЛЯ АЛЬФРЕДА.
Cotton MS.

Однако в этот период города Англии, все без исключения из которых были взяты и опустошены "армией", опустились до такой нищеты, какой не было даже в пятом и шестом веках - веках битв и бедствий, - а возможно, и ниже, поскольку саксы медленно становились

жителями в городе, обнесенном стеной, и были готовы вернуться к прежней жизни под открытым небом, если это было возможно.

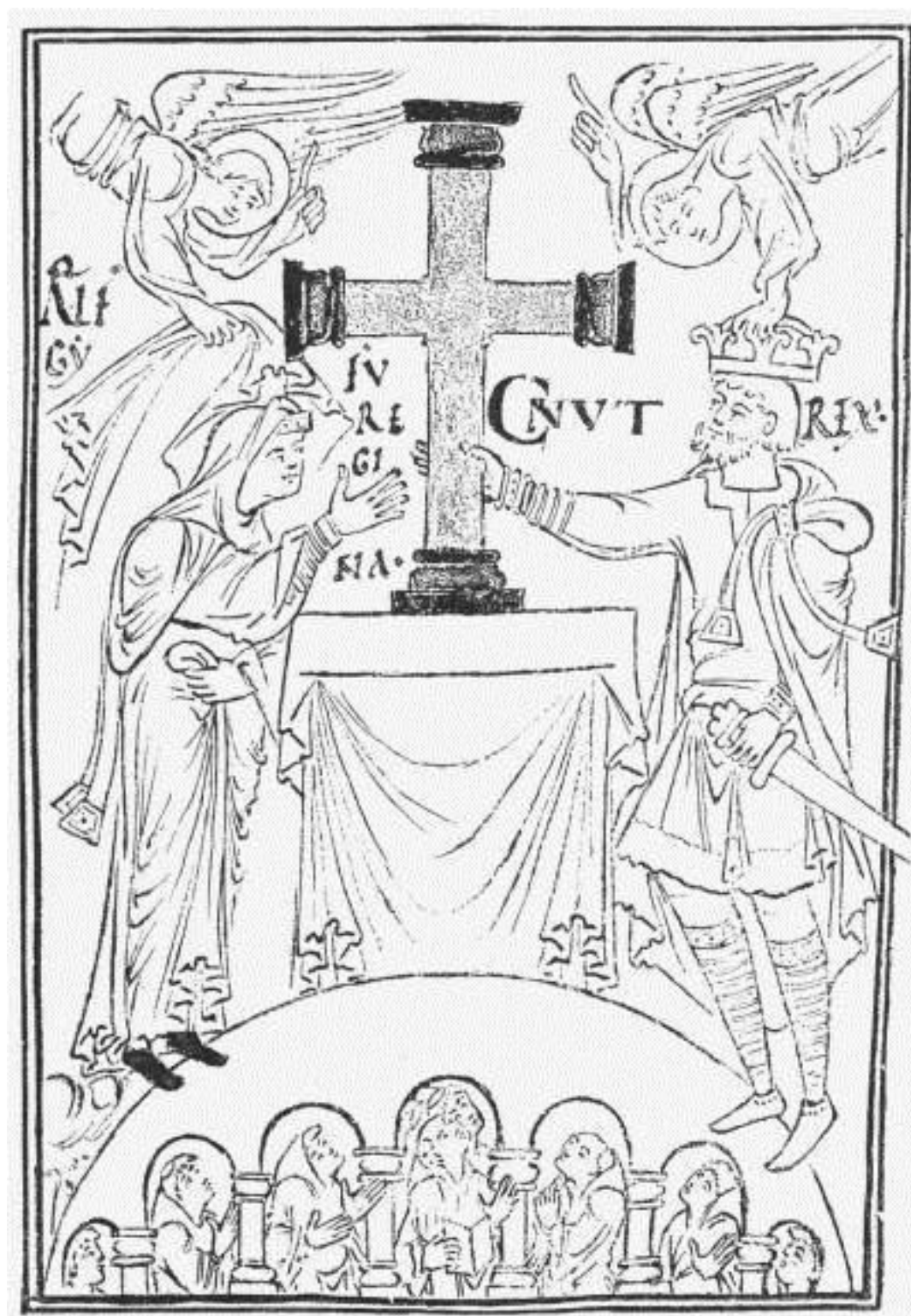
Вернемся к хронике. В 945 году король Эдмунд провел в Лондоне витенагемот, занимавшийся главным образом церковными делами.

Во время правления Эдмунда и Эдреда (940-955 гг.) в Нортумберленде шли бои, но новых вторжений датчан не было. Под могущественным правлением Эдгара наступил почти непрерывный мир, длившийся семнадцать лет. В 979 году началось катастрофическое правление Этельреда, когда датские вторжения возобновились в еще больших масштабах, а слава Англии угасла.

Позвольте мне привести мнение Фримена о положении Лондона в это время.

"Значение этого великого города росло с каждым днем на протяжении всего этого времени. Мы еще не можем назвать его столицей королевства, но его географическое положение делает его одним из главных оплотов страны, и не было ни одной части королевства, жители которой могли бы превзойти патриотизм и мужество его доблестных граждан. В наши дни Лондон занимает в Англии то же место, что и Париж в Северной Галлии столетием ранее. Эти два города в своих землях были двумя великими крепостями, расположенными на двух великих реках страны, особыми объектами нападения со стороны захватчиков и особой защитой страны от них. Каждая из них была как бы отмечена великими государственными заслугами, чтобы стать столицей всего королевства. Но Париж стал национальной столицей только потому, что его местный граф превратился в национального короля. Лондон, несмотря на все изменения внутри и снаружи, всегда сохранял в большей или меньшей степени свой древний характер свободного города. Париж был военным оплотом, резиденцией герцогского или королевского государя; Лондон, не менее важный как военный пост, имел также величие, которое покоилось на более надежном фундаменте. Лондон, как и некоторые другие наши великие города, является одним из узлов, связывающих нашу тевтонскую Англию с кельтской и римской Британией прежних времен. Ее британское имя до сих пор живет, не измененное тевтонскими завоевателями. Прежде чем мы впервые услышали о Лондоне как об английском городе, он отбросил свой римский и императорский титул: он больше не был Августой: он снова принял свое древнее имя, и через все изменения он сохранил свой древний характер. Торговая слава Лондона восходит к ранним временам римского владычества. Английское завоевание, возможно, на некоторое время прервало этот процесс, но это было лишь на время. Уже во времена Этельберта торговля Лондона вновь стала знаменитой. Эльфред спас город от датчан; он построил цитадель для его защиты, зародыш того Тауэра, который должен был стать сначала местом обитания королей, а затем местом мученической смерти их жертв. Среди законов Этельстана нет более примечательных, чем те, которые касаются внутренних дел Лондона и регулирования деятельности его первых торговых корпораций. Во время правления Этельреда купеческий город снова стал объектом особого и благоприятного законодательства. Его институты говорят о торговле, которая велась по всем землям, граничащим с западным океаном. Фламандцы и французы, жители Понтии, Брабанта и Люттиха наполняли ее рынки своими товарами и обогащали городскую казну своим трудом. Сюда же приезжали люди из Руана, чьи потомки в недалеком будущем составят немалый элемент среди ее собственных граждан. А достойнее и благосклоннее всех были мореплаватели из братской старосаксонской страны, первопроходцы могущественной Ганзы Севера, которая в грядущие дни должна была связать Лондон и Новгород торговыми узами, диктовать законы и распределять короны между народами, которым теперь угрожал Лондон. Требование

пошлин и дани легко падало на тех, кого английское законодательство выделяло как людей императора".

КОРОЛЬ КНУТ И ЕГО КОРОЛЕВА ЭММА ВОЗЛАГАЮТ КРЕСТ НА АЛТАРЬ НЬЮМИНСТЕРА
(ВИНЧЕСТЕРА)
Stowe MS., 944 (XI в.).

Роль, которую Лондон сыграл в жизни страны в течение судьбоносных ста лет после воцарения Этельреда, свидетельствует о важности Сити. В том, что лондонцы сражались при Малдоне, сомневаться не приходится. В тот год произошла позорная покупка мира у

пиратов, которых англичане побеждали и бросали им вызов со времен Альфреда. Датчане надеялись возобновить взятку 991 года в следующем году. Они поднялись вверх по Темзе, но были встречены лондонцами с их флотом и разбиты с большой резней. В следующем году датчане взяли Бамборо и опустошили северные земли. В 994 году, после известия о взятии Бамборо и бегстве танов из Линдси, воодушевленные своими успехами, датчане предприняли попытку вторжения в гораздо более серьезных масштабах. На этот раз лидерами были Олаф, король норвежцев, и Свеген, король датчан. Они отправились вверх по Темзе с флотом из девятиста четырех кораблей. Захватчики прибыли в Лондон и предприняли штурм стены. Следует помнить, что в то время стена стояла со стороны реки. Мы не знаем, с какой стороны город был атакован - с суши или со стороны реки. Однако нападение было отбито с такой решимостью и с такими потерями для осаждающих, что оба короля в тот же день отказались от попытки и отплыли. Победа и безопасность города были приписаны "мягкосердечию святой Богородицы".

Что касается северян, то, поскольку они не могли разграбить Лондон, они стали разорять побережье; взяв лошадей, они проскакали по восточному и южному побережью, грабя, разоряя и убивая мужчин, женщин и детей. Эти большие слова не следует воспринимать как нечто слишком большое. Когда группа мародеров скакала по стране, особенно по стране, где было всего несколько дорог или троп, они были ограничены в своем грабеже ограниченным количеством дорог, расстояниями между населенными пунктами, собственным желанием вернуться как можно быстрее и невозможностью нести больше определенного количества добычи. Две-три небольшие петли, проведенные вглубь страны от места стоянки кораблей, обозначали границы их вылазок из этой части. Однако их откупали. В этом случае Олаф сдержал свое слово. Он уже был христианином, но получил подтверждение от епископа Ильфрида и по возвращении в свою страну до конца жизни занимался распространением христианства. В Сент-Олаве на Силвер-стрит, Сент-Олаве на Харт-стрит, Сент-Олаве на Джури и Сент-Олаве на Тули-стрит есть четыре церкви, возведенные в память о святом северянине, который сдержал свое слово и, пообещав больше не возвращаться, остался в своей стране.

Свеген вернулся, хотя и с некоторым опозданием, чтобы отомстить за самое подлое предательство. Это было в Варфоломеев день в Англии, когда по приказу короля Этельреда, безусловно, худшего из всех королей, когда-либо губивших свой род, были вероломно убиты все датчане в стране. Среди этих жертв была и Гунхильда, родная сестра Свегена, с мужем и сыном. Свеген приехал и высадился в Сэндвиче. Прошло девять лет со дня расплаты Олафа и его самого. В течение этих девяти несчастных лет шла непрерывная череда поражений и унижений, с предательствами, завистью и ссорами, которые в грубые времена следуют за слабым королем. Свеген стал хозяином всего королевства, кроме Лондона. Он попытался осадить город с могучим войском; он штурмовал стены, но был отбит. Как и десять лет назад, он не терял времени, пытаясь взять слишком сильно укрепленное и защищенное место. Однако Этельред покинул город, удалившись со своими кораблями на остров Уайт. Королева Эмма отправилась в Нормандию, прихватив своих сыновей Эдуарда и Альфреда, а Лондон, не имея больше короля, за которого можно было бы сражаться, открыл свои двери перед датским завоевателем.

Сразу после этого Свеген умер. Он оставил двух сыновей: Гарольда, который унаследовал датское королевство, и Кнута, юношу девятнадцати лет, которого датский флот провозгласил королем. То, что следует далее, несомненно, было сделано в Лондоне. "Тогда посоветовались все витязи, которые были в Англии, духовенство и миряне, чтобы они послали за королем Этельредом; и они объявили, что нет для них господина дороже, чем их

естественный господин, если он будет править ими лучше, чем прежде. Тогда послал король своего сына Эдуарда со своими посланниками и велел им приветствовать всех своих людей и сказать, что он будет для них любящим господином и исправит все то, что они ненавидят, и каждое из тех дел будет прощено, которые были сделаны или сказаны ему, при условии, что все они с одного согласия будут повиноваться ему без обмана. И они установили полную дружбу, словом и обещанием, по обе стороны..... Затем во время Великого поста король Этельред вернулся домой к своим людям, и все они приняли его с радостью". Он также пообещал управлять страной по совету своего витана.

КОРОЛЬ ПРИНИМАЕТ ДЕПУТАЦИЮ

Royal MS. 2, B. vii.

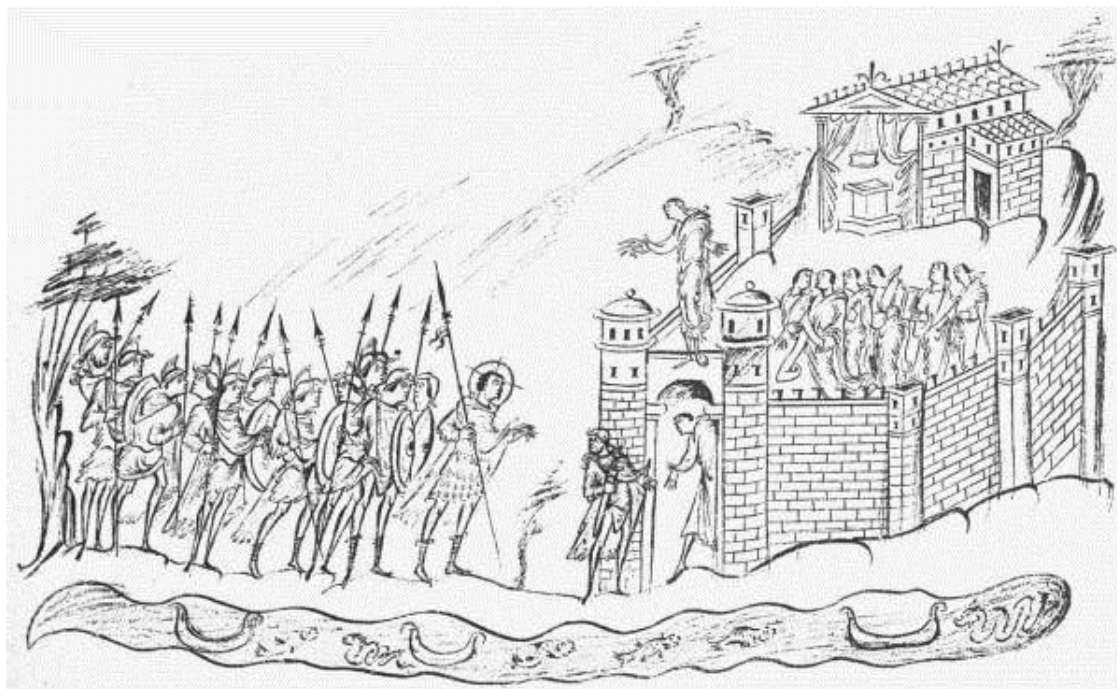
Затем последовало поражение Кнута, который отплыл в Данию; брак Эдмунда Ателинга с вдовой убитого Сегефрита; возвращение Кнута; предательство Эадрика; потеря южной Англии. Эдмунд, однако, некоторое время продержался на севере: в конце концов, Кнут захватил север и юг, и вся Англия, кроме Лондона, оказалась в его власти. Он предложил предпринять экспедицию против Лондона. По пути туда он узнал, что король Этельред мертв. Он созвал гемот Витана. Все, кто находился за стенами Лондона, собрались в Саутгемптоне и выбрали Кнута законным королем Англии. В то же время меньшее число людей, находившихся в Лондоне, избрало королем Эдмунда. Он был коронован не в Кингстоне в Суррее, обычном месте коронаций, где до сих пор можно увидеть священный камень рекордов, а в соборе Святого Павла в Лондоне.

История последующего удивительного года принадлежит скорее стране, чем Лондону. Это был год, когда один великий и сильный человек вернул дух опозоренному и деградировавшему народу, отвоевал добрую половину земли и, будь он жив, вновь завоевал бы остальные - год Эдмунда Айронсайда. В день святого Андрея, через несколько месяцев после смерти своего отца, этот великий солдат умер в Лондоне. Его похоронили в монастыре Гластонбери, где хранились кости Эдгара.

Именно в начале этого короткого царствования Кнут начал знаменитую осаду Лондона. "Корабли пришли в Гринвич в дни Рогагии. И через некоторое время они подошли к Лондону и вырыли большой ров с южной стороны и перетащили свои корабли на западную сторону моста; а затем они обнесли город рвом, так что никто не мог ни войти, ни выйти; и они неоднократно воевали с городом, но горожане упорно противостояли им. Тогда король Эдмунд, прежде чем это произошло, вышел из города; и тогда он захватил Уэссекс, и все люди подчинились ему". Так гласит Хроника. Осада была снята с прибытием Эдмунда.

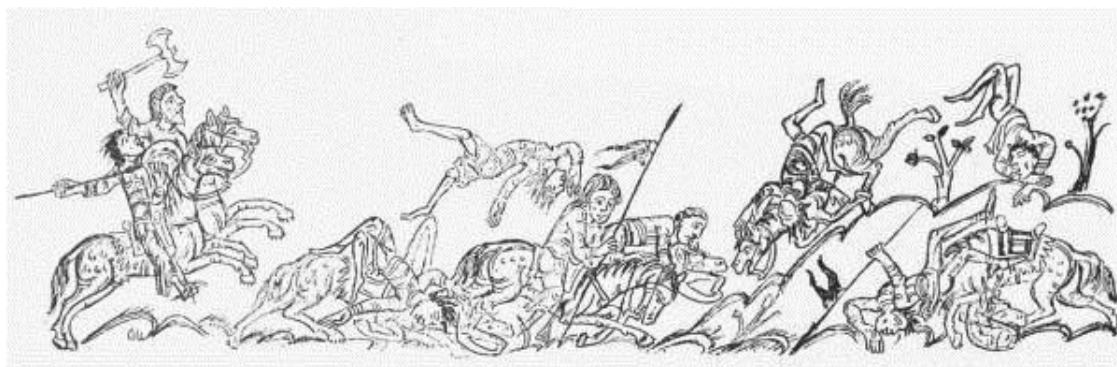
Это очень краткий и скудный рассказ о самом памятном событии. Из него мы узнаем две или три вещи: во-первых, что горожане тем или иным способом сделали проход по мосту невозможным, однако двадцать лет спустя корабли графа Годвина прошли через южные арки. Правда, перед этим он заручился доброй волей лондонцев. Не исключено, что в случае с Кнутом они могли преградить путь цепями. Далее, несомненно, что речная стена стояла, иначе была бы предпринята попытка нападения на южную часть Сити. Лондон был надежно защищен в пределах своей стены, которая проходила по всему периметру. Датчане не знали осады: у них не было ни таранов, ни лестниц, ни каких-либо средств для атаки на стены: они даже не думали о минировании. Далее, несомненно либо то, что население Лондона было настолько велико, что могло заполнить всю стену, во что трудно поверить, либо то, что датская армия была настолько мала, что могла атаковать только в определенных точках. Также несомненно, что датчане не могли не пропускать припасы; путь был открыт либо в Кент, либо в Эссекс, либо на север. Из рассказа также ясно, что мост был отремонтирован, что он поддерживался в хорошем порядке и был сильно укреплен. Очевидно, что Кнут не собирался пытаться взять город с помощью моста.

Давайте теперь вернемся немного назад, чтобы рассмотреть состояние моста и историю траншеи короля Кнута. Неизвестно, поддерживали ли саксы во время своего первого поселения мост в рабочем состоянии; возможно, связь между королем Кента и королем восточных саксов осуществлялась с помощью паромов. В то же время мост было так легко держать открытым, что возникает уверенность в его сохранности. Когда датчане овладели Лондоном, их передвижения прослеживаются довольно подробно, но о мосте не упоминается. Я склонен думать, что во время их оккупации сваи стояли поперек реки, частично лишённые верхних балок, и что именно Альфред отремонтировал мост, когда ремонтировал стену. То, что мост стоял и был исправен во времена короля Эдгара, доказывает любопытная история о ведьме и ее наказании, относящаяся к тому времени (см. с. [222](#)).

АНГЛО-САКСОНСКИЕ ВОИНЫ ПРИБЛИЖАЮТСЯ К ФОРТУ
Харл. MS., 603.

"В 993 году, - говорится в англосаксонской хронике, - пришел Олаф с 90 кораблями в Стэйнс и опустошил его; а оттуда отправился в Сэндвич, а оттуда в Ипсвич, и там все разгромил, и так до Малдона". Как, спрашивается, Олаф мог проплыть мимо моста? На этот вопрос может быть два ответа. Во-первых, если учесть, что Сэндвич, Ипсвич и Малдон расположены недалеко друг от друга, рядом с побережьем, то получается, что Олафу вообще нечего было делать в Стэйнсе. А ведь Стэйнс находится в 120 милях от Норт-Форленда, вокруг которого должен плыть флот. Таким образом, ответ на вопрос заключается в том, что имеется в виду какое-то другое место. Однако если Олаф действительно плыл вверх по реке до Стейнса, то мост должен был находиться в разрушенном состоянии. Но крепкие сваи остались, или, по крайней мере, их было столько, сколько нужно, чтобы показать, как можно восстановить или перестроить сооружение. Снорри Стурласон, исландец, писавший в XIII веке, сохранил любопытный рассказ о мосте (Chronicles of London Bridge, p. 16).

ПОЕДИНОК
Харл. MS., 603.

"Они, то есть датские войска, первыми вышли на берег Лондона, где должны были остаться их корабли, и Сити был взят датчанами. На другом берегу реки находится большой рынок, называемый Саутварк - Судурвирк в оригинале, - который датчане укрепили многими

оборонительными сооружениями; например, высоким и широким рвом, внутри которого была свая или вал, сложенный из дерева, камня и дерна, с большим гарнизоном, размещенным там для его укрепления. Король Этельред - его имя, как вы знаете, в оригинале звучит как Адальдрад - напал на него и силой отбился; но сопротивление датчан оказалось тщетной попыткой. В то время через реку между городом и Саутварком был возведен мост, настолько широкий, что две повозки, встретившись, могли проехать друг через друга. По бокам моста, в тех частях, которые смотрели на реку, были возведены крепостные стены и замки, которые сверху защищались фальшбортами и укрытыми башнями, закрывавшими грудью тех, кто в них сражался; сам мост также поддерживался сваями, вбитыми в русло реки. Поэтому, когда была предпринята атака, войска, занимавшие мост, полностью его защитили. Король Этельред, разгневанный, но желающий найти средства, с помощью которых он мог бы захватить мост, сразу же собрал вождей армии на совещание по поводу наилучшего способа его разрушения. После этого король Олаф договорился - вы помните, что он был союзником Этельреда, - что если вожди армии поддержат его своими силами, то он предпримет атаку на мост со своими кораблями. Тогда на совете было решено, что войско должно выступить против моста, и каждый приготовился к одновременному движению как кораблей, так и сухопутных войск".

Затем король Олаф соорудил нечто вроде плота или эшафота, который он поставил вокруг своих кораблей, чтобы его люди могли стоять на них и работать. Как только они достигли моста, на них обрушился град снарядов, который разбил их щиты и заставил многие корабли отступить. Однако те, кто остался, закрепили корабли канатами и тросами. Тогда гребцы приложили максимум усилий, прилив повернулся в их пользу, и вот уже рухнула часть моста и все находившиеся на нем люди в реку. Так Этельред был восстановлен. В память об этом подвиге норвежский бард воспел:...

"И ты низверг их мосты, о ты, Буря сынов Одина; искусный и передовой в битве! Тебе выпало счастье овладеть землей извилистого лондонского Сити. Много было щитов, что хватали меч в руке, к могучему усилению битвы; но тобой были сломаны и разрушены окованные железом почтовые плащи.....

Ты, ты пришел, защитник земли, и вернул в свое королевство изгнанного Этельреда. Благодаря твоей помощи он получил преимущество, а благодаря твоей доблести и отваге он стал сильнее; самой горькой была та битва, в которой ты участвовал. Теперь в присутствии твоих сородичей покоятся соседние земли, где прежде правил Эдмунд, родственник страны и народа".

Обо всем этом ничего не говорится в англосаксонской хронике. Возможно, это и произошло, но это не могло быть придумано с учетом каменного моста, опоры которого не могли сдвинуть с места все корабли короля Олафа вместе взятые. А вот деревянный мост, построенный описанным выше способом, кажется вполне возможным.

Следующее событие в истории моста - неудачная осада Кнута. В ходе этой осады осаждающие вырыли траншею вокруг южного конца моста и протащили по ней свои корабли, чтобы атаковать Лондон по всей длине реки. Историк Мейтланд порадовал себя тем, что обнаружил остатки траншеи по всему периметру. В его время (около 1740 года) на всей территории южного Лондона были луга, пастбища и фруктовые сады.

"В результате усердных поисков, продолжавшихся несколько дней, - пишет Мейтленд, - я обнаружил остатки и длину этого искусственного водотока: его выход из Темзы находился там, где расположен Большой мокрый док под Ротерхитом, откуда, следуя на запад мимо семи домов на Ротерхитских полях, он продолжает

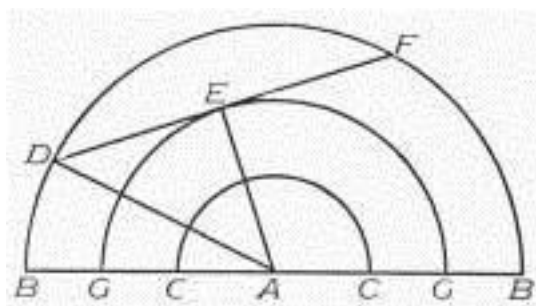
свой путь положим изгибом до Дренажной ветряной мельницы, и, следуя с запада на северо-запад мимо церкви Св. Томаса Уотерингского, легким поворотом пересекает Дептфордскую дорогу, немного юго-восточнее Лок-госпиталя, в нижнем конце Кент-стрит; и, следуя к Ньюингтон-Баттс, пересекает дорогу немного южнее поворота; откуда, продолжая свой путь мимо Черного Принца на Ламбет-роуд, на севере Кеннингтона, она течет на запад и на юг, через Спринг-сад в Воксхолле, до впадения в Темзу в нижнем конце Челси-Рич".

Расположение этой траншеи было предметом долгих дискуссий. Я предлагаю следующее разумное решение вопроса: "Зачем было делать длинный канал?"

Почему это должен был быть длинный канал? Условия работы были совершенно одинаковыми, какое бы место ни было выбрано, а именно: датчанам пришлось бы копать через речную насыпь по обе стороны моста. Кроме того, они должны были прорыть дамбу. В последней части работ, безусловно, и в первой, вероятно, им пришлось бы убрать какие-то постройки. Непрерывные войны (800-1000 гг.) с датчанами позволяют с уверенностью утверждать, что Саутварк в то время должен был находиться в очень запущенном и разрушенном состоянии.

Зачем Кнуту было делать свой канал на один фут длиннее, чем это было необходимо? Мы можем предположить, что он не был таким глупцом. Самым коротким каналом был бы тот, по которому он мог бы просто провести свои суда. Другими словами, если круговой канал начинается в точке CB , и если мы проведем воображаемую окружность GEG вокруг середины канала, то очевидно, что хорда DF , образующая касательную к средней окружности, должна быть по крайней мере такой же длины, как и самое длинное судно. Я беру середину канала как самую глубокую часть: не было бы времени строить канал с вертикальными сторонами.

Теперь (см. схему)

$$AD^2 = AE^2 + DE^2.$$

Если r - радиус AB или AD , $2a$ - ширина канала, а $2b$ - длина хорды DF ,

$$r^2 = (r - a)^2 + b^2;$$

$$[\text{следовательно}] 2ar = a^2 + b^2;$$

$$[\text{следовательно}] r = (a^2 + b^2) / 2a.$$

Эта длина радиуса равна длине самого большого судна и ширине канала и, следовательно, является наименьшим радиусом, по которому могут проходить корабли. Большой корабль,

найденный в Норвегии в 1880 году, несомненно, является одним из лучших судов, использовавшихся датчанами и норвежцами. Поэты говорят о более крупных кораблях, но как о диковинке. Ничего не говорится о том, что у Кнута были корабли очень больших размеров. Это судно имело 68 футов в длину, 16 футов в ширину и 4 фута в глубину. Она забирала очень мало воды, поэтому ширины канала, равной ширине судна, было бы более чем достаточно. Пусть длина хорды будет 70 футов, а ширина канала - 16 футов. Тогда

$$2b = 70, \text{ или } b = 35,$$

и

$$2a = 16; [\text{следовательно}] a = 8; [\text{следовательно}] r = (35^2 + 8^2) / 16 = 80 \text{ (очень близко)}.$$

Таким образом, длина AE в этом радиусе внутреннего круга равна 64 футам.

Но при этом отнюдь не обязательно было образовывать полукруг. Любой канал, образованный двумя параллельными окружностями, радиусы которых составляют от 64 до 80 футов, был бы достаточен для этой цели. Не имело значения и то, насколько коротким был канал: сто футов, вероятно, составляли всю эту могучую работу Кнута, и эта прорезь, после разрушения насыпи и дамбы, была вырыта в мягкой плесени восстановленного болота. Где же тогда четыре мили Мейтленда?

Как только осада была снята и датчане ушли, набережную отремонтировали, разрушенную дамбу снова засыпали, мягкую землю и грязь, оставшиеся после короткого канала и набегов прилива на разрушенный берег, быстро выровняли, и все следы работы исчезли.

Этот мост был снесен приливом в 1091 году. В 1097 году, по словам летописца А.С., мост либо еще не был отремонтирован, либо снова пострадал. Он говорит: "в ремонте моста, который был почти смыт". В то время содержание моста обеспечивалось за счет налога, взимаемого с графств Суррей и Мидлсекс. Он сгорел во время разрушительного пожара 1136 года. Его снова отстроили из дерева. Но в 1176 году началось строительство долговечного и прославленного каменного моста, возведенного великим понтификом Питером из Коулчерча. Новый каменный мост был построен немного западнее деревянного.

ГЛАВА V

ВТОРАЯ ДАТСКАЯ ОККУПАЦИЯ

После смерти Эдмунда Кнут остался без соперника. Эдмунд умер 30 ноября. На Рождество Кнут созвал в Лондон витанов всей Англии, чтобы назвать и короновать их короля. Он опросил свидетелей, какие части королевства, если таковые были, Эдмунд передал своим братьям. Что касается его малолетних детей, то они не рассматривались. Было установлено, что братьям Эдмунда не было выделено никаких частей. После этого собрание единогласно избрало Кнута королем всей Англии. И он был коронован в Минстере Павла архиепископом Ливингом. После этого страна, оказавшаяся в руках самого сильного короля, который когда-

либо правил ею, на девятнадцать лет погрузилась в мир. Никогда прежде, даже во времена римской оккупации, Англия не была в мире так долго. Дома не было никаких беспорядков, на морях не было пиратов. Что касается Лондона, то о нем не сохранилось никаких сведений во время этого правления. Хроника сообщает лишь следующее: "1018 г. н.э. В этом году по всему английскому народу была наложена дань: в общей сложности две и семьдесят тысяч фунтов, кроме того, что заплатили жители Лондона, а это десять с половиной тысяч фунтов".

Если выплачиваемая сумма была пропорциональна численности населения, то в Лондоне проживала восьмая часть всего народа. Любопытно, что и сегодня население Лондона находится в той же пропорции.

"1023 ГОД Н.Э. В этом году король Кнут в Лондоне, в соборе Святого Павла, дал полное разрешение архиепископу Этельноту и епископу Бритвину и всем слугам Божьим, которые были с ними, чтобы они вынесли из гробницы архиепископа Святого Элфеге". Они так и сделали и перенесли останки в Кентербери, где они лежат до сих пор. Этот архиепископ, убитый датчанами, был причислен к лику святых. В лондонском Сити есть церковь, посвященная ему.

Способ эксгумации и перевода, описанный в "Translatio S. Elphegi" Осборна, цитируется Райтом (The Celt, the Roman, and the Saxon), чтобы проиллюстрировать стойкую независимость и буйство лондонцев.

"Когда архиепископ Элфей был убит датчанами в 1012 году, лондонцы выкупили его тело у убийц и поместили его в собор Святого Павла. После того как Кнут получил корону в результате завоевания и был восстановлен мир, архиепископ Агелнот (преемник Элфея) обратился к королю с просьбой отдать тело мученика монахам Кентербери. Кнут, который в то время держал свой двор в Лондоне, согласился, но только для того, чтобы увезти тело, обманув горожан. Он отдал приказ своим *хускарлам*, или домашним солдатам, разойтись по сторонам: одни - на мосту и по берегу реки, другие - к городским воротам, поднимая там волнения и беспорядки. Путем обещаний и уговоров удалось склонить людей, присматривавших за телом Элфея, к содействию в заговоре, и, пока внимание горожан было привлечено к беспорядкам у ворот, священный груз незаметно отнесли к реке и положили в лодку, которую со всей поспешностью отплыли за пределы столицы, а затем высадились в Кенте. Король стоял на берегу Темзы и с тревогой наблюдал за его передвижением, так как *боялся горожан*. Когда те обнаружили, что их разыграли, они отправили отряд в погоню за беглецами, которые, однако, успели добраться до безопасного места, прежде чем их настигли".

"1035 ГОД Н.Э. В этом году, - говорится в "Хронике", - умер король Кнут". Если, как утверждает Фримен, король Альфред был самым совершенным персонажем во всей истории, то Кнут - самый мудрый и сильный персонаж в английской истории. Он основал постоянную армию со своим полком хускарлов, или гвардейцев; он уважал старые законы и обычаи; он признавал право народа принимать или отвергать новые законы; он определил право на охоту, оставив каждому человеку свободу охоты на его собственной земле; он осудил работорговлю; он приказал не торговать в воскресенье - несомненно, еженедельный день отдыха является величайшим благом, когда-либо дарованным людям, которые вынуждены работать, чтобы заработать себе на жизнь. Он предписывал исполнять церковные обязанности и платить церковные взносы. Однако все это относится к истории Англии.

После смерти Кнута в Оксфорде состоялся Витенагемот для избрания его преемника. Как королевство было разделено между Гарольдом и Хардакнудом; как раздел был признан невозможным; как Гарольд правил всей Англией; каким злым было его правление и каким катастрофическим - все это относится к истории Англии. Лондон, который страдал от неправильного правления Гарольда вместе с остальной частью королевства, сыграл главную роль в избрании этого короля. Она была представлена в Оксфорде своими "личсменами", *то есть* мореходами. Были ли это купцы? Или датчане - люди моря, составлявшие значительную часть населения? Фримен считает, что это были последние; однако, похоже, нет никаких оснований для принятия этой точки зрения или для предположения, что в общий парламент королевства лондонские датчане должны были послать специальных представителей. Почему не были призваны датчане из Лестершира или Норфолка, где их было так много? Однако в законах Ательстана есть отрывок, который, кажется, проясняет этот вопрос. Ательстан даровал звание тана каждому купцу, совершившему три морских путешествия на собственном судне с грузом. Поэтому при созыве Витенагемота эти мореплаватели - люди моря, получившие таким образом звание тана, - созывались по праву. Литовцы" не были купцами, они не были датчанами; они были просто купцами-авантюристами, которые торговали *outré mer*, за морями и обратно в течение трех плаваний, и претендовали за это на звание тана.

Правление Гарольда важно для нас только по следующим причинам: во-первых, Лондон сыграл роль в избрании короля. Далее, иллюстрация дикости, которая все еще сохранялась среди датчан и проявлялась в их ужасном обращении с Этелингом Альфредом и его людьми. Альфред, сын Этельреда, решил, что смерть Кнута даст ему шанс на престолонаследие. Поэтому он приехал в сопровождении небольшого отряда. Но "Годвин, граф, не позволил ему". Его судьба описана в хронике А.С.

"Но Годвин его отпустил,
и заключил его в узы;
а его спутников он разогнал;
и некоторых разными способами убивал;
некоторых продавал за деньги,
некоторых жестоко убивали,
некоторых связывали,
некоторых ослеплял,
некоторых калечили,
некоторых скальпировали;
не было более кровавого деяния
совершено в этой земле
с тех пор, как пришли датчане,
и приняли здесь мир.
Теперь мы уповаем на

возлюбленного Бога,
что они пребывают в блаженстве,
в блаженстве со Христом.

Этелинг еще жил,
которые были без вины виноваты.
так жалко убитых.

Они клялись в каждом злодеянии,
пока не было решено.
чтобы его отвели
в Эли-Бери,
связанным.

Как только он сошел на берег,
на корабле он был ослеплен;
и его, ослепшего
привезли к монахам;
и там он пребывал
пока он жил.

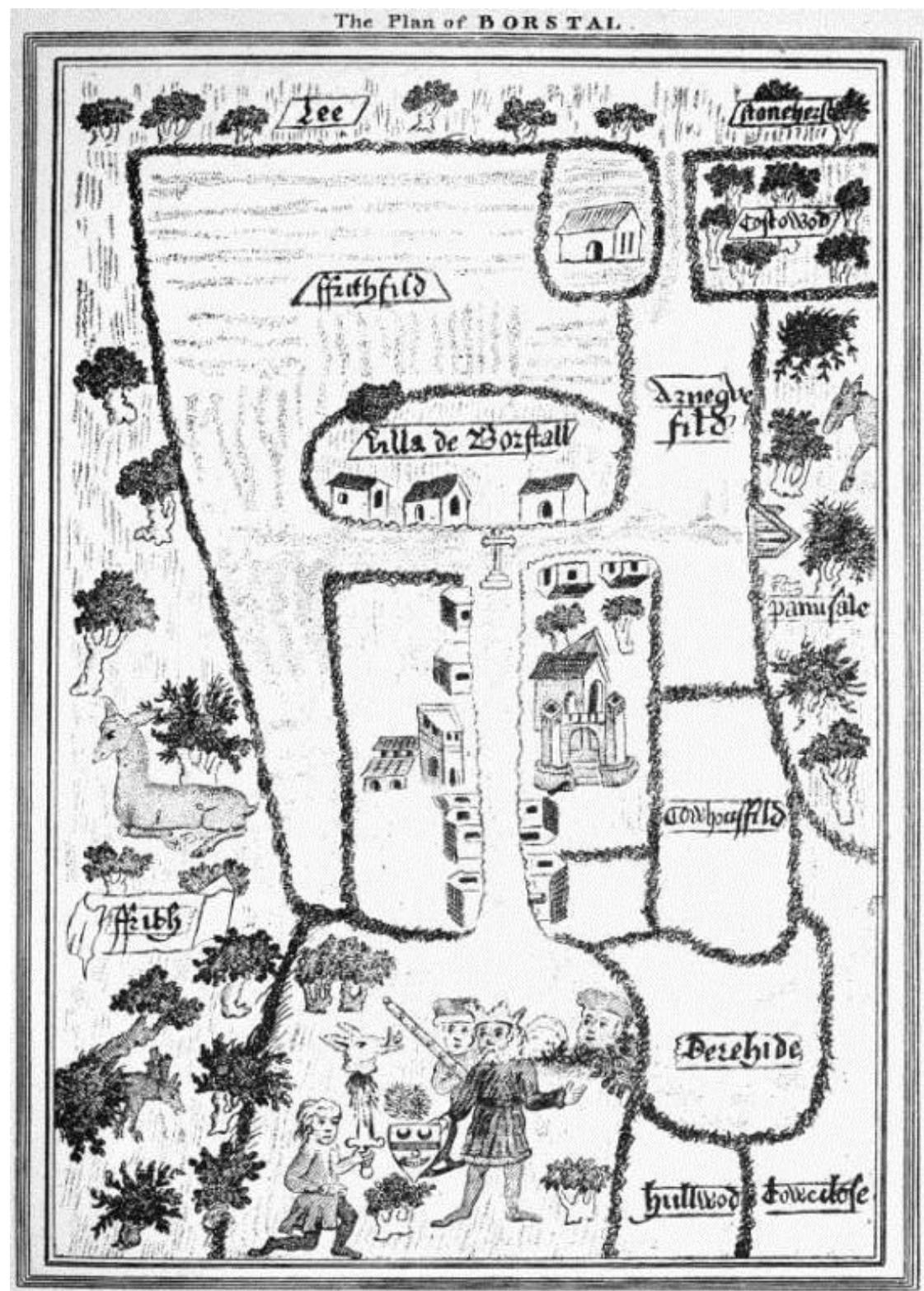
После этого его похоронили,
как и подобало ему
достойно,
как он был достоин,
на западном конце,
на шпиле,
в южном нефе.

Душа его со Христом".

И, наконец, тот факт, что Гарольд был похоронен в Вестминстере, первым из наших королей, похороненных там. Его сводный брат, Хардакнут, приказал эксгумировать тело и бросить его в грязь на болоте вокруг Торни - "в болото", говорит Хроника. Торни стоял в болоте, и вряд ли новый король захотел бы скрыть свой дикий поступок - впрочем, был ли он более диким, чем действия Карла II во время Реставрации? Неизвестно, сколько приливов и отливов пронеслось над телом мертвого короля, пока оно лежало среди тростника; но вскоре кто-то - возможно, монахи, - сжалившись над бедными останками, положили их в лодку, перевезли вниз по реке и похоронили в маленькой церкви Святого Клементя, которая, как и Торни, стояла на возвышенности Стрэнды. И там его прах лежит до сих пор.

Хардакнут упал в припадке - "когда стоял за своим бокалом" - в Кеннингтонском дворце, перебравшись из Вестминстера на свадебный пир. Его похоронили в Винчестере вместе с отцом. Но прежде чем его успели похоронить, народ выбрал в Лондоне королем его сводного брата Эдуарда.

План Борсталя.

ДВОРЕЦ КОРОЛЯ ЭДУАРДА ИСПОВЕДНИКА В БОРСТАЛЕ (БРИЛЛ)
Из Archæologia, vol. iii.

Правление Эдуарда Исповедника принесло мало изменений в Лондон. Датские пираты возобновили свои нападения, но теперь для борьбы с ними имелся хорошо оснащенный флот. Штаб-квартира флота находилась в Лондоне или в Вестминстере. Говорят, что когда граф Годвин устроил демонстрацию, грозившую восстанием, он прошел через южные арки Лондонского моста, намереваясь встретить и атаковать королевский флот из пятидесяти парусов, стоявший в Вестминстере. Примечательно, что сначала он заверил себя в доброй воле Сити.

В статуте Эдуарда Исповедника (сорок шестая глава его законов), в котором он назначает время проведения выборов, говорится о Лондоне, и он цитируется в Liber Albus

"Поэтому в Лондоне, который является главой королевства и законов и всегда является двором его светлости короля, выборы должны проводиться в понедельник на каждой неделе. Ибо он был основан по образцу и подобию Великой Трои и по сей день содержит в себе законы и постановления, достоинства, вольности и королевские обычаи древнегреческой Трои. Поэтому в этом месте хранятся запутанные счета и сложные просьбы короны и судов его светлости короля для всего вышеупомянутого королевства. И только она одна неизменно сохраняет свои нравы и обычаи, где бы ни находился король, в походе или в другом месте, из-за волнений наций и народов королевства: в соответствии с древними обычаями наших добрых предков и предшественников и всех принцев, дворян и мудрых сеньоров всего вышеупомянутого королевства."

В 1065 году король Эдуард Исповедник излагает историю Вестминстера так, как он ее понимал:...

"Посему" - после общего вступления - "я, милостью Божьей король англичан, объявляю всем поколениям, которые придут после меня, что по указанию папы Льва для покаяния и отпущения грехов я обновил и усовершенствовал базилику Святого Петра, которая находится у стен Лондона, главного города англичан, и на западной стороне его, называется Вестминстер. Она была построена в древности Меллитом, первым епископом Лондона, спутником и другом святого Августа, первого епископа Кентерберийского, и святым Петром, который сам исполнял ангельское поручение, и была посвящена оттиску Святого Креста и намазыванию Святым Христом: но из-за частых нашествий варваров и особенно датчан (которые при жизни моего отца Этельреда вторглись в королевство, а после его смерти разделили королевство с моим братом Эадмундом и захватили и убили моего брата Альфреда) был запущен и почти уничтожен."

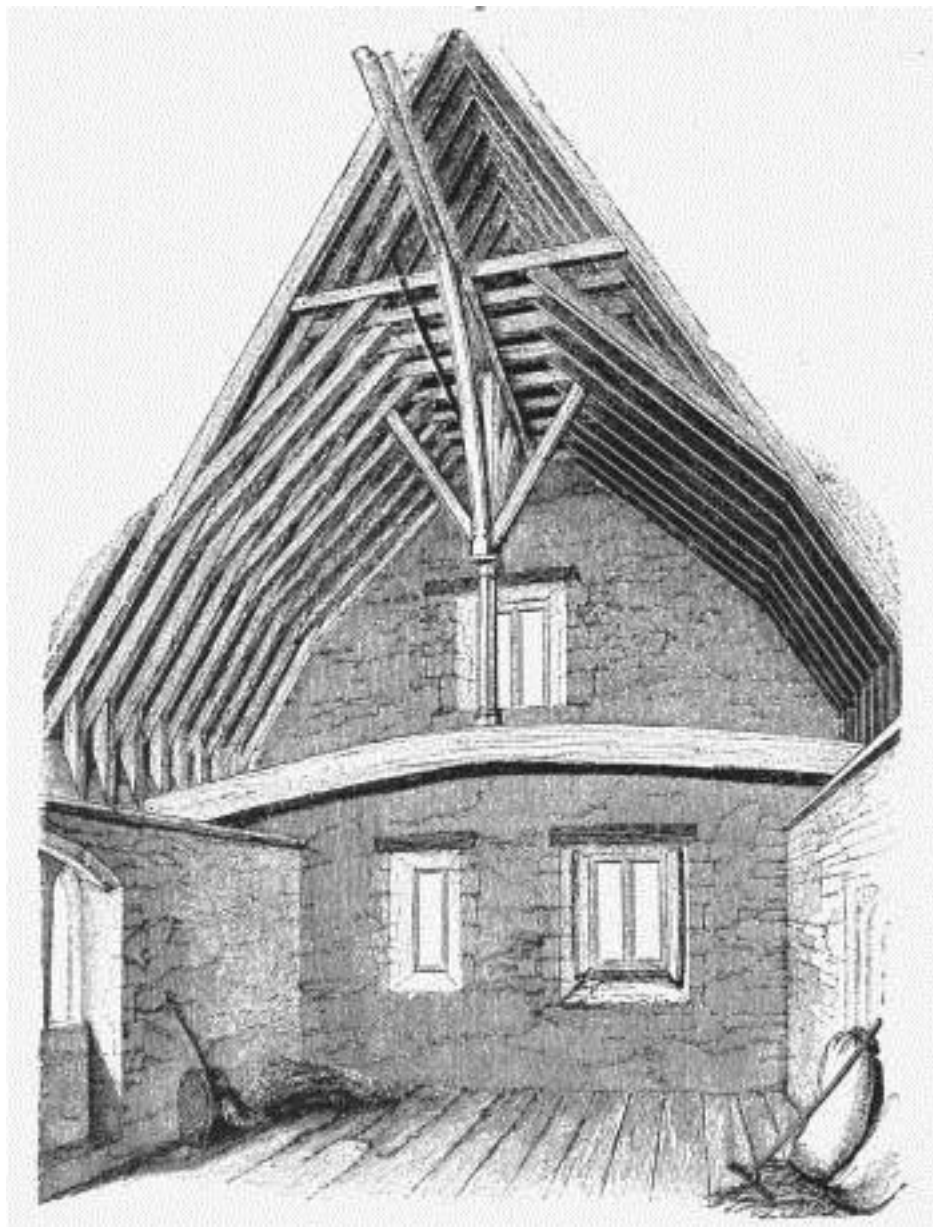
Я не знаю, сколько времени потребовалось для полного поглощения датчан среди населения: но сохранились воспоминания о датских поселениях вокруг Сент-Клемент-Дейнс и за Бишопсгейт-стрит - возможно, существование такого поселения объясняет захоронение короля Гарольда в церкви Сент-Клемент.

Таким образом, датчане занимали Лондон сначала в течение двенадцати лет. Мы не ожидаем найти какие-либо остатки этой короткой оккупации: и действительно, их нет. Когда Кнут и его сыновья были королями, они правили, но не занимали город в течение пяти с половиной двадцати лет. Можно ожидать, что от этого периода останутся какие-то следы. Если Кнут построил Королевский дом в Вестминстере, то своды и склепы, которые были залиты цементом при строительстве Дома Парламента, вероятно, его рук дело, и Расписная палата, уничтоженная пожаром в 1835 году, тоже его рук дело. В остальном же нет ничего, ни камня, ни фрагмента, который мы могли бы признать датской работой. Сохранилась лишь одна маленькая реликвия. Во время раскопок склада в южной части церковного двора

Святого Павла было найдено датское надгробие с надписью руническими символами, вероятно, десятого или одиннадцатого века. Сейчас он хранится в музее Гилдхолла.

ГЛАВА VI

ГОРОД И ЛЮДИ

СОЛНЦЕ

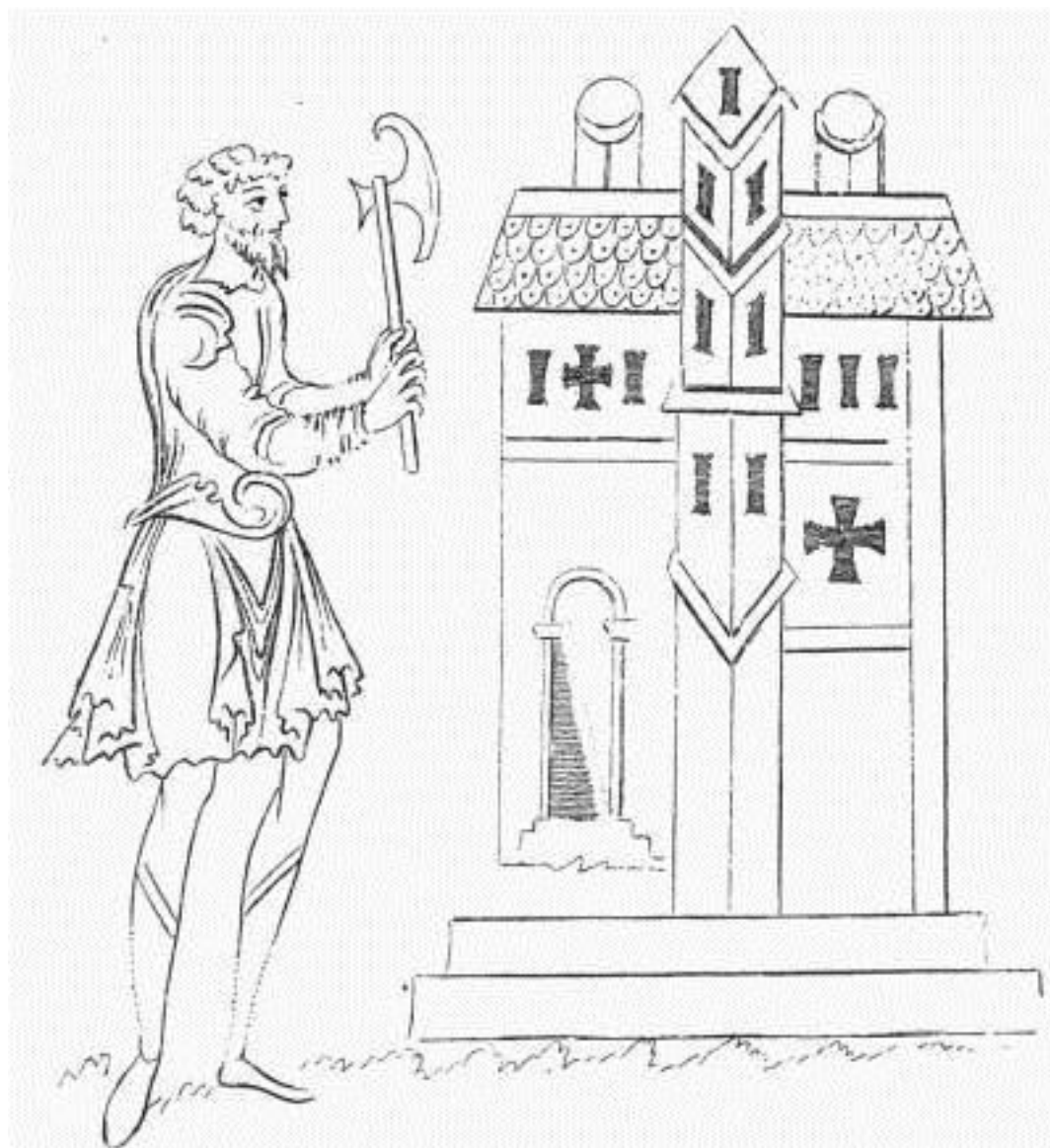
Из "Домашней архитектуры" Тернера.

Такова история Лондона с начала седьмого века до третьей четверти одиннадцатого. Далее нам предстоит рассмотреть

1. Внешний вид города и характер зданий.

2. Торговля города.
3. Религиозные устои.
4. Мирское правительство.
5. Нравы и обычаи народа.

I. Внешний вид города

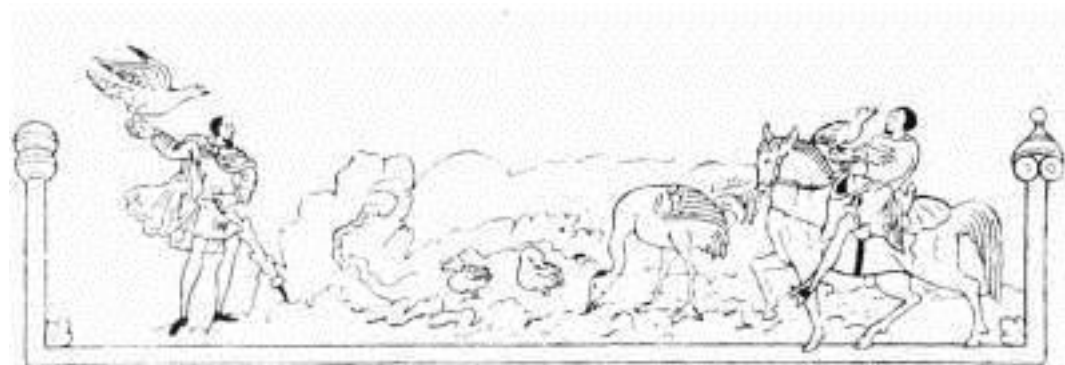
СТРОИТЕЛЬСТВО ДОМА

Метрический парафраз Кедмона (X в.), Бодлиан.

Если бы в живых остались люди, помнившие Августу, когда войско короля Альфреда овладело ею, то они, стоя на шатком деревянном мосту, проливали бы слезы, глядя на уменьшившийся и убогий городок, занявший место этого величественного города: рассматривали развалины знатных домов; видели, как деревья растут на разрушающейся стене; отмечали, какие огромные провалы указывают на место городских ворот; как широкие участки земли лежат в запустении, где когда-то стояли римские виллы. Через год или два, когда стену отремонтировали, и люди снова стали стекаться в "кузницу всех народов", вид

города улучшился. Для ремонта городской стены использовались камни старых построек - тех, что находились над землей; были построены новые и восстановлены старые ворота; набережная снова была завалена товарами, а река вновь наполнилась судами - среди них был и королевский флот, поддерживаемый для защиты от датчан. Город за причалами был отстроен из дерева - за двести лет он пять раз либо полностью, либо частично уничтожался пожарами. Дворцов и больших домов не было; в некоторых из них имелся большой зал для гостиной и спален слуг и детей, а также "Солар", или покои лорда и леди, дамская беседка и кухни (см. также с. [224](#)).

После Альфреда Лондон стремительно развивался в сторону процветания и богатства. Восстановление стены было признано внешним и видимым признаком безопасности, которой пользовались те, кто спал в ее пределах: торговля росла; богатство людей увеличивалось; их численность росла, потому что они были в безопасности. Начали возводиться каменные здания, и появились внешние признаки процветания. Лондон выпустил длинные руки в своих стенах. Пустующие земли, фруктовые сады, поля и огороды стали застраиваться. В северную часть города были изгнаны ремесленники низкого сорта и ремесленники оскорбительного толка. Нижние районы, особенно узкие переулки к северу от Темз-стрит, становились все более многолюдными. Причалы под речной стеной простирались на восток и запад; берег застраивался; речная стена постепенно разрушалась, но я не знаю, когда началось или было разрешено ее разрушение. Судоходство по реке удвоилось и утроилось; некоторые суда, стоявшие у причалов, были слишком велики, чтобы пройти по мосту; склады стали более вместительными; Темз-стрит, или улица за стеной, бывшая тогда единственным местом встречи купцов, каждый день заполнялась оживленной толпой тех, кто грузил и разгружал, кто приходил покупать и продавать. Порты Уолбрук и Биллингсгейт были признаны недостаточными, и был построен порт королевы Хитхе, который тогда назывался Хитхе Эдреда: вокруг него были построены причалы, и, возможно, в речной стене были сделаны новые ворота.

ОКТАБРЬ. ХАВКИНГ

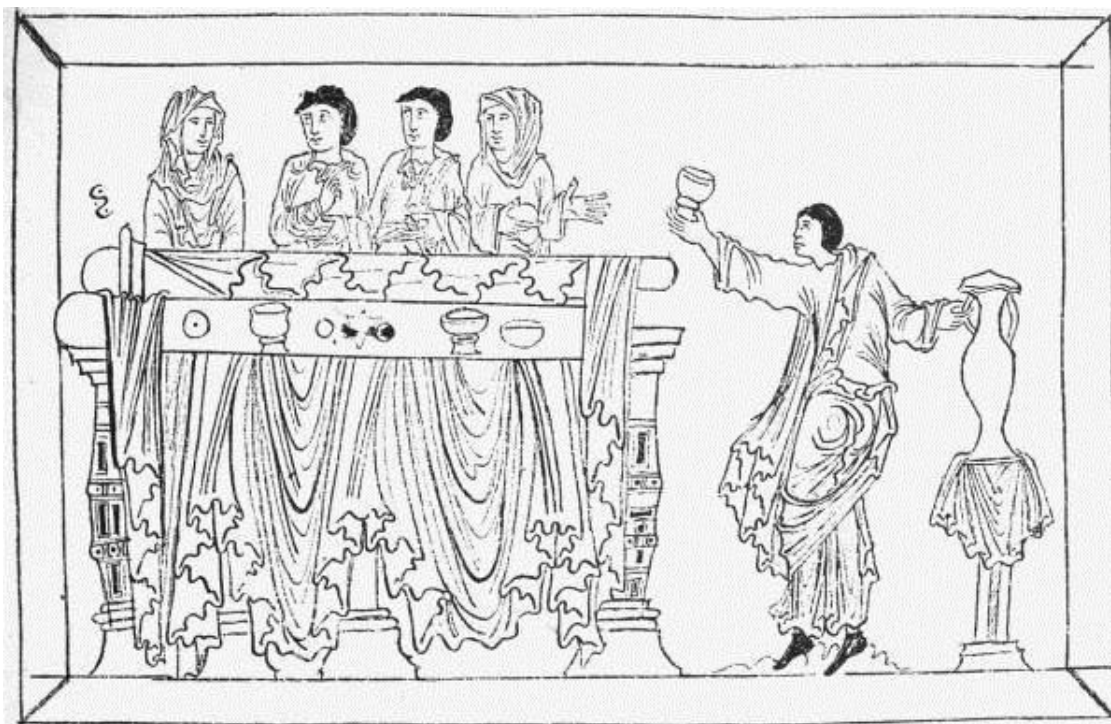
Из "Старых английских календарей" (XI в.), Cotton MS.

В 981 году, как пишет Фабиан (стр. 128), пожар уничтожил большую часть Лондонского Сити.

"Но вы должны понять, что в этот день в Лондонском Сити было больше всего жилья и покупок от Ладгейта до Вестминстера, и мало или совсем не было там, где сейчас находится Шеф или Харт Сити, кроме разных мест, где жилье стояло без порядка, так что многие города, такие как Кентербери, Йорк и другие, разные города Англии обошли Лондон в строительстве в те дни, как я видел и знаю по старой книге в Гилдхолле под названием Domesday".

Я процитировал этот отрывок, но не могу доверять этому утверждению по той простой причине, что Лондон всегда был местом торговли, и там, где находились его судоходные и причалы и порты, собирались его жители. Вероятно, в это время северные районы Сити еще не были застроены и заняты. Но как Сити мог успешно противостоять датчанам, если его жители жили на Флит-стрит и Стрэнде?

Возникает очень важный вопрос о правах горожан на земли, лежащие вокруг Сити.

БАНКЕТ

Prudentius MS., 24199 (XI в.).

Если мы рассмотрим, например, графство Мидлсекс, то заметим, что оно ограничено рекой Колни на западе и рекой Леа на востоке. На юге граница проходит по Темзе, а северная часть была частично определена поместьями, принадлежавшими аббатству Сент-Олбанс в последующие времена. Однако вся северная часть была покрыта обширным лесом, который простирался далеко по обе стороны Мидлсекса и особенно в Эссексе. Другой лес занимал большую часть Суррея, начиная с пустошей и вересков, как только земля поднималась из болота.

Какое-то право на эти леса, и особенно на тот, что находился на севере и был особенно легкодоступен, было необходимо городу так же, как и права на реку. Ибо как река была полна рыбы, а болотистый берег реки - бесчисленных птиц, так и лес был полон дичи - оленей, кабанов, зайцев, кроликов и всякой живности, которую можно было ловить и ловить, и которая служила пищей. Кроме того, лес давал древесину для строительства, кормовую площадку для свиней, а также дрова и уголь для топлива. Город не мог бы существовать без прав на лес.

Если мы спросим, каковы были эти права, то обнаружим, что Лондон определенно претендовал на владение некоторыми землями. Так, в Хронике А.С. говорится, что в 912 году "король Эдуард завладел Лондоном и Оксфордом, а также всеми землями, которые им подчинялись". Что это были за земли? Несомненно, они находились за стеной.

В законах Ательстана содержится предписание преследовать воров "за Маршем". Что это был за марш?

В законах Кнута признается право каждого человека охотиться на своей земле.

А в Хартии Генриха Первого мы находим следующее положение: "И жители Лондона должны иметь свои места для охоты так же хорошо и полно, как это было у их предков, то есть в Чилтре, Мидлсексе и Суррее" (см. с. 279).

В той же хартии, которая явно была признанием старых прав, он дарит им графство Мидлсекс, в состав которого входил и лондонский Сити, "для ведения хозяйства" за ежегодную плату в 300 фунтов стерлингов в год.

Из всего этого следует, что графство Мидлсекс считалось включающим Лондон и, в некотором смысле, частью Лондона, и что значительная часть его земель "подчинялась" Лондону. В этой части горожане могли охотиться, так же как и ловить рыбу в реке и птиц на прибрежных болотах.

II. Торговля города

О ранней торговле Лондона можно судить, приняв во внимание: (1) что Лондон был главным местом приема, распределения и экспорта товаров; (2) что он мог продать; и (3) что он хотел купить.

Почти все, что требовалось, производилось на фермах и в городах. На фермах готовили масло, сыр, хлеб, пиво, бекон; выращивали и мололи зерно; выращивали фрукты и овощи в садах; собирали мед из ульев; пряли, ткали, плотничали, шили одежду, делали обувь - все это делалось в доме. Ничего из того, что можно было сделать в доме, не покупалось; ничего из того, что можно было сделать в доме, не выставлялось на продажу на рынке. Чего же хотели люди и что они покупали? Во-первых, им нужен был металл для работы, оружие, ножи и утварь. Затем им нужна была соль. Железо и соль были двумя предметами первой необходимости, которые можно было получить только путем покупки или бартера. Если перейти к роскоши, то богатые люди пили иностранное вино в дополнение к домашнему пиву, сидру и метеглину; одевались в иностранный шелк; пользовались золотыми и серебряными кубками, которые делали лондонские ювелиры; импортировали иностранное стекло; пряности привозили из *заграницы*; оружие, сделанное за границей, было более тонкого нрава и лучшего качества, чем их собственное. Церкви требовались церковные облачения, картины, ладан, золотые и серебряные сосуды. Все это город мог предложить и продать. Для целей покупки или обмена город был готов купить рабов, шерсть, металл, кукурузу и скот. По всей стране люди выращивали рабов и продавали их; они отправляли в Лондон большое количество шерсти; они также отправляли свинец, олово, железо, струи, рыбу и скот. И среди иностранных купцов был большой спрос, хотя предложение было невелико, на прекрасные вышивки англосаксонских женщин и на прекрасные золотые изделия англосаксонских ювелиров. Положение золотых дел мастеров в Лондоне, где они были самыми богатыми и знатными горожанами, доказывает, что спрос на их работу был не только на родине. Слова, используемые для обозначения искусств и многих предметов общего пользования, показывают, что сначала они были импортированы, причем из страны, где в основном использовался латинский язык. Общие предметы, такие как свеча, булавка, вино, масло; названия мер и весов; названия монет также заимствованы из римских источников. Теория Райта о том, что жители городов говорили на латыни и что саксы постепенно слились с жителями городов до великого нашествия, может объяснить сохранение латинских названий для обычных предметов. Одним из способов введения этих

слов могло быть общение церкви с континентом, особенно между монастырями Англии и Франции.

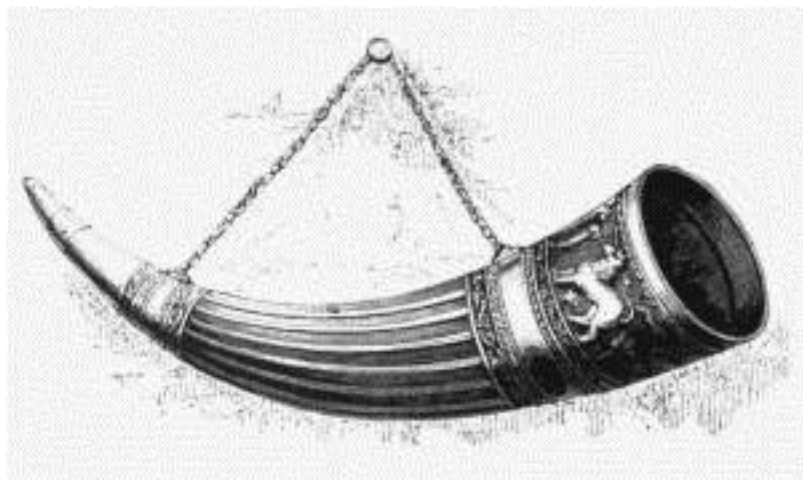

ДЕВУШКИ САКСОНА
Royal MS. 2, B. vii.

То, что торговля Лондона была крупной и постоянно росла, несомненно. Об изобилии золота в стране свидетельствуют богатство святынь и монастырей, а также важность и ценность экспорта. Шарон [Тернер23](#) суммирует этот прогресс в торговле в таких общих выражениях, как я уже указал: - "Собственность землевладельцев

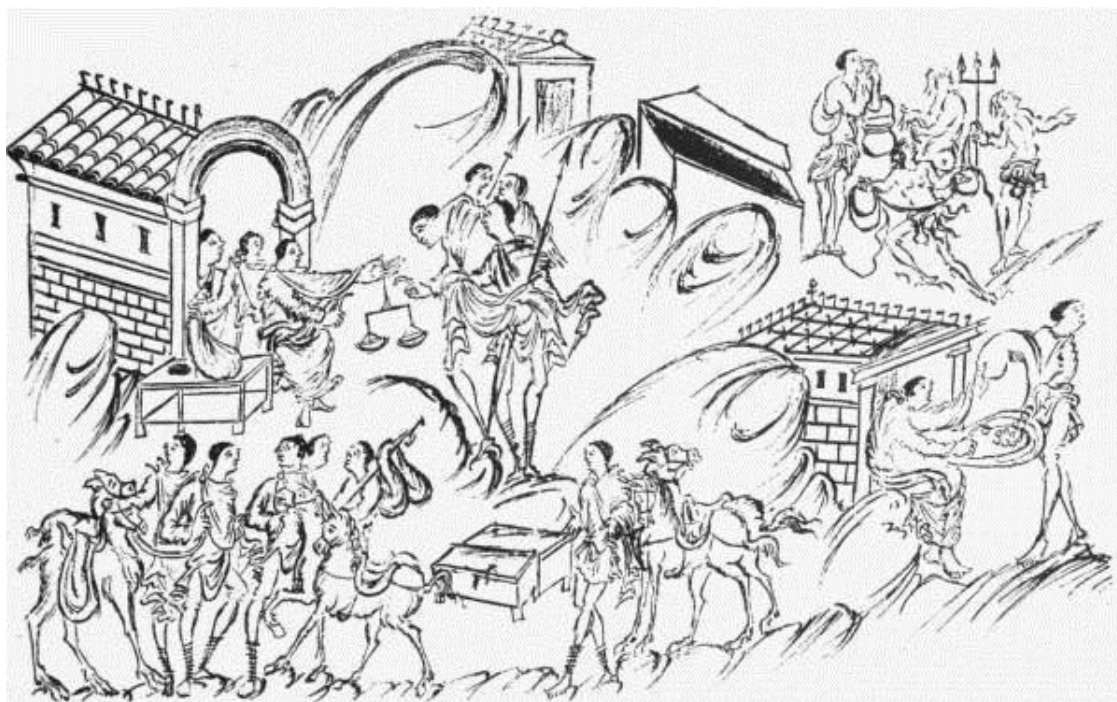
"Имущество землевладельцев постепенно увеличивалось в постоянных товарах, добываемых из их животных, каменоломен, рудников и лесов; в их зданиях, мебели, военных складах, кожаных изделиях, стекле, пигментах, сосудах и дорогих платьях. Вкус к изысканности и новизне распространялся по мере того, как множились удобства. Иностранные товары ценились и были востребованы; все, что англосаксонские труженики могли произвести, чтобы удовлетворить потребности или капризы иностранцев, вывозилось по бартеру. Все это давало множество каналов питания тем, у кого не было земли, предоставляя им возможность получать эквиваленты, от которых зависело их существование. По мере того как увеличивалось количество слитков в стране, они становились, в чеканном или нечеканном виде, всеобщим и постоянным эквивалентом. Поскольку его можно было хранить без порчи, и он всегда был в ходу, когда его использовали, изобилие общества росло, потому что никто не решался обменять на него свое имущество. Пока монета не стала средством бартера, большинство людей не решались расстаться с выращенными ими продуктами, и все классы страдали от стремления к накопительству. Монета или слиток освобождали товары, в которых нуждалось все общество, от индивидуального страха, благоразумия или жадности, которые для собственных нужд утаивали их, и отправляли их в плавание по десяти тысячам вечно разделенных каналов. Англосаксы находились в этом

счастливым состоянии. Слитков, как мы уже отмечали, в стране было в достатке, и они были в полном употреблении при обмене на все вещи. В каждое царствование после Ательстана торговля и занятость в стране росли".

САКСОНСКИЙ РОГ

Главной работой Лондона был сбор и распределение товаров. Порт был центром, в который приходили и из которого уходили все дела страны. В обязанности короля входило поддержание больших дорог, но римское мастерство в прокладке дорог было утрачено; от шоссе ответвлялись дороги, соединявшиеся с деревнями, через леса и болота. О старом духе племенного разделения говорит тот факт, что просто быть замеченным на такой дороге было подозрительно. "... Если дальний человек или чужак идет по лесу в стороне от дороги и не кричит и не трубит в рог, его следует считать вором и либо зарезать, либо выкупить". Многие монастыри располагались далеко за пределами шоссе и в лесах; очевидно, они сообщались с миром посредством ручьев и рек. Например, Тинтерн, Фаунтейнс, Драйбург, Кроулэнд, Эли стояли у ручьев или рек.

КУПЦЫ С ЛОШАДЬМИ И ВЕРБЛЮДАМИ
Харл. MS., 603.

Существует множество свидетельств о масштабах торговли в лондонском порту. Здесь были купцы с Готланда, этого странно расположенного центра восточной и северной торговли. На острове были найдены тысячи монет - римских, византийских и англосаксонских, свидетельствующих о богатстве и предприимчивости купцов, которые вели свои караваны через всю Россию, а корабли - от Балтики до Немецкого океана и берегов Бискайского залива. В седьмом веке мы слышим о фризских купцах, торговавших в "Lunden tunes Hythe". Не все норманны были пиратами. Отер описывает торговлю с Англией шкурами медведя, куницы, выдры, северного оленя, гагачьим пухом и китовой костью; веревками из китовой и тюленьей кожи. В законах Этельреда мы читаем о фризах, называемых фландрийцами, о людях императора, людях Руана, Нормандии и Франции.

Похоже, что большая часть внешней торговли оставалась в руках иностранных купцов, но не вся. Ательстан присваивал звание тана тому, кто трижды побывал в Средиземном море. А в "Диалогах" Элфрика мы имеем собственный рассказ английского купца о себе и своей торговле: - "Я говорю, что я полезен.

"Я говорю, что я полезен королю и другим людям, богатым и всем людям. Я сажусь на корабль со своим товаром и плыву по морю, продаю свои вещи и покупаю дорогие вещи, которые не производятся в этой земле, и привожу их к вам сюда с большой опасностью по морю; и иногда я терплю кораблекрушение, теряя все эти вещи, едва спасаясь сам. Что ты везешь *нам*?" - "Кожи, шелка, дорогие драгоценные камни и золото; дикийовинные одежды, пигменты, вино, масло, слоновую кость и орихалк; медь и олово, серебро, стекло и тому подобное".

Путешествие кораблей с юга и юго-востока в Лондон было гораздо безопаснее, чем можно было бы ожидать для таких маленьких судов, какие тогда составляли торговые суда - короткие, громоздкие, с одной мачтой и одним парусом. Корабли, направлявшиеся в Лондон, огибали берег вокруг Южного форланда, а затем, вместо того чтобы обогнуть Северный форланд, входили в устье Темзы по мелководному рукаву моря под названием Уанцум, который отделял Танет от материка и превращал его в остров. В обоих концах этого прохода римляне построили по крепости: на севере - Регулбиум, ныне Рекулвер; на юге - Рутупие, ныне Ричборо. Последняя стояла на небольшом острове, отделенном от материка узким каналом. На месте Сэндвича находился другой островок, лежащий к югу от Рутупии. Проход оставался открытым отчасти благодаря тому, что в него впадали две или три реки с Кентского нагорья. Однако постепенно он заилился и сузился, но корабли продолжали проходить по этому каналу вплоть до XVI века, когда он стал слишком мелким для самых легких судов. О Вантсуме следует помнить всякий раз, когда речь заходит о ранней навигации в лондонский порт и из него, поскольку он избавлял корабли от тяжелого и опасного пути вокруг Норт-Форленда.

Распределение товаров, сбор экспортных платежей и внутренние перевозки осуществлялись исключительно английскими купцами. Каждый год чапман отправлялся в свой обход. Он отправлялся в путь со своим караваном лошадей, нагруженных товарами, в сопровождении отряда слуг, вооруженных для защиты от разбойников; дороги были очищены от леса и подлеска с обеих сторон, чтобы предотвратить засаду - это были старые римские дороги, многие из которых сохранились до сих пор; антиквар с удовольствием находит здесь и там свидетельства того, что дорога пришла в упадок и не ремонтируется, а отклоняется на более легкий путь. Там, где не было римских дорог, были тропы и уздечки; страну покрывали леса, и даже летом существовала опасность трясины и болота. Чапман ездил не от деревни к деревне или от дома к дому, а от одной рыночной площади к другой, докладывая о своем прибытии риву. По окончании сезона, продав или обменяв свой товар, он возвращался в Лондон, его караван теперь был нагружен шерстью, шкурами и металлами для экспорта, а возможно, и компанией несчастных рабов для продажи за моря.

БАНКЕТ

Royal MS. 2, B. vii.

Гильдии, из которых возникло такое большое количество торговых корпораций и компаний, встречаются очень рано. Нам предстоит рассмотреть этот вопрос позже; здесь же отметим, что сохранились фактические правила многих ранних гильдий. Они не были профсоюзами: то есть существовали не для того, чтобы поддерживать цены и зарплаты. По сути, они носили социальный, даже дружеский характер; это были благотворительные общества; и они были религиозными. У нас есть полный кодекс лондонской "гильдии фритов" времен Ательстана. Законы были составлены епископом и ривом. Члены, которых было много, собирались вместе раз в месяц для общественных целей; они пировали и пили вместе; когда умирал один из членов, каждый брат дарил каравай и пел, или платил за пение, пятьдесят псалмов. Существовал страховой фонд, в который каждый член вносил четыре пенса, чтобы возместить убытки, понесенные членами; они также платили шиллинг на отлов воров; они делились на компании по десять человек и на группы по сотне человек; у каждой компании и у каждой группы был свой офицер. Преследование и осуждение воров были главными задачами этой гильдии. В торговом городе кража или уничтожение имущества - это преступление, которое вызывает наибольшее отвращение у горожан.

Существовала и гильдия другого рода, свойственная, по-видимому, только лондонскому Сити. Она называлась Гильдией Книхтена (см. с. [329](#)). В дальнейшем у нас будет повод поговорить об этой гильдии подробнее. Пока же достаточно сказать, что, по всей вероятности, это была ассоциация, связанная религиозными формами и обетами для защиты города - "Книхтен" были фактически офицерами городского ополчения, состоявшего из всех трудоспособных горожан; Они были попечителями средств, собранных для обеспечения горожан оружием; они управляли принадлежащим городу поместьем под названием Портсокен, расположенным за Олдгейтом, ренту с которого получали и откладывали, либо тратили на ремонт ворот и стен, а также на обеспечение оружием.

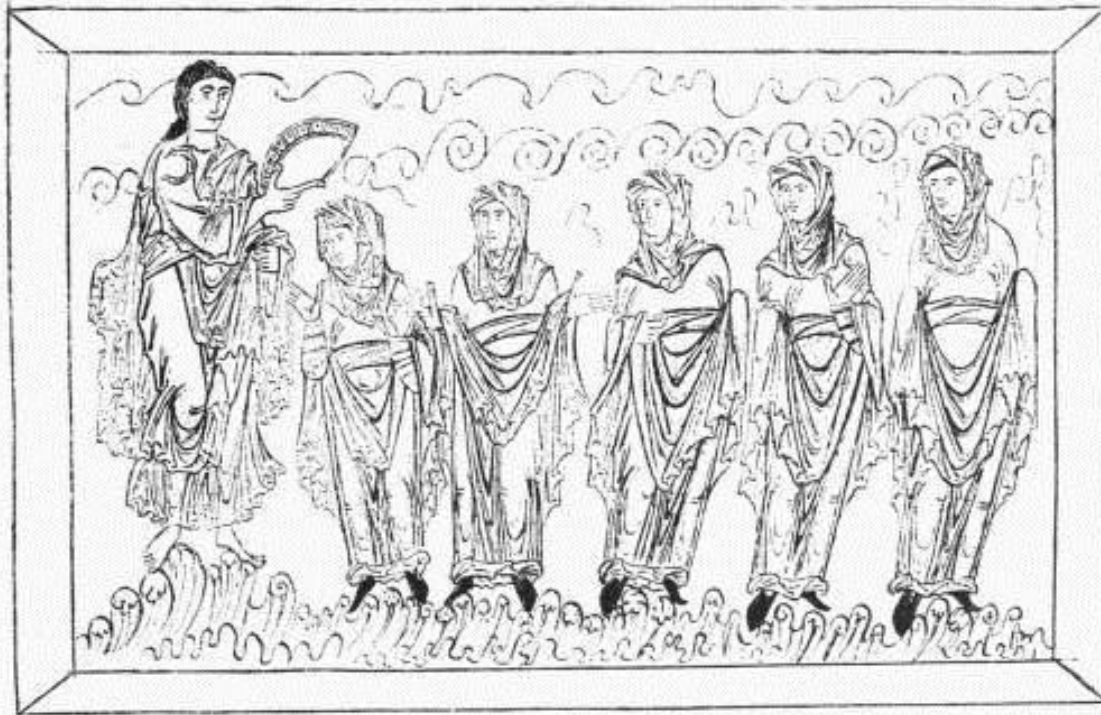
АББАТСТВО ГЛАСТОНБЕРИ

Были предприняты попытки вывести англосаксонские гильдии из римских *коллегий*. Это не исключено, если предположить, что подражание пришло через Галлию. В то же время, точки сходства, на которые опирается теория, настолько незначительны, что не хочется принимать ее как доказанную. Иными словами, это такие точки сходства, которые естественным образом присущи любой ассоциации людей, созданной для взаимной поддержки и поддержания общих интересов. Таким образом

1. В Римской империи существовали *collegia privata*, объединения людей, связанных между собой для торговых целей.
2. Они были созданы на основе юридических прав.
3. Они делились на коллегии по десять и сто человек.
4. Ими руководили *магистр* и *декурионы* - президент и совет.
5. У них был свой казначей и свой субказначей.
6. Они могли владеть имуществом в своем корпоративном качестве.
7. У них были свои храмы, в которых они приносили жертвы.
8. У них были дома собраний.
9. У них был общий лист.
10. У них был *jus sodaliti*, законы, права и обязанности членов.
11. Они принимали членов под присягой.
12. Они поддерживали своих бедняков.
13. Члены должны были платить взносы и подписки.

14. Они публично хоронили своих умерших.

15. У каждого из них был свой день празднования или пир.

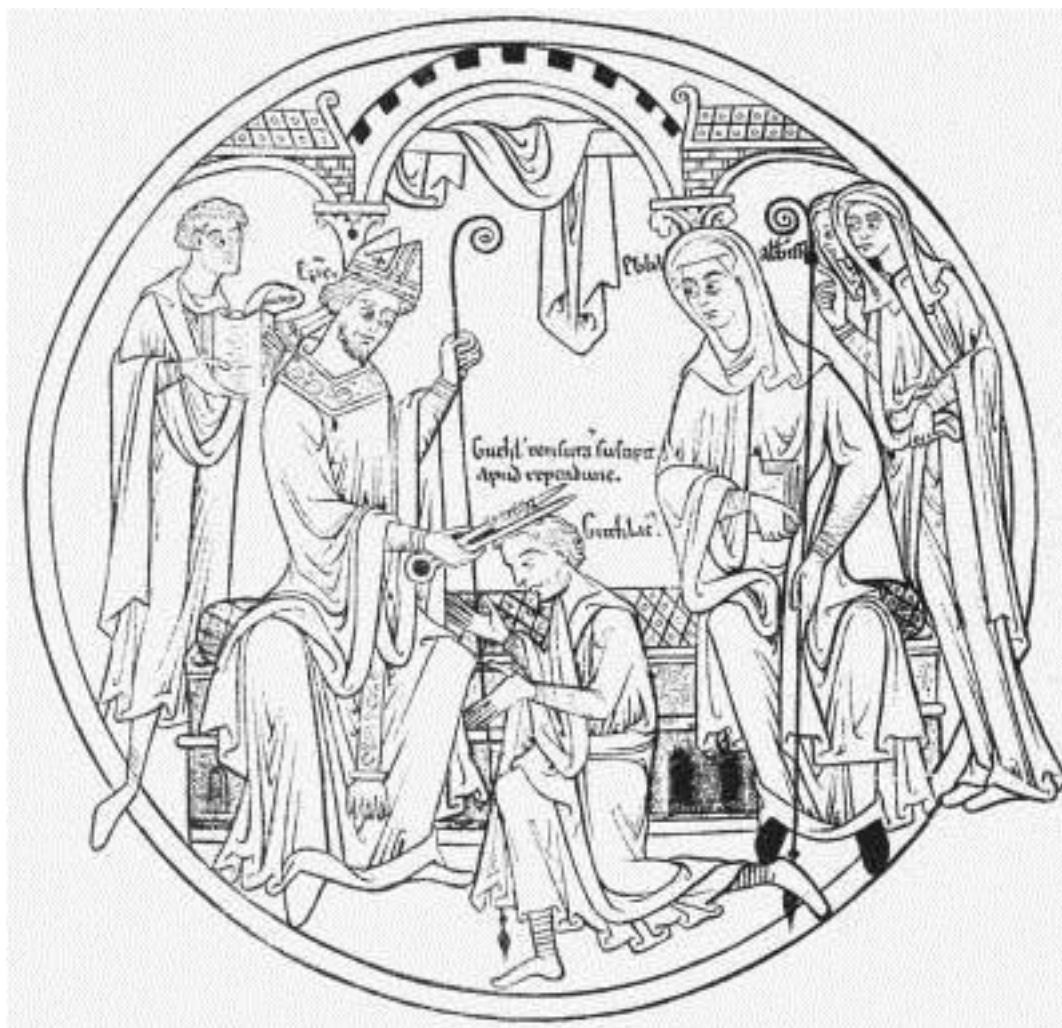

АНГЛО-САКСОНСКИЕ МОНАХИНИ

Prudentius MS., 24199 (XI в.).

Теперь, если бы мы нашли у китайцев или древних мексиканцев учреждения с подобными законами, можем ли мы с полным основанием утверждать, что они имеют римское происхождение? Вовсе нет. Мы должны просто констатировать факты и признать, что гуманность, присущая всем эпохам и странам, должна быть установлена и поддерживаться каждой такой ассоциацией, как компания или гильдия в интересах любого ремесла или тайны. До сих пор и не более того англосаксонская гильдия является копией римской *коллегии*. Если не будут найдены другие точки сходства, мы будем вправе считать, что гильдия не была заимствована саксами из римской, и что последняя не сохранилась в провинциальных городах Англии. Против этой теории можно возразить, что если бы она сохранилась, то каждая гильдия, будучи отделенной от других, могла бы развиваться по независимым линиям, и что, по крайней мере, сохранились бы некоторые римские имена и некоторые римские обычаи, помимо обычаев, общих для всех подобных объединений в любой эпохе и в любой стране.

III. Религиозные основы

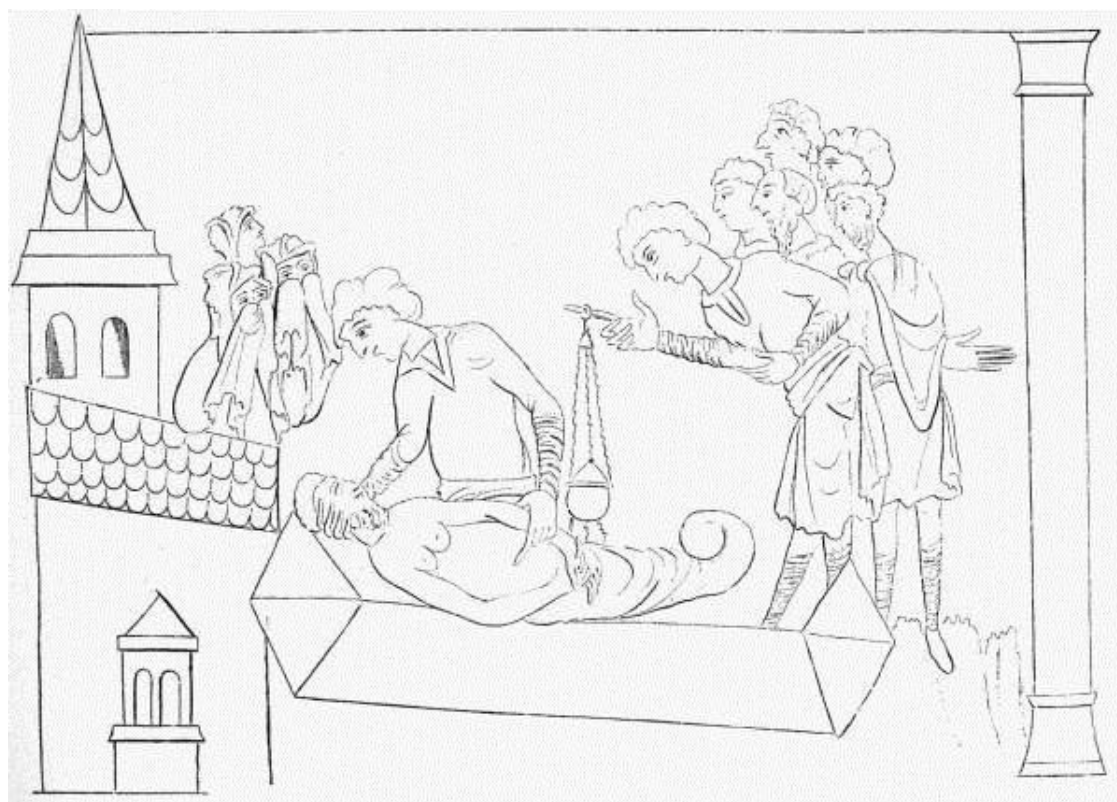

ПРИНЯТИЕ ПОСТРИГА

Харл. MS., Roll Y. 6.

Религиозный дух, который всегда был присущ тевтонским народам, сильно проявился в саксах, как только они обратились в христианство. Он умножил монастыри и церкви; по всей стране возникли монашеские дома; Беда упоминает девятнадцать из них, в том числе в Эли, Уитби, Ионе, Мелроузе, Линдисфарне и Беверли. Однако он не упоминает Вестминстер, Ромси, Баркинг и Кроулэнд. Короли, королевы, принцессы и дворяне - все они уходили в монастыри и принимали обеты; отчасти, несомненно, из страха потерять свою душу, а отчасти, несомненно, из желания насладиться спокойной жизнью, свободной от бесконечных проблем мира; свободной также от его соблазнов и притягательности. Монастырь обеспечивал покой в этом мире и блаженство в мире грядущем. В последнее время слишком часто принято высмеивать правила и дисциплину, ежедневные службы, итерации, превращающие молитву и прославление в механическую рутину. И все же легко понять, на какой тип ума может оказать такое омертвляющее воздействие. Также легко понять, для кого строгие правила были бы опорой и костылем в жизненном паломничестве; для кого ежедневные службы, ночные службы, вечные службы были бы множеством ступеней, по которым душа поднималась бы вверх. Опять же, для измученного короля, прибывшего после долгих лет борьбы и сражений в среднем возрасте или в старости, подумайте, как такой дом, лежащий в лесу, среди недоступных болот, показался бы пристанищем для отдыха! Или, опять же, принцессе, пережившей насильственную и преждевременную смерть братьев, отца, большей части своего народа; помнившей слезы и горе овдовевшей матери; прошедшей через утраты, которые делали жизнь ужасной в время вечной войны; как восхитительно было бы сохранить

свою девственность даже в браке и, как только это будет возможно, удалиться в безопасность и покой женского монастыря!

ПОГРЕБЕНИЕ

Метрический парафраз Кедмона (X в.), Бодлианская библиотека.

В 731 году, в год своей смерти, Беда писал: "При таком мирном и спокойном настроении времени многие нортумбрийцы, как дворяне, так и частные лица, отложив оружие, скорее склонны посвятить себя и своих детей постригу и монашеским обетам, чем изучать воинскую дисциплину. Чем это закончится, покажет следующий век".

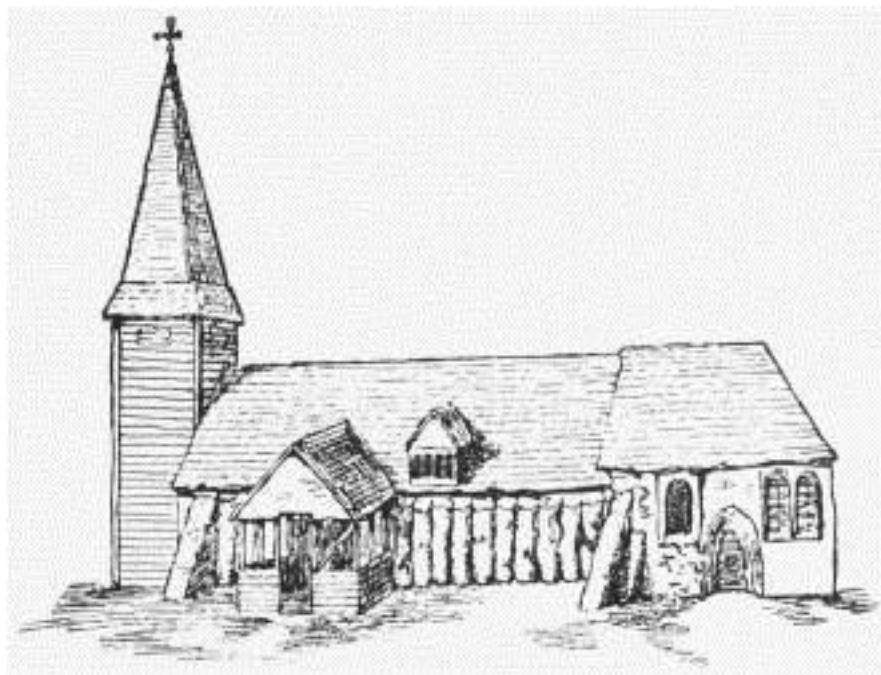
Следующий век действительно показал, что происходит со страной, которая отдает своих мальчиков в монастыри. В следующий век люди продолжали стекаться в монастыри; они не только оставляли свои обязанности и свои дома, но и свою страну; они толпами стекались на паломничество в Рим, как в очень святое место; благородные и неблагородные, миряне и духовенство, мужчины и женщины, не только отправлялись на паломничество, но и шли в Рим, чтобы умереть там. Те, кто не мог ни принять монашеский обет, ни умереть в Риме, перед смертью облачались в монашеское одеяние.

Таким образом, англосаксонский Лондон в VIII веке стал глубоко религиозным, и хотя история того времени полна насилия, она также полна увещаний к лучшей жизни. Епископы постоянно приказывали читать Евангелия. Каждый священник, особенно священник, должен был изучать Священную книгу, по которой он должен был проповедовать и учить. Современный дух англосаксонской проповеди очень примечателен, и это несмотря на суеверия, в которые было погружено то время. Церкви, например, были забиты реликвиями; возможно, люди относились к ним так, как мы относимся к коллекциям в музее. Здесь хранились частицы священных яслей, истинного Креста, горящего куста, бороды святого Петра, пальца Марии Магдалины. Не обошлось и без народных верований о колдовстве. Священники выступали против колдовства: "То, что мертвые воскресают с помощью дьявольского мастерства или колдовства, очень отвратительно для нашего Спасителя; те, кто занимается такими ремеслами, - враги Бога и принадлежат

коварному дьяволу". Священники также ревностно запрещали и искореняли все языческие пережитки, такие как поклонение фонтанам, заклинания мертвых, знамения, магию, поклонение людям, мерзости, практикуемые в различных видах колдовства, поклонение вязам и другим деревьям, камням и другим "фантомам". Еще долго после того, как христианство охватило землю, люди практиковали свои старые заклинания для излечения болезней, для удачи в предприятиях, против ядов, болезней и сражений. У них была тысяча предзнаменований и предсказаний; дни были удачными или неудачными; дни были хорошими или плохими для того или иного вида бизнеса - в памяти живых людей сохранились альманахи, в которых указывались удачные и неудачные дни. Не живем ли мы до сих пор в массе суеверных верований? Достаточно вспомнить, что саксы были столь же суеверны, как и наши деды, и даже столь же суеверны, как мы сами.

Интересно отметить простое и красивое благочестие Беда и других англосаксонских писателей, а также необычайное легкое верие, с которым они рассказывают о чудесах. Каждая доктрина должна была быть понятна, объяснена и подкреплена особым чудом. Возьмем, к примеру, доктрину о действительности заупокойных месс. Кто может продолжать сомневаться в этом вопросе после таких свидетельств, как приведенные ниже? Кто может возразить против чуда?

В 679 году - за несколько лет до написания этой истории - у реки Трент произошла битва между Эгфритом, королем нортумбрийцев, и Этельредом, королем мерсийцев. На поле боя был оставлен мертвым один Имма, юноша, принадлежавший королю. Этот юноша вскоре пришел в себя и, перевязав свою рану, попытался незаметно покинуть поле боя. Однако, будучи схваченным, он был доставлен к одному из графов Этельреда. Боясь признаться в том, кем он был, он сказал, что является крестьянином, который принес провизию для армии. Граф приказал заботиться о нем и должным образом развлекать его как пленника. У него был брат по имени Тунна, священник и настоятель монастыря. Этот священник услышал, что Имма погиб, и отправился искать его тело на поле боя. Вскоре он нашел тело, так похожее на тело своего брата, что, отнеся его в монастырь, похоронил и отслужил заупокойную мессу. Когда Имма оправился от ран, граф приказал связать его, чтобы он не сбежал. И вот, как только на него наложили узы, они были ослаблены. Граф заподозрил колдовство; Имма уверял его, что не знает никаких заклинаний. Однако под давлением он признался, кто он и что он, - не крестьянин, а солдат, принадлежащий королю Эгфриту. Тогда граф отвез его в Лондон и там продал в рабство некоему фризийцу, который связал его новыми путами. Но в третьем часу ночи они все спали, и так каждое утро; тогда фризиец, не зная, что делать с этим чудесным рабом, позволил ему вернуться, пообещав прислать выкуп. Когда Имма поговорил со своим братом, он узнал, что ослабление его уз произошло чудесным образом в ответ на мессу, совершаемые за его душу.

САКСОНСКАЯ ЦЕРКОВЬ В ГРИНСТЕДЕ

Нашествие датчан в VIII и IX веках уничтожило большинство монастырей. Ведь поначалу, будучи язычниками, они радовались разрушению и разграблению святых домов и церквей, которые были богаты, полны драгоценных вещей из золота и серебра, вышивок, жемчуга и драгоценных камней, шелков и тонких тканей. Они разрушили Уэрмут, а также Джарроу, Тайнмут, Колдингем, Кроулэнд, Питерборо. Когда разрушители удалились, те из монахов, кто избежал убийства, робко вернулись. Например, аббатство Кроулэнд сократилось до аббата и двух монахов.

Когда Альфред восстановил мир, он попытался возобновить некоторые монастыри, но потерпел неудачу: никто не хотел становиться монахом. С женскими монастырями у него получилось лучше: он основал один в Шафтсбери и один в Винчестере. В Гластонбери во времена Дунстана служили ирландские священники. В пректе минстера Павла был колледж, в Сен-Мартен-ле-Гран - колледж; но в Лондоне в это время не было ни монастыря, ни женского монастыря. Почему?

Это можно объяснить тем, что в то время, когда великое рвение к монастырям двигало сердцами людей, в стране царил относительный мир, и религиозный дом стремились построить вдали от того, что считалось мешающим влиянием города. Например, святой Эркенвальд, епископ Лондонский, основал два дома, но ни один из них не разместил в Лондоне; один из них он построил в Баркинге вниз по реке, а другой - в Чертси вверх по реке. Встречаются и другие примеры. Ромси, Кроулэнд, Медехемстед (Питерборо), Линдисфарн, Иона, Эли, Гластонбери, не говоря уже о многих более поздних основаниях, были размещены в тихих уединенных местах вдали от суетного мира. Вестминстер, правда, был построен на острове, некогда густонаселенном и лежащем на торговой магистрали; но раннее основание было разрушено датчанами, а дом Эдуарда возник уже после того, как магистраль была свернута и большая часть торговли ушла в сторону. Тем не менее, Вестминстер никогда не был удален от людских мест, и можно заметить, что когда начали строить новые дома, их возводили в самом Лондоне и вокруг него, не думая об уединении. Опять же, когда на землю обрушились датские смуты и монастыри были разграблены, на долгие годы монашеская жизнь стала невозможной; прежнее стремление к ней полностью исчезло, и прошли долгие годы, прежде чем оно пробудилось вновь. Когда оно пробудилось, монастырские дома были основаны в стенах Лондона или под защитой стен, как в Сент-Мэри-Овери, Бермондси и Олдгейте. Датские грабежи не были забыты.

Другим объяснением отсутствия монашеских домов в саксонском Лондоне может быть тот факт, который часто упускают из виду, что при каждом минстере существовал колледж, или монашеский дом, где священники - не монахи - вели обычную жизнь, хотя еще не безбрачную; где у них была школа и где они воспитывали мальчиков для Церкви. В Domesday Book нет земель, принадлежащих религиозным домам в Лондоне, за исключением церкви Святого Павла, которая имела земли в Эссексе и других местах; некоторых отдельных каноников епископа Лондонского, которые имели земли в Мидлсексе, Хартфорде и Эссексе; а также церкви Святого Мартина, Вестминстерского аббатства и Баркингского аббатства.

СВ. ДУНСТАН

Claud MS., A. iii.

Лондонские церкви, как и дома, сначала строились из дерева. Саксонскую церковь, подобные которой были разбросаны по всей территории Сити, можно увидеть в Гринстеде, близ Чиппинг-Онгара, в Эссексе (см. с. 211). Когда дома стали строить из камня, церкви последовали их примеру; вы можете увидеть каменную саксонскую церковь в Брэдфорде-на-Эйвоне, недалеко от Бата. Сначала церкви были совсем маленькими и оставались таковыми на протяжении многих веков. Постепенно в них появилось стекло, богато украшенные алтари, часовни и органы: в последнем отношении они оказались лучше, чем их преемники в XVIII веке, когда во многих городских церквях не было ни одного органа. Беде описывает орган как "вид башни с различными трубами, из которых, при дуновении в мехи, издается самый обильный звук; а чтобы его сопровождала модуляция, он снабжен некоторыми деревянными язычками из внутренней части, которые пальцы мастера, умело подавляя, производят величественную и почти сладкую мелодию".

А Дунстан, который был великим искусником по металлам, а также великим художником, построил для себя орган из медных труб.

Интересно собрать из посвящений городских церквей те, которые определенно датируются саксонскими временами. Так, есть пять, посвященных Оллхоллоузу, из которых четыре, несомненно, древние; из церквей, посвященных апостолам, есть две церкви Святого Андрея, три - Святого Варфоломея, одна - Святого Иакова, одна - Святого Павла, три - Святого Петра, одна - Святого Стефана, четыре - Святой Марии, одна - Марии Магдалины. Марии, одна - Марии Магдалины; из более поздних святых представлены святой Мартин, святая Бриджит, святой Бенедикт, святая Анна, святой Климент, святой Джайлс, а саксонские или датские святые - святая Этельбурга, святой Свитин, святой Ботольф, святой Олав, святой Магнус, святой Ведаст и святой Дунстан. Ни один из норманнских святых, похоже, не пересекал воду. Ни один из них не вытеснил саксонских святых, в то время как ни один британский святой не остался в саксонской Англии, что показывает, насколько отличалось норманнское завоевание от саксонской оккупации.

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ
Нерон MS. C iv.

Если церковное право что-то значит, то лондонский горожанин должен был проводить большую часть своего времени в покаянии. Помимо общеуголовных преступлений - насилия, лжесвидетельства, воровства и т. д., - церковь выдвинула доктрину, согласно которой существовало восемь смертных преступлений: гордыня, тщеславие, зависть, гнев, уныние, скупость, жадность и роскошь. За жадность человек должен был поститься и совершать епитимью в течение трех лет. За уныние он должен был поститься на хлебе и воде, пока снова не воспрянет духом.

Главным оружием Церкви в то время, когда исполнительная власть слаба, является покаяние. Для англосаксов их священник был вооружен таким длинным и тяжелым кодексом наказаний, что невозможно поверить, что он когда-либо применялся. Можем ли мы, например, поверить, что свободные люди согласились бы жить на самой грубой пище и три года каяться в наказание за то, что ели с большим удовольствием? Нам говорят, что если человек убивал кого-либо в публичном бою, то должен был поститься сорок ночей. Значит, король Альфред должен был поститься все дни своей жизни, что просто абсурдно. Опять же, можно ли поверить, что грешники соглашались носить на теле железные цепи, лежать голыми у ног обиженного, ходить с веревкой на шее, воздерживаться от воды, горячей или холодной? Можно ли поверить, что кто-то, особенно богатый или знатный, продаст свое имение, отдаст треть бедным, треть духовенству, а себе и своей семье оставит не более трети?

Однако покаяние могло быть заменено денежными выплатами. Это свидетельствует не о жадности и скупости Церкви, а о ее слабости. Другой способ смягчения покаяния заключался в том, чтобы заплатить людям за исполнение покаяния за грешника. Так, человек, которому предписывался тридцатидневный пост, мог нанять двенадцать человек, чтобы они постились по три дня каждый. Или, если ему предписывался годичный пост, он мог нанять 120 человек, которые постились бы таким же образом, по три дня каждый. Как я уже говорил выше, в этом проявляется слабость Церкви. Епископы осуждали преступления; они показывали людям, насколько тяжким грехом является тот или иной грех, налагая на них тяжелые епитимьи; затем, поскольку лишь немногие соглашались исполнять такие епитимьи, им приходилось довольствоваться уклонениями и заместительным исполнением. По мере того как Церковь укреплялась, покаяние становилось все более разумным.

Почти на каждой улице была церковь, а при каждой церкви - приход. Некоторые из церквей были построены в качестве акта покаяния. Иногда мы склонны считать, что власть Церкви должна была быть невыносимой тиранией; однако жестокость того времени требовала произвола, и в худшем случае лучше было оказаться в руках Церкви, чем в руках короля.

IV. Временное правительство

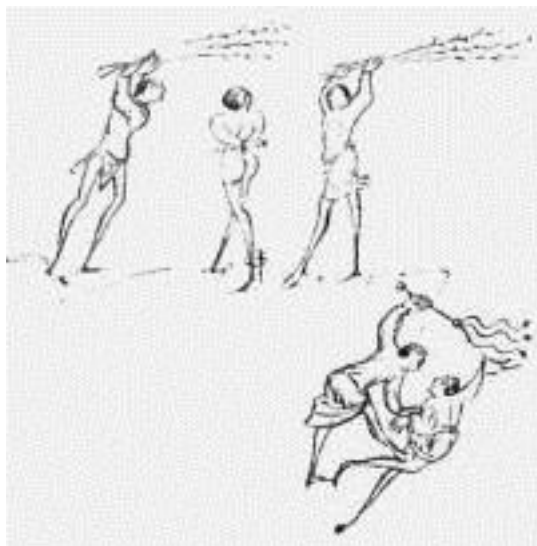
В управлении городом епископ и портвэ были двумя главными должностными лицами; первый представлял больше, чем церковную жизнь, потому что церковь управляла жизнью каждого человека на всех этапах его паломничества от колыбели до могилы. Портвэ был королевским чиновником: он следил за таможенной, пошлинами, сборами и т. д. Порт - это не "Porta", ворота, и не "Portus", гавань; это "Portus", замкнутое пространство: "Portus est conclusus locus quo importantur merces et inde exportantur" (Thorpe, 1. 158). Портвэ был гражданским судьей, как и епископ - церковным. Другими должностными лицами были "Тунгерефа", или Тунрив, в чьи обязанности входило следить за уплатой таможенных пошлин. Качепол", или бидл, возможно, был сборщиком. Кроме того, существовали юраты или присяжные, называемые иногда *testes credibiles*, которые выступали в качестве свидетелей в каждом деле о сделке или продаже. Законы Эдгара гласили: "Пусть каждый из них при первом избрании в качестве свидетеля даст клятву, что ни из корысти, ни из страха, ни из выгоды он никогда не будет отрицать того, что он видел, и не

будет утверждать ничего, кроме того, что он видел и слышал. И пусть будет два или три таких заклятых человека свидетелями каждой сделки". Упоминается также "Вик-рив", но это, вероятно, лишь другое название Таун-рива. Он упоминается в эдикте, изданном двумя кентскими королями, Хлотхером и Эдриком (673-685 гг.). "Если кто-либо из кентландцев купит какую-либо вещь в Лундевики, пусть у него будет два или три свидетеля или королевский виц-рив". Райт считает, что этот чиновник был назначен королями Кента, чтобы следить за их интересами в городе, принадлежащем королям Эссекса. Почему бы ему не означать просто управляющего портом, *то есть* управляющего королями Эссекса? "Если впоследствии это потребуют от человека в Кенте, пусть он поручится за того, кто ему это продал, или за волшебника в королевском зале". Преступников судили в открытом суде их товарищи. Они могли быть оправданы под клятвой тех, кто давно их знал. Если их признавали виновными, наказания были жестокими: их лишали рук, ног, языка, глаз; женщин сбрасывали со скалы в реку или сжигали; применяли порку. Практиковались такие испытания, как "корнед", или освященный ячменный хлеб, который могли проглотить только невинные; считается, что это испытание убило графа Годвина; холодная вода, горячая вода, раскаленное железо. Но только не испытание боем. Во всех других испытаниях событие было неопределенным: в том, что касалось битвы, один или другой должен был умереть. Горожанин X века был максимально не согласен с таким испытанием. Позднее, при нормандском правлении, он постоянно протестовал против этой обязанности, пока король не освободил его от нее.

АНГЛО-САКСОНСКИЕ СПОСОБЫ НАКАЗАНИЯ

Claud MS., B. iv.

ПОРКА РАБА
Harl. MS., 603.

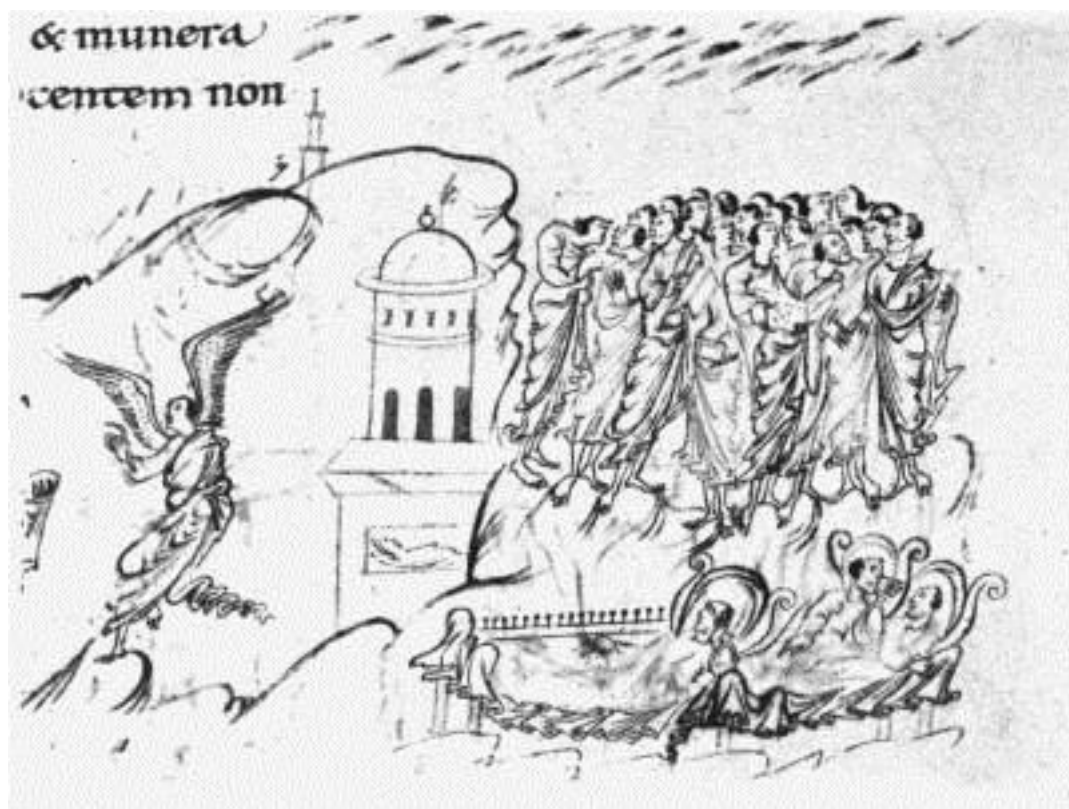
Англосаксонские законы просто удивительны в том, что касается наказаний, назначаемых подневольным преступникам. Их дикая жестокость показывает, что хозяева боялись рабов. Если рабыня что-нибудь украла, ее могли жестоко выпороть, бросить в тюрьму и держать там, сбросить в пропасть, утопить или даже сжечь до смерти. В последнем случае ее должны были сжечь восемьдесят других женщин-рабынь, каждая из которых должна была внести полено в костер. Если мужчина-раб совершал подобное преступление, его могли забить камнями до смерти восемьдесят других рабов, а если один из этих восьмидесяти трижды промахивался, его пороли. Однако, поскольку рабы стоили денег и были ценным имуществом, не исключено, что их часто уничтожали за незначительные проступки. С другой стороны, их жестоко пороли. На небольшом рисунке в современном MS. изображена порка раба. Он раздет догола, его левая нога ограничена кругом, двое мужчин бьют его колючими рукоятками. Жестокость наказания, донесенная до человека, кажется зверской. Но порка была не самым страшным и жестоким наказанием. Практиковались всевозможные виды увечий, которые были почти неопишуты. Калечение, действительно, продолжалось в качестве наказания еще долго после Завоевания. Мы увидим, например, как Генрих I наказал "монетаристов", обесценивших монету, отрубив им правые руки и лишив их мужественности. Отрезали веки, носы, губы, уши, руки, ноги; жертв этого варварства можно было увидеть на каждой дороге в каждом городе. С теми, кто был не рабом, а свободным человеком, обращались, как правило, гораздо милосерднее. Во-первых, для тех, кого не брали с поличным, существовало испытание, к которому они могли обратиться. Далее, существовала "компургация", в ходе которой обвиняемый должен был найти достаточное количество авторитетных людей, которые поклялись бы, что он не способен на преступление, в котором его обвиняют. Или, опять же, многие преступления могли быть устранены покаянием, а поскольку покаяние включало в себя пост, который невозможен для слабых и старых людей, в качестве замены допускалось повторение молитв и пение псалмов; а поскольку они не приносят никакой пользы, кроме как кающемуся, в качестве замены допускалась обязательная милостыня. Таким образом, хотя Церковь и пыталась сделать из последнего способа наказания реальный и существенный штраф, соразмерный средствам грешника, последовал естественный, определенный и неизбежный результат: все преступления могли быть искуплены теми, кто мог заплатить штраф, и в христианской Церкви существовал один закон для богатых и другой для бедных. Кроме того, как это естественно следовало со временем, стало принято классифицировать большинство преступлений по своеобразному тарифу. Насилие, жадность и похоть, обычные в век насилия, оценивались по столько-то за штуку. А вот убийства

родственников, поджоги, измены, колдовство считались "беззаконными", *то есть* не подлежащими искуплению никакими штрафами. В то время существовал очень любопытный институт, называемый Франкским залогом. Каждый человек в стране принадлежал к десятине или роте из десяти человек; каждая рота из десяти человек принадлежала к роте из ста человек; каждое преступление должно было оплачиваться десятиной или сотней; таким образом, получалось, что каждый был заинтересован в том, чтобы десятина или сотня были свободны от преступлений.

Наказание женщин утоплением практиковалось в очень ранние времена древними германцами и англосаксами. Оно продолжалось вплоть до середины XV века, когда было окончательно, но не формально, отменено. Но на континенте женщин топили и в восемнадцатом веке. Лондонскими местами казни были Темза, бассейны Сент-Джайлс, Смитфилд, Сент-Томас Уотеринг и Тайберн. Иногда преступника зашивали в мешок со змеей, собакой, обезьяной - если ее удавалось раздобыть - и петухом.

Англосаксонский свободный человек всегда имел право принимать участие в управлении своей страной. Так, в Лондоне все дела рассматривались и все постановления об устройстве города принимались самими горожанами в открытом суде. Хустинг, датский суд, проводился раз в неделю, в понедельник. Фолькмот проводился по случаю, а не в определенное время. Мужчины созывались по звону колокола Святого Павла на Паульс-Кросс; там, в бурном собрании, обсуждалось все, не обходилось без ударов и даже убийств и ранений, так как каждый мужчина носил с собой нож. Трудно было убедить горожан собираться без оружия, потому что не иметь оружия было внешним признаком раба; даже духовенство носило оружие. Только во время покаяния свободный человек должен был отложить меч, и это, несомненно, было большим наказанием, чем пост. Еще одним отличительным признаком свободного человека были длинные волосы: рабы стриглись наголо; самым позорным наказанием, которому могла подвергнуться свободная женщина, было отрезание волос.

Райт считает, что Лондон существовал непрерывно и никогда не был взят или разграблен саксами. Мы уже видели доказательства того, что город был покинут. Он приводит в пример Эксетер, где англичане и валлийцы продолжали жить на равных; он признает, что это могло произойти только в силу изначальной композиции с английскими завоевателями.

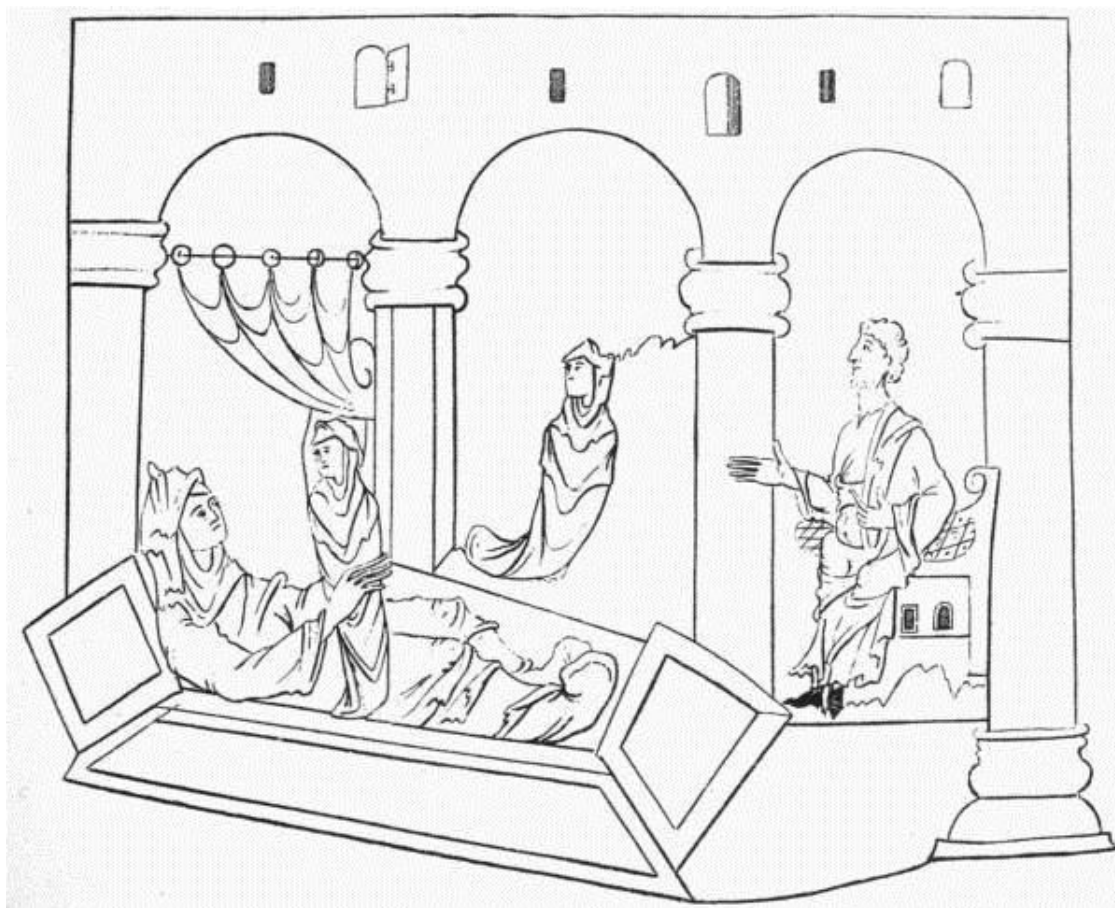

ТРОЕ МУЖЧИН В ПОСТЕЛИ

Харл. MS., 603.

Однако, помимо своей теории, он указывает на очень важный факт, что Лондон во многих отношениях был свободным торговым городом, сам издавал законы и требовал привилегий и уступок, которые подразумевают претензии на осуществление независимой юрисдикции, в частности, в законе, составленном епископом и Ривзом Лондона для горожан в 900 году. Такими полномочиями город, безусловно, обладал и пользовался в те и более ранние времена; однако это были полномочия, не установленные законом, а принятые в зависимости от случая, не оспариваемые и не разрешаемые королем. Позднее горожане утверждали, что обладали своими привилегиями с самого основания города, которые они пронесли вплоть до основания Рима.

V. Нравы и обычаи народа

МАТЬ И ДИТЯ

Метрический парафраз Кедмона (X в.), Бодлианская библиотека.

Что касается лондонских бедняков, то законы, касающиеся их, были самыми строгими и четкими. Каждый должен был отдавать церкви десятую часть своего имущества и доходов: десятина, согласно закону Этельреда, должна была делиться на три равные части, одна из которых шла на содержание церковной утвари - алтарей, церковной службы и связанных с ней помещений; вторая часть должна была идти священникам; третья - "Божьим бедным и нуждающимся". Архиепископ Эгберт издал канон на ту же тему. Король Эдгар предписал такое же разделение. И не только десятина несла в себе это положение для бедных, но верующих также увещевали к другим видам милостыни. Например, если человек постится, пусть отдает бедным то, что сэкономил благодаря воздержанию; а если по причине какой-либо немощи он не может поститься, пусть отдает бедным вместо этого. В каждой церкви, в каждом монастыре был свой гостевой дом или богадельня, где принимали и кормили бедных. Архиепископ Уилфред в 832 году ежедневно кормил в своих поместьях двадцать шесть бедняков: каждому он ежегодно давал двадцать шесть пенсов на одежду; а на свой юбилей он давал двенадцати беднякам по буханке хлеба и сыра и по одному пенни. Эта практика была продолжена после его смерти путем пожертвований. Точно так же были пожертвования в пользу бедных в Кентербери, Эли и других местах. Поэтому мы должны помнить, что вокруг каждой приходской церкви в лондонском Сити ежедневно собирались "Божьи бедные и нуждающиеся" - престарелые, немощные, страждущие, принадлежащие к этому приходу, за свою долю десятой части.

Августин Ришгиц.
ЧЕРПАНИЕ ВОДЫ
Nero MS., C. iv. (X в.).

Повседневную жизнь короля во дворце или во время путешествий нетрудно представить. О жизни народа, священника, купца, ремесленника узнать невозможно - можно лишь отметить несколько общих обычаев. Начнем с того, что англосакс был большим любителем выпить: в пьянстве его превзошли только датчане; епископов даже обвиняли в том, что они ходят пьяными в церковь; все сословия пили до беспамятства. Они устраивали попойки, которые длились днями: во время этих оргий они демонстрировали свое христианское исповедание, восхваляя святых и распевая гимны между кубками, вместо того чтобы петь старые военные песни; молодой король Хартакнут, как мы знаем, упился до смерти. Но пиршества и крепкие напитки редко выпадали на долю простого ремесленника. Мы можем поверить, что этот честный человек пил столько, сколько мог достать, и так часто, как мог себе позволить, но эль и медовуха тогда, как и сейчас, стоили денег. Как работал ремесленник, за какую зарплату, как долго, как его размещали, как кормили, мы можем спрашивать напрасно.

СВ. ЛУКА, ИЗ СВ. ЧАДА ИЗ ЕВАНГЕЛИЯ, ДАТА ОКОЛО 700 ГОДА Н.Э.

Как и датчанин, англосакс был натурой мнительной; он не только верил в духов и демонов, но и составил огромную и полную схему мифологии, о которой нам нет нужды здесь спрашивать; когда он был обращен в христианство, то предался слепой вере в доктрины Церкви. Многие знатные и королевские особы в эпоху возрождения восьмого века, как мы видели, демонстрировали искренность своей веры настолько, что отказывались от своего сана и поступали в монастыри или отправлялись в паломничество босиком. Для большинства же новая религия была лишь дополнением к старой. Не стоит полагать, что эта старая мифология была известна простым людям, так же как и книга "Метаморфозы" Овидия была известна среднему римскому гражданину. Христианская церковь вводила свое учение постепенно, обходя стороной многие языческие обычаи. Церковь ничего не говорила, пока люди продолжали верить в то, что поганый

бог вселяется в тело только что умершего человека и ходит в нем всю ночь. Они верили в силу вызывания духов, в магию и колдовство; они носили амулеты и талисманы для защиты; они верили в "стакунг", *то есть* "втыкание", - способ убийства врага, при котором убийца просто втыкал шип или булавку в своего врага и молился, чтобы раненная часть умерла и тем самым вызвала смерть. Это был простой метод, но на него можно возразить, что нельзя воткнуть булавку в какую-либо часть человека, не причинив ему боли; нельзя также молиться одновременно, чтобы он не услышал молитву. Поэтому следует полагать, что потенциальный убийца сильно рисковал быть убитым. Однако были случаи, когда люди, как считалось, вызывали смерть таким способом. В десятом веке, например, мы получаем представление о диком правосудии. Мы видим человека, бешено бегущего по улицам; он достигает ближайших ворот; он летит через болото, где его никто не преследует; о нем больше ничего не слышно. Толпа, бежавшая за ним, повернула назад. Они добрались до дома - не лачуги, а основательного дома, где он жил со своей престарелой матерью; они выбили дверь; они ворвались внутрь; они вышли, крича, что нашли проклятую вещь; они вытащили старуху, которая кричала, прося пощады. "Ведьма! Колдунья! Она околдовала Элси палками и молитвами. Он болен до смерти. Она должна умереть". Они потащили ее по улицам, дошли до моста, бросили бедняжку, уже залитую кровью и не кричащую, в реку. Она плавала секунду, тонула, снова поднималась на поверхность, потом ее больше не было видно, и толпа вернулась. Король, со своей стороны, конфисковал земли колдуньи и ее сына.

Лофти приводит следующий отрывок, касающийся этого события. Он взят из документа, хранящегося в Обществе древностей. Обратите внимание, что он доказывает существование моста в 960 году или около того:-

"В этом документе сообщается, что епископ Этельвольд и Вульфстан Укчеа обменялись землями при свидетелях короля Эдгара и его "витана". Епископ отдал Вульфстану землю в Вашингтоне, а Вульфстан отдал ему земли в Яцелеа и в Эйлсворте. Затем епископ отдал землю в Яйслее Торни, а в Эйлсворте - Питерборо; вдова и ее сын ранее лишились земли в Эйлсворте, потому что они вбили железный штырь в Элси, отца Вульфстана, и это было обнаружено; они вытащили смертоносную вещь из ее покоев. Затем они взяли женщину и утопили ее на Лондонском мосту, а ее сын сбежал и стал преступником, и земля перешла в руки короля, а король отдал ее Элси, а Вульфстан Укча, его сын, снова отдал ее епископу Этельвольду, как сказано выше".

Метод "втыкания" был продолжен, но с изменениями. Оператор больше не втыкал шип в своего врага. Он делал его восковое изображение и втыкал в него булавки с молитвой, чтобы тот почувствовал агонию раны; он клал его перед огнем и молился, чтобы по мере того, как восковое изображение будет таять, его враг мог иссякнуть и умереть. Суеверие просуществовало долго; возможно, у него до сих пор есть последователи и верующие. В XV веке величайшая дама в стране была вынуждена покаяться и была заключена в тюрьму на всю жизнь за то, что практиковала этот суеверный обряд.

АНГЛО-САКСОНСКИЙ МУЖ И ЕГО ЖЕНА

Royal MS. 2, B. vii.

Привороты и любовные зелья пользовались большим спросом; люди занимались астрологией и гаданием. В их медицине было много суеверий: так, они знали лечебные свойства некоторых растений, но при их использовании нужно было произносить или петь определенные молитвы; они практиковали кровопускание, но только не при полумесяце и приливе; использование реликвий предписывалось при всех возможных болезнях.

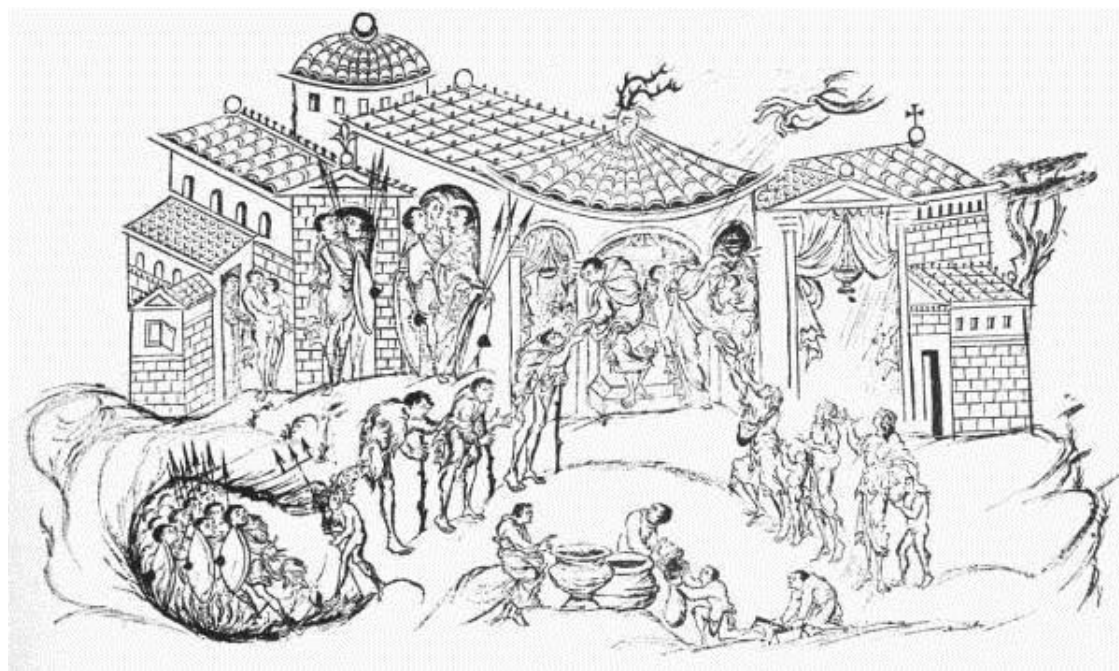
Очень жаль, что у нас не осталось ни одного англосаксонского дома или его подробного описания. Правда, в документах того периода есть несколько рисунков домов, но здания представлены условно; они указаны для тех, кто узнает их без излишнего пристрастия к истине. Возьмем, к примеру, страницу [225](#). Как видно, здесь есть центральный зал. С одной стороны находится часовня - часть стены снята, чтобы показать лампаду, горящую перед алтарем; рядом с часовней - небольшая комната, возможно, покои капеллана; с другой стороны - две палаты: одна принадлежит оруженосцам, другая - служанкам; двор полон нищих, которым лорд и леди подают еду, а служанки выносят одежду для двух взрослых, стоящих у дверей в состоянии натуги. Сзади стоит круглое здание - стены дома выложены каменной кладкой до определенной высоты, после чего начинаются деревянные; в доме всего один этаж. Зал завешивался тканями или гобеленами, обставлялся скамьями и передвижными столами на подставках.

В саксонском хозяйстве особым занятием женщин было изготовление одежды. Они чесали шерсть, били лен, сидели за прялкой или ткацким станком, шили одежду, стирали ее, вышивали и украшали; женская сторона в родословной называлась веретенной. Дочери королей, в частности внучки короля Альфреда, отличались своей работой с прялкой и иглой. Норманны восхищались прекрасными работами саксонских дам; лучшие вышивки, показанные во Франции, были известны как английские работы. Томас Райт (*Womankind in*

Western Europe, p. 60) дает очень полное свидетельство на этот счет: - "Англо-саксонские дамы - это женщины, которые не могут быть в состоянии работать.

"Англосаксонские знатные дамы были особенно искусны в вышивании, причем с самого раннего периода. В житии святого Августина говорится об английских девушках, которые искусно украшали знаки священства и королевской власти золотом, жемчугом и драгоценными камнями. Святая Этельдреда, первая аббатиса Эли, дама королевского ранга, преподнесла святому Катберту посох и манипулу, которые она своими руками расшила золотом и драгоценными камнями. В более поздний период Альгива или Эмма, королева короля Кнута, своими руками выткала ткань, окаймленную по всему периметру золотым шитьем и украшенную местами золотом и драгоценными камнями, расположенными в виде рисунков, выполненных с таким мастерством и богатством, что равных им можно было бы тщетно искать по всей Англии. Говорят, что Дунстан разработал узоры для дам в этой художественной работе. Ранний историк Эли рассказывает историю об одной англосаксонской даме, которая, уйдя на покой, вела религиозную жизнь в этом монастыре, монахини выделили ей место рядом с аббатством, где она могла бы уединиться с молодыми девушками, занимаясь вышивкой и ткачеством, в которых они преуспели. В ранних записях мы находим упоминания о женщинах, которые, по-видимому, занимались этими искусствами как профессией. Например, в Книге Домедея мы находим девицу по имени Алвид, владеющую землями в Эшли в Бакингемшире, которые были подарены ей графом Годвином за обучение его дочери орфрейной или золотой вышивке, а в Дорсетшире упоминается женщина по имени Левиет или Левиете, которая занималась изготовлением орфрей для короля и королевы".

Райт также отмечает, что имена, данные женщинам, свидетельствуют о высоком уважении к женственности: например, имена Eadburga - цитадель счастья; Ethelburga - цитадель благородства; Edith (Eadgythe) - дар счастья; Elfgiva - дар фей; Elfthrida - сила фей, или духовная сила; Godiva (Godgifa) - дар Бога.

КОРМЛЕНИЕ ГОЛОДНЫХ
Харл. MS., 603.

Насколько мне известно, нет никаких преданий о женском монастыре в Лондоне до Завоевания. Название Минсинг-Лейн, которое, несомненно, является Минчон-Лейн или Монашеским переулком, указывает, вероятно, на собственность, принадлежавшую женскому монастырю. Возможно, в Сити существовал женский монастырь до того, как его захватили датчане. Если так, то он погиб и был забыт. Как мужчины должны были сражаться, а не вести монашеский образ жизни, так и женщины должны были стать матерями сражающихся мужчин, а не вступать в монастырь. Я думаю, что женский монастырь мог существовать, потому что Лондон не избежал волны религиозного возрождения, а также потому, что он был необходим для образования девочек. В школах при женских монастырях девочек воспитывали гораздо тщательнее, чем в наших школах до последних двадцати лет или около того. Они изучали латынь, риторику, логику и, по словам Райта, "то, что мы называем популярной наукой". Они также учились вышивать. "Из высказываний англосаксонских писателей мы можем заключить, что англосаксонские монахини сами не возражали против нарядов, и их обвиняют в том, что они носили белые и фиолетовые камзолы, туники и вуали из тонкой ткани, богато расшитые серебром и золотом, и алые туфли". (Wright, p. 86.)

ОТПРАВЛЯЯСЬ В ПОГОНЮ

Royal MS. 2, B. vii.

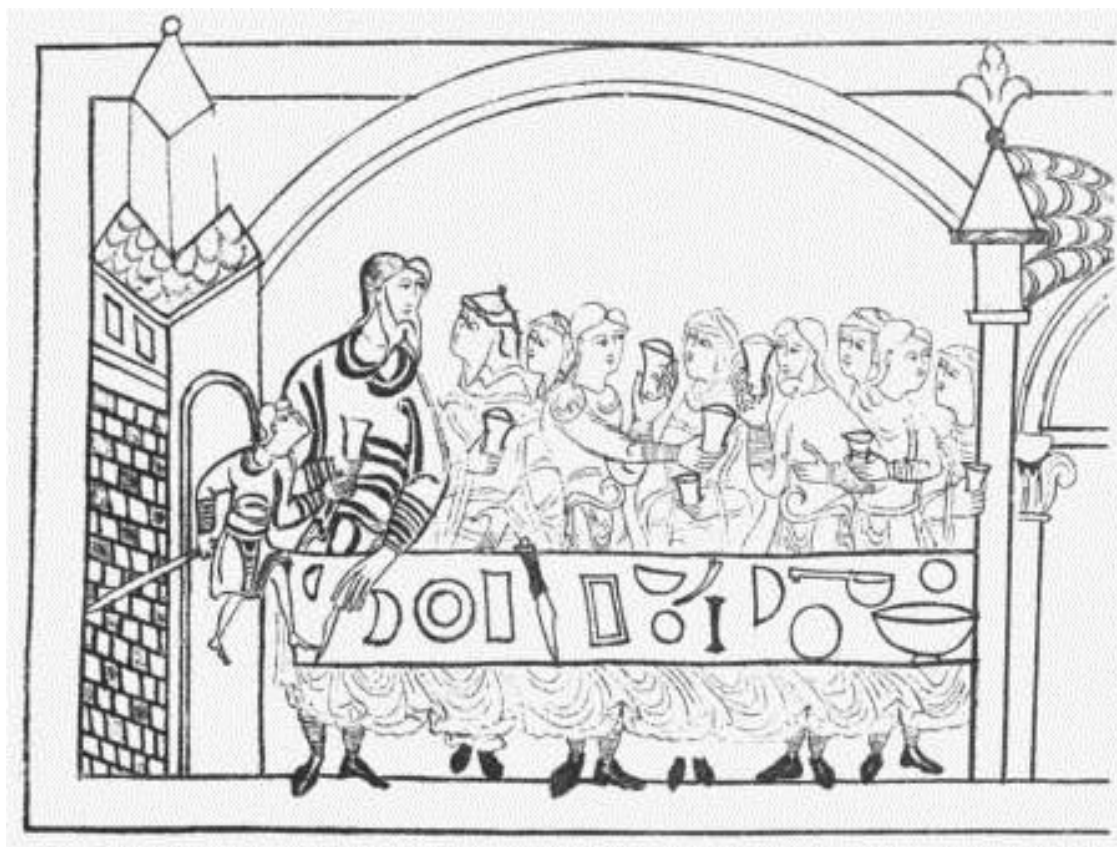
Вечер обычного человека не был полностью отдан пьянству. Приходили музыканты и играли на арфе и трубе, трубах, роге и скрипке. Глеманы пели и декламировали, а девушки-куколки показывали свои трюки.

ЯСТРЕБ НАНОСИТ УДАР

Royal MS. 2, B. vii.

Любовь англосаксов к музыке и поэзии позволяет нам составить более высокое мнение об этом народе, чем мы могли бы составить на основании всего того, что мы узнали. Если применить все его качества, хорошие или плохие, к лондонцу, то окажется, что он передал их последующим поколениям. Ведь он был любителем свободы, доблестным в поле; любителем порядка и справедливости; нетерпимым к церковному контролю, но полным религии; любил музыку, поэзию, пение и игру; любил пировать и пьянствовать. Эти качества отличали лондонца в десятом веке, и они же остались с ним и через тысячу лет.

ПИРШЕСТВО

Claud MS., B. iv. (XI в.).

Спорт и развлечения в Сити были такими же, как и в Лондоне, и в остальной части страны. Горожане страстно любили охоту и ястребиную охоту; они приманивали животных, таких как бык, медведь и барсук; они любили плавать, кататься на коньках и грести, танцевать и дурачиться, прыгая, кувыркаясь и разыгрывая шутки. Из всех этих развлечений охота была, безусловно, самой популярной среди всех классов. Мы видели, что со всех сторон лондонца окружали глубокие леса: за болотом на севере от его стены, за Дуврской канавой на юге, за рекой Лиа на востоке, за Уотлинг-стрит на западе. Леса были полны дикого скота, медведей, лосей, буйволов, кабанов, оленей, волков, лисиц, зайцев и прочей живности; что касается волков, то они наводили ужас на каждую деревню. Ательстан и Эдгар организовывали огромные охоты для уничтожения волков; при последнем их количество настолько сократилось, что, как принято считать, он их истребил. Что касается охоты на лося или кабана, то было делом чести встретиться с животным лицом к лицу после того, как оно было вызвано из своего логова собаками и в бешенстве бросилось на своего обидчика. В одиночном бою охотник встречал его с копьем и ножом в руках, и либо убивал, либо был убит. Иногда использовались сети, которые растягивались от дерева к дереву. Собаки заманивали тварей в сети, где их убивали. Однажды Эдуард Исповедник, великий охотник, обнаружил, что его сети были разложены на земле одним из его соотечественников. "Клянусь Богом и Его Матерью!" - вскричал кроткий святой, - "я подам тебе такую же, если она попадется мне на пути".

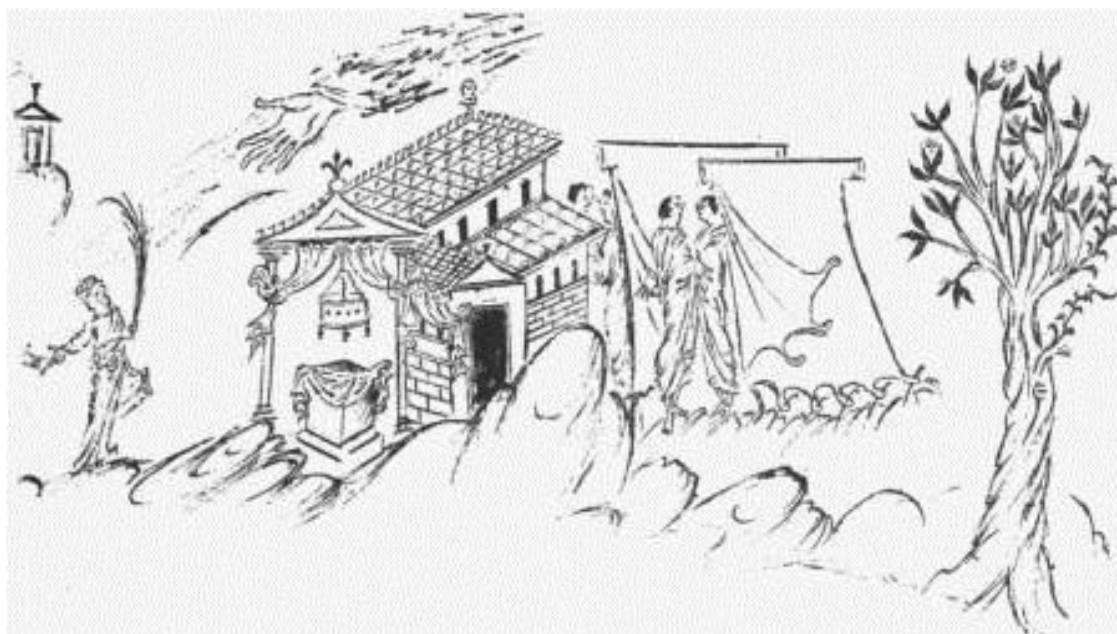
Страна славилась своей породой собак. Здесь были ищейки, достаточно сильные, чтобы завалить быка; волкодавы, способные догнать оленя, волка или медведя; разновидность бульдогов, отличающаяся нависающими щеками; гарриеры, борзые, водяные спаниели, овчарки, сторожевые собаки и многие другие виды.

Законы о дичи, ограничивавшие право на охоту, которое ранее было всеобщим, были введены Кнудом. Однако каждому человеку было разрешено охотиться на своей земле.

Сродни охоте был такой вид спорта, как ястребиная охота. Этим видом спорта увлекались дамы, для которых другие виды охоты были слишком грубыми. Ястребы хорошей породы были очень ценны. Птиц ловили не только с помощью ястреба. Лондонец использовал сети, ловушки, рогатки и птичью известь. Достаточно было спуститься вниз по реке до Баркинга или Гринвича, чтобы обнаружить бесчисленные стаи птиц, которых можно было поймать в ловушки и сети. Из домашних развлечений нельзя не упомянуть загадывание загадок и ответы на них, игру с пешками - "тафлменами" - и костями, называемую "тафл", и игру в шахматы. Последняя из них была страшной забавой из-за ярости, которая, похоже, всегда охватывала побежденного. Свидетельство тому - следующий анекдот: - "Среди энтузиастов шахматной игры есть и такие.

"Среди самых увлеченных шахматистов был Кнут Великий, но он отнюдь не был приятным антагонистом. Когда он проигрывал партию или видел, что находится в преддверии этого, он очень часто брал огромную шахматную доску, на которой играл, и разбивал ее о голову своего противника. Однажды он играл со своим шурином, графом Ульфом, когда граф, видя, что у него вынужденный мат, и зная слабость короля к выбиванию мозгов у удачливых противников, спокойно покинул стол. Кнут, угадав его мотив, крикнул ему вслед: "Ты убегаешь, трус?". На что тот, кто недавно спас короля в неудачной схватке со шведами, ответил: "Ты бы с радостью бежал быстрее в Хельге, когда я спас тебя от шведов, которые били тебя дубинками". Кнут попытался терпеливо вынести эту отповедь, но она оказалась слишком раздражающей для его характера. На следующее утро он приказал одному из своих танов пойти и убить Ульфа; и хотя в ожидании мести короля Ульф укрылся в церкви святого Люция, кровожадный приказ был приведен в исполнение".

Образование мальчика проходило в монастырях. Известно, что в каждом монастыре были школы, и в каждой минастерии была своя школа; вероятно, четыре старейшие школы Лондона - Сент-Полс, Сент-Мартинс, Сент-Энтони и Сент-Мэри-ле-Боу - были англосаксонскими. Мы знаем, что в этих школах преподавание велось по катехизису, а дисциплина была суровой, но мы не знаем, какие дети принимались в эти школы, и принимали ли ребенка ремесленника так же, как и ребенка тана. Атлетикой не пренебрегали - прыжки, бег, борьба и все виды спорта, которые делали тело более активным, а организм более выносливым, поощрялись. До времен Альфреда лишь немногие представители высшего сословия умели читать и писать. Монастыри с их школами сделали многое, чтобы избавиться от этого порицания. Мальчики вставали до рассвета и вместе с братьями пели псалмы, назначенные для ранней службы. Они помогали на первой мессе и на дневной мессе; обедали в полдень и спали после ужина; затем отправлялись к своему учителю для обучения.

АНГЛО-САКСОНСКИЙ ДОМ
Харл. MS., 603.

Пища в Лондоне всегда была в изобилии; в основном она была такой же, как и в наши дни. Люди убивали и ели волов, овец и свиней; у них была дичь всех видов; дикие птицы мириадами посещали болота и низины Эссекса; реки были полны рыбы. Ячменный хлеб ели дети и низшие слои населения; у них были отличные фруктовые сады, где в изобилии росли яблоки, груши, орехи, виноград, шелковица и инжир. Зимой они ели соленое мясо. Из напитков они пили эль, вино, медовуху, пигмент и морат. Пигмент - это напиток, приготовленный из меда, вина и пряностей. Морат - напиток из меда, смешанного с соком шелковицы.

Дом лондонца был роскошным, в соответствии с роскошью того времени. Стены были украшены занавесками, в основном из шелка, расшитого фигурками в рукоделии. Эти занавески и шторы были кричащих цветов, как и модные платья. Скамьи, сиденья и пуфики были богато украшены резьбой. Столы иногда украшали серебром и золотом. Подсвечники были из кости или серебра. Зеркала были из серебра. Кровати были устланы богатыми и мягкими подушками и покрывалами, а в качестве одеял использовались медвежьи и козьи шкуры. В большом количестве хранились серебряные кубки и тазы; более бедный род пользовался сосудами из дерева и рога. Стекло вошло в обиход примерно во время

норманнского завоевания. Было известно по меньшей мере двенадцать различных драгоценных камней. Были известны и специи, но их было трудно достать, и они высоко ценились. Теплая ванна использовалась постоянно, но не холодная, разве что в качестве наказания.

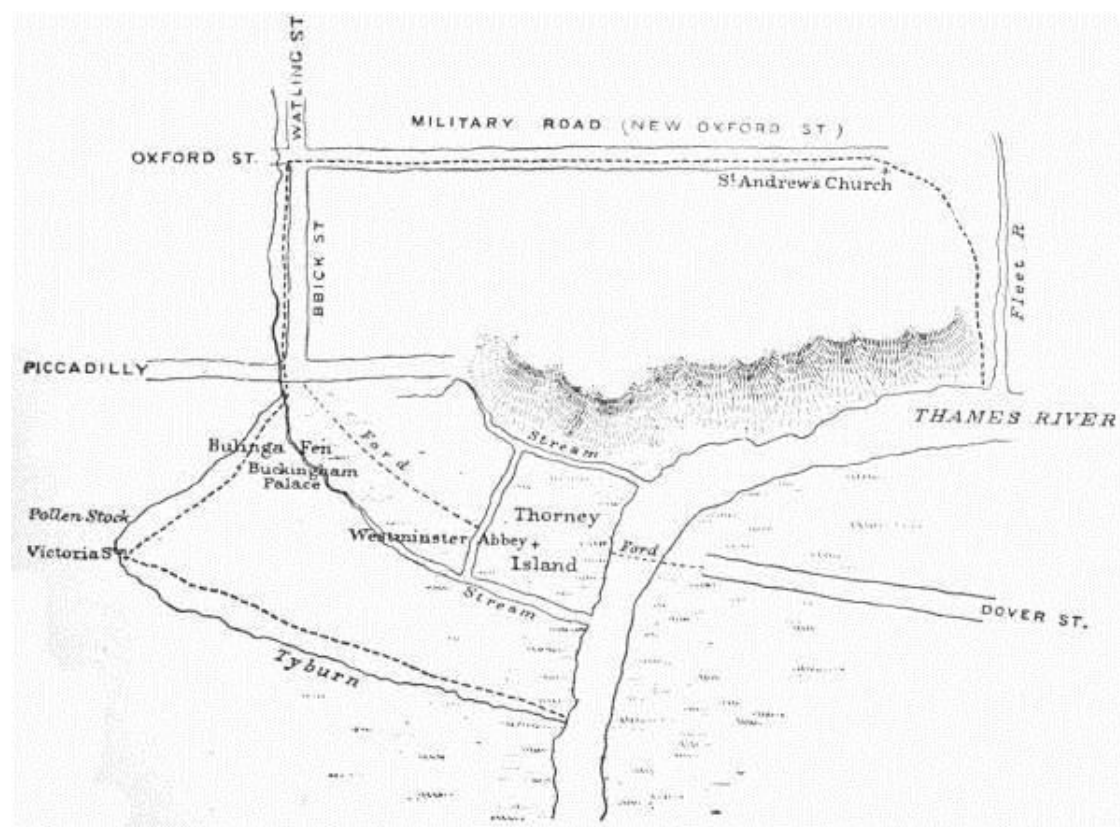
В каждом городе, в каждом поселке, в каждом монастыре, в каждой деревне должны были быть ремесленники, чтобы делать все, что нужно. Женщины занимались ткачеством, шитьем, изготовлением одежды и вышивкой. Нам нет нужды пытаться перечислить профессии мужчин. Их список можно найти в книге "Лондон эпохи Средневековья". (См. т. I. Приложение ii.)

О численности населения Лондона можно только догадываться, но есть некоторые факты, которые дают некую подсказку. Так, когда Альфред вошел в город, там практически не было населения, разве что оставались рабы датчан. Город быстро наполнялся с ростом безопасности и развитием торговли. В порт снова стали стекаться иностранные купцы, они оседали в Сити и становились лондонцами. Поражение Свегена и Олафа, а затем и Кнута ясно доказывает, что горожане были достаточно сильны, чтобы отбить очень большую и мощную армию. Одного этого факта достаточно, чтобы доказать, что в Сити проживало огромное для того времени население. В двенадцатом веке Фицстефен утверждает, что Лондон мог предоставить 60 000 воинов - явное преувеличение. В Domesday Book, составленной после опустошительных войн Вильгельма, и с опущением некоторых графств и многих городов, мы получаем население в полтора миллиона человек. Если учесть, что Лондон составляет восьмую часть населения всей страны, то получится 187 500 человек. По другим причинам (см. с. 190) я считаю, что население Лондона в начале XI века составляло, вероятно, около 100 000 человек.

Есть много других вещей о городе короля Эдуарда, которые мы хотели бы узнать. Среди них: порядок действий в фолькмоте; точная процедура суда над человеком, обвиненным в преступлении; реальный объем власти, осуществляемой церковью, *например*, те епитимьи, которые так свободно налагались, были ли они наложены на всех горожан или только на некоторых людей, более набожных, чем остальные? Какое образование получали мальчики и девочки из низших классов? Опять же, хотелось бы знать, каково было положение и работа раба в Лондоне. За пределами Лондона в Domesday Book записано 26 500 рабов; но в самом Лондоне об их количестве ничего не известно. Если принять население Лондона за одну восьмую часть населения всей страны, то число рабов составит около 3300. Поскольку нет ни одного вида торговли, который бы никогда не вызывал презрения у трудящихся классов Лондона, вполне вероятно, что не существовало и торговли, специально предназначенной для рабов.

ГЛАВА VII

ОСТРОВ ТОРНИ

ПОЛОЖЕНИЕ ВЕСТМИНСТЕРА

Из Вестминстера, автор сэр Уолтер Безант.

Давайте обратимся к городу-побратиму, пока еще только Торни, острову Брамбл. Все мы знаем легенду об освящении Святого Петра. В более поздние времена эта легенда превратилась в статью веры. Право святилища в Вестминстере основывалось на святости места, столь благословенного, что его освятил Петр: На основании этой святости Вестминстер требовал десятину от рыбаков Темзы от Стейнса до Грейвсенда; а в 1382 году рыбак Темзы, представлявший Эдрика, имел право сидеть за одним столом с настоятелем; он мог требовать от кельнера эля и хлеба, а кельнер мог взять для него столько рыбьего хвоста, сколько мог, держа четыре пальца и большой палец прямо.

Себерт был похоронен в церкви, и его могила указана и по сей день. Уолсингем рассказывает, что когда его могилу вскрыли, чтобы перенести тело из старой церкви в новую, "его правая рука была найдена совершенной, плоть и кожа, гвозди и кости, до середины руки". А Роберт Глостерский пишет: - "Сегбрит, что я помнил о его теле.

"Сегбрит, которого я проверил, был праведным святым человеком,

Он основал Вестминстерское аббатство:

Он был первым королем, которого церковь возвела на престол,

И в день своего конца он был там похоронен.

Семьсот лет и шесть лет тому назад,

Сидя, он был похоронен под камнем:

И некоторые остатки его также были найдены.

Как в тот день, когда его впервые положили в землю".

Беда вообще не упоминает Вестминстерское аббатство. Но первая хартия, в которой оно упоминается, хартия короля Оффы Мерсийского в 785 году, называет его собором Святого Петра. История Беды заканчивается 731 годом; следовательно, аббатство было основано между 731 и 785 годами; или же, что более вероятно, основание было слишком маленьким и незначительным, чтобы Беда упоминал о нем. Король Оффа говорит: "Я отдал святому Петру и людям Господним, живущим в Торнеисе, в месте *terribili, quod dicitur aet Uuestminster*". Сохранилась еще одна древняя грамота без даты, по которой некий Ильфхельм дарует земли аббатству. Учитывая уже рассмотренные факты - религиозный пыл VIII века, всеобщее стремление к монашеской жизни и отсутствие монастырей и женских обителей в Лондоне, - мы можем с полным основанием предположить, что Вестминстер открыл бы свои двери для горожан, а те бы наделили и обогатили его. Так что исчезнувшее основание вполне могло быть большим и великолепным монастырем. Поскольку нам не на что опереться, кроме догадок и предположений, мы можем принять все, что пожелаем.

В девятом веке наступили времена датчан. Не стоит полагать, что, когда они опустошали весь остров и разрушали повсюду религиозные дома, Вестминстер был бы пощажен. Действительно, согласно хронике Этельреда, они, похоже, заняли Торни и были осаждены там графом Этельредом. Конечно, это был не единственный раз, когда они посетили столь удобное место, лежащее на старой дороге. Вероятно, одного визита было вполне достаточно для монахов.

Эдгар и Дунстан основали аббатство заново - в этот первый великий распад монастырей младшие монахи, вероятно, взяли в руки оружие и стали воинами вместе с остальными. Как бы то ни было, монахи Вестминстера были потеряны: новое аббатство должно было обслуживаться монахами из Гластонбери.

Коллекция Ришгитца.

СВ. ДУНСТАН У НОГ ХРИСТА

Из документа, хранящегося в Бодлианской библиотеке.

До сих пор существует документ, возможно, поддельный, но представляющий большую ценность, который выдается за грамоту короля, дарующую поместья аббатству. Его важность для нас заключается в том, что, подделка это или нет, в нем указаны границы владений, на которые претендовали и которыми владели монахи. Это очень благородное поместье. Вы можете легко нанести его на карту. На севере оно было ограничено линией Оксфорд-стрит, на востоке - рекой Флит, на юге - Темзой, на западе - Тайберном и линией, проведенной от нынешнего места Букингемского дворца до вокзала Виктория, а затем - к выходу канализационного пруда Королевских стипендиатов, к востоку от Альбион-террас на Гросвенор-роуд. Значительная часть этого большого поместья представляла собой болотистую местность, но имелись пастбища и луга к югу от нынешней Оксфорд-стрит, а также до Холборна и Флит. Позже аббатство приобрело земли между Тайберном и Вестборном, то есть ту часть, которая сейчас ограничена Серпентином в Гайд-парке и двумя сточными канавами, известными как Пруд Королевских стипендиатов и Канализация Ранелаг.

Однако это было владение аббатства при Эдгаре. Он привел сюда двенадцать монахов бенедиктинского ордена из Гластонбери и одарил их золотом и землями. Однако до прихода Исповедника она оставалась бедной.

От этой церкви Эдгара, полагаю, не осталось ни одного фрагмента над землей. Нет нужды гадать, что это была за церковь.

Говорят, что рядом с аббатством, на восточной стороне, король Кнут возвел королевский дворец. По крайней мере, традиция приписывает ему этот дворец, и есть несколько причин, по которым можно с уверенностью утверждать, что король действительно построил на Торни какой-то дворец - большой или маленький. Говорят, что он любил беседовать с Вульнотом, аббатом собора Святого Петра. Даже в наши дни не так-то просто добраться из Лондона в Вестминстер для беседы, а король Кнут был самым занятым человеком на всем острове, так что вполне вероятно, что он построил какое-то жилище рядом с аббатством. Достоверно известно, что его дворец был сожжен во времена Исповедника; существует булла папы Николая II (1058-1061 гг. (1058-1061), в которой говорится, что "место, где построены церковь и монастырь, издревле было резиденцией королей, поэтому властью и т.д. мы даруем и твердо подтверждаем, что впредь, навеки, оно будет местом конституции и посвящения королей, хранилищем императорских регалий и вечным местом жительства монахов". Это довольно ясно. Но есть и другие моменты, которые, кажется, указывают на то, что Кнут был первым строителем дворца здесь. История с переносом останков святого Альфага из собора Святого Павла в Кентербери доказывает, с каким благотворным страхом король относился к жителям Лондона. Он велел своим людям имитировать беспорядки у городских ворот, чтобы, когда все горожане поспешат туда в надежде на драку, вынос прошел незаметно. Он не желал оставаться в стенах города. Кроме того, с ним была его небольшая постоянная армия из 3000 хускарлов (домашних людей), которых он возил с собой. Размещение этих людей в Лондоне - людей другой национальности - представляло бы постоянную опасность, если бы они поселились среди горожан: нельзя было ожидать, что лондонцы, которые дважды отбили отца Кнута и однажды отбили самого Кнута, отнесутся к вторжению этой армии в свои стены с удовлетворением.

Что же это был за дворец, который возвел Кнут? Я считаю, что в нем находилась центральная группа зданий, связанных с именем Эдуарда Исповедника, которая сохранилась, с многочисленными изменениями окон и крыши, вплоть до пожара 1834 года. Снаружи находились государственные учреждения, казармы, гостевые покои и так далее. Мы еще вернемся к этой теме.

Есть еще одна причина считать, что Вестминстерский дворец был построен Кнутом. Когда предателю Эдрику отрубили голову, его тело "выбросили из окна в Темзу". Некоторые авторы утверждают, что в Вестминстере это было бы невозможно. Совсем наоборот; но в Лондоне это было бы невозможно по той простой причине, что там не было окон, выходящих на реку, а вдоль всего берега реки шла огромная каменная стена с башнями и бастионами: в Вестминстере же на берегу всегда были построены дома с окнами, выходящими на реку.

Тем временем давайте признаем Кнута основателем "королевского дома" в Вестминстере. Похоже, что и Гарольд, и Хардакнут время от времени занимали Вестминстерский дворец.

МОНКИ

Nero MS., C. iv.

Первая грамота короля Эдуарда, пожалованная Вульноту и монахам Вестминстера, была датирована лондонским королевским домом-in *regis palatio*.

Эдуард Исповедник решил восстановить, перестроить и заново одарить монастырь Святого Петра. К этому его подвигло то, что он был особым почитателем этого апостола; то, что он дал обет паломничества к гробнице святого Петра в Риме, а его совет не позволил ему этого сделать; то, что строительство и одаривание церкви было делом, весьма угодным Господу; и то, что он обладал любовью к строительству, присущей многим королям всех веков и стран.

Он привел свое решение в исполнение. Он построил церковь, достойную своего обета, и церковь, которая, безусловно, была самым благородным и величественным зданием в стране. Это был первый английский образец крестообразной церкви: Она занимала площадь, почти равную площади нынешней церкви; окна были заполнены витражами, изображающими отрывки из жизни Господа и святых; в ней был установлен великолепный орган; алтари сияли золотом и драгоценными камнями; облачения священников были настолько великолепны, насколько можно было сделать вышивку, шелк и ткань из золота; король и его воины приходили на поклонение из дворца, расположенного неподалеку; деревенские жители с окрестных ферм приходили на поклонение бок о бок. Великолепие церкви, аскетизм монахов, равенство верующих - каждый день миру объясняли, что религия не зависит от ранга или власти человека. От церкви Эдуарда сейчас мало что осталось,

только несколько колонн и переходов, несколько подсобных помещений, часовня Пикса и несколько разрушенных колонн лазаретной часовни.

Эдуард не был свидетелем освящения своей церкви. Его последним действием было подписание хартии основания. Церковь была освящена без него. Его королева, Эдит, сидела на месте короля вместе со своими братьями, Гарольдом и Гуртом, и новый минстер был освящен архиепископами Стигандом и Олдредом, в то время как король лежал в своем дворце неподалеку и медленно умирал. После освящения церкви первой функцией было погребение ее основателя. Следующей была коронация Гарольда.

Позже мы еще многое расскажем о коронации наших королей и королев. Завершим наш рассказ о саксонском Лондоне службой коронации саксонского короля. Это служба Этельреда, и, вероятно, она была слово в слово повторена при коронации короля Гарольда: - "Два епископа и епископ".

"Два епископа с витаной ведут его в церковь, и духовенство вместе с епископами поет гимн "Firmetur, manus tua" и "Gloria Patri".

Когда король войдет в церковь, он должен преклонить колена перед алтарем, и тогда зазвучит "Te Deum".

По окончании король поднимается с земли и, избранный епископами и народом, должен ясным голосом перед Богом и всем народом пообещать, что будет соблюдать эти три правила.

Коронационная клятва

Во имя Христа я обещаю христианскому народу, моим подданным, три вещи

Во-первых, что церковь Божья и весь христианский народ всегда будут сохранять истинный мир под нашим покровительством.

Во-вторых, я запрещаю хищничество и все беззакония в любом состоянии.

В-третьих, я заповедую справедливость и милосердие во всех судах, чтобы и ко мне, и к вам милостивый и милосердный Бог мог проявить свою милость".

Все произносят "Аминь". Далее следуют молитвы, которые епископы повторяют по отдельности:-

"Взываем к Тебе, Господи, Святой Отец, Всемогущий и Вечный Бог, дабы сей раб Твой (которому, по мудрости Твоих Божественных предначертаний с начала его образования и до сего дня, Ты позволил возрасть, радуясь цветущности), обогащенный даром Твоего благочестия и исполненный благодати истины, по Твоей воле постоянно, день за днем, продвигался к лучшему перед Богом и людьми: чтобы, радуясь щедротам сверхъестественной благодати, он получил престол верховной власти и, защищенный со всех сторон от врагов стеной милосердия Твоего, заслужил счастливое управление вверенным ему народом с миром умиловления и силой победы."

Августин Ришгиц.

ЗНАМЕНИТАЯ "КНИГА КЕЛЛОВ" МС. ЕВАНГЕЛИЯ НА ЛАТЫНИ

Написана в Ирландии (650-690 гг. н.э.). Сейчас находится во владении Тринити-колледжа в Дублине.

Вторая молитва

"Боже, направляющий народ Твой в силе и управляющий им в любви, даруй этому рабу Твоему такой дух мудрости с правилом дисциплины, чтобы, преданный Тебе всем сердцем, он всегда оставался в своем правлении пригодным, и чтобы по Твоей милости безопасность этой церкви сохранялась в его время, а христианская преданность оставалась в спокойствии; чтобы, упорствуя в добрых делах, он мог достичь под Твоим руководством Твоего вечного Царства".

После третьей молитвы происходит посвящение короля епископом, который держит над ним корону, произнося: - "Всемогущий Творец!

"Всемогущий Творец, Господь вечный, Владыка неба и земли, Создатель и Распорядитель ангелов и людей, Царь царей и Господь господствующих! который дал верному рабу Твоему

Аврааму победу над врагами его, и даровал множество побед Моисею и Иисусу Навину, пресвитерам народа Твоего, и возвел Давида, ничтожное дитя Твое, на вершину царства, и избавил его от пасти льва и лап медведя, и от Голиафа, и от злобного меча Саула и врагов его; который наделил Соломона неизреченным даром мудрости и мира: призри благосклонно на наши смиренные молитвы и умножь дары благословения Твоего на этого раба Твоего, которого мы со смиренной преданностью избрали царем англов и саксов. Окружи его повсюду десницей силы Твоей, чтобы, укрепленный верностью Авраама, кротостью Моисея, мужеством Иисуса Навина, смирением Давида и мудростью Соломона, он был во всем угоден Тебе и всегда продвигался по пути справедливости с незапятнанным успехом.

Пусть он так питает, учит, защищает и наставляет церковь всего англосаксонского королевства с присоединенными к нему народами, так мощно и царственно управляет ею против всех видимых и невидимых врагов, чтобы королевский трон англов и саксов не покинул его скипетр, но чтобы он сохранил их умы в гармонии первозданной веры и мира! Пусть он, поддерживаемый должной покорностью народа и прославляемый достойной любовью, через долгую жизнь снизойдет, чтобы управлять и утвердить его с объединенной милостью славы твоей! Защищенный шлемом и непобедимым щитом Твоей защиты и окруженный небесным оружием, пусть он одержит победу над всеми своими врагами, наведет ужас своей власти на всех неверных и прольет мир на тех, кто с радостью сражается за Тебя! Укрась его добродетелями, которыми Ты украсил верных слуг Твоих; поставь его высоко в своем владычестве и помажь его елеем благодати Святого Духа Твоего!

Здесь он будет помазан елеем, и будет исполнен этот гимн: - "И Задок священник".

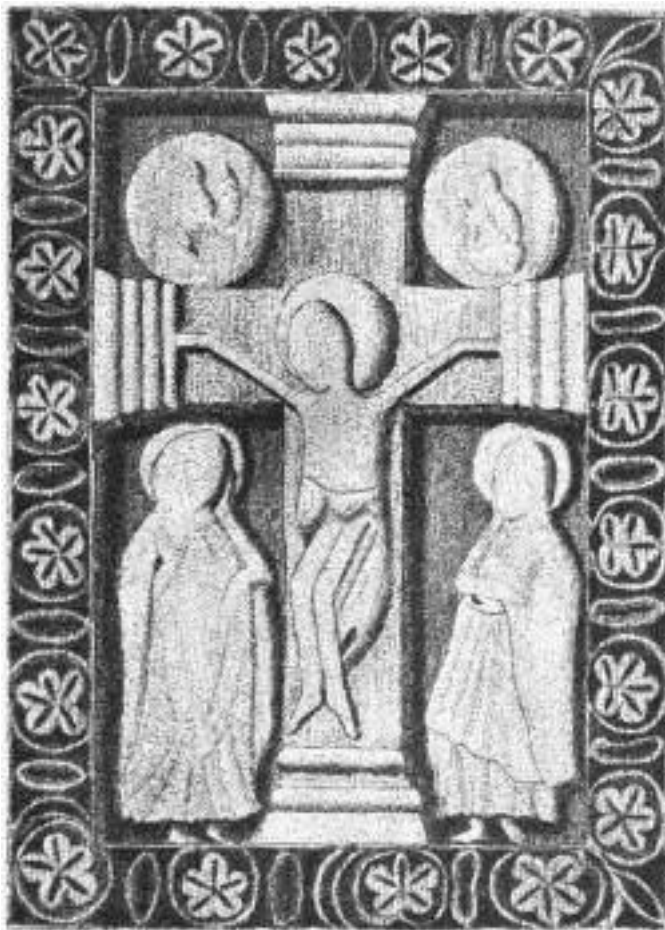
"И помазали Соломона царем в Сионе священник Задок и пророк Нафан; и, подойдя к нему, сказали: да живет царь вовеки!

После двух соответствующих молитв ему был вручен меч с таким призывом: "Боже!

"Боже, управляющий всем, как на небе, так и на земле, провидением Твоим, будь благосклонен к нашему христианскому царю, чтобы вся сила его врагов была сокрушена силой духовного меча, и чтобы Ты, сражаясь за него, уничтожил их полностью!

Здесь король коронуется, и к нему обращаются следующим образом

"Да увенчает тебя Бог венцом славы, честью справедливости и трудом стойкости, и добродетелью нашего благословения, правой верой и различными плодами добрых дел ты достигнешь венца вечного царства, по щедрости Того, Чье царство пребывает вовеки!

РОУД НАД ЮЖНОЙ ДВЕРЬЮ ЦЕРКВИ СТЕПНИ

После того как корона будет возложена на его голову, произносится следующая молитва

"Бог вечности! Повелитель добродетелей! Покоритель всех врагов! Благослови этого слугу твоего, ныне смиренно склонившего голову перед тобой, и сохрани его надолго в здравии, процветании и счастье. Всякий раз, когда он будет взывать к твоей помощи, быстро явись к нему, охраняй и защищай его. Одари его богатством благодати Твоей, исполни его желания всеми благами и увенчай его милостью Твоей".

Здесь же ему вручается скипетр с таким обращением: "Прими прославленный скипетр".

Прими прославленный скипетр царской власти, жезл твоего владычества, жезл правосудия, которым ты можешь хорошо управлять собой, а также святой церковью и христианским народом, вверенным тебе Господом! Царской добродетелью защищай нас от нечестивых, исправляй дурных и умиротворяй праведных; а чтобы они держались правого пути, направляй их с помощью твоей, дабы от временного царства ты достиг того, которое вечно, с помощью Того, Чье бесконечное владычество пребудет во все века".

После вручения скипетра следует следующая молитва: - "Господи!

"Господь всего! Источник благ! Бог всех! Правитель правителей! Даруй рабу твоему достоинство хорошо управлять и укрепи его, чтобы он стал тем, кто удостоился чести, дарованной ему Тобой! Прослави его выше всех остальных королей Британии! Обогасти его щедрыми благодеяниями Твоими и утверди его на троне королевства его! Посети его

потомство и даруй ему долголетие! Пусть в его дни справедливость будет превыше всего, чтобы со всей радостью и благоденствием он был прославлен в вечном Царстве Твоем".

Здесь ему вручается жезл с таким обращением: "Возьми жезл справедливости и равенства".

"Возьми жезл правосудия и справедливости, которым ты можешь уразуметь, как успокаивать благочестивых и устрашать дурных; наставлять на путь заблуждающихся; простирать руку твою к колеблющимся; низлагать гордых и возвышать смиренных; чтобы Христос, Господь наш, открыл тебе дверь, Который говорит о Себе: Я есмь дверь: если кто войдет Мною, тот спасется. И Тот, Кто есть ключ Давидов и скипетр дома Израилева, Кто открывает и никто не может затворить; Кто затворяет и никто не может отворить; да будет Он помощником твоим! Он выводит из темницы скованных и сидящих во тьме и тени смертной, чтобы ты во всем был достоин следовать за Тем, о Ком Давид воспел: "Сиденье Твое, Боже, пребывает вовек; скипетр Царства Твоего - скипетр правый". Подражай тому, кто говорит: "Ты возлюбил правду и возненавидел беззаконие; посему Бог, Бог твой, помазал тебя елеем радости над братьями твоими".

Далее следуют благословения:.

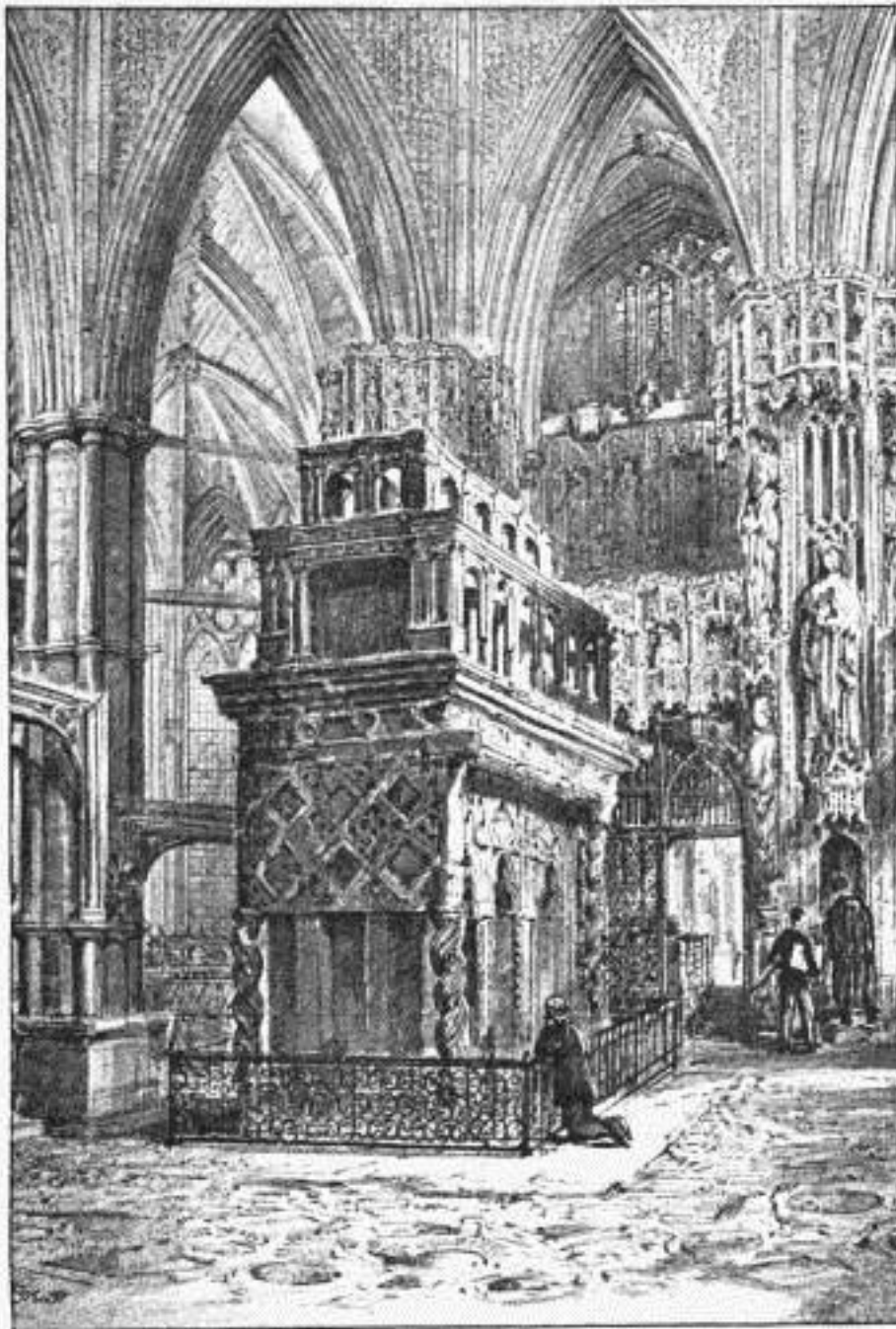
"Пусть всемогущий Господь протянет правую руку своего благословения и изольет на тебя дар своей защиты, окружит тебя стеной счастья и опекой своей; заслуги святой Марии, святого Петра, князя апостолов, и святого Григория, апостола англичан, и всех святых, ходатайствующих за тебя!

Да простит тебе Господь все зло, которое ты совершил, и дарует тебе милость и благодать, о которых ты смиренно просишь Его; да избавит он тебя от всех бед и нападений видимых и невидимых врагов.

Пусть он поставит своих добрых ангелов сторожить тебя, чтобы они всегда и везде предшествовали, сопровождали и следовали за тобой; и своей силой да сохранит он тебя от греха, от меча, от всякой случайности и опасности!

Да обратит он врагов твоих в благосклонность мира и любви и сделает тебя милостивым и приветливым во всяком добром деле; да покроет он гонителей и ненавистников твоих спасительным смятением; да процветет на тебе вечное освящение!

Да сделает Он тебя всегда победоносным и торжествующим над врагами твоими, видимыми и невидимыми; да вселит в сердце твое страх и непрестанную любовь к Его святому имени, и заставит тебя упорствовать в правой вере и в добрых делах, даруя тебе мир во дни твои; и пальмой победы да приведет Он тебя к бесконечному царствованию!

ЧАСОВНЯ ЭДУАРДА ИСПОВЕДНИКА

И да сделает он счастливыми в этом мире и причастниками своего вечного счастья тех, кто пожелал поставить тебя королем над своим народом!

Благослови, Господи, этого избранного князя, Ты, вечно правящий царствами всех царей.

И так прослави его благословением Твоим, чтобы он мог держать скипетр Соломона с возвышенностью Давида и т. д.

Даруй ему, по вдохновению Твоему, так управлять народом Твоим, как Ты позволил Соломону обрести мирное царство".

Назначение государства царства

"Стань и сохрани ныне то государство, которое ты до сих пор занимал по отцовскому преемству, с наследственным правом, переданным тебе властью Всемогущего Бога и нашей нынешней поставкой, то есть всех епископов и других слуг Божьих; и в той мере, в какой ты видел духовенство ближе к священным алтарям, тем более не забывай воздавать им должную честь на соответствующих местах. Так пусть Посредник Бога и людей утвердит тебя, посредника духовенства и простого народа, на престоле этого царства, и пусть ты будешь царствовать с ним в его вечном царстве".

Далее следует следующая молитва:.

"Да даст тебе Всемогущий Господь от росы небесной и тучности земли изобилие кукурузы, вина и масла! Пусть народ служит тебе, а племена поклоняются тебе! Будь господином братьев твоих, и сыновья матери твоей да преклонятся пред тобою: благословляющий тебя преисполнится благословений, и Бог будет помощником твоим: Да благословит тебя Всевышний благословениями небес вверху, и на горах, и в долинах; благословениями глубин внизу; благословениями сосцов и чрева; благословениями винограда и яблок; и да изольется на тебя благословение древних отцов, Авраама, Исаака и Иакова!

Благослови, Господи, мужество князя сего и благослови дела рук его; и по благословению Твоему да наполнится земля его яблоками, плодами и росой небесной и бездонной, плодами солнца и луны, вершинами древних гор, яблоками вечных холмов, плодами земли и полнотой ее!

Да снизойдет на голову его благословение Того, Кто явился в кусте, и да будет полное благословение Господне на сыновьях его, и да омочит он ноги свои в елей!

Рогом своим, как рогом носорога, да рассеет он народы до пределов земли; и да будет помощником его навеки Тот, Кто вознесся на небо!

На этом коронация закончилась".

ГЛАВА VIII

САКСОНСКИЕ ОСТАНКИ

Что касается памятников, оставшихся от саксонского Лондона, то их нет; римские памятники более древние, средневековые - более поздние. В лондонском Сити нет ни одного камня, который можно было бы назвать саксонским. В Вестминстере пожар 1835 года уничтожил здания, принадлежавшие, возможно, Кнуту, а с изменениями - Эдуарду Исповеднику. Некоторые из оснований колонн Эдуарда до сих пор сохранились под более поздним покрытием; часовня Пикса и часть внутренних зданий, предназначенных для школы, были построены Эдуардом.

ДРЕВНИЙ ЭМАЛИРОВАННЫЙ ОУЧ ИЗ ЗОЛОТА, НАЙДЕННЫЙ ВОЗЛЕ ДАУГЕЙТ ХИЛЛ;
ВЕРОЯТНО, IX ВЕК

Каталог лондонских древностей Роуча Смита.

Саксонских монет было найдено немало. Возможно, самая важная находка произошла 24 июня 1774 года при расчистке фундамента некоторых старых домов рядом с церковью Святой Марии на Хилле, когда было выкопано множество монет и других вещей, помещенных в глиняный сосуд на восемнадцать или двадцать дюймов ниже кирпичного тротуара или погребца. Сосуд был разбит киркой, и монеты высыпались на землю. Рабочие, решив, что по почерневшему виду они ничего не стоят, выбросили их, но бригадир, обнаружив, что они серебряные, собрал все, что смог, - около трех или четырех сотен штук. Внутри глиняного сосуда находился сосуд поменьше, содержащий монеты в отличной сохранности, а также фибулу из золота тонкой филигранной работы с сапфиром в центре и четыре жемчужины, одна из которых была утеряна. Монеты состояли исключительно из пенни Эдуарда Исповедника, Гарольда II и Вильгельма Завоевателя. На них выбито имя монетчика и место, где он держал свой монетный двор. В Лондоне работали следующие монетные дворы:.

(1) При Эдуарде Исповеднике:

Дурман, Эдвин, Годвин, Вульфред, Сульфин и Вульфгар.

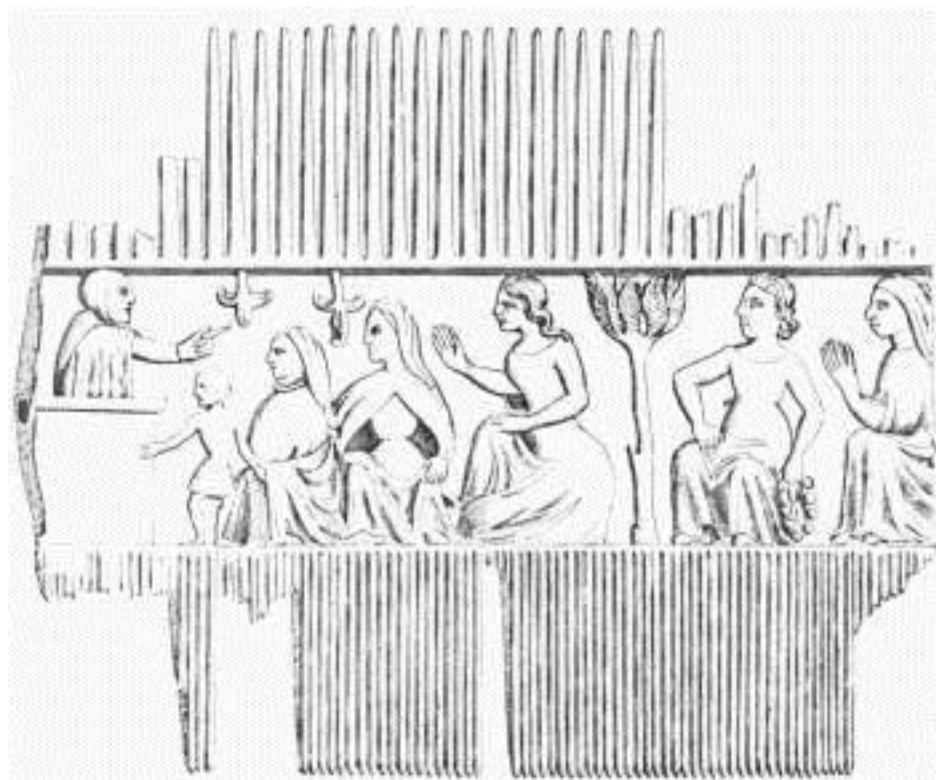
(2) При Гарольде:

Эдвин, Гефрик, Годрик, Леофти и Вульфгар.

(3) При Вильгельме:

Игельрик, Илфиг, Годвин, Леофрик и Винтед.

На первый взгляд кажется странным, что от шестисотлетнего владычества сохранилось так мало. Однако посмотрите на другие города. Ничего не сохранилось, кроме зданий, подобных пирамидам или храму царя Ирода, построенных из камней, слишком огромных, чтобы их можно было унести. Что есть в Париже, в Марселе, в Бордо, в любом древнем городе, чтобы отметить оккупацию города с пятого по одиннадцатый век? Учитывая характер людей, а также искусство и архитектуру того времени, было бы странно, если бы саксонский Лондон оставил хоть один памятник в честь своего существования.

ДРЕВНИЙ ГРЕБЕНЬ, НАЙДЕННЫЙ В РУИНАХ ИКЛТОНСКОГО ЖЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ
Archæologia, vol. xv.

Однако если зданий саксонского происхождения и нет, то есть другие остатки. Названия улиц повсеместно свидетельствуют о саксонском происхождении. Так, Чепе, Ладгейт, Бишопсгейт, Аддл-стрит, Коулмен-стрит, Гарликхит, Эдредс-хит (впоследствии Квинс-хит), Ламбет-хилл, Корнхилл, Грейсчерч-стрит, Биллингсгейт, Лотбери, Минсинг-лейн, Ситинг-лейн, Олдерманбери, Уотлинг-стрит, Сайз-лейн, Уолбрук и многие другие, встречаются сразу. Есть также церкви, чьи посвящения относятся к саксонскому периоду: Святого Ботольфа, Святого Осита, Святой Этельбурги, Всех Халлоусов и другие.

Улицы в Сити, которые, возможно, появились позже завоевания, - это Фенчерч-стрит, Лиденхолл-стрит, Ломбард-стрит, Олд-Брод-стрит, Грейт-Тауэр-стрит, и Тауэр-Хилл. Улицы с торговыми названиями, такими как Медовый переулок, Вуд-стрит, Пятничная улица, Птичник, Хлебная улица, почти наверняка имеют саксонское происхождение.

Стоу говорит о древней дороге или улице, идущей от Олдгейта до Ладгейта, которая была отрезана в результате огораживания церковного двора Святого Павла. Взглянув на карту, можно увидеть, что когда Вест-Чеп был открытым рынком, широкое пространство, проходящее с востока на запад, вполне могло пролегать через церковный двор Святого Павла до Ладгейтского холма, оставляя собору, который тогда был гораздо меньше норманнского здания, достаточно места на южной стороне. Следов датского завоевания нет, но есть следы датского проживания, во-первых, в названиях церквей Святого Магнуса и Святого Олава, которых было много; в названии Святого Клемента Датского, которое, возможно, хранит память о датском квартале, но тема неясна; в суде под названием Хастингс, проводимом каждый понедельник, название которого, несомненно, происходит от датчан. Однако сходство датских и саксонских институтов облегчило принятие последних. Поглощение датчан саксами за несколько лет было настолько полным, что у их потомков не осталось и воспоминаний о скандинавском происхождении. В Лондоне семьи датского происхождения были похожи на семьи фламандского или нормандского происхождения:

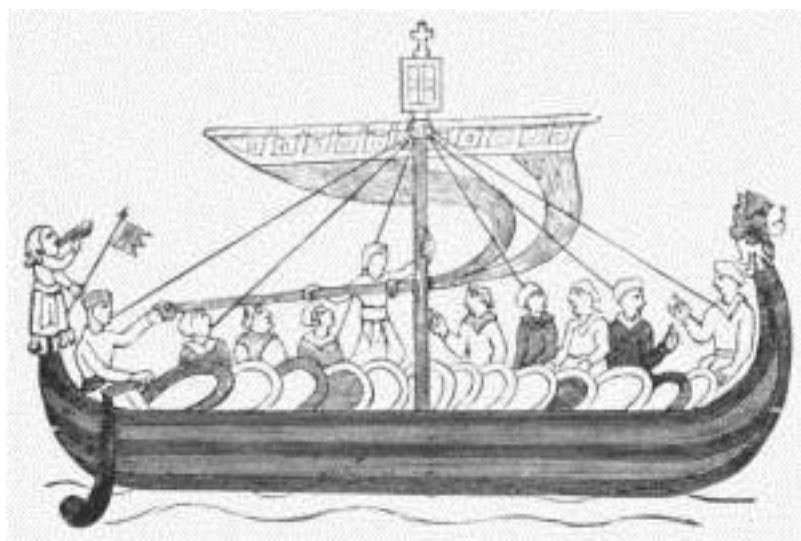
они не видели причин помнить о своем происхождении и были англичанами, а также гражданами Лондона.

КНИГА IV НОРМАНДСКИЙ ЛОНДОН

ГЛАВА I ВИЛЬЯМ ЗАВОЕВАТЕЛЬ

После Гастингса Вильгельм двинулся на город и, обнаружив, что вход в него закрыт, сжег Саутварк.

Историки обычно объясняют этот акт, который они рассматривают как сожжение большого и важного пригорода, угрозой того, что норманны сделают с самим Лондоном, если Сити не сдастся. Таково общее толкование поступка, который, по моему мнению, был обычной практикой солдат Вильгельма, не получивших приказа. Они поджигали хижины рыбаков, потому что те всегда поджигали все подряд. Таков был путь войны.

ГЕРЦОГ ВИЛЬЯМ ПРИЕЗЖАЕТ В ПЕВЕНСИ

Историки, похоже, не понимают ни положения Лондона в это время, ни духа его жителей.

Одним словом, Лондон не боялся Вильгельма. Мы видели, что город смог отбить шесть последовательных осад датчан и северян, и это на памяти людей старше сорока лет. Неужели мы должны поверить, что город с такой историей непокорности и побед собирался сдаться из-за того, что герцог Вильгельм выиграл одну битву? Да король Кнут выиграл дюжину, и все равно город не сдался. А что касается сожжения Саутварка. Этот пригород никогда не был больше, чем одна линия домов на набережной и две вдоль дамбы. В мирное время на дамбе стояли трактиры для приема торговцев и их товаров, а на набережной -

коттеджи для рыбаков Темзы и прибрежного люда, стивидоров, лихтеров и причальщиков. Трактиры представляли собой деревянные лачуги, то есть просто убежища; коттеджи были просто хижинами из плетня. Во время войны трактиры опустевали. Если бы не было торговцев, не было бы и нужды в трактирах. Солдаты Вильгельма поджигали эти заброшенные трактиры, а заодно и крыши рыбацких хижин; не с какой-то глубокой политической целью, а, как я уже говорил, потому что это были нормандские солдаты, при появлении которых деревни вспыхивали самовозгоранием. Что касается рыбаков, то они вместе со своими семьями наблюдали за происходящим из безопасного положения в своих лодках на середине реки. Когда солдаты уходили, они возвращались и ставили новую солому. Что же касается того, что город не испытывает ни малейшей тревоги из-за того, что эти домики были сожжены, то ничего более абсурдного и быть не может. Город смотрел на это с крепостных стен и кричал о своем неповиновении. Затем Уильям повернулся и поскакал прочь. У него не было сил на долгую и сомнительную осаду Лондона, пока формировались новые английские армии.

У лондонцев было время обдумать свои дальнейшие действия. В их стенах находился Эдгар Этелинг, внук Эдмунда Айронсайда; у них было много епископов; они были достаточно сильны, чтобы отказаться от подчинения: но среди них было также много "людей из Руана"; они уже были знакомы с норманнами; их епископ Уильям был французского, если не норманнского, происхождения. Тогда они решили не торопиться; они могли не пускать Вильгельма сколько угодно, так же как они не пускали Кнута. Они начали, вероятно, по совету двух графов, с избрания молодого Эдгара Ателинга своим королем. Однако почему Вильгельм сел в Беркхампстеде? Было высказано предположение, что таким образом он мог отрезать графов от их графств. Но когда они пожелали уйти из Лондона, то сделали это и без помех поселились в этих графствах, так что Вильгельм их не отрезал. Причина такого ухода неясна, хотя можно понять, что Ателинг не смог убедить их объединиться против общего врага, и они ушли в свои страны, оставив лондонцев на произвол судьбы, похоже, без каких-либо обещаний или обещаний собрать новые армии в своих графствах.

Высказывается также предположение, что, преследуя страну, Вильгельм отрезал Сити и лишил его снабжения. Он, безусловно, изводил страну, что доказывается снижением стоимости земли везде, где ступала его нога (см. *English Historical Review*, vol. xiii. No. 49). Но, во-первых, изнурение страны было вызвано потребностями армии, которую нужно было кормить; а во-вторых, Лондон никогда не был отрезан: река оставалась открытой, и Эссекс, некогда бывший садом Англии, не был тронут и по-прежнему оставался открытым.

Иными словами, ни сожжение Саутварка, ни преследование страны, ни угрозы Завоевателя ничуть не тронули гордый Город. Она, которая отбила у Кнута - до сих пор живущего в их памяти как великий король, - даже когда он командовал рекой и вторгся в город по суше, которая разбила шесть осад датчан, конечно же, не собиралась сдаваться, потому что захватчик одержал всего одну победу.

КОРОЛЬ ГАРОЛЬД В СХВАТКЕ СРАЖАЮЩИХСЯ МУЖЧИН

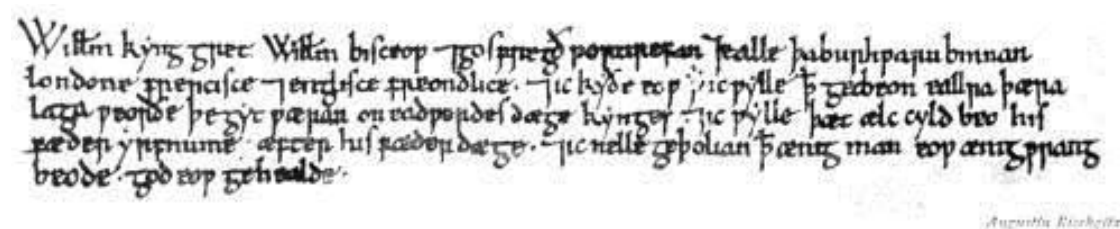
Vit. MS., A. xiii.

Вильгельм, со своей стороны, хорошо подумал, прежде чем нападать на Лондон. За тридцать лет до этого, как он прекрасно знал, другой король, как и он сам, подъехал к Лондону, но застал ворота закрытыми. Кнут осадил Лондон, но был отбит: ему пришлось разделить королевство с Эдмундом Айронсайдом. Только после того, как Лондон признал его, он стал настоящим королем Англии. Вильгельм, безусловно, хорошо знал этот эпизод истории и понимал, что он означает. На севере находились саксонские лорды, которым не требовалось ничего, кроме поддержки и поощрения Лондона, чтобы собрать армию, равную армии Гарольда, и двинуться на него на юг. Поэтому Вильгельм, у которого было много друзей в Лондоне, ждал.

В те дни в Лондоне было много беготни, много волнений и яростных споров. Похоронная процессия, простая и незамысловатая, несущая тело Гарольда с поля битвы в Уолтемское аббатство, прошла через Сити. Она должна была пройти через Сити, потому что другого пути не было. Король был мертв; кто же должен был стать его преемником? И некоторые говорили, что Эдгар Ателинг; и некоторые говорили "нет", но сам Вильгельм - сильный, как Кнут; такой же, как Кнут; верный своему народу, как Кнут.

Сначала они выбрали Ателинга, но когда большой колокол собора Святого Павла зазвонил к фолькмоту, на Крест Павла стекались все - ремесленники в своих кожаных дублетах, купцы в своих сукнах. Все собрались вместе; все граждане и свободные горожане, по праву, не знающему границ, и по обычаю, столь же старому, как и сам город, утверждавшему за каждым право голоса в управлении городом.

Над всеми возвышался епископ; поначалу он молчал среди шума, молчал и наблюдал, рядом с ним стоял сам Ателинг, юноша, неспособный овладеть боевым топором Гарольда, рядом с ним - Портрив, главный гражданский чиновник города; за епископом стояло его духовенство и каноники собора Святого Павла. Снаружи толпы стояли "люди Руана" и "люди Кельна", не имевшие права голоса, но с глубокой тревогой взиравшие на происходящее, чтобы узнать волю народа.

Августин Ришгитц.

ХАРТИЯ ГОРОДА ЛОНДОНА, ДАННАЯ ВИЛЬГЕЛЬМОМ ЗАВОЕВАТЕЛЕМ

[Увеличить изображение.](#)

Тогда поднялся пожилой ремесленник, а за ним другой, третий, и смысл их слов был один и тот же: "Я помню, как король Кнут осаждал нас, а мы за нашими стенами смеялись над ним".

И все люди восклицали: "Да! Да!"

"И он привел свои корабли по траншее, которую прорубил в грязи вокруг моста, и мы сражались с кораблями и отбили его".

И все люди закричали: "Да! Да!"

"И не было у нас никого, кроме нашего собственного короля, Эдмунда Айронсайда".

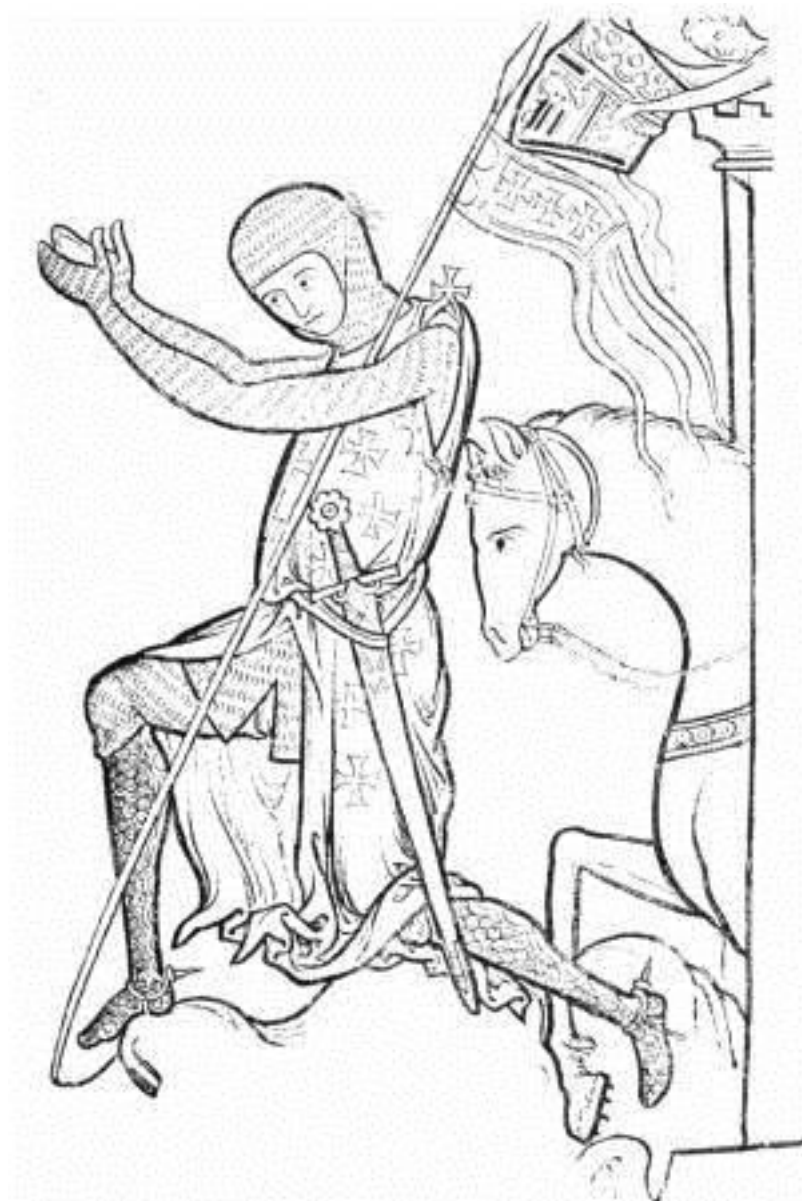
И все люди закричали: "Да! Да!".

Тем временем епископ слушал и склонял голову, как бы соглашаясь. И когда все высказались, он сказал: "Господа, это правда, что король Кнут осаждал вас и что вы отбили его, как доблестные граждане. Однако помните, что в конце концов вы сделали Кнута своим королем. Был ли он справедливым королем, сильным в бою и милосердным в мире - был ли он, говорю я, хорошим королем?"

И все люди возвысили свои голоса: "Да, да". Ибо память о короле Кнute была им дороже, чем память о любом другом короле со времен великого короля Альфреда.

Многое еще сказал епископ. В конце концов, по приказу, как он сказал, фолькмота, которого он убедил в своем благе, он отправился в путь вместе с Портривом и Эдгаром Ателингом. Он был готов предложить Городу подчинение на определенных условиях. Что это были за условия? Почти наверняка они были схожи с теми, которые впоследствии предложил город

Эксетер: Вильгельм должен пообещать быть законопослушным королем. Он дал такое обещание. Он вошел в город, ворота которого были распахнуты перед ним.

НОРМАННСКИЙ РЫЦАРЬ

MS. 2, A. xxii.

Лондон сделал Вильгельма королем. Что Вильгельм сделал для Лондона в ответ? Он подарил ей, вероятно, вскоре после своей коронации, свою знаменитую хартию. Она не могла быть составлена до его коронации, потому что он описывает себя как короля, и, судя по содержанию, она должна была быть дана очень скоро после начала его правления. Этот документ написан на клочке пергамента не более шести дюймов в длину и одного в ширину. Он содержит четыре строки с четвертью.

В переводе имеются небольшие разночтения. Ниже приводится перевод епископа Стаббса.

"Вильгельм, король, приветствует Вильгельма, епископа, и Госфрита, Портрива, и всех мещан в Лондоне, французов и англичан, дружелюбных; и я даю вам понять, что я завещаю, чтобы вы были достойны закона, как во времена короля Эдуарда. И я завещаю, чтобы

каждый ребенок был наследником своего отца после дня его отца. И я не потерплю, чтобы кто-либо причинил вам зло. Да хранит вас Господь".

Это первая хартия города.

В этой хартии в минимально возможных словах переданы самые большие права и привилегии. Она настолько ясна и отчетлива, что, несомненно, была составлена самими горожанами, которые знали тогда - и всегда знали с тех пор - чего они хотят. Мы можем читать между строк. Граждане заявляют: "Пообещайте предоставить нам три пункта, эти три пункта, и мы станем вашими верными подданными. Откажитесь от них, и мы закроем наши ворота". Если бы эти пункты были сформулированы самым острым из современных юристов, самым дальновидным юристом любого времени, они не могли бы быть яснее и понятнее. Они не оставляли места для уклонений или заблуждений и обладали силой и способностью молодого дубового саженца.

Суть их сводилась к следующему: Каждый человек должен был обладать правами свободного человека, как эти права понимались в то время и в соответствии с саксонскими обычаями.

Во-вторых, каждый мужчина должен был наследовать имущество своего отца.

В-третьих, король не позволит никому причинить им зло.

Рассмотрим, что выросло из этих трех пунктов. Из первого мы вывели право, за которое, помимо всего прочего, каждый человек нашей расы будет сражаться до смерти, - право на суд сограждан, *то есть* присяжных. Я не утверждаю, что граждане понимали то, что мы называем судом присяжных, но я утверждаю, что без этого положения суд присяжных не смог бы развиваться. Лондон не изобрел народный способ отправления правосудия; но он сохранил права свободного человека, как их понимали англы, саксы и джуты, и этим актом сохранил для всех своих детей, которые еще будут развиваться; в том числе и этот метод суда, который всегда внушал нашим людям убеждение, что это лучший способ отправления правосудия, который еще был изобретен.

Что касается второго, права наследования. Это право, включающее в себя право завещания, несет в себе главную пружину предприимчивости, промышленности, изобретательства и мужества. Кто будет работать, если плоды его труда после его смерти будут отобраны феодалом у его детей? Свободный человек трудится всем сердцем для себя и своей семьи; раб работает для своего господина так мало, как только может. Дарование этого права было фактически эквивалентно пожалованию - хартии - городу духа предприимчивости и отваги. Кто отважится выйти во враждебные моря, сразиться с пиратами, подвергнуться шторму и кораблекрушению, если его доходы будут поступать в казну феодала?

Что касается третьего пункта, обещания личной защиты, то в Лондоне не было никого, кто мог бы встать между городом и королем. Между королем и Сити никогда никого не было. В других городах фактически существовало три оверлорда - король, епископ, граф, - и права каждого из них должны были рассматриваться отдельно. Жители Лондона всегда претендовали на привилегию прямого общения с государем и всегда ею пользовались. Никто, ни граф, ни епископ, не стоял между ними и их королем и не предъявлял никаких прав на Сити.

НОРМАННСКИЕ ВСАДНИКИ

ГАРОЛЬД ПЫТАЕТСЯ ВЫТАЩИТЬ СТРЕЛУ ИЗ ГЛАЗА

НОРМАН АРХЕРС
Из гобелена Байе.

Этими свободами и другими, возникшими на их основе, мы наслаждались так долго, что они стали частью нас самих. Они как воздух, которым мы дышим. Когда австралиец или американец строит новый город, он, не задумываясь, приносит с собой права свободного человека, право наследования, право не иметь другого хозяина, кроме государства. Мы не можем понять состояние общества, в котором эти права могут отсутствовать. Представьте себе, если сможете, страну, в которой король навязывает народу своих судей; король, который может распоряжаться ими по своему усмотрению; может выносить приговоры,

штрафовать, изгонять, сажать в тюрьму или вешать без права апелляции; который может в своих интересах издавать свои законы, не советуясь ни с кем; Он мог захватывать поместья после смерти их владельца и давать наследникам все, что ему заблагорассудится, - много или мало; он мог отдать этих наследников в добычу феодалу, который позволял им жить только для того, чтобы он мог их ограбить. Таково было положение города под властью феодала, но таково никогда не было положение Лондона.

Следует добавить, что Хартия Вильгельма не давала Сити никаких новых вольностей или привилегий. Лондон не просил об этом: город довольствовался тем, что имел. Вильгельм не передал ни власти, ни полномочий суверена. Лондон не просил о такой передаче. В последующих хартиях мы увидим, как ревностно охранялась королевская власть.

С современной точки зрения, для Сити было бы непатриотично отказаться от саксонского наследника; но мы должны помнить, что Кнут, лучший и сильнейший король со времен Альфреда, был датчанином, что Сити был полон норманнов и что память о саксонце Этельреде все еще жила среди них. Какой еще аргумент мог привести епископ, кроме того, что Вильгельм повсюду слыл человеком справедливым, верным своему слову и сильным - самым сильным человеком в Западной Европе? Прежде всего страна желала видеть в короле, тогда и всегда, пока короли правили и после того, как короли стали править, чтобы он был сильным и верным своему слову.

Главные [граждане](#)²⁴, среди которых был и сам Эдгар Ателинг, вышли навстречу Вильгельму и, дав заложников, изъявили свою покорность, а он "заключил с ними договор", то есть пообещал уважать их законы. Согласно хронике А.С., Вильгельм "покаялся, что будет любящим лордом" для Сити.

Вильгельм был коронован в Вестминстере. Неизвестно, был ли соперник, которого он убил, коронован в Вестминстере или в соборе Святого Павла - скорее всего, в последнем, поскольку это кафедральная церковь Лондона. В таком случае Вильгельм стал первым из наших королей, коронованных в Вестминстере. Место было выбрано потому, что там находилась гробница Исповедника, на наследство которого Вильгельм претендовал по праву.

Дин Стэнли с точностью до мелочей рассказал историю этой памятной коронации. Она состоялась в день Рождества. Огромный собор, недавно построенный, был заполнен лондонскими бургомистрами - в большинстве своем крепкими ремесленниками, "личсменами" или моряками, купцами - желающими узнать, будет ли соблюден старый обычай узнавать глас народа. Так и будет: все старые обычаи будут ревностно соблюдаться. Но подозрения были: снаружи собор охраняли роты норманнских конников. Церемонию проводили два прелата: от норманнов - Годфри, епископ Кутанса; от англичан - Олдред, архиепископ Йорка. Стиганд, архиепископ Кентерберийский, бежал в Шотландию. Когда наступило время народного провозглашения, оба епископа обратились к народу. Затем раздался старый саксонский возглас: "Да-да". Нормандские солдаты, приняв это за вспышку мятежа, подожгли ворота аббатства - почему они подожгли ворота? - после чего вся толпа, саксонцы и норманны вместе, в ужасе разбежалась, оставив Вильгельма одного в церкви с двумя епископами и монахами-бенедиктинцами собора Святого Петра. Более странной коронации еще не видели!

Стэнли указывает на связь, которая сохранялась, регалий с королем Эдуардом Исповедником.

ВИЛЬГЕЛЬМ ЗАВОЕВАТЕЛЬ И ЕГО РЫЦАРИ (С ГОБЕЛЕНА БАЙЕ)

"Регалии были строго англосаксонскими, по их традиционным названиям: корона Альфреда или святого Эдуарда - для короля; корона Эдит, жены Исповедника, - для королевы. Скипетр с голубем напоминал о мирных днях Эдуарда после изгнания датчан. Перчатки были вечным напоминанием об отмене датского налога и знаком того, что руки короля должны быть умеренными в принятии налогов. Кольцо, с помощью которого, как дож Адриатики, король венчался со своим народом, было кольцом пилигрима. Коронационная мантия Эдуарда торжественно выставлялась в аббатстве дважды в год - на Рождество и в праздник его святых покровителей, святых Петра и Павла. Большой каменный потир, который канцлер нес к алтарю и из которого аббат Вестминстерский подавал причастное вино, как полагают, ценился очень дорого "во времена святого Эдуарда". Если после помазания волосы короля не были гладкими, то для этого имелся "гребень из слоновой кости" короля Эдуарда. Форма клятвы, сохранявшаяся до времен Якова II, заключалась в соблюдении "законов славного Исповедника". Копия Евангелия, якобы принадлежавшая Ательстану, была книгой, которая передавалась по наследству как та, на которой на протяжении веков давалась коронационная клятва. На arrasе, развешанном вокруг хора, по крайней мере с тринадцатого века, было изображено изображение церемонии со словами, напоминающими аналогичную надпись в соборе Святого Иоанна Латеранского, выражающую особые привилегии этого места: - "Hanc regum sedem".

Hanc regum sedem, ubi Petrus consecrat aedem,

Quam tu, Papa, regis; inungit et unctio regis".

Вследствие этого Вестминстерскую церковь называли "главой, короной и диадемой королевства".

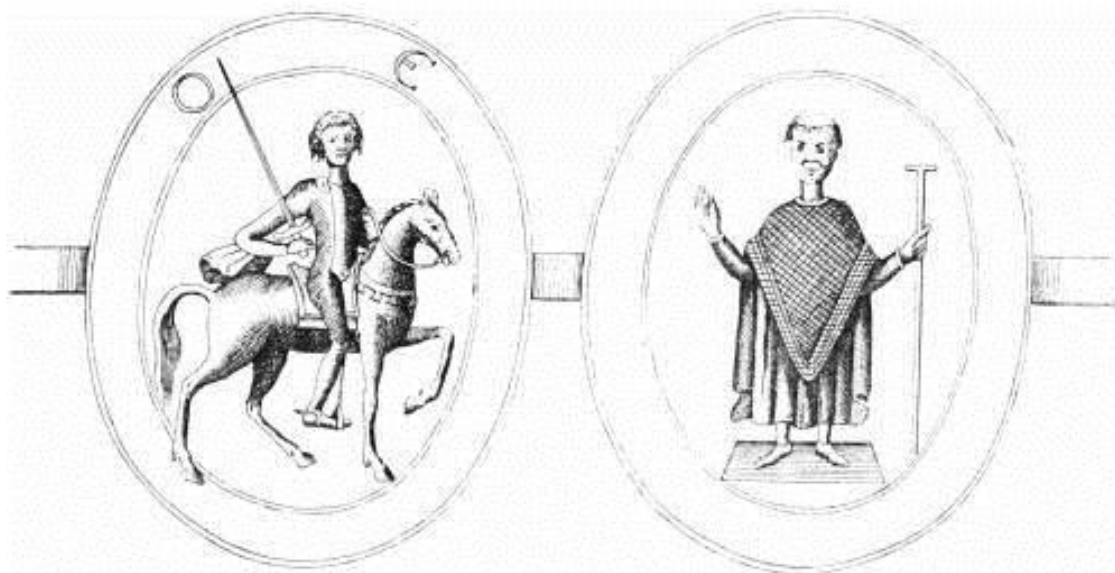

ЕПИСКОПЫ

Royal MS. 2, B. vi.

Аббат Вестминстера был уполномочен готовить каждого нового короля к торжественным событиям коронации, как к конфирмации; он посещал его за два дня до этого, чтобы сообщить ему о соблюдении правил и предупредить, чтобы он выбрился и очистил свою совесть перед святым помазанием. Если он был болен, его место занимал приор (как сейчас иподиакон). На него также возлагалась особая обязанность подавать потир королю и королеве в знак их супружеского единства, после того как они принимали таинство от архиепископа. Монастырь в этот день должен был быть обеспечен за королевский счет 100 симнелами (то есть лепешками) лучшего хлеба, галлоном вина и таким количеством рыбы, которое соответствовало королевскому достоинству".

Счастливо завершив коронацию, Вильгельм начал строить свой Тауэр. Город должен быть укреплен против врага мощной стеной - чем крепче, тем лучше, - но он не собирался допустить, чтобы город был укреплен против него самого. Поэтому он построил одну башню на востоке, а другую - на западе городской стены, чтобы можно было контролировать въезд или выезд, а также реку выше или ниже моста. Башня на востоке стала великой Белой башней, а та, что на западе, - замком Монфише. Однако он не спешил строить большую крепость: город был лоялен и настроен благожелательно, он подождет: к тому же он уже ступал в город в башне Монфише. Поэтому только через одиннадцать лет после Гастингса он приказал Гундульф, епископу Рочестерскому, взяться за работу. История Тауэра будет изложена в соответствующем месте. Его строительство заняло более тридцати лет.

ПЕЧАТЬ ОДО, ЕПИСКОПА БАЙЕ, СВОДНОГО БРАТА ВИЛЬГЕЛЬМА I.
Archæologia, vol. i.

Один из многих больших пожаров, которые время от времени опустошали Лондон, произошел в 1077 году, а другой - в 1087 или 1088 году; в нем сгорел собор Святого Павла. Морис, епископ Лондона, сразу же начал его восстанавливать. Мэтью Вестминстерский, писавший в начале XIV века, говорит: "*necdum perfectum est*".

Очень жаль, что в "Книгу Судного дня" Вильгельма не вошел Лондон. Если бы он сделал это, у нас был бы справочник, обзор нормандского города. Мы должны были бы знать численность населения, фактические ремесла, богатство, гражданские учреждения, рынки, моты, перетяжки, все. То, что мы знаем, правда, составляет очень много; кажется, будто мы знаем все; только те, кто пытается восстановить жизнь раннего Лондона, могут понять пробелы в наших знаниях и множество темных мест, в которые мы тщетно пытаемся заглянуть.

В Гилдхолле хранится и вторая хартия, дарованная Вильгельмом Завоевателем. Она переводится следующим образом.

"Вильгельм, король дружелюбный, приветствует Вильгельма епископа и Свейна шерифа, а также всех моих танов в Восточной Саксонии, которых я настоящим уведомляю, что я пожаловал Деорману, моему человеку, участок земли в Геддесдуне, которого он был лишен. И я не позволю ни французам, ни англичанам причинить им какой-либо вред".

Об этом Дормане или Дермане упоминает Раунд ("Лондонская коммуна", с. 106). Среди свидетелей хартии Джеффри де Мандевиля встречается имя "Тьерри, сын Деормана". Невозможно не предположить, что этот "Деорман" - тот же самый, что и "человек" Вильгельма из хартии. Тьерри принадлежал к богатой и процветающей семье; его сын Бертрам владел имуществом своего деда в Нэвингтон-Бэрроу в Ислингтоне и был благотворителем монахинь Клеркенвелла. Сын Бертрама Томас подарил крепостного собору Святого Павла в начале XIII века.

Всегда утверждалось, что Вильгельм Завоеватель привел с собой евреев. Но мистер Джозеф Джейкобс (*Jews of Angevin England*), исследуя эту традицию, склоняется к тому, что евреев в Англии не было до 1073 года или около того, когда появились свидетельства их проживания в

Лондоне, Оксфорде и Кембридже. В Лондоне их местом жительства был Old Jewry, к северу от Чипсайда.

Стэнли вспоминает об одном из тех средневековых чудес, которые, кажется, были придуманы в духе аллегии, чтобы научить или проиллюстрировать какую-то великую истину. Это было чудо, совершенное у гробницы Эдуарда Исповедника: - "Когда после революции в Англии, в которой участвовал Эдуард Исповедник, он был в состоянии пролить свет на гробницу.

"Когда после революции, вызванной нормандским завоеванием, вместо местных прелатов была поставлена французская и иностранная иерархия, остался один саксонский епископ - Вульфстан, епископ Вустера. В Вестминстере был созван совет, на котором председательствовали нормандский король и нормандский примас, и Вульфстан был объявлен неспособным занимать свой пост, поскольку не умел говорить по-французски. Старик, вплоть до этого момента податливый до излишеств, был вдохновлен необычайной энергией. Он прошел из часовни Святой Екатерины, где проходил Собор, прямо в аббатство. Король и прелаты последовали за ним. Он положил свой пастырский посох на гробницу Исповедника перед главным алтарем. Сначала он обратился к мертвому королю на саксонском языке: "Эдуард, ты дал мне посох, тебе я его и возвращаю". Затем, используя лучшие норманнские слова, которые он мог подобрать, он обратился к живому королю: "Лучший, чем ты, дал мне его - возьми его, если можешь". Он остался неподвижным в прочном камне, и Вульфстан был оставлен в покое в своей резиденции. Спустя долгое время король Иоанн, отстаивая главенство английской короны в церковных делах, привел эту историю в ответ на претензии папского легата. Пандульф с усмешкой ответил, что Иоанн больше похож на Завоевателя, чем на Исповедника. Но на самом деле Иоанн верно уловил принцип, о котором идет речь, а легенда выразила глубокое чувство английского народа, что в английской короне и законе кроется истинная гарантия прав английского духовенства. Таким образом, гробница Эдуарда Исповедника, как и аббатство, в котором она находится, содержит один из аспектов сложного союза церкви и государства, практическим воплощением которого является вся английская история". (Westminster Abbey, p. 35.)

В городе уже проживало смешанное население: саксы, датчане, норманны - "люди из Руана" и немцы - "люди императора". К моменту вступления Вильгельма на престол в городе также проживали норвежцы, фламандцы, гасконцы и другие люди иностранного происхождения. Не настаивая слишком сильно на реальных масштабах торговли, которая и в самом деле была невелика по сравнению с той, что должна была последовать, мы можем указать на это скопление различных народов как на доказательство того, что лондонская торговля уже рассматривалась всей Западной Европой как значительная и, более того, имеющая первостепенное значение. После Завоевания сюда прибыло еще много норманнов. Говорят, что они предпочли Лондон Руану, потому что он был "лучше приспособлен для их торговли и лучше снабжен товарами, которыми они обычно торговали". В Лондоне и других городах было много ремесленников; среди них особенно много ткачей и строителей. Из них ткачи стали и оставались на протяжении многих поколений крайне непопулярными. Каннингем (Cunningham, Growth of English Industry and Commerce, p. 179) предлагает объяснение непонятной в иных случаях враждебности народа к ткачам. Он считает, что до Завоевания ткачество не было национальной отраслью; что ткачи были завезены Вильгельмом и остались иностранцами, а не "прижились" в народе.

Вильгельм, похоже, был верен своему слову в отношении города: он не притеснял людей сам и не позволял другим причинять им вред.

ГЛАВА II

ДОМСДЕЙСКАЯ КНИГА

Ниже приводятся записи из Книги Судного дня по деревням вокруг Лондона, включенным в настоящее исследование. Перевод выполнен преподобным Уильямом Боуденом в 1812 году.

Степни: "В сотне Осулуэстан (Оссулстон) епископ Лондонский владеет Стибенхедом (Степни) за тридцать две шкуры. Имеется земля на двадцать пять плугов. Четырнадцать шкур относятся к демесне, и там три плуга; и двадцать два плуга в вилланах. Сорок четыре вилланда по одному виргату каждый, семь вилландов по полгида каждый, девять вилландов по полгида каждый, сорок шесть коттеджей по одному гиду; они платят тридцать шиллингов в год. Есть четыре мельницы по четыре фунта и шестнадцать шиллингов с четырьмя пенсами. Луг, достаточный для двадцати пяти плугов. Пастбище для скота деревни, пятнадцать шиллингов. Пастбище для пятисот свиней и сорок шиллингов. Вся его стоимость составляет сорок восемь фунтов, и столько же он стоил, когда был получен; во времена короля Эдуарда - пятьдесят фунтов. Это поместье было и остается частью города.

В той же деревне Хью де Бернерес владеет пятью шкурами и одним виргатом земли под епископом. Есть земля под четыре плуга. В демесне есть один плуг, а в вилланах - три плуга. У одного виллана полвиргата, у шести вилланов три виргата, у двух бордаров полвиргата, у трех коттеджеров два акра с половиной, у одной мельницы шестьдесят шесть шиллингов и восемь пенсов. Луг, достаточный для четырех плугов. Пастбище на сто пятьдесят свиней и три шиллинга с половиной. Все это стоит шесть фунтов; столько же при получении; во времена короля Эдуарда - семь фунтов. Сиред владел двумя шкурами и половиной этого поместья, он был каноником собора Святого Павла, он мог дарить и продавать его кому пожелает без разрешения епископа. Во времена короля Эдуарда каноники Святого Павла держали две шкуры с половиной для обеспечения субботнего дня (*de dominico victu suo*); а Додинг держал один виргат и одну мельницу в собственном поместье епископа; он не мог отдать или продать его без его разрешения.

В той же деревне жена Брайена владеет пятью шкурами епископа. Там есть земля на два плуга с половиной. В демесне есть один плуг, и виллан может сделать один плуг. У одного виллана полшкуры; он платит четыре шиллинга в год за свой дом; другой виллан платит восемь шиллингов за полшкуры. Роджер шериф владеет половиной шкуры, а пятнадцать бордеров по десять акров платят девять шиллингов. Пастбище для шестидесяти свиней. Пастбище для скота деревни - пять шиллингов. В целом это стоит шестьдесят шиллингов; когда получали столько же; во времена короля Эдуарда - сто шиллингов. Уильям, епископ, владел этой землей в поместье Стибенхеде (Степни) в тот самый день, когда умер король Эдуард.

В той же деревне Раннульф Фламбард держит три шкуры и полторы шкуры епископа. Там есть земля под пять плугов. Два плуга находятся в демесне, а три плуга принадлежат вилланам. Есть четырнадцать бордаров по полторы шкуры. Луг на два плуга и два шиллинга. Пастбищ нет. Дерево (*nemus*) для изгороди. Все это стоит четыре фунта. Годуин владел этой

землей при епископе Уильяме. Во времена короля Эдуарда он не мог ни подарить, ни продать ее без разрешения епископа". [Orig. 127, b. 1.]

111. **TERRA S^{ci} PETRI WESTMON^{ast}RIE** ~~OSVIVESTANIE~~
In Villa ubi sedet eccl^a s^{ci} PETRI. tenet abb^{as} e^{ius} de
loci. xiii. hid^{ae} 7 dim^{ensio}. Tra^{cta} est ad xi. car^{at}. Ad d^{omi}nium
pan^{em}. ix. hid^{ae} 7 i. uirg^{at}. 7 ibi su^{nt}. iij. car^{at}. Villi h^{ab}it^{ant}. vi.
car^{at}. 7 i. car^{at} plus pot^{est} fieri. Ibi. ix. uille q^{uod}sq^{ue} de. i. uirg^{at}.
7 i. uille de. i. hid^{ae} 7 ix. uille q^{uod}sq^{ue} de dim^{ensio} uirg^{at}. 7 i. cot^{at}
de. v. ac^{re}. 7 xl. i. cot^{at} q^{uod} red^{dit} p^{er} ann^{um}. xl. sol^{id} p^{ro} oral^{ibus} suis.
p^{ro}cu^{ra}. xi. car^{at}. p^{ro} ast^{ut}a ad pecun^{iam} uille. Silva. c. port^{us}.
7 xxv. dom^{us} milicu^m abbu^m 7 alio^{rum} ho^{minu}m. qui red^{dit}
viii. sol^{id} p^{er} ann^{um}. In tota^m ualent^{ur} ual^{ent}. x. lib^{ra}. Q^{uod}do
recep^{it}. similit^{er}. T. R. E. xii. lib^{ra}. Hoc n^{on} fuit 7 est
in d^{omi}no eccl^e s^{ci} PETRI. Westmonasterii.

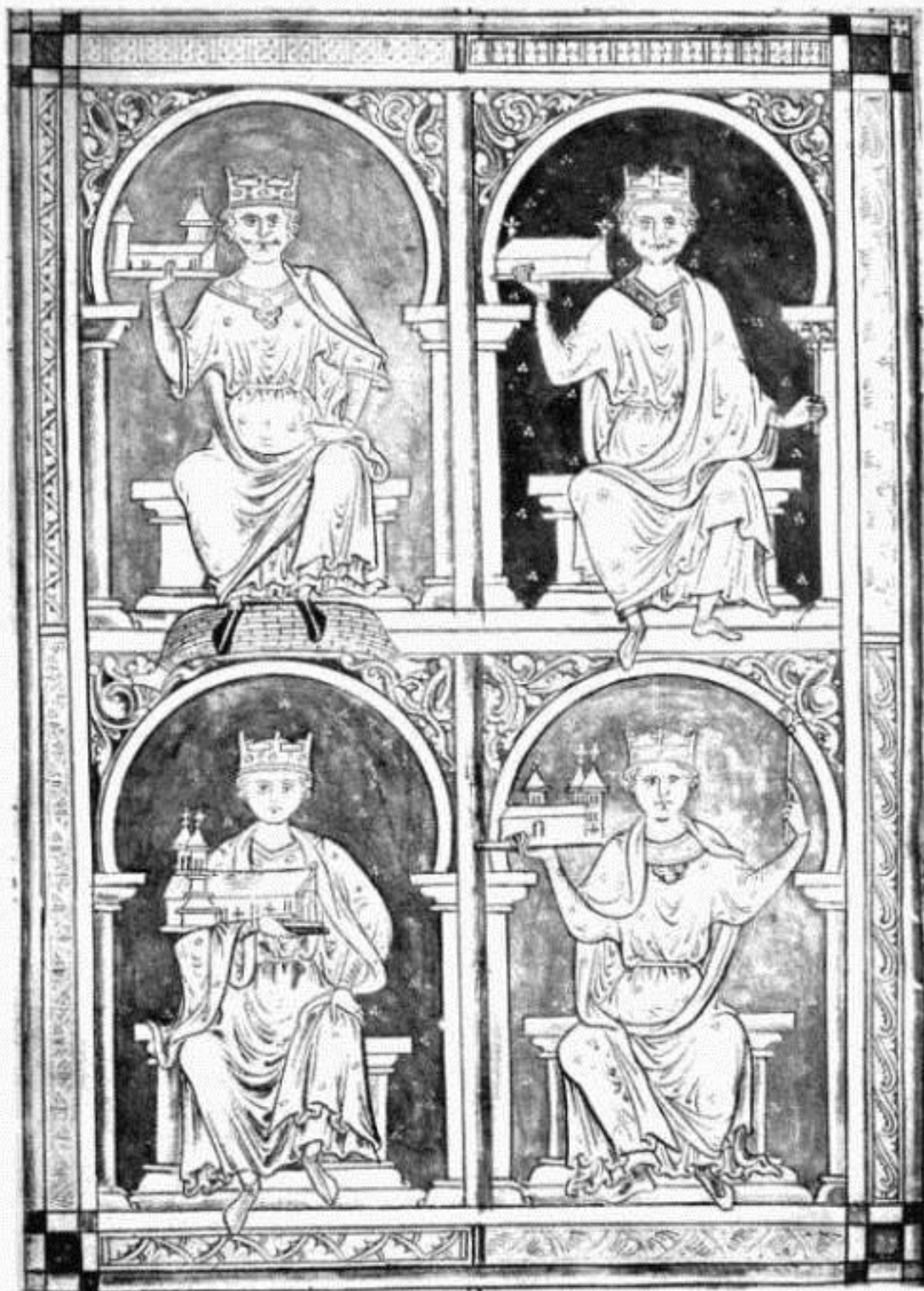
ЧАСТЬ СТРАНИЦЫ КНИГИ ДОМСДЕЯ

Из оригинала, хранящегося в Public Record Office.

В той же деревне Уильям де Вер держит одну шкуру епископа. Там есть земля под один плуг, и она находится там в демесне. Эта земля стоит шестнадцать шиллингов; то же самое при получении; во времена короля Эдуарда - двадцать шиллингов. Во времена короля Эдуарда Уильям, епископ, владел этой землей вместе со своим поместьем Стибенхеде (Степни).

В той же деревне Энгельбрик, каноник, держит у епископа один хайд и один виргат. Там есть земля под один плуг, и она находится там в демесне. Там есть один виллан в один виргат, и четыре бордера по семь акров каждый, и один коттеджер. В целом он стоит сорок шиллингов; столько же он стоил при получении; во времена короля Эдуарда - сорок шиллингов. Тот же каноник владел им от епископа Уильяма. Во времена короля Эдуарда он не мог его продать.

В той же деревне епископ Лизье держит полтора шкуры епископа Лондонского. Там есть земля на один плуг; и там есть половина плуга; и половина может быть сделана. Есть два бордаря по пять акров каждый; и два дачника по четыре акра; и один дачник. В целом она стоит сорок шиллингов; столько же при получении; во времена короля Эдуарда - пятьдесят шиллингов. Епископ Уильям владел этой землей в тот самый день, когда умер король Эдуард.

ВИЛЬЯМ I. И II.
ГЕНРИХ I. И СТИВЕН
Royal MS. 14 C VII.

В той же деревне Уильям, камергер, держит полтора шкуры и один виргат епископа. Есть земля на полтора плуга. В демесне есть один плуг, и можно сделать половину. Есть один виллан в один виргат; и шесть бордаров по пять акров. В целом это стоит тридцать шиллингов; когда получали столько же; во времена короля Эдуарда - сорок шиллингов. Епископ Уильям владел этой землей в день смерти короля Эдуарда.

В той же деревне Алурик Чацепул держит одну шкуру епископа. Есть земля под один плуг, но плуга нет. Эта земля стоит десять шиллингов; то же самое при получении; во времена короля Эдуарда - тринадцать шиллингов и четыре пенса. Епископ Уильям владел этой землей в демесне во времена короля Эдуарда.

В той же деревне Эдмунд, сын Алгота, владеет одной мельницей епископа, которая стоит тридцать два шиллинга и шесть пенсов; то же самое при получении; но ее не было во времена короля Эдуарда.

В той же деревне Алуин, сын Бритмара, владеет одной мельницей, которая стоит двадцать шиллингов; столько же он получил; во времена короля Эдуарда - столько же. Он сам владел ею от епископа Уильяма".

Фулхэм. - "В *Фвлхэме* (Фулхэме) епископ Лондонский держит сорок шкур. Там есть земля на сорок плугов. Тринадцать шкур относятся к демесне, и там четыре плуга. Среди свободных людей (франков) и вилланов двадцать шесть плугов; и еще десять могут быть сделаны. Там есть пять виллэнов по одному шкуре, и тринадцать виллэнов по одному виргату, и тридцать четыре виллэна по полвиргата, и двадцать два коттеджа по полшкуры, и восемь коттеджей с собственными садами. Иностранцы и некоторые лондонские бюргеры владеют двадцатью тремя шкурами земли этих виллан. Тридцать одна виллана и бордар живут под ними. Луг на сорок плугов. Пастбище для деревенского скота. За половину ручья десять шиллингов. Пастбище на тысячу свиней и семнадцать пенсов. Вся его стоимость составляет сорок фунтов; то же самое при получении; во времена короля Эдуарда - пятьдесят фунтов. Это поместье было и остается частью города.

В той же деревне Фулчеред владеет пятью шкурами епископа Лондонского. Есть земля под три плуга. Один плуг в демесне; и один плуг в вилланах, и третий может быть сделан. Шесть вилланов по полшкуры; и четыре коттеджа по восемь акров; и три коттеджа. Луг для одного вола. Пастбище для скота деревни. Пастбище для трехсот свиней. Вся его стоимость - шестьдесят шиллингов; столько же при получении; во времена короля Эдуарда - сто шиллингов. Два сокмена владели этой землей; они были вассалами епископа Лондонского; во времена короля Эдуарда они не могли дарить или продавать без разрешения епископа. [Orig. 127, b. 2.].

Манор. В той же деревне каноники Святого Павла держат у короля пять шкур за один манор. Там есть земля под пять плугов. Три шкуры принадлежат к демесне, и там два плуга. В вилланах есть два плуга, и можно сделать третий. Восемь деревень по одному виргату каждая, семь деревень по полвиргата каждая, семь бордаров по пять акров каждый, шестнадцать дачников и два бондаря. Луг на пять плугов. Пастбище для скота деревни. Пастбище для ста пятидесяти свиней. В целом он стоит восемь фунтов; столько же при получении; во времена короля Эдуарда - десять фунтов. Те же каноники Святого Павла владели этим поместьем в демесне во времена короля Эдуарда, и оно предназначено для их поддержки (*de victu eorum*)."

Ругмир - "Ральф, каноник, владеет *Ругмером* (Ругмиром). Он отвечал за две шкуры. Там есть земля на полтора плуга. В демесне есть один плуг, и можно сделать половину плуга. Лес (*nemus*) для изгороди и четыре шиллинга. Эта земля стоит тридцать пять шиллингов; столько же при получении; во времена короля Эдуарда - сорок шиллингов. Она была во времена короля Эдуарда и сейчас находится в собственности каноников".

Сент-Панкрас: "Каноники Святого Павла владеют четырьмя шкурами в *Scm Pancratium* (Сент-Панкрас). Там есть земля на два плуга. У вилланов есть один плуг, и еще один плуг

может быть сделан. Дерево для изгородей. Пастбище для скота и двадцать пенсов. Есть четыре виллана, которые держат эту землю по канонам, и семь дачников. Ее полная стоимость составляет сорок шиллингов; столько же она стоила при получении; во времена короля Эдуарда - шестьдесят шиллингов. Это поместье было и остается в собственности Святого Павла".

Ислингтон: "В Изендоне (Ислингтоне) каноники святого Павла имеют две шкуры. Земля - полтора плуга. Там есть один плуг, и можно сделать половину. Три деревни по одному виргату. Пастбище для скота деревни. Эта земля стоит и стоила сорок шиллингов. Она лежала и лежит в собственности церкви Святого Павла.

В той же деревне каноники владеют двумя шкурами земли. Там есть земля на два плуга с половиной, и они находятся там сейчас. Есть четыре виллана, которые держат эту землю под канониками; а также четыре бордаря и тринадцать дачников. Эта земля стоит тридцать шиллингов; столько же она стоила при получении; во времена короля Эдуарда - сорок шиллингов. Это лежало и лежит в демесне церкви Святого Павла".

Хокстон. - "В Хокстоне (Хокстоне) каноники Святого Павла имеют одну шкуру. Земля на один плуг, и она сейчас там; и три виллана держат эту землю под канониками. Пастбище для скота. Эта земля стоила и стоит двадцать шиллингов. Это лежало и лежит в демесне церкви Святого Павла.

Поместье. Каноники владеют *Хочестоуном* (Хокстоном) на три шкуры. Там есть земля на три плуга, и они там есть; и семь вилланов, которые держат эту землю; и шестнадцать дачников. В целом она стоит пятьдесят пять шиллингов; столько же она стоила при получении; во времена короля Эдуарда - шестьдесят шиллингов. Это поместье принадлежало и принадлежит церкви Святого Павла.

Каноники святого Павла имеют у епископских ворот десять коттеджей по девять акров, которые платят восемнадцать шиллингов и шесть пенсов в год. Во времена короля Эдуарда они так же владели ими, и у них было то же самое".

Вестминстер. - "В деревне, где находится церковь Святого Петра, аббат того же места владеет тринадцатью шкурами с половиной. Там есть земля под одиннадцатью плугами. Девять шкур и один виргат относятся к демесне, и в них четыре плуга. В вилланах шесть плугов, и можно сделать на один плуг больше. Девять вилланов по одному виргату каждый, один виллан по одному шкуре и девять вилланов по полвиргата каждый, один дачник по пять акров и сорок один дачник, который платит по сорок шиллингов в год за свои сады. Луг для одиннадцати плугов. Пастбище для скота деревни. Пастбище для ста свиней. И двадцать пять домов рыцарей аббата и других вассалов, которые платят по восемь шиллингов в год. Вся стоимость составляет десять фунтов; столько же при получении; во времена короля Эдуарда - двенадцать фунтов. Это поместье было и остается в собственности церкви Святого Петра в Вестминстере.

В той же деревне Бейниард владеет тремя шкурами аббата. Там есть земля под два плуга, и они находятся там в демесне, и один коттедж. Пастбище для ста свиней. Пастбище для скота. Четыре аршина виноградника, недавно посаженного. Его полная стоимость составляет шестьдесят шиллингов; при получении - двадцать шиллингов; во времена короля Эдуарда - шесть фунтов. Эта земля принадлежала и принадлежит церкви Святого Петра".

Хэмпстед. - "Аббат Святого Петра владеет *Хэмпстедом* (Хэмпстедом) на четыре шкуры. Земля на три плуга. Три шкуры с половиной относятся к демесне, и в них один плуг. У вилланов есть один плуг, и еще один может быть сделан. Один виллан имеет один виргат, пять бордаров по одному виргату и один бондарь. Панаж для ста свиней. В целом она стоит пятьдесят шиллингов; столько же при получении; во времена короля Эдуарда - сто шиллингов.

В той же деревне Раннульф Певрель держит под началом аббата один шкурник земли вилланов. Земли до половины плуга, и она там есть. Эта земля стоила и стоит пять шиллингов. Это поместье в целом лежит и находится в собственности церкви Святого Петра".

Тайберн. - "Настоятельница Беркинга держит *Тибурн* (Тайберн) короля; он отвечал за пять шкур. Земля под три плуга. В демесне две шкуры, и в них один плуг. В вилланах по два плуга. Два виллана по полшкуры, один виллан по полвиргата, два бордара по десять акров и три дачника. Пастбище для скота деревни. Пастбище для пятидесяти свиней. За траву сорок пенсов. В целом оно стоит пятьдесят два шиллинга; столько же при получении; во времена короля Эдуарда - сто шиллингов. Это поместье всегда принадлежало и принадлежит церкви Беркинга".

НОРМАННСКИЕ СОЛДАТЫ
Харл. MS., Roll Y. 6.

Ия. - "Джеффри де Мандевиль владеет *Ией* (кв. Илинг). Он отвечает за десять шкур. Есть земля на восемь плугов. В демесне пять шкур, и в них два плуга. В вилланах пять плугов, и можно сделать шестой. Есть один виллан на полшкуры; и четыре виллана на один виргат каждый; и четырнадцать других на полвиргата каждый; и четыре бордаря на один виргат; и один коттеджер. Луг на восемь плугов и сено на шестьдесят шиллингов. За пастбище - семь шиллингов. Вся стоимость - восемь фунтов; при получении - шесть фунтов; во времена короля Эдуарда - двенадцать фунтов. Гарольд, сын графа Ральфа, владел этим поместьем, которое королева Эддид защитила (*custodiebat*) вместе с поместьем в тот самый день, когда умер король Эдуард. После этого Уильям, камергер, владел им от королевы за три фунта годовой ренты; а после смерти королевы он владел им так же, как и король. Прошло уже четыре года с тех пор, как Уильям отказался от этого поместья, а рента (то есть двенадцать фунтов) с него королю не выплачивается.

В той же сотне Ральф держит у Джеффри полтора шкуры. Там есть земля на один плуг, и она там есть; и четыре бордера по четырнадцать акров; и один бондарь. Луг для одного плуга. Пастбище для скота, и тринадцать пенсов. Лес (*nemus*) для изгороди. Эта земля стоит двадцать шиллингов; при получении, а во времена короля Эдуарда - тридцать шиллингов. Два сокмена короля Эдуарда владели этой землей; они могли продать ее кому пожелают".

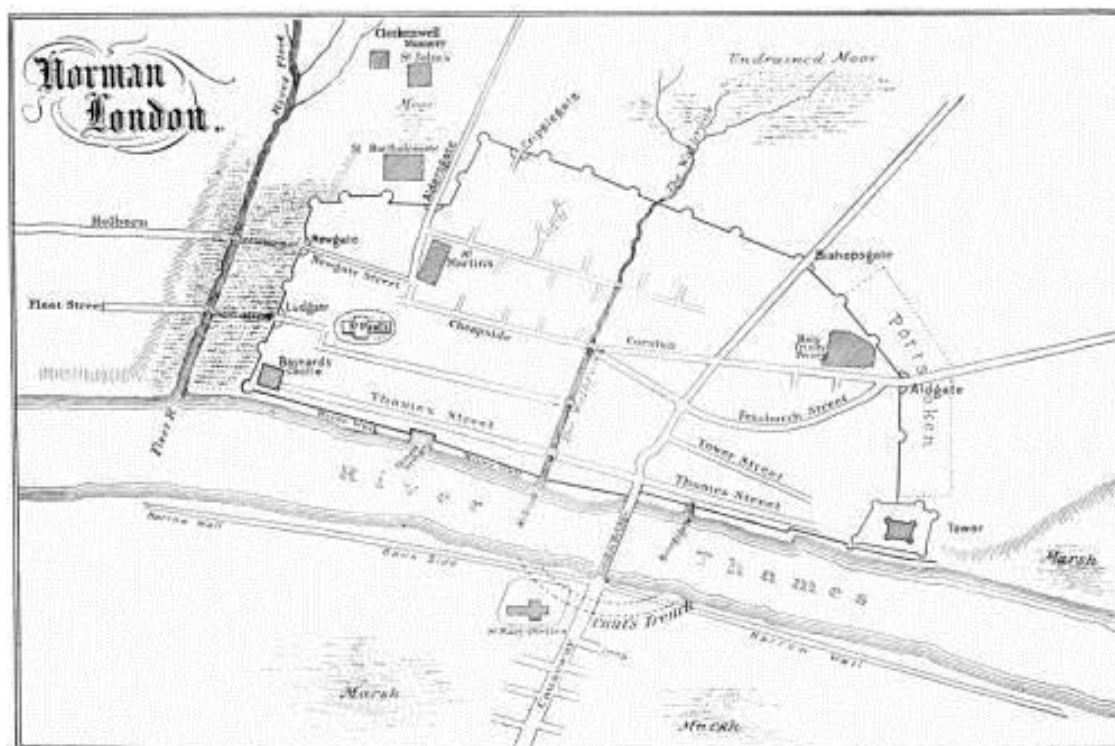
Степни: "Роберт Фафитон владеет четырьмя шкурами короля в *Стибенхеде* (Степни). Там есть земля под три плуга, и они сейчас там. Один виллан - четырнадцать акров, другой - двенадцать акров; у Роджера, шерифа, одна шкура, а у бордара - полшкуры и полвиргата. Панаж за шестьдесят свиней и четыре шиллинга. В целом это стоит двадцать шиллингов; столько же при получении; во времена короля Эдуарда восемь фунтов. Сиред, каноник собора Святого Павла, владел этим поместьем; он мог продать его кому пожелает. Во времена короля Эдуарда епископ Лондонский оспаривал его право на него (*reclam se habere*). Кроме этих четырех шкур, здесь есть еще пятьдесят три акра земли, которых не было во времена короля Эдуарда, которые Хью де Бернерес узурпировал у каноников Святого Павла и присоединил их к этому поместью, как свидетельствует сотня.

Роберт, сын Розелина, держит у короля три шкуры с половиной в *Стибенхеде* (Степни). Земля под два плуга. Две шкуры находятся в демесне, и там есть один плуг. У вилланов один плуг. Один виллан имеет один виргат, восемь бордаров - по полвиргата каждый, четыре коттеджера - девятнадцать акров. Луг для двух плугов; и лес для изгороди (*nemus ad sepes*). Все это стоит пятьдесят три шиллинга; при получении - десять шиллингов; во времена короля Эдуарда - четыре фунта. Алуин Стичехер владел этой землей за одно поместье; он был вассалом короля Эдуарда; он мог продать ее кому пожелает. На нее претендует епископ Лондонский".

Челси: "Эдвард де Сарисбери владеет *Челchedом* или *Черchedом* (Челси) за две шкуры. Там есть земля на пять плугов. Одна шкура находится в демесне, и там сейчас два плуга. У вилланов есть один плуг, и два плуга могут быть сделаны. Два виллана по два виргата, четыре виллана по полвиргата каждый, три бордара по пять акров каждый и три бондаря. Луг для двух плугов. Пастбище для скота деревни. Пастбище для шестидесяти свиней и пятидесяти двух пенсов. Вся его стоимость - девять фунтов; столько же при получении и всегда. Влуэн, вассал короля Эдуарда, владел этим поместьем; он мог продать его кому пожелает".

Кенсингтон: "Обри де Вер владеет *Ченеситом* (Кенсингтоном) епископа Констанцкого. Он отвечал за десять шкур. Есть земля под десять плугов. В демесне четыре плуга, а в вилланах пять плугов, и можно сделать шестой. Двенадцать вилл по одному виргату в каждой; и шесть вилл по три виргата. Священник имеет половину виргата; и есть семь бондарей. Луг для двух

пługов. Пастбище для скота деревни. Пастбище для двухсот свиней. И три аршина виноградника. Вся его стоимость - десять фунтов; при получении - шесть фунтов; во времена короля Эдуарда - десять фунтов. Эдуин, тэн короля Эдуарда, владел этим поместьем и мог его продать".

НОРМАН ЛОНДОН.

[К увеличенному изображению.](#)

Ислингтон: "Дерман держит у короля половину шкуры в *Изелдоне* (Ислингтоне). Там есть земля на половину плуга. Там есть один виллан. Эта земля стоит и стоила десять шиллингов. Алгар, вассал короля Эдуарда, владел этой землей, и он мог продавать и дарить ее".

Лиссон Грин - "Лилстоун (Лилстоун) ответил за пять шкур. Эйдуа владеет ею от короля. Там земли на три плуга. Четыре шкуры с половиной находятся в демесне, и там два плуга. В вилланах по одному плугу. Там четыре виллана по полвиргата каждый; и три коттеджера по два акра; и один бондарь. Луг для одного плуга. Пастбище для скота деревни. Пастбище для ста свиней. За траву три пенса. Вся стоимость - шестьдесят шиллингов; столько же при получении; во времена короля Эдуарда - сорок шиллингов". Эдуард, сын Суана, вассал короля Эдуарда, владел этим поместьем и мог его продать".

Согласно хронике А.С., король Вильгельм провел большой совет и много рассуждал о том, "как и какими людьми держатся эти земли. Он разослал по всей Англии в каждое графство своих людей, и пусть они узнают, сколько сотен шкур находится в каждом графстве, и какие земли и скот есть у самого короля в графстве, и какую ренту он должен получать ежегодно в каждом из них. Он также позволил им узнать, сколько земли у его архиепископов, и у других епископов, и у аббатов, и у каждого, что и сколько имеет каждый человек, владеющий землей в пределах королевства, как землей, так и скотом, и сколько каждый из них стоит".

Следует помнить, что король при феодальной системе был властелином всех владений, и не было земли, которая не подчинялась бы королю как властелину. В "Обзоре Мидлсекса" нет ни одного поместья, принадлежащего короне. В Сотне Оссулстон король владел 12½ акрами "ничейной земли"; у него также было тридцать коттеджей в одном месте и два - в другом. Двадцать два владельца поместий в Мидлсексе внесены в "Domesday", из них наибольшая доля принадлежала церкви: архиепископ Кентерберийский, аббат Вестминстерский, аббат Святой Троицы в Руане, аббатиса Баркингская, епископ и каноники Святого Павла. Последнему принадлежала основная часть Оссулстонской сотни.

Самым крупным поместьем в Лондоне было Степни: предполагается, что в очень ранний период из большого поместья и прихода были вырезаны деревушки Шордич, Стратфорд-Боу, Хакни, Бетнал-Грин, Уайтчепел, Спиталфилдс, Сент-Джордж-ин-Ист, Шэдвелл и Лаймхаус: другими словами, первоначальный приход Степни простирался от большой северной дороги Бишопсгейт без до реки Лиа. О том, что большая часть Оссулстонской сотни принадлежала церкви Святого Павла, свидетельствует тот факт, что Твайфорд, Уиллесден, Харлесден, Тотехилл, Сент-Панкрас, Ислингтон, Ньюингтон, Хортон, Хокстон и Дрейтон - все они относились к этой церкви. Аббат Вестминстерский владел поместьем, уступавшим по размеру только Степни, принадлежавшим его церкви, поместьем Хэмпстед, поместьем Хендон и еще одним поместьем, вероятно, Белсайз. В графстве было всего восемь светских владельцев поместий.

Из Domesday ясно, что Лондон был ограничен своими стенами; что Вестминстер не существовал как город; что за стенами единственным приходом, населенным, кроме фермеров, была часть Степни; и что северная часть графства, как доказывает "панаж" для свиней, была покрыта лесом, начинающимся за Ислингтоном и Кентиш-Тауном, и охватывающим Хэмпстед и Хайгейт, и так на восток и запад до Уиллесдена на западе и Эссекского леса на востоке.

Другими словами, вокруг Лондона простирался широкий пояс поместий, принадлежавших церкви. Мы можем рассмотреть, как владение этой землей повлияло на строительство и заселение за пределами стен. Как и следовало ожидать, первые поселения появились на болотистой местности к северу от стен; Смитфилд и Клеркенвелл - первые пригороды. Затем мы видим дома, построенные до "Барса" на Уайтчепел-роуд, затем в Холборне, на Флит-стрит и в Бишопсгейт без. За "Барсом" возникают трудности; кажется, они преодолены на Чансери-лейн и Сент-Джайлс, а также вдоль Стрэнда, но не на восточной и не на северной стороне. Было бы интересно проследить, как постепенно снимался запрет на строительство со стороны епископа Лондонского, аббата Вестминстерского и капитула собора Святого Павла.

ГЛАВА III ВИЛЬЯМ РУФУС

Этот король со странной и необъяснимой личностью, насколько известно, не даровал Сити никакой хартии, да и в самом Лондоне во время его правления не произошло никаких важных событий. Упоминаются один или несколько разрушительных пожаров, ураган и голод, или, по крайней мере, нехватка продовольствия.

Вильгельм Руфус последовал примеру своего отца и короновался в Вестминстере. И как Завоеватель был коронован норманнским и саксонским епископом, так и он был коронован норманнским архиепископом Кентерберийским и последним саксонским епископом Вульфстаном.

В хронике Флоренса Вустерского упоминается, что в начале Гражданской войны, на следующий год после воцарения Вильгельма Руфуса, он собрал свою армию в Лондоне; что она состояла в основном из англичан, которых он сделал лояльными, пообещав "справедливые законы"; что пока Вильгельм осаждал Певенси, гарнизон Рочестера обрушился на жителей Кентербери и Лондона с огнем и мечом. Неужели король отнял у Лондона право на оборону? Не было ли там стен и ворот, или в стенах и воротах находились предатели? В хронике А.С. ничего не говорится об этой резне; зато говорится о недовольстве. Когда вспыхнуло восстание в пользу Роберта, король "был сильно встревожен; он послал за англичанами, изложил им свои нужды и попросил их о помощи. Он обещал им лучшие законы, чем когда-либо были в этой земле, запретил все несправедливые налоги и гарантировал своим подданным леса и охоту. Но эти уступки вскоре были отменены. Однако англичане пришли на помощь своему повелителю королю, и тогда они двинулись к Рочестеру".

Вильгельм проводил очень мало времени в Лондоне или Вестминстере. Однажды он встретил Рождество в королевском доме в Вестминстере и дважды провел там Уитсантид. На праздниках Рождества, Пасхи и Уитсантида король пировал на публике, надевая свою корону.

В 1092 году, по словам Флоренса Вустерского, пожар уничтожил почти весь Лондон. Хроника А.С. не упоминает об этом событии. Как и в случае с предполагаемой резней в Лондоне, устроенной людьми Рочестера, можно предположить, что ущерб был преувеличен.

НОРМАНДСКИЕ КАПИТЕЛИ ИЗ ВЕСТМИНСТЕР-ХОЛЛА
Archæologia, vol. xxvii.

Скудные летописи Сити в это царствование, таким образом, не говорят нам многого. Что касается его внутреннего состояния, торговли и процветания, то нельзя предположить, что во времена непрерывных войн, внутренних и внешних, торговля Лондона могла продвигаться вперед; также маловероятно, что когда рука короля была тяжела от поборов и несправедливых налогов на остальную часть его королевства, Лондон смог бы спастись. Читая историю этого короля, постоянно жалеешь, что никто из мирян не написал отчета о его высказываниях и поступках. Церковники были озлоблены против человека, который не только унижал Церковь, но и грабил ее; который держал в своих руках, оставляя их вакантными, епископства и монастыри; который осмеливался говорить, что не верит в

святых; который препятствовал обращению евреев и даже убеждал евреев вести публичные дебаты с христианами о догматах их веры, обещая стать новообращенным, если победят христиан. Эта часть истории, однако, сомнительна. Уильям Мальмсберийский верил в это. Он говорит: "Это было сделано, к великому ужасу епископов и духовенства, боявшихся с благочестивой тревогой за христианскую веру, и от этого поединка иудеи не получили ничего, кроме смятения, хотя часто хвастались, что победили их не аргументами, а силой". Хотелось бы присутствовать при этом споре.

Немногочисленные виды Лондона не говорят ни о процветании, ни о довольстве. В хронике А.С. (1097 г. н.э.) говорится: "Многие графства, обязанные выполнять работы в Лондоне, были сильно угнетены при возведении стены вокруг Тауэра, ремонте моста, который был почти смыт, и строительстве Королевского зала в Вестминстере. Эти тяготы выпали на долю многих".

Память о всеобщем бедствии того времени сохранилась в любопытном виде: в виде записей о тех странных и чудовищных событиях, которые происходят только во времена бед и несправедливости. Было землетрясение; был очень поздний урожай; молния ударила в голову распятия. Прошел невиданный доселе ливень; был сильный мороз, заморозивший реки; наступила быстрая оттепель, сорвавшая мосты; был голод, в некоторых местах настолько сильный, что умирающие требовали внимания, а мертвые - погребения; была комета; были звезды, которые боролись друг с другом; был прилив, поднявшийся по Темзе и затопивший многие деревни; дьявол явился лично многим, говоря с ними в лесах и тайных местах. О том, что он говорил, ничего не сообщается, а жаль; похоже, он был в благодушном настроении, несомненно, потому, что все происходило как раз по его вкусу. Наконец, источник в Финчепстеде начал истекать кровью - предзнаменование, которое наполнило всех, кроме короля, ужасом и мрачными предчувствиями. Король, как сообщается, посмеялся над этим предзнаменованием.

Внезапная и трагическая смерть Вильгельма - несомненно, доказательство недовольства Небес - породила целую группу предзнаменований и снов. Сообщается, что аббат Ключи рассказал братьям на следующее утро после смерти, задолго до того, как могли прийти новости, что король Вильгельм "прошлой ночью предстал перед Богом и был приговорен к проклятию". Сам король был напуган сном в ночь перед смертью; одному монаху приснился страшный сон, который он рассказал королю в самое утро его смерти. И т. д. Суть в том, что все эти чудовищные знаки и предвестия указывают на время всеобщего ужаса, когда никто не знал, какие налоги или бремена могут быть возложены на него королем, который был силен волей, не боялся ни папы, ни епископа, ни всего, что могла сделать или пригрозить Церковь: король странных причуд и неуверенного нрава: ни на кого не влиял; его боялись за храбрость; уважали за успехи в войне; его любили фавориты; он был расточителен и экстравагантен; вольнодумец; человек без личной морали; он так мало уважал Церковь, что заставлял своих епископов и аббатов снимать золото со святынь и переплавлять потиры. Куда бы он ни отправлялся, его двор состоял в основном из молодых людей с распущенными волосами и в экстравагантных одеждах; они, как говорится в Хронике, "соперничали с женщинами в деликатности лица, искажали свою походку, ходили с распущенным жестом и полуголые". Они грабили страну вдоль и поперек; то, что они не могли съесть, они продавали или уничтожали. Если речь шла о спиртном, они мыли ноги своих лошадей тем, что не могли выпить. "Толпы блудниц" следовали за судом. Неудивительно, что фонтан в Финчепстеде бил кровью. В то же время следует помнить, что церковники, писавшие эти строки, вряд ли благосклонно относились к своему угнетателю.

ГЛАВА IV

ГЕНРИХ I

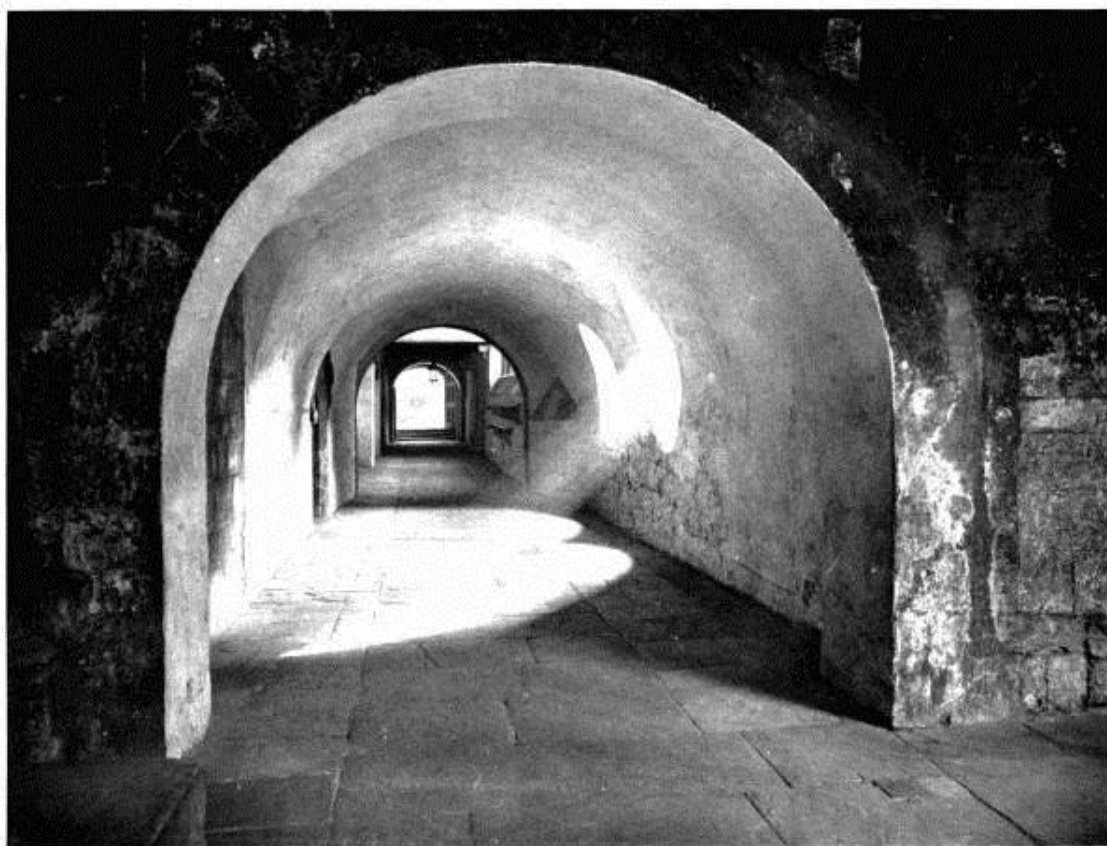

ПЕЧАТЬ СВ. АНСЕЛЬМА

Уильям Руфус был убит в четверг, 2 августа 1100 года, и похоронен в пятницу. Генрих отправился в Лондон без малейшего промедления: он прибыл в субботу, в тот же день провел совещание с ведущими горожанами, а в воскресенье был коронован в Вестминстере. Такая поспешность показывает не только его желание короноваться до того, как старший брат сможет вмешаться, но и указывает на опасность для королевства, если трон будет вакантным хотя бы на один день. Дж. Р. Грин в своей работе, посвященной избранию Стефана, подчеркивает важность и силу лондонских горожан, которые таким образом могли собственным авторитетом избрать и короновать короля. Но, по сути, Сити лишь повторил в случае со Стефаном свои действия в случае с Генрихом. Последний на огромной скорости проскакал из Нового леса в Лондон - должно быть, ночью и днем. Конечно, это был разгар лета, когда дороги сухие и твердые. Он предстал перед епископом, Портривом и знатными людьми Лондона. "Сделайте меня своим королем", - сказал он. "Взамен я дам вам то, чего вы больше всего желаете, - мир и порядок. Я сделаю больше. Я женюсь на Мод, дочери Малькольма, короля шотландцев, и Маргарет, сестре Эдгара, наследнице рода Альфреда, и сделаю корону надежной, а страну - свободной от гражданской войны". Они согласились. Принято считать, что горожане заключили с Генрихом сделку о новых привилегиях. Больше всего они хотели иметь сильного короля, который установит мир и будет его поддерживать, будет следить за соблюдением законов, подавит разбой, притеснения и пиратство, а также сделает возможной торговлю. О новых привилегиях думали мало, но в первую очередь - о порядке. Ансельм, архиепископ Кентерберийский, отсутствовал. Короля короновал Морис, епископ Лондонский, который имел наибольшую долю в его избрании. Три месяца спустя

жена короля, Мод, саксонская наследница, также была коронована в аббатстве и пиновала в Красном королевском зале, к неопиуемой радости всей страны.

Принято считать, что Генрих даровал Сити знаменитую хартию, значительно расширившую их вольности, в первый же год своего правления, в награду за поддержку и избрание. Однако есть веские основания полагать, что в начале своего правления он ограничился обещаниями или подтверждением Хартии своего отца, и что документ, известный как его Хартия, в действительности был дарован в 1130 году, за пять лет до его смерти. Город получил от Генриха мирное время, когда преступникам не приходилось ждать пощады, когда человек мог перегонять свой караван вьючных лошадей с ярмарки на ярмарку, не опасаясь разбойников, а король выполнял свое обещание, что никто не должен причинять зла его народу. То, что он был дорогим королем: то, что он требовал денег без конца и края, было прощено в обмен на бесценное благо мира и порядка.

Валентайн и сыновья, Лтд.

НОРМАНДСКАЯ АРКА В КЛУАСТРАХ ВЕСТМИНСТЕРСКОГО АББАТСТВА

Я счел за лучшее рассмотреть Хартию Генриха в отдельной главе, пункт за пунктом, в связи с постепенным ростом могущества лондонцев, как и подобает самой важной из всех хартий, с помощью которых Лондон возвысился до свободы и величия. Здесь будет достаточно указать на общий характер хартии, процитировав слова епископа Стаббса, Конституционная история, стр. 439:-

"Хартия Генриха I демонстрирует заметный прогресс. Город признается как отдельная единица, хотя это единство зависит только от наследственного

престолонаследия: он независим от организации графств, графство, в котором он находится, само отдается на откуп горожанам; он ставится на один уровень с графствами, у него должен быть свой шериф и юстициарий; как еще большая привилегия, он должен избирать своего собственного шерифа и юстициария и быть открытым для любой другой юрисдикции, кроме юрисдикции своих собственных избранных должностных лиц. Граждане не должны привлекаться ни к какому суду за пределами своих собственных стен, они освобождаются от данегельда, от вины и жребия, от ответственности по штрафу за убийство и от обязательства судиться в бою: они освобождаются от пошлин и других подобных повинностей по всей Англии, как в портах, так и внутри страны. Они должны владеть своими землями, общими землями своих поселений и правами на выездную охоту в Чилтерне, Мидлсексе и Суррее. Однако при всем этом не дается никакой новой инкорпорации: церкви, бароны и горожане сохраняют свои древние обычаи; церкви - свои сокены, бароны - свои маноры, горожане - свою волостную организацию и, возможно, свои гильдии".

В 1125 году было совершено мрачное и ужасное деяние правосудия, от которого у всех, кто его слышал, закладывало уши. Неизвестно, насколько Лондон был причастен к нему. Но то, что в Лондоне были "монетки" или рудокопы, - это точно. Трое, а именно Ачард, Лефвин Безант и Эйлвин Финч, были монетаристами Лондона в 1149 году. И ничего не говорится о каких-либо исключениях в пользу Лондона. Поступали серьезные и всеобщие жалобы на чеканку монет, которые обесценивались теми, кто их чеканил. Генрих рассмотрел этот вопрос, несомненно, проверил монеты; он решил, что виновны все, и после этого "повелел лишить всех чеканщиков в Англии правых рук и, а также изуродовать их другим известным способом". И это "потому что человек может иметь фунт и при этом не иметь возможности потратить на рынке ни пенни". Он имеет в виду, что фунт может состоять из обесцененных денег. Роджер, епископ Солсберийский, объехал всю Англию и пригласил каждого рудокопа прибыть в Винчестер на Рождество, не сообщая никому, что его ждет; и когда они послушно отправились туда, думая, вероятно, что получают какую-то новую привилегию, его люди взяли их одного за другим, отрубили им правые руки и лишили их мужского достоинства. "Все это было сделано в течение двенадцати дней, и с большой справедливостью, потому что они разорили эту землю огромным количеством плохого металла, который все они испортили". Воистину, сильный король! Можно представить себе рассуждения несчастных рудокопов по дороге. Приближался какой-то знак благосклонности короля, какое-то повышение от епископа, большие полномочия, большая прибыль. Епископ ни словом не обмолвился о своем намерении; он принял их вежливо, пригласил на пир, а затем, один за другим - увы! Бедные монетки! Никогда больше они не разбавляли монету. Этот суммарный и ужасный акт правосудия, если он распространялся на Лондон, должен был обрушиться на некоторых из самых именитых купцов города: но, надо надеяться, не на Оргара Гордого, о котором мы больше слышим в связи с делами и документами того времени и как об одном из знатных людей города.

В 1126 году на землю обрушился голод.

В 1132 году пожар, начавшийся в доме Гилберта Бекета в Вест-Чепе, уничтожил большую часть северо-восточного квартала Лондона.

Во время этого правления были основаны приорство Святой Троицы, приорство Святой Марии Овери, а также приорство и госпиталь Святого Варфоломея. Обычно утверждается, что бенедиктинский женский монастырь в Клеркенвелле был основан неким Джорданом Бризетом в 1100 году, но мистер Х. Дж. Раунд доказал, что и этот монастырь, и приорство

Святого Иоанна были основаны около 1145 года. Королева Мод также основала дом Лазаря в Сент-Джайлз-ин-филдс. (См. *Mediæval London*, vol. ii. p. 311.)

Церковники серьезно жаловались на роскошь и женоподобность эпохи - но в каждой эпохе есть свои жалобы на роскошь. Молодые люди носили волосы такой же длины, как и женщины. Они также одевались с такой же пышностью и вниманием, как и женщины; они увенчивали себя венками из цветов. Несмотря на возрождение религии, разложение нравов, приписываемое Вильгельму Руфусу, продолжилось и при его преемнике: сам король был печально известен своими похождениями и неверностью. К раскаянию в старости его привел один из тех снов, которыми наполнена большая часть хроник. В этом сне он увидел, как перед ним проходит процессия. Первыми шли пахари со своими орудиями труда, за ними - ремесленники со своими; затем шли солдаты с оружием, а с ними - бароны и рыцари. Последними шли священнослужители с епископами. Но последние были вооружены своими крозерами и бросились на короля, словно хотели убить его этим освященным оружием. Сновидец вскочил с постели и схватил свой меч, чтобы защититься. Когда он проснулся, увидел, что это был сон. Но ужас остался, и Генрих принялся раскаиваться и исправляться. Несомненно, он помнил, как его брату был послан сон-предупреждение, пренебрежение которым привело его к безвременному концу.

Значение этого царствования для Лондонского Сити заключается главным образом в Хартии, о которой мы сейчас поговорим: однако не следует забывать о порядке, который Генрих I установил и поддерживал во всех частях своего королевства. Этот порядок особенно ценился в таком месте, как Лондон, который мог вести свою торговлю в безопасности только при условии поддержания порядка. И хотя в Лондоне было много жителей нормандского происхождения, большая часть народа была англичанами и не могла не радоваться, когда Генрих показал, что он бросился на поддержку своих английских подданных, когда он женился на английской жене и восстановил через нее род Альфреда на троне. Великий король, сильный король, справедливый король. Чего еще могло желать время?

ГЛАВА V

УСТАВ ГЕНРИХА I

Мы знаем, что в памятном и кратком документе, который называется Хартией Вильгельма, законы и обычаи Эдуарда Исповедника были просто подтверждены. Вероятно, город не просил и не хотел большего. Шестьдесят лет спустя Город, процветая, развиваясь и становясь мудрее, пожелал определить свои законы и вольности, что и было сделано Генрихом Первым. Я говорю "шестьдесят", а не "тридцать лет", потому что, как уже было сказано, представляется вероятным, что хартия Генриха была дарована в 1130 году, а не, как принято считать, в начале его царствования. Теперь я предлагаю рассмотреть эту хартию пункт за пунктом.

КОРОНАЦИЯ ГЕНРИХА I

Claud MS., A. iii. (современная).

"Генрих, милостью Божьей, король Англии, архиепископ Кентерберийский, епископы и аббаты, графы и бароны, судьи и шерифы, а также все его верные подданные Англии, французы и англичане, приветствуют вас.

Знайте, что я пожаловал моим лондонским гражданам Мидлсекс в фермерское владение за триста фунтов стерлингов, причитающихся им и их наследникам, так что указанные граждане будут ставить шерифом того, кого пожелают сами, и будут ставить того, кого пожелают, или такого, кого пожелают сами, для хранения ходатайств короны и ходатайств о ней, и никто другой не должен быть судьей над теми же людьми Лондона; и граждане Лондона не должны ходатайствовать вне стен Лондона ни по какому ходатайству. И пусть они будут свободны от скудости, и от жребия, и от дани, и от всякого убийства, и никто из них не будет воевать. И если кто из горожан будет привлечен к делу по искам короны, то лондонец должен освободить себя от присяги, которая будет вынесена в пределах города; и никто не должен останавливаться в стенах, ни из моего дома, ни из какого-либо другого, и не должен жить в доме, доставленном силой.

И все люди Лондона должны быть свободны и вольны, и все их товары, по всей Англии и в морских портах, от всех пошлин, проездов и накладок, и от всех других обычаев; и церкви, и бароны, и граждане должны и могут мирно и спокойно иметь и держать свои соки со всеми их обычаями; так что чужестранцы, которые будут поселены в соках, не должны давать обычая никому, кроме того, кому принадлежит сок, или его офицеру, которого он туда поставит: И лондонец не должен быть приговорен к денежному амерсиаменту, кроме ста шиллингов (я говорю о делах, связанных с деньгами); и впредь не должно быть никаких злоупотреблений ни в

суде, ни в фолькмоте, ни в других делах в пределах города; и в суд может заседать раз в неделю, то есть в понедельник: И я буду заставлять моих граждан иметь их земли, помещения, облигации и долги, как в городе, так и за его пределами, и я буду поступать с ними по закону города, в отношении земель, на которые они будут жаловаться мне:

И если они возьмут пошлину или обычай с любого гражданина Лондона, граждане Лондона в Сити должны взять с того округа или города, где была взята пошлина или обычай, столько, сколько человек Лондона дал за пошлину и сколько он получил ущерба; и все должники, которые должны гражданам Лондона, должны заплатить их в Лондоне, или иначе освободить себя в Лондоне, что они не должны: Если же они не заплатят или не освободят себя от долга, граждане Лондона, которым причитается долг, могут забрать их товары в Лондонском городе, в том округе или городе, или в той стране, где остается тот, кто должен долг: И граждане Лондона могут иметь свои шансы на охоту, так же хорошо и полно, как их предки имели, то есть в Чилтре, и в Мидлсексе и Суррее.

Свидетель епископ Винчестерский, и Роберт сын Ричиера, и Хью Быгот, и Алуред из Тотениса, и Уильям из Альба-спины, и Хьюберт королевский камергер, и Уильям де Монфише, и Хангульф де Тени, и Джон Беллет, и Роберт сын Сиварда. В Вестминстере".

Хартия Генриха Первого должна быть рассмотрена как с точки зрения предоставляемых ею вольностей и привилегий, так и с точки зрения того, какой свет она бросает на управление городом.

Во-первых, хартия адресована не лондонскому городу, к которому она относилась, а "архиепископу Кентерберийскому, епископам и аббатам, графам и баронам, судьям и шерифам, а также всем его верным подданным, французам и англичанам, всей Англии".

Почему оно не было адресовано городу? Потому что пока еще не было города в современном понимании этого слова. Она могла быть адресована епископу и португее, как хартия Вильгельма: она была адресована всей стране, потому что уступки, сделанные Лондону, должны были касаться всей страны.

С исторической точки зрения, конституция Лондона в это время имеет очень большое значение по той простой причине, что после нормандского завоевания Лондон, благодаря череде удачных событий, почти полностью избежал изменений и нововведений, введенных норманнами. Посреди феодального гнета и поборов, которыми была обременена остальная часть королевства, Лондон сохранил нетронутыми и неповрежденными те свободные и независимые права, которые принадлежали всем городам королевства - в саксонские времена их было не так много. В этом отношении Лондон был не только единственным уцелевшим саксонским городом, но и самым ковчегом английской конституции.

СТАРИННАЯ ПЕЧАТЬ РОБЕРТА, ПЯТОГО БАРОНА ФИЦВАЛЬТЕРА

Давайте вернемся к хартии Генриха, рассмотрев ее пункт за пунктом.

(1) Он дарит горожанам ферму Мидлсекс за 300 фунтов стерлингов ежегодной ренты.

Иными словами, горожане Лондона должны были получить право собирать доходы от королевского демесна в пределах графства Мидлсекс. Эти доходы состояли из пошлин и сборов на рынках, в портах и на мостах, а также штрафов и неустоек, налагаемых в соответствии с положениями лесных законов, и штрафов, налагаемых судебными инстанциями. Они собирались шерифом или портрифом для короля; или же они обрабатывались шерифом, который платил фиксированную сумму за все, получая свою прибыль или убытки от разницы между собранной и уплаченной суммой. Если же сбор пошлин передавался гражданам, то тем самым неформально создавался корпоративный орган, хотя люди могли не совсем понимать, что это значит.

Это предоставление вызвало некоторые споры. Взгляды и аргументы, выдвинутые г-ном Дж. Х. Раундом (Geoffrey de Mandeville, App. P, pp. 347 *et seq.*), как мне кажется, удовлетворяют всем условиям проблемы и отвечают всем трудностям. Поэтому ниже я постараюсь объяснить смысл концессии и ее влияние на раннее управление городом в соответствии с мнением этого ученого и антиквара.

Важные слова Хартии таковы: "Sciatis me concessisse".

"Sciatis me concessisse civibus meis London(iarum), tenendum Middlesex ad firmam pro ccc libris ad compotum, ipsis et hæredibus suis de me et hæredibus meis ita quod ipsi cives ponent vicecomitem qualem voluerint de se ipsis: et justitiarium qualem voluerint de se ipsis, ad custodiendum placita coronæ meæ et eadem placitanda, et nullus alius erit justitarius super ipsos homines London(iarum)."

Означает ли эта грамота, что речь идет о шривалти Мидлсекса, помимо Лондона, или Мидлсекса, включая Лондон? "В почти современном Трубном списке (31 Неп. 1) он называется Фермой "Лондона".

В хартиях, пожалованных Джеффри, Стивен дарует ему "Шривалти Лондона и Мидлсекса", а императрица - "Шривалти Лондона и Мидлсекса". Опять же, "в Трубных списках Генриха Второго та же *фирма* обозначена как "лондонская", а также как "лондонская и мидлсекская".

В свитке Ричарда Первого есть фраза "de veteri firma *Comitat' Lond' et Middelsetha*". А Генрих Третий дарует жителям Лондона

"Vicecomitatum Londoniæ et de Middelsetha, cum omnibus rebus et consuetudinibus quæ pertinent ad predictum Vicecomitatum, infra civitatem et extra per terras et aquas ... Reddendo inde annuatim ... trescentas libras sterlingorum blancorum".

Раунд также утверждает, что королевские грамоты и хартии свидетельствуют о том же. Когда они адресованы местным властям, то это власти Лондона, или "Лондона и Мидлсекса", или "Мидлсекса". Для всех целей эти три термина используются как равнозначные. "Никогда не было только одной фермы и никогда не было только одной шривалти".

Мне нет необходимости следовать за Раундом в его аргументах против других мнений. По его словам, обращение с Мидлсексом, включая Лондон, было точно таким же, как и с другими графствами. *Фирма* Герца составляла 60 фунтов стерлингов, Эссекса - 300 фунтов стерлингов, Мидлсекса, очень маленького шира, поскольку в него входил Лондон, и ни по какой другой причине, также составляла 300 фунтов стерлингов.

В других графствах "рив" получал свой титул от "шира". В Мидлсексе, где "порт" был самой важной частью шира, "рив" получил свое название от порта. Вице-король "Лондона" или "Лондона и Мидлсекса" был преемником портовика, или же он был портовиком под другим именем. Ширерив и Портрив никогда не упоминаются вместе; грамоты направляются то Портриву, то Ширериву, но никогда обоим. Вильгельм Завоеватель обращается, на англосаксонском, к Портриву, на латыни - к Вицекомам. Раунд подводит итог (с. 359):- "Этот вывод проливает новый свет на англосаксонский язык.

"Этот вывод бросает новый свет на хартию, по которой Генрих I даровал жителям Лондона Мидлсекс (*то есть* Мидлсекс, включая Лондон) на Ферме. В целом, сделку, о которой идет речь, можно рассматривать в таком аспекте. Вместо того чтобы сдавать *корпус комитатуса* в аренду какому-либо отдельному лицу на год или на несколько лет, король сдал его в аренду горожанам как единому целому, причем в бессрочную аренду и по низкой первоначальной цене в 300 фунтов стерлингов в год. Произошедшие изменения сводились к тому, что горожане как единое целое становились на место шерифа "Лондона и Мидлсекса".

Мы видим, что Стефан и императрица в свою очередь даровали Джеффри де МанDEVиллю шерифство Лондона и Мидлсекса. Таким образом, ни Стефан, ни императрица не придали никакого значения хартии Генриха.

Валентайн и сыновья, Лимитед.
ХРАМОВАЯ ЦЕРКОВЬ

Из всего этого следует, что если хартия Генриха датируется 1130 годом, то горожане пользовались правом избирать своих шерифов и платить умеренную ренту в 300 фунтов только пять лет из всего столетия. Позвольте мне еще раз процитировать Раунда (стр. 372):- "Мы видим, что в абсолютном выражении хартия датируется 1130 годом.

"Итак, мы видим, что, в абсолютном противоречии с общепринятым мнением по этому вопросу, шерифство не находилось в руках горожан в течение двенадцатого века (*то есть* с 1101 года), а принадлежало им лишь несколько лет, примерно до

конца правления Генриха I. Тот факт, что шерифы Лондона и Мидлсекса при Генрихе II и Ричарде I назначались короной, должен заставить наших историков пересмотреть независимое положение, которое они приписывали Сити в тот период. Кроме того, корона должна была преследовать определенную цель, сохраняя это назначение в своих руках. Я думаю, мы можем найти ее в той ревности к исключительным привилегиям или освобождениям, которая была характерна для режима Генриха II. Ведь, как я уже показал, хартии Джеффри напоминают нам, что амбиции городских общин были аналогичны амбициям великих феодалов, поскольку они оба стремились к освобождению от официальной власти. Именно против этих амбиций и выступал Генрих II; поэтому, давая хартию Лондону, он полностью исключил две из уступок своего деда, а те, что остались, сузил, чтобы они не действовали за пределами собственно стен Сити. Когда Иоанн вернул горожанам право на получение компенсации (1199 год), эта уступка утратила свое главное значение благодаря торжеству "коммунального" принципа. Когда произошла та гражданская революция, которая ввела "коммуну" с ее мэром - революция, которой Генрих II, пишет хронист, никогда бы не подчинился, - когда лондонец мог похвастаться, что у него нет короля, кроме его мэра, тогда должность шерифа стала лишь второстепенной, подчиненной, как это и осталось с тех пор, должности самого мэра".

Что касается "независимого положения" Сити, о котором говорится в этом отрывке, то, возможно, оно было отчасти преувеличено. В то же время, если учесть, что (1) Лондон, как утверждает Стаббс и соглашается Раунд, представлял собой совокупность общин, поселений, приходов и лордств, каждое из которых имело свою собственную конституцию; что (2) как утверждает Стаббс и соглашается Раунд, Хартией Генриха "не было даровано никакой новой инкорпорации; церкви, бароны, горожане сохраняют свои древние обычаи"; (3) действительно большая уступка, сделанная Генрихом, и (4) сохранение формы, если не реальности, фольклота, мы должны признать, что независимость города была относительно велика. Кроме того, мы должны помнить, что шериф, или портье, не был мэром, не был он и юстициаром; он был финансовым чиновником короля, который следил за *фирмой*, налогами, штрафами и т. д. Различные юрисдикции и лордства имели свои собственные суды; город не был корпоративным органом; у него не было главы, если только это не был глава этой теневой ассоциации, гильдии купцов; у него не было коммуны, и у него не было мэра.

(2) Генрих дал им право назначать своего собственного юстициара.

При саксонских королях уголовные дела рассматривались в судах, которые проводил шериф своей сотни или лорд своего поместья. Таким образом, существовало очень большое количество судов, штрафы и неустойки которых шли владельцу *соты* или поместья. Вильгельм Завоеватель обеспечил себе доходы от этих процессов, а также доходы от новых феодальных владений, учредив *aula regis*, королевский суд, с главным судьей, который заседал в нем. *Aula regis* сопровождала короля, куда бы он ни отправлялся. Вскоре стали назначать разъездных судей, так что *aula regis* стала включать в себя все старые суды и приостанавливать их действие. Эти новые и неопределенные юрисдикции были крайне непопулярны. Однако если бы город мог получить привилегию избирать своего собственного юстициара для рассмотрения своих дел, то это давало бы определенную гарантию получения правосудия без задержек - юстициары занимали бы свой пост только при хорошем поведении; кроме того, соблюдались бы древние законы и обычаи; не было бы соблазна налагать произвольные и непомерные штрафы; в какой-то мере можно было бы

сдержат многочисленные поборы, связанные с новым феодальным владением, когда королевские доходы в значительной степени зависели от собранных таким образом сумм.

Должность лондонского юстициара представляет много трудностей, отчасти потому, что нет никаких свидетельств, за редким исключением, о существовании такого должностного лица. Эта должность, утверждает Раунд (Geoffrey de Mandeville, p. 373), "представляет собой нечто среднее, переходный этап между по сути *местным* ширеривом и центральным "*правосудием*" королевского суда". Он показывает, что...

"Эта должность возникла в результате "дифференциации шерифа и судьи" и представляла собой, так сказать, локализацию центрального судебного элемента. Иными словами, *юстициарий* Эссекса, или Гертса, или Лондона и Мидлсекса был чисто местным чиновником, но в пределах своего бейливика пользовался всеми полномочиями королевской юстиции. Такое положение вещей было настолько преходящим, что от него почти не осталось следов. Тем не менее Ричард де Люси мог занимать эту должность, как мы видели, в графстве Эссекс, и есть свидетельства того, что в Норфолке был свой судья в лице Ральфа Пасселеве. В случае с Лондоном должность была учреждена хартией Генриха I, которая была дана (как я утверждаю) в конце его правления и истекла с приходом Генриха II. Таким образом, именно в правление Стефана мы должны ожидать, что она [должность юстициара] все еще существует; и именно в это правление мы находим должность *eo nomine*, дважды пожалованную графу Эссексу, и дважды упомянутую как занимаемая Гервазом, иначе Гервазом из Корнхилла".

Мы находим и многое другое.

На втором году правления Стефана король был призван решить вопрос между Приоратом Святой Троицы и констеблем Тауэра относительно некоторых земель в Восточном Смитфилде. Среди присутствующих в суде был некий Эндрю Букуинте - "Букка ункта" - итальянец по происхождению, а также многие другие лондонские бюргеры. Король призвал Эндрю выступить от имени горожан в качестве их юстициара. Этот же Эндрю фигурирует в качестве свидетеля при инвеституре Приората в сок гильдии Книхтен в 1125 году, а также в качестве свидетеля при заключении договора между аббатством Рэмси и Святой Троицей между 1125 и 1130 годами. Во время существования должности юстициара король обращался к нему по имени, за ним следовали шериф и горожане.

В 1339 году Эндрю перестал быть Юстициаром. Его сменил Осберт Октоденариус - "Huit deniers", которого Гарнье называет

Une riche hume Lundreis

Ke mult ert koneiiset de Frans et d'Engleis.

Этот Осберт был родственником и первым работодателем Томаса а Бекета.

В 1141 году императрица направляет предписание Осберту Октоденариусу, как юстициару, согласно заключению Раунда, за его именем следует имя шерифа.

За одиннадцать лет до этого, в 1130 году, имя Джерваза появляется в качестве юстициара; это происходит в тот самый год, когда была издана хартия Генриха. Раунд связывает этого Джерваза с Джервазом из Корнхилла без каких-либо разумных сомнений.

Наконец, как уже говорилось выше, Джеффри де Мандевиль назначен юстициаром по хартии императрицы. В документе 1142-43 гг. он называет себя "Comes Essex et Justiciarius Londoniæ". Поэтому можно с уверенностью сказать, что этот великий граф считал своей главной честью быть юстициаром Лондона. Учитывая историю этого лорда, мы можем хорошо понять, какого рода правосудие он вершил по отношению к несчастным горожанам.

(3) Он разрешил им не обращаться в суд за пределами городских стен.

Это давало сторонам в гражданском деле такую же защиту, какую предыдущий пункт предоставлял ответчикам в уголовном деле. *Аула реджис* путешествовала вместе с королем. Истец, ответчик и свидетели также должны были путешествовать вместе с королем, пока их дело не будет рассмотрено. Это было точно такое же недовольство, как и в наши дни, когда на день назначается больше дел, чем может быть заслушано, и истец, ответчик, свидетели и адвокаты вынуждены день за днем посещать заседания, пока их дело не будет рассмотрено; те, кто приезжает из страны, вынуждены жить в гостиницах с большими затратами; те, кто живет в Лондоне, вынуждены пренебрегать своими делами с большими потерями. Странно, что сейчас мы должны подчиняться системе, столь же незаконной и, можно сказать, невыносимой, как та, от которой Лондон был избавлен в начале второй четверти двенадцатого века".

(4) Граждане должны были быть "свободны от Скота и Лота, и Данегельда, и всех убийств".

Скот и лот следует рассматривать вместе как означающие взимание налогов любым видом власти для общественных целей. Каждый гражданин должен был для гражданских целей платить свои Scot и Lot, *т. е.* свои ставки, в соответствии со своими средствами. Данегельд - это налог в размере столько-то за каждый шкурник земли (шкурник - это, вероятно, сто акров). Изначально он взимался за сопротивление, изгнание или выкуп датчан. Она была отменена в правление Генриха Второго. В случае убийства сотня, в которой произошло убийство, должна была заплатить штраф. В густонаселенном городе, где царил насилие и часто совершались убийства, это могло стать непосильным бременем. Поэтому освобождение от штрафа было привилегией определенной важности.

(5) Никто из горожан не должен был быть призван к сражению.

Если учесть, что единственным оправданием боевых испытаний была теория о том, что Сам Господь защитит право, то возникает вопрос, не канул ли уже в Лету век веры. Нет, но то тут, то там появлялись проблески перемен. По словам Г. Нортон, ни один человек никогда не был вынужден сражаться, чтобы доказать свою невиновность.

"Если кто-либо обвинял другого в измене, убийстве, преступлении или другом преступлении, *караемом смертной казнью*, он, как говорят, подавал на него *апелляцию* и назывался *апеллянт*ом; а обвиняемый или обвиняемая сторона были вольны либо отдать себя на суд своей страны, либо защищать себя своим *телом*. Если он выбирал последнее, *апеллянт* обязан был встретиться с ним в назначенный день в маршированных списках, и стороны сражались, вооружившись палками, обути в рогатины. Победленного приговаривали к смерти либо как ложного обвинителя, либо как виновного в предъявленном обвинении. Если ответчику удавалось продержаться до появления звезд, он считался побежденным; если же ответчик требовал четвертования или был убит, ему в равной степени выносился смертный приговор" -Historical Account of London, p. 360.

(6) Человеку могли позволить "очистить себя клятвой".

По этому древнему методу обвиняемый являлся в суд в сопровождении своих друзей , компургов. Он клялся, что невиновен. Его компаньоны клялись, что верят в его невиновность. Число компургаторов обычно составляло двенадцать человек.

(7) Горожанам разрешалось отказывать в ночлеге членам королевской семьи.

Это разрешение устранило плодотворный повод для ссор. Было невыносимо, что любой человек при оружии мог войти в любой дом и потребовать ночлега и развлечений от имени короля. Учитывая, что Тауэр находится на востоке Лондона, замок Байнарда - на западе, а дом короля - в миле или около того за пределами Сити, кажется, нет причин, по которым король должен был претендовать на это право.

(8) Горожане должны были быть свободны от пошлин, проездов и лестажа.

Многие помнят, как взималась пошлина за проезд, какой неприятностью она была и какие хлопоты доставляла; как вблизи больших городов были найдены дороги, по которым можно было уклониться от уплаты пошлины. Предположим, что наступило время, когда плата за проезд на повороте была умножена во сто крат. Существовали пошлины за рынки, пошлины за пассаты и паромы, за лестаж, пошлина в размере столько-то за каждую вывезенную кожу, пошлины за стойло, пошлины за мураж, пошлины за пристань, пошлины за краны, пошлины за проезд и пошлины за траверс (*то есть* пошлины за ремонт дороги или улицы). Представьте себе облегчение лондонского купца, путешествующего со своими товарами и длинным обозом груженных вьючных лошадей из одного рыночного города в другой и с ярмарки на ярмарку, когда ему сказали, что отныне он будет ездить бесплатно и не платить пошлину. Почему король даровал эту привилегию, одну из самых больших и благодетельных в этой Хартии? Конечно же, в знак мудрого признания того факта, что чем свободнее и беспрепятственнее будет торговля, тем больше она будет развиваться и расти, делая его королевство богатым и сильным.

(9) Ни один человек не должен был быть обложен сверх своих возможностей.

Наказание в виде штрафа является одновременно сдерживающим и неудобным. Он не унижает, как порка; не делает человека бесполезным и дорогостоящим, как тюремное заключение; не наносит публичного позора, как столб. В то же время в руках сурового судьи штраф, превышающий его возможности, может погубить человека. Сильные чувства, проявившиеся в этом пункте, были продемонстрированы и позднее, когда в Магна Чарта было принято постановление о том, что человек может быть оштрафован, но "так, чтобы не лишать его земли, или его запасов в хозяйстве, или в торговле". До сих пор древнее чувство против больших штрафов сохранилось в нежелании присяжных присуждать большие убытки.

(10) В судах не должно быть *мискеннингов*, а выборы должны проводиться каждый понедельник.

Что такое мискеннинги? Никто не знает. По толкованию, это означает, что человек не должен несправедливо преследовать другого в любом из городских судов, отказываясь от своего первого заявления и заменяя его другим. По мнению [Нортонa25](#) , это то же самое, что и *mis counting*, и означает ложное заявление или неправильное заявление. Далее он показывает, что норманны принесли с собой значительные знания в области юриспруденции и "озорную ловкость в специальных состязаниях, благодаря которой права тяжущихся часто зависели от изобретательности *контрагентов* (адвокатов), а не от реальных существ дела".

Я рассмотрел эту хартию пункт за пунктом, потому что в ней Генрих, похоже, дал горожанам все, что они могли попросить или получить путем покупки. Лондон оставался, за

исключением одного аспекта, абсолютно свободным. На самом деле горожане никогда не просили большего. Хартия была составлена таким образом, чтобы позволить Сити богатеть без помех и препятствий. Одно право король оставил за собой: забирать их деньги себе; и это право, без сомнения, было причиной, по которой он отказался от всех остальных; причиной, по которой Лондон получил возможность стать таким богатым и сильным. Это право, однако, не воспринималось как обида. Это была самая суть вещей, что в средневековом королевстве король должен быть свободен взимать налоги со своих подданных. Следует заметить, что права, предоставленные Хартией Вильгельма, здесь не перечисляются. Вероятно, они были признаны общепринятыми, так что повторять их больше не было необходимости.

ГЛАВА VI

СТЕФАН

Избрание Стивена Лондоном - факт, на важность которого для истории Сити впервые указал покойный Дж. Р. Грин. На самом деле этот факт означал гораздо больше, чем избрание короля лондонским Сити, что отнюдь не является чем-то новым в истории Сити. Во-первых, мы знаем, что после Завоевания в Лондон стекалось множество норманнов. Норманны были и до этого события, но после него их число быстро возросло. К этому времени мы видим, что переселенцы уже не считали себя не только норманнами, но и лондонцами. Хартия Вильгельма особенно признает и предусматривает это слияние, когда он "приветствует всех бурgeois Лондона, французов и англичан, дружелюбно". Норманны были его подданными, так же как и англичане: поэтому они не были пришельцами в его английских городах. Например, Гилберт Бекет, отец архиепископа, по рождению был мещанином Руана, а его жена - дочерью мещанина Кана. Но его сын Томас всегда был англичанином. Поэтому норманны в Лондоне без сомнений приняли участие в выборах короля Англии. И они избрали Стефана, а не Генриха, сына императрицы, потому что Генрих тоже был сыном Джеффри Плантагенета, а ненависть норманна к Анжу была сильнее, чем ненависть валлийца к англичанину. Она пережила иммиграцию норманнов в Англию; она нашла свое выражение, когда король Генрих умер и когда его пасынок Джеффри Анжуйский, казалось, мог претендовать на трон Англии, как он претендовал на герцогство Нормандия по праву своей жены. Однако в Нормандии народ поднялся как один человек и прогнал его из герцогства. В Лондоне Сити, похоже, взял на себя право избирать короля Англии, как и в случае с Генрихом, и, не посоветовавшись с епископом, аббатом или дворянином, избрал Стефана, племянника короля Генриха, и короновал его в Вестминстере. На самом деле на Стефана действовали две силы. Первой была упомянутая нормандская ревность к Анжу. Вторая была, пожалуй, сильнее. Религиозное возрождение, о котором мы говорили как об относящемся к правлению Генриха, распространялось по всей Западной Европе. Грин называет его первым из великих религиозных движений, которые предстояло пережить Англии. Однако он, кажется, забывает, что гораздо раньше, в VIII веке, существовало религиозное движение, которое заполнило монастыри и ослабило страну, лишив ее мужчин-бойцов.

"Повсюду в городе и деревне люди объединялись для молитвы, отшельники стекались в леса, благородные и черные приветствовали строгих цистерцианцев,

когда те распространялись по болотам и лесам Севера. Новый дух восторженной преданности разбудил дремоту старых орденов и проник в дом благородного Уолтера д'Эспека в Риеволксе или торговца Гилберта Бекета в Чипсайде. В революционные времена, такие как время Стефана, легко быть ослепленным поверхностными аспектами дня; но среди войн за наследство и столкновения оружия настоящая мысль Англии была занята более глубокими вещами. Мы видим силу этого движения в новом классе церковников, которых оно вывело на сцену. Мирская сущность, которая не была скандалом в Роджере Солсберийском, становится скандалом в Генрихе Винчестерском. Новые люди, Турстан, Эйлред, Теобальд, Иоанн Солсберийский и даже сам Томас - все, чем они обладают, обусловлено святостью их жизни и целей" - Исторические исследования.

Внешним признаком этого движения было основание множества религиозных домов и строительство множества церквей. Количество и значение фондов, созданных в Лондоне или его окрестностях, не считая тех, что были основаны в стране, в течение примерно двадцати лет, сами по себе свидетельствуют о широко распространенном, глубоко укоренившемся религиозном чувстве. Это был век пылкой веры; сам Стивен, грубый солдат, каким он был, ощущал ее влияние.

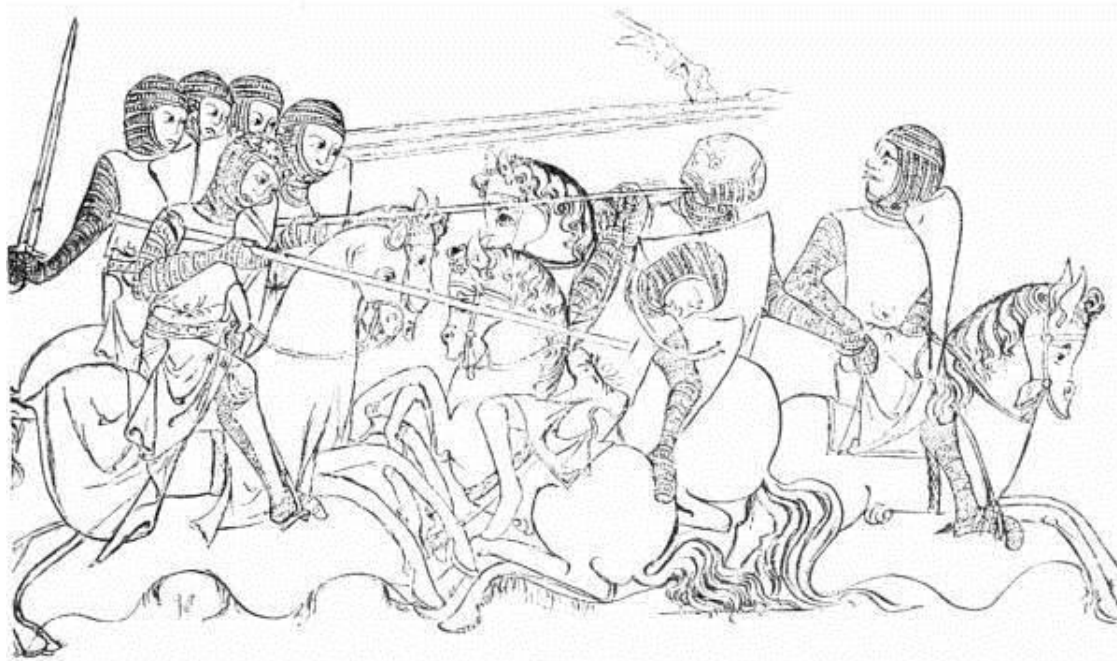
Теперь этот религиозный пыл открыто презирали, высмеивали и издевались над ним анжуйцы. Презрение к религии было у них наследственным. От отца к сыну они славилась тем, что высмеивали святые вещи. По словам Грина: "Яркое величие зла, циничное пренебрежение к религиозному мнению одинаково витали вокруг Фулька Нерры, Фулька Рехина или Джеффри Плантагенета". Убийство священника Генрихом Фиц-Эмпресс, жестокие сарказмы Ричарда, посольство Иоанна к испанским мусульманам были лишь продолжением серии посягательств на религиозные чувства эпохи, начавшейся задолго до того, как лорды Анжуйские стали королями Англии".

К причинам, побудившим город избрать и короновать Стефана, - ненависти норманнов к Анжу и негодованию против человека без религии - следует добавить еще две: убеждение, что стране нужен сильный вооруженный мужчина, а не женщина, и общее беспокойство, которое, как только старый король умер, вылилось в беззакония и грабежи.

Это было еще не то время, когда мир был возможен, разве что с перерывами; бароны и их последователи должны были воевать, если не с общим врагом, то друг с другом. Лондонские бюргеры, так же как и бароны, испытывали частые приступы тех внутренних уколов, которые заставляли пальцы смыкаться вокруг рукояти и выхватывать меч. Историки, возможно, не придают достаточного значения средневековому - да и только ли средневековому? - приготовлению к бою. Об этом ничего не сказано ни в одной из хроник, но все же можно распознать его повторение. Это чувствуется в воздухе. Только сильный король мог сдерживать боевой дух или заставить его находить удовлетворение и выход в местных потасовках.

Никогда в этой стране, ни до, ни после, не было такой возможности удовлетворения этой страсти - вставать и резать глотки. Историки, которые были церковниками, а потому могли сочувствовать и говорить о страданиях народа, пишут об ужасах войны. Сами воюющие не ощущали никаких ужасов. Хотя деревенские жители голодали, воины были сыты; хотя купцов грабили и убивали, воинов не вешали за преступления; смерть на поле боя, даже затяжная смерть от ужасных ран, не страшила этих солдат; более того, такая смерть казалась им куда более благородным жребием, чем умереть в мирной постели, как мещанин. Там, где раньше была деревня, лежали груды трупов - трупы мужчин, женщин и детей, от которых портился воздух. Из замков доносились крики измученных мужчин, а из крестьянских домов -

отчаянные вопли возмущенных девиц. Города лежали в руинах, возделанные земли опустели, страна была покинута людьми, но все это не было ужасом для военных людей, это было повседневным зрелищем. Почти двадцать лет поле боя было всеобщим смертным одром англичанина; а поскольку урожаи сжигались, скот уничтожался, деревенские жители убивались, священники и купцы грабились, остается только удивляться, как в конце концов в Англии вообще кто-то остался в живых. Что касается лондонского Сити, то он дорого заплатил за выбор короля; и в конечном итоге ему пришлось увидеть, как другая сторона, Анжуйский дом, стала править его народом.

СХВАТКА

Нерон МС., Д. Ж. (XII в.).

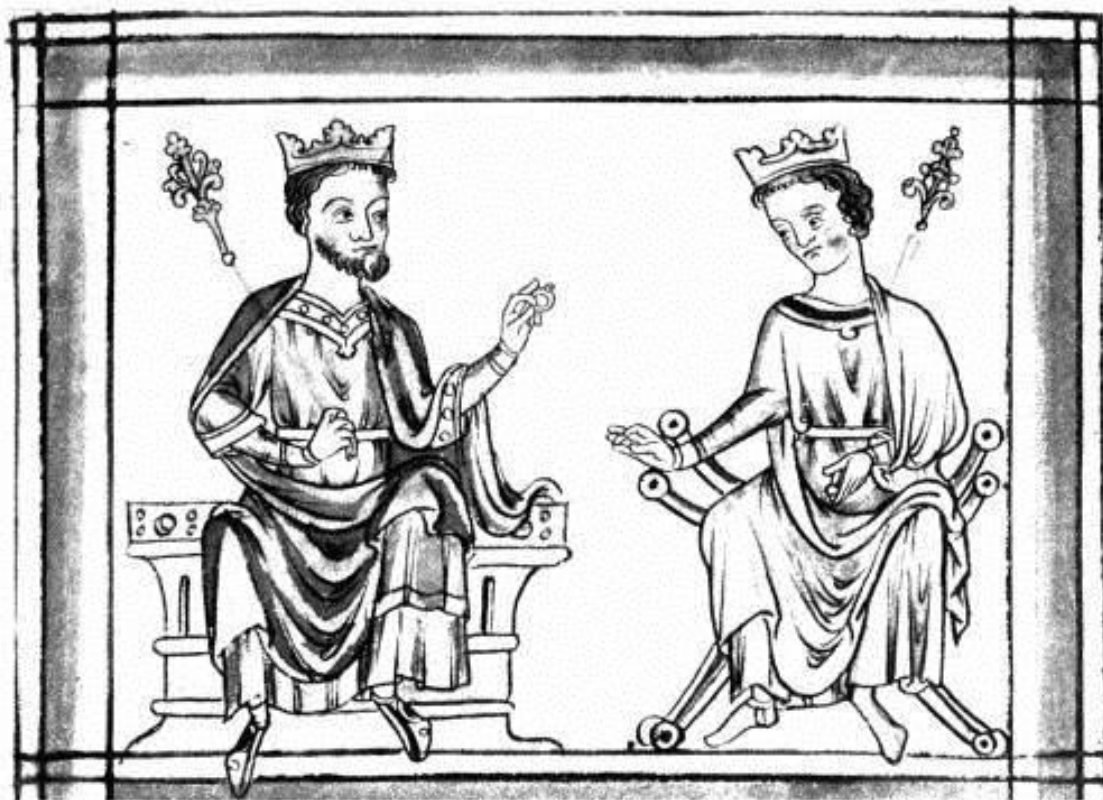
Генрих умер 1 декабря 1135 года. Через двадцать четыре дня после этого Стефан получил корону из рук архиепископа. За это время страна внезапно превратилась в кипящую массу анархии и насилия. Сильная рука сдерживала ее более тридцати лет - срок, казалось бы, достаточный для того, чтобы в умах людей зародился дух послушания закону и порядку. Но пока этого не произошло: единственным повиновением был страх; единственным уважением к закону было то, которое внушал самый жесткий и непреклонный из королей. Слова, использованные автором "Геста Стефани", несомненно, сильно преувеличены, но они указывают на вспышку беззакония, которая, несомненно, стала возможной после того, как Генрих убрал свою "хвостатую руку".

"Охваченные новой яростью, они начали буйствовать друг против друга; и чем больше человек причинял вреда невинным, тем выше он о себе думал. Санкции закона, сдерживающие грубое население, были полностью проигнорированы и сведены на нет; и люди, отдав бразды правления всем беззакониям, без колебаний погружались в любые преступления, к которым побуждали их наклонности..... Люди стали грабить друг друга без пощады, замышляя коварство и кровопролитие против своих соседей; как сказано у пророка: "Восстал человек на человека без милосердия, и каждый ополчился на ближнего своего". Ибо что бы ни подсказывали злые страсти в мирные времена, теперь, когда представлялась возможность отомстить, это быстро приводилось в исполнение. Тайные обиды вырывались наружу, а затаенная злоба выходила на свет и открыто заявляла о себе". (Генрих Хантингдонский.)

Затем Стивен, переправившись из Уиссана (Ушант) при попутном ветре, высадился в Дувре и поспешил в Лондон, где рассчитывал найти друзей. Его преемничество, действительно, не было чем-то новым, внезапно предложенным; уже давно велись серьезные обсуждения, вызванные соображениями, описанными выше, относительно принятия Стефана в качестве преемника. Помимо репутации воина, Стивен обладал обаянием личной привлекательности и щедрости.

Однако город, как и в случае с Вильгельмом Завоевателем и его сыном Генрихом, избрал Стефана королем после торжественного соглашения о том, что "пока он жив, граждане должны помогать ему своим богатством и поддерживать его своим оружием, и что он должен направить все свои силы на умиротворение королевства".

Раунд (см. ниже) обсуждает этот договор и содержащееся в "Гесте" утверждение о том, что лондонцы претендовали на право избирать короля. Он сравнивает клятву, приносимую королем или владыкой в некоторых городах Франции, таких как Базас в Аквитании, Иссижак в Перигоре, Бур-сюр-Мер в Гаскони и Байонна. Во всех этих местах присяга была практически в одинаковой форме: горожане клялись в послушании и верности королю, а король в ответ клялся быть добрым господином над ними, уважать и сохранять их обычаи и оберегать их от всякого вреда. Эта клятва, по сути, и была хартией Вильгельма Завоевателя. Вероятно, ни больше, ни меньше этого жители Лондона требовали от Стефана. Шесть лет спустя ту же клятву они потребовали от императрицы. Теперь, поскольку французские города, о которых шла речь, не говорили и не действовали от имени всего королевства или провинции, не могли ли действия Лондона в 1135 году быть не столько утверждением своего права избирать короля, сколько решением сделать признание преемника трона, когда престолонаследие было спорным, предметом отдельных переговоров?

КОСТЮМ АНГЛИЙСКИХ КОРОЛЕЙ ОДИННАДЦАТОГО ВЕКА

Royal MS. B VI.

АНГЛО-НОРМАНДСКИЕ ВЫСОКОПОСТАВЛЕННЫЕ ДАМЫ

Royal MS. B VI.

На первую Пасху после коронации Стефан провел свой двор в Вестминстере, где собрал Национальный совет, на который были приглашены епископы и аббаты, а также бароны, "cum primis populi". Пасхальные торжества в последние годы были мрачными из-за печали, навалившейся на Генриха после смерти его сына. Этот праздник возродил память о былом великолепии - "quâ nunquam fuerat splendidior vestibus". О том, что на Совете присутствовали величайшие бароны королевства, свидетельствует тот факт, что на двух хартиях, принятых на нем, присутствуют пятьдесят пять, а на другой - тридцать шесть человек, в том числе тридцать четыре дворянина самого высокого ранга.

Книга "Джеффри де Мандевиль" мистера Дж. Х. Раунда - это нечто большее, чем биография: это научное и глубокое исследование истории Англии, и особенно Лондона, при короле Стефане.

Джеффри де Мандевиль был сыном Уильяма де Мандевиля, который был констеблем Тауэра в 1101 году, и внуком Джеффри де Мандевиля, который, судя по всему, происходил из деревни Мандевиль близ Тревьера в Бессине, название которой было латинизировано как "De Magna villâ".

Старший Джеффри основал бенедиктинский приор в Херли.

Младший Джеффри появляется в Стефановом суде в 1136 году в качестве свидетеля некоторых дел. Он был создан графом Эссексом в 1140 году: дату установил Раунд.

Но императрица уже была в Англии: в 1141 году (2 февраля) ее великая победа при Линкольне поставила ее на время во главе ситуации и сделала Стивена пленником. Она отправилась в Винчестер, где (2 марта 1141 года) была избрана "Доминой Англии". Ее приняли легат, духовенство и народ, монахи и монахини религиозных домов. Она также приняла замок с короной и королевскими сокровищами.

Последующие события - замечательная иллюстрация могущества Лондона. Шарп (Лондон и королевство, т. I, с. 48) описывает это так

"Но прежде чем гарантировать новый титул Матильды, необходимо было учесть еще один момент. Что скажут на это лондонцы, которые проявили инициативу, посадив Стефана на трон, и все еще были обязаны ему своей верностью? Легат предвидел трудности, которые могут возникнуть, если горожан, которых он назвал принцами королевства в силу величия их города (*qui sunt quasi optimates pro magnitudine civitatis in Angliâ*), не удастся склонить на свою сторону. Поэтому он послал специальный конвой для их присутствия, сообщил он собранию после того, как стихли аплодисменты, сопровождавшие его речь, и ожидал, что они придут на следующий день. Если они желают, то могут отложить заседание до этого времени. На следующий день (9 апреля) лондонцы прибыли, как и предсказывал легат, и были препровождены в Совет. По их словам, они были посланы так называемой "коммуной" Лондона, и их целью было не вступать в дебаты, а лишь умолять об освобождении их господина короля. Это заявление было поддержано всеми присутствовавшими тогда баронами, вошедшими в городскую коммуну, и встретило одобрение архиепископа и всего присутствовавшего духовенства. Однако их уговоры оказались бесполезными. Легат ответил теми же аргументами, что и накануне, добавив, что лондонцам, которые считаются в стране дворянами (*quasi proceres*), не подобает поддерживать тех, кто подло покинул своего короля на поле боя, и кто добивается расположения горожан только для того, чтобы выманить у них деньги. Тут произошел перерыв. Посланник вручил легату бумагу от королевы Стефана, чтобы тот зачитал ее Совету. Генрих взял бумагу и, ознакомившись с ее содержанием, отказался сообщать его собранию. Однако посланник, не желая быть обманутым, сам огласил содержание бумаги. По сути, это был призыв королевы к духовенству, а особенно к самому легату, вернуть Стефану свободу. Легат, однако, ответил тем же, что и раньше, и собрание распалось, причем лондонцы пообещали сообщить о решении Совета своим братьям на родине и сделать все возможное, чтобы заручиться их поддержкой".

Переговоры затянулись. Есть явные признаки того, что в Сити начались волнения и раздоры: Джеффри де Мандевиль укрепился в Тауэре; Обри де Вер, его тесть, бывший шериф и королевский камергер Генриха I, был убит на улице; нормандская партия вряд ли уступит без борьбы. Однако в июне 1141 года депутация горожан была отправлена к императрице, которая ждала их в Сент-Олбансе. Она дала одно обещание, предположительно то же самое, которое давал Вильгельм, ее дед, Генрих, ее отец, и Стефан, что она будет уважать права и привилегии города; затем она была официально принята знатными людьми, которые поехали встречать ее, согласно обычаю, в Найтсбридж.

"Получив²⁶ покорность большей части королевства, взяв заложников и получив дань, и будучи, как я только что сказал, воодушевленной до высшей степени высокомерия, она прибыла с огромной военной демонстрацией в Лондон, по смиренной просьбе граждан. Им казалось, что наступили счастливые дни, когда воцарится мир и спокойствие. Однако она послала за некоторыми из наиболее состоятельных людей и потребовала от них, не с мягкой

вежливостью, а в повелительном тоне, огромную сумму денег. На это они пожаловались, что их прежнее богатство уменьшилось из-за беспокойного состояния королевства, что они щедро жертвовали на помощь неимущим во время надвигающегося сильного голода и что они субсидировали короля до последнего фартинга: поэтому они смиренно умоляли ее о милосердии, чтобы она в знак жалости к их потерям и бедствиям проявила некоторую умеренность при взимании с них денег..... Когда горожане обратились к ней таким образом, она, не имея ни капли мягкости, свойственной ее полу, разразилась невыносимой яростью, отвечая им с суровым взглядом и нахмуренным челом, "что лондонцы часто платили большие суммы королю; что они широко раскрыли свои кошельки, чтобы усилить его и ослабить ее; что они давно в сговоре с ее врагами для ее вреда; и что они не имеют права на пощаду и на отмену хотя бы малой части штрафа". Услышав это, горожане разошлись по домам, опечаленные и неудовлетворенные".

Валентайн и сыновья, Лтд.

СВ. КАПЕЛЛА ДЖОНА, ЛОНДОНСКАЯ БАШНЯ, НОРМАНДСКАЯ АРХИТЕКТУРА

Императрица приехала в Лондон, потому что прежде всего желала быть коронованной в Вестминстере. Это было невозможно или бесполезно без предварительного согласия Лондона, и она не добилась своего. Легко понять, что в Сити и так хватало недовольных. Ее властное поведение увеличило их число. Кроме того, в этот момент королева Стефана, Мод, прибыла в Саутварк с большой армией и начала не только жечь и разорять возделанные районы южного Лондона, но и отправила свои войска за реку, чтобы разорить северный берег. Императрица считала, что в стенах города она в безопасности. Но внезапно, в час обеда, зазвонил большой колокол собора Святого Павла, и горожане, повинаясь призыву, схватились за руки и бросились к Полс-Кроссу. Императрица находилась не в Тауэре, а в доме или дворце неподалеку от Ладгейта. Вместе со своими приверженцами она успела проскочить галопом через ворота и скрыться: ее бароны покинули ее, отправившись каждый в свое поместье, а лондонская толпа разграбила все, что смогла найти в опустевших

кварталах. Затем они распахнули ворота Лондонского моста и впустили королеву Стефана; сделав это, они осадили Тауэр, которым командовал Джеффри де Мандевиль.

Императрица пробыла в Лондоне не более трех-четырёх дней. За это время, а возможно, и до своего въезда в город, она даровала Джеффри де Мандевилю хартию, в которой признавала его графом Эссексом - "concedo ut sit comes de Essex" - она также признавала его наследственным констеблем Тауэра и даровала ему определенные земли.

Хартия, или письмо, архиепископа Руанского к гражданам Лондона, процитированное Раундом, также относится, по-видимому, хотя он и не называет дату, к этому времени: - "Hugo D. G. G. G.

"Hugo D. G. Rothomagensis archiepiscopus senatoribus inclitis civibus honoratis et omnibus commune London concordie gratiam, salutem eternam. Deo et vobis agimus gratias pro vestra fidelitate stabili et certa domino nostro regi Stephano jugiter impensa. Inde per regiones notae vestra nobilitas virtus et potestas".

Норманны Нормандии с величайшей тревогой наблюдали за борьбой норманнов с анжуйцами в Англии. Ситуация изменилась; королева Стефана была в Лондоне, но граф все еще находился в Тауэре. Необходимо было переманить его к себе. Для этого она подкупила его условиями, которые были достаточно хороши, чтобы оторвать его от императрицы. Эта хартия была утеряна, но полгода спустя Стефан упомянул о ней как о "Carta Reginae". Осталась только одна "Carta Reginae", которая, однако, важна для нас тем, что в ней Герваз назван юстициаром Лондона (см. с. [285](#)).

Тем временем Джеффри доказал свою новоприобретенную приверженность королю, захватив епископа Лондонского в его дворце в Фулхэме и держа его в качестве пленника. Через несколько недель Джеффри с большим отрядом из тысячи лондонцев, полностью вооруженных, помогал при разгроме Винчестера.

1 ноября король был обменян на графа Глостера. О важности этого события, как его расценивали в лондонском Сити, любопытно свидетельствует дата частного лондонского акта (Round, G. de M., p. 136): "Anno MCXLI., Id est in exitu regis Stephani de captione Roberti filii regis Henrici".

На Рождество 1141 года король был коронован во второй раз, точно так же, как пятьдесят лет спустя, после пленения, во второй раз был коронован Ричард. Раунд приписывает вторую хартию Стефана к Джеффри к той же дате. Эта хартия давала Джеффри даже лучшие условия, чем те, которые он получил от императрицы. Его утвердили графом Эссекса и констеблем Тауэра: он стал юстициаром и шерифом Лондона и Мидлсекса; его утвердили юстициаром и шерифом графств Эссекс и Хертфорд. Хартия признает, что Джеффри был констеблем Тауэра по наследству.

Через несколько месяцев, когда Стефан был мертв, а его войска рассеяны, Джеффри снова перешел на сторону императрицы и снова был вознагражден хартией, полный смысл которой будет раскрыт в Раунде. Это была последняя из его многочисленных сделок. Дело Матильды было проиграно с падением Оксфорда (декабрь 1142 года).

Похоже, что первой заботой Стефана было примирить церковь, у которой были серьезные причины для жалоб. По словам Геста Стефани: "поскольку нигде не осталось ничего целого и неповрежденного, они прибегали к владениям монастырей, или соседних муниципалитетов, или любых других мест, куда они могли послать достаточно войск для вторжения. В одно время они нагружали своих жертв ложными обвинениями и яростными оскорблениями, в

другое - досадными требованиями и поборами; одних они лишали имущества либо открытым грабежом, либо тайными ухищрениями, а других самым бесстыдным образом приводили к полному подчинению. Если кто-либо из преподобных монахов или светского духовенства приходил жаловаться на поборы с церковного имущества, его встречали оскорблениями и резко заставляли замолчать возмутительными угрозами; слуг, сопровождавших его в пути, часто жестоко бичевали у него на глазах, а его самого, какого бы ранга и порядка он ни был, с позором лишали имущества и даже одежды и прогоняли или оставляли беспомощным от жестоких побоев, которым он подвергался. Эти несчастные зрелища, эти прискорбные трагедии, распространенные по всей Англии, не могли остаться незамеченными епископами".

Как только дело короля стало казаться безопасным, в Лондоне был созван совет. На нем было постановлено, что "любой, кто нарушит церковь или церковный двор, или наложит насильственные руки на священника или другого религиозного человека, не сможет получить отпущение грехов иначе, как от самого Папы". Также было постановлено, что плуги на полях и работающие на них деревенщины должны быть священными, как если бы они находились на церковном дворе. Они также отлучали от церкви с зажженными свечами всех, кто нарушал этот указ, и таким образом хищность этих человеческих змей была немного сдержана". (Роджер из Вендова.)

Однако важно, что в "Gesta Stephani" некоторые из епископов - "не все, но несколько" - приняли оружие, ездили на боевых конях, получали свою долю добычи и заключали в тюрьму или пытали солдат и богатых людей, которые попадали им в руки, где только могли.

В сентябре 1148 года, после этого совета, Стефан провел суд в Сент-Олбансе. Среди присутствовавших на нем вельмож был великий граф Джеффри де МанDEVиль, человек, по словам Генриха Хантингдонского, более уважаемый, чем сам король. Однако его враги, призвав короля вспомнить его прошлые измены, легко убедили его в том, что замышляются новые. Возможно, король понял, что перед ним слишком могущественный подданный, который, как и граф Уорик впоследствии, был настоящим делателем королей, и был легко убежден, что самым мудрым будет предпринять решительный шаг и арестовать его. Что он, собственно, и сделал.

Джеффри был доставлен в Лондон и заключен в свой собственный Тауэр, куда ему принесли сообщение, что он должен либо сдать все свои замки королю, либо быть повешенным. Он выбрал первое. В этот момент он исчез из поля зрения Лондона. Однако небезынтересно отметить, что после освобождения он поднял открытый бунт. Как и Херевард, он отправился на болота и в прилегающие к ним районы. Он захватил аббатство Рэмси, изгнал монахов и превратил дом в укрепленный пост, запряг лошадей в клуатр, раздал поместья своим сторонникам и опустошил страну во всех направлениях. К нему присоединилось большое количество наемников, находившихся в то время в стране. Он занял грозную позицию, защищенную болотами; он удерживал замок Эли; он держал сильные позиции в Фордхэме, Бенвике и Вуд-Уолтоне. Он разграбил и сжег Кембридж и Сент-Айвс, лишив даже церкви их тарелок и сокровищ: все ужасы долгих гражданских войн Стефана удвоились в свирепой карьере этого дикого зверя; страна опустела; не осталось даже плуга; никто не обрабатывал землю; у каждого лорда был свой замок; каждый замок был разбойничьим гнездом.

"Некоторые, для которых страна потеряла свое очарование, предпочли устроить свой дом в чужих краях; другие обратились за защитой к церквям и, построив в их приделах убогие лачуги, проводили свои дни в страхе и беде. Пищи не хватало, ибо по всей Англии свирепствовал страшный голод, и некоторые люди с отвращением пожирали плоть собак и

лошадей; другие утоляли свой неутолимый голод отбросами нежареных трав и корней; многие, во всех частях страны, погибали под тяжестью голода и умирали кучами; иные со всеми своими семьями с горечью уходили в добровольное изгнание и исчезали. Затем были видны знаменитые города, опустевшие и обезлюдившие от смерти жителей всех возрастов и полов, и поля, белые от урожая, ибо близилась пора осени, но некому было его собирать, все были поражены голодом. Таким образом, весь облик Англии представлял собой сцену бедствия и печали, несчастья и угнетения. Усугубляло зло то, что среди страдающего народа были рассеяны толпы свирепых чужеземцев, стекавшихся в Англию группами, чтобы служить в войнах, и лишенных всякого милосердия и чувства гуманности" - Геста Стефани.

Наблюдались чудеса, свидетельствующие о гневе Божьем. Стены аббатства Рэмси потели кровью. Люди говорили, что Христос и Его святые спят. Но в утешение им говорили, что Господь все еще бдит, потому что, когда Джеффри прилег отдохнуть в тени, вот! трава под ним засохла.

Наступил конец. По счастливой случайности Джеффри был ранен, сражаясь на земле аббатства, которое он ограбил; он легко залечил свою рану; он ускакал через Фордхэм в Милденхолл, и там лег и умер. Он был отлучен от церкви: он умер без отпущения грехов; среди его диких солдат не было священника, и люди открыто говорили, что никто, кроме Папы, не может отпустить столь великого грешника. Его тело, заключенное в свинцовый гроб, привезли в Лондон несколько тамплиеров: они отнесли его в свой фруктовый сад в Старом храме (на северо-восточном углу Чансери-лейн) и там повесили, чтобы оно не загрязняло землю. А жители Лондона вышли поглазеть на своего мертвого врага. Через двадцать лет папа Александр III даровал отпущение грехов, и тело великого предателя наконец обрело покой. О неизбывной ненависти лондонцев можно судить по тому, что их враг, чье непогребенное тело они так оскорбляли, был судьей над ними всего два года или около того. Должно быть, велика была его тирания, много было его беззаконий, чтобы память о нем смердела более двадцати лет.

Мы очень мало знаем о состоянии Лондона в это время: его торговля, как экспортная, так и импортная, должна была сильно пострадать; когда императрица предъявляла свои денежные требования, горожанам приходилось уверять ее в своей бедности и неспособности их выполнить; пожар 1136 года, уничтоживший почти весь город, должен был вовлечь в разорение тысячи людей; в стенах существовали фракции и партии. В то же время Сити обладал людьми и оружием. Лондон, как мы видели, мог выставить великолепный полк в тысячу человек: не оборванцев в кожаных дублетах и с пиками, а полностью экипированных людей в полном вооружении.

Что касается власти Джеффри, то, несомненно, свободный, гордый и независимый город, создатель королей, обладатель хартий, обеспечивавших все, что только могли пожелать свободные люди, должен был быть глубоко унижен своим новым положением зависимости от каприза солдата без чести и верности: но это было лишь временно. И все же мы видим, что Сити был представлен на Винчестерском конвенте. Таким образом, можно с уверенностью сказать, что, хотя Лондон и лишили хартий, с ним приходилось считаться. В любой момент горожане могли закрыть свои ворота, и тогда, даже если враг держал гарнизон Тауэра, было сомнительно, что все силы, которыми могла командовать Матильда, смогут заставить ее открыть ворота.

Сразу же будет показано, что часть хартии Генриха, а именно владение, по крайней мере, городским юстициаром, оставалась в силе во время правления Стефана. Невозможно доказать, что соблюдалась и другая часть хартии, которая предоставляла городу право

избирать юстициара и шерифов. Мейтланд утверждает, что в 1139 году горожане выкупили право избирать шерифов за сто марок серебром. Он не приводит никаких оснований для этого утверждения, о котором я не нашел упоминаний ни у Стоу, ни у Холиншеда, ни у Раунда, ни у Шарпа. Представляется возможным, что в это время всеобщей неразберихи и непрекращающихся войн это право могло быть заявлено и реализовано без вопросов. По той же причине представляется возможным, чтобы король продавал это право из года в год или на протяжении всего своего правления.

Историки обошли вниманием один эпизод, который кажется необычайно не к месту во времена непрерывных гражданских войн. Странно, что в 1147 году, когда все умы в Лондоне, предположительно, следили за неопределенным путем войны, нашлись граждане, способные пренебречь тревогами времени и отправиться в крестовый поход. Так, однако, и произошло на самом деле. Небольшая армия - вернее, подкрепление - крестоносцев, состоящая из англичан, немцев и фламандцев, отплыла в компании, направляясь в Палестину. Их возглавляли граф Арнольд Аэршотский, Кристиан Гестелл, Эндрю Лондонский, Вернон Дуврский и Генри Гленвилл. Они причалили к Лиссабону и, вместо того чтобы сражаться с сарацинами в Палестине, присоединились к португальцам и воевали с маврами в Лиссабоне. С их помощью город был взят, потерян и вновь взят. Роже де Ховеден так комментирует эту экспедицию: - "В то же самое время флот, в котором находились мавры, был взят.

"Тем временем морское войско, возглавляемое не влиятельными людьми и не опирающееся на могущественных вождей, но лишь на Всемогущего Бога, поскольку оно отправилось в путь в смиренном духе, заслужило благосклонность Бога и проявило великую доблесть. Ибо, хотя их было немного, оружием они овладели знаменитым городом Испании, Лиссабоном, и еще одним, называемым Алмейда, вместе с прилегающими к нему частями. Как верно, что Бог противится гордым, а смиренным являет милость! Ибо войско короля франков и императора было многочисленнее и лучше оснащено, чем прежнее, овладевшее Иерусалимом; и все же их сокрушили очень немногие, разгромили и разрушили, как паутину пауков; тогда как эти другие бедняки, о которых я только что говорил, никаким множеством не могли устоять, но чем большее число выступало против них, тем беспомощнее они становились. Большая часть из них прибыла из Англии".

Наконец, после девятнадцати лет борьбы, был заключен мир. Стефан должен был править до тех пор, пока был жив: затем его должен был сменить Генрих. Генрих Хантингдонский справедливо описывает всеобщее ликование, которое последовало за этим: "Какая безграничная радость, какое безграничное ликование.

"Какая безграничная радость, какой день ликования, когда сам король провел прославленного юного принца по улицам Винчестера с великолепной процессией епископов и дворян и под аплодисменты толпящегося народа, ибо король принял его как своего сына по усыновлению и признал его наследником короны. Оттуда он сопровождал короля в Лондон, где был принят с не меньшей радостью народом, собравшимся в несметном количестве, и блестящими процессиями, как и подобало столь великому принцу. Так, по милости Божьей, после ночи страданий наступил мир в разоренном королевстве Англия".

ГЛАВА VII

ФИТЦСТЕФЕН ЛЕТОПИСЕЦ

К периоду правления Генриха Второго относится единственное описание Лондона двенадцатого века, которым мы располагаем. Это, конечно же, описание Фицстефена. Я привожу его полностью; и поскольку это описание относится скорее к нормандскому, чем к позднему периоду правления Плантагенетов, к двенадцатому, а не к тринадцатому и четырнадцатому векам, я помещаю его в "Книгу нормандского Лондона".

Стефанидес: Descriptio Nobilissimae Civitatis Londoniae

De Situ (Nobilissimae Civitatis London)

Inter nobiles Urbes Orbis, quas Fama celebrat, Civitas Londonia, Regni Anglorum Sedes, una est quae Famam sui latius diffundit, Opes & Merces longius transmittit, Caput altius extollit: Felix est Aeris Salubritate, Christiana Religione, Firmitate Munitionum, Natura Situs, Honore Civium, Pudicitia matronali, Ludis etiam quam jocunda: & Nobilium est foecunda Virorum: quae singula semotim libet inspicere.

De Clementia Coeli

Ibi siquidem emollit Animos Hominum Clementia Coeli, non ut sint in Venerem (putres) sed ne feri sint & bestiales, (sed) potius benigni & liberales.

De (Christiana ibi) Religione

Est ibi in Ecclesia Beati Pauli Episcopalis Sedes, quondam fuit Metropolitana, & adhuc futura creditur, si remeaverint Cives in Insulam: Nisi forte Beati Thomae Martyris Titulus Archiepiscopalis, & Praesentia corporalis, Dignitatem illam Cantuariam, ubi nunc est, conservet perpetuam. Sed cum utramque Urbium harum Sanctus Thomas illustraverit, Londoniam Ortu, Cantuariam Occasu: Ipsius Sancti Intuitu, cum Justitiae Accessu, habet altera adversus alteram, quod amplius alleget. Sunt etiam, quod ad Christianae Fidei Cultum pertinet, tum in

Описание достопочтенного города Лондона

Ситуация

Среди благородных городов мира, удостоенных славы, Лондон является главным центром Английского королевства, чья слава распространяется за границей очень далеко: но она перевозит свои товары и изделия гораздо дальше, и продвигает свою голову гораздо выше. Счастлива она в полезности воздуха, в христианской религии, в ее вооружении и силе, в природе ее положения, в чести ее граждан, в целомудрии ее матрон: очень приятна также в ее спорте и времяпрепровождении, и пополнена почтенными личностями: Все это я считаю нужным рассмотреть по отдельности.

Умеренность воздуха

В этом месте спокойствие воздуха успокаивает умы людей, не развращая их венерическими похотями, но сохраняя их от дикого и грубого поведения, и приправляя их склонности более добрым и свободным нравом.

О христианской религии

В церкви Святого Павла есть епископский престол: Раньше она была митрополией, и, как полагают, вновь обретет это достоинство, если граждане вернутся на остров: разве что, возможно, архиепископский титул святого Фомы Мученика и его телесное присутствие увековечат эту честь в Кентербери, где сейчас находятся его мощи. Но поскольку святой Фома украсил оба эти города, а именно Лондон своим рождением, а Кентербери - своей смертью, одно место может больше претендовать на другое, в

Londonia, tum in Suburbano, tredecem majores Ecclesiae Conventuum, praeter minores Parochianas, centum viginti sex.

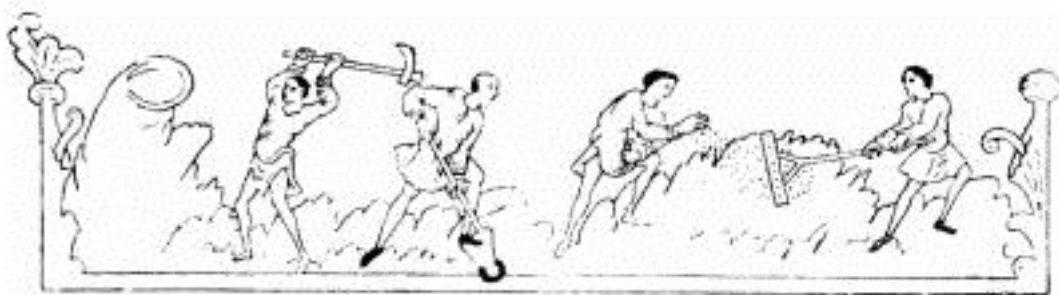
De Firmitate (& Situ) Urbis

Habet ab Oriente Arcem Palatinam, maximam & fortissimam, cujus & Area & Muri à Fundamento profundissimo exurgunt: Cemento cum Sanguine Animalium temperato. Ab Occidente duo Castella munitissima: Muro Urbis alto & magno duplatis Heptapylae Portis intercontinuante, (Spatio) turrito ab Aquilone per Intercapedines. Similiterque ab Austro Londonia murata & turrita fuit: Sed Fluvius maximus piscosus Thamensis, Mari influo refluoque qui illac allabatur, Moenia illa Tractu Temporis alluit, labefactavit, dejecit. Item sursùm ab Occidente Palatium Regium eminet super Fluvium eundem, Aedificium incomparabile, cum Antemurali & Propugnaculis, duobus Millibus ab Urbe, Suburbano frequenti continuante.

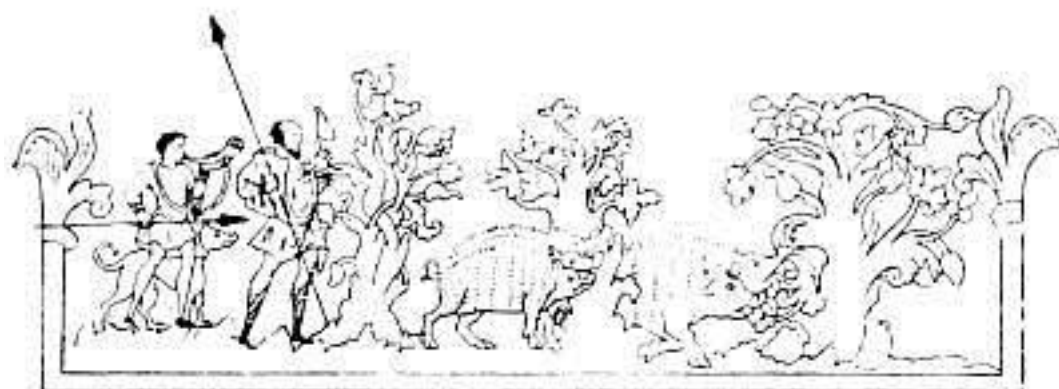
отношении лицецерения этого святого, с приобщением к святости. Теперь, что касается поклонения Богу в христианской вере: В Лондоне и пригородах есть 13 больших конвентуальных церквей, а также 126 меньших приходских церквей (всего 139 церквей).

О силе и месте города

В восточной части его находится Палатинская башня, очень большая и крепкая, двор и стены которой поднимаются вверх от глубокого фундамента: Mortер закален кровью зверей. На западе находятся два замка, хорошо огороженные. Стена города высока и велика, продолжена семью воротами, которые сделаны двойными, и на севере отличается башнями пространствами. Так же и на юге Лондон был обнесен стенами и башнями, но большая река Темза, хорошо хранящая рыбу, и в которой приливы и отливы, по прошествии времени, размыли, разнесли и обрушили эти стены. Дальше, в западной части, на реке стоит дворец короля: несравненное здание, перед которым есть стена и несколько фальшбортов. Он находится в двух милях от Сити, а в пригороде полно народу.

МАРТ. ПОЛЕВЫЕ РАБОТЫ

СЕНТЯБРЬ. ОХОТА НА БОАРОВ

Из "Старого английского календаря" (XI в.), Cotton MS.

De Hortis (Consitis)

Undique extra Domos suburbanorum Civium
Horti Arboribus consiti spatiosi, & speciosi,
contigui habentur.

De Pascuis

Item à Borea sunt Agri Pascui, & Pratorum grata
Planities, Aquis Fluvialibus interfluis: Ad quas
Molinarum versatiles Rotae citantur cum
Murmure jocosum. Proximè patet Foresta ingens,
Saltus nemorosi Ferarum, Latebrae Cervorum,
Damarum, Aprorum, & Taurorum sylvestrium.

De Arpuc

Agri Urbis sationales non sunt jejunae Glareae,
sed pingues Asiae Campi qui faciunt laetas
Segetes, & suorum Cultorum repleant Horrea
cerealibus Jugere Culmi.

De Fontibus

Sunt & circa Londoniam ab Aquilone suburbani
Fontes, praecipui Aqua dulci, salubri,
perspicua, & per claros Rivo trepidante
Lapillos. Inter quos Fons Sacer, Fons
Clericorum, Fons Sancti Clementis
nominatiores habentur, & adeuntur celebriori
Accessu, & majori Frequentia Scholarium &
urbanae Juventutis in Serotinis aestivis ad
Auram exeuntis. Urbs sanè bona, cùm bonum
habeat Dominum.

De Honore Civium

Urbe ista Viris est honorata, Armis decorata,
multo Habitatore populosa, ut Tempore
bellicae Cladis sub Rege Stephano Bello apti,
ex ea exeuntes qui ostentati, haberentur
20,000 Equitum armatos, & 60 mille Peditum
aestimarentur. Cives Londoniae ubicunque
Locorum prae omnibus aliis Civibus Ornatu
Morum, Vestium, & Mensae, Locatione,
spectabiles & noti habentur.

De (Pudicita) Matronis

О посаженных садах

Везде, где нет домов в пригородах, у
горожан есть сады и огороды, засаженные
деревьями, большими, красивыми,
примыкающими одно к другому.

О своих пастбищах

На северной стороне находятся
пастбищные поля и открытые луга, среди
которых текут воды реки, а колеса мельниц
вращаются с восхитительным шумом.
Совсем рядом находится большой лес, в
котором растут рощи диких зверей; в них
скрываются самцы и доги, кабаны и быки.

О своих полях

Пахотные земли - не голодные куски гравия,
но подобны богатым полям Азии, которые
приносят обильную кукурузу и наполняют
амбары тех, кто их обрабатывает, обильным
урожаем плодов Цереры.

Об их колодцах

В окрестностях Лондона, на севере
пригородов, есть множество фонтанов воды,
сладкой, полезной и чистой, струящейся
среди сверкающих гальки камней: В этом
ряду Святой Колодец, Клеркенвелл и
Колодец Святого Клемента - самые
заметные и посещаемые из всех остальных,
когда ученые и молодежь города выходят на
воздух летними вечерами. Хорош город,
когда в нем есть хороший лорд.

О чести горожан

Этот город почитаем своими людьми,
украшен своим оружием и населен
множеством жителей. Во время роковой
войны при короле Стефане здесь собрались
люди, пригодные для войны, числом до 20
000 всадников, вооруженных, и 60 000
пеших. Жители Лондона известны во всех
местах, и их уважают больше всех других
жителей, за их вежливое поведение,
хорошую одежду, стол и разговоры.

Об их целомудрии и матронах

Urbis Matronae ipsae Sabinae
sunt.

МАТРОНА И СЛУЖАНКА
MS. (XII в.).

Городские матроны могут
быть параллельны
сабинянкам.

De Scholis

В Лондини три главные церкви: Sedes Episcopalis, Ecclesia S. Martini, Scholas celebres habent & Privilegio & antiqua Dignitate, plerumque tamen Favore personali alicujus vel aliquorum Doctorum, qui secundum Philosophiam noti & praeclari habeantur. Et alii ibi sunt Scholae de Gratia & Permissione. Diebus Festis ad Ecclesias Festivas Magistri cum Discipulis suis Conventus, Gratia Exercitationis, celebrant. Disputant ibidem Scholares, quidam demonstrativè, dialecticè alii: alii recitant Enthymemata: hii meliùs perfectis utuntur Syllogismis. Quidam ad Ostentationem exercentur Disputationem, quae est inter Colluctantes. Alii ad Veritatem, ea quae est Perfectionis Gratia: Sophistae Simulatores Agmine & Inundatione Verborum beati judicantur. Alii paralogizantur: Oratores aliqui quandoque Orationibus rhetoricis aliquid dicunt apposite ad persuadendum, curantes Artis Praecepta servare, & ex Contingentibus nihil omittere. Pueri diversarum Scholarum Versibus inter se convixantur: aut de Principiis Artis Grammaticae, aut de Regulis Praeteritorum vel Futurorum contendunt: Sunt alii, qui, in Epigrammatibus, Rithmis & Metris Fescennina Socios suppressis Nominibus liberius lacerant, Loedorias jaculantur & Scommata, Salibus Socraticis Sociorum, vel forte Majorum Vitia tangunt, ne mordacius Dente rodant procaciori, audacioribus Convitiis Auditores multum videre parati: Ingeminant tremulos Naso crispante Cachinnos.

Об их школах

В Лондоне три знаменитые школы содержатся при трех главных церквях - Святого Павла, Святой Троицы и Святого Мартина, которые они сохраняют по привилегии и древнему достоинству: Однако по большей части, по благосклонности некоторых лиц или некоторых учителей, известных и прославленных своей философией, там существуют и другие школы, по доброй воле и с позволения. По праздникам магистры со своими учеными устраивают собрания в праздничных церквях. Ученые спорят ради упражнения: одни используют демонстрации, другие - актуальные и вероятные аргументы: одни практикуют энтимемы, другие лучше используют совершенные силлогизмы: одни упражняются в споре ради показухи, которая практикуется среди тех, кто вместе стремится к победе: другие спорят ради истины, которая является благодатью совершенства. Софисты, которые являются разгласителями, превращаются в словесников и превозносятся, когда переполняются речью и избытком слов: некоторые также попадают в ловушку обманчивых аргументов. Иногда некоторые ораторы, произнося риторические оратории, говорят красиво, чтобы убедить, тщательно соблюдая предписания искусства, которые не опускают ни одной условной детали. Мальчики разных школ ссорятся в стихосложении, или обсуждают принципы грамматики, или спорят о правилах претерита и будущего времени. Есть и такие, которые в эпиграммах, рифмах и стихах используют этот тривиальный способ оскорбления. Они свободно подкалывают своих собратьев, не называя их имен, с фесценнинской и буйной вольностью: Они отпускают самые оскорбительные шутки и, используя

De Dispositione Urbis

Singulorum Officiorum exercitatores, singularum Rerum Venditores, singularum Operarum suarum Locatores, quotidiano Mane per seunt Locis distincti omnes, ut Officiis. Praeterea est in Londonia supra Ripam Fluminis inter Vina in Navibus, & Cellis vinariis Venalia, publica Coquina: Ibi quotidie pro Tempore est invenire cibaria Fercula, assa, frixa, elixa, Pisces, Pisciculos, Carnes grossiores Pauperibus, delicatiores Divitibus, Venationum, Avium, Avicularum. Si subito veniant ad aliquem Civium Amici fatigati ex Itinere, nec libeat jejunos expectare, ut novi Cibi emantur, coquantur, dent Famuli Manibus limphas Panesque, interim ad Ripam curritur, ibi praesto sunt omnia Desiderabilia. Quantalibet Militum vel Peregrinorum Infinitas intrat Urbem qualibet Diei vel Noctis Hora, vel ab Urbe exitura, ne vel hii nimium jejunent, vel alii impransi exeant, illuc si placeat divertunt, & se pro Modo suo singuli reficiunt: Qui se curare volunt molliter, accipiunt Anserem, ne Affricam Avem vel Attagen Ionicum non opus ut quis quaerant, apposis quae ibi inveniuntur Deliciis: Haec equidem publica Coquina est & Civilitati plurimum expediens, & ad Civilitatem pertinens: Hinc est quod legitur in Gorgia Platonis, juxta Medicinam esse Coquorum Officium, Simulachrum, & Adulationem quartae Particulae Civitatis.

De Смитфилд

Est ibi extra unam Portarum statim in Suburbio quidam planus Campus Re & Nomine. Omni sexta Feria nisi sit major Festivitas praeseptae

остроумные выражения Сократа, касаются пороков своих собратьев или, возможно, их начальников, или обрушиваются на них с сатирической горечью и с более смелыми поношениями, чем подобает. Слушатели, приготовившись к смеху, веселятся в это время.

Как распоряжаются делами города

Несколько ремесленников, несколько продавцов товаров и наемных рабочих - все они каждое утро сами по себе, по своим местам и профессиям. Кроме того, в Лондоне на берегу реки есть публичное место кулинарии, среди вин, которые продаются в магазинах, и в винных погребах. Там каждый день можно заказать любое блюдо из мяса, жареного, запеченного или соленого: Рыбу, как мелкую, так и крупную: обычное мясо для бедных, и более изысканное для богатых, как оленина и птица. Если друзья внезапно приходят, утомленные путешествием, в дом горожанина и не хотят ждать любопытных приготовлений и заправок для свежего мяса: пусть слуги дадут им воды, чтобы умыться, и хлеба, чтобы поддержать желудок, а они тем временем бегут к воде, где все, что можно пожелать, под рукой. Какое бы множество солдат или других чужестранцев ни входило в город в любой час дня или ночи или собиралось уходить: они могут остановиться, посидеть здесь, подкрепиться, и таким образом избежать долгого поста и не уйти без ужина. Если кто-то хочет угодить своему изящному зубу, он берет гуся: ему не нужно тосковать по африканской птице, нет, ни по редкой божьей коровке из Ионии. Это общественная кулинария, очень удобная для города и принадлежащая ему. Поэтому в "Горгиасе" Платона мы читаем, что рядом с врачебным искусством стоит ремесло поваров, образ и лесь четвертой части города.

О Смитфилде

За одними из ворот находится некое поле, равнинное (или ровное) как по названию, так и по положению. Каждую пятницу, за

Solemnitatis, est ibi celebre Spectaculum Nobilium Equorum venalium. Spectaturi vel empturi veniunt, qui in Urbe assunt, Comites, Barones, Milites, Cives plurimi. Juvat videre Gradarios Succussatura nitente suaviter ambulantes: Pedibus lateraliter simul erectis quasi a subalternis & demissis: Hinc Equos, qui Armigeris magis conveniunt, durius incendent, sed expedite tamen, qui quasi a Contradictoribus Pedes simul elevant, & deponunt: Hinc nobiles Pullos juniores, qui nondum Fraeno bene assueti, altius incedunt mollis Crura reponunt: Hinc summarios Membris validis & vegetis. Hinc dextrarios preciosos, elegantis Formae, Staturae honestae, micantes Auribus, Cervicibus arduis, Clunibus obesis. In horum Incessu spectant Emptores, primo Passum suaviorem, postea Motum citatiorem, qui est quasi à contrariis Pedibus anterioribus simul Solo amotis & admotis, & posterioribus similiter. Cum talium Sonipedum Cursus immineat, & aliorum forte qui similiter sunt in Genere suo ad Vecturam validi, ad Cursuram vegeti: Clamor attollitur, vulgares Equos in Partem ire praecipitur: Sessores Alipedum Pueri: Tres simul, aliquando bini Certamini se praeparant, docti Equis imperare, indomitorum lupatis temperant Fraenis Ora: hoc maximè praecaverit ne alter alteri Cursum praecipiat. Equi similiter pro Modo suo ad Certamen Cursus illius se attollunt: tremunt Artus, Morae impatientes, stare Loco nesciunt, facto Signo Membra extendunt, Cursum rapiunt, Agilitate pervicaci feruntur: Certant sessores Laudis Amore, Spe Victoriae Equis admissis subdere Calcaria, & nec minus urgere eos Virgis & ciere Clamoribus. Putares omnia in Motu esse, secundum Heraclitum, & salsam omnino Zenonis Sententiam, dicentis, quoniam, non continget moveri, neque Stadium pertransire. Parte alia stant seorsim Rusticorum Peculia, Agrorum Instrumenta, Sues longis Lateribus, Vaccae distentis Uberibus, Corpora magna Boum, lanigerumque Pecus: Stant ibi aptae Aratris, Trahis & Bigis Equae: quarundam Ventres Foetibus protument: alias, editi Foetus obeunt Pulli lasciviores, Sequela inseparabilis.

исключением больших праздников, здесь можно увидеть, как продаются галантные лошади: Многие приезжают из города, чтобы купить или посмотреть на них, а именно: графы, бароны и рыцари, горожане - все они прибегают туда. Приятно наблюдать, как клячи, хорошо откормленные, гладкие и блестящие, с удовольствием ходят, поочередно поднимая и опуская ноги с обеих сторон: или рысят лошади, которые более удобны для людей, носящих оружие: эти, хотя и ставятся немного тяжелее, идут легко, поднимают и опускают вместе противоположные ноги с обеих сторон. Есть здесь и молодые жеребята хорошей породы, которые еще не очень хорошо приучены к уздечке: они резвятся и, храбро скача, демонстрируют свое мастерство. Вот главные лошади, сильные и с хорошими конечностями. Здесь также находятся брестские лошади (пригодные для пар), очень красивые, гладкие в ушах, с высоко поднятой шеей, хорошо откормленные, с круглыми ягодицами. Покупатели сначала смотрят на их мягкий и медленный шаг, а затем заставляют их набрать скорость и наблюдают за ними в галопе. Когда эти скакуны готовы бежать наперегонки, а возможно, и другие, которые по своему виду хороши для перевозки и сильны для путешествий: Народ кричит, и обычным лошадям велят отойти в сторону. Те, кто ездят верхом, - мальчишки: по трое, а иногда и по двое, они устраивают между собой поединки, умея управлять своими лошадьми, которых они объезжают с уздечками, стараясь всеми способами, чтобы один не уступил другому. И сами звери, следуя своей манере, с нетерпением ждут скачки, а их суставы дрожат, и, не терпя задержки, они не могут стоять на месте. Когда подается знак, они вытягивают конечности и бегут со всей активностью и скоростью: всадники подстегивают их из любви к похвале или в надежде на победу, возбуждая их кнутами и криками. Гераклиту кажется, что все находится в движении, а мнение Зенона, утверждающего, что ничто

не движется с места, оказывается ложным. В другой части стоят деревенские люди с крупным рогатым скотом и полевыми товарами, большими свиньями и коровами с торчащими вперед выменями, крупнорогатыми быками и шерстяным стадом. Есть и тележные лошади, пригодные для повозки, плуга или колесницы, и несколько кобыл с жеребятами, а также другие, у которых есть жеребята, следующие за ними по пятам.

ВСАДНИК

Харл. MS., 4751 (XIII в.).

De Navibus & Mercimoniis

Ad hanc Urbem, ex omni Natione quae sub
Coelo est, navalia gaudent Institores habere
Commercia. Aurum mittit Arabs, Species &
Thura Sabaeus, Arma Scythes, Oleum
Palmarum divite Silva. Pingue Solum Babylon,

О мореплавании и товарах

В этот город купцы привозят товары на
кораблях из всех стран под небесами.
Аравиец присылает свое золото, сабеянин -
ладан и пряности, скиф - оружие: Масло из
пальмового дерева: Вавилон - свою тучную

Nilus Lapides preciosos. Seres purpureas Vestes. Norwegi, Russi, varium Grisium, Sabelinas. Galli sua Vina.

De Antiquitate & Politia

Urbe Roma secundum Chronicorum Fidem satis antiquior est. Ab eisdem quippe Patribus Trojanis haec prius à Bruto condita est, quam illa à Remo & Romulo. Unde & adhuc antiquis eisdem utitur Legibus communibus Institutis. Haec similiter illis Regionibus est distincta: Habet annuos pro Consulibus Vicecomites: habet senatoriam Dignitatem & Magistratus minores: Eluviones & Aquaeductus in Vicis: Ad Genera Causarum deliberativae, demonstrativae, judiciales Loca sua, Fora singula: habet sua Diebus statutis Comitia.

De Consuetudinibus Ecclesiarum

Non puto Urbem esse, in qua sint probabiliores Consuetudines in Ecclesiis visitandis, Ordinatis Dei honorandis, Festis feriandis, Eleemosynis dandis, in Hospitibus suscipiendis, in Desponsationibus firmandis, Matrimoniis contrahendis, Nuptiis celebrandis, Conviis ornandis, Convivis hilarandis, etiam in Exequiis curandis & Cadaveribus humandis.

Pestes Civitatis

Solae Pestes Londini sunt, immoderata Stultorum Potatio, & frequens Incendium.

Frequentia Nobilium

Ad haec, omnes ferè Episcopi, Abbates, & Magnates Angliae, quasi Cives & Municipis sunt Urbis Londoniae: Sua ibi habentes Aedificia praeclara, ubi se recipiunt, ubi Divites Impensas faciunt, ad Consilia, ad Conventus celebres in Urbem evocati, à Domino Rege, vel Metropolitano suo, seu propriis tracti Negotiis.

землю, а Нилус - свои драгоценные камни: сирьы присылают пурпурные одежды: норвежцы и русские - форель, меха и соболей, а французы - свои вина.

О древности и правительстве

Согласно сообщению Хроник, он более древний, чем город Рим: Ибо оба они произошли от одного и того же троянца, Брут построил этот, прежде чем Рем и Ромул сделали другой. Поэтому в нем до сих пор действуют те же древние законы и общие институты. Ибо наш город, как и тот, разделен на палаты и несколько пределов: у него есть шерифы, каждый год отвечающие перед своими консулами: у него есть олдермены, пользующиеся достоинством сенаторов, кроме низших магистратов: у него есть также общие канализации и каналы для воды на улицах. Что касается спорных вопросов, то здесь есть несколько мест и судов для дел совещательных, показательных и судебных: В установленные дни они также имеют свой Общий совет и большие собрания.

Об обычаях церквей

Я думаю, что нет города, который имел бы более утвержденные обычаи для частого посещения церквей, для почитания Божьих постановлений, соблюдения праздников, раздачи милостыни, развлечения незнакомцев, подтверждения контрактов, заключения и празднования браков, организации пиров, приема гостей, а также, более того, для похоронных обрядов и погребения мертвых.

Вредители Лондона

Единственные язвы Лондона - это неумеренное пьянство праздных людей и частые пожары.

Часто посещаемый дворянами

Более того, почти все епископы, аббаты и дворяне Англии являются, так сказать, гражданами и фрименами Лондона. Там у них прекрасные жилища, и туда они часто приезжают и кладут много денег; их вызывают в город на консультации и торжественные собрания либо король, либо

De Ludis

Amplius, & ad Ludos Urbis veniamus, quoniam non expedit utilem tantum & feriam Urbem esse, nisi dulcis etiam sit & jocunda. Unde & in Sigillis summorum Pontificum, usque ad Tempora Leonis Papae, ex altera Parte Bullae, sculpto per Impressionem Piscatore Petro, & supra eum Clave quasi Manu de Coelis ei porrecta, & circa eum Versu,

Tu pro me Navem liquisti, suscipe Clavem.
Ex altera Parte impressa erat Urbs, & Scriptura ista, Aurea Roma. Item ad Laudem Cæsaris Augusti & Romae dictum est:

Nocte pluit tota, redeunt Spectacula mane,
Divisum Imperium cum Jove Cæsar habes.

De Repraesentatione Miraculorum

Londonia pro Spectaculis theatralibus, pro Ludis scenicis, Ludos habet sanctiores, Repraesentationes Miraculorum, quae sancti Confessores operati sunt, seu Repraesentationes Passionum, quibus claruit Constantia Martyrum.

De Pugna Gallorum & Ludo Pilae

Praeterea quotannis Die, quae dicitur Carnivalia, ut a Puerorum Ludis incipiamus, omnes enim Pueri fuimus, Scholarum singuli Pueri suos apportant Magistro suo Gallos gallinaceos Pugnatore & totum illud Antemeridianum datur Ludo Puerorum vacantium, spectare in Scholis suorum Pugnas Gallorum. Post Prandium exit in Campos omnis Juventus Urbis, ad Ludum Pilae celebrem. Singulorum Studiorum Scholares suam habent Pilam: singulorum Officiorum Urbis Exercitationes suam singuli Pilam in Manibus. Majores Natu Patres, & Divites Urbis in Equis spectatum veniunt Certamina Juniorum, & Modo suo inveniuntur cum Juvenibus, & excitari videtur in eis Motus

их митрополит, либо влекут их собственные дела.

О спорте и развлечениях

Перейдем, наконец, к их спорту и упражнениям: Ибо необходимо, чтобы город был не только удобен для жизни и серьезен в делах, но и приятен и восхитителен.

Поэтому до времен папы Льва римские папы в своих печатях на одной стороне буллы изображали святого Петра в виде рыбака, а над ним ключ, протянутый ему как бы с небес, рукой Божьей, и такой стих о нем:

Для меня Корабль Твой ты оставил,
Поэтому Ключ Небесный возьми.

На другой части был начертан город с такой надписью: "Золотой Рим". Также это было написано в похвалу Сезарю Августу и Риму: Всю ночь небо спускает водяные ливни, Утро снова проясняется, чтобы показать игру:

Великий Юпитер и Сезар имеют свои часы,
И в этой Вселенной поочередно вершат судьбы.

Представление чудес

В Лондоне, вместо обычных интерлюдий, свойственных театру, есть пьесы на более святую тему: Представления о чудесах, которые творили святые исповедники, или о страданиях, в которых проявлялось славное постоянство мучеников.

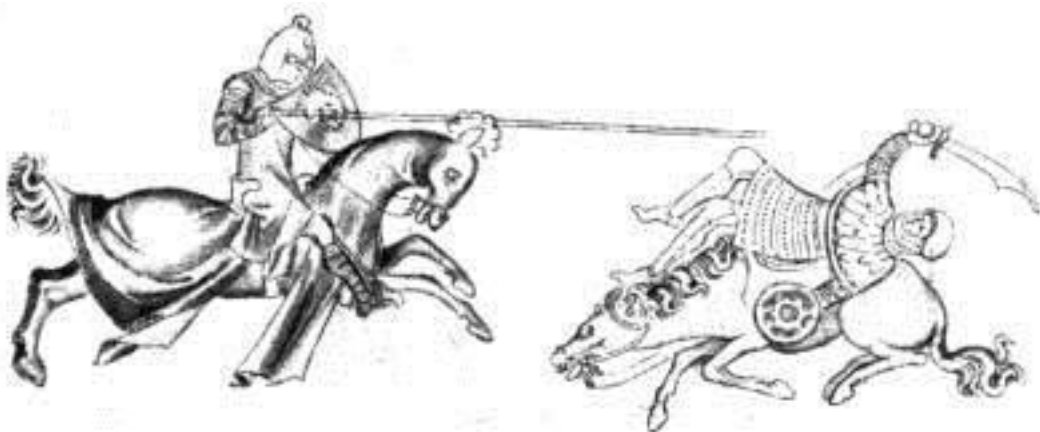
О петушиных боях и балах

Кроме того, чтобы мы могли начать со школ юности, чувствуя, что когда-то все мы были детьми: Ежегодно на масленицу мальчики каждой школы приносят своим хозяевам бойцовых петухов, и весь полдень в школе уходит на то, чтобы посмотреть, как эти петухи сражаются друг с другом. После обеда вся молодежь города отправляется играть в мяч в поле: у ученых каждого учебного заведения свои балы.

Практикующие все ремесла тоже держат в руках по мячу. Древний род, отцы и богатые горожане приезжают на лошадях, чтобы посмотреть на молодых людей, соревнующихся в спорте, с которыми они, в некотором роде, участвуют в движении:

Caloris naturalis, Contemplatione tanti Motus
& Participatione Gaudiorum Adolescentiae
liberioris.

возбуждая свой собственный естественный
жар при виде активной молодежи, с которой
они, кажется, общаются, веселясь и
раскрепощаясь.

НАКЛОН

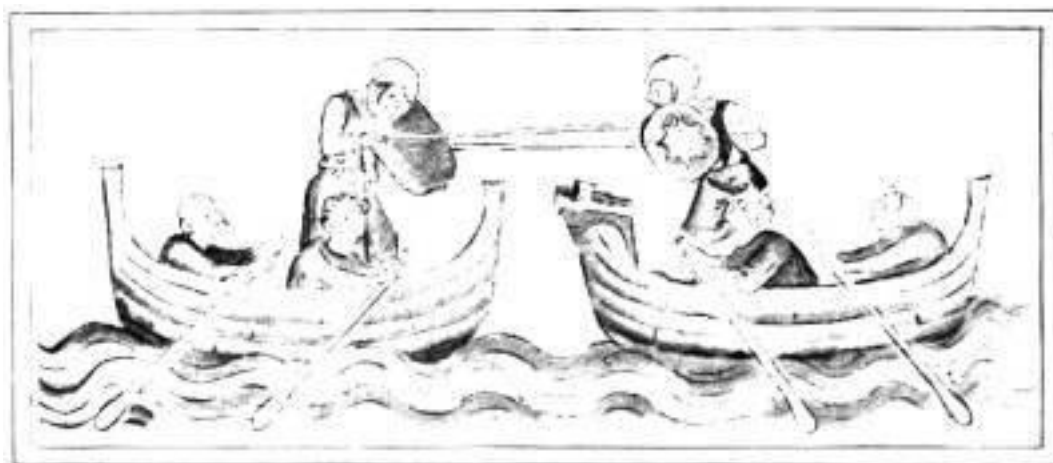
Royal MS. 2, B. vii.

De Ludis bellicosus in Campis

Singulis Diebus Dominicis in Quadragesima
post Prandium exit in Campum Juvenum
recens Examen in Equis bellicosus & in Equis
Certamine primis: quorum quisque sit aptus in
Gyros currere doctus Equo. Erumpunt a Portis
catervatim Filii Civium laici, instructi Lanceis &
Scutis militaribus: Juniores Hastilibus Ferro
dempto praesurcatis, Simulachra Belli cient &
agonisticam exercent Militiam. Adveniunt &
plurimi Aulici Rege in Vicino prosito & de
familiis Consulum & Baronum Ephebi nondum
Cingulo donati Militiae Gratia concertandi.
Accendit singulos Spes Victoriae: Equi feri
adhiniunt, tremunt Artus, Fraenos mandunt,
impatientes Morae stare Loco nesciunt. Cum
tandem Sonipedum rapuit Ungula Cursum,
Sessores Adolescentes divisus Agminibus hii
praecedentibus instant, nec assequuntur: hi
Socios dijiciunt & praetervolant.

Спорт в Великий пост

Каждое воскресенье Великого поста, после
обеда, компания молодых людей выезжает в
поле на лошадях, пригодных для войны, и
главных бегунов: Каждый из них обучается
бегать по кругу со своей лошадью. Сыновья
горожан выходят через ворота войсками,
снабженными копьями и воинственными
щитами: У младших есть пики, не
оправленные в железо, на которых они
изображают битву и участвуют в
перестрелке. К этому занятию прибегают
многие придворные, когда король находится
под рукой, и молодые стриптизеры из семей
баронов и великих людей, которые еще не
достигли воинского пояса, чтобы
тренироваться и сражаться. Надежда на
победу окрыляет каждого. Скулящие и
свирепые кони напрягают суставы и грызут
уздечки, не в силах стоять на месте: наконец
они начинают свою скачку, и тогда молодые
люди делят свои отряды: одни стараются
обогнать своих предводителей, но не могут
до них добраться: другие сбрасывают своих
товарищей и обходят их.

НАКЛОНЫ В ЛОДКАХ

Royal MS. 2, B. vii.

De Ludis Navalibus

In Feris Paschalibus ludunt quasi Praelia navalia: In Arbore siquidem Mediamna Scuto fortiter innexo, Navicula multo Remo & Raptu Fluminis cita, in Prora stantem habet Juvenem, Scutum illum Lancea percussurum: qui, si Scuto illi Lanceam illidens frangat eam, & immotus persistat, habet Propositum, Voti compos est: si vero Lancea integra fortiter percusserit, & per fluentem Amnem dejicietur, Navis Motu suo acta Praeterit. Sunt tamen hinc inde secus duae Naves stationariae, & in eis Juvenes plurimi, ut eripiant Percussorem Flumine absorptum cum primo emersus comparet, vel summa rursus cum bullit in Unda. Supra Pontem & in Solariis supra Fluvium, sunt qui talia spectent, multum rideri parati.

De Ludis Aestivalibus, ut Lucta & hujusmodi

In Festis tota Aestate Juvenes Ludentes exercentur, in Saliendo, in Arcu, in Lucta, Jactu Lapidum, amentatis Missilibus ultra Metam expediendis, Parmis Duellionum. Puellarum Cytheraea ducit Choros, & Pede libero pulsatur Tellus, usque imminente Luna.

Морские бои

В пасхальные праздники имитируют морской бой: посреди реки ставят шест с мишенью, хорошо закрепленной на нем, а в лодке, которую гребут веслами и гонят по течению, стоит молодой человек, который своим копьем попадает в мишень на своем пути: Если он сломает копье и устоит прямо, чтобы удержаться на ногах, то получит желаемое; если же его копье не сломается от удара, то он будет сброшен в воду, а его лодка проплывет мимо: Но по обе стороны этой мишени стоят два корабля с множеством молодых людей, готовых подхватить его, после того как он утонет, как только он снова покажется на поверхности воды: Зрители стоят на мосту и в солярах на реке, чтобы смотреть на эти вещи, будучи готовыми к смеху.

Летние виды спорта

Во время каникул все лето молодежь упражняется в прыжках, стрельбе, борьбе, метании камней и копья, снабженного петлями для этой цели, которые они стараются метнуть за пределы цели: они также используют рогатины, как сражающиеся мужчины. Что касается девиц, то они упражняются в танцах и спотыкании до лунного света.

ТАНЦУЮЩИЕ

Prudentius MS., 24199 (XI в.).

De Pugna Aprorum, Taurorum, & Ursorum

In Hyeme singulis fere Festis ante Prandium,
vel Apri spumantes pugnant pro Capitibus &
Verres fulmineis accincti Dentibus addendi
Succidia, vel pingues Tauri cornupetae, seu
Ursi immanes cum objectis depugnant
Canibus.

De Ludentibus supra Glaciem

Cùm est congelata Palus illa magna quae
Moenia Urbis aquilonia alluit, exeunt lulum
super Glaciem densae Juvenum Turmae: Hii ex
Cursu Motu captato citatiore, Distantia Pedum
posita, magnum Spatium Latere altero
praetenso perlabuntur. Alii quasi magnos
Lapides molares de Glacie Sedes sibi faciunt:
Sessorem unum trahunt plurimi praecurrentes,
Manibus se tenentes: in tanta Citatione Motus
aliqui Pedibus lapsi cadunt omnes proni. Sunt
alii super Glaciem ludere doctiores, singuli
Pedibus suis aptantes, & sub Talaribus suis
alligantes Ossa, Tibias scilicet Animalium &
Palos Ferro acuto subposito tenentes in
Manibus, quos aliquando Glaciei illidunt: tanta
Rapacitate feruntur, quanta Avis volans, vel
Pilum Balistae. Interdum autem magna procul
Distantia ex Condicto, duo aliqui ita ab
oppositis veniunt, curritur: Palos erigunt, se
invicem percutiunt: vel alter, vel ambo cadunt,
non sine Laesione corporali, cùm post Casum

Бой кабанов, быков и медведей

Зимой почти каждый праздник перед
ужином пенистые кабаны дерутся за свои
головы и готовят смертоносные кисти, чтобы
сделать из них бекон: или же некоторые
похотливые быки или огромные медведи
приманиваются собаками.

Спорт на льду

Когда этот большой мавр, который оmyвает
Мурфилдс, у северной стены города,
замерзает, большие компании молодых
людей отправляются заниматься спортом на
льду: тогда, взяв беговел, и поставив ноги на
расстоянии, и расположив тела боком, они
скользят на большое расстояние. Другие
берут кучи льда, как будто это большие
жернова, и делают сиденья: Многие, идя
впереди, тянут за собой сидящего, держа
друг друга за руки: идя так быстро,
некоторые, поскользнувшись на ногах,
падают все вместе; некоторые лучше
приучены ко льду и привязывают к обуви
кости, как ноги некоторых зверей, и держат
в руках колья, оправленные в острое
железо, которыми иногда ударяют по льду: и
эти люди несутся со скоростью, как птицы в
воздухе или дротики, выпущенные из какой-
нибудь военной машины: Иногда двое
мужчин становятся на расстоянии и

etiam Vi Motus feruntur ab invicem procul: &
qua Parte Glacies Caput tangit, totum radit,
totum decorticat. Plerumque Tibia cadentis,
vel Brachium, si super illud ceciderit,
confringitur. Sed Aetas avida Glorïae, Juventus
cupida Victoriæ, ut in veris Praeliis fortius se
habeat, ita in simulatis exercetur.

De hiis qui delectantur in Avibus

Plurimi Civium delectantur ludentes in Avibus
Coeli, Nisis, Accipitribus, & hujusmodi, & in
Canibus militantibus in Silvis. Habentque Cives
suum Jus Venandi in Middlesexia,
Hertfordseira & tota Chiltera, & in Cantia, usque
ad Aquam Craiaie.

налетают друг на друга, как бы под
наклоном, с этими кольями, с помощью
которых один или оба участника
сбрасываются вниз, не без некоторого
вреда для их тел: и после падения, по
причине сильного движения, переносятся
на значительное расстояние один от
другого: и всякий раз, когда лед касается их
головы, он сдирает всю кожу и обнажает ее;
и если кто-то падает на ногу или руку, она
обычно бывает сломана: Но молодые люди,
жадные до чести и желающие победы,
упражняются в поддельных сражениях,
чтобы сильнее перенести удар, если они
пришли к нему всерьез.

Спорт с птицами и собаками

Многие горожане любят птиц, таких как
воробьи, ястребы и тому подобные, а также
собак, чтобы охотиться в лесистой
местности. Горожане имеют право
охотиться в Мидлсексе, Хартфордшире, во
всех Чилтернах и в Кенте, вплоть до Грей-
Уотер.

ПОГОНЯ

Royal MS. 2, B. vii.

Virtus Londonensium

Londonienses, tunc Trinovantes dicti Caium
Julium Cæsarem qui nullas nisi Sanguine fuso

Доблесть лондонцев

Лондонцы, которых когда-то называли
тринованцами, дали отпор К. Юлию Цезарю,

Vias habere gaudebat, repulerunt. Unde
Lucanus,

Territa quaesitis ostendit Terga Britannis.

De hiis quos Civitas London peperit

Civitas Londonia peperit aliquos, qui Regna
plurima & Romanum sibi subdiderunt
Imperium: & plurimos alios, quos Mundi
Dominos Virtus evexit ad Deos, ut fuerat, in
Appollinis Oraculo, Bruto promissum:

Brute, sub occasu Solis, trans Galliae Regna,
Insula in Oceano est undique clausa Mari:
Hanc pete: namque tibi Sedes erit illa perennis,
Haec fiet Natis altera Troja tuis.
Hic de Stirpe tua Reges nascentur, & ipsis
Totius Terrae subditus Orbis erit.
Et Temporibus Christianis, nobilem illum edidit
Imperatorem Constantinum, qui Urbem
Romam & Imperialia Insignia omnia Deo
donavit, & beato Petro & Sylvestro Papae, qui &
Statoris exhibuit officium, & se non amplius
Imperatorem, sed Sanctae Ecclesiae Romanae
Defensorem gavisus est vocari: &, ne Pax
Domini Papae occasione praesentiae ejus
secularis strepitus tumultu concuteretur, ipse
ab urbe Domino Papae collata, omnino
discessit, & sibi Civitatem Bizantium edificavit.
Londonia & modernis Temporibus Reges
illustres magnificosque peperit. Imperatricem
Matildem, Henricum Regem tertium, & beatum
Thomam Archiepiscopum Christi Martyrem
gloriosum, quali non candidiorem ipsa tulit,
nec quo fuerit devinctior alter omnibus Bonis
totius Orbis Latini.

который обычно прокладывал себе дорогу
кровью: на что Лукан:

Он был напуган и ранен рукой Британии,
которые первыми осмелились вторгнуться в
их страну.

Коренные жители Лондона

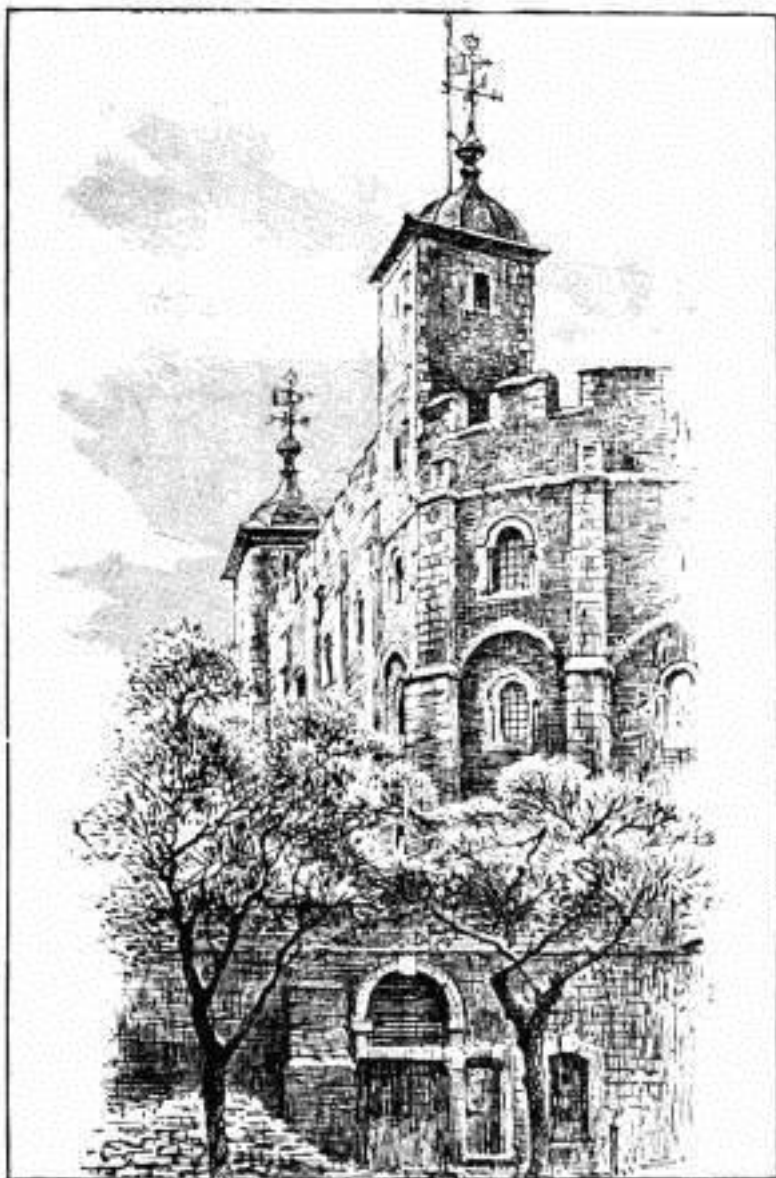
Лондонский город породил тех, кто
подчинил себе многие королевства и
Римскую империю, и многих других,
которые, будучи властелинами этого мира,
были обожествлены в другом: как оракул
Аполлона обещал Бруту:

Брут, ты найдешь остров на западе,
За галлами, окруженный морем;
Направь туда свой путь, чтобы отдохнуть,
И там возродится вторая Троя.
Цари из наследников твоих и завоевателей
появятся,
Которые весь мир подчинят себе.

А во времена христианства это привело к
появлению благородного императора
Константина, который отдал город Рим и все
императорское оружие Богу и святому
Петру, а также Сильвестру Папе, чье стремя
он не хотел держать и предпочитал
называться защитником Святой Римской
Церкви, а не императором. И чтобы не
нарушать покой нашего господина Папы
шумом мирских дел, он покинул город,
передал его Папе и основал город
Константинополь для своего обитания.
Лондон также в эти последние времена
породил знаменитых и великолепных
принцев: Мод Императрица: короля Генриха
Третьего и Томаса архиепископа, славного
мученика Христова, более невинного и
более преданного общему благу латинского
мира".

В связи с этим важным документом необходимо сделать некоторые заметки. По словам Фиц-Стефена, существовало тринадцать больших конвентуальных церквей и 126 меньших приходских церквей. В число тринадцати конвентуальных церквей входили, как можно предположить, собор Святого Павла, при котором находилась коллегия священников, собор Святого Мартина ле Гранд, Приорат Святой Троицы, собор Святой Марии Овери, госпиталь Святой Катерины у Тауэра, приход Святой Катерины у Тауэра, собор Святой Катерины у Тауэра. Катерины у Тауэра, приорство Святого Варфоломея, приорство Святого Иоанна,

женский монастырь в Клеркенуэлле, госпиталь Святого Иакова, госпиталь Святой Марии, госпиталь Святого Фомы Аконского, госпиталь Святого Джайлса и аббатство Бермондси. Однако вполне возможно, что в его список не входили такие отдаленные от Лондона дома, как Сент-Джайлс, Сент-Джеймс и Бермондси. В него точно не входило Вестминстерское аббатство. Количество приходских церквей указывает на то, что Сити теперь был полностью разделен на приходы. Со времен Исповедника до Великого пожара в приходах Сити произошло мало изменений, если они вообще были. После него многие из старых приходских церквей не были восстановлены, и в настоящее время мы постоянно наблюдаем безжалостное разрушение старых церквей и старых объединений. Мы уже пытались получить некоторое представление о численности населения из других источников; мы можем попробовать еще раз, рассмотрев количество церквей. Каждый житель Города, разумеется, принадлежал к своей приходской церкви; каждый был вынужден подчиняться церкви, поститься в постные дни и регулярно посещать мессу по воскресеньям и святым дням. Если допустить, что на каждую церковь приходилось по 800 душ - мужчин, женщин и детей, - то в целом получалось 108 200 человек. И это, с учетом колебаний, вызванных потерями от чумы или войн, которые иногда достигают 100 000, а иногда снижаются до 50 000, я считаю средним населением Лондона на протяжении многих веков.

БЕЛАЯ БАШНЯ

Палатинская башня Фиц-Стефана - это Белая башня, а две другие башни - замок Байнард и Монфишет, построенные недалеко от слияния Флита с Темзой. Фиц-Стефан с извинительным преувеличением говорит о северных полях, которые все еще были не осушены и покрыты болотом и трясинной. К "пахотным полям" относились те, что принадлежали монахам Вестминстера к югу от Холборна и Оксфорд-стрит. Семь ворот - Олдгейт, Бишопсгейт, Крипплгейт, Олдерсгейт, Ньюгейт, Ладгейт и Бриджгейт. Обратите внимание, что стена со стороны реки к этому времени исчезла: она либо обрушилась, либо была снесена. Ее фундамент был частично вскрыт в наше время. Речная стена стала практически бесполезной после возведения Тауэра и распространения складов вдоль берега. Мост можно было использовать для предотвращения прохода кораблей под арками, так что верхняя часть реки была в безопасности, а Тауэру можно было доверить защиту небольшой части города под мостом, к которой, к тому же, можно было подойти только по узкой лестнице или по набережным.

"Ремесленники разных ремесел, торговцы разными товарами и всякого рода рабочие имеют каждый свою отдельную станцию, которую они занимают каждое утро". Это говорит о том, что люди выставляли свои товары и занимались своими делами в определенных местах. Здесь у них были свои "селды" - большие навесы, защищенные от непогоды, в которых вещи выставлялись на продажу. Современный фруктовый рынок - это сельд; раньше сельды были для всего, и сельдом могла быть одна лачуга или большой рынок, как Лиденхолл. Названия современных улиц хранят память об этих сельдах. Медовый переулок, Молочная улица, переулок Сопера, Лесная улица, Птичник, Пятничная улица (где продавалась еда, приуроченная к пятнице) и так далее. Фиц-Стефан дает приятное представление об оживленном и процветающем городе. Если бы только писатель был более подробным! Но мы благодарны и за то, что получили: мы не могли бы уделить ни слова тому, что написано.

А ведь он так много рассказывает в нескольких словах. Что, например, может быть более полным и более поражающим воображение, чем его описание лондонских матрон в одном слове, емком и полном смысла? Они "сабинянки!" - "Sabinae sunt!"

"Quod si pudica mulier in partem juvans,

Domum atque dulces liberos:

Sabina qualis."

ГЛАВА VIII

УЛИЦЫ И ЛЮДИ

В это время Сити занимал ту же площадь, что и римская Августа. Болота и топи со всех сторон мало изменились по сравнению с доисторическими временами, когда Лондон еще не существовал, если не считать проторенных троп или дорог, ведущих на северо-запад и восток, а также дамбу, ведущую на юг. Прямо через центр города протекал Уолбрук, который

поднимался на болоте и впадал в реку через водопропускное сооружение. В норманнское время Уолбрук был одним из главных источников воды, которым располагал город. Лондон получал воду из реки Флит на западе, из Уолбрука в центре, из колодцев, разбросанных по городу, и из некоторых источников, о которых нам мало что известно. В наши дни, например, под юго-западным углом Банка Англии есть источник воды, который, как и прежде, течет по руслу древнего Уолбрука. Но до сих пор в городе не было водопровода.

В городе было 126 приходских церквей, все они принадлежали саксонскому Лондону, о чем свидетельствуют святые покровители, которым они посвящены. Нормандское завоевание ничего не добавило к списку церквей. До завоевания единственным религиозным домом в стенах города был собор Святого Мартина ле Гранд, который являлся колледжем каноников (см. с. 212). Легенда описывает основание небольшого женского монастыря на южном конце паромы через реку. Там же находился и соборный приют. Пока еще не было ни монахов-подвижников, проповедующих на улицах и просящих милостыню в домах, ни монастыря, возводящего величественную церковь или принимающего пожертвования верующих. Приходская церковь не имела ни фундамента, ни пожертвований на костел, ни пострига, ни дня памяти. Учреждение собора было небольшим и скромным по сравнению с тем, что было в тринадцатом веке. Епископ жил в своем дворце рядом с собором Святого Павла. Собор и сейчас можно было бы назвать величественной церковью; он был низким, с толстыми колоннами и круглыми арочными окнами, которые уже были заполнены расписным стеклом. Приходские церкви были совсем маленькими и по большей части деревянными: название All Hallows Staining, или All Hallows Stone, говорит о том, что церковь из камня была исключительным явлением.

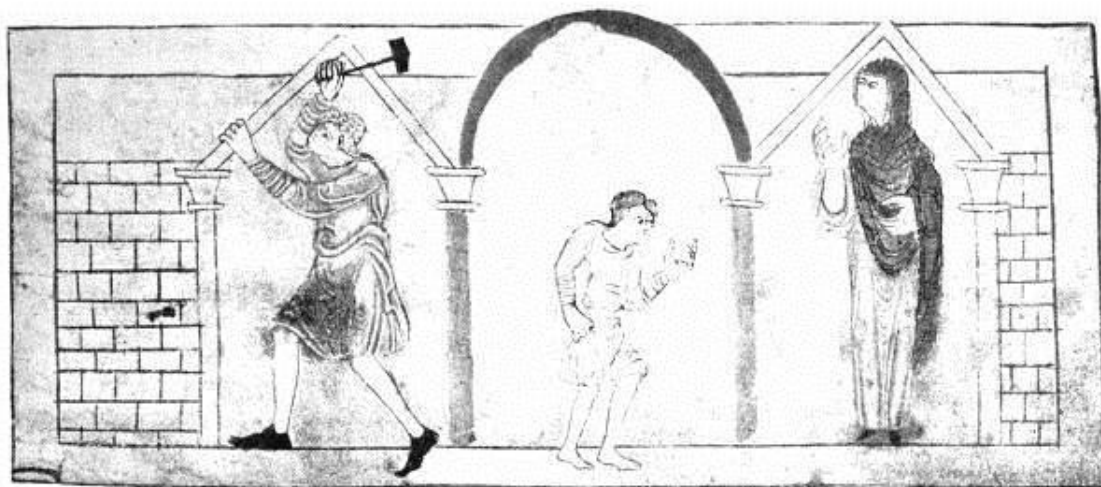

ИЗОБРАЖЕНИЕ ОРИОНА

Тиб. MS., B. v. (XI в.).

Как мы уже видели, в городе было две крепости, обе принадлежали королю . Современное представление об улице с противоположным рядом домов, расположенных в одну линию, должно быть полностью отброшено, когда мы возвращаемся в одиннадцатый век. На самом деле, совершенно невозможно проложить улицу так, как она существовала в то время. Самая главная улица Сити, Темз-стрит, конечно, имела довольно ровную линию на южной стороне; старый ход речной стены и набережные заставляли ее выравнивать; но на северной стороне улица была иногда узкой, иногда широкой, потому что не было такой причины для ровной линии; иногда большой дом выходил двускатным фасадом на улицу; иногда между ними располагался сад или склад, оставляя широкое пространство впереди. Что касается регулярности выравнивания, то о ней никто и не думал; даже во времена королевы Елизаветы только главные улицы, такие как Чипсайд, обладали такой регулярностью. На

одной из выставок, прошедшей несколько лет назад, была представлена экспозиция, которую называли улицей старого Лондона. Дома были представлены как выстроенные в одну линию, как это было бы сегодня, или как это было в Чипсайде во времена Елизаветы. Если рассматривать ее как улицу Лондона времен Плантагенетов, то она была абсурдной, но никто не взял на себя труд сказать об этом, и это многих порадовало.

РЕМЕСЛЕННИК ЗА РАБОТОЙ НАД ДОМОМ

Из Claud MS., B. iv. (XI в.).

В северной части Сити поместья, которые были первоначальными палатами Сити, в XI веке все еще принадлежали семьям, которые владели ими на протяжении многих поколений; даже со времен переселения Сити Альфредом. Имена некоторых старых семей Сити сохранились до наших дней. Например, Букерель, Оргар, Эйлвин, Ансгар, Луард, Фаррингдон, Хаверхилл, Бейсинг, Хорн, Алгар и другие. В южной части, вдоль реки, они, вероятно, уже давно были проданы и разрезаны на части, как это происходит в наше время, для строительства. Северный квартал, однако, был застроен не так плотно, и поместья все еще сохраняли что-то вроде сельского облика с обширными садами и огородами. Поэтому в этом квартале нашли свое место промышленные предприятия города. Следует помнить, что в средневековом городе производилось все, что требовалось для повседневной жизни. В наше время мы разделили отрасли: например, тысяча и одна вещь из железа производится в Бирмингеме; наши ножи и столовые приборы - в Шеффилде; но в одиннадцатом веке Лондон сам производил железо, сталь, золотых и серебряных дел мастера, шорники, кожу, мебель - все. Ремесленники собирались вместе по своим профессиям: во-первых, потому что ремесло передавалось по наследству по неписаному закону и обычаю, так что люди одного ремесла женились в своем ремесле и составляли отдельное племя; все они были одной семьей; во-вторых, потому что для каждой профессии был только один рынок или место продажи: шорники имели свои сараи или магазины, ювелиры - свои, и так далее; отдельный ремесленник, если бы такой человек мог существовать, не нашел бы возможности продавать свои изделия, кроме как в назначенном месте. Магазинов не было, разве что на рынках. Далее, ремесленники должны были жить вместе, потому что у них были свои мастерские и общие инструменты и приспособления; и наконец, потому что ремесло, работающее не более чем на нужды города, должно быть осторожным, чтобы не производить слишком много, не принимать слишком много учеников и следить за уровнем работы. Поэтому каждое ремесло жило вместе, по своим законам и правилам, с надзирателем и руководящим органом. Люди задолго до создания современных профсоюзов понимали, что означает профсоюз; они создавали эти союзы не только потому,

что они были созданы в интересах всех, но и потому, что они были абсолютно необходимы для простого существования.

Они жили, я говорю, вместе и рядом друг с другом; у каждого ремесла была своя группа домов или коттеджей - возможно, просто хижины из плетня с соломенными крышами и отверстием в крыше, чтобы выходил дым. И жили они в северной части Лондона, потому что она была малонаселенной и удаленной от тех, кого шум их работы мог оскорбить. Одним из доказательств сравнительной малонаселенности северного квартала служит тот факт, что к югу от Чипсайда находилось более чем в два раза больше церквей, чем на севере.

Когда эти люди начали собираться вместе, а это было задолго до норманнского завоевания, фактически вскоре после поселения Альфреда, они строили свои коттеджи каждый на свой вкус. Таким образом, один дом выходил на восток, другой - на юг, третий - на северо-запад. Извилистые дороги были нужны не для телег или транспортных средств, которые не могли использоваться в этих узких переулках; только для сообщения, по которому вещи, сделанные ремесленниками, могли быть доставлены в Чипсайд, Истчип или куда-либо еще, где их продукция была выставлена на продажу. Таким образом, с северной стороны Чипсайда Лондон представлял собой скопление деревень с приходскими церквями. В каждой деревне жили ремесленники, занимавшиеся каким-либо ремеслом или тайным делом. Возможно, одна и та же приходская церковь служила для двух или более таких деревень. По нашим представлениям, эта часть Лондона была чрезвычайно живописной. Приходские церкви были небольшими и, как я уже говорил, в основном деревянными; вокруг них располагались дома и мастерские ремесленников; вокруг церкви - зеленый церковный двор; на севере между домами и стеной - фруктовые сады и огороды. Между домами пролегла дорожка от деревни до Западного или Восточного Чепе, извилистая и поворотная, то узкая, то широкая; хозяйки несли изделия, как только они были сделаны, на рынок, где они выставлялись на продажу весь день; из каждой из этих деревень с шести утра до восьми вечера доносились звуки труда: стук молота по наковальне, грохот печи, скрежет пилы и множество стуков, ударов и стуков работы и промышленности; это было оживленное и трудолюбивое место, где в городе производилось все, что было нужно городу.

О гильдиях, или гильдиях, в связи с появлением Компаний мы поговорим отдельно. Однако следует помнить, что гильдии уже существовали, и их было много. (См. *Mediæval London*, vol. ii. p. 108.)

Мы говорили о северном квартале Лондона. Обратимся к той части, которая располагалась к югу от Чипсайда. После демонтажа речной стены последовало, но постепенно, восстановление береговой полосы вдоль северного берега.

Мы уже видели, как были построены первые порты Лондона - Уолбрук и Биллингсгейт. Первая, естественная, но очень маленькая гавань, была защищена башнями или бастионами с обеих сторон и снабжена причалами, опирающимися на сваи, вбитые в ил. Вторая была просто вырезана из ила и галечника, поддерживалась в форме сваями, вбитыми вплотную друг к другу, и снабжалась причалами, уложенными на сваи. По мере роста торговли причалы увеличивались не только в боковом направлении, но и выдвигались все дальше в берег. Подумайте, что этот процесс происходил постоянно, что не только расширялись набережные, но и строились склады и всевозможные дома на наклонном берегу. На разрезе показано, что происходило. Набережная (*Q*), опирающаяся на сваи, вбитые в русло реки (*ab*), перед отлогим берегом (*bc*); склад, возведенный позади нее, упирающийся в стену: ровное пространство (*cd*), расчищенное для стены (*W*), где сейчас находится Темз-стрит: низкий холм позади (*de*). Стена мешала: без власти, без приказа люди пробивали ее столбами, ведущими к набережным и лестницам; без власти они постепенно срывали ее.

Невозможно сказать, когда начался этот снос; речная стена стояла во времена Кнута, но больше не появлялась. Когда был построен Квин Хайт (Хайт Эдреда), по размерам и форме похожий на порт Биллингсгейт, либо для него пришлось делать постерн, либо постерн уже существовал.

Намыв берега (см. с. 125) был очень важным дополнением к площади Лондона: он добавил участок земли длиной 2200 ярдов и шириной в среднем 100 ярдов, *то есть* около сорока пяти акров земли, которая в настоящее время была покрыта узкими переулками между складами. Эти переулки, многие из которых сохранились и представляют собой любопытные места для посещения, вели к речным лестницам и служили жильем для людей, занятых в порту.

Что касается демонтажа стены, то точно такой же процесс происходил в XVII и XVIII веках, когда жители начали постепенно сносить городскую стену; они строили против нее, перед ней и за ней, и никто им не мешал.

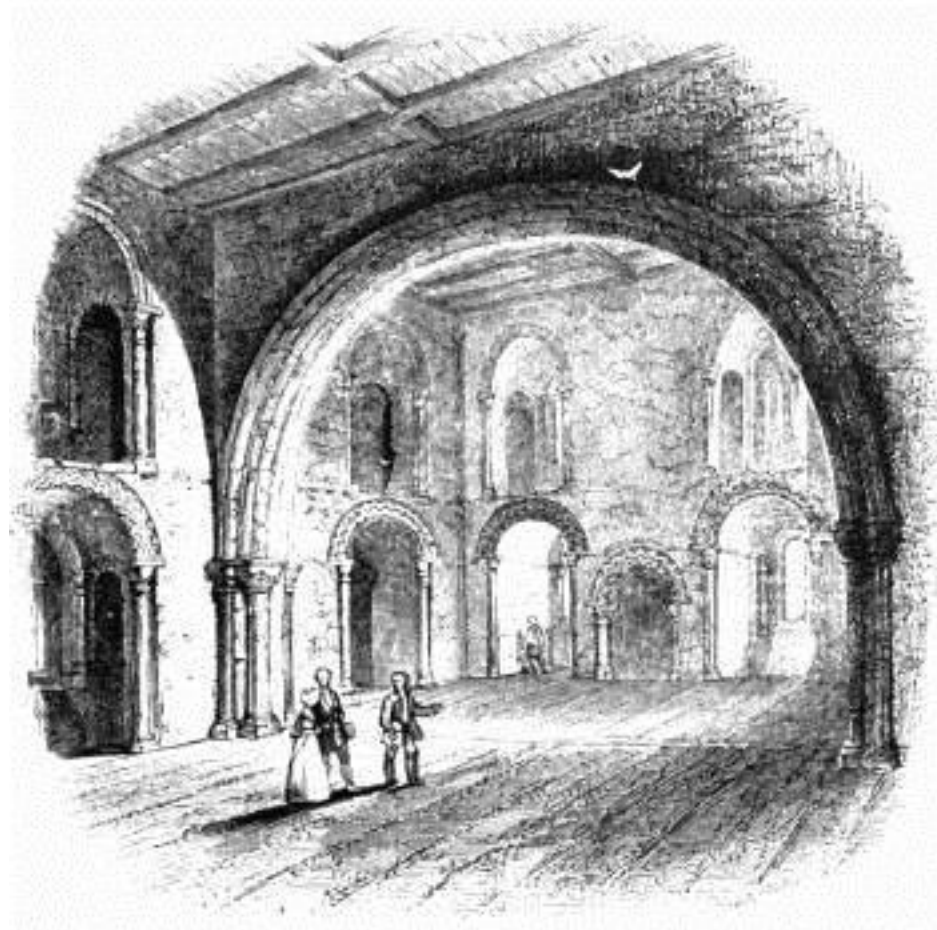
Нижняя часть города была гораздо более многолюдной: если мы возьмем карту Лондона и посчитаем церкви, расположенные к северу и югу от Чипсайда и Корнхилла, этот факт предстанет перед нами со всей очевидностью. Так, к северу от этой границы находится тридцать одна, а к югу - шестьдесят восемь, если считать приблизительно. В нижней части города находились пристани и склады, жилища людей, занятых на погрузке и разгрузке кораблей, таверны и места, где трапезничали матросы и другие подобные люди; узкие переулки и отсутствие исторических домов в части к югу от Темз-стрит показывают, что это место после отвоевания берега всегда было тем, чем оно является сейчас, - либо складами, либо местом проживания служилых людей. Многие купцы жили на возвышенности к северу от Темз-стрит. Поэтому мы находим здесь множество залов компаний: здесь позднее Уиттингтон имел свой господский дом, в котором он давал интервью королям; здесь в рассматриваемое нами время жили норманнские дворяне и рыцари, имевшие дома в Сити. Так, в Локоть-лейн жил Пон-де-л'Арк, второй основатель Сент-Мэри Оверис. У графов Арундель был дом в Ботолф-лейн, Биллингсгейт; лорд Бомонт - но это было позже - жил рядом с пристанью Пола; Генри Фиц-Эйлуин, первый мэр Лондона, жил рядом с Лондонским камнем.

Не думаю, что какой-либо из домов нормандского Лондона мог сравниться с дворцами, возведенными купцами XIV века, - среди них не было такого места, как Кросби-холл; но все же это были хорошие и величественные дома. Там был большой зал, в котором жила вся

семья: Огонь разводили в камине с открытыми решетками; дым поднимался на крышу, где находил выход через фонарь; окна, возможно, были застеклены - торговцы стеклом появились в стране в XI веке; если они не были застеклены, их закрывали белой тканью, пропускавшей свет; Две дневные трапезы подавались на столах, состоящих из досок, положенных на топчаны; слуги спали на полу на камышах, каждый с поленом дерева для подушки и завернувшись в свое одеяло; у хозяина дома была одна или несколько спален над кухней, называемой Солар, где он спал на кроватях, он сам, его жена и семья. В другом конце зала находилась комната под названием Ladies' Bower, где дамы дома сидели днем со служанками. Если вы хотите увидеть восхитительный образец средневекового дома с залом, солярием и башенкой в полном комплекте, вы можете увидеть его в замке Стоуксей, недалеко от Ладлоу.

В домиках ремесленников люди, похоже, спали на соломе. Однако в четырнадцатом веке мы видим, что ремесленники в изобилии снабжены одеялами, подушками и перинами.

По сути, в этот период мы можем разделить Город на параллельные пояса, в зависимости от характера и призвания жителей. Все, что связано с экспортом, импортом и оптовой торговлей, происходило на Темз-стрит и на ее пристанях: носильщики, стивидоры, слуги и моряки жили в узких переулках вокруг Паддл-дока на одном конце Темз-стрит и Тауэр-хилл на другом. Это первый пояс - пояс порта. На возвышенности к северу жили купцы и представители высшего сословия. Это второй пояс. Далее следует широкая полоса земли, ограниченная Уотлинг-стрит и Истчипом с юга и воображаемой линией немного севернее Чипсайда с севера; она была отдана в основном под розничную торговлю, и это третий пояс. Моя теория иллюстрируется названиями. Так, в этом поясе розничной торговли все названия улиц указывают на рынки, а не на фабрики.

НОРМАН ХОЛЛ

Четвертый пояс - это тот квартал, где находились промышленные предприятия, а именно большая часть Сити, лежащая к северу от Чипсайда и Корнхилла. Позвольте мне повторить, что Лондон был ульем промышленных предприятий: Я насчитал в XIV веке целых 284 ремесла, упомянутых в книгах; и, конечно, должно было быть много других, не упомянутых.

Я уже обращал внимание на то, что в одиннадцатом веке в лондонском Сити был всего один религиозный дом. Учитывая то огромное количество, которое возникло в последующие столетия, это кажется удивительным. Однако давайте напомним себе о важной особенности в истории религии и религиозных домов в этой стране. Я имею в виду сменяющие друг друга волны религиозного энтузиазма, которые время от времени обрушивались на наш народ. В восьмом веке на саксонскую Англию обрушилась одна из таких волн - самая любопытная и беспримерная волна религиозного воодушевления. По всей стране распространился такой же дух эмоциональной религиозности, как на американских лагерных собраниях или на собраниях Армии спасения, - мужчины и женщины, включая королей и королев, графов и принцесс, благородных танов и леди, были одинаково охвачены идеей, что единственный способ спастись от грядущего гнева - это монашеская жизнь; поэтому они толпились в религиозных домах и заполняли их все. После долгой борьбы с датчанами в течение двухсот лет не было больше энтузиазма в отношении религиозной жизни, потому что все мужчины были нужны для армии, а все женщины - чтобы стать матерями еще большего числа сражающихся мужчин.

Поэтому холодность, с которой лондонцы относились к религиозной жизни, была вызвана абсолютной необходимостью бороться за свое существование. Одного религиозного дома, да и то не монастыря, а колледжа, им было достаточно: большего они не хотели. Но Лондон никогда не был безрелигиозным; в нем еще не было ненависти к церкви или священнику, не было подозрительности или недоверия к доктринам, которым учит мать-церковь. В течение трехсот лет горожане не чувствовали никакого призыва к монашеской жизни. В царствование Генриха Первого вторая волна религии, о которой я уже дважды говорил, обрушилась на народ, и особенно на жителей Лондона. Это была та самая волна, которая побудила французов к крестовым походам. Под влиянием этого нового энтузиазма основатели религиозных домов возникали во всех направлениях. Уже в 1086 году лондонский купец Эйлвин основал аббатство Святого Спасителя в Бермондси. В аббатстве Бермондси предполагалось создать фундамент, в точности напоминающий Вестминстерский собор Святого Петра. Как и последний дом, аббатство Бермондси было основано на низменном островке среди тростника на широком болоте у реки. Этому дому суждено было иметь долгую и интересную историю, но ни в коем случае не быть соперником или сестрой Вестминстера. Другой религиозный дом - госпиталь и приорство Святого Варфоломея, основанный Раэром, который, по разным данным, был шутом, менестрелем, человеком низкого происхождения и рыцарского рода. Его происхождение не имеет значения, однако его фонд существует до сих пор и ежегодно оказывает помощь тысячам страждущих и больных (см. *Mediæval London*, vol. ii. p. 250).

Всем известна церковь Святой Марии Овери, которую обычно называют церковью Святого Спасителя, расположенная за рекой. Эта церковь принадлежала Религиозному дому, основанному или перестроенному и возвеличенному двумя нормандскими рыцарями. Мы уже рассказывали о церкви Святого Джайлса в полях. В Клеркенвелле около 1100 года был основан женский монастырь; там же находился Дом святого Иоанна (см. *Mediæval London*, vol. ii. p. 270). Последним из домов, связанных с этим религиозным возрождением, является Приорат Святой Троицы в Олдгейте. Он был основан одним норманном как дом августинских

каноников. Королева, саксонская королева Генриха Первого, Матильда, наделила его землей и доходами Олдгейта. Следует признать, что это религиозное возрождение было как продолжительным, так и по-настоящему глубоким, поскольку очень многие были захвачены им и побуждены либо основать дома религии, либо принять на себя религиозные обеты.

ТРИ ЕПИСКОПА

Nero MS., C. iv. (XII в.).

Есть еще одна иллюстрация этого религиозного возрождения двенадцатого века. Это гильдия или гильдия Книхтен. Одни писатели видят в этой гильдии утраченную купеческую гильдию города, о которой я уже говорил (см. *Mediæval London*, vol. ii. p. 113), а в действиях лидеров - разрушение купеческой гильдии. Другие видят в этом гильдию для защиты города. Признаюсь, я не могу понять, почему купеческая гильдия всего города должна быть уничтожена действиями пятнадцати лидеров, как и то, как коммерческая ассоциация, служащая общему благу, может быть разрушена несколькими ее наиболее важными членами. Кроме того, очень трудно утверждать, что эта гильдия Цнихтена в каком-либо смысле соответствовала купеческой гильдии; и я хотел бы спросить, какое отношение имеет купеческая гильдия к борьбе? Тем не менее, Стоу, несомненно, сохранил традицию сражений вокруг Гильдии Цнихтен. Теория о том, что существовала компания или гильдия, чьей обязанностью было организовывать оборону города, быть офицерами ополчения, состоящего из всех трудоспособных мужчин в стенах, кажется, объясняет все. Эти солдаты-граждане уже шесть раз отбивали датчан, поэтому у них был почетный послужной список.

Когда Вильгельм вступил во владение городом, он старался ничего не нарушать; поэтому он не стал беспокоить гильдию Книхтен. Однако если целью их существования была оборона города, то им больше нечего было делать; ведь когда Вильгельм построил Белую башню на востоке и Монфишет на западе, он практически сказал солдатам-горожанам: "Я позабочусь о вашей обороне; ваша работа закончена".

Возможно, это теория и фантазия. По мне, так гильдия Книхтена объясняется более естественно, чем гильдия торговцев. Ибо можно понять, что наступит время, когда необходимость в такой защитной гильдии отпадет; но нельзя понять, каким образом любое время или любое сочетание обстоятельств сделают необходимым или даже допустимым для лидеров сдачу или уничтожение купеческой гильдии, которая регулировала всю торговлю города и была выше и выше всех других гильдий.

Факты дела таковы: их значение и важность были неверно поняты, пока их не разъяснил мистер Дж. Х. Раунд. Однако в 1881 году мистер Х. К. Кут прочитал доклад на эту тему в Археологическом обществе Лондона и Мидлсекса. Вкратце они сводятся к следующему:-

Земля, которая сейчас является приходом Портсокена, *то есть* "Сок" или "Сокн" города, находилась в руках определенного органа, известного как Гильдия Книхтен. Их было пятнадцать, чьи имена сохранились. Это были Раульф, сын Алгода; Вульвард ле Довериш; Оргар ле Прюд; Эдвард Апкорнхилл; Блэкстан и Олвин, его кузен; Эйлвин и Роберт, его брат, сыновья Леофстана; другой Леофстан, золотых дел мастер, и Вызо, его сын; Хью, сын Вульгара; Оргар, сын Деремана; Алгар Фекусенн; Осберт Дринчейн и Аделард Хорневицум. Эти люди, все лондонские горожане с положением, владели землями на правах доверительного управления как члены Гильдии.

Гильдия называлась Cnihten Gild - Гильдия солдат. Среди прочего, они владели хартией короля Эдуарда Исповедника. Она гласила следующее.

"Эдуард Король приветствует Ильфварда Епископа, Вульфгара Портрива и всех бургов Лондона как друга. И я сообщаю вам, что я хочу, чтобы мои люди в английской рыцарской гильдии сохранили свои права на владение городом и на владение своими людьми; и я хочу, чтобы они сохранили добрые законы (*то есть* привилегии), которые они имели во времена короля Эадгара и во времена моего отца и Кнута; и я также (?)²⁷ с Богом и с людьми и не позволю, чтобы кто-нибудь обидел их, но все они должны быть в мире, и да хранит вас всех Бог".

Таким образом, существовали хартии Эдгара, Этельреда и Кнута. Хартия Эдуарда предполагает существование гильдии во времена Эдгара. По саксонским обычаям гильдия считалась законной, когда ее создавали члены; согласие короля было изобретением норманнских времен. И все же кажется вероятным, что гильдия была впервые основана в правление Эдгара по причинам, изложенным Кутом.

"Непосредственно перед восшествием на престол этого короля возникла весьма убедительная необходимость в том, чтобы город озаботился усилением защиты - какими-то регулярными и устоявшимися средствами, которые должны были обезопасить его жителей от внезапных и скрытных нападений во время хронической войны, к которой уже некоторое время склонялся век. Была гражданская война, вызванная отвращением части народа к беспримерной распущенности короля Эадвига, и в этой войне, как утверждают историки, сильно пострадали окрестности Лондона. Во время войны по обе стороны Темзы в непосредственной близости от Сити происходили бои и разрушения".

Таким образом, гильдия Книхтен, по-видимому, была объединением, основанным с целью обеспечения на все случаи жизни постоянного гарнизона для обороны. В правящий орган входило определенное количество ведущих граждан Лондона: они были офицерами Гильдии. Они распоряжались средствами и имуществом, принадлежащим Гильдии, занимались ремонтом стены и ворот, а также поставляли оружие. Собрать и содержать такой гарнизон можно было только с помощью Гильдии, члены которой давали клятву повиновения. Сколько членов было в Гильдии вначале, неизвестно. Однако вполне вероятно, что к 1125 году, когда пятнадцать человек, названных выше, были описаны как "из древнего рода благородных английских воинов", Гильдия превратилась в небольшое сословие, все еще владеющее собственностью; хотя, как мы уже говорили, у них не могло быть никаких обязанностей, которые они должны были выполнять.

Вильгельм, однако, признал существование Гильдии и выдал им хартию. Она утрачена, но сохранившаяся хартия Уильяма Руфуса ссылается на нее.

"Вильгельм, король Англии, епископу М. и Г. де Магнавилю и Р. Дельпару и его сеньорам из Лондона, приветствие. Знайте, что я пожаловал людям из *гильдии Снихтен* их гильдию и земли, которые им принадлежат, со всеми обычаями, как это было во времена короля Эдуарда и моего отца. Свидетель Генрих де Бот, в Ретинге".

Генрих I также даровал им хартию, в которой он ссылается на хартии своего отца и брата: - "Генрих, король Англии, в честь короля Эдуарда и моего брата.

"Генрих, король Англии, епископу М., *герере* Лондона и всем своим баронам и лондонским сеньорам, французским и английским, приветствует вас. Знайте, что я пожаловал всем людям из *гильдии Снихтен* их гильдию и земли, которые им принадлежат, со всеми обычаями, как было лучше во времена короля Эдуарда и моего отца, и как мой брат пожаловал им письмом и своей печатью, и я запрещаю под страхом конфискации для меня, чтобы кто-либо посмел нанести им ущерб в отношении этого. Свидетели: Р. де Маунтфорд, Р. Бигот и Х. де Бут, в Вестминстере". (London and Middlesex, 1881, vol. v. p. 488.)

Через 60 лет после Завоевания гильдии, осознав, что первоначальная причина их объединения больше не существует, предложили распуститься. Что им было делать с имуществом, которое они опекали? Это была собственность города: она должна была быть использована на благо города. Что же, по понятиям того времени, они могли сделать с этим имуществом, кроме как передать его церкви и просить молитв святых людей? Поэтому они попросили у короля разрешения передать собственность Приору Святой Троицы. Его согласие было получено. Король назначил уполномоченными по передаче Обри де Вера (который впоследствии был убит во время уличных беспорядков) и Герваза из Корнхилла, а документ был подписан членами Гильдии, имена которых уже приводились выше.

Следующий документ цитируется мистером Кутом по записям суда по обыскам в Гилдхолле:...

"Anno ab incarnatione domini Millesimo centissimo octauo et Anno regni gloriosi Regis Henrici octauo fundata est ecclesia Sancte Trinitatis infra Algate Londoñ per venerabilem Reginam Matildam uxorem Regis predicti, et Consilio sancti Archipresulis Anselmi data est dicta ecclesia Normanno Priori primo tocius regni Canonico. A quo tota Anglia Sancti Augustini Regula ornatur et habitu canonicali vestitur et congregatis ibidem fratribus augebatur in dicta ecclesia multitudo

laudancium deum die ac nocte ita quod tota ciuitas delectabatur in aspectu eorum. In tantum quod anno ab incarnatione domini millesimo centesimo vicesimo quinto quidam burgenses Londonie ex illa antiqua nobilium militum Anglorum progenie, scilicet Radulfus filius Algodii Wulwardus le Doverisshe, Orgarus le Prude, Edwardus Upcornhill, Blackstanus et Alwynus cognatus eius, Ailwinus et Robertus fratur eius filii Leostani, Leostanus Aurifaber, et Wyzo filius eius, Hugo filius Wulgari, Algarus fecusenne (*sic*) Orgarus filius Deremanni, Osbertus Drinchewyn, Adelardus Hornewitesume (*sic*) conuenientes in capitulo ecclesie Christi que sita est infra muros eiusdem ciuitatis iuxta portam que nuncupatur Algata dederunt ipsi ecclesie et canonicis Deo seruientibus in ea totam terram et socam que dicebatur de Anglissh Cnithegilda urbis que muro adiacet foras eandem portam et protenditur usque in fluuium Thamesiam. Dederunt inquam suscipientes fraternitatem et participium beneficiorum loci illius per manum Normanni Prioris qui eos et predecessores suos in societatem super textum evangelii recepit. Et ut firma et inconutta (*sic* for inconcussa) staret hec eorum donacio cartam sancti Edwardi cum aliis cartis prescriptis quas inde habebant super altare optulerunt. Et deinde super ipsam terram seisiuerunt predictum priorem per ecclesiam sancti Botulphi que edificata est super eam et est ut aiunt capud ipsius terre. Hec omnia facta sunt coram hiis testibus Bernardo Priore de Dunstap'l, etc. etc. Miserunt ergo predicti donatores quendam exseipsis, Ordgarum scilicet le Prude, ad regem Henricum petentes ut ipse donacionem eorum concederet et confirmaret. Rex vero libenter concessit predictam socam et terram prefate ecclesie liberam et quietam ab omni servicio sicut elemosinam decet et cartam suam sequentem confirmauit." (London and Middlesex, 1881, vol. v. pp. 477-478).

Передаваемое таким образом "soc" было правом отправлять правосудие, гражданское или уголовное, в отношении мужчин или несовершеннолетних арендаторов гильдии. Таким образом, это право отныне принадлежало настоятелю монастыря, который, когда Портсокен становился приходом, *по должности становился* олдерменом этого прихода.

Весьма примечательно, что авторы этого документа всегда, вплоть до мистера Раунда, полагали, что пятнадцать человек, составлявших Гильдию, вошли в Приорат и приняли обеты ордена.

Латинские слова, однако, совершенно ясны. Я повторяю их: "Dederunt, inquam, suscipientes fraternitatem et participium beneficiorum loci illius per manum Normanni Prioris qui eos et predecessores suos in societatem super textum evangelii recepit."

То есть

"Принятие братства и доли в благах этого места через руку Нормана Приора, который принял их и их предшественников в Общество на основании текста Евангелия".

При каждом монастыре существовало братство, численность которого не была ограничена: его обязанности не были определены: вероятно, не было никаких обязанностей, кроме посещения монастыря раз в год или около того, и даров Дому в соответствии с возможностями и средствами дарителя. В час смерти члены облакались в мантию ордена. Гильдия, таким образом, вступила в Братство и получила, подарив эту землю, все преимущества, которые Братство могло бы требовать от своей связи с Домом для себя *и своих предшественников*.

Их предшественники не могли вступить в Дом; не могли и они, поскольку находились на тех же основаниях, что и их предшественники".

Раунд иллюстрирует эту мысль следующим примечанием: - "Хорошие примеры можно найти в истории.

"Хорошие примеры можно найти в Картулярии Рэмси, где в 1081 году благотворитель аббатства "suscepit e contra a domino abbate et ab omnibus fratribus plenam fraternitatem pro rēge Willelmo, et pro regina Matilda, et pro comite Roberto, et pro semetipso, et uxore sua, et filio qui ejus erit heres, et pro patre et matre ejus, ut sunt participes orationum, elemosinarum, et omnium beneficiorum ipsorum, sed et omnium fratrum sive monasteriorum a quibus societatem susceperunt in omnibus sicut ex ipsis." Еще лучше такая параллель: "Reynaldus abbas, et totus fratrum conventus de Rameseya cunctis fratribus qui sunt apud Ferefeld in gilda, salutem in Christo. Volumus ut sciatis quod vobis nostram fraternitatem concessimus et communionem beneficii quam pro nobismet ipsis quotidie agimus, per Serlonem, qui vester fuit legatus ad nos, ut sitis participes in hoc et in futuro saeculo. Дата этой сделки была примерно такой же, как и дата принятия гильдии Цнихтен доли в "благах" Святой Троицы; и грант был аналогично сделан в обмен на пожертвование". (The Commune of London.)

Но он доказывает это еще более ясно, когда прослеживает последующую историю пятнадцати на протяжении многих лет после передачи акта и дела за пределы Приората.

Брак священников был животрепещущей темой того времени. Практически, священники в Англии тогда были так же женаты, как и англиканское духовенство сейчас; они женились, как будет показано далее, на семьях с хорошим положением и занимали примерно то же положение, что и сейчас. Но в Риме было решено, что среди духовенства должно быть введено безбрачие. Свидетельства хроник несколько противоречивы. Было два важных синода по церковным делам: первый состоялся в 1102 году, а второй - в 1108 году. Безбрачие духовенства представляется историку менее важным вопросом, чем возложение церковного сана на мирянина.

Флоренс Вустерский (около 1118 года) упоминает Синод 1102 года и ничего не говорит о вопросе безбрачия, но относит указы по этому вопросу к 1108 году. Он также полностью приводит семнадцать канонов, принятых на синоде 1125 года в Вестминстере Иоанном де Кремоной. Он ничего не говорит о замешательстве и позоре кардинала. Он также цитирует постановления Синода 1127 года.

Генрих Хантингдонский (около 1154 года) говорит: "На празднике св.

"В праздник святого Михаила в том же году - 1127 - Ансельм, архиепископ, провел синод в Лондоне, на котором запретил английским священникам жить с наложницами, что ранее не запрещалось. Одни считали, что это будет способствовать чистоте; другие же видели опасность в строгости, которая, требуя от священников воздержания выше их сил, может привести их к впадению в ужасную нечистоту, к большому позору их христианской профессии. На этом синоде несколько аббатов, которые приобрели свои преференции средствами, противоречащими воле Божьей, лишились их по приговору, соответствующему его воле".

А под 1125 годом он описывает визит Иоанна де Кремона с открытием, которое привело его миссию к поспешному завершению.

"На Пасху Иоанн Кремонский, кардинал Рима, прибыл в Англию и посетил все епископства и аббатства, не без того, чтобы ему было сделано много подарков".

"Этот кардинал, который на соборе горько ругался над наложницами священников, говоря, что это большой скандал, что они должны встать со стороны блудницы, чтобы сделать тело Христа, был в ту же ночь удивлен в компании с проституткой, хотя в тот же день освятил

носитель. Этот факт был настолько известен, что его нельзя было отрицать, и не следовало скрывать его. Высокая честь, с которой кардинала повсюду принимали, теперь превратилась в позор, и, по приговору Божьему, он направил свои стопы на родину в смятении и бесчестии".

Роджер Вендоверский (ум. 1256) говорит, что в 1102 году Ансельм отлучил священников, имевших наложниц. Он говорит, что Собор 1108 года был занят вопросом инвеституры. Что касается дела 1125 года, то он просто копирует Генриха Хантингдонского.

Мэтью Вестминстерский (около 1320 года) говорит, что в 1102 году Ансельм на синоде, состоявшемся в соборе Святого Павла, отлучил от церкви священников, которые содержали наложниц - проще говоря, были женаты.

Синод 1108 года, по его словам, был занят вопросом инвеституры. О кардинале Иоанне Кремонском он просто говорит: - "Упомянутый Иоанн, который в свое время был в Кремоне.

"Упомянутый Иоанн, который на соборе особенно осуждал всех священников, содержащих наложниц, будучи сам уличен в том же пороке, оправдывал его, так как говорил, что он не сам священник, а обличает священников".

Три напряженные попытки, предпринятые в 1102, 1108 и 1125 годах, показывают, какое значение придавала Римская церковь вопросу о браках священников.

Постановления деканов 1102 года, каноны 1125 года и статуты 1127 года являются откровением злоупотреблений, которые в то время были распространены в Церкви. Интересно сравнить эти постановления с состоянием Церкви в последующие века. Каноны (см. Приложение) объявили все церковные таинства, кроме брака, а именно, Они запрещали наследование церковного патроната; предписывали клеркам, владеющим бенефициями, незамедлительно рукополагаться в священники; должность декана или приора должен занимать священник, а архидиакона - как минимум диакон; только епископ должен иметь право изгонять любого человека из бенефиции; отлученный от церкви человек не должен принимать причастие ни от кого; чтобы плюралисты были вне закона; чтобы священники не имели в своих домах никаких женщин, кроме тех, которые не вызывают подозрений; чтобы браки были запрещены; чтобы колдуны были отлучены от церкви; чтобы священники, содержащие наложниц, были лишены своих благодеяний; чтобы наложницы были изгнаны из прихода; чтобы священники не держали ферм; чтобы десятины выплачивались честно; чтобы ни одна настоятельница или монахиня не носила одежды дороже, чем шерсть ягненка или шкура кошки.

Эти предписания были в высшей степени строгими. Тем не менее, похоже, что ими полностью пренебрегли. Сто лет спустя, когда на Англию был наложен интердикт, мы узнаем, что наложницы священников по всей стране должны были платить выкуп.

Ведь священники не отказывались от своих жен: они продолжали жениться; они также продолжали представлять своих сыновей к бенефициям. Одним словом, закон стал, как и большинство средневековых законов, неэффективным, потому что не было средств для его исполнения, а мнение народа было против него. С одной стороны, существовала опасность превращения священства в наследственную касту и перехода благодеяний по праву от отца к сыну - опасность, которая, как показывает последующая история англиканской церкви, была мнимой или преувеличенной; с другой стороны, существовали большие опасности, связанные с насильственным подавлением самой сильной страсти, самой непреодолимой

из всех страстей, в некоторых мужчинах просто непреодолимой, путем отрицания естественного обычая брака. И, как убедительно доказывает история, эти опасности не были мнимыми.

Что же касается ссоры между Генрихом и Ансельмом, то она относится скорее к истории страны, чем к истории Лондона.

ГЛАВА IX

СВЕТСКАЯ ЖИЗНЬ

Перейдем к рассмотрению повседневной жизни людей. Начнем с того, что это был занятой народ; здесь не было праздных людей: все занимались каким-то делом; были оптовые купцы, розничные торговцы и ремесленники. Я представил примерное деление лондонских улиц на пояса. Если вы думаете о том, как выглядит Сити, поймите, что на улицах вообще не было магазинов; не было и никакого крика вещей вверх и вниз по улицам. Вся розничная торговля велась на рынках, Вест-Чепе и Ист-Чепе, а оптовая - на Темз-стрит, рядом с причалами и складами.

Рынки были, во-первых, Биллингсгейтский - рыба, соль, лук, другие фрукты и корни, пшеница и все виды зерна; каждый большой корабль платил за "стойку" два пенса; каждый маленький корабль - один пенни; меньший корабль - один пенни; меньшая лодка - полпенни; за каждые две четверти кукурузы королю полагался один фартинг; за гребень кукурузы - один пенни; за каждую тонну эля, вывозимую из Англии, - четыре пенса; за каждую тысячу сельдей - фартинг и т. д. Квинхит, или Хит Эдреда, был, вероятно, более поздним, чем Биллингсгейт.

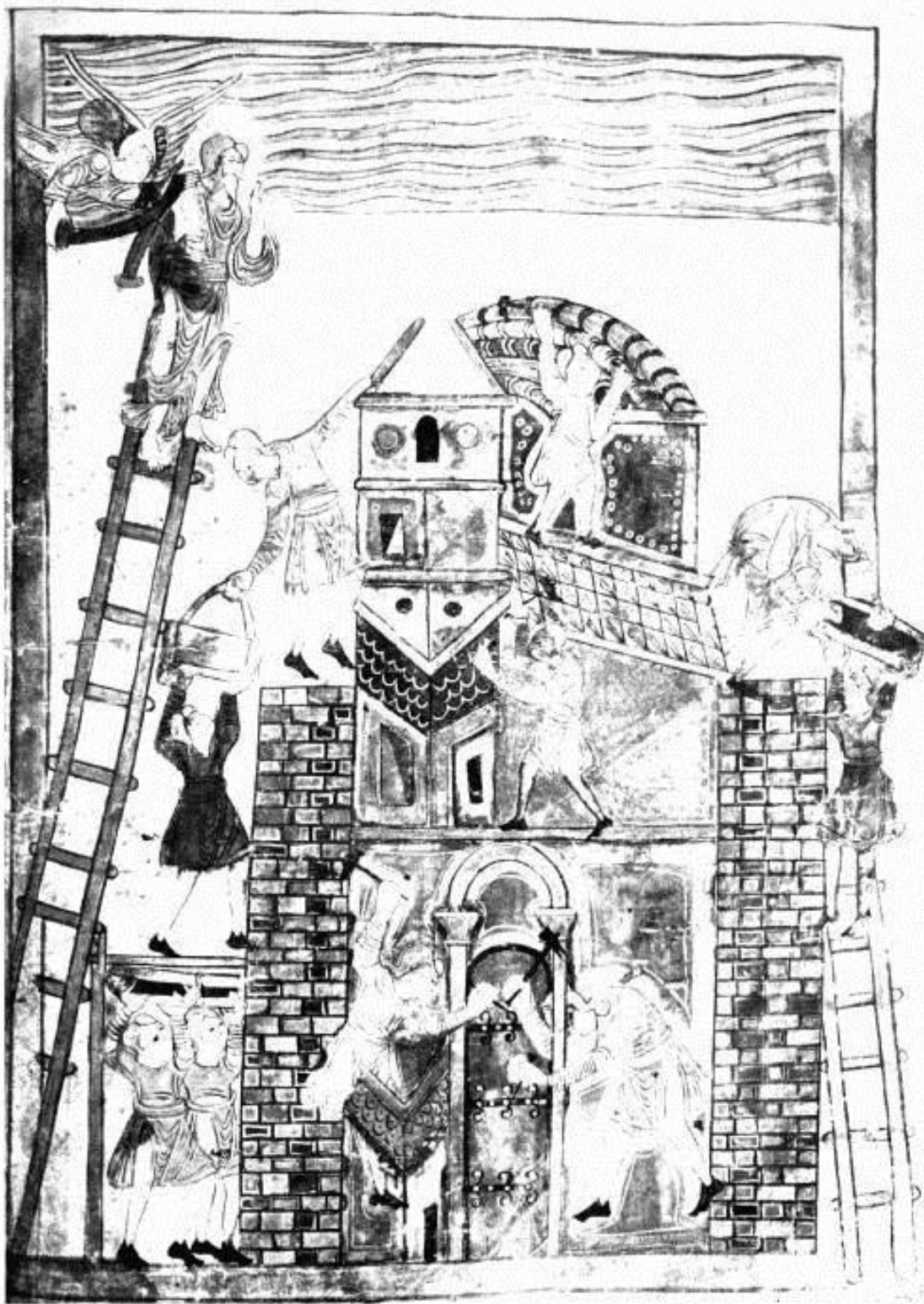
Среди жителей Лондона уже было много купцов иностранного происхождения; они приезжали из Кана и из Руана, из Германии и из Фландрии. Люди императора уже поставили свои сталелитейные верфи и начали торговать в собственных стенах, защищенных крепкими воротами и обладающих широкими привилегиями. Любекцы, гамбургцы и фламандцы, не принадлежавшие к "Гильдии тевтонцев", также основали свои укрепленные торговые дома. Я не думаю, что связь, которая впоследствии установилась между Лондоном и деревенским дворянством, была еще установлена; да это и невозможно, поскольку большинство поместий в Англии было даровано нормандским последователям короля Вильгельма, и пока эти новые хозяева земли ни в каком смысле не были англичанами. Но, как мы уже видели, многие дворяне уже имели свои городские дома в Лондоне.

В "Диалоге Скаккарио", полностью напечатанном в "Истории казначейства" Мэдокса и в "Избранных хартиях" Стаббса, есть ценнейший отрывок о слиянии норманнов и англичан. Он звучит следующим образом: "В раннем состоянии королевства

"В раннем состоянии королевства после Завоевания те, кто остался из подданных англичан, тайно расставляли силки против подозрительной и ненавистной им расы норманнов: то тут, то там, при каждом удобном случае, они убивали норманнов в их лесах и отдаленных местах, в наказание за что, когда короли и их министры в течение нескольких лет свирепствовали

против англичан, применяя изысканные способы пыток, все же обнаружили, что они не могут полностью отступить, В конце концов было решено, что та сотня, в которой был найден убитый норманн, если убийца не был обнаружен или обращен в бегство, должна быть приговорена к выплате большой суммы денег, иногда до тридцати шести или даже сорока трех фунтов, в зависимости от характера места и частоты преступлений...."

"Однако теперь, когда англичане и норманны живут вместе и смешиваются друг с другом, эти две нации настолько смешались, что среди свободных людей трудно различить, кто из них англичанин, а кто норманн по происхождению".

СТРОИТЕЛЬСТВО ДОМА

Клауд MS. B. IV. (XI век).

В Лондоне слияние рас происходило легче, чем в стране, отчасти потому, что норманны уже обосновались здесь и вели весьма значительную торговлю с Руаном, Каном и другими северными портами, а отчасти потому, что здесь не было томящего чувства обиды, которое наполняло сердца лишенных собственности саксонских танов. Нормандский король держал свое слово с Лондоном; он не притеснял ни одного жителя, не лишал ни одного гражданина его имущества. Более того, норманны, похоже, во многом первенствовали. Их превосходная

утонченность была несколько преувеличена, особенно когда мы читаем о достижениях и образованности англосаксонских дам. Но нет никаких сомнений в том, что они привили привычку к воздержанию в отношении крепких напитков. Нормандский купец был в почете у норманнского рыцаря, а норманнский дворянин имел свой городской дом в Сити. Молодой Томас Бекет дружил с Ришером де л'Эглем из Певенси; церковные сановники были гостями его отца; а в следующей главе, посвященной нормандской семье, мы увидим, как они смешивались - саксонцы и нормандцы, дворяне и мещане.

Рассказ Фицстефена, хотя и очень интересный, оставляет без внимания многие вещи, которые мы хотели бы знать. Он представляет нам город веселым и оживленным: молодежь с удовольствием участвует во всевозможных играх, особенно в стрельбе из лука, борьбе, шуточных поединках, катании на коньках; он показывает нам место с большим изобилием и содержащее в своих стенах столько свободы и столько счастья, сколько может ожидать любой средневековый город; он показывает нам ремесленников, живущих каждый в своем квартале; он показывает нам монастырские дома и школы для детей; он показывает нам город, в котором все шло хорошо, пока, как он говорит, со значением, был хороший король. Нормандские короли были не без недостатков, но одно следует признать - они были сильными королями, а в это время и на многие века вперед Лондону прежде всего нужен был сильный король, и если вы оглянетесь на историю, то увидите, что сильный король означал справедливого короля. На самом деле, хотя мы еще далеки от идеального Лондона, Фицстепен дает нам понять, что в нормандском Лондоне люди уже обладали свободой, которая превосходила свободу любого города Франции или Испании и, вероятно, равнялась свободе жителей Гента и Брюгге.

СЕМЕЙНАЯ ГРУППА
Claud MS., B. 4. (XI в.).

Лондон всегда был городом большого изобилия. В то время берега и болота вдоль всей реки были необитаемы, и большинство из них остаются таковыми и по сей день. Все эти болота

изобиловали бесчисленными птицами: река была полна рыбы - рыбы всех видов; скот, овцы и свиньи поставлялись с лугов, принадлежащих Вестминстерскому аббатству, и с ферм Мидлсекса. Лес Мидлсекса, начинавшийся в Ислингтоне, простирался на север на обширном пространстве; лес Эссекса был продолжением на востоке и охватывал территории, ставшие впоследствии лесами Эппинг и Хайно; деревни Эссекса и Мидлсекса были вырубками в лесу. Я полагаю, что жители разводили лошадей, крупный рогатый скот, овец и свиней для лондонских рынков.

Если северная часть Лондона, где работали ремесленники, была живописна благодаря коттеджам среди деревьев, то южная часть тоже была живописна, потому что там стояли дома купцов, каждый со своим залом и садом. Повсюду стояли церкви. Большинство из них были совсем маленькими, обычными деревенскими церквушками; то тут, то там попадались саксонские церкви, как в Брэдфорде-на-Эйвоне, узкие и темные, без стекол в окнах, без мостовой на полу; а по узким переулкам мы могли наблюдать за рекой с поднимающимися и опускающимися кораблями, за "ё-хив-хо!" отплывающих и гимном Богородице за безопасность в плавании от тех, кто пробивался вверх с приливом до глубокой стоянки под мостом.

Что касается жителей Сити, то я осмелюсь процитировать свои собственные слова из другой книги (London, p. 68):- "Майский вечер.

"Это майский вечер. Что означает эта процессия? Идет крепкий негодяй, доблестно марширует, дудит в трубу и бьет в табор. За ним - толпа парней и юношей, в цветах на шапках, с ветвями и громким пением.

Рабочий вскакивает и кричит, когда они проходят мимо; священник и монах смеются и кричат; девушки, собравшись вместе, как это принято у девиц, смеются и хлопают в ладоши. Молодые люди поют на ходу и танцуют, когда поют. Снова вернулась весна - поет кукушка; дни света и тепла - поет кукушка; время пиров и любви - поет кукушка. Гордый аббат со своей свитой посторонился, чтобы пропустить их, и смеется, глядя на них - он, видите ли, сначала человек, а потом монах. В воротах своего большого дома стоит нормандский граф со своей ливреей. Он ждет, чтобы пропустить лондонскую молодежь. Граф больше не презирает английскую молодежь; он знает их похотливость. Он даже понимает их речь. Он посылает парням щедрость, чтобы они тратили ее на хорошие вина Гаскони и Испании; он присоединяется к пению; он машет рукой, братской рукой, когда мимо проносится цветочная зелень; он поет с ними во весь голос -

Пой кукку-кукку-ну пой кукку;

Пой кукку, пой кукку-ну!

Наступает вечер. Светает до восьми, дни длинные. Летом в сумерках люди ложатся спать. В больших домах они собираются в зале; зимой они слушают музыку и рассказывают истории, даже легенды о короле Артуре. Вальтер Мап или Мапес соберет их и переложит; а также французские романы, такие как "Amis et Amils", "Aucassin et Nicolette", хотя они еще не были записаны. Летом перед сном у них звучит музыка. Мы находимся в городе, который всегда любил музыку. Шум толпы и труб, таборов и цитр теперь затих на улицах. Богатые люди держали своих музыкантов. Что сказал епископ Гроссете?

Рядом с его покоем, рядом с его кабинетом,

Рядом с ним была палата арфиста.

Много раз, ночью и днем,
Он утешался нотами и песнями.
Один спросил его в очередной раз, почему
Он в менестрелях отстал?
Он ответил ему на это так
Почему он так держит арфу:

Виртуозно и правильно владея арфой.
Разрушит фендисов смятенье,
И в кросс с помощью крепких костей
Ys the harpe lykened weyl.

ДАМА СПАСАЕТ ОЛЕНЯ ОТ ОХОТНИКОВ
Харл. MS., 4751 (XIII в.).

Тот, кто ищет и слушает голос народа в эти древние времена, слышит не более чем сбивчивый ропот: он видит рой, работающий как муравьи; звонит колокол, они бросают работу; другой звонок, они бегут вместе, кричат, машут шапками; слушатель, однако, не слышит слов. В любую эпоху - даже в нынешнюю - трудно узнать или понять, что думает и

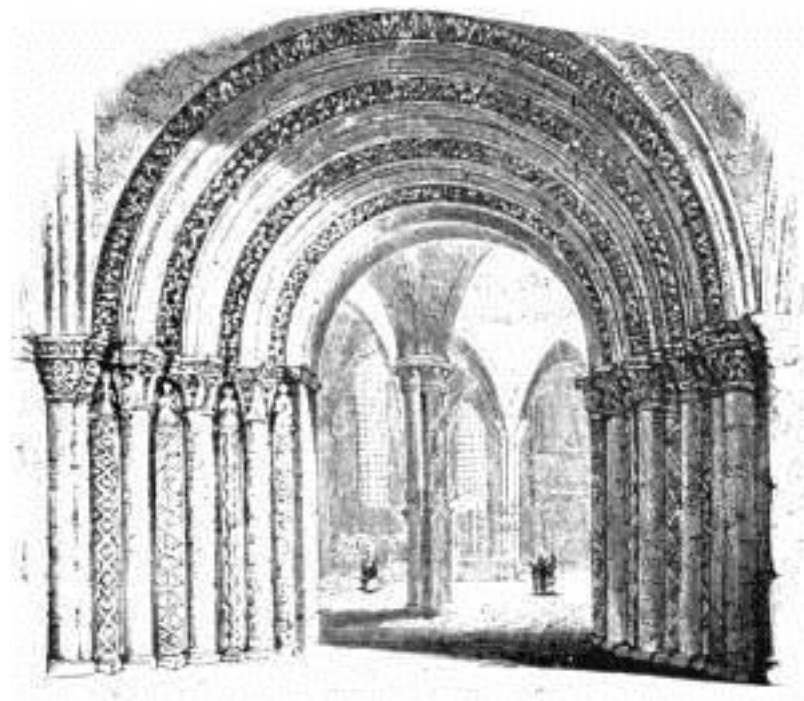
чего хочет *народ*. В каждом поколении они хотят немногого; только, как я уже говорил, трех элементов - свободы, здоровья и справедливой оплаты труда. Дайте им эти три элемента, и они перестанут роптать. Когда поэт выводит одного из них на свою сцену, заставляет его действовать и говорить, мы учимся у этого типа множеству. Позже, после того как Чосер и Пирс Плаумен заговорят, мы узнаем народ лучше - пока же мы догадываемся о нем, мы не знаем его даже отчасти. Заметьте, однако, одну особенность Лондона - вещь, имеющую огромное значение. Когда случается джаккери - когда народ, до сих пор молчавший, как терпеливый бык, поднимается с диким ревом ярости, - это *происходит не в Лондоне*. Здесь люди усвоили, пусть и несовершенно, урок, что только объединение усилий всех ради общего блага способствует достижению общего блага. Думаю также, что лондонские люди, даже самые низшие, всегда прекрасно понимали, что их скромное положение объясняется недостатком целеустремленности и самоограничения. Воздух Лондона всегда был заряжен традициями и историей тех, кто возвысил себя: никогда не было города, более щедрого к своим детям, более готового протянуть руку помощи: это мы увидим наглядно позже: в настоящее время все только начинается. Элементарные три условия ощущаются, но еще не выражены словами.

Мы находимся в юности города, который спустя тысячу лет все еще остается сильным и энергичным, не проявляя ни малейших признаков дряхлости или упадка. Скорее, он похож на город первой весны пылкой юности. Но настоящая работа для саксонского и норманнского Лондона еще впереди. Она еще впереди. Это работа, которая должна стать созданием Великобритании, Америки, Австралии и островов. Это работа по созданию, защите и укреплению свобод англосаксонской расы".

Вопрос о рабстве - было ли оно распространено в Лондоне и как долго просуществовало - очень сложен. Когда Вильгельм говорил своим новым подданным, что они "достойны закона", он имел в виду, что достойны закона были свободные люди; никто, кроме свободных людей, не имел никаких привилегий. Никому не разрешалось иметь свободу города, если не было известно, что он свободен: и "даже если после получения свободы становилось известно, что он человек подневольный, через это же обстоятельство он терял свободу города" (Liber Albus, p. 30). В качестве примера можно привести случай Томаса ле Беделла, Роберта ле Беделла, Алана Андервуда и Эдмунда Мэя, которые в 1301 году потеряли свободу, поскольку выяснилось, что они владели землей в холопстве у епископа Лондонского. Крепостные или холопы владели своей землей "в холопстве" или "в демесне". Они не имели никаких прав и были абсолютной собственностью своих господ, которые могли лишить их собственности в любой момент. Низшее, или зависимое, сословие состояло из множества подразделений; все они были в большей или меньшей степени крепостными, владевшими своими землями за определенную службу; во всей Англии, согласно Domesday Book, насчитывалось около 225 000 таких людей, так что, если у каждого из них была жена и четверо детей, то миллион с четвертью земледельцев также были крепостными. Есть множество свидетельств того, что при норманнах состояние этих людей быстро улучшилось; нормандский рыцарь не мог понять всех различий, он объединил людей и обращался с вольными и холопами одинаково. Некоторые из холопов разбогатели; некоторые получили формальную эмансипацию; некоторые не проходили никакой эмансипации; однако оставались некоторые ограничения: их не допускали к свободе Лондонского Сити, и мы слышим жалобы на их допуск к святым орденам.

Если мы попытаемся применить эти факты к Лондону, то столкнемся с уже указанной трудностью. Были ли в Сити крепостные? Если да, то сколько их было? Какую работу они выполняли? Вспомните, как уже говорилось, что в городе с множеством отраслей

промышленности, если какая-либо отрасль или ремесло считается особенно работой раба, ни один свободный человек никогда не прикоснется к ней; а если раб будет освобожден, он никогда больше не будет выполнять такую работу. Но в Лондоне никогда не было никаких предрассудков против любого вида труда. Я не могу понять, как Лондон в такое время мог состоять исключительно из свободных людей; но о рабах, если они были, я не могу найти ни следов, ни воспоминаний, ни указаний".

САКСОНСКИЙ ДВЕРНОЙ ПРОЕМ, ХРАМОВАЯ ЦЕРКОВЬ

Однако существует древний саксонский обычай, действующий во всех свободных округах: если холоп бежал от своего хозяина и находил убежище в его стенах в течение года и одного дня, оставаясь невостребованным, он тем самым становился свободным. Правда, простого проживания недостаточно; человек должен оставаться все это время невостребованным. Не усматриваем ли мы в этом законе стремление к тому, чтобы в стенах Лондона вообще не было рабов? В Liber Albus все, что я могу найти по этому вопросу, сводится к тому, что лицам, владеющим землей в холопстве, не должна предоставляться свобода города: этот факт, скорее, указывает на то, что в городе не должно быть никого, кроме свободных людей. В 1288 году поверенный графа Корнуолла подал иск в суд на девять человек, беглых бондов графа. Решение суда не приводится, но ясно, что мужчины, которые были деревенскими жителями, надеялись остаться невостребованными в Лондоне, и что их постигло разочарование. В целом, таким образом, я считаю, что Лондон не позволил бы никому, кроме свободных людей, жить и работать в своих стенах. И мы можем вспомнить пункт (№ 24) в Ордонансах Совета 1103 года о том, что не должно быть больше купли-продажи людей, "как было принято до сих пор".

Мы уже видели, каким был лондонский экспорт при саксах и датчанах. Конечно, они остались такими же и при норманнах. Основным товаром была шерсть. Англия жила, так сказать, за счет своей шерсти. Она шла в Брюгге, в Германию и в Италию. Импорт, как и прежде, состоял из вина из Германии и Ла-Рошели, пряностей, камеди, золотых тканей, шелка и тончайшего оружия. Были открыты новые коммуникации с континентом, и Англия потеряла свою древнюю изоляцию, когда ее люди могли свободно пересекать Нормандию, где их король был герцогом. Торговля велась с помощью тали. Это был кусок дерева, обычно

ивовой древесины, длиной около девяти дюймов, разрезанный на пазы. Так, зарубка в полтора дюйма в поперечнике в самой широкой или внешней части означала 1000 фунтов; дюйм в поперечнике - 100 фунтов; полдюйма - 20 фунтов; а длинная, узкая, наклонная зарубка - 10 фунтов. Другие удобные знаки обозначали отдельные фунты, шиллинги и пенсы.

Великий пожар 1135 года уничтожил весь Лондон от моста до реки Флит. Иногда говорят, что этот пожар уничтожил все саксонское. Возможно, так оно и было. Но в одиннадцатом веке все двигалось очень медленно; мы не должны верить, что в зданиях, сменивших саксонский Лондон, произошли какие-либо изменения; хижины ремесленников, однажды сгоревшие, были восстановлены точно по тому же плану, каркасные дома купцов были перестроены точно так же, как и раньше. О чем мы можем сожалеть, так это о маленьких саксонских церквушках - если бы у нас осталась одна или две таких, - и, кроме того, обо всем, что еще осталось от римского Лондона. Мы никогда не узнаем, какие остатки римских vill, храмов, базилик, бань погибли в этом и других средневековых пожарах, которых было так много.

Английскому купцу должно было быть неприятно, что вся внешняя торговля, экспортная и импортная, велась чужаками; Лондонский порт долгое время не имел собственных кораблей, или почти не имел. Фламандцы и немецкие корабли приходили и уходили слишком сильными флотилиями, чтобы на них можно было напасть; в остальное время узкие моря кишели пиратами. Были английские пираты, нормандские пираты, французские пираты; никто из них не стремился уважать корабль своей собственной национальности; казалось, что, просто живя в морском порту, человек становится пиратом поневоле. Наши моряки были просто недисциплинированными пиратами. Когда Генрих Первый поднял флот, люди взбунтовались, и половина из них перешла на сторону врага. Единственным шансом лондонских купцов было послать достаточно сильный флот, чтобы сразиться с пиратами и отбить их. Однако сделать этого они не смогли, поэтому еще много лет внешняя торговля Лондона оставалась за людьми из Гамбурга, Кельна и Брюгге.

Об управлении Лондоном в этот период мы подробно рассказали во втором томе, посвященном Лондону эпохи Средневековья, где вы найдете главу "Коммуна" (с. 11).

ГЛАВА X

НОРМАННСКАЯ СЕМЬЯ

В Приложении К к книге Джеффри де Мандевилья мистер Дж. Х. Раунд представляет небольшую группу, относящуюся к этому периоду, состоящую из трех семей, вместе с коллекцией фактов и цифр, которые, несмотря на их скудость, позволяют нам получить более чем полное представление о лондонском бароне; владельце поместий и владений в Сити и за его пределами; купце и банкире; слуге и чиновнике короля; саксонце, который был также спутником и равным нормандским дворянам. "Немногие открытия, - говорит мистер Раунд, - в ходе этих исследований принесли мне больше удовлетворения и удовольствия", чем расследование происхождения Джерваза де Корнхилла, которое привело к восстановлению этой группы нормандского периода. Трудно представить себе большее удовлетворение для того, кто роется в документах прошлого, чем случайно натолкнуться на цепочку фактов, которые высвечивают целую семью с ее историей в то время, когда норманны и англичане начали скрещиваться между собой, незадолго до того времени, когда было сказано

"Jam cohabitantibus Anglicis et Normannis, et alterutrum uxores ducentibus vel nubentibus, sic permixtae sunt nationes, ut vix discerni possit hodie, de liberis loquor, quis Anglicus, quis Normannus sit genere".

Самой важной из этих семей является семья, происходящая от некоего Герлвина, который, поскольку его сын стал шерифом в 1130 году, когда он, несомненно, был уже немолодым человеком, родился, вероятно, до Завоевания. Поскольку его имя указано просто, без норманнского добавления, указывающего на его происхождение, мы можем предположить, что саксы после Завоевания сохранили обычай давать имя без подобных оговорок. О Герлвине мистер Раунд ничего не сообщает, кроме того, что у него было по меньшей мере три сына и одна дочь. Один из сыновей, Ральф Фиц-Херлвин, был шерифом в 1130 году. Дочь, Ингенольда, вышла замуж за Роджера, "племянника Хьюберта". Сын Ральфа Фиц-Херлвина Роберт женился на Марии, племяннице Николаса, священника церкви Святого Михаила Чепе. Сам Николас был сыном Алгара, священника той же церкви. Этот священник Алгар владел жильем на правах аренды у церкви Святого Павла; его сын сменил его и, в свою очередь, подарил жильё своему племяннику по браку, Роберту Фиц-Ральфу, внуку Герлвина. Таким образом, мы видим, что священники женились открыто и беспорочно, и что в некоторых случаях, например, когда они владели бенефициями, они могли завещать или передать их своим наследникам. Вероятно, у Николаса не было сыновей, иначе Роберту Фиц-Ральфу пришлось бы искать заработок в другом месте. Также очевидно, что приходские священники набирались из правящего класса города, и этот класс смешивался с детьми духовенства.

Роджер, "племянник Губерта", был, очевидно, человеком очень уважаемым. В 1125 году он вместе с Обри де Вере был выбран королем для инвестирования дома Святой Троицы в Порткен, когда гильдия Книхтен передала его монахам. В том же году он стал шерифом: в более раннем документе он упоминается как один из "баронов Лондона" - "Hugoni de Bocheland, Rogero, Leofstano, Ordgaro, et omnibus aliis baronibus Lundoniae". Мистер Раунд нашел две королевские грамоты, одна из которых передавала ему поместье Мел. Роджер был одним из тех, кого охватил великий религиозный энтузиазм того времени: ему необходимо было отправиться в паломничество, и он отправился в Иерусалим, умерев по дороге туда или обратно, если не умер в самом Святом городе. Вспомним, что другой городской магнат, Гилберт Бекет, тоже отправился в паломничество в Иерусалим в то же время. Сына Герваза звали де Корнхилл, как наследника отца его жены, Эдуарда де Корнхилла или Хупкорнхилла. Мистер Раунд отмечает в форме Hupcornhill схожие формы в Колчестере, такие как "Opethewalle" и "Hорреoverhumber", *то есть* человек, который пришел "из-за Хамбера". Он был шерифом в 1155 году и упоминается как юстициарий Лондона в единственной оставшейся хартии, дарованной королевой Стефаном: "Sciatis quod dedi Gervasio Justicianis de Londonia X marcetas terrae."

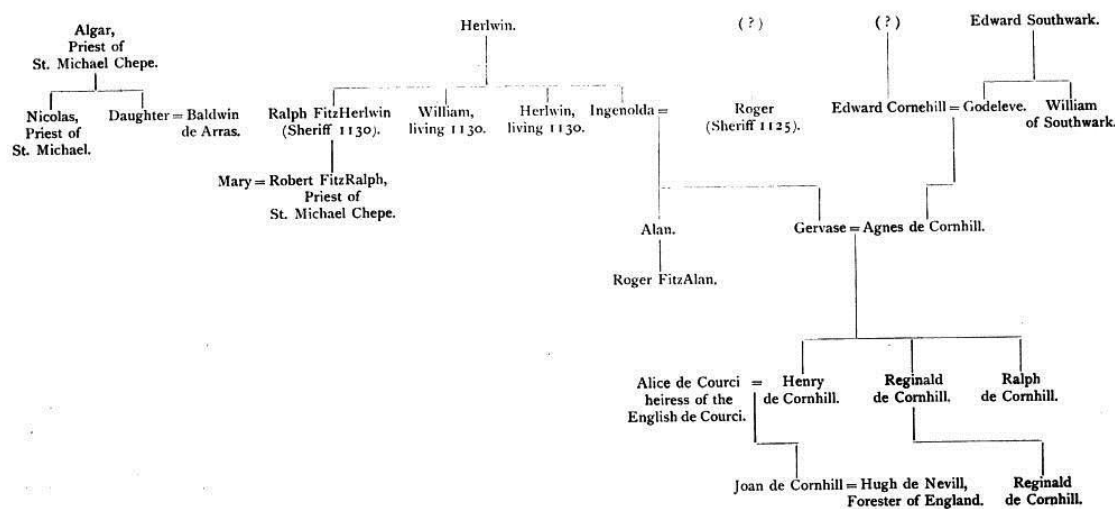
Этот Гервасий из Корнхилла или Гервасий Фиц-Роджер был одним из самых видных жителей Лондона во времена правления Стефана и Генриха II. Он родился около 1110 года и умер около 1183 года. Он был землевладельцем в Сити и за городом. Впоследствии ему было пожаловано поместье Мел, которое было даровано его отцу, Роджеру. В записях герцогства Ланкастерского (1123-1136 гг.) есть дарственная на землю в Эадинтуне, выданная Уильямом, архиепископом Кентерберийским, Гервасу и Агнес, его жене. Агнес описана как дочь Эдуарда из Корнхилла и его жены Годелев. Имя Герваза дважды встречается при Стефане и "бесчисленное количество раз" (Раунд) при Генрихе II, как в государственном, так и в частном качестве. Герваз был не только купцом: как и все успешные купцы того времени, он давал деньги под залог и получал земли путем обращения взыскания на них.

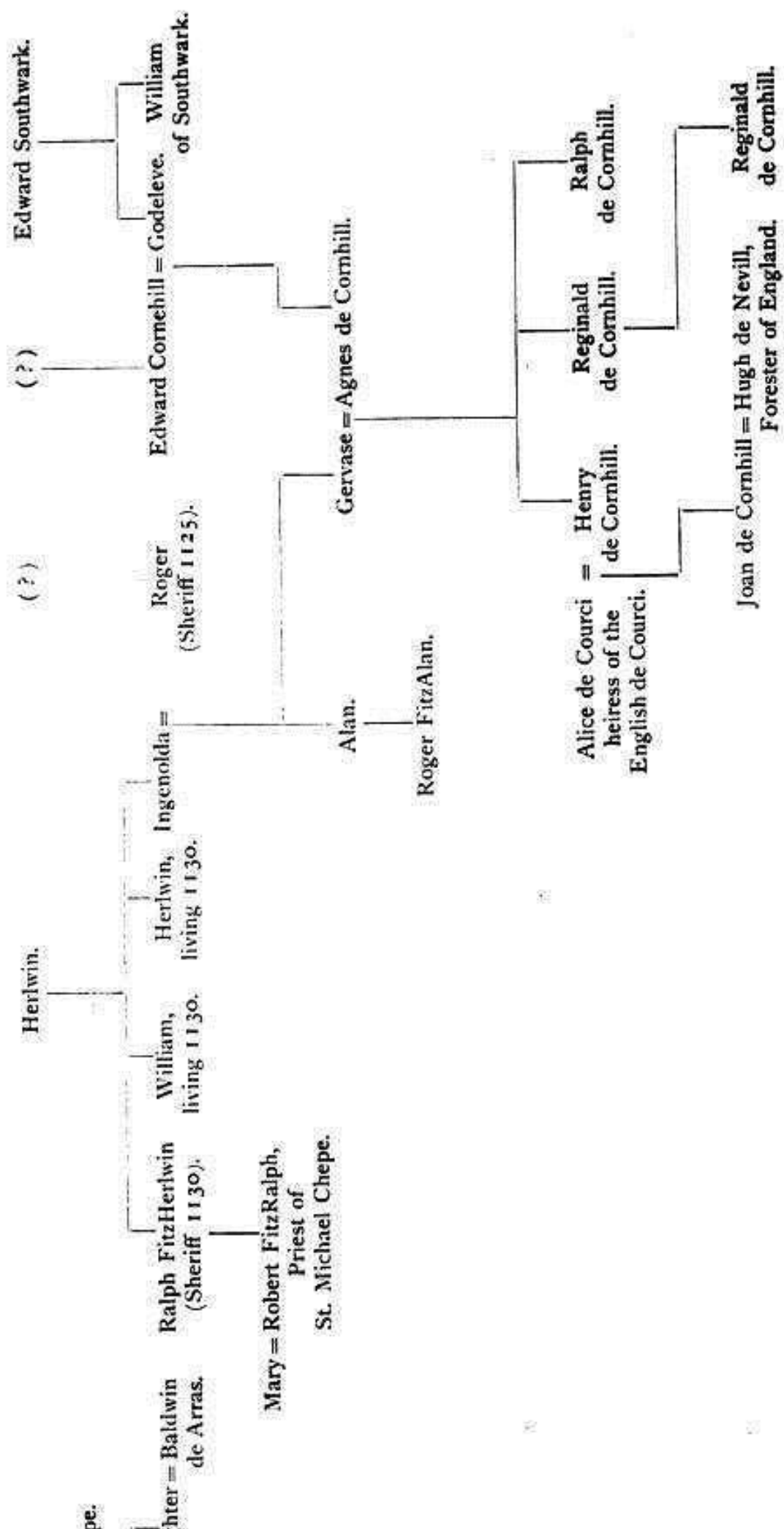
Странная история гильдии Книхтен и ее распада уже была рассказана. Свет реальности проливается на это событие, когда мы читаем, что Эдуард из Корнхилла был одним из членов Гильдии; что Эдуард из Саутварка, отец Годелев, и Уильям из Саутварка, ее брат, были свидетелями акта о передаче Портсокена Приорату Святой Троицы, а также Роджер, отец Герваза.

Снова обратимся к Гервазу из Корнхилла. Его сын Генри, шериф Лондона, Кента и Суррея, женился на Алисе, дочери и наследнице английской ветви де Курси. Впоследствии она вышла замуж за Уорина Фицджеральда. Дочь Генриха и Алисы, Джоан де Корнхилл, вышла замуж за Хью де Невилла, лесничего Англии. Я думаю, что ничто, до сих пор обнаруженное, не иллюстрирует положение лондонских купцов лучше, чем эта генеалогия и эти факты, извлеченные трудолюбивым антикваром из скудных записей того времени. Мы видим лондонских баронов наравне с нормандской аристократией, действующих вместе с ними и вступающих с ними в браки; приобретающих земли в стране; отправляющихся в паломничество в Святую землю; становящихся главными действующими лицами этого замечательнейшего события - роспуска почтенной саксонской гильдии и передачи собственности, которой они владели под опекой, религиозному дому. Мы видим лондонского купца, занимающего пост юстициара. Жаль, что мистеру Раунду не удалось углубить свои изыскания в летопись этой семьи. Неизвестно, где их потомки могут быть найдены в наши дни.

Еще один эпизод в истории Герваза был раскопан мистером Раундом (Feudal England, p. 471).

Поместье Лэнгхэм в Эссексе, недалеко от Колчестера, было частью владений великой семьи Клэр. Ричард де Клэр подарил его в 1086 году Уолтеру Тирелу, который женился на его дочери Аделизе. Где-то между 1138 и 1148 годами Хью Тирел продал поместье или выручил за него деньги, покупателем или кредитором стал Герваз из Корнхилла, который получил его во владение либо путем обращения взыскания на закладную, либо путем покупки. Сам Хью Тирел принял участие в крестовом походе, а лондонский купец, оставаясь дома, наживался на религиозном энтузиазме того времени. Пятьдесят лет спустя Ричард I разрешил Генриху, сыну Герваза из Корнхилла, огородить и припарковать свой лес в Лэнгеме. "Так, - говорит Раунд, - богатый лондонец стал деревенским сквайром несколько веков назад". (См. Приложение V.)

В табличном виде дерево представлено [здесь](#).

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ I НАБЕРЕЖНАЯ РЕКИ

Добавим к этому рассказ об открытиях, сделанных в приходе Святого Михаила Кривого переулка в связи с подходом к новому Лондонскому мосту: "Прорезав нынешнюю набережную реки, она оказалась, как и следовало ожидать, сравнительной.

"Когда мы прорезали нынешнюю набережную реки, она, как и следовало ожидать, оказалась сравнительно современной конструкции. Внешняя стена была вертикальной, из кентишской ветоши, с шагом около четырнадцати дюймов и глубиной около одного фута в русле. Она была подкреплена большим количеством мела и огромными кусками мадрепоры; предполагается, что последние, будучи иностранного происхождения, были привезены сюда кораблями в качестве балласта и брошены на стену в качестве мусора, чтобы заполнить свободные места.

Продвигаясь на север, мы обнаружили, что местность представляет собой болото, простирающееся от края реки примерно на шестьдесят футов за Темз-стрит, очевидно, потому, что когда-то оно составляло часть русла реки. В направлении Темз-стрит она уходила вверх, и в этой части ее вырыли на глубину от десяти до двадцати четырех футов, чтобы найти надежный фундамент для южной опоры наземной арки, построенной через Темз-стрит; но почва оказалась настолько рыхлой, что для создания надежного фундамента пришлось погрузить огромное количество твердых материалов. Так же обстояли дела и при закладке фундамента стен всех кирпичных арок, поддерживающих северный подход; хотя ни в одном месте почва не была настолько болотистой, как здесь.

Место, где находились древние "Устричные ворота", было определено по найденным на месте телегам с устричными раковинами. Это место было спрятано во времена правления Елизаветы, когда было построено то, что Стоу называет искусственным *форсиром* или двигателем для увеличения подачи воды из Темзы в метрополию, и что было заменено более поздними водопроводными сооружениями. При раскопках на самой большой глубине на этом месте была обнаружена часть кожаной сандалии, необычно закрученной по бокам, которая, по-видимому, была потеряна в грязи; также несколько фрагментов римской керамики и несколько монет.

Однако главным открытием здесь и далее на север было обнаружение двух отдельных древних линий набережной, одна из которых находилась на *южной* стороне Темз-стрит, а другая - на некотором расстоянии.

Первая насыпь, на южной стороне Темз-стрит, была обнаружена примерно на десять футов ниже поверхности улицы и прослежена на глубину более двадцати футов. Она была сложена из больших массивных деревьев дуба и орешника, около двух футов в квадрате, грубо

обтесанных, с лагерьной обшивкой и крепкими деревянными перекладинами, прикрепленными к сваям, - все это отличалось большой прочностью и массивностью". (Кривой переулок Святого Михаила, стр. 13-14).

Первоначальная набережная ниже по течению реки в Дагенхэме была "сложена из больших стволов деревьев, подобных тем, что были обнаружены в вышеупомянутом случае на Темз-стрит, только вместо дубов использовались *тисовые деревья*. Прокопав вниз около двадцати двух футов, в месте, называемом *Моор-логг* (болото, которое, должно быть, изначально напоминало Саутварк), они наткнулись на жилу из различных сортов гнилой древесины (только тисовая древесина, которая была найдена среди нее, не была разложена), которая лежала примерно в трех футах с половиной или четырех футах под поверхностью болотной земли, принадлежащей уровню, около десяти футов в глубину, и с очень небольшой смесью земли, которую можно было различить среди нее. Под ним на глубине двенадцати или пятнадцати дюймов находилась голубая глина, затем гравий и песок. Большая часть этого болота состояла из мелкого кустарника; при копании было найдено много орехов лещины, которые капитан держал в руке и которые казались твердыми, но при очень слабом нажиме рассыпались в пыль. Несколько найденных тисовых деревьев были диаметром четырнадцать-шестнадцать дюймов и совершенно целыми, если не считать сока. Многие ивовые деревья были диаметром от двух футов и выше и сохранили беловатый цвет, как у тачвуда. Над упомянутой жилой были найдены, как и на Темз-стрит, олени рога. Такого же рода болотистая земля была найдена в Вулвиче и Дептфорде". (St. Michael Crooked Lane, pp. 15-16, примечание.)

В 1826 году в результате раскопок на Тули-стрит была обнаружена любопытная насыпь.

"Первые несколько футов были засыпаны землей, просто мусором; затем появился толстый, плотный, осадочный слой аллювиальной глины и грязи реки Темзы, толщиной в среднем от семи до десяти футов, который, очевидно, происходил из приливных и осадочных масс соседней реки. Под этим грязевым и глинистым слоем находился плотно спрессованный слой торфа, толщина которого значительно варьировалась в разных местах вдоль улицы, но в среднем составляла от двух до четырех и пяти футов. Этот торф состоял в основном из остатков лещины, орехов лещины в прекрасной сохранности, фрагментов дуба, бука и других деревьев, а также листьев и стеблей различных растений, перемешанных в беспорядке; древесина, орехи лещины и дуб ничем не отличались по своему характеру от того, что может расти в настоящее время в том же районе. Этот торф и древесина не претерпели никаких видимых химических изменений. Он был сильно насыщен влагой, имел довольно приятный запах и светло-коричневый цвет. Фрагменты древесины орешника и дуба, пролежавшие в сухом помещении два-три месяца, уменьшились примерно на одну десятую от своего первоначального размера за счет испарения воды, но внешняя кора сохранила свою первоначальную форму, а оставшееся внутреннее лигнитное волокно орешника или дуба стало, если его разрезать ножом, почти черным и твердым, как черное дерево. Под этим слоем торфа находились обычные угловатые фрагменты, называемые геологами дилuviальным гравием; они состояли из осколков кремня, лежащего на большом слое аргиллитов, состоящем из голубой лондонской глины". (St. Michael Crooked Lane, pp. 16-17, примечание).

Возвращаясь к собору Святого Михаила, "вторая насыпь была обнаружена примерно в шестидесяти футах за северной стороной Темз-стрит, по направлению к Крукед-лейн, и имела совершенно иной характер, чем та, что была описана выше. Она состояла из крепких вязовых свай длиной от восьми до десяти футов, тесно вбитых в землю, с валиком, или скобой, на вершине". (Ibid. pp. 16-18.)

ПРИЛОЖЕНИЕ II

ОТКРЫТИЯ НА БЕРЕГУ РЕКИ

Следующие выдержки из "Археологии", том iii, дают более полную информацию о результатах раскопок вдоль берега реки.

"Хорошо известно, что для того, чтобы добраться до твердой глины на Темз-стрит с целью закладки фундамента, необходимо достичь значительной глубины. Следует помнить, что, помимо накопления веков со времен римской оккупации, уровень этого района был сильно изменен во время Великого пожара. Склон различных холмов, ведущих от Кэннон-стрит к реке, был полностью изменен, а на Темз-стрит проезжая часть во многих местах была поднята от 3 до 7 футов. Поэтому, наблюдая за проходкой шахт, которые должны были принять опоры железнодорожных арок, можно было проследить последовательные воспоминания об истории Лондона, начиная с прошлого века и заканчивая римским периодом. Здесь были жетоны торговцев, беллармины и другая поздняя керамика, средневековые шпоры, кинжалы, предметы из кожи, и, наконец, монеты, стилеты, булавки из кости и бронзы, личные украшения и т.д., связанные с большим количеством ярко-красной саамской керамики. Средняя глубина римского уровня составляла от 20 до 25 футов, и здесь, вбитые в глину по всей длине раскопок, находились многочисленные сваи и поперечные балки, тянущиеся прямо через улицу и образующие целую сеть деревянных конструкций. Многие из этих балок достигали 18 дюймов в квадрате, и все они отличались большой прочностью и долговечностью. Несомненно, они образовывали старый водопровод и набережную Темзы перед южной частью римского Лондона. Такие балки встречались по обеим сторонам улицы, и многие из них, вероятно, служили опорами для римских зданий, которых было так много в окрестностях Буш-лейн и Скотс-Ярда. В направлении Кэннон-стрит находились большие массивы римской каменной кладки, описанные мистером Роучем Смитом в двадцать девятом томе "Археологии". Многие из этого пришлось удалить, и было интересно наблюдать, насколько старые стены не поддавались современным инженерным средствам: необходимый снос был осуществлен только с помощью пороха; в некоторых случаях, я полагаю, настоящие *римские* стены теперь образуют фундамент для поддержки железнодорожных арок. В некоторых местах можно обнаружить слияние глины и гравия с мягкой черной землей и отбросами, что свидетельствует о старом русле Уолбрука, который в доке Даугейт впадал в Темзу. Из-за большого количества древностей было высказано предположение, что это место могло быть древней мусорной ямой, подобной знаменитой яме у Королевской биржи. Прекрасная сохранность монет и металлических предметов говорит в пользу того, что ранее все это было покрыто Темзой".

"Из Стального двора происходит очень изящная бронзовая фигура, выполненная в низком рельефе, относительно которой высказываются различные предположения. Мистер Смит считает, что это фигура Надежды; он также ссылается на монеты Клавдия с подобной фигурой, надписанной "SPES AVGVSTA". Похоже, что она была прикреплена к сундуку или к какому-то предмету в качестве украшения. Сейчас она находится во владении мистера Сесила Брента, которому мы во многом обязаны тем интересом, который он с таким успехом проявляет к древностям римского Лондона.

Из монет можно выбрать крупные и средние латунные монеты Клавдия, Нерона, Веспасиана и Домициана; но их реверсы все хорошо известны.

Хорошо представлена керамика, было найдено большое количество саамской, в том числе несколько прекрасных образцов, с *неразрезными* узорами, которые являются чрезвычайно редкими. Есть также несколько хороших образцов керамики Апчерча; один из черных сосудов, похоже, имел ручку и относится к необычному типу.

В стекле встречаются изделия, известные как столбовая лепнина, которые очень редки в Лондоне, хотя в некоторых частях Англии иногда находили превосходные сосуды такого рода, которые должным образом отражены в "Коллекции античности" мистера Роуча Смита, а также в его "Римском Лондоне". Булавки, иглы, ножи и ложки были найдены в большом количестве как из кости, так и из бронзы. Среди ложек есть прекрасный образец длинноносой ложки с узкой чашей на одном конце и продолговатым окончанием на другом. Такие ложки изображены мистером Роучем Смитом, который считает, что они использовались для извлечения благовоний и т.д. из маленьких бутылочек с длинным горлышком, известных как лакриматоры. По его словам, две ложки похожей формы были обнаружены в металлическом футляре с коробкой красок, различными инструментами и стеклянными бутылками в могиле женщины-художника близ Фонтене; поскольку все мелкие предметы явно относились к профессии покойной, эти ложки, несомненно, использовались для извлечения жидкостей из бутылок для смешивания и приготовления красок, в этом процессе продолговатые концы, вероятно, были полезны. Здесь также есть несколько хороших римских ключей, несколько фибул, луч от пары весов и, среди мелких реликвий, небольшой рыболовный крючок; в изобилии представлена римская кожа. Некоторые сандалии прекрасно сохранились и свидетельствуют о влажности почвы, в которую они были погружены. Большинство из них (как обычно) маленького и среднего размера, несомненно, принадлежали женщинам и молодым людям; но есть и те, которые явно принадлежали представителям другого пола. Гвозди с круглыми вершинами, которыми так густо усеяны подошвы, вместе с другими признаками прочности свидетельствуют о том, что когда-то они принадлежали ногам, привыкшим к твердой и тяжелой ходьбе".

"Многочисленные сваи и поперечные балки, протянувшиеся через Темз-стрит, прослеживались на значительном расстоянии вдоль берега реки и в направлении вверх к Кэннон-стрит. Они образовывали настолько полную сеть деревянных конструкций, и настолько массивными и прочными были средства, использованные для удержания всей конструкции вместе, что очевидно, что она была предназначена для сопротивления сильному напряжению или давлению. Уолбрук здесь впадал в Темзу, а дренаж старого города был не таким масштабным, как сейчас, поэтому можно предположить, что почва в этом месте была влажной и податливой, а фундаменты зданий, возведенных вдоль линии воды, должны были быть защищены от натиска реки. Над этой насыпью должны были располагаться здания огромной величины, если судить по прочности и основательности этих фундаментов. Мистер Томас Д. Э. Ганстон, который в то время уделял большое внимание раскопкам, сделал обширные записи, из которых он любезно разрешил мне сократить наиболее важные детали. Почти на одной линии с Буш-лейн находилась огромная внешняя стена, около 200 футов длиной, 10 футов высотой и 12 футов толщиной, сложенная из тряпичного камня, мела и различных материалов, скрепленных раствором по обычной римской моде. Под углом находились фундаменты шириной 8 футов из кремня и щебня,

поддерживающие меньшие стены шириной около 3 футов, состоящие в основном из связующих плиток 18 дюймов на 12. Они были соединены рядом поперечных стен толщиной 2 фута 6 дюймов, сложенных из плоских плиток 14 дюймов на 11, также установленных на бутовом фундаменте шириной 4 фута. Еще ближе к Кэннон-стрит находились остатки квартиры размером 50 футов на 40, выложенной полом из грубого красного бетона; она была соединена со второй, из которой можно было попасть в третью, меньшую по размеру комнату. Удалось проследить длинный ряд небольших квартир с полами из грубых тессеров красного и желтого кирпича в виде кубиков площадью около дюйма. На небольшом расстоянии перед центральной квартирой этой серии находился квадратный участок мостовой, состоящий из продолговатых кирпичей на грани, известный как "мостовая из селедочных костей". К толстой бутовой стене примыкала большая часть мозаичной мостовой, состоящей из полудюймовых кубиков черных, белых, красных и серых тессеров, выложенных в виде простого узора и окруженных двойной каймой из черных и серых камней плотной структуры, площадью от 4 до 6 дюймов, но разной толщины. В непосредственной близости от него были найдены человеческие останки. Были обнаружены мощные деревянные стоки, или водоводы, один из которых находился на глубине 5 футов под фундаментом здания и имел крутой уклон к реке. Его ширина составляла 4 фута в поперечнике, а глубина - 18 дюймов, толщина досок по бокам - 4 дюйма, а на дне - 6 дюймов. Другие каналы были меньших размеров.

В нескольких комнатах сохранились настенные росписи, выполненные в различных цветах; некоторые из них разделены линиями и полосами на панели, другие украшены решетчатым узором или присыпкой из пятен причудливого цвета: кроме того, здесь было много кровельной, каминной и строительной плитки, осколков керамики, стекла и предметов личного и домашнего обихода. На многих черепицах были буквы PPBR, LON, такие, которые, как уже отмечалось, заслуживают внимания, поскольку "свидетельствуют о том, что они были сделаны первой когортой бриттов, размещенной в Лондиниуме"; другие были украшены геометрическими фигурами или небольшими квадратами с ромбовидным узором."

ПРИЛОЖЕНИЕ III

СТРАЙП О РИМСКИХ ОСТАНКАХ

В приложении к своему изданию "Стоу" 1720 года Страйп посвящает короткую главу древностям, найденным в Лондоне, которую я счел достаточно важной, чтобы переписать полностью.

"Здесь сохранилось, либо в общественных хранилищах, либо в более частных, множество античных диковинок: найденных главным образом при рытье фундамента для строительства Лондона после великого пожара, а иногда и в другие времена.

В хранилище Королевского общества в Грешем-колледже есть большая стеклянная урна, вмещающая около галлона, и в ней несколько осколков костей: Ее забрали после пожара в Спитлфилдсе. Стекло несколько толстое, выпуклое и сужающееся к горлу губами.

Но коллекция, собранная доктором Джоном Вудвордом, профессором физики в Грешем-колледже, - самая значительная из всех. Ведь помимо древнего мраморного бюста Юпитера,

мраморной головы с фригийской тиарой, греческого бассо-рельефа, votive shield, изображающего разграбление Рима галлами; тиснение на нем, по мнению величайших судей, является самым тонким и изысканным из всех, что оставила нам античность: Несколько иконулов божеств, как египетских, так и римских: Значительное разнообразие амулетов, периапт, фалли, быков, скарабеев: Геммы с выгравированными на них историческими скульптурами, головами и т.д. Камеи и инталии египетской, греческой и римской работы: Множество римских, греческих, сирийских и других медалей: Римские гири: Римский полуконус: Урны, лахриматории и другие вещи, привезенные из Александрии, Константинополя, Рима и т.д. И кроме того, древний римский алтарь со стены пиктов в Нортумберленде, со значительной надписью на нем: Несколько древних орудий из латуни, фурибулы, патеры, урны и т.д., найденные в отдаленных частях этого королевства, Камберленде, острове Мэн, Йоркшире, Уилтшире, Глостершире, Нортгемптоншире, Девоншире и т.д. У него есть огромное разнообразие древних инструментов, утвари, ваз и тому подобного, которые были обнаружены в нескольких местах в этом городе и его окрестностях: В частности, несколько сосудов религиозного назначения, использовавшихся при жертвоприношениях, например, *Præfericula*, *Simpula*, *Pateræ*, *Thuribula*, *Labra*, выкопанные; вместе с рогами, зубами и другими частями зверей, приносившихся в жертву; более двадцати погребальных урн различных форм и размеров: Также ланксы, амфоры, кратеры, скифы, гутти, покулы, оллы, нуммarii; части фиктивных плазм, в которых были вылеплены рельефные вазы, и светильники различных видов. Прецедентные сосуды сделаны из горшка или земли; некоторые из них очень тонкие, хорошо пропеченные, некоторые с любопытной глазурью и очень красивого цвета.

Что касается их форм, то они повсеместно очень элегантны и красивы. И действительно, доктор, обладатель их, хорошо замечает, что остатки этих работ римлян показывают, что они были людьми точного гения, хорошей фантазии и любопытных ухищрений.

В этой коллекции также можно заметить, что вещи честные, хорошо сохранившиеся и целые; что, учитывая их большое количество и разнообразие; насколько хрупки горшки и стаканы, и насколько они могут быть испорчены, повреждены и разбиты на куски, является более необычным.

Кроме того, в его кабинете древностей есть стеклянная урна с крышкой; также сциф; различные ампулы, фиалы и лахриматории из стекла, которые очень красивы и совершенны. Затем, есть несколько кусков британских денег, отчеканенных как до, так и после прихода римлян на этот остров. А также римские нумизматы, отчеканенные здесь: (Кроме того, саксонские, датские и нормандские монеты, которые, как и другие, очень честные и хорошо сохранились). А также изделия из слоновой кости, кости и стали: Несколько фибул, ацикул, булл, клав, армилл, аннулов, бус различных сортов; алеа, тессар, пектины, калькарии, спикулы, якулы. Также плитки, куски литострата, или тесселированные мостовые из земли, стекла, пасты, эмали и позолоты.

Таким образом, музей доктора Вудворда - это сокровищница всех видов товаров и утвари, священных и профанных, древнего языческого Рима: Как сосуды для жертвоприношений и для других подчиненных целей в сакрисе. Сосуды также для домашнего, погребального, военного, личного использования, для ношения и одевания: Также различные произведения искусства, относящиеся к строительству или скульптуре, объясняющие некоторые части римской истории.

Кроме этих остатков римского мастерства, здесь также представлены несколько готических исторических резб по меди, слоновой кости и дереву; работа некоторых из них очень

хороша: оттиски на свинце и свинцовые печати, которые были прикреплены в древности к быкам Папы; с различными другими вещами, все хорошо подобранные, имеющие реальную важность и пригодные для какого-либо полезного замысла.

Одно из великих намерений этого ученого джентльмена (как он заверил меня) в сборе столь большого количества этих вещей, и это с таким большим усердием, трудом и затратами, было в том, чтобы прояснить и дать свет тем древним писателям, которые упоминают и относятся к ним, то есть грекам и римлянам; которых он читал и изучал с большой точностью. Другой его целью было проиллюстрировать историю и древности этого великого и благородного города, из развалин которого эти вещи были извлечены по случаю больших раскопок (более значительных, чем когда-либо случалось от основания его прежде) и разбора мусора, который был сделан во всех частях, после недавнего большого пожара. И, действительно, медали и монеты, различные фигуры, исторические рельефы и надписи на вазах очень способствуют этому. Кроме того, из различных мест, в которых были найдены урны (которые, согласно законам двенадцати таблиц, должны были быть похоронены за стенами), он может определить древние границы этого города, в то время как он был римским: Из нескольких вещей, обнаруженных при закладке фундамента церкви Святого Павла, следует, что там не только был древний храм, но и некоторые примеры доказывают, что он был посвящен Диане, согласно древнему преданию, несмотря на то, что очень ученый антиквар, а также божественный, в последнее время утверждал обратное.

Действительно, большая часть этих вещей настолько значительна, что любознательным людям доставило бы большое удовлетворение увидеть иконы, высеченные из них; и что владелец мог бы выделить столько времени от своих дел и других занятий, чтобы написать свои собственные наблюдения и размышления о них, чтобы я мог включить их (как я просил его) в эту работу.

В Блэк Фрайарс, расчищая завалы, чтобы построить здание после большого пожара, они подошли к толстой стене, весьма вероятно, являющейся частью фундаментной стены старого фрайера. В этой стене находилось нечто вроде шкафа, закрытого на замок. Открыв его, они обнаружили четыре головы мертвых мужчин, помещенные в изящные оловянные футляры, сделанные для них; круглые, плоские только с одной стороны, и толстую оловянную крышку, с кольцом, прикрепленным сверху, чтобы удобнее было снимать или надевать ее. Три из этих голов теперь потеряны; вероятно, достаточно перевезены за море, где они могут служить для реликвий. Та, что осталась, находится или недавно находилась во владении мистера Престбери, сопильщика в Ист-Смитфилде, который показал ее мне 2 октября 1703 года. Мы вынули голову из футляра: она была завернута в черный шелк, который к тому времени прогнил. Кожа была похожа на кусок дубленой кожи или бекона. Волосы на висках желтые, но на голове волосы были рыжие, короткие и густые, и их невозможно было оторвать. На макушке головы был тонзура, или круглое голое место, что свидетельствовало о том, что он был в Святом Ордене: нос плоский, как будто кусок его был отрезан: Рот зияет: Зубов в голове обнаружено десять; остальные были вырваны. Черты лица все еще можно обнаружить. В чехле оставалось много пыли коричневатого цвета. На боковой стороне крышки было нацарапано имя, написанное плохим шрифтом, - И. Корнелиус. Рядом с ним под землей был найден один труп без головы. Похоже, что это были фрайеры этого религиозного дома, или кто-то из их благодетелей, или их святых или мучеников. Чьи головы, возможно, вынимались и показывались по особым дням и поводам: А после распада Дома (возможно) они были здесь спрятаны.

Недалеко от фундамента Чаринг-Кросс, на большой глубине, были найдены камни, которые казались разновидностью грубого мрамора, черноватого цвета, и разрезанные на несколько ровных сторон, но неровных. Отсюда, говорит доктор Крю, можно утверждать, что они очень древние. Они были переданы сэром Джозефом Уильямсоном в музей Грешем-колледжа.

В Марк-Лейн странный кирпич был найден за 40 лет до этого, или лучше, около 28 футов глубиной в земле, мистером Стокли, когда он копал фундамент и подвалы для дома, который он построил для мистера Вулли. На этом кирпиче был изображен Сэмпсон (как я узнал от Дж. Бэгфорда) с челюстной костью осла в правой руке, а левая рука поднята вверх; перед ним бежали две лисицы с огненными лентами на хвостах; они пугали их до высокой кукурузы, стоящей неподалеку. Это, как я полагаю, могло принадлежать дому какого-нибудь еврея, живущего в этих краях, и означало его злобу к соседнему купцу-христианину, торгующему кукурузой. Ибо примечательно, что неподалеку от того места, где был найден этот кирпич, была также выкопана сожженная пшеница в количестве многих четвертей; очень черная, но все же целая: Вероятно, это было какое-то зернохранилище, уничтоженное огнем.

Но примите во внимание то, что упомянутый мистер Бэгфорд написал в своем письме к мистеру Хирну из Оксфорда: Что этот кирпич был римского производства, из любопытной красной глины, и в рельефе Басса; и был ключевым кирпичом для арки: А обожженная пшеница, по предположениям, лежала погребенной со времен сожжения города за 800 лет до этого. И что она хранится в музее, принадлежащем Королевскому обществу на Флит-стрит. И что, по предположению мистера Уоллера, он был сделан и установлен здесь каким-то евреем, поселившимся здесь, в арке его собственного зернохранилища.

Кусок мозаики, найденный глубоко под землей в Холборне, возле церкви Святого Андрея, инкрустированный черными, белыми и красными камнями в виде квадратов и других правильных фигур. В вышеупомянутом музее.

При раскопках фундамента собора Святого Павла в Вест-Энде после пожара было найдено множество римских сосудов для жертвоприношений, из которых было выкопано большое количество фрагментов. Они были сделаны из любопытной красной земли; глазурь на них все еще сохранилась, что очень любопытно. Они имеют различные формы и размеры, как того требовали обстоятельства, чтобы их использовали при жертвоприношениях. На многих из них внизу было выбито имя гончара. Некоторые из них мистер Бэгфорд, житель Лондона, изучающий древности и, особенно те, что относятся к упомянутому городу, сделал своими руками. Дальше, на южной стороне упомянутого Вест-Энда, была найдена гончарная печь, форма которой была круглой. В ней, вероятно, были сделаны упомянутые жертвенные сосуды. Она находилась недалеко от храма, где поклонялись Диане, для большего удобства людей, которые приходили туда для жертвоприношения; чтобы они могли быть снабжены всеми видами сосудов, которые им были нужны, в то время, когда они совершали свои жертвоприношения. Там же было найдено несколько земляных форм, в которых были изображены люди, львы, листья деревьев и другие вещи. Они использовались для того, чтобы делать оттиски этих вещей на сосудах. Эти формы также находятся среди вышеупомянутых любопытных коллекций доктора Вудворда. Изображение вышеупомянутой керамики, нарисованное пером, находится во владении сэра Ханса Слоуна, Барта, доктора медицины, члена Королевского общества, с приложением ее описания.

Кроме того, на южной стороне церкви Святого Павла, когда ее начинали строить после пожара, было найдено несколько скальпов оленей и большое количество кабаньих клыков, а также множество глиняных сосудов, особенно патеры разных форм.

На Каннинг-стрит, рядом с Буш-лейн, был найден довольно глубоко в земле большой тротуар из римской мозаики. Доктор Хук подарил часть ее хранилищу в Грешем-колледже.

В Гудманс-Филдс, за Олдгейтом, находилось римское место захоронения. После постройки там здания в 1678 году, там было найдено (при рытье фундамента) огромное количество урн и других римских принадлежностей, таких как ножи, расчески и т.д., которые также находятся во владении доктора Вудворда. В некоторых из этих урн был прах костей декана, а также медные и серебряные деньги: А также необычная урна из меди, покрытая эмалью красного, синего и желтого цветов.

На Кент-стрит, вдоль всего сада по правую руку от дороги, ведущей из города, было выкопано несколько римских сосудов, как урны, ампулы и другие вещи; и среди всего остального - голова Януса, вырезанная из камня, которая до сих пор сохранилась, будучи помещенной над дверью у входа в один из тех домов садовников. За эту голову Януса предлагали деньги, но она не была взята; ее хранили суеверно, как если бы она была найдена по откровению во сне; одной женщине, примерно в то время, когда она была найдена, приснилось, что ей принесли в постель ребенка с двумя лицами.

В Пекхэме была очень большая урна из стекла, выкопанная на шоссе, которая теперь находится в Грешем-колледже. За эти последние рассказы я обязан моему другу, вышеупомянутому мистеру Бэгфорду, скончавшемуся в Доме Хартии, который был там братом.

В апреле 1707 года при раскопках у стены возле Бишопсгейта в пределах были найдены различные римские древности. Мистер Джозеф Миллер, аптекарь, живший неподалеку от этого места, пока рабочие копали фундамент и подвалы для новых домов, которые должны были быть построены на Камомил-стрит, первым обнаружил несколько таких древностей; он сообщил об этом доктору Джону Вудворду из вышеупомянутого Грешем-колледжа: Который, в соответствии со своей заслуженной точностью, дал о них следующее описание в письме к сэру Кристоферу Рену, которое он любезно позволил мне прочесть. Примерно в четырех футах под землей была обнаружена мостовая, состоящая из кубиков кирпича, большей частью красного, но некоторые черные, а другие желтые; толщина каждого несколько больше дюйма. Протяженность тротуара в длину была неопределенной, он шел от Бишопсгейта на шестьдесят футов, под фундаментом некоторых домов, еще не снесенных. Его глубина составляла около десяти футов, а заканчивался он на той стороне, на расстоянии трех футов с половиной от стены.

Опускаясь вниз под тротуар, на протяжении примерно двух футов находился только мусор, а затем рабочие подошли к слою глины в ее естественном состоянии. В нем, на глубине трех футов, было найдено несколько урн. Некоторые из них стали настолько нежными и гнилыми, что легко рассыпались и развалились на куски. Что касается тех, которым посчастливилось избежать повреждений времени и ударов рабочих, то они были разной формы, но все очень красивого вида и конструкции, как, впрочем, и большинство римских сосудов, которые мы когда-либо находили. Это лишь один из многих примеров искусства этого народа, большой точности его гения и счастья его фантазии, которые сохранились до наших дней. Эти урны были разной величины; самые большие могли вместить три полных галлона, самые маленькие - чуть больше кварталы. Все они содержали пепел и золу от сожженных костей.

Вместе с урнами были найдены и другие глиняные сосуды: симпул, патера из очень мелкой красной земли и голубоватая стеклянная виола того сорта, который обычно называют лакриматорием. На нем было что-то вроде позолоты, очень тонкой".

Кроме того, было найдено несколько бусин, одно или два медных кольца, фибула из того же металла, но сильно попорченная и истлевшая; а также монета Антонина Пия, изображающая с одной стороны голову этого императора с лучистой короной и надписью: ANTONINUS AUG.....

Примерно на той же глубине, что и вышеупомянутые вещи, но ближе к городской стене и без края тротуара, был выкопан человеческий череп с несколькими костями, которые не были сожжены, как те, что были в урнах. Но для более подробного и удовлетворительного рассказа об этих древностях я отсылаю читателя к письму упомянутого ученого доктора, ныне напечатанному в большом объеме мистером Хирном вместе с "Маршрутом Лиланда" в формате Octavo.

Тело слона было найдено в поле рядом с домом сэра Джона Олдкасла, недалеко от Батл-Бриджа, мистером Джоном Конирсом, аптекарем и большим любителем поиска древностей, когда он копал там землю.

Несколько лет назад на южной стороне Ладгейта из мусора была извлечена римская надпись, на которую обратили внимание ученые люди.

В Ладгейте, во дворе резиденции Святого Павла, несколько лет назад был обнаружен акведук, вплотную примыкающий к городской стене. А еще один был найден после пожара мистером Спаном в Холидей-Ярде в Крид-Лейн при рытье фундамента для нового здания. И это было проведено вокруг бани, которая была построена в римской форме, с нишами на равном расстоянии для сидений.

В 1716 году при рытье котлована для фундамента новой церкви, которая будет возведена на месте церкви Святой Марии Вульнот на Ломбард-стрит, на глубине около 15 футов и ниже до 22 футов были найдены римские сосуды, как для священных, так и для домашних нужд, всех видов и в большом количестве, но все разбитые: И со всеми были взяты клыки и кости кабанов и козлов. А также много медалей и кусков металлов; несколько тесселированных изделий, кусок акведука; и на самом дне колодец, заполненный трясинной и грязью; который был удален, там появился прекрасный источник воды". Доктор Харвуд из Общины был очень точен в том, чтобы время от времени обращать внимание на эти древности; он отсортировал и сохранил множество самых любопытных и примечательных из них; и полагает, по вероятным предположениям, что здесь была не только гончарная мастерская, но и что на этом месте или рядом с ним стоял храм Согласия; о котором наши римские историки говорят, что он находился в этом городе, когда он назывался Тринобантум. Этих черепков было такое огромное количество, что многие телеги были увезены вместе с мусором, а дороги в районе полей Святого Георгия в Саутварке были ими починены.

Аппо 1718, в месяце мае, рабочие, разбирающие стену в больнице Брайдвел, нашли золотое кольцо шириной в дюйм с четвертью, покрытое эмалью: На нем было выгравировано подобие Христа на кресте, скорбящее сердце и столб с петухом на вершине. Надпись была сделана на арабском языке, и некоторые антиквары, видевшие ее, полагали, что прошло 1500 лет с тех пор, как она была сделана". Об этом рассказывается в "Еженедельном журнале", № 1047.

Это все, что я смог собрать благодаря усердным расспросам моих друзей о древностях, найденных в Лондоне". (Stype, Stow's Survey, Vol. II. Appendix IX. pp. 21-24.)

ПРИЛОЖЕНИЕ IV

САРКОФАГ КЛЭПТОНА

Выдержка из доклада, прочитанного в Обществе антикваров в 1867 году (см. L. and M. Archæological Society, vol. iii.).

"Место представляет собой выровненную землю, недавно засеянную лугами и рыночными садами, расположенную позади Лондонского приюта для сирот, Клэптон, на склоне холма, спускающегося к болотам и реке Лиа, в нескольких футах от старого, только что снесенного пути, который шел от Хомертона к Лиа Бридж, *viâ* Booksby's Walk, в направлении с юга на север, и другого пути, в течение многих лет бывшего только частной дорогой к ферме, идущей с запада на восток, *viz.* от Клэптон-сквер, *viâ* Клэптон-аллея или пассаж, к реке Леа. Эти тропинки пересекаются друг с другом неподалеку от этого места; они очень древние, и, по всей вероятности, это старые римские пути. Гроб был найден на природном гравии, в 2 футах 6 дюймах от поверхности, лежащем по направлению на восток и запад, ногой на восток; он из белого крупнозернистого мрамора и вырезан из цельного блока. Его длина составляет около 6 футов 3 дюймов, ширина - 1 фут 3 дюйма, а глубина - 1 фут 6 дюймов; толщина - около 2½ дюймов. Внутренняя поверхность гладкая, с возвышением в полдюйма на одном конце, чтобы служить опорой для головы. Никаких следов крышки или покрытия не обнаружено, но на каждом конце есть следы креплений для хомутов. Со всех сторон он гладкий, кроме передней, которая украшена рифленным узором, каналы которого на треть высоты заполнены бусинами, и представляет собой прекрасную иллюстрацию рифления. Медальон в центре глубоко вырезан, около 12 дюймов в диаметре, и окружает хорошо выполненный бюст, возможно, портрет покойного. Он сильно поврежден, за исключением волос и складок тоги на плечах. Они четкие и ясные, как будто только что срезанные. Правая рука поддерживается большим пальцем (очевидно, зацепившимся за складку на груди), передний и средний пальцы вытянуты во всю длину и направлены вверх. Третий и четвертый пальцы сложены вдвое. Под медальоном находится надпись римскими буквами, но, к сожалению, она пока не расшифрована. Эта сторона гроба завершается двумя коринфскими пилястрами, как показано на рисунке. Мне сообщили, что при очистке от нагромождения мусора в гробу был обнаружен скелет, в положении обычного христианского погребения, с черной плесенью вокруг него. Череп вскоре развалился на куски, а кости сильно истлели; оставшиеся состояли из частей головки бедренной кости (правой), средней трети левой бедренной кости, частей левой берцовой и малоберцовой костей, а также двух кусков ребер. Я оцениваю покойного как человека небольшого роста, около 6 футов, довольно сбитого, и считаю, что он был гражданским лицом, возможно, юристом, но не военным. Недалеко от саркофага была найдена небольшая медная монета Галлиена".

"Единственный саркофаг, найденный в Лондоне, который имеет хоть какое-то сходство с рассматриваемым, - это саркофаг с Хейдон-сквер, Минорис, и то только в том, что он украшен спереди и сбоку; крышка тоже, острореберная, украшена листовым узором. Она сложена из тряпичного камня, причем более грубого, чем в Клэптоне. В центре - бюст в барельефе, а по обеим сторонам - полосатый узор, который часто можно увидеть на зарубежных образцах. В Йорке были обнаружены саркофаги с надписями на простых ярыках; на других были рельефные предметы. В Ависфорде в Сассексе был извлечен прекрасный образец, содержащий стекло, керамику и т.д., который был описан в журнале Сассекского археологического общества и других антикварных изданиях.

В Галлии и Италии мраморные саркофаги, конечно, являются правилом; материал был под рукой и легко доступен; поэтому руины римских городов дают бесчисленные примеры украшенных мраморных гробниц."

"Рис. 1, пластина 6, находится в музее мистера Ганстона и был обнаружен в окрестностях Олд-Форда, недалеко от Боу, вместе с керамикой. Другая такая же фигурка была найдена недавно в той же местности на участке, принадлежащем мистеру Джозефу Уилкинсону. Он очень любезно прислал мне все сведения о нем. По его словам, гроб был извлечен из земли, принадлежащей ему для строительных целей, недалеко от Саксон-роуд и Коборн-роуд, Боу, примерно в 60 ярдах к югу от римского шоссе. Гроб лежал на гравии под 30-дюймовым слоем земли. Его длина составляет около 6 футов 6 дюймов, ширина - 2 фута 1 дюйм, на 2 дюйма меньше у подножия. Крышка слегка ребристая. В ней находились кости человека в полный рост в хорошей сохранности. В крышке имелась трещина, через которую провалился гравий, покрывший скелет, который, судя по всему, был похоронен, как это было принято, в извести. Он был расположен с востока на запад, а руки скелета были опущены по бокам, отличаясь в этом отношении от скелета, найденного несколько лет назад в том же месте и описанного мистером Б. Х. Коупером в нашем журнале. В последнем случае руки скелета были скрещены на груди, а форма гроба похожа на ту, что изображена на рис. 1. На расстоянии около 2 футов к югу от гроба была обнаружена большая коллекция керамики".

"В мае прошлого года я получил письмо от моего друга мистера Х. У. Кинга, почетного секретаря Эссекского археологического общества, в котором сообщалось, что еще два саркофага аналогичного характера были найдены в той же местности во время раскопок зданий на участке примерно в 200 ярдах к югу от прежних находок".

ПРИЛОЖЕНИЕ V

"С одним из этих нормандских бюргеров нас связывает житие святого Фомы, и, как ни скудны подробности этой истории, они поразительным образом согласуются с теми данными, которые дает нам хартия короля. История ранних лет Томаса Бекета, естественно, была обойдена вниманием современными биографами, которые спешили вступить в борьбу с его последующей карьерой. Но задолго до того, как он стал святым Томасом, архиепископом Томасом или Томасом Кентерберийским, он был известен как Томас из Лондона, сын (по его собственному выражению) "гражданина, живущего без вины среди своих сограждан". Семья настолько прочно вошла в жизнь Сити, что монахи Кентерберии могли просить у бургомистров ссуды, ссылаясь на то, что великомученик был уроженцем Лондона; а на городской печати XIV века Лондон обращался к нему как к своему покровителю и сыну одновременно: "Me, quae te reperi, ne cesses, Thoma, tueri". Имя его отца, Гилберта Бекета, - одно из немногих, дошедших до нас от Портривов, предшественников мэров при Стефане; он владел большой собственностью на дома в стенах города, и доказательством его гражданской значимости долгое время служило ежегодное посещение каждым новоизбранным главным магистратом его могилы в маленькой часовне, которую он основал на церковном дворе Павла. Однако Гилберт был одним из норманнских чужеземцев, пришедших вслед за Завоевателем. По рождению он был мещанином Руана, так как его жена происходила из мещанской семьи Кана; он претендовал на родство с норманном Теобальдом и принимал в качестве гостя норманнского барона де л'Эйгле.

Но история Бекетов не просто иллюстрирует внешнее положение норманнской колонии: она дает нам представление, тем более ценное, что оно уникально, о ее внутренней жизни. Изучающие агиологию должны с осторожностью относиться к историям о ранней святости, апокрифическим евангелиям младенчества, которые встречаются им в начале жизни большинства святых; но примечательно, что в жизни святого Фомы нет никаких притязаний подобного рода. Вместо юношеских чудес перед нами предстает яркая картина лондонского дома, в которой перед нами предстает норманнская колония. Мы видим сам облик дома (часовня Мерсеров в Чипсайде до сих пор хранит для нас его местоположение), крошечную спальню, большой холл, выходящий прямо на суету узкой Дешели. По дорожному покрывалу пурпурного цвета с пышными узорами, которое матушка Рохез накидывает на колыбель своего ребенка, мы можем судить о новой роскоши и вкусе, которые Завоевание внесло в дом торговца, как в замок знатного человека. Взгляд на гостей и родственников семьи показывает, как новая колония служила посредником между городом и двором: молодой барон Ричер из Аквилы часто бывает здесь, охотится и охотится вместе с мальчиком, пока тот растет; архидиакон Болдуин и клерк Юстас заглядывают из Кентербери, чтобы поболтать о юном Томасе и его шансах на продвижение в курии архиепископа Теобальда; есть и родственник Гилберта, горожанин собственной марки, Осберн Гюитденье, "с большим именем и репутацией не только среди своих сограждан, но и среди придворных".¹ Без дома нормандское влияние проявляется в новой утонченности манер и воспитания; молодой горожанин вырастает достаточно свободным и любезным, но с нормандским ужасом перед грубостью в своей любезности. Лондон разделяет великий импульс, который Завоевание дало образованию; дети горожан отправляются в новый приорский монастырь Мертон; мещане стекаются на занятия с мальчиками в школы при трех главных церквях города. Главной заботой Рохеса было образование ее сына; в его случае оно было завершено в Париже, прежде чем молодой лондонец перешел к купеческому столу". (Исторические исследования, Дж. Р. Грин.)

Отпечатано в издательстве "Р. и Р. Кларк, Лимитед", Эдинбург

СПИСОК КНИГ О ЛОНДОНЕ

ИЗДАНО А. И К. БЛЭК
SOHO SQUARE
LONDON - W.

Первая часть "Magnum Opus" сэра Уолтера Безанта, "Исследование Лондона".

ЛОНДОН В ВОСЕМНАДЦАТОМ ВЕКЕ

Сэр Уолтер Безант

В одном томе, формат 4to, сукно, золоченый верх, 680 страниц. Содержит 104 иллюстрации с современных гравюр и карту.

ЦЕНА 30 с. NET

МНЕНИЯ ПРЕССЫ

"Куда ни повернись на его страницах, все равно получишь интересный взгляд, открывающий прошлое и освещающий настоящее" - The Contemporary Review.

"Красивая и очень интересная книга получилась в результате, за которую будут благодарны и любознательный читатель, и студент..... Дает восхитительное впечатление о времени."-The Spectator.

"Она прекрасно спланирована и очень умело и приятно выполнена..... Главное очарование этой работы заключается в приятности стиля, в котором она написана - легкого, ясного и индивидуального. К точности идеального историка сэр Уолтер добавил живописность популярного романиста."-The Globe.

"Книга, полная развлечений и поучений для современных лондонцев" -The Daily Mail.

"Хвалить эту книгу было бы излишне. Сэр Уолтер идеально подходил для той задачи, которую он перед собой поставил. Он был антикваром, но не дриадой; у него было топографическое чутье, но он избавил нас от измерений; он был приятно рассудителен; если он морализировал, то никогда не был нудным; у него был взгляд романиста на романтическое; прежде всего, он любил и почитал Лондон. Хотя он был лондонцем по происхождению, он относился к столице с более чем сыновней почтительностью. Безант - это Стоу девятнадцатого века и нечто большее..... Этот замечательный том.... Это памятник верному и тщательному исследованию" - "Дейли Телеграф".

"Будет иметь огромное значение для каждого студента, изучающего жизнь и историю Лондона."-The Standard.

"Этот красивый и действительно ценный том" - The Guardian.

"В качестве общего обзора восемнадцатого века эта работа не имеет конкурентов" -Glasgow Herald.

"Это действительно живая и увлекательная книга" - The Yorkshire Post.

"Это удивительно полная история..... Вероятно, это будет самая яркая и авторитетная книга о периоде, который, в силу своих злодеяний, не может не привлекать внимание

исследователей обычаев и нравов, а также изучающих национальное развитие." - The Liverpool Post.

"Читатель поймет, что эта работа имеет огромное значение. Прекрасно написанная, великолепно оформленная и иллюстрированная, она сама по себе является памятником неуклонному труду и преданности сэра Уолтера Безанта, одного из лучших и самых приятных влияний, которые испытывает на себе последнее время. Эпитафия, воздающая почести сэру Кристоферу Рену, могла бы быть начертана, с другой стороны, на титульном листе книги "Лондон в восемнадцатом веке", ибо если нам нужен памятник сэру Уолтеру Безанту, нам достаточно заглянуть внутрь." - The Church Times.

"В целом эта посмертная работа историка Лондона - одна из самых увлекательных книг, которые он когда-либо писал" -The Municipal Journal.

"Книга захватывает, а ее манера восхитительна" - The Times.

"Работа, представляющая большую ценность и интерес; ...глубоко интересная." - The Westminster Gazette.

"Фактами и цифрами, подобными этим, эта ценная книга будет полна до краев, и, следовательно, она рассчитана на то, чтобы заинтересовать всех типов читателей, от студента до дилетанта, от романтика в поисках материи до самого прожорливого изучающего "сиськи-письки" - The Athenæum.

"Стимулирующая, назидательная, интересная, ужасающая, по очереди, книга не имеет ни одного скучного момента..... Поскольку она является лучшей, она, несомненно, окажется самой ценной и популярной из современных книг о Лондоне."-Notes and Queries.

"Работа обильно иллюстрирована репродукциями старых гравюр и в целом представляет собой восхитительный и увлекательный путеводитель по метрополии в богатый событиями период ее истории."-Pall Mall Gazette.

"О настоящем роскошном томе формата кварто можно сказать, что он представляет собой справедливое "Исследование", которое задумывал сэр Уолтер Безант и которое он называл своим magnum opus. Это достойный литературный памятник его глубокому знанию и любви к Лондону" - The Academy.

"Интересная и ценная книга Безанта" - "Манчестер Гардиан".

"Это, несомненно, восхитительная книга, в которой можно потерять себя, и таким образом проложить себе путь назад в более простую и, возможно, в конце концов, более веселую Англию" - The Bookman.

"Книга, которую нужно ценить и изучать..... Работа в целом является выдающимся достижением и станет классическим авторитетом по Лондону восемнадцатого века."-The Speaker.

"Огромная масса материала, которую я собрал, откроет людям глаза на необычайную грубость и жестокость того времени" - Уолтер Безант.

Вторая часть "Magnum Opus" сэра Уолтера Безанта.

ЛОНДОН ВО ВРЕМЕНА СТЮАРТОВ

Сэр Уолтер Безант

В одном томе, формат 4to, сукно, золоченый верх, 410 страниц. Содержит 115 иллюстраций, в основном с современных гравюр, и репродукцию карты Лондона Огилби и Моргана 1677 года.

ЦЕНА 30 с. НЕТ

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ

История

Яков I. - Сэр Уолтер Рэли - Преследование католиков - Новая река - Книга спорта - Колония Виргиния - Карл I.-Вспышка чумы - Принудительный заем - Покушение на Бекингема - Возмущение в городе - Непродолжительный парламент - Нападение на испанского посла - Смерть Страффорда - Гражданская война - Обученные банды - Казнь короля - Содружество - Пятая монархия - Смерть Кромвеля - Реставрация - Казнь цареубийц - Акт единообразия - Карл закрывает казначейство - Ссоры между городом и общинами - Суд над Карлом II. Джеймс II - Приговор Титуса Оутса - Восстание Монмута - Епископы, отправленные в Тауэр - Высадка Вильгельма Оранского - Захват Джеффриса - Вильгельм III - День лорд-мэра - Королева Анна - Дело Сачеверелла.

Религия, правительство и торговля

Пуританский характер - Лаудианские гонения - Отмена Книги общей молитвы - Фанатизм - Захарий Крофтон - Джеймс Нейлор - Конвенты становятся церквями - Суеверия - Уильям Лилли - Службы в честь судорожного кольца и королевского зла - Святилище - Социальные различия в городе - Кримпинг - Сольпетра - Прентис - Торговля - Молочные черви - Импорт - Банк Англии - Королевская и Новая биржи - Монеты - Городские компании в долгах - Ирландские владения.

Великая чума и пожар

Прежние записи о чуме - опустошение города - дома вредителей - счет Пеписа - счет Дефо - правила борьбы с чумой. Симптомы чумы - Странные нострумы - Шармы - Вид города перед пожаром - Начало пожара - Уничтожение имущества - Сумма ущерба - Что оставил пожар - Происхождение пожара - Люди разбили лагерь на Мурфилдс - Планы по Восстановление - Другой заговор с целью сжечь город - Современные свидетельства - Рассказ Эвелина - Рассказ Пеписа - Лондон восстановлен - Карта Огилби - Пригороды и город - Переполох в имуществе после пожара - Река - Антисанитарное состояние города - Магазины впервые застеклены.

Нравы и обычаи

Стоимость жизни - Аренда - Мебель - Пиво и другие напитки - Отсутствие вилок в употреблении - Стоимость еды - Популярность таверны - Первое употребление чая - Достоинства кофе - Кофейни - Шоколад. Табак стал всеобщим - Мода пуританства - Одежда галантов и придворных - Парики - Карманные зеркала - Патчи и пудра - Поцелуи так же распространены, как и рукопожатия - Слуги - Городские торговцы - Обычаи на свадьбах - Похоронные церемонии - Никаких гробов для бедняков - Места отдыха - Гайд-парк и парк Св. James's Park-Spring Gardens-Leper Hospital at St. James's-James I. Зверинец - Новые весенние сады в Воксхолле - Привлечение продавщиц - Театры - Первое появление женщин на сцене -

Кокпит - Нелл Гвинн - Время представлений - Разновидности пьес - Ношение масок - Грубость - Музыка очень популярна - Изобразительное искусство - Коллекция Арунделиана - Работы Рафаэлла - Спорт и развлечения - Пуританское подавление воскресных игр - Приманивание медведей и другие жестокие игры. приманка и другие жестокие виды спорта - ярмарки - атлетические виды спорта - охота - избрание короля Якова I. для погони - боулинг - аллеи - фехтование - мохоки - борьба - ярмарка Св. Варфоломеевская ярмарка - Кареты - Толлинги для ремонта дорог - Наказания и преступления - Суровость наказаний - Клеймение, пилюли, Прокаливание языка раскаленным железом - дело Александра Лейтона - ложный брак графа Оксфордского - месть лорда Санкхара - заключенные за долги - уловки - "Храбрый перевертыш" - ростовщики - общественная мораль и прокламация лорд-мэра - общие замечания - нехватка общественных трактиров - джентльмены несли большие веера - странные процессии - Роговая ярмарка.

Приложения

Суд Карла II - Список изгнанного лондонского духовенства - Список богаделен, основанных в XVII веке - Состав лордов и общин - Новые здания Лондона - Правила расширения улиц - Сады.

НЕКОТОРЫЕ МНЕНИЯ ПРЕССЫ

"Самая читаемая и интересная..... Это шахта, в которой студент, изучающий как топографию, так и нравы и обычаи, может копать и копать снова с уверенностью найти что-то новое и интересное."-The Times.

"Ни один любитель Лондона не может не быть благодарен покойному сэру Уолтеру за его многочисленные тщательно изученные картины его старинной жизни, картины, часто причудливые и забавные, и всегда несущие на себе отпечаток серьезного и тщательного исследования..... Широкий читатель найдет в этом томе целый мир интересных предложений."-The Daily Chronicle.

"Нам снова напоминают об огромном долге, которым Лондон обязан покойному сэру Уолтеру Безанту, появлением этой роскошно напечатанной и прекрасно иллюстрированной книги, второго тома его великого "Обзора Лондона" - несомненно, его *magnum opus*, на котором его слава будет главным образом покоиться..... Книга, которая должна быть в библиотеке каждого, кто проявляет разумный интерес к истории и развитию Лондона" -The Daily Telegraph.

"Перо готового писателя здесь беглое; картина не нуждается в полноте. Записи города и королевства были перерыты в поисках фактов и документов, и они собраны здесь с непревзойденным мастерством. Рассматривая политическую историю Лондона от Якова I до королевы Анны, сэр Уолтер Безант проявляет себя как беспристрастный и беспристрастный историк, и только в этом отношении работа заслуживает нашего восхищения и похвалы. Но в книгу также включено самое яркое изложение истории Великой чумы и Великого пожара, которое когда-либо было помещено под обложку одной книги" - The Pall Mall Gazette.

"В книге нет ни одной скучной страницы, а тот факт, что изложение носит несколько дискурсивный характер, делает ее еще более восхитительной. Мы не можем дать представления о его разнообразии и очаровании, но каждый, кто хочет узнать Лондон двести пятьдесят лет назад, откроет этот том и почувствует, что он вернулся в тот мир великих событий и снова переживет гражданские разногласия, чуму и пожары, странные суеверия" - The London Quarterly Review.

"Ничего подобного ранее не предпринималось" - Уолтер Безант.

Третья часть "Magnum Opus" сэра Уолтера Безанта.

ЛОНДОН ВО ВРЕМЕНА ТЮДОРОВ

Сэр Уолтер Безант

В одном томе, формат 4to, сукно, золоченый верх, 440 страниц. Содержит 146 иллюстраций, в основном с современных гравюр, и репродукцию карты Лондона Агаса 1560 года.

ЦЕНА 30 с. NET

СОДЕРЖАНИЕ

- ТЮДОРОВСКИЕ ГОСУДАРИ
- ГЛАВА.
- 1. Генрих VII.
- 2. Генрих VIII.
- 3. Эдуард VI.
- 4. Мария.
- 5. Елизавета.
- 6. Королева в великолепии.
- РЕЛИГИЯ
- 1. Раскол и мученики.
- 2. Прогресс Реформации.
- 3. Суеверие.
- ЕЛИЗАВЕТИНСКИЙ ЛОНДОН
- 1. Со Стоу.
- 2. Современные свидетельства.
- 3. Горожане.
- ПРАВИТЕЛЬСТВО И ТОРГОВЛЯ ГОРОДА.
- 1. Мэр.
- 2. Торговля.
- 3. Литература и искусство.
- 4. Гог и Магог.
- СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ.
- 1. Нравы и обычаи.
- 2. Еда и напитки.
- 3. Одежда - свадьбы.
- 4. Солдаты.
- 5. Прентис.
- 6. Лондонские трактиры.
- 7. Театры и спорт.
- 8. Бедняки.

- 9. Преступление и наказание.

МНЕНИЯ ПРЕССЫ

"В целом книга, несомненно, является не только памятником любви сэра Уолтера Безанта к Лондону и преданности тому, что он считал великой задачей своей жизни, но и почти непревзойденным популярным изложением английской жизни и нравов в метрополии в эпоху Тюдоров" - "Геральд Глазго".

"Яркая и увлекательная картина лондонской жизни в XVI веке - картина романиста, полная жизни и движения, но с точными деталями антикварного трактата" - The Contemporary Review.

"Книги о Лондоне мы приветствуем все и каждую, поскольку ни одна из них не может быть настолько плоха, чтобы из ее прочтения нельзя было извлечь ничего полезного; что касается этого исключительно талантливого достижения, то мы считаем, что, хотя его высокая цель должна служить стимулом для дальнейших усилий, пройдет еще много времени, прежде чем литература о древнем Лондоне обогатится более увлекательной работой по самоанализу." - The Times.

"Здесь нет места, чтобы проанализировать эту прекрасную книгу в достаточной степени, и искушение расширить ее растет по мере прочтения ее увлекательных страниц..... Как для студента, так и для тех нерадивых читателей, которых редкое очарование Лондона привлекает к чтению ее страниц, эта книга будет иметь ценность и очарование, не превзойденные ни одним из ее предшественников." - Pall Mall Gazette.

"Мы не знаем ни одной книги, которая могла бы заинтересовать любителей нашего великого города в большей степени, чем этот посмертный вклад талантливого писателя в то, что он сам так любил - историю Лондона" - Daily Chronicle.

"Этот великолепно оформленный том с богатым количеством иллюстраций из работ современных художников, а также писателей соответствует своей важной теме и, вместе с томами-компаньонами, образует монументальную работу, которая, несомненно, войдет в далекое будущее." - Aberdeen Free Press.

"Я гуляю по Лондону последние тридцать лет и каждый день нахожу в нем что-то новое" - Уолтер Безант.

Четвертая часть "Magnum Opus" сэра Уолтера Безанта.

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ЛОНДОН

Том I. Исторический и социальный - Том II. Ecclesiastical
Сэр Уолтер Безант

В двух томах, формат 4to, сукно, позолоченный верх. С богатыми иллюстрациями.

Каждая 30s. NET

СОДЕРЖАНИЕ

VOL. I.

ЧАСТЬ I.- СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОСУДАРИ.

1. Генрих II. 2. Ричард I. 3. Иоанн. 4. Генрих III. 5. Эдуард I. 6. Эдуард II. 7. Эдуард III. 8. Ричард II. 9. Генрих IV. 10. Генрих V. 11. Генрих VI. 12. Эдуард IV. 13. Ричард III.

ЧАСТЬ II. СОЦИАЛЬНАЯ И ОБЩАЯ.

1. Общий взгляд. 2. Порт и торговля Лондона. 3. Торговля и дворянство. 4. Улицы. 5. Здания. 6. Мебель. 7. Богатство и состояние дворян и горожан. 8. Манеры и обычаи. 9. Питание. 10. Спорт и отдых. 11. Литература и наука в Лондоне - § I. Библиотеки Лондона; § II. Лондон и литература; § III. Врач. 12. Пожар, чума и голод. 13. Преступление и наказание. 14. Христианские имена и фамилии.

VOL. II.

ЧАСТЬ I. - ПРАВИТЕЛЬСТВО ЛОНДОНА.

1. Записи. 2. Хартия Генриха Второго. 3. Коммуна. 4. Палаты. 5. Фракции города. 6. Век неопределенных шагов. 7. После Коммуны. 8. Городские компании.

ЧАСТЬ II. ЦЕРКОВНЫЙ ЛОНДОН.

1. Религиозная жизнь. 2. Церковная мебель. 3. Календарь года. 4. Отшельники и анкориты. 5. Паломничество. 6. Испытание. 7. Убежище. 8. Чудеса и мистерии. 9. Суеверия и т.д. 10. Порядок погребения.

ЧАСТЬ III.- РЕЛИГИОЗНЫЕ ДОМА.

1. Общие сведения. 2. Сент-Мартинс-ле-Гранд. 3. Приорат Святой Троицы, или Приорат Крайст-Черч. 4. Дом Хартии. 5. Элсинг Спитал. 6. Святой Варфоломей. 7. Святой Фома Аконский. 8. Святой Антоний. 9. Приорат святого Иоанна Иерусалимского. 10. Клеркенвельский женский монастырь. 11. Святой Иоанн Креститель, или Холиуэльский женский монастырь. 12. Аббатство Бермондси. 13. Святая Мария Овери. 14. Госпиталь Святого Томаса. 15. Сент-Джайлз-ин-те-Филдс. 16. Церковь Святой Елены. 17. Святая Мария Шпиталь. 18. Святая Мария Вифлеемская. 19. Кляры. 20. Святая Катерина у башни. 21. Костыльные монахи. 22. Остинские монахи. 23. Серые монахи. 24. Доминиканцы. 25. Уайтфрайерс. 26. Святая Мария Грейс. 27. Малые фонды. 28. Братства. 29. Больницы.

МНЕНИЯ ПРЕССЫ

"Как и ее предшественницы, эта работа написана в популярном и эрудированном стиле, включает в себя исторический очерк каждого царствования и дополнительные главы о коммерческих и социальных условиях того периода. Ни одна книга не может лучше, чем эта, занять почетное место на семейной книжной полке."-Globe.

"Каждый вышедший том не только ярче раскрывает масштабы затеи, но и мастерство и знания, историческое воображение и живописную чувствительность писателя. Два тома были разумно посвящены средневековому Лондону. В первом из них перед нами предстали исторические и социальные аспекты столицы, причем сделано это с тем очарованием, которое присуще живой картине; второй том, который сейчас публикуется, также отмечен движением и колоритом, и на его страницах описана церковная жизнь общества и великие религиозные дома, которые процветали задолго до того, как кому-либо пришло в голову такое движение, как Реформация."-Standard.

"Это, несомненно, одна из самых ценных книг, которые были опубликованы в этом году. Каждый коллекционер "Лондона", который может себе это позволить, конечно, купит ее; но

она заслуживает гораздо более широкого круга читателей, и можно надеяться, что она будет быстро включена в списки всех публичных библиотек страны." - The Record.

"Это богатство для студента, радость для антиквара и калейдоскопическая картина времен, полных подвижных и меняющихся событий, которые сделали историю Лондона, более чем в любой другой период, историей нации, которая находилась в процессе становления" - Pall Mall Gazette.

"Написана в очаровательном и увлекательном стиле, которым автор владел в совершенстве. Это рудник любопытной и интересной информации для студента-историка. Она является образцом четкого изложения и представляет собой живую и трогательную картину давно минувших дней." - Aberdeen Free Press.

"Для широкого читателя эта работа, благодаря своей живости и разнообразию, сделает то, что Чосер и Лэнгленд сделали для серьезного студента, изучающего Средние века" - Tribune.

"Эта работа очаровывает меня больше, чем все, что я когда-либо делал" - Уолтер Безант.

Фрагменты из "Magnum Opus" сэра Уолтера Безанта.

ОЧАРОВАНИЕ ЛОНДОНА

Под редакцией сэра Уолтера Безанта

In Fcap. 8vo, каждый том содержит карту района.

ТКАНЬ 1/6 НЕТТО, КОЖА 2/НЕТТО КАЖДАЯ.

ПРИМЕЧАНИЕ:

Обзор Лондона, летопись величайшего из городов - именно над этой работой работал сэр Уолтер Безант, когда умер. Сам он сказал о ней: "Эта работа очаровывает меня больше, чем все, что я когда-либо делал. Ничего подобного раньше не предпринималось".

Два тома этой большой работы должны были быть посвящены обходу Лондона улица за улицей, и уже сделано достаточно, чтобы опубликовать ее в первоначально задуманной форме; но тем временем предлагается выбрать несколько наиболее интересных районов и опубликовать их в виде серии брошюр, интересных как местному жителю, так и изучающему Лондон, поскольку именно в этих уличных ассоциациях кроется главное очарование Лондона. Трудность поиска общего названия для серии была очень велика, но решение было найдено в словах человека, который любил Лондон и сделал себя его летописцем. Работа "очаровала" его, и именно благодаря историческим ассоциациям; эти связи между прошлым и настоящим сами по себе в значительной степени составляют "Очарование Лондона".

МНЕНИЯ ПРЕССЫ

ОБРАЗЕЦ ФРОНТИСПИСА

ТОМА

ЧЕЛСИ

КЛЕРКЕНВЕЛЛ
И СВ. ЛУКА

ХАКНИ
И СТОУК
НЬЮИНГТОН
[в прессе.]

ХАММЕРСМИТ

ХЭМПСТИД
И МЭРИЛЕБОН

ХОЛБОРН
И БЛУМСБЕРИ

КЕНСИНГТОН

МЭЙФЕЙР
БЕЛГРАВИЯ И
БЕЙСВАТЕР

ШОРЕДИТЧ
И ИСТ-ЭНД
[В прессе.]

СТРАНД

ТЕАМЫ

ВЕСТМИНСТЕР

"Мы имеем здесь, по сути, то, что даст людям, которые не знают своего Лондона, новый интерес к каждой прогулке, которую они совершают, и укажет тем, кто хочет большего, направления, по которым можно вести свои исследования."-Times.

"Вряд ли стоит писать какие-либо слова похвалы, если принять во внимание огромные знания редактора и литературное очарование, с которым он всегда пишет о Лондоне" - Pall Mall Gazette.

"Книга и серия, частью которой она является, будут с удовольствием прочитаны теми, кто уже обладает подробными знаниями о Лондоне и его ассоциациях, которыми восхищался сэр Уолтер Безант, а прочтение ее страниц теми, кому повезло меньше, пополнит число его учеников" -County Council Times.

"Это очень приятная маленькая книга, работа компетентного наблюдателя, который знает, что искать и как поступать с тем, что он находит" -The Spectator.

"Восхитительные путеводители. Это как раз те пособия, которые сделают прогулки по Лондону интересными, ведь они заново описывают каждую улицу с фигурами, которые жили на ней в прошлом."-The Pilot.

"Мы полагаем, что даже самый наблюдательный и внимательный любитель мегаполиса найдет в этих изящных томиках много интересного и удивительного. Очарование ушедших лет и дух сегодняшнего дня сталкиваются на каждой странице."-Christian World.

"Хорошо написано и ценно с исторической точки зрения" - "Сент-Джеймский вестник".

"Эти маленькие томики представляют собой большую ценность для сохранения фактов и традиций в приятном живом виде" - The Academy.

"Те, кто любит свой Лондон и интересуется его местной историей, не должны не приобрести этот интересный маленький томик" - The Tribune.

"Удобная и информативная топографическая серия, выпущенная господами Блэками под счастливым названием "Очарование Лондона"" - The Antiquary.

ПРЕКРАСНЫЕ КНИГИ О ЛОНДОН С ЦВЕТНЫМИ ПОЛНОСТРАНИЧНЫМИ ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ

(Почта бесплатно 20/6) КАЖДЫЙ 20s. NET (Post Free 20/6)

Квадратный деми 8vo, сукно, золоченый верх.

ЛОНДОН ИСЧЕЗНУВШИЙ И ИСЧЕЗАЮЩИЙ НАРИСОВАННЫЙ И ОПИСАННЫЙ ФИЛИППОМ НОРМАННОМ, Ф.С.А. СОДЕРЖИТ 75 ЦВЕТНЫХ ПОЛНОСТРАНИЧНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

"Красивейшая и интереснейшая книга..... Она должна научить жителей этой великой столицы любить и уважать свой город, как за его красоту, так и за историю и традиции, которые являются их наследием и о которых до сих пор сохранились некоторые памятники" - Daily News.

"Мистер Норман умеет говорить о старом Лондоне так же хорошо, как и рисовать его, а его главы полны примечательных исторических, археологических и литературных сведений" - Literary World.

ПЕЙЗАЖИ ЛОНДОНА

НАРИСОВАННЫЕ ГЕРБЕРТОМ М. МАРШАЛЛОМ, Р.В.С.

ОПИСАННЫЕ Г. Э. МИТТОНОМ

СОДЕРЖИТ 75 ЦВЕТНЫХ ПОЛНОСТРАНИЧНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

"Никто, кроме высокоодаренного художника, который к тому же глубоко изучил факторы, способствующие удивительной притягательности Лондона для глаза и воображения, не смог бы уловить так много его мощного и бесконечно разнообразного очарования или передать его цвет и атмосферу, а также многочисленные и разнообразные условия с такой почти неизменной верностью, как это сделал г-н Маршалл. Маршалл в этих тонких и восхитительных зарисовках; а мисс Миттон дала здесь свежее и наиболее приемлемое доказательство того "обширного и своеобразного" знания Лондона, которое сделало ее столь ценным соратником покойного сэра Уолтера Безанта" - The World.

ЗНАКОМЫЙ ЛОНДОН

НАРИСОВАННЫЙ И ОПИСАННЫЙ РОУЗ БАРТОН

СОДЕРЖИТ 60 ЦВЕТНЫХ ПОЛНОСТРАНИЧНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

"Мисс Бартон не уступает ни одному художнику в качестве живописного летописца Лондона. Она дает нам тот Лондон, который мы знаем и любим, тот Лондон, который является частью трудовых будней, которые мы проводим на рынке Вселенной", - Дуглас Слейден в журнале The Queen.

"Мы не можем припомнить коллекцию лондонских картин, которая бы лучше уловила и передала дух, гений и очарование современного Лондона с большей тонкостью и более прекрасным исполнением" - "Литературный мир".

ЛОНДОН ДО НОРЫ

НАРИСОВАНО У. Л. УИЛЛИ, Р. А.

ОПИСАНО МИССИС. WYLLIE

СОДЕРЖИТ 60 ЦВЕТНЫХ ПОЛНОСТРАНИЧНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

"Наконец-то вышел том, в котором мы видим всю душу и фигуру, так сказать, великого флотоводческого, торгового и военного потока, составляющего величайший порт мира - порт Лондона" - Daily Graphic.

"Это импрессионистский взгляд в прозе на то, что представляет собой будничная река. Книга великолепно иллюстрирована цветными страницами с бесконечными сценами и картинами людей и вещей, которые отец Темзы открывает всем, кто осмеливается войти в его широкие воды." - Джон Бернс, М.П., в Daily News.

"Эта очаровательная работа во всех отношениях желанна, и каждый лондонец, прочитавший ее, оценит ее по достоинству. Репродукции выполнены с большим вкусом" - "Пэлл-Мэлл Газетт".

ТЕАМЫ

НАРИСОВАННЫЕ МОРТИМЕРОМ МЕМПСОМ, Р.И.

ОПИСАНИЕ Г. Э. МИТТОНА

СОДЕРЖИТ 75 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

"В ней есть только необходимый оттенок исторической реминисценции, при этом нет ни строчки педантизма, ни фразы с сомнительным вкусом..... Сами иллюстрации характерны для самой счастливой манеры их автора, а это еще один способ сказать, что они уверены в своей популярности."-The Standard.

"Редко в длинной серии цветных книг автор и художник так гармонично сочетаются. Мисс Миттон пишет как человек, который упивается очарованием Верхней Темзы, а мистер Мемпес добавляет цвет к картине красоты. Вместе они создали совершенно восхитительный том" - "Рецензия на рецензии".

КРАСИВЫЕ КНИГИ О

Square Demy 8vo. LONDON Cloth, Gilt Top.

ВСЕ С ЦВЕТНЫМИ ПОЛНОСТРАНИЧНЫМИ ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ

(Почта бесплатно 7/11) КАЖДЫЙ 7/6 NET (Почта бесплатно 7/11)

ВЕСТМИНСТЕРСКОЕ АББАТСТВО

Нарисовано Джоном Фуллейловом, Р.И.

Текст миссис А. Мюррей Смит

Содержит 21 цветную полностраничную иллюстрацию.

"Как путеводитель для тех, кто собирается посетить аббатство, а также как очень привлекательное воспоминание об уже состоявшихся визитах, этот том дает то, что очень многие люди с удовольствием увидят и будут высоко ценить."-Literary World.

"Мистер Фуллейлов выполнил трудную задачу с отличием и восхитительным чувством поэзии в архитектуре" -T. P.'s Weekly.

ЛОНДОНСКАЯ БАШНЯ

Рисунок ДЖОНА ФУЛЛИЛОВА, Р.И.

Текст АРТУРА ПОЙЗЕРА

Содержит 20 цветных полностраничных иллюстраций и план.

Лондонский Тауэр - это воплощение английской истории в камне и извести. Он, как и положено, представляет собой неизменный объект интереса для всех нас, начиная с тех дней, когда мы ходили смотреть на него в детстве, и заканчивая теми, когда мы водим туда своих внуков. Но торопливое посещение старых зданий никогда не сможет удовлетворить наше желание узнать больше об истории и романтике, а также о мрачных событиях, связанных с Тауэром и его окрестностями. Существующие книги на эту тему - это либо небольшие путеводители в бумажных обложках, либо более дорогие описания в двух и четырех томах, которые не могут понравиться каждому из-за своей громоздкости и высокой цены. Эта новая книга о Тауэре призвана заполнить среднее место. Ее можно использовать в качестве путеводителя, а затем, поставив на книжную полку, с помощью восхитительных

акварелей мистера Фуллейлова и авторских зарисовок драматизма и романтики истории Тауэра, можно будет как описательную, так и живописную летопись одного из самых интересных зданий в мире.

ИННЫ СУДА

Рисунок Гордона Хоума.

Текст Сесиля Хедлама

Содержит 20 цветных полностраничных иллюстраций.

ВИНДЗОР

Нарисовано Джорджем М. Хентоном

Описано

Сэр РИЧАРД РИВИНГТОН ХОЛМС, К.К.В.О.

Содержит 20 цветных полностраничных иллюстраций.

Demy Quarto, Cloth. КАРТЫ СТАРОГО ЛОНДОНА ЦЕНА 5s.

Под редакцией Г. Э. МИТТОНА

Впервые в продаже появился атлас, содержащий серию карт и планов, показывающих рост Лондона со времен средневековья, по цене, которая делает его доступным для всех. До сих пор эти карты можно было приобрести только по отдельности, по высокой цене и в большом количестве листов; они были уменьшены для целей "Обзора Лондона", монументального труда сэра Уолтера Безанта, и в ответ на предложение издателя теперь выпускают их в компактной и удобной форме. Проследить распространение города от правления Елизаветы, к которому относится первая карта, до последующих столетий - работа, вызывающая огромный интерес, и студент, изучающий старый Лондон, узнает из нее больше, чем прочитав множество печатных фолиантов. Каждый лондонец должен обладать этим атласом и найти в нем информацию о росте и изменениях, произошедших в его собственной местности.

САДЫ КЬЮ

Нарисовано Т. Моуэром МАТИНОМ, R.C.A.

Описано А. Р. Хоупом МОНКРИФФОМ.

Содержит 24 цветные полностраничные иллюстрации.

Большой коронный переплет 8vo, сукно, позолоченный верх.

(Почта бесплатно 6/4) ЦЕНА 6s. NET (Почта бесплатно 6/4)

Сегодня Кью-Гарденс содержит, кажется, самую полную ботаническую коллекцию в мире, но до того, как его отдали на потеху публике, это поместье было королевской резиденцией, которую особенно любил Георг III. Этот домовитый король имел здесь два дома и начал строительство более претенциозного дворца, которое было прервано его немощью, но благодаря которому Кью мог бы узурпировать место Виндзора. На протяжении почти целого века он был тесно связан с королевской семьей.

ДЕТСКАЯ КНИГА О ЛОНДОНЕ

Автор Г. Э. МИТТОН

Содержит 12 цветных полностраничных иллюстраций

ДЖОНА УИЛЬЯМСОНА.

Квадратный переплет 8vo, сукно, позолоченный верх.

ЦЕНА 6 с.

"Дети, которые никогда не видели Лондона, будут читать эту книгу с радостным предвкушением ожидающих их удовольствий, а те, кто провел свою юную жизнь в его пределах, узнают знакомые сцены и достопримечательности с неизменным восторгом" - "Правда".

ИЗДАНО АДАМОМ И ЧАРЛЬЗОМ БЛЭКОМ - СОХО СКВЕР - ЛОНДОН - В.

ССЫЛКИ:

- 1 Действительно, возле "Испанцев" в Хэмпстеде есть небольшой участок гравия, который находится на высоте более 400 футов над уровнем моря, но это не может быть связано со скульптурой долины Темзы.
- 2 Профессор Дж. Прествич, *Geol. Mag.* 1864, p. 245.
- 3 Sir J. Evans, *Ancient Stone Implements*, ch. xxiii.
- 4 Уортингтон Смит, цитируется В. Уитакером, *Геология Лондона*, i. p. 345.
- 5 *Quart. Jour. Geol. Soc.* xxxvi. p. 544.
- 6 Whitaker, *Geology of London*, vol. i. p. 471.
- 7 Также происходит, по мнению некоторых авторитетов, от "bourne" - граница.
- 8 Stanley, *Memorials of Westminster Abbey*, ch. i.
- 9 Prof. Prestwich, *Quart. Jour. Geol. Soc.* xxviii. (1872), *Proc.* liii.
- 10 Об истории водоснабжения Лондона, потребностях метрополии и перспективах на будущее см. отчет Королевской комиссии по расследованию, представленный в 1873 году.
- 11 В июне 1904 года дела этих семи компаний перешли к Метрополитенскому водному совету (созданному в 1902 году), который взял на себя их долги, обязательства и т.д., а месяцем позже дела Нью-Риверской компании перешли к тому же органу, который теперь контролирует все водоснабжение Лондона.
- 12 *The Water-bearing Strata of London*, p. 60.
- 13 См. подробнее: У. Уитакер, *Геология Лондона*, т. ii. Приложение i.; или Н. В. Woodward, *Geology of England and Wales*, Appendix i.
- 14 Tite, *Antiquities of the Royal Exchange*, p. xxvii.
- 15 "Кельт, римлянин и сакс", Томас Райт, F.S.A., 1852 г., изд. с. 112.
- 16 Thomas Wright, *The Celt, the Roman, and the Saxon*, p. 425 et seq.
- 17 В IV веке британские полки были в Галлии, Испании, Иллирии, Египте и Армении.
- [18]], несомненно, предназначено для греческого *eta* и означает здесь E, так что восстановленная часть представляет собой только BENEC.
- 19 В *Archæologia*, vol. xl., г-н У. Х. Блэк утверждает, что не восточная, а западная сторона Вальбрука была местом первого римского поселения. Его аргументы основаны главным

образом на том, что западная сторона была более безопасной, поскольку три ее стороны были защищены водой, а четвертая - болотом. Однако восточная сторона была защищена Уолбруком и Темзой на западе и юге, болотом на севере и широким потоком Лии, протекающим через обширное болото на востоке.

20 См. London and Middlesex Archæological Society, vol. v. p. 295.

21 Сравните, например, город Иерусалим, в котором, несмотря на многочисленные осады и завоевания, до сих пор сохранилось русло старых улиц.

22 В книге "Управление Лондоном" (1907) г-н Гомме отказывается от некоторых доказательств, которые, по его мнению, ранее свидетельствовали в пользу тевтонского влияния в Лондоне, например, в пунктах 9 и 11; но, с другой стороны, он укрепляет свои аргументы в пользу римского происхождения в других направлениях - прим. ред.

23 История англосаксов.

24 "Олдред, архиепископ Йоркский; Вульфстан, епископ Вустерский; Уолтер, епископ Херефордский; Эдгар Ателинг; графы Эдвин и Моркар, а также другие лондонцы лучшего сорта". (Флоренция Вустерская.)

25 Комментарии к истории, конституции и уставным грамотам Лондонского Сити, Джордж Нортон.

26 Gesta Stephani.

27 В оригинале слово charter - *лус*, не переведено.

Генеалогическое древо

1 Алгар, священник Святого Михаила Чепе.

11 Николай, священник Святого Михаила.

12 Дочь, м. Болдуин де Аррас.

2 Герлвин.

21 Ральф Фицгерлвин (шериф 1130 г.).

211 Роберт ФицРальф, священник св. Михаила Чепе, м. Мария.

22 Уильям. Житие 1130 г.

23 Херлвин. "

24 Ингенольда, м. Роджер (шериф, 1125)

241 Алан

2411 Роджер ФицАлан.

242 Герваз, м. Агнес де Корнхилл (311)

3 Эдуард Саутварк.

31 Годелев, м. Эдуард Корнхилл.

311 Агнес де Корнхилл, м. Джерваз (242)

3111 Генри де Корнхилл, м. Алиса де Курси, наследница английских де Курси.

31111 Джоан де Корнхилл, м. Хью де Невилл, лесничий Англии.

312 Реджинальд де Корнхилл.

3121 Реджинальд де Корнхилл.

313 Ральф де Корнхилл.

Примечание переводчика: Хотя в оригинале нет явной связи между древом Алгар и остальными, расположение и текст позволяют предположить, что Мария - дочь Болдуина де Арраса и его безымянной жены.

Примечания транскриптора

Очевидные опечатки исправлены. Колебания в дефисе были стандартизированы, но все остальные орфографические и пунктуационные особенности остались без изменений.